

Серия "Наше наследие"

А. М. ПОЗДНЕЕВ

**ОЧЕРКИ БЫТА
БУДДИЙСКИХ МОНАСТЫРЕЙ
И БУДДИЙСКОГО ДУХОВЕНСТВА
В МОНГОЛИИ
В СВЯЗИ С ОТНОШЕНИЯМИ
СЕГО ПОСЛЕДНЕГО К НАРОДУ**

ЭЛИСТА
КАЛМЫЦКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1993

Научное издание

Позднеев Алексей Матвеевич

**ОЧЕРКИ БЫТА БУДДИЙСКИХ МОНАСТЫРЕЙ
И БУДДИЙСКОГО ДУХОВЕНСТВА В МОНГОЛИИ
В СВЯЗИ С ОТНОШЕНИЯМИ СЕГО ПОСЛЕДНЕГО К НАРОДУ**

Отв. за выпуск *Д. Б. Дорджиева, А. В. Задорожная*

Технический редактор *К. П. Белова*

Художественный редактор *С. А. Бадендаев*

ИБ № 1498

ЛР № 010037

Сдано в производство 23. 02. 93. Подписано в печать 04. 06. 93.

Формат 60х90/16. Бумага книжно-журнальная офсетная.

Усл. печ. л. 32,0. Усл. кр. отт. 32,0. Уч.-изд. л. 26,4.

Тираж 10000. Заказ 305 "С" 001.

Калмыцкое книжное издательство,
Республика Калмыкия — Халхмг Тангч,
359000, г. Элиста, ул. Ленина, 243
355000, г. Ставрополь, ул. Артема, 18.
Ставропольская краевая типография

Позднеев А. М.

П 471 Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. (Серия "Наше наследие") — Изд. репринтное. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. — 512 с., илл.

ISBN 5-7539-0277-4

"Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу" А. М. Позднеева — фундаментальный труд по истории буддизма в Монголии, был издан в Санкт-Петербурге в 1887 году и в настоящее время является библиографической редкостью. Издание — один из важнейших источников для всех изучающих буддизм.

П 0403006000 — 001
М 126 (03) — 93

ISBN 5-7539-0277-4

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
ТОМЪ XVI.

ОЧЕРКИ

БЫТА

БУДДІЙСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ И БУДДІЙСКАГО ДУХОВЕНСТВА

ВЪ МОНГОЛІИ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ОТНОШЕНІЯМИ СЕГО ПОСЛѢДНЯГО КЪ НАРОДУ.

А. Позднѣва.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лнв., № 12.
1887.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго
Общества.

XVI-й томъ Записокъ Имп. Р. Г. Общества по Отдѣленію Этнографіи, изданъ
подъ редакціей чл. сотрудника А. М. Позднѣва.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга представляет собою почти дословную выписку изъ дневниковъ, которые велъ я во время своего путешествія по Монголіи въ 1876 — 1879 гг. Возвращаясь изъ этого путешествія, я думалъ было обработать и издать эти дневники непосредственно по прибытіи въ Петербургъ; но вотъ миновало уже болѣе семи лѣтъ, а между тѣмъ, если не считать изданныхъ мною «Образцовъ народной литературы монгольскихъ племенъ», то изъ всего записаннаго я успѣлъ составить лишь двѣ монографіи: «Ургинскіе хутухты» и «Города Сѣверной Монголіи»; отвлекаемый разнаго рода научными работами я лишенъ былъ возможности осуществить свое намѣреніе. Въ послѣднее время обстоятельства снова позволили мнѣ обратиться къ обработкѣ моихъ журналовъ и, конечно, недостатка въ выборѣ вопросовъ, подлежащихъ изслѣдованіямъ, не было. Какъ ни велики за послѣдніе годы результаты нашего изученія Монголіи, они все таки оставляютъ массу не рѣшеннаго и недоговореннаго даже въ томъ, что подвергалось тщательнымъ наблюденіямъ; а такіе, напр., вопросы, каковы юридическіе, еще и вовсе не обращали на себя вниманія нашихъ путешественниковъ. Я постараюсь, по возможности, скорѣе обнародовать собранныя мною свѣдѣнія и по этой части; но въ настоящемъ случаѣ мнѣ представлялось и болѣе благовременнымъ, и болѣе важнымъ сгруппировать собранныя мною

свѣдѣнія о бытѣ буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи. Обстоятельства, опредѣлившія такой выборъ, были самыя различныя; ими же въ значительной степени обуславливалась и та форма, въ которой является настоящее изданіе.

Свое изданіе очерковъ быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи я считалъ благовременнымъ особенно потому, что настоящій 1887-й годъ почитается у монголовъ годомъ трехсотъ-лѣтняго юбілея возрожденія буддизма въ Халхѣ. Извѣстно, что первый буддійскій, собственно ламайскій, монастырь, Эрдэни-цзү, былъ начатъ въ Халхѣ постройкою въ 1585 году; въ 1586 году онъ былъ оконченъ, а въ 1587-мъ изъ Тибета прибылъ въ этотъ монастырь лама Шиддигу-габжү, который совершилъ великое освященіе (йэхэ рабай) эрдэни цзү-скихъ храмовъ и учредилъ здѣсь правильное ламское общеніе. «Съ этого времени», говорятъ халхаскія лѣтописи, «вѣра будды какъ еолице просіяла въ Халхѣ; животворные лучи ея согрѣли души халхасовъ и смирили ихъ жестокіе нравы: халхасы совершенно вступили на путь десяти бѣлыхъ добродѣтелей и стали весьма прилежны къ дѣяніямъ высокородныхъ - святыхъ»¹⁾.

Такіе отзывы монгольскихъ лѣтописцевъ о халхасахъ, не смотря на свою напыщенную и высокопарную форму, повидимому, исполнены олицетворенной правды. Въ самомъ дѣлѣ, едва успѣло миновать подстоletія со времени закладки Эрдэни-цзү'скаго монастыря, и мы видимъ, что халхасы не довольствуются уже продовѣдью и руководствомъ обыкновенныхъ ламъ, — имъ потребовался высшій, необычайный первосвященникъ: и вотъ въ Халхѣ является первый хубилганъ Чжэбцзүнь-дамба - хутухты. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ сего халхасовъ имѣлъ возможность наблюдать іезуитскій миссіонеръ Жербильтъ и въ составленныхъ имъ запискахъ онъ характеризуетъ нравы халхасовъ слѣдующими словами: «Ils sont fort dévots dans leur fausse secte, et presque tous portent des chapelets au col, sur lesquels ils ré-

1) Эрдэни цзуйнъ тухэ, л. 17-й.

«citent leurs prières. S'ils avoient embrassé la vraie religion, je crois qu'ils seroient de fervens chrétiens: quoique pourtant, à dire «vrai, ils sont tellement entêtez de leurs Lamas et de leurs erreurs, «qu'il y a peu d'apparence qu'on pût les convertir à la foi, à moins «que Dieu ne fit un de ces miracles de la grâce, par lesquels sa «main toute puissante scait changer les pierres en enfans d'Abraham. Il n'y a guerres de prince Mongou qui n'ait quelque pagode «dans ses Etats, quoiqu'il n'y ait pas une seule maison»¹⁾. Въ минувшемъ столѣтїи, въ описанїяхъ Георгія, Ланга и Палиаса мы находимъ почти такіе же отзывы о монголахъ. Наконецъ съ началомъ нынѣшняго вѣка сношенїя европейцевъ съ Монголіею сдѣлались еще болѣе часты, но каждый изъ путешественниковъ, представляя намъ свои замѣтки о монголахъ, свидѣтельствовалъ передъ нами тоже самое распространенїе буддизма въ Монголіи. Читая подробнѣйшіе дневники путешествій Тимковского и Іакинфа, можно по истинѣ удивляться тому обилію ламъ, которое встрѣчали путники на проходимыхъ ими пространствахъ и той религіозной преданности, которую они изображаютъ въ монголахъ. Лазаристъ Гюкъ по этому поводу передаетъ свои наблюденїя надъ монголами еще болѣе ярко. «Монголы», говоритъ онъ, «очень набожны: будущая жизнь занимаетъ ихъ непрерывно и «земныя дѣла въ глазахъ ихъ ничтожны. Оттого живутъ они въ «этомъ мірѣ, какъ бы не принадлежа ему»²⁾. Наконецъ нашъ послѣдній путешественникъ, г. Пржевальскій, объѣхавшій теперь почти уже всѣ страны, принявшїя ученїе Цзонхавы, прямо удостоверяетъ насъ, что «ламайское ученїе пустило въ Монголіи «такіе глубокіе корни, какъ, можетъ быть, ни въ одной другой «странѣ буддайскаго міра»³⁾.

Такіе успѣхи буддизма не могутъ показаться удивительными для людей, знакомыхъ съ основными догматами этой вѣры. Цзонхавъ, реформаторъ буддизма и основатель секты такъ назы-

1) Du Halde. Description géograph. histor. chronol. polit. et physique de l'empire de la Chine T. IV, p. 46.

2) Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie par M. Huc. T. I, p. 48.

3) Пржевальскій. — Монголія и страна Тангуты, — стр. 52.

заемаго желтаго ученія, исповѣдуемаго въ настоящее время монголами, не менѣе Сакьямуни заботился о томъ, чтобы его послѣдователи презирали все земное, отказывались отъ міра, припимали обѣты и вступали въ духовное званіе. «Коренной источникъ всѣхъ добродѣтелей и достоинствъ въ человѣкѣ», говорилъ онъ, «составляютъ священныя обѣты, а потому должно прежде всего заботиться объ ихъ храненіи». (ཀུན་གྱི་བདེ་སྐྱོད་ཀྱི་རྒྱུ་ནི་སྙིང་གི་སྤོངས་པོ་ཡིན་པར་བློ་བྟན་པ་མཁས་པ་ཆེན་པོ་འཇམ་དབྱངས་ཀྱི་ཞུ་བ་ལྟར་།) ¹⁾ Принятіе духовнаго званія почиталъ онъ за основу блага религіи и говорилъ, что «если этотъ отдѣлъ ученія будетъ святъ и безупреченъ, то и религія будетъ пребывать въ чистотѣ и святости». (ཉན་པོའི་ཕྱོད་ཀྱི་སྤྱི་ཚུལ་ལ་འཇམ་དབྱངས་ཀྱི་ཞུ་བ་ལྟར་། རྒྱལ་ཁབ་ཀྱི་ཕྱོད་ཀྱི་སྤྱི་ཚུལ་ལ་འཇམ་དབྱངས་ཀྱི་ཞུ་བ་ལྟར་།) ²⁾. Понятно отсюда, какое значеніе придавалъ Цзонхава принятію духовнаго званія, послѣдователи же его ученія всецѣло усвоили себѣ его взгляды. Проф. Васильевъ въ своемъ сочиненіи «Религіи Востока» говоритъ, что, «по понятіямъ буддистовъ, чѣмъ больше считается у нихъ ламъ, тѣмъ больше почитается у нихъ процвѣтающей религіи»³⁾, и это совершенно справедливо. Такой взглядъ былъ, очевидно, усвоенъ халхасами съ самаго перваго времени и засимъ развивался тѣмъ болѣе, чѣмъ долѣе находились халхасы подъ вліяніемъ ламства. Вотъ почему уже Жербильтонъ замѣчалъ, что почти у каждаго халхаса висять на шеѣ молитвенныя четки, а Гюкъ, изучивъ характеръ монгольскихъ народностей, пришелъ къ положительному заключенію, что монголы до такой степени набожны, что живутъ въ этомъ мірѣ какъ бы не принадлежа ему. Другими словами это значитъ, что буддизмъ руководитъ теперь не только всѣми дѣянїями, но и сужденїями, и намѣренїями монголовъ. Нужно ли говорить послѣ этого о важности, какую представляетъ собою тщательное и основательное изученіе

1) Богда Цзонхаванъ намтаръ, Гл. 6 л., 32-й.

2) Ibid., s. 43-44.

3) Васильевъ. — Религии Востока, — стр. 5-я.

буддизма въ дѣлѣ ознакомленія съ жизнью монголовъ вообще? Признаніе этой важности служило также причиною, побудившею меня приступить къ изданію моихъ замѣтокъ прежде всего о буддизмѣ въ Монголіи.

Съ другой стороны Россія въ настоящее время можетъ считать у себя уже миллионы поклонниковъ будды по сектѣ Цзонхавы, а между тѣмъ, что знаемъ мы о Цзонхавинскомъ вѣроученіи, объ его обрядахъ, объ его требованіяхъ, о духовной жизни его послѣдователей, о правилахъ и обязанностяхъ, начертанныхъ для представителей этого вѣроученія — ламайскаго духовенства? Почти ровно ничего. Въ нашихъ коротенькихъ описаніяхъ отдѣльныхъ событій изъ быта ламаитовъ, равно какъ и въ замѣткахъ путешественниковъ мы постоянно встрѣчаемъ курьезныя описанія буддійскихъ капищъ, паноплеиныхъ идолами; но что это за идолы, каково ихъ значеніе, какъ учтъ о нихъ самъ буддизмъ и какъ слѣдовательно смотрятъ на нихъ сами буддисты? Намъ постоянно твердятъ о томъ, что духовенство у ламаитовъ отличается своею невѣжественностью и своимъ корыстолюбіемъ; что повсюду оно гнететъ народъ, не неся на себѣ ни какихъ общественныхъ обязанностей и живя исключительно на счетъ труда другихъ; что это чуть ли ни самый развратный и своевольный классъ народа. Но дѣйствительно ли это такъ? Ставлю этотъ вопросъ не для того, чтобы вселить подозрѣніе къ этимъ описаніямъ ламства, а единственно съ цѣлью охарактеризовать самыя описанія. Мы читаемъ и слышимъ въ нихъ только огульное порицаніе цѣлаго класса, но мало узнаемъ примѣровъ и еще менѣе приобретаемъ данныхъ для сужденія о дѣйствительномъ значеніи этихъ примѣровъ. Намъ говорятъ, что ламство невѣжественно; но чему же должно оно обучаться и что изучаетъ въ дѣйствительности? Намъ говорятъ, что ламство угнетаетъ народъ; но какъ же проявляется этотъ гнетъ и въ чемъ скрываются его причины? Намъ говорятъ о бездѣтельности ламства; но въ чемъ же должна состоять его дѣятельность и какія его обязанности? Намъ говорятъ, что ламство своевольно; но развѣ мыслимо существованіе цѣлыхъ общинъ, не

имѣющихъ ни правилъ, ни порядковъ, да при томъ еще религіозныхъ общинъ? Намъ говорятъ, что у буддистовъ народъ не участвуетъ въ богослуженіяхъ; но тогда что же это за религія, если она не ставитъ ни какихъ отношеній между божествомъ и человѣкомъ? Вопросы эти всегда вселяли во мнѣ охоту къ изслѣдованію ихъ и я не могу не сказать, что это изслѣдованіе представило мнѣ очень многое совершенно въ обратномъ видѣ. При ближайшемъ знакомствѣ съ буддизмомъ я нашелъ въ буддійскихъ монастыряхъ стройныя правила жизни ламъ и, по возможности, ознакомился со всѣми монастырскими поставленіями, видѣлъ отношеніе ламъ къ народу и религіозную жизнь самаго народа. Все это я передаю теперь въ печати, ибо мнѣ кажется несомнѣннымъ, что для правильнаго отношенія къ ламству и ламаитамъ, намъ необходимо знать ихъ собственныя правила и воззрѣнія; безъ этого мы никогда не достигнемъ своей пользы въ нашихъ отношеніяхъ къ исповѣдующимъ ламаизмъ инородцамъ Россіи.

Законы ламаитовъ повсюду одинаковы. Посѣтивъ въ періодъ своего путешествія степи Монголіи и Забайкальскаго края, я естественно говорю въ своей книгѣ только о видѣнномъ въ этихъ мѣстахъ; но я полагаю, что совершенно тоже можно находить и у ламаитовъ, обитающихъ при кульджинскихъ границахъ. Къ этому убѣжденію приводитъ меня еще больше то обстоятельство, что, посѣщая калмыцкія степи астраханской губерніи, я находилъ въ нихъ тоже самое, что видѣлъ и въ Монголіи. Въ нашей литературѣ о калмыкахъ не рѣдко приходится встрѣчать мнѣніе, что калмыки уже значительно забыли свою религію—буддизмъ, что она во многомъ отличается у нихъ не только отъ буддизма у монголовъ, но даже и у бурятъ. Мнѣніе это представляется однако въ высшей степени поверхностнымъ и далеко не оправдываемымъ на дѣлѣ, чтобы не сказать невѣрнымъ во все. Правда, калмыки не имѣютъ у себя хутухтъ, или живыхъ воплощеній бодисатвъ, но что же это значить? Культъ ихъ не теряетъ ровно ничего отъ этого недостатка: если монголы и буряты возносятъ данышйкъ и маңдалъ передъ живыми хутухтами, калмыки совершаютъ тотъ же самый хуралъ и тѣже самые об-

ряды передъ кумирами буддъ и бодисѣтвъ. Правда, у калмыковъ нѣтъ четырехсаженныхъ кумировъ Майдари, какіе находимъ мы въ халхаской Ургѣ, или въ бурятскомъ Гусиню-озерскомъ дацанѣ; но у нихъ масса такихъ же кумировъ въ четыре вершка, а не все ли равно для существа религіи будетъ ли кумиръ измѣряться вершкомъ, или саженью? Говорятъ, что у калмыковъ и вообще нѣтъ многихъ бурхановъ; это опять таки не совсѣмъ справедливо и, мнѣ кажется, что люди, высказывающіе такое положеніе, разумѣютъ бурхановъ только литыхъ; но я хорошо знаю, что въ калмыцкихъ степяхъ если нѣтъ всѣхъ изображеній бурхановъ литыхъ, такъ есть рисованные, а развѣ это видоизмѣняетъ сущность дѣла? Что касается религіозныхъ обрядовъ, то въ этомъ отношеніи калмыки опять таки не разнятся ни отъ монголовъ, ни отъ бурятъ. Въ хурудахъ ихъ ведется рѣшительно тотъ же порядокъ службъ, читаются тѣ же нѣмы, исполняются тѣ же обряды. Недостаточности духовенства, правда, препятствуетъ имъ совершать нѣкоторыя богослуженія, какъ напр. чжудъ, цамъ и др.; но несомнѣнно также и то, что изъ числа калмыцкихъ ламъ очень многіе основательно изучаютъ тарнастическія системы и высшую догматику буддизма, слѣдовательно состояніе ихъ религіи и въ этомъ отношеніи не отличается отъ буддизма въ Монголіи и у бурятъ. Въ отношеніяхъ къ простолюдианамъ духовенство калмыцкихъ степей совершаетъ тѣ же самыя обряды, какіе мы видимъ и въ Монголіи. Наблюдающіе жизнь калмыковъ несомнѣнно найдутъ, что у нихъ, при рожденіи ребенка, также точно совершается обрядъ «хүхэтъ аршалаху», а за смѣть, по мѣрѣ возраста человѣка, будутъ слѣдовать надъ нимъ тѣ же «мэнгэйнъ цасалъ», «чжилінъ орологонъ», брачныя обряды; также призываются у калмыковъ духовныя лица къ больному, также направляютъ они и умершаго въ блаженное царство Сукавади.

Эта общность буддизма какъ въ Монголіи, такъ въ Забайкальи и наконецъ въ нашихъ калмыцкихъ степяхъ, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстна всѣмъ, поставленнымъ въ необходимость имѣть близкія отношенія къ буддистамъ и заинтересованнымъ

въ дѣлѣ изученія практическихъ сторонъ буддизма. Последнимъ обстоятельствомъ я именно и объясняю себѣ, почему собранные мною свѣдѣнія касательно быта монгольскихъ монастырей и монголо-буддійскаго духовенства въ свое время встрѣтили себѣ самое лестное вниманіе со стороны нашихъ администраторовъ Восточно-Сибирскаго края какъ духовнаго, такъ и гражданскаго вѣдомствъ. Эти лица не только выражали мнѣ свое желаніе, а даже указывали на необходимость изданія моихъ замѣтокъ по возможности скорѣе. Въ частныхъ бесѣдахъ они выяснили мнѣ и тѣ нужды, которымъ собственно долженъ бы былъ удовлетворять мой трудъ. Отъ него требовалось, чтобы онъ далъ свѣдѣнія о должной, обыденной обстановкѣ и жизни буддійскихъ монастырей и монаховъ, излагалъ бы именно тѣ правила, которыми руководствуется теперь буддійское духовенство, сообщалъ бы о каждомъ предметѣ именно то ученіе, тѣ понятія и вѣрованія, которыя распространены о немъ у современныхъ буддистовъ. Само собою разумѣется, что для практическихъ дѣятелей, — для людей, поставленныхъ въ ближайшее отношеніе къ буддистамъ, такого рода свѣдѣнія гораздо болѣе необходимы, чѣмъ даже научныя изысканія объ историческомъ ходѣ развитія буддійскихъ идей; лучшимъ же способомъ удовлетворенія этихъ нуждъ я почиталъ именно представленіе дословныхъ выписокъ изъ моего дневника, въ который заносилось мною все, что я видѣлъ, всѣ тѣ объясненія, которыя передавались мнѣ устно и наконецъ всѣ тѣ переводы буддійскихъ сочиненій, которыя давали мнѣ ламы въ дополненіе своихъ толкованій.

Издавая свой трудъ, я принялъ за правило сообщать названія предметовъ именно по способу монгольскаго ихъ произношенія. Такимъ образомъ я пишу: «Вачйръ-вѣни», или «Очйръ-вѣни», вм. «Вѣчжра-пѣни», Майдари вм. Майтрѣя, Бирузана вм. Вайрочана, «чѣй чжинъ» вм. «чѣйчжонъ» или «чѣйчжунъ» и др. Для многихъ такое правописаніе можетъ показаться неправильнымъ и не научнымъ, такъ какъ большинство этихъ именъ принадлежитъ языкамъ санскритскому и тибетскому, а у монголовъ, очевидно, является въ извращенной формѣ. Но говоря о буддизмѣ

у монголовъ, я всегда почитаю за болѣе вѣрное давать вещамъ и монгольскія названія. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ мы знаемъ, что русское слово «ангелъ» есть не полное греческое «ἄγγελος», что слово «дерей» есть искаженіе греческаго «ἑρμῆς»; и однако, пиша о христіанствѣ въ Россіи, никто не станетъ, въ видахъ научности, называть эти предметы ихъ греческими именами, а употребитъ слова для обозначенія ихъ именно въ той формѣ, въ какой усвоены они русскими. Съ другой стороны, такое правописание имѣетъ за собою и то преимущество, что читающему книгу дается возможность всецѣло войти въ область именно монгольскаго буддизма, а за симъ провѣрять и дополнять мои свѣдѣнія личными изслѣдованіями. Между тѣмъ спросите у любаго монгольскаго, бурятскаго, или калмыцкаго ламы показать вамъ хурульную принадлежность «вѣчкра» и онъ затруднится найти ее вамъ только потому, что привыкъ называть ее вачѣр'омъ, или очѣр'омъ.

Нѣкоторое различіе встрѣтятъ за симъ читатели и въ моемъ произношеніи словъ тибетскаго литературнаго текста; какъ, мною на равнѣ употребляется чтеніе слова «дүйцапъ» и «дүйчапъ» (= дүйчепъ) и др. Произошло это оттого, что сами монголы имѣютъ у себя двоякое чтеніе тибетскихъ буквъ: букву, или слогъ ꞑ одни читаютъ *ца*, а другіе *ча*. Отдавать преимущество тому или другому чтенію мы не имѣемъ никакого основанія; оттого какъ въ своихъ дневникахъ, такъ и въ настоящей книгѣ я всецѣло удерживалъ транскрипцію того чтенія, какое я слышалъ въ каждомъ данномъ случаѣ выходившимъ изъ устъ монгола.

Другихъ, требующихъ объясненія особенностей предлагаемаго изданія мнѣ не представляется въ настоящую пору и я приношу только извиненіе передъ читателями за встрѣчающіяся въ немъ погрѣшности съ внѣшней стороны. Обращалъ вниманіе главнымъ образомъ на содержаніе книги, я знаю, что опустилъ многое со стороны формальной; но надѣюсь, что именно это внут-

ренное достоинство моей работы послужить искупленіемъ ея опущеній со стороны внѣшней.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить мою глубокую признательность Проф. В. П. Васильеву, сообщившему мнѣ имѣвшійся у него списокъ монгольскихъ хубилгановъ и Высокопреосвященному Веніамину Иркутскому, который доставилъ мнѣ два фотографическихъ рисунка, приложенныхъ къ настоящей книгѣ.

А. Позднѣвъ.

Общіе замѣчанія о буддійскихъ монастыряхъ Монголіи.

Ламайскіе монастыри извѣстны въ Халхѣ обыкновенно подъ тремя различными наименованіями. Одни изъ нихъ называются «хурѣ» (ᠬᠤᠷᠦ), другіе носятъ прозваніе «сүмэ» (ᠰᠦᠮᠡ), третьи извѣстны подъ именемъ «хиг'овъ» (ᠬᠢᠭᠣᠪᠠ). Каждое изъ этихъ названій, имѣя за собой свое особенное значеніе, усвоится тому или другому монастырю сообразно съ тѣмъ, къ какому изъ этихъ названій подходитъ монастырь ближе по особенностямъ своей жизни и по складу своего быта. Собственно слово «хурѣ» обозначаетъ на монгольскомъ языкѣ понятіе о какомъ либо станѣ, жилищѣ зданія котораго располагаются кругомъ. Такъ какъ, по обычаямъ буддизма, кельи ламъ, или буддійскихъ монаховъ, должны располагаться вокругъ зданія кумирни, то на этомъ основаніи монголы даютъ названіе «хурѣ» только тѣмъ изъ своихъ монастырей, при которыхъ постоянно живутъ ламы и которые по тому самому представляютъ собою не одни только зданія кумирень, но заключаютъ еще въ своихъ стѣнахъ и кельи монаховъ. Слово «сүмэ» по буквальному его значенію знаменуетъ собою кумирню, или молитвенный храмъ буддистовъ и потому именемъ «сүмэ» обозначаются у халхасовъ тѣ монастыри, братія которыхъ не живетъ при монастырскихъ кумирняхъ постоянно, а кочуетъ въ различныхъ частяхъ степей и собирается къ своему

монастырю только въ праздники и въ дни, назначенные для великихъ хураловъ (= богослуженій). Что касается третьяго прозванія «хитъ», то оно усваивается въ Халхѣ тѣмъ монастырямъ, которые служатъ мѣстопробываніемъ монаховъ — отшельниковъ; къ разряду ихъ халхасы относятъ ламъ — созерцателей, или — даянчи (ᠳᠠᠶᠠᠨᠴᠢ), ламъ, исполняющихъ разнаго рода подвиги и проч.

Таково основное различіе буддійскихъ монастырей въ Халхѣ по ихъ названіямъ. Нѣтъ сомнѣній, что это различіе въ первое время существованія и развитія буддизма въ Халхѣ имѣло свое полное примѣненіе и на дѣлѣ; но теперь всѣ эти названія уже перемѣшались и утратили свое значеніе. Проѣзжая по степямъ Халхи, не трудно замѣтить, что названіе «хурѣ» за частую усвоено теперь за одиночными степными кумирнями, при которыхъ давно уже не живетъ ни одного монаха и на оборотъ есть такіе монастыри, которые, продолжая носить названіе «сумэ», превратились въ настоящее время въ громадныя монастырскія обители; въ свою очередь и прозваніе хит'овъ не рѣдко можно встрѣчать за такими монастырями, которымъ гораздо болѣе приличествовало бы нынѣ наименованіе «хурѣ». Все это, конечно, обуславливается тѣмъ общечеловѣческимъ закономъ, по которому предметы, въ силу разнаго рода жизненныхъ и историческихъ условий подвержены различнымъ перемѣнамъ, но тѣмъ не менѣе неуклонно сохраняютъ за собою одно и тоже, усвоенное имъ названіе. Такимъ образомъ самое общее прозваніе того или другаго монастыря всегда можетъ служить у монголовъ матеріаломъ для его исторіи, ибо оно всегда имѣетъ за собою историческую подкладку. Въ четырехъ верстахъ отъ монастыря Эрдэни-цзу располагается значительная буддійская обитель, при которой живетъ теперь до 500 ламъ и которая извѣстна нынѣ подъ именемъ «Гэгэнай бүтэлийнъ сумэ». Просматривая исторію Халхи, мы узнаемъ, что монастырь этотъ при своемъ построеніи во все не предназначался для постоянного жительства при немъ буддійскихъ монаховъ, а былъ сооруженъ въ видѣ отдѣльной кумирни для перваго халхаскаго хубилгана Чжабцунъ-дамба хутухты

съ исключительною цѣлю совершенія богослуженій этимъ послѣднимъ, когда посѣщаль онъ своихъ родителей. Точно такимъ же образомъ на берегахъ озера Угэй-пүра высится теперь общежительный буддѣйскій монастырь, извѣстный подъ именемъ «Оромбѣ-гэгэнэй хит'а»: монастырское преданіе разсказываетъ однако, что монастырь этотъ по первоначально служилъ именно мѣстомъ подвижничества тибетскаго Оромбѣ- (Ромба) хутухты и только впоследствии ламы устроили здѣсь свое общежитіе.

Причины, вліявшія на подобныя видоизмѣненія въ бытѣ халхаскихъ монастырей, заключаются съ одной стороны въ той обстановкѣ, при которой извѣстный монастырь получалъ свое начало, а съ другой—въ тѣхъ матеріальныхъ средствахъ, которыми располагалъ онъ для своего дальнѣйшаго существованія. Просматривая лѣтописи халхасовъ и собирая устные преданія этого народа, можно не безъ основанія заключать, что всѣ халхаскіе монастыри въ отношеніи своего происхожденія могутъ быть раздѣлены на четыре категоріи. Одни изъ нихъ были воздвигаемы маньчжурскими императорами въ Кятаѣ на счетъ китайскаго государственнаго казначейства,—это такъ называемые императорскіе монастыри и храмы; другіе устраивались халхасами на пользу ихъ гэгэновъ, хутухтъ и хубилгановъ, какъ мѣста, въ которыхъ должны были проживать эти гэгэны и молиться за народное благо,—это такъ называемые монастыри гэгэновскіе или хутухтинскіе; третьи возникали на суммы, составившіяся изъ пожертвованій частныхъ лицъ, представлявшихъ собою какое-либо отдѣльное сообщество, — таковы всѣ монастыри, принадлежавшіе въ старину отдѣльнымъ родамъ (ᠡᠭᠡᠨᠠᠭᠤ) халхасовъ, а въ настоящее время, когда халхасы уже совершенно утратили свой родовой бытъ, принадлежащіе той или другой административной единицѣ, на который раздѣляются теперь халхасы,—это такъ называемые хошунные и сумунные монастыри; четвертые наконецъ сооружались на суммы отдѣльныхъ частныхъ личностей, каковы богатые монгольскіе князья, или знатные и извѣстные своимъ богатствомъ и добродѣтелями ламы.

Изъ числа четырехъ упомянутыхъ видовъ халхаскихъ мона-

стырей самыми богатыми и обширными безспорно являются монастыри гэгэновскіе или хутухтинскіе. Построеніе ихъ, какъ я сказалъ уже выше, совершалось обыкновенно халхасами съ спеціальною цѣлью дать мѣстожителство и устроить молитвенный храмъ для какого нибудь прославившагося своими чудесами хубилгана. Устроивъ храмъ, халхаскіе князья дарили его обыкновенно хутухтѣ, при чемъ каждый князь отдѣлялъ еще изъ числа своихъ данниковъ нѣсколько семей и также передавалъ ихъ на вѣчное владѣніе хутухтѣ. Съ тѣхъ поръ эти семьи составляли уже собою отдѣльное вѣдомство и получали названіе шабинаровъ того хутухты, которому онѣ были подарены. Они освобождались навсегда отъ платы податей своимъ прежнимъ свѣтскимъ правителямъ и взамѣнъ сего обязаны были содержать своего хутухту, равно какъ и принадлежащій ему монастырь; въ кочевья имъ отводились обыкновенно земли вокругъ этого монастыря и въ административномъ отношеніи они зависѣли отъ монастырскаго начальства. Число шабинаровъ у различныхъ халхаскихъ хутухтъ, обусловливается главнымъ образомъ знатностью и значеніемъ въ народѣ самыхъ этихъ хутухтъ, а потому весьма различно: мы знаемъ напр., что количество шабинаровъ Чжэбцзундамба хутухты превосходитъ 20,000 семей, между тѣмъ какъ у Оромбо-гэгэна едва насчитывается ихъ до 150. Само собою разумѣется, что отъ этого количества шабинаровъ не мало зависигъ и богатство каждаго монастыря, но за всѣмъ тѣмъ всякій хутухта всегда и совершенно вѣрно разсчитываетъ, что благосостояніе монастыря его вполне упрочено, коль скоро у него явилось 50 или 100 семей шабинаровъ. Источники доходовъ отъ шабинаровъ у монастыря и хутухтъ самые разнообразны, тѣмъ болѣе что въ вѣдѣніи монастырей и хутухтъ обыкновенно ни одинъ человѣкъ не остается безъ дѣла. Бобыли и бездомные одиночки по большей части живутъ при монастырскихъ табунахъ и стадахъ монастырскаго скота, а въ самыхъ монастыряхъ они исполняютъ обязанности работниковъ; семейные и зажиточные отъ этихъ работъ увольняются, но за то они несутъ на себѣ повинности, которыя, конечно, приносятъ хутухтамъ еще болѣе важ-

ные доходы. Первымъ видомъ доходовъ, доставляемыхъ этими послѣдними шабинарами, являются прямыя подати: каждый шабинаръ изъ имѣющихся у него двадцати овецъ обязанъ отдать ежегодно въ пользу монастыря одну; при этомъ пять коровъ, три лошади, или два верблюда приравниваются къ двадцати овцамъ. Если шабинаръ имѣетъ менѣе двадцати овецъ, тогда онъ платитъ подать хлѣбомъ, чаемъ, или наконецъ деньгами. Съ десятка овецъ, или двухъ коровъ у различныхъ хутухтъ шабинары платятъ различно: отъ пяти до шести котловъ проса, отъ четырехъ до пяти кирпичей чаю, или же отъ двухъ до двухъ съ половиною ланъ серебра; съ пяти овецъ, или одной коровы почти у всѣхъ вносятся три котла проса, два кирпича чаю, или же лана серебра деньгами. Но ухоть за скотомъ и вообще всякаго рода домоводство лежитъ у монголовъ, какъ извѣстно, на обязанности женщинъ; отсюда помянутая подать, собственно говоря, берется съ женскаго труда и достатка; что же касается мужчинъ, то они въ свою очередь не мало платятся достатками своего труда въ монастырь. Въ этомъ отношеніи для хутухтъ особенно выгоднымъ является извозничество шабинаровъ. Китайскіе купцы, постоянно перевозятъ свои товары изъ Китая въ Монголію и обратно изъ Монголіи за великую стѣну, обыкновенно пользуются для этого транспорта монгольскими выюнными животными. Но такъ какъ для нихъ всегда удобіе, выгодиѣ и безопасіе имѣть дѣло съ зажиточными возчиками, то они въ этихъ случаяхъ прежде всего заботятся о томъ, чтобы сдать весь транспортъ въ руки и на отвѣтственность одного лица. Въ Халхѣ въ настоящее время уже никто, кажется, такъ не богатъ скотомъ, какъ монастырскіе обитатели и потому ежели какому либо китайцу потребуется караванъ въ 50, 60 верблюдовъ, то поставщикомъ такого каравана всегда является казначейство того или другаго монастыря, того или другаго хутухты. Отправляя животныхъ изъ своихъ стадъ, монастырское казначейство посылаетъ при этомъ погонщиками тѣхъ самыхъ бобылей изъ своихъ шабинаровъ, которые дома у него или ухаживаютъ за монастырскимъ скотомъ, или же состоятъ при монастырѣ въ качествѣ работни-

ковъ. Очень часто бываетъ при этомъ, что въ составѣ такихъ монастырскихъ каравановъ и не всѣ животныя принадлежатъ монастырю, но часть ихъ составляетъ собственность шабинаровъ, причисленныхъ къ вѣдомству хутухты. Въ этомъ случаѣ у халхасовъ идетъ, такъ сказать, круговая порука. Шабинаръ, имѣющій у себя три, пять, десять верблюдовъ, не могъ бы единолично получить для себя выгоднаго подряда, и вотъ онъ присоединяется съ своими верблюдами къ хутухтинскому каравану и везетъ транспортъ какъ бы везли его верблюды хутухтинскаго казначейства. Этотъ способъ особенно практикуется въ казначействахъ хутухты малозначительныхъ и небогатыхъ, которые безъ взаимной помощи своихъ шабинаровъ не могли бы, пожалуй, сами по себѣ и держать подрядовъ; но не менѣе часто можно видѣть тоже самое и въ караванахъ снаряжаемыхъ отъ богатыхъ монастырей, потому что такое присоединеніе шабинаровъ къ ихъ караванамъ является далеко не безвыгоднымъ для монастырскихъ казначействъ. Дѣло въ томъ, что каждый шабинаръ, пожелавшій присоединиться къ монастырскому каравану, обязанъ платить за это позволеніе присоединиться, или, другими словами, платить за то, что ему доставляется выгодная работа; за то, что по немъ поручаются; за то наконецъ, что ему будетъ легче и безопаснѣе идти въ большомъ караванѣ,—и плата за все это полагается довольно значительная. Какой либо нормы для опредѣленія ея мнѣ никогда не приходилось встрѣчать въ монгольскихъ монастыряхъ и, собственно говоря, этой нормы, по всей вѣроятности, не существуетъ вовсе; ибо я наблюдалъ, что при договорѣ съ своимъ шабинаромъ со стороны монастырскихъ ламъ всегда принимается въ расчетъ выгодность заключеннаго ими подряда, дальность и удобство пути, время совершенія путешествія, количество верблюдовъ шабинара и вообще всѣ, идущія къ дѣлу обстоятельства. Высшую плату, какъ мнѣ пришлось видѣть въ монастырѣ Угэй-пор'скомъ, составляло то, что при подрядѣ отъ Улясутая до Урги (при цѣнѣ 12 ланъ за cadaго выючнаго верблюда) изъ числа трехъ верблюдовъ шабинара одинъ шелъ въ пользу монастырскаго казначейства; самая низшая плата была

наблюдаема мною въ монастырѣ Баруль-хурѣ, гдѣ, при перевозѣ товаровъ на пространствѣ отъ монастыря Эрдэни-цзу до Урги, въ пользу монастыря шелъ только восьмой верблюдъ шабинара. Но, какъ бы то ни было, извозничество шабинаровъ даетъ значительные доходы хутухтамъ и благодаря ему казначейства хутухтинскихъ монастырей безъ всякихъ затратъ обогащаются на счетъ своего крѣпостнаго люда.

Не менѣе важный доходъ представляетъ въ хутухтинскихъ монастыряхъ подрядъ на содержаніе почтовыхъ станцій. Извѣстно, что отбываніе натуральныхъ повинностей, въ какой бы мѣстности оно ни требовалось, возлагается въ Халхѣ на всѣ четыре аймака; но отсюда возникаетъ цѣлая масса неудобствъ и трудностей: живущимъ по р. Карулену сэцэнъ-хановцамъ приходится содержать станціи близъ Кобдо и на оборотъ кочующіе по Цзабхану цзасакту-хановцы обязаны отбывать почтовую повинность по дорогѣ отъ Долбѣнъ-нура къ русскимъ карауламъ въ Восточной Сибири. Мало того, кошұны часто не находятъ въ своей средѣ людей, которые согласились бы отбывать натуральную повинность даже въ своихъ родныхъ кочевьяхъ. Чтобы избѣжать этихъ трудностей отбыванія подводной повинности особенно въ мѣстахъ удаленныхъ отъ родныхъ кочевьевъ, халхасы обыкновенно нанимаютъ за себя туземцевъ и вотъ въ этихъ то случаяхъ подрядчиками являются опять таки хутухтинскія и монастырскія казначейства, всегда богатые скотомъ и юртами. По прямой дорогѣ отъ Урги на Улясутай (такъ называемой «бага ѳртбай цзамъ») почти весь трактъ сятъ съ подряда хутухтами, — такъ: отъ Урги до станціи Чинъ-тологой почтосодержателями являются въ большинствѣ случаевъ шабинары Чжэбцунъ-дамба-хутухты; станціи Тахильту и Улянъ-шубу сняты казначействомъ Оромбо гэгана; на станціяхъ Шубукту и Дэўнъ-модо обязанности подводчиковъ исполняютъ шабинары Зая-пандиты; еще далѣе къ Улясутаю нѣсколько станцій содержится монастыремъ Илагуксанъ хутухты, — послѣдній при томъ снимаетъ подряды и на большомъ улясутайскомъ трактѣ на Саиръ-усу. Плата за содержаніе почтовыхъ станцій полагается самая раз-

личная, смотря по количеству разъѣздовъ и разстоянiя одной станціи отъ другой; но обыкновенно она колеблется на суммѣ отъ 200 до 600 ланъ серебра, т. е. отъ 400 до 1200 р. серебромъ въ годъ съ каждой почтовой юрты.

Богатства хутухтинскихъ монастырей, значительное количество живущихъ въ нихъ ламъ и наконецъ почти постоянное стеченіе сюда поклонниковъ, почти всегда привлекаютъ въ эти обители торгующихъ китайцевъ; но за право торговли при монастырѣ хутухтинскіа казначейства также точно назначаютъ взносъ съ китайцевъ. Такимъ образомъ въ монастырѣ Эрдэни-цзу'скомъ этотъ взносъ равняется 20-ти ланамъ серебра въ годъ съ каждой китайской лавки, у Зая-пандиты 25-ти, а въ Бару́нь-хурѣ 12-ти ланамъ. Въ Южной Монголіи мнѣ пришлось встрѣтить, что въ монастырѣ Хара-хадайнъ-сумъ такіе китайскіе торговцы построили для себя даже байшинъ на монастырской землѣ; взносъ ихъ какъ поземельный, такъ и за право торговли = 50-ти ланамъ.

Такъ собирая отовсюду, хутухтинскіе монастыри богатыютъ съ каждымъ годомъ и это обстоятельство даетъ имъ возможность наживаться еще отдавая свои деньги подъ проценты: казначейство Чжабцзунъ-дамба-хутухты постоянно ссужаетъ хошұны суммами въ 3, 5, 8 тысячъ ланъ серебра, получая за нихъ отъ 10 до 30 годовыхъ процентовъ; тѣже самыя операціи производятъ и казначейства другихъ хутухтинскихъ монастырей. Отсюда то всегда происходило и происходитъ то, что незначительные гагэновскіе сұмъ и хиты, вслѣдъ за поднесеніемъ хутухтѣ шабнаровъ, постоянно преобразовываются въ болѣе или менѣе значительные монастыри Халхи. Въ настоящее время можно постановить уже общимъ правиломъ, что каждый хутухтинскій монастырь, будетъ ли онъ называться хурѣ, сұма, или хит'омъ, непременно представляетъ собою общину буддійскихъ ламъ, постоянно живущихъ при своемъ монастырѣ и совершающихъ въ немъ свои хуралы (богослуженія). Мало того, болѣе состоятельные изъ халхаскихъ хутухтъ содержатъ общежительные монастыри не только при своей резиденціи, но устраиваютъ ихъ еще и въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ извѣстный

хубилганъ Чжабцзунъ-дамба-хутухты имѣеть въ своемъ вѣдѣ-
ніи и содержитъ на свои средства слѣдующіе монастыри:

1) *Уриу* — монастырь, который за свою обширность полу-
чилъ у насъ уже названіе города и въ которомъ находится, какъ
извѣстно резиденція Чжабцзунъ-дамба-хутухты.

2) *Баргунъ-хүрѣ*, — монастырь, находящійся въ 25 верстахъ
къ сѣверо-востоку отъ монастыря Эрдэни-цзу.

3) *Ребунъ-гэцжи-линъ* ¹⁾, построенный на южномъ скатѣ Гэн-
тэйскихъ горъ въ верховьяхъ р. Кэрулэна.

4) *Эруанчинъ-ган-данъ-шат-дуб-линъ*, — монастырь, посвя-
щенный богинѣ Дара-эхэ и стоящій въ мѣстности Цэцэрлигійнъ-
эрдэни-тологой.

5) *Шат-дуб-чойн-коръ-линъ*, — монастырь, извѣстный у мон-
головъ подъ именемъ Цзүнь-хүрѣ.

6) *Гэнэи бѣтэлинь сүмэ*, — монастырь, находящійся вер-
стахъ въ 4-хъ отъ Эрдэни-цзу.

9) *Даянчійнъ-хитъ*, — монастырь ламъ созерцателей, по-
строенный въ мѣстности Уланъ бахча, отстоящей въ 6 верстахъ
къ сѣверу отъ Урги.

Всѣ эти монастыри построены на средства самого Чжабцзунъ-
дамба-хутухты, или, по крайней мѣрѣ, при непосредственномъ
участіи его своими средствами въ ихъ постройкѣ. Содержаніе
свое упомянутыя обители получаютъ, конечно, прежде всего отъ
своихъ доходовъ, т. е. текущихъ приношеній поклонниковъ; но
за сямъ, если бы приношенія эти оказались недостаточными для
покрытія всѣхъ монастырскихъ издержекъ, въ такомъ случаѣ
онѣ пользуются поддержкою, выдаваемою изъ общаго сана (каз-

¹⁾ Собственные имена монастырей въ настоящемъ случаѣ, равно какъ и
всѣ остальные тибетскія слова, я транскрибирую здѣсь согласно общему произ-
ношенію этихъ словъ у монголовъ. Очень можетъ быть, что нѣкоторыми это
будетъ признано не правильнымъ, или по крайней мѣрѣ не научнымъ; но съ
своей стороны мы затруднимся даже и сказать, какъ должно транскрибиро-
вать тибетскія слова, въ виду разности ихъ чтенія и общія нѣмыхъ буквъ.
Имя настоящаго монастыря по тибетскимъ буквамъ должно быть прочитано
«Риво-рГьасъ-гЛинъ».

нохранилища) Чжэбцунъ-дамба-хутухты, наконецъ избытокъ доходовъ одного монастыря часто служить поддержкою для другаго. Эта круговая порука является одною изъ основныхъ причинъ, по которымъ халхаскіе монастыри, принадлежащіе тому или другому хутухтѣ, не только никогда не падаютъ въ своемъ значеніи, но напротивъ годъ отъ года все болѣе и болѣе расширяются въ своихъ размѣрахъ. Халхасы, строители монастырскихъ обителей, давно уже сознали важность для монастыря быть причисленнымъ къ вѣдомству какого либо хутухты и оттого, построивъ монастырь, не рѣдко прямо подносили его въ даръ хутухтамъ. Такимъ образомъ помимо упомянутыхъ семи монастырей, въ вѣдѣніи Чжэбцунъ-дамба-хутухты, находится еще 8-я обитель, извѣстная подъ именемъ «Донъ-коръ-маньчжушрі-йнъ сѹмэ». Монастырь этотъ располагается верстахъ въ 40 отъ Урги, на южной сторонѣ Ханъ-улы. Основаніе его было положено въ 1733 году ламою Донъ-коръ-маньчжушри, который на мѣстѣ настоящаго монастыря построилъ только одинъ громадный храмъ тибетской архитектуры и поднесъ его Чжэбцунъ-дамба-хутухтѣ. Чжэбцунъ-дамба въ тоже время отдѣлилъ изъ Урги нѣсколько ламъ и отправилъ ихъ для постоянного жительства и совершенія хураловъ въ Донъ-коръ-маньчжушрі-йнъ сѹмэ. Съ тѣхъ поръ монастырь этотъ не переставалъ увеличиваться и въ настоящее время ламы, живущіе при немъ, раздѣляются уже на 6 аймаковъ, общее же число ихъ доходитъ до 1000 человекъ. Подобнымъ же образомъ въ вѣдѣніи Чжэбцунъ-дамба-хутухты находится 9-й монастырь «Амуръ баясхуланту», расположенный на р. Ибэнъ и 10-й *Шачжини бадарагмухчи сѹмэ*, извѣстный у Монголовъ болѣе подъ именемъ «Дамба дорчжи» и находящійся верстахъ въ 5-ти къ сѣверу отъ Урги на берегу р. Сельбы. Оба эти монастыря были построены на счетъ китайскаго императора какъ мѣсто для погребенія хубилгановъ ургинскихъ хутухтъ, но за симъ Чжэбцунъ-дамба-хутухты также завели при этихъ храмахъ постоянныя буддійскія обители.

Императорскіе монастыри въ Халхѣ въ настоящее время являются уже значительно бѣднѣе хутухтинскихъ, хотя при

своемъ сооруженіи они получали обыкновенно нѣкоторое обезпеченіе отъ богдохана. Просматривая лѣтописи монголовъ, мы видимъ, что богдоханы, сооружая храмы въ Халхѣ, въ тоже время постоянно заботились и о томъ, чтобы при храмахъ этихъ жило постоянно извѣстное количество духовенства, равно какъ и о томъ, чтобы духовенство это было обезпечено въ своемъ существованіи. Первымъ способомъ къ этому обезпеченію было прямое назначеніе жалованья духовенству; но такъ какъ способъ этотъ былъ весьма обременителенъ для государственнаго казначейства, то онъ практиковался очень рѣдко и обыкновенно не на долго. Вотъ почему императорскіе монастыри Халхи прежде всего превращались изъ общежительныхъ обителей въ одинокіе и пустынные храмы какъ скоро для ламъ переставали высылать жалованье изъ Пекина, они, не находя достаточныхъ средствъ къ своему существованію, невольно должны были оставлять монастырь и поселяться въ степяхъ у своихъ родственниковъ и однохошѹнцевъ; монастырь съ этого времени естественно становился пустыннымъ храмомъ и ламы являлись къ нему только въ дни великихъ хураловъ. Другой способъ, которымъ обезпечивали маньчжурскіе императоры содержаніе духовенства и совершеніе богослуженій при построенныхъ ими кумирняхъ заключался въ томъ, что, построивъ кумирню, императоры дѣлали воззваніе къ монгольскимъ князьямъ и предлагали имъ откомандировать къ новоустроенной обители по одному ламѣ отъ каждого хошѹна, при чемъ каждый хошѹнъ обязывался и обезпечивать содержаніе командированнаго имъ ламы. Способъ этотъ особливо практиковался во времена императоровъ Канси и Юнь-чжэн'а, а равно и въ первые годы правленія Цянь-лун'а, но впослѣдствіи, когда халхасы годъ отъ года становились бѣднѣе въ своихъ средствахъ, они постоянно прекращали командировки ламъ въ императорскіе кумирни, такъ что въ настоящее время собственно въ Халхѣ не содержится, кажется, ни одного монастыря на подобныхъ началахъ. Единственный примѣръ подобнаго ламскаго общежитія мнѣ удалось повстрѣчать въ 1878 году при долѣнъ-вѹр'ской императорской кумирнѣ, извѣстной подъ именемъ «Шара-сѹмэ». По

воззванію императора Канси, сдѣланному при построеніи этого монастыря, здѣсь должны были жить ламы отъ всѣхъ хошунъ какъ сѣверной такъ и южной Монголіи; но въ періодъ моего пребыванія въ Шара-сумэ здѣсь недоставало представителей отъ очень многихъ хошунъ. Что касается четырехъ халхаскихъ аймаковъ, то они также точно прежде содержали въ Шара-сумэ своихъ ламъ; но отчасти обѣднѣніе Халхи, отчасти дальность разстоянія халхаскихъ кочевьевъ отъ Долонъ-нұра привели къ тому, что въ мое время при помянутой императорской кумирнѣ жило только нѣсколько ламъ отъ хошунъ сэцэнъ-хѣновскаго аймака, уцѣлѣло еще два лама изъ аймака Тушѣтү-хѣна; изъ сайнъ-нояновскихъ же послѣдній лама умеръ года за два до моего прїѣзда и съ тѣхъ поръ его мѣсто оставалось вакантнымъ, потому что ни одинъ изъ хошунъ сайнъ-нояновскаго саймака не могъ послать своего ламы. Разспрашивая о средствахъ существованія у этихъ ламъ, я узналъ, что всѣ они получаютъ отъ своихъ хошунъ нѣкоторое количество денегъ въ видѣ жалованья; но такъ какъ суммы этого жалованья ассигнуются хошунными властями совершенно произвольно, то у различныхъ ламъ жалованье естественно разнствуетъ по своей величинѣ и количество его обусловливается, главнымъ образомъ, богатствомъ того хошуна, къ которому принадлежит лама. Высшій окладъ, какъ мнѣ пришлось узнать изъ монастырскихъ бумагъ, назначался въ свое время халхаскими хошунами сайнъ-нояновскаго аймака, — онъ равнялся 62-мъ ланамъ серебра въ годъ (т. е. 124 серебряныхъ рубля); другіе халхаскіе хошуны давали по 60 и 56 ланъ серебра, а нѣкоторые хошуны южной Монголіи ассигновывали только по 50,000 чохъ, что составляетъ въ Долонъ-нұрѣ отъ 34-хъ до 38-ми ланъ серебра, въ годъ. Кромѣ жалованья каждый хошунъ, содержащій своего ламу въ Шара-сумэ, обязанъ былъ построить для него особый байшинъ (домъ, или келью) за отдѣльной оградой. Такимъ образомъ всѣ монастырскія зданія при этой императорской кумирнѣ представляютъ собою собственность различныхъ хошунъ. По положенію хошуны обязаны были исправлять байшины черезъ каждые десять лѣтъ, но это правило выполнялось

далеко не точно, а потому мнѣ пришлось видѣть десятка три байшиновъ въ совершенно разрушенномъ состояніи, ламы же, хозяева ихъ, или проживали въ чужихъ байшинахъ, или ставили себѣ войлочные юрты за чужими оградами. Всѣ байшины были построены здѣсь изъ сырцеваго кирпича и имѣли одну форму продолговатыхъ, одноэтажныхъ зданій. Каждый байшинъ раздѣлялся на три комнаты, вытянутыхъ въ рядъ и имѣвшихъ отдѣльные входы; внутренность ихъ была совершенно въ китайскомъ вкусѣ. Въ Халхѣ построеніе такихъ байшиновъ при императорскихъ кумирняхъ никогда не имѣлось въ обязанности правителямъ, и отъ того ламы, высылаемые изъ различныхъ хошуновъ къ императорскимъ кумирнямъ Халхи, проживали здѣсь обыкновенно въ своихъ кочевыхъ юртахъ. Вотъ почему въ настоящее время, когда командировки ламъ изъ халхаскихъ хошуновъ прекратились, императорскія кумирни являются въ Халхѣ дѣйствительно одинокими зданіями степи, и ничто даже не въ состояніи напомнить намъ о томъ, что когда то существовали при нихъ цѣлыя обители буддѣйскихъ монаховъ. Единственное исключеніе изъ сказаннаго правила мнѣ пришлось видѣть въ городѣ Кобдо, гдѣ при императорской кумирнѣ, извѣстной подъ именемъ «Тугэмэль амурчжигүлукчи сүмэ», еще и донынѣ видны остатки отъ байшиновъ, — жилыхъ помѣщеній когда то проживавшихъ здѣсь ламъ; но эти зданія были построены не халхасами, а на счетъ того же императорскаго казначейства, которое соорудило и самый храмъ. По своей внѣшней формѣ эти байшины ни чѣмъ не отличаются отъ видѣнныхъ мною въ долѣн-нурскомъ Шара-сүмэ, только построены они были въ свое время, очевидно, гораздо прочнѣе и изящнѣе долѣн-нурскихъ, что естественно обуславливалось различіемъ средствъ строителей. Просматривая исторію этого храма «Тугэмэль амурчжигүлукчи» и собирая различныя преданія о его существованіи, я между прочимъ натолкнулся и на третій способъ, которымъ маньчжурскіе императоры обезпечивали содержаніе ламайскаго духовенства при своихъ храмахъ. Способъ этотъ состоялъ въ томъ, что вслѣдъ за построеніемъ храма, по высочайшему повелѣнію богдохана, со всей Халхи было

собрано громадное количество скота, который въ теченіе трехъ лѣтъ долженъ былъ оставаться при монастырѣ и пастись на близъ лежащихъ къ нему пастбищахъ. По истеченіи трехъ лѣтъ монастырь долженъ былъ снова возвратить собранный скотъ его владѣльцамъ, но приплодъ, получившійся въ теченіе упомянутыхъ трехъ лѣтъ, остался въ монастырскую пользу. Такимъ образомъ, черезъ какіе нибудь три года императорскій монастырь имѣлъ уже свои значительныя имущества, которыми вполне обезпечивалось общежитіе состоявшихъ при немъ ламъ. На дѣлѣ однако это средство оказалось весьма не прочно. Едва миновало какихъ нибудь двадцать, двадцать пять лѣтъ, какъ большая часть скота, составлявшаго монастырское имущество, погибла отъ падежей, зимнихъ холодовъ и шургановъ; ламы опять были лишены средствъ къ своему существованію и должны были разойтись по степямъ. Такимъ то образомъ императорскіе монастыри въ Халхѣ, не смотря на то, что каждый изъ нихъ всегда являлся при своемъ сооруженіи до нѣкоторой степени обезпеченнымъ въ своемъ существованіи, постоянно падали въ своемъ благосостояніи и въ настоящее время только тѣ изъ нихъ и представляютъ еще собою монастырскія обители, которые были поручены императоромъ вѣденію того или другаго хутухты; всѣ же прочіе представляются одинокими, степными кумирнями, къ которымъ только по нѣскольку разъ въ годъ собираются для богослуженій ламы изъ ближайшихъ къ кумирнѣ мѣстностей.

Хошунные монастыри въ Халхѣ, число которыхъ, согласно количеству халхаскихъ хошуновъ, восходитъ до 86, всѣ до одного представляютъ собою буддійскія обители, постоянно вмѣщающія въ себѣ болѣе или менѣе значительное число ламъ. Сооруженія и поправки этихъ монастырей всегда производились и до нынѣ производятся въ Халхѣ главнымъ образомъ на средства того хошуна, которому принадлежитъ монастырь. При каждой постройкѣ въ монастырѣ новаго храма, или при необходимости какой либо поправки въ немъ, со всего хошуна дѣлается единовременный сборъ въ пользу монастыря и этими суммами покрываются издержки по тому или другому предпріятію. Определен-

ныхъ субсидій за симъ эти монастыри никогда и ни откуда не получаютъ, а содержатся почти исключительно на доходы, собираемые ими при общественныхъ и частныхъ богослуженіяхъ. Чтобы по возможности увеличить эти доходы, хошунные монастыри всегда располагаются не подалеку отъ ставки хошуннаго князя, или же въблизи хошунныхъ ямуней (присутственныхъ мѣстъ), такъ какъ мѣста эти, служа административнымъ центромъ въ хошунѣ, естественно привлекаютъ къ себѣ большое число обитателей, которые вмѣстѣ съ симъ являются и постоянными поклонниками и милостынедателями (ᠬᠣᠰᠦᠨ ᠨᠠᠭᠤ ᠨᠠᠭᠤ) въ монастырѣ. Что касается ламъ, составляющихъ братство въ хошунныхъ хурѣн'яхъ, то они по своему происхожденію всегда и исключительно принадлежатъ тому хошуну, въ вѣдомствѣ котораго состоитъ и хурѣнь. Въ большинствѣ случаевъ эти ламы имѣютъ всегда собственную юрту и собственный скоть, т. е. представляются на столько зажиточными, что свободно могутъ проживать на собственные средства, гдѣ бы только они не пожелали; но за всѣмъ тѣмъ, разъ рѣшившись жить въ монастырѣ, они всегда поселяются въ монастырѣ именно хошунномъ и поступаютъ такъ, безъ сомнѣнія, потому что жизнь въ этихъ монастыряхъ является и разнообразнѣе и богаче.

Въ совершенную противоположность хошуннымъ хурѣ, сумунные монастыри халхасовъ являются почти всегда одинокими степными храмами, при которыхъ много много если кочуетъ три, или четыре монгольскихъ юрты. Являясь плодомъ беззавѣтной преданности и ревности халхасовъ къ религіи будды, эти храмы возникаютъ обыкновенно въ годены общаго довольства. Минетъ три, четыре плодородныхъ года, 150 или 200 семей халхасовъ, составляющихъ собою отдѣльную административную единицу, извѣстную на монгольскомъ языкѣ подъ именемъ «сумун'а», нѣсколько побогатѣютъ,—и вотъ, на первомъ же своемъ сеймовомъ собраніи старшины ихъ начинаютъ толковать о постройкѣ монастыря въ своей маленькой общинѣ. Вскорѣ собирается сумма въ 5,6 тысячъ рублей; при недостаточности средствъ посылаются сборщики добродѣтельныхъ подаяній (ᠬᠣᠰᠦᠨ ᠨᠠᠭᠤ ᠨᠠᠭᠤ) по близъ

лежащимъ хошѹнамъ, проходитъ еще годъ и зданіе монастыря готово. Само собою разумѣется, что все здѣсь ограничивается только постройкою небольшой деревянной кумирни, да нѣсколькихъ, состоящихъ при ней служебныхъ зданій. Обезпеченія для своего существованія эти храмы не имѣютъ ни какого. На первое время, какъ къ повинкѣ, къ монастырю собираются сумунные ламы; нѣкоторое время живутъ при немъ и совершаютъ здѣсь свои хуралы (молебствія); но за симъ снова расходятся по своимъ кочевьямъ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи собираться къ этой кумирнѣ только въ дни великихъ хураловъ. Иначе впрочемъ оно и не мыслимо; ибо какое-же обезпеченіе и какіе доходы могутъ доставлять монастырю 150 семей его прихожанъ, или, какъ говорятъ монголы, милостынедателей? Въ халхаскихъ монастыряхъ живутъ по большей части такіе ламы, которые могутъ содержаться на свой счетъ; но таковыя, какъ я уже сказалъ, уходятъ обыкновенно въ монастыри хошѹнные или въ гэгэновскіе, такъ какъ положеніе въ этихъ послѣднихъ все таки обезпеченнѣе, доходы встрѣчаются чаще и богаче, да и самая жизнь въ этихъ монастыряхъ веселѣе и обильнѣе событіями.

Еще пустыняѣе и безлюднѣе кажутся теперь монастыри, построенные какими либо частными благотворителями. Встарину, когда монголы были богаче, ихъ ревность въ дѣлѣ устройства храмовъ могла проявляться въ гораздо большихъ размѣрахъ. Проповѣди и увѣщанія ламъ, по которымъ признается безразличнымъ, сдѣлаетъ ли доброе дѣло человекъ самъ лично, или же исполнить его чрезъ другихъ, всегда находили для себя полнѣйшій отголосокъ въ душѣ халхасовъ; отсюда чрезмѣрное число построенныхъ кумирень, масса воздвигнутыхъ бурхановъ, громадныя библіотеки рукописныхъ номовъ (священныхъ книгъ буддизма), находящіяся въ монастыряхъ. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ мнѣ приходилось напр. встрѣчать цѣлыя сотни экземпляровъ одного и того-же сочиненія. Можно было бы спросить, для чего потребовалась такая масса? Оказывается однако, что нужды тутъ ни какой не было. Все дѣло въ томъ, что въ концѣ этой книги, за переписку ея переписчику общается возрожденіе въ

блаженномъ царствѣ Сукавади; а такъ какъ сдѣлать добро все равно самому, или чрезъ другаго (ᠰᠤᠬᠠᠸᠠᠪᠠᠳᠢ ᠠᠨ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠨ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠨ ᠤᠯᠤᠰ), то всякій зажиточный монголъ и заставляетъ ламъ переписывать это благодѣтельное сочиненіе. То же самое относится до монастырей и бурхановъ. Соорудителями монастырей являлись особенно халхаскіе князья и богатые тайжиги (княжескіе родственники). Монастырь, построенный тѣмъ или другимъ тайжи, обыкновенно привлекалъ къ себѣ нѣсколько ламъ, которые жили и питались на счетъ строителя монастыря; но благочестивый мужъ умиралъ, его наслѣдники на нѣкоторое время удерживали старый порядокъ, а потомъ отказывали ламамъ въ содержаніи. Такимъ образомъ монастырь дѣлался пустыннымъ. Въ настоящее время большая часть такихъ монастырей перешла въ полное владѣніе и распоряженіе сумунныхъ общинъ; но эта передача никогда не спасала эти монастыри отъ безлюдья, такъ какъ сумуны имѣютъ свои собственные монастыри, о которыхъ естественно болѣе и заботятся. Что же касается такихъ, построенныхъ частными лицами и переданныхъ въ вѣдѣніе сумуновъ кумирень, то къ нимъ даже въ дни великихъ хураловъ много много если собирается десятка полтора ламъ.

Вышеуказанное различіе въ средствахъ для сооруженія и содержанія халхаскихъ монастырей и кумирень естественно обусловливаетъ собою то, что они разнятся другъ отъ друга по своей величинѣ, обстановкѣ и отдѣлкѣ. Самыми бѣдными и незначительными являются въ настоящее время именно монастыри и храмы, построенные или частными лицами, или сумунными обществами. По своей обширности они походятъ на наши южно-русскія киновіи и въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою одну только кумирню, посвященную въ честь какого либо божества (ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠨ ᠤᠯᠤᠰ); хотя, по понятіямъ буддистовъ, имѣть въ монастырѣ одну только кумирню почти невозможно. Известно, что каждый буддійскій монастырь, будучи разсадникомъ вѣры и священнаго ученія, непременно избираетъ себѣ въ постоянные покровители одного изъ докшитовъ, т. е. геніевъ, хранителей священнаго буддійскаго ученія (ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠨ ᠤᠯᠤᠰ), котораго онъ

и чествуетъ преимущественно предъ другими докшиями. Историческіе памятники Монголіи, правда, свидѣтельствуютъ намъ, что въ первые времена развитія здѣсь буддизма, монголы оставляя свои монастыри безъ избранія генія хранителя иногда на довольно долгое время (такимъ образомъ въ Эрдэни-цзу Гѣнбо-гуру былъ избранъ только черезъ 70 лѣтъ, послѣ основанія монастыря); но въ настоящее время чествованіе генія хранителя начинается обыкновенно со времени освященія храма, а избраніе спеціальнаго генія хранителя совершается даже до времени основанія и закладки монастыря. Такими покровителями избраны въ Ургѣ—Чжамсаранъ, въ Эрдэни-цзу—Гѣнбо-гуру, въ Барунъ-хүрѣ — Чжикчжигъ, въ Гусино-озерскомъ даданѣ нашихъ Бурятъ—Хлама, въ Цугальскомъ и Эгэтуевскомъ—Чойчжиль, въ Ачинскомъ—Чжамсаранъ и проч. Въ честь избраннаго монастыремъ генія хранителя у монголовъ принято въ обычай сооружать также отдѣльный храмъ; вотъ почему въ каждомъ монгольскомъ монастырѣ почти обязательнымъ является уже не одинъ, а непременно два храма, т. е. помимо «гѣль сүмэ», въ нихъ еще бываетъ «докшидѣйинъ сүмэ». Въ большихъ монастырскихъ обителяхъ принадлежащее къ нимъ духовенство, у монголовъ принято въ обычай, для удобства управленія, раздѣлять на аймаки, или отдѣльныя части; при этомъ каждый изъ такихъ аймаковъ непременно имѣетъ свой «гѣль сүмэ», въ которомъ и отправляетъ ежедневныя службы. Для соборныхъ служеній ламъ всѣхъ аймаковъ въ такихъ монастыряхъ устраивается еще особый храмъ, который носитъ названіе «цокчинъ», т. е. соборнаго храма. Само собою разумѣется, что въ этихъ большихъ монастыряхъ по преимуществу сосредоточивается изученіе буддизма, высшія школы котораго извѣстны подъ именемъ «цанит'а». Ламы, изучающіе это высшее богословіе, совершаютъ свои богослуженія и производятъ религіозныя диспуты въ особо для того назначенныхъ храмахъ, получающихъ названіе «цанидѣйинъ сүмэ». Окончившіе курсъ цанит'а получаютъ у монголовъ право совершать тарпистическія богослуженія, для которыхъ также устраиваются особые храмы — «Чжудѣйинъ сүмэ». Ламы, избравшіе специаль-

монастыря и его обитателей отъ міра и всего мірскаго (ᠮᠣᠩᠭᠣᠯᠠ ᠨᠠᠭᠤᠨ ᠨᠠᠭᠤᠨ ᠨᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ) 1).

Что касается до устройства самыхъ храмовъ, то, несмотря на ихъ различіе по спеціальности ихъ назначенія, они устраиваются всегда по однимъ и тѣмъ же правиламъ буддѣйской каноники, а потому естественно не могутъ и не должны отличаться одни отъ другаго ни по обрядамъ своего построения, ни по своимъ главнѣйшимъ составнымъ частямъ. За все время трехлѣтняго пребыванія моего въ Монголіи мнѣ ни разу не пришлось видѣть буддѣйскихъ обрядовъ, совершаемыхъ при основаніи и закладкѣ монастыря или храма. Единственный случай для сего представлялся мнѣ въ 1879-мъ году близъ Улясутая въ монастырѣ Ханбо ламы, или Ханбо гэгэна²⁾, гдѣ устроили въ ту пору

1) Этотъ законъ уже нѣсколько разъ давалъ поводъ ургинскимъ ламамъ переносить свой монастырь съ мѣста на мѣсто. Содержа въ своихъ стѣнахъ тысячъ до 20 жителей, Урга, или точнѣе сказать, ургинскій монастырь, естественно привлекаетъ къ себѣ массу китайцевъ — купцовъ, которые, для удобства сбыта товаровъ, всегда стараются дѣлаться поближе къ самому монастырю. Въ 1886-мъ году, ургинскіе ламы, безуспѣшно ведшіе судебное дѣло въ Пекинѣ объ удаленіи китайскихъ торговцевъ отъ монастыря, должны были уючоваться съ р. Сельбы на р. Толу и такимъ образомъ освободились отъ осаждавшихъ ихъ китайскихъ лавокъ. Во время моего пребыванія въ Ургѣ, монастырь снова былъ уже обстроенъ зданіями купеческихъ доховъ: русскія и китайскія лавки располагались не далѣе 50 сажень отъ монастырской ограды. Въ 1880 г. Чжобизунъ - дамба хутухта опять началъ хлопотать въ Пекинѣ объ удаленіи торговцевъ и въ 1882-мъ году представилъ докладъ къ императору о томъ, что Урга будетъ перенесена въ Орхонизау, если торговцы не будутъ удалены отъ стѣнъ ея. Послѣ сего лавки китайскихъ купцовъ были отсюда удалены, но русскія постройки остались на старыхъ мѣстахъ, благодаря толковому веденію этого дѣла и д. консула В. М. Успенскимъ.

2) Ханбо гэгэнъ, или Ханбо лама явился въ Монголію изъ Тибета въ началѣ настоящаго столѣтія и въ 1879 году имѣлъ уже два перерожденія въ Монголіи. Изъ Тибета онъ пришелъ самъ, безъ всякаго приглашенія и подъ видомъ простаго ламы. Сначала онъ поселился въ небольшой юртѣ, гдѣ былъ у него и сумъ, потомъ построилъ монастырь на берегу рѣки Такши-буянту (рѣка эта составляетъ правый притокъ Идэра, течетъ въ Сайнъ-нояновскомъ аймакѣ и составляетъ собою границу для кочевьевъ халхасовъ средняго лѣваго знамени и крайняго знамени праваго крыла; или какъ говорятъ въ просторѣчьи, границу между кошунами Далай-пана и Джа-батуръ-цзасака); здѣсь онъ и скончался, сдѣлавшись извѣстнымъ подъ именемъ благочестиваго тойна. Впослѣдствіи начали искать его перерожденія и оба послѣдующіе хубилганы

новую кумирню; но, по несчастію, я опоздалъ на самую церемонію закладки и пріѣхалъ уже спустя двѣ недѣли послѣ того, какъ были покончены всѣ обряды. Новизна событія позволяла однако ламамъ разказывать обо всемъ болѣе подробно и изъ этихъ разказовъ я узналъ, что обряды, предшествовавшіе постройкѣ храма, начались по крайней мѣрѣ за годъ до его закладки. Первымъ изъ нихъ было то, что главнѣйшія лица монастыря Ханбо-гэгэна отправили отъ себя посольство въ Ургу, къ тамошнимъ астрологамъ, или цзурхайчіямъ, съ цѣлью просить ихъ опредѣлить мѣсто для постройки храма. Посольство явилось въ Ургу, поднесло мандаль Чжэбцзунъ-дамба-хутухтѣ и обратилось съ своей просьбой къ его цзурхайчіямъ; но дѣло не окончилось еще такъ скоро. Потому ли что ургинскіе цзурхайчи не знали кочевьевъ, въ которыхъ проживалъ Ханбѣ-гэгэнъ, или потому что они предвидѣли получить при этомъ обстоятельствѣ малую толику, но они отказались исполнить просьбу посольства въ Ургѣ, а порѣшили, что имъ необходимо ѣхать въ самыя кочевья Ханбѣ-гэгэна, отстояція приблизительно верстъ на 550 отъ Урги. Прибывъ на мѣсто, они въ теченіе цѣлаго мѣсяца служили молебствія, совершая свои гаданія на различныхъ мѣстахъ и только по истеченіи этого времени могли указать точное мѣсто для постройки храма. Ламы, разказывавшіе мнѣ объ этомъ обстоятельствѣ, были совершенно убѣждены, что оно было дѣломъ великой важности и что исполненіе его было необычайно трудно, потому что при этомъ должны быть приведены въ

его являлись въ хошунѣ Далай-вана, хотя монастырь Ханбо-ламы принадлежитъ собственно кочевьямъ Джа-цзасака. 12-го февраля 1879 г. я, проѣзжая изъ Урги въ Улясутай, видѣлъ этотъ монастырь Ханбо-гэгэна на берегу Тѣкши-гола, но уже оставленнымъ и пустыннымъ. Въ стѣнахъ его находилось до 150 деревянныхъ байшиновъ, въ которыхъ жили ламы и шесть дугановъ (храмовъ), изъ которыхъ 5 было деревянныхъ и 6-й изъ глины. Все это повторяю, было оставлено, потому что монастырь былъ перенесенъ верстъ на 8 къ западу отсюда, въ долину рѣки Чжиргаланту. Перенесеніе монастыря совершалось вслѣдствіе болѣзни гэгэна: мѣсто при р. Тѣкши-буянту было признано несчастнымъ, а потому и оставлено вмѣстѣ съ построенными на немъ будничными и монастырскою утварью.

согласіе всѣ примѣты, численныя въ буддійскихъ астрологическихъ книгахъ. Такимъ образомъ здѣсь принимался въ расчетъ положеніе горъ и скалъ, окружающихъ мѣстность, видъ самаго мѣста, отношеніе къ нему близъ лежащихъ рѣкъ, колодезь и другихъ водъ и т. п. Когда отыскано было мѣсто для постройки храма, тѣже цзурхэйчи обязаны были указать откуда нужно было брать матеріалы для постройки кумирни и день, въ который можно было начать самую постройку. На первый изъ упомянутыхъ вопросовъ цзурхэйчи, такъ какъ зданіе кумирни въ данномъ случаѣ предполагалось деревянное, указали брать лѣсъ съ горъ Хангай. Это было приблизительно верстъ за 300 отъ мѣста постройки, хотя матеріалъ для нея можно было найти гораздо ближе, наконецъ еще проще, легче и дешевле можно было купить его у мѣстныхъ китайскихъ торгашей, ведущихъ лѣсное дѣло. Все это было обойдено, ибо при самой заготовкѣ матеріала надлежало совершить еще новые обряды. Отпустивъ съ подарками цзурхэйчівъ, верховное духовенство монастыря Халбогэна со своимъ штатомъ, а всего въ количествѣ 62 человекъ, отправилось въ Хангай на мѣсто, гдѣ должно было брать матеріалъ для постройки, или, точнѣе сказать, рубить лѣсъ! Здѣсь они въ теченіи 15-ти дней (съ 1-го по 15-е число мѣсяца) совершали молебствія и приносили жертвы съ тою цѣлью, какъ объясняли имъ ламы, чтобы во 1-хъ испросить у геніевъ, хранителей этого мѣста позволеніе рубить деревья, а во 2-хъ дать знать духу каждаго дерева, что жилище его будетъ разрушено и просить его заблаговременно куда либо переселиться, чтобы такимъ образомъ не остаться ему безъ крова. За тѣмъ ко дню, назначенному цзурхэйчіями для самой закладки кумирни, весь матеріалъ, потребный къ ея постройкѣ, былъ уже на мѣстѣ. Самый день закладки съ ранняго утра начать былъ богослуженіемъ. Съ припесеніемъ жертвъ и баллиновъ ламы освящали мѣсто будущей кумирни, содержаніе же читаемыхъ при этомъ молитвъ представляеть просьбу къ божествамъ о покровительствѣ вновь устраиваемаго храма и объ изгнаніи нечистыхъ духовъ, господствовавшихъ надъ этимъ пространствомъ. Послѣ сего было окончательно

рубинъ и сапфиръ. Бумба, наполненная этими предметами и сверхъ того вмѣщающая въ себѣ нѣсколько листовъ, исписанныхъ молитвами и разнаго рода священными заклинаніями, обертывается въ желтый шелковый хадакъ и поставляется въ склепѣ, такъ что остается непридавливаемою массою накидываемой на нее земли.

Теперь мы намѣрены представить своимъ читателямъ подробное описаніе внѣшняго и внутренняго вида монгольскихъ монастырей и кумирень, чтобы такимъ образомъ дать понятіе о буддѣйскихъ монастыряхъ и кумирняхъ, а равно и познакомить съ церковною утварью буддистовъ.

II.

Монголо-буддѣйскія кумирни и ихъ принадлежности.

Изъ тѣхъ короткихъ указаній, которыя были сдѣланы выше относительно сооруженія кумирень, читателямъ уже можно было догадываться, что буддѣйскіе монастыри и храмы въ Халхѣ представляютъ собою не кочевыя и подвижныя, а прочныя деревянныя, или каменные постройки. Дѣйствительно, за все время своего путешествія, я находилъ буддѣйскіе храмы помѣщавшимися въ войлочныхъ кибиткахъ только у Олозовъ заселяющихъ мѣста древней Чжунгаріи, да у Дѣрбѣтовъ, кочующихъ близь оз. Убса; говорятъ, что два или три такихъ кочевыхъ монастыря находится еще въ южныхъ хошунѣхъ халхаскаго Цзасакту-хана, но мнѣ не удалось посѣтить ихъ, такъ что всѣ монастыри и храмы, видѣнные мною въ собственной Халхѣ, были именно осѣдлыми и прочными постройками.

Внѣшній видъ у буддѣйскихъ монастырей, какъ у бѣдныхъ такъ и у богатыхъ, довольно однообразенъ. Снаружи всѣ они

существуетъ до тысячи лѣтъ, пріобрѣтаетъ (буквально: устанавливается) въ шарообразную форму. (Таковую) драгоценность называютъ «мусарага». Цвѣтъ ея бѣлый, синеватый и желтый.

непрѣмѣнно обносится оградами, которыя устраиваются или изъ сдѣланныхъ стоящихъ бревенъ, или же складываются изъ сырцового кирпича и обмазываются глиною. Въ императорскихъ сумѣ ограда всегда бываетъ кирпичная, съ бордюромъ по верхнему краю, выдѣланнымъ изъ того же кирпича и непрѣмѣнно окрашенная въ розовую краску, что составляетъ особое преимущество и отличіе именно императорскихъ кумирень. По угламъ этихъ стѣнъ, или заборовъ, равно какъ надъ воротами, надъ калитками и вообще на всѣхъ, выдающихся мѣстахъ и столбахъ прибивается, или же водружается на шестикахъ такъ называемый «дарпокъ». Это небольшіе (въ полъ-аршина величиною) доскутки разноцвѣтныхъ матерій съ начертанными на нихъ словами священныхъ молитвъ, или отдѣльныхъ мистическихъ изрѣченій. Дарпокамъ приписывается чудесная сила отгонять все злое отъ монастырскихъ зданій. Они смѣняются каждый годъ 4-го числа 1-й лунны при совершеніи особыхъ богослуженій. Саженьхъ въ 30-ти не доходя до этой монастырской ограды, прямо противъ главныхъ монастырскихъ воротъ, ставятся двѣ слегы приблизительно сажени въ пять, или шесть вышиною. Это, такъ называемыя, «тахилангъ модѣ» (ཐག་ལང་མོ་དཔེ), — первая религіозная принадлежность каждаго буддійскаго монастыря (ཆོས་ཁྱེད་ཀྱི་མཆོད་པོ་), съ которыми связывается наблюдатель, подходя къ монастырской оградѣ. Въ дни великихъ праздниковъ, когда въ кумирняхъ совершаются торжественные хуралы, ламы ставятъ на одну изъ этихъ слегъ сосудъ съ куреніями, а на другой утверждаютъ фонарь съ лампадою. Въ параллели этихъ слегъ, т. е. также точно не доходя сажени тридцати, вокругъ всего монастыря располагается иногда по одному съ каждой стороны, а иногда и нѣсколько десятковъ «мѣнйингъ модѣ». Это особаго рода приборъ, состоящій изъ поставленнаго вертикально, круглаго, или же восьмиграннаго цилиндра. Посрединѣ этого цилиндра и чрезъ оба дна его проходитъ также точно вертикально водруженная, наглухо прикрѣпленная къ цилиндру, но сама по себѣ подвижная желѣзная ось. Къ нижнему концу этой оси придѣлывается металлическая или деревянная рукоятка, служащая для удобства вращенія оси, а вмѣстѣ съ нею конечно и цилиндра.

Хүрдэ имѣтъ сверху отверстіе, при посредствѣ котораго въ средину его закладываютъ нѣсколько тысячъ отдѣльныхъ листовъ, сплошь исписанныхъ шестисложною мистическою формулою: «омъ-ма-ни-пад-мэ-хумъ», иногда еще въ хүрдэ вкладываютъ листы и фолліанты другихъ молитвъ, а иногда даже и цѣлыя религіозныя сочиненія. Назначеніе этого прибора состоитъ въ томъ, чтобы всякій вѣрующій, проходя мимо монастырской ограды, могъ повернуть его; при чемъ буддисты вѣрують, что каждое круговращеніе хүрдэ равняется прочтенію всѣхъ тѣхъ молитвъ и всѣхъ тѣхъ маѣ, которыя въ него положены. Нѣтъ сомнѣнія, что смыслъ и значеніе этого прибора—«маѣниинъ хүрдэ» имѣтъ ближайшую связь съ «найманъ хэгэсүтү» и другими видами хүрдэ, о которыхъ буду говорить я ниже, теперь же отмѣчу только одно сообщеніе, сдѣланное мнѣ въ Ургѣ тибетскимъ ламою Чойндономъ, которое кажется мнѣ въ высшей степени интереснымъ, потому что, по моему мнѣнію, оно бросаетъ намъ нѣкоторый свѣтъ на первоначальное происхожденіе обычая вращенія хүрдэ. Пословамъ Чойндона тибетцы значительно религіознѣе монголовъ. Во всемъ Тибетѣ, говорилъ онъ, не только ламы, но даже и простолюдины иначе не входятъ въ храмъ, какъ предварительно прочитавши «маѣни», «итэгэль» (символь вѣры) и «микчжымъ». Большинство знаетъ наизусть эти молитвы, для незнающихъ же и малолѣтнихъ предъ дверями храма вкапывается столбъ, на которомъ написаны помянутыя молитвы со всѣхъ сторонъ. Въ большихъ монастыряхъ, гдѣ собирается много народа и гдѣ вѣрующимъ неудобно обходить вокругъ столба, чтобы прочесть все написанное на немъ, — «маѣни», «итэгэль» и «микчжымъ» пишутся на подвижныхъ, вращающихся кругомъ, столбахъ. Прочитавши написанное на одной сторонѣ столба, поворачиваешь его и прочитываешь написанное на другой; чѣмъ больше разъ прочтешь, тѣмъ достойнѣе вступаешь въ храмъ. Отсюда сама собою дѣлается понятною мысль о вращенія хүрдэ: чтобы достойнѣе вступить въ храмъ, нужно было большее число разъ прочесть молитвы, а слѣдовательно и повернуть столбъ: отъ поворотовъ для чтенія до механическаго поворачиванія переходъ уже очень небольшой и мнѣ кажется, весьма вѣ-

роитнымъ, что время теперь только изгладило изъ памяти буддистовъ первоначальное происхожденіе ихъ хурдэ, придало ему новое значеніе, а за симъ, сообразно этому значенію изобрѣтало для него и новыя формы. Но Чойндонъ напрасно обвинялъ монголовъ въ недостаткѣ религіозности, потому что благоговѣніе, съ которымъ приближается каждый степнякъ богомолецъ къ своему монастырю, по истинѣ заслуживаетъ только удивленія. Подъѣзжая къ монастырю, халхасъ всегда по крайней мѣрѣ за полъ-версты слѣзаетъ съ своей лошади и далѣе идетъ пѣшкомъ; приблизившись къ оградѣ, онъ привязываетъ лошадь у обыкновенно устраиваемой здѣсь коновязи, а самъ становится посреди «тахилыйнъ модо», т. е. какъ разъ противъ главныхъ монастырскихъ воротъ, и кладетъ здѣсь три земныхъ поклона; за симъ онъ обходитъ посолонь три раза вокругъ всей монастырской ограды и при этомъ считаетъ своимъ долгомъ повернуть каждое хурдэ;—только обошедши въ третій разъ весь монастырь, вступаетъ онъ въ его ограду. Само собою разумѣется, что я описываю здѣсь обычай богомольцевъ, а не входъ тѣхъ лицъ, которые живутъ въ монастырѣ постоянно, или являются сюда по причинамъ, лежащимъ внѣ ихъ религіозныхъ потребностей. Относительно «тахилыйнъ модо» и стоящихъ вокругъ монастыря хурдэ мы считаемъ должнымъ замѣтить еще, что они соединяютъ въ себѣ значеніе пограничныхъ знаковъ земли, принадлежащей монастырю. Внутри этихъ знаковъ, т. е. на монастырской землѣ, невозможно убивать животныхъ, сюда нельзя вносить водку и вино, здѣсь нельзя оставлять ночевать женщину, или же возможно только съ разрѣшенія начальника монастыря. Если бы что либо подобное сдѣлалъ лама, или кто изъ монастырскихъ прислужниковъ, то таковымъ въ наказаніе назначается положить 1000 поклоновъ въ кумирѣ.

Проходовъ за ограду буддійскихъ монастырей всегда устраивается нѣсколько и главнѣйшимъ изъ нихъ почитаются широкія створчатыя ворота, устраиваемыя на южной сторонѣ монастыря. Впрочемъ ворота эти почти весь свой вѣкъ бываютъ на замкѣ, такъ какъ на телѣгахъ во дворъ монастырей никто и никогда не въѣзжаетъ, да и не можетъ въѣзжать согласно уставамъ буддій-

ской каноники; для прохода же монастырских ламъ, поклонниковъ и посѣтителей монастыря помимо этихъ воротъ устраиваются особыя калитки. Главныя ворота, называемыя «богдѡйнъ замъ», или «богдѡйнъ халга» (ᠪᠣᠭᠳᠣᠶᠢᠨ ᠵᠠᠮ ᠬᠠᠯᠭᠠ, т. е. путь и ворота святительскія, въ богатыхъ хутухтинскихъ монастыряхъ представляютъ собою цѣлыя зданія. Они всегда устраиваются нѣсколько выше общей монастырской ограды, а иногда дѣлаются даже двухъ-этажными, при чемъ второй этажъ, называемый «халганай асаръ», имѣетъ значеніе нашихъ часовенъ, потому что въ немъ всегда ставится нѣсколько бурхановъ, жертвенный столъ и принадлежности жертвъ. Нижний этажъ воротъ, назначаемый собственно для прохода чрезъ него хутухты и ламъ при совершеніи этими послѣдними нѣкоторыхъ религіозныхъ церемоній, закрывается съ наружной стороны створчатыми дверями, которыя иногда украшаются рисунками драконовъ, а въ большинствѣ случаевъ бываютъ просто окрашены въ красную краску. Когда двери эти отворяются, то можно видѣть, что нижній этажъ воротъ представляетъ собою крытую галерею по обѣимъ сторонамъ которой расположены по два въ рядъ четыре кумира. Это фигуры такъ называемыхъ четырехъ махаранца, — царственныхъ геніевъ, живущихъ по четыремъ странамъ Сумэръ-улы и сторожащихъ спокойствіе міра. Первый изъ этихъ кумировъ изображается съ синимъ лицомъ; въ правой рукѣ онъ держитъ обнаженный мечъ, а въ лѣвой употребляемую при буддійскихъ богослуженіяхъ раковину. Второй, съ тѣломъ краснаго цвѣта, держитъ въ рукахъ извивающуюся змѣю. Третій, съ тѣломъ желтаго цвѣта, держитъ въ правой рукѣ Чжокбѡ, а въ лѣвой мышъ и наконецъ четвертый, съ тѣломъ бураго цвѣта, играетъ на лютиѣ ¹⁾. Въ бѣдныхъ сумуныхъ кумирняхъ «богдѡйнъ халга» представля-

1) Въ Юмѣ находимъ названія этихъ четырехъ махаранца (= махарачжа); первый изъ нихъ называется Варутаки (ᠪᠠᠷᠤᠲᠠᠬᠢ ᠬᠠᠷᠠᠨᠴᠠ); второй — Вирупакши (ᠪᠢᠷᠤᠫᠠᠭᠰᠢ ᠬᠠᠷᠠᠨᠴᠠ); третій — Дрити-раштра (ᠳᠢᠷᠢᠲᠢ ᠷᠠᠰᠢᠲᠷᠠ) и четвертый — Вайсравани (ᠪᠠᠶᠢᠰᠢᠷᠠᠩᠢ ᠬᠠᠷᠠᠨᠴᠠ).

ются въ видѣ простыхъ створчатыхъ воротъ, украшеній на себѣ они почти никакихъ не имѣютъ, равно какъ не поставляется надъ ними и никакихъ бурхановъ. Въ императорскихъ кумирняхъ надъ главными воротами монастыря прикрѣпляется обыкновенно продолговатая дощечка, окрашенная въ синюю краску и обдѣланная въ изящно вырѣзанную рамку; на этой дощечкѣ золотыми буквами надписывается на языкахъ китайскомъ, тибетскомъ, монгольскомъ и маньчжурскомъ названіе кумирни, пожалованное ей императоромъ; кромѣ того на одномъ только кигайскомъ языкѣ обозначается время окончанія постройки храма и пожалованія ему этой самой дощечки. Такая же дощечка прикрѣпляется за сими въ императорскихъ кумирняхъ и надъ главными дверями самаго храма.

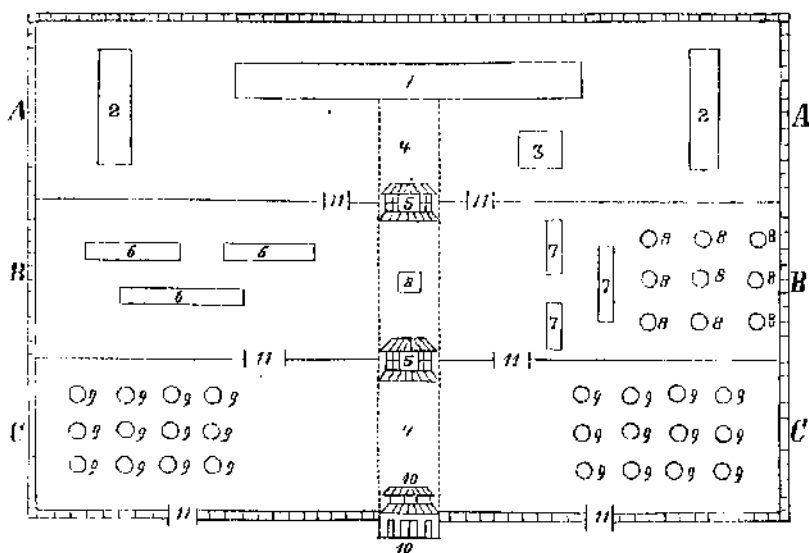
Вступивъ черезъ калитку въ монастырскую ограду, мы находимъ, что общее пространство монастырскаго двора раздѣляется здѣсь заборами обыкновенно на три или на четыре отдѣленія, причемъ только одно изъ такихъ отдѣленій составляетъ собственно храмовой дворъ, а два, или три другихъ назначаются для постройки на нихъ разнаго рода службъ и жилищъ обитающихъ при монастырѣ монаховъ. Располагаютъ эти отдѣльные дворы двумя способами: или такъ, что одинъ дворъ предшествуетъ другому и тогда заборы внутри общаго монастырскаго двора пересѣкаютъ его вдоль; или же служебные и жилые дворы располагаются по бокамъ двора храмоваго и тогда заборы ихъ пересѣкаютъ монастырскій дворъ поперекъ. Первый способъ расположенія соблюдается по преимуществу въ императорскихъ кумирняхъ, при чемъ главный храмъ устраивается обыкновенно въ самой глубинѣ дворовъ, т. е. за второю, или даже за третьей оградой; второй способъ расположенія чаще всего можно находить въ степныхъ монастыряхъ хутухтинскихъ, или хошунныхъ. Во всякомъ случаѣ однако дворы эти находятся въ одной общей монастырской оградѣ и взаимно соединяются между собою воротами и калитками. Внутреннія ворота, смотря по богатству монастыря устраиваются также точно съ большимъ или меньшимъ великолѣпіемъ: иногда они представляютъ собою простые калитки, въ другой разъ

всѣ строятся двухъ-этажными, имѣя во второмъ этажѣ часовни, или даже небольшія кумирни.

Что касается расположенія зданій на монастырскомъ дворѣ, то главное изъ нихъ, т. е. «гѡль сѹмэ», всегда строится посреди своего двора и при томъ двери его непремѣнно находятся параллельно главнымъ воротамъ (богдѡйнъ хѡлга) общей монастырской ограды. Отъ этихъ воротъ вплоть до самыхъ дверей храма устраивается съ нѣкоторымъ возвышеніемъ противъ общаго уровня двора широкая дорога, выстлалая плитами тесанаго бѣлаго камня и иногда огораживаемая перилами. Это «высокій путь» называемый для шествованія гагэновъ, если бы имъ вздумалось когда либо посѣтить храмъ, а также и для торжественныхъ религіозныхъ церемоній, когда ламамъ нужно бываетъ выходить за ограду монастыря и совершать какой либо церковный обрядъ за его стѣнами. На этомъ высокомъ пути, какъ разъ на половинѣ разстоянія между воротами ограды и дверями главной кумирни, сооружается каменный жертвенникъ въ видѣ четырехъ-угольнаго столба, аршина въ два вышиною, а на вершинѣ его ставится чугунный сосудъ, имѣющій видъ или небольшой урны, или фигуры того чудовищнаго и уродливаго животнаго, съ безобразными формами котораго китайцы и монголы соединяютъ понятіе льва. Въ этомъ сосудѣ въ дни великихъ праздниковъ разжигаются угли и сжигается большое количество истолченнаго можжевельника (тѡдѡ), почитаемаго монголами за его благовоніе священною травою. Влѣво отъ этого жертвенника, т. е. на юго-восточной сторонѣ «гѡль-сѹмэ» въ нѣкоторыхъ монастыряхъ устраивается еще «бурѣйнъ шатъ». Это деревянный помостъ, воздвигнутый на четырехъ столбахъ, сажени въ полторы, или въ двѣ вышиною; къ помосту пристраивается деревянная лѣстница для того чтобы всходить по ней на вершину помоста. Назначеніе этой постройки состоитъ въ томъ, чтобы призывать съ нея ламъ къ совершенію хураловъ. Передъ началомъ каждаго хурала обыкновенно входитъ на этотъ помостъ лама съ раковиною, или бишкѹромъ и, по установленному порядку трубить три раза, чѣмъ и оканчивается благовѣсть въ буддійскихъ монастыряхъ. Въ императорскихъ

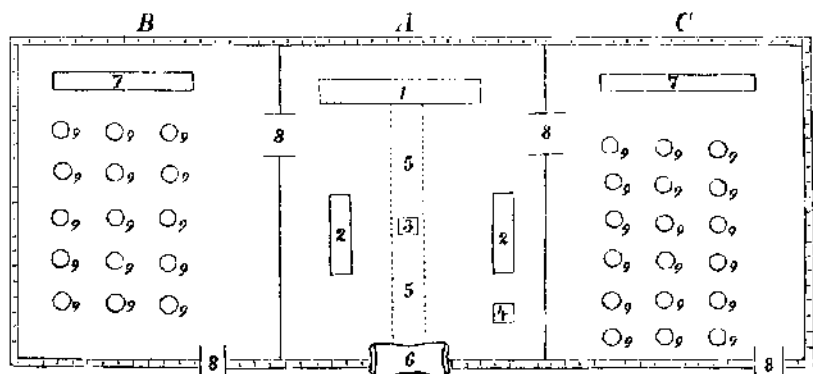
монастыряхъ передъ гѣль сѹмэ можно встрѣчать иногда особый блокъ, или часовню съ каменнымъ памятникомъ, въ которомъ раскрывается или исторія построенія монастыря, или другого какого замѣчательнаго событія, совершившагося подъ его стѣнами. Помимо сего на обширныхъ дворахъ стѣнныхъ храмовъ не бываетъ ни какихъ строеній: всѣ зданія монастырскихъ службъ и кладовыхъ, равно какъ и жилища ламъ, находятся обыкновенно за оградою храма, а внутри ея дворы всегда представляются совершенно пустынными: они густо поростають травою и на всемъ занимаемомъ ими пространствѣ только ясно видны двѣ, три дорожки, по которымъ приходитъ въ кумирню ламы, да бѣлыя плиты «высокаго пути», выглядывающія изъ подъ травы, поросшей въ ихъ промежуткахъ.

Расположеніе императорскихъ и богатыхъ хутухтинскихъ монастырей.

- А. Главный дворъ. 1) Гѣль-сѹмэ. 2) Боковые храмы, или жилища хутухты. 3) Часовня съ императорскимъ памятникомъ. 4) Высокій путь. 5) Внутренніе ворота. В. Второй дворъ. 6) Кладовыя монастыря. 7) Байишны ламъ. 8) Юрты почтенныхъ ламъ, живущихъ въ монастырѣ. 9) Жертвенникъ куреній. С. Третій дворъ. 10) Юрты низшихъ ламъ. 11) Богдойнъ хѣлга. 12) Калитки.

Расположеніе обыкновенных степных монастырей.

А. Главный дворъ. 1) Гѣль сѹмэ. 2) Боковыя храмы. 3) Жертвенникъ куреній. 4) Бурѣйнъ шата. 5) Высокій путь. 6. Богдоинъ халга. В. Второй дворъ. С. Третій дворъ. 7) Кладовыя монастыря. 8) Калитка. 9) Юрты монастырскихъ ламъ.

Въ архитектурномъ отношеніи сами монголы раздѣляютъ свои храмы на два отдѣльных вида: въ 1-хъ храмы тибетскаго и во 2-хъ храмы китайскаго типовъ. Кумирни перваго рода представляютъ собою въ большинствѣ случаевъ квадратныя, или же нѣсколько продолговатыя съ запада на востокъ зданія; они почти всегда бываютъ одноэтажныя, но за всѣмъ тѣмъ являются гораздо выше даже двухъ-этажныхъ китайскихъ построекъ. Въ фасадѣ ихъ нѣтъ ничего затѣйливаго. Это ровныя четырехъ-угольныя зданія, въ которыхъ отъ самой ихъ основы вплоть до верхушки крыши не выдается ни одинъ уголокъ, ни одной колонны, ни одного выпуклаго карниза, ни одной вогнутой ниши. Нашъ совершенно ровный деревянный срубъ, обшитый тесомъ и выкрашенный въ бѣлую краску можетъ служить лучшимъ подобіемъ монголо-буддйскихъ храмовъ тибетской архитектуры. Крыша ихъ состоитъ изъ связанныхъ въ пучки и гладко обрѣзанныхъ корней самшитоваго дерева (*Buxus sempervirens*; мон-

тол. «даланъ-халисѹ»), накладываемыхъ толщиною приблизительно въ пять, или шесть четвертей. Сверхъ этого слоя снова продолжается бѣлая стѣна храма, также приблизительно на аршинъ, или на три четверти и этимъ зданіе оканчивается. Такимъ образомъ смотря на зданіе кумирни тибетской архитектуры, мы вовсе не видимъ въ немъ выдающейся кверху по европейскому, или по китайскому образцу крыши. Собственно крышу составляютъ у этихъ зданій корни самшита, но придавленные верхней частью стѣны они выглядываютъ наружу какъ прессованные и, почернѣвъ отъ времени, кажутся только чернымъ бордюромъ для общего фона бѣлыхъ стѣнъ храма. На этотъ черный бордюръ монголы накладываютъ какъ украшеніе, въ каждой сторонѣ храма по нѣскольку кружковъ изъ желтой мѣди, ярко блестящихъ на солнце и довершающихъ для европейца новизну внѣшняго вида кумирни. Таковы храмы собственно тибетскаго образца; но въ настоящее время въ Монголіи ихъ уже нѣтъ не много, такъ этого зданія подобной формы мнѣ удалось видѣть только въ монастырѣ Эрдэни-цзу, въ Бару́нь-хурѣ да въ хошунномъ хитѣ Хла-бойсѣ на Кэрулэнѣ, въ большей же части храмовъ тибетской архитектуры, относящихся по своей постройкѣ къ послѣднему времени, монголы всегда устраиваютъ крышу китайскаго образца; иногда они надстраиваютъ надъ ними даже мезонинъ, какъ это на примѣръ сдѣлано въ загородномъ монастырскомъ храмѣ, служащемъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ ургинскаго хутухты, а иногда даже нѣчто въ родѣ византійскаго купола, какъ въ ургинскомъ храмѣ Майдари. Окна въ храмахъ тибетской архитектуры обыкновенно располагаются очень высоко, почти подъ самою крышею и при томъ съ трехъ сторонъ: восточной, западной и южной. Въ стѣвальной стѣнѣ кумирень оконъ никогда не дѣлаютъ, потому что эта стѣна, какъ увидимъ ниже, бываетъ почти сплошь закрыта стоящими у нея бурханами.

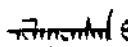
Храмы китайской архитектуры несравненно сложнѣе, фигурнѣе и красивѣе тибетскихъ по своему внѣшнему виду. Какъ и храмы тибетскаго образца они представляютъ собою квадратныя, но еще чаще продолговатыя съ запада на востокъ зданія и по

своему основному стилю должны были бы быть гораздо ниже тибетскихъ. Впрочемъ монголы за послѣднее время значительно измѣнили фасадъ храмовъ китайской архитектуры, такъ что храмы эти можно теперь опять таки подраздѣлить на два типа. Собственно императорскія кумирни, которыя должны почитаться истинными представителями храмовъ китайской архитектуры въ Монголіи, бываютъ всегда одноэтажными. Строятся они по большей части изъ обожженного кирпича, а крыша обыкновенно устраивается у нихъ на два ската и дѣлается или изъ сѣрой простой, или же изъ зеленой, глазированной черепицы, имѣющей форму кругловатыхъ бревенъ, продольно спускающихся отъ охлупия кровли къ верхнимъ оконечностямъ стѣнъ зданія. Такія формы кровли являются безспорно самыми фигуральными частями зданія. Охлупень ихъ, или бревно, связывающее обѣ половины кровли (ᠠᠭᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠪᠦ᠋ᠷᠦᠨᠭᠡ), обыкновенно поднимается въ видѣ гребня на полъ, или даже четверти на три аршина противъ общаго уровня крыши; онъ украшается за сѣмъ на своихъ бокахъ лѣпными фигурами цвѣтовъ, различными соединеніями кружковъ и линий, образующими затѣйливыя фигурки, которыя чередуются между собою въ послѣдовательномъ порядкѣ на всемъ протяженіи охлупия. Эта особенность придаетъ чрезвычайно своеобразный видъ всему зданію. Отъ охлупия по скатамъ, направляющимся собственно къ четыремъ угламъ зданія, иногда разставляются какъ украшенія небольшія статуетки звѣрей, птицъ и баснословныхъ животныхъ: онѣ также дѣлаются лѣпными изъ глинны, или же бываютъ гончарныя съ глазурью и муравою. Нѣсколько пониже крыши, на лицевой сторонѣ зданія устраивается еще навѣсъ (ᠠᠭᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠪᠦ᠋ᠷᠦᠨᠭᠡ) надъ папертью храма. Кровля этого навѣса вполнѣ походитъ на общую храмовую крышу, точно также украшается статуетками, но еще больше чѣмъ храмовая крыша раскрашивается у своего карниза въ самыя яркія краски. Углы храмовой крыши, равно какъ и кровли навѣса всегда загнбаются кверху и иногда оканчиваются лѣпнымъ изображеніемъ головы дракона съ разинутою пастью и высунутымъ, извивающимся жаломъ. Кровля помянутаго навѣса, служащаго собственно папертью пе-

рядъ дверями кумирни, поддерживается снизу колоннами, число которыхъ бываетъ весьма различно, смотря по величинѣ кумирни, но всегда колонны эти бываютъ окрашены въ какую либо яркую краску и испещрены или лѣпными, или же рисованными изображеніями цвѣтовъ, драконовъ, крылатыхъ змѣй и проч. Между этими колоннами въ обычное время дня ставятся искусно вырѣзанные, подвижныя, деревянные рѣшетки (木格), которые преграждаютъ входъ на паперть для животныхъ, но легко могутъ быть отодвинуты каждымъ, желающимъ пройти къ дверямъ храма человекомъ. При входѣ на паперть, у главныхъ колоннъ передъ дверями храма, нерѣдко поставляются каменные фигуры львовъ (石象), а иногда ихъ замѣняютъ такіе же каменные сосуды въ родѣ урнъ, или большихъ вазъ. Посреди паперти, передъ самыми дверями храма, довольно часто можно еще повстрѣчать хурда, которое, передъ своимъ входомъ въ храмъ, поворачиваетъ каждый благочестивый поклонникъ. Двери въ кумирняхъ всегда бываютъ створчатыя, деревянные, хотя они также разнятся по своему устройству: одиѣ изъ нихъ бываютъ глухія, т. е. цѣликомъ сколоченныя изъ досокъ; эти двери обыкновенно окрашиваются въ красную краску и разрисовываются раззолоченными изображеніями четырехъ махаранца, а иногда въ нихъ симметрично вколачиваютъ, какъ украшеніе, нѣсколько десятковъ гвоздей съ широкими позолоченными шляпками (鐵釘), при чемъ двери пріобрѣтаютъ видъ испещреннаго золотыми кружками пространства. Другой, не менѣе часто наблюдаемый въ императорскихъ кумирняхъ, способъ устройства храмовыхъ дверей, представляютъ собою такъ называемые монголами «ханайнъ-халга» (木夾). По этому способу верхняя половина дверей дѣлается въ видѣ рѣшетчатой оконной рамы, а нижняя часть ея остается сплошною и также точно украшается или рѣзными, или же раскрашенными фигурками. Окна въ храмахъ китайской архитектуры всегда располагаются только на южной сторонѣ зданія, или что тоже со входа въ храмъ. Они бываютъ обыкновенно такъ велики, что занимаютъ всю верхнюю половину южной стѣны и представляютъ собою сплошной рядъ

окояныхъ рамъ, съ самою вычурною рѣзбою. Сочетанія различныхъ геометрически правильныхъ угловъ и ломаныхъ линий варіируются здѣсь на различные манеры и образуютъ затѣйливый, красивый и стройный рисунокъ. Гораздо чаще впрочемъ въ кумирняхъ китайской архитектуры оконъ не бываетъ вовсе, такъ что онѣ освѣщаются только тѣмъ свѣтомъ, который врывается черезъ двери кумирни. Вокругъ стѣнъ зданія кумирень въ императорскихъ монастыряхъ всегда дѣлается кирпичная или плитовая постилка для принятія и стока дождевой воды съ кровли. Монголы, какъ уже было сказано выше, значительно измѣнили этотъ типъ китайской постройки. Прежде всего они обыкновенно иначе и не строятъ храмовъ китайской архитектуры, какъ надстраивая надъ ними нѣчто въ родъ мезонина; эта прибавка особенно сильно способствуетъ къ измѣненію основнаго типа. Нижній этажъ зданія остается въ своихъ частяхъ, собственно говоря, точно такимъ же, какимъ онъ бываетъ и въ императорскихъ кумирняхъ; но такъ какъ свои постройки монголы возводятъ изъ дерева, то понятно, что уже въ силу самаго матеріала ихъ, зданія не могутъ принимать тѣхъ грандіозныхъ и граціозныхъ формъ, которыя обуславливаютъ собою красоту китайской архитектуры. Фигуральный охлупень и глазированную черепицу китайской крыши здѣсь замѣнитъ простая слѣга и ровныя тесаныя драпизы, окрашенныя подъ одинъ цвѣтъ въ красную краску. Но еще чаще монголы вовсе не дѣлаютъ охлупня, а устраиваютъ крыши своихъ кумирень въ видѣ остроконечной четырехъ-сторонней пирамиды, что придаетъ имъ уже совершенно своеобразный видъ. Впрочемъ если храмы измѣненной монголами китайской архитектуры и не такъ фигуральны по своей отдѣлкѣ, то тѣмъ не менѣе на нихъ всегда бываетъ не мало привѣсныхъ украшеній. Подъ крышею по 4-мъ угламъ навѣса не рѣдко прикрѣпляются небольшіе колокольчики, которые издають весьма мелодичные звуки при каждомъ движеніи вѣтра. Кромѣ сего отъ каждаго угла навѣса въ различныхъ направленіяхъ протягиваются веревочки или шнуры, къ которымъ прикрѣпляются разноцвѣтныя ленточки, лоскутки матерій и проч. Иногда на этихъ лоскуткахъ рисуютъ изобра-

денія бурхановъ, иногда надписываютъ отдѣльныя тарнистическія изображенія, а иногда доскуткамъ даютъ просто форму бадана (духовнаго знамени) и въ этомъ случаѣ доскутокъ уже самымъ своимъ цвѣтомъ символически изображаетъ бурхана: желтый баданъ знаменуетъ собою знамя Эсруа-тевгря, бѣлый баданъ — знамя теугрія Хормусты и т. д. Должно замѣтить еще, что всѣ описанныя формы построекъ не усваиваются въ Монголіи однимъ только храмамъ: въ точно такихъ же зданіяхъ живетъ большинство монгольскихъ хутухтъ, гагэновъ и даже настоятелей въ большихъ монастыряхъ, какъ Эрдэни-цзу, Барунъ-хурѣ и пр. Каждый изъ нихъ любитъ жить въ домахъ (лабринъ), похожихъ на храмы и представлять изъ себя если не божество, то по крайней мѣрѣ существо, отличное отъ прочихъ смертныхъ.

Буддйская каноника для наружнаго и внутренняго устройства храмовъ поставляетъ еще свои опредѣленные и неизмѣнные законы, а именно: входъ въ нихъ долженъ быть всегда съ юга, а главная часть обращена на сѣверъ, гдѣ, по ученію буддистовъ, находится «Шамбалайнъ-оронъ», современное мѣстопребываніе Шигэмуніи. На вершинѣ храма должно быть поставлено изображеніе лежащаго полукруга луны, водруженнаго на немъ солнца и выходящаго изъ него огненнаго языка; все это въ знакъ того, что вѣра шигэмуніанская столь же благотворна и блестяща какъ эти предметы, и также чиста въ своихъ правилахъ какъ свѣтъ лучей ихъ. Въ другихъ храмахъ, и въ Монголіи даже болѣе обыкновенно, можно встрѣтить водруженный на кровлѣ ганчжиръ (тибетск. цзут-данъ, монгол. сднъ тэгүльдэръ, что значить «покрытый кровью»), который поставляется какъ разъ по срединѣ крыши. Ганчжиръ дѣлается изъ мѣди и золотится; по формѣ онъ представляетъ собою вазу съ высокимъ, суживающимся кверху и закругленнымъ горломъ; при освященіи храма онъ наносится до верха печатными «мани», почему вѣроятно и получилъ свое имя у монголовъ. Кромѣ сего на кровляхъ сума принято у монголовъ ставить чжалцанъ (ཏཱ་ལའ་བོ་ཏཱ་ལའ་བོ་ санск. dhvādja, а монголы зовутъ его «магүхсану тэмдэкъ», или т. е. знакъ побѣдителя). Чжалцановъ обыкновенно ставится въ

храмахъ тибетской архитектуры или четыре — по четыремъ угламъ зданія, или два, на углахъ сѣверо-восточномъ и юго-западномъ; въ храмахъ китайской архитектуры ихъ ставится также иногда по два и въ этомъ случаѣ чжалцаны утверждаютъ по бокамъ ганчжйра на охлуниѣ кровли, а иногда по четыре и тогда чжалцаны ставятся опять таки по четыремъ угламъ храма. Чжалцанъ дѣлается обыкновенно мѣдный, позолоченный. Онъ имѣетъ форму закрытаго съ обѣихъ сторонъ цилиндра и при освященіи храма, какъ и ганчжйръ наполняется письменами маи и другихъ нѣмовъ. Кромѣ того въ него всегда кладутъ сочиненіе «Боді мур'унъ цзуйль». Говорятъ, что чжалцанъ въ Тибетѣ въ древнее время всегда поставлялся на высокихъ мѣстахъ и будто бы отъ того получилъ свое имя; что же касается до времени, съ котораго началъ онъ поставляться на кровляхъ сума, то оно относится къ періоду пребыванія въ Тибетѣ Чжу-адиши. Послѣдній, написавъ свое сочиненіе «Боді мур'унъ цзуйль», будто бы положилъ его въ чжалцанъ и поставилъ его на кровлѣ храма. Обстоятельство это дало поводъ ученикамъ Чжу-адиши ввести въ обычай постановку чжалцана на кровляхъ, а изъ Тибета обычай этотъ перешелъ и въ Монголію. Наконецъ надъ дверями сума, на кровлѣ поставляется еще одно позолоченное изваяніе. Оно представляетъ собою восьми-радіусный кругъ, или колесо, — «хурдэ», на которое, поднявъ свои головы, смотрятъ двѣ, стояція на колѣняхъ газели. Основная мысль этой фигуры, по словамъ сочиненія «Цоктұ ямандагйинъ эгүсхэлъ», лежитъ въ слѣдующемъ историческомъ фактѣ. Въ древности Эсруа тэнгри поднесъ буддѣ 1000 радіусное колесо, сдѣланное изъ золота Цзамбо и просилъ его начать свою проповѣдь. Когда будда заговорилъ, двѣ золотистыя газели, самецъ и самка, выбѣжали изъ лѣса и, глядя на верхушку этого колеса, прослушали ученіе Будды. Поклонники будды, говорятъ далѣе сочиненіе, должны неусыпно бодрствовать надъ ученіемъ, потому что и неразумные звѣри стремятся внимать ему.

Внутри монгольскій сума состоитъ обыкновенно изъ одной комнаты въ величину всего зданія, при чемъ въ сѣверной, т. е.

противуположной входу стѣнѣ иногда устраивается ниша для постановки бурхановъ, чрезвычайно напоминающая собою алтари монгольскихъ кастоловъ. Въ тѣхъ кумирняхъ, гдѣ этой ниши не выведено, у сѣверной стѣны дѣлается небольшое возвышеніе, въ родѣ солей нашихъ храмовъ, — возвышеніе это также точно назначается для того, чтобы опредѣлить собою мѣсто буддійскаго алтаря и иногда отдѣляется отъ общей моленной залы рядомъ колоннъ, идущихъ такимъ образомъ по сѣверной стѣнѣ храма. Помимо сего по моленной залѣ проходитъ еще съ юга на сѣверъ два, а иногда, смотря по величинѣ кумирни, и четыре ряда колоннъ, раздѣляющихъ эту залу на три, или на пять частей. Всѣ таковыя колонны окрашиваются въ красную краску и украшаются рѣзными и рисованными изображеніями золотыхъ, синихъ и зеленыхъ драконовъ, львовъ, чудовищной птицы гариди и прочихъ могущественныхъ существъ, которыхъ буддизмъ постоянно представляеть въ своихъ священныхъ книгахъ, то какъ образцы для дѣятельности человѣка, то какъ существа, имѣющія отношеніе къ самой жизни и судьбѣ его. Между рядами колоннъ, расположенныхъ въ моленной залѣ, параллельно восточной и западной стѣнамъ храма, устанавливаются сѣдалища ламъ, которыя занимаютъ они при совершеніи своихъ молебствій. Мѣста старшихъ ламъ располагаются въ первомъ ряду, а нисходящая постепенность мѣстъ выражается во 1-хъ предпочтеніемъ лѣвой стороны храма передъ правою, а во 2-хъ приближеніемъ къ югу, къ дверямъ, или что тоже удаленіемъ отъ алтаря и бурхановъ. Правила объ устройствѣ ламскихъ сѣдалищъ у монгольскихъ буддистовъ довольно сложны. Прежде всего, на примѣръ, всѣ старшіе ламы, въ отличіе отъ ламъ низшихъ разрядовъ всегда имѣютъ у себя болѣе высокія сѣдалища. Настоятели монастырей и лица, занимающія въ монастырѣ высшія должности, помѣщаются обыкновенно на отдѣльныхъ, обтянутыхъ какою либо матеріей табуретахъ, но, смотря по рангу ламы, табуретъ его отличается по крышкѣ. Первою и обязательною крышкою табурета является всегда цыновка, витая изъ мочалы, или плетеная изъ тонкаго камыша; употребленіе этой цыновки несомнѣнно обосновывается

на ученіи Будды, которое предписывало каждому бикшу подкладывать траву подъ подстилку своего сѣдалища. По верху цыновки на табуреты высшихъ ламъ кладутъ тонкія подушки или, какъ называютъ ихъ монголы, олбѣки. Олбѣкъ имѣетъ форму квадратнаго четырехъ-угольника, каждая сторона котораго имѣетъ у себя четвертей пять длины; онъ дѣлается изъ двухъ или трехъ, наложенныхъ одинъ на другой и простеганныхъ имѣетъ войлоковъ, послѣ чего эти войлоки обтягиваются какою либо матеріею по преимуществу желтаго цвѣта. Въ большинствѣ случаевъ олбѣки бываютъ одноцвѣтные, но на нѣкоторые изъ нихъ нашивается еще такъ называемое «тѣ» (ᠲᠡ). По буквальному значенію въ языкѣ монголовъ, *тѣ* обозначаетъ—пядень; но въ данномъ случаѣ словомъ тѣ называется квадратный кусочекъ красной матеріи величиною въ пядень, нашиваемый въ самой срединѣ олбѣка. Обычай нашивать тѣ также точно лежитъ въ основаніи ученіи Будды. Дѣло въ томъ, что Будда, предписывая различныя правила своимъ послѣдователямъ, между прочимъ обязывалъ ихъ пользоваться употребляемой для сидѣнья и лежанья подстилкой въ теченіе шести лѣтъ, ранѣе этого срока ни одинъ бикшу не могъ себѣ сдѣлать новой подстилки; за симъ, когда проходило шесть лѣтъ, и бикшу дѣлалъ новый тюфякъ, онъ долженъ былъ взять изъ стараго одну квадратную четверть и нашить ее на новый. Таково происхожденіе тѣ. Въ настоящее время оно для монголовъ уже утратило свой смыслъ и употребляется у нихъ скорѣе какъ украшеніе, почему тѣтѣй олбѣки (т. е. подушки съ нашитыми на нихъ тѣ) можно встрѣчать даже въ юртахъ самыхъ простыхъ монголовъ; но такъ или иначе, потому ли что подстилки старѣйшихъ ламъ, согласно ученіи Будды, естественно должны имѣть на себѣ тѣ, или потому что эти тѣтѣй олбѣки почитаются монголами за болѣе красивые, высшее буддійское духовенство всегда постилаетъ на свои табуреты именно тѣтѣй олбѣки. Число олбѣковъ, полагаемыхъ на табуреты ламъ, бываетъ опять таки различно, смотря по важности лица, которому принадлежитъ сѣдалище. Есть ламы, которымъ предоставлено класть на свой табуретъ и сидѣть на семи олбѣкахъ, другіе пользуются пятью, а нѣкоторые только

приолбока. Лицамъ, которыя имѣютъ право сидѣть на семи и пяти олбокахъ, предоставляется еще имѣть у своего табурета «тунгетъ». Это такая же подушка какъ и олбокъ, но обдѣланная въ тригрехъ-угольную, деревянную рамку и приставляемая къ табурету какъ спинка кресла. Тѣ ламы, которые сидятъ на трехъ олбокахъ, имѣютъ право сидѣть на особомъ табуретѣ, но безъ «тунгетъ», имѣющіе же менѣе трехъ олбоковъ, два, или одинъ, сидѣльными табуретами не пользуются, а помѣщаются, сообразно степенямъ, уже на общихъ ламскихъ сѣдалищахъ—чжабданы. Чжабданъ имѣетъ форму скамьи, ширина которой равняется приблизительно аршину, длина достигаетъ отъ 1½ до 2-хъ сажени, а вышина отъ одной до двухъ четвертей аршина. Сверху эта скамья покрывается сначала цыновкой, а потомъ длиннымъ и широкимъ войлокомъ съ оторочкою изъ какой либо красной поплиновой или холщевой матеріи. Эту оторочку монголы называютъ хубо (ᠬᠤᠪᠤ) и почитаютъ ее, также точно какъ и тѣ, украшеніемъ; хотя весьма вѣроятно, что она опять таки имѣетъ свое основаніе въ ученіи буддизма. Извѣстно, что Будда предписывалъ своимъ послѣдователямъ употреблять подстилку не свыше 2-хъ локтей въ длину и 1½ въ ширину, но, въ случаѣ большого поста бикшу, ему дозволялось еще приставлять къ своей подстилкѣ кайму. Очень можетъ быть, что эта первоначальная кайма превратилась теперь въ простую оторочку и является въ пониманіи монголовъ какъ украшеніе сѣдалищной подстилки. Передъ сѣдалищами старшихъ ламъ поставляются еще особые столки на низенькихъ ножкахъ, называемые у монголовъ «лѹ ширѣ». Такое названіе эти столки несомнѣнно получили отъ своихъ орнаментовъ, такъ какъ по бокамъ они всегда украшаются рѣзными изображеніями драконовъ (лѹ), слоновъ, львовъ и цвѣтовъ, раскрашиваемыхъ въ самыя яркія краски. На этихъ столкахъ передъ ламами располагаются ихъ музыкальныя принадлежности во время богослуженія, таковы: хонхѣ и неразлучный съ нимъ очиръ, дамăру и пр. Помимо сего ламы кладутъ на нихъ свои четки, чаврунъ или пузырекъ съ аршаномъ, служащимъ у нихъ водою для полосканія рта послѣ принятія пищи и проч. Въ тѣхъ

монастыряхъ, гдѣ имѣютъ свое мѣстопребываніе хутухты и гэгэны, для нихъ устранивается въ храмѣ особое мѣсто, при чемъ оно поставляется даже и не въ ряду ламъ. Гэгэны сидятъ обыкновенно какъ и бурханы по сѣверной стѣнѣ и смотря лицомъ на югъ. Торжественное сѣдалище ихъ составляетъ такъ называемый «львиный престолъ» (འཇམ་མཁའ་འཇམ་མཁའ་ санскр. Sinhasāna). Каеэдра эта имѣетъ форму квадратнаго четырехъ-угольнаго стола (འཇམ་མཁའ་), стоящаго на пьедесталѣ (འཇམ་མཁའ་) изъ трехъ порошковъ и съ таковымъ же количествомъ зубцовъ аптаблемана (འཇམ་མཁའ་). Стержень стола украшается изображеніемъ четырехъ, или восьми львовъ, изъ которыхъ каждый, стоя на пьедесталѣ тремя ногами, четвертою — правою переднею, а иногда при томъ и головою, поддерживасть карнизъ верхней части стола. Въ Сумбумѣ Чжидоръ-хамбѣ о значеніи этого престола говорится такъ: «львиный престолъ на верху долженъ быть шире и эта выдающаяся ширина его поддерживается восьмью львами. Есть обычай поддерживать ее и четырьмя, но во всякомъ случаѣ она поддерживается львами. Это имѣетъ то знаменованіе, что, подобно тому какъ левъ подавляетъ своимъ величіемъ прочихъ звѣрей, имѣющие силу могущественнаго ламы могутъ подавлять своимъ величіемъ еретиковъ и шимнусовъ. Восемь львовъ знаменуютъ собою восемь могущественныхъ богатствъ ¹⁾, а четыре

1) Подъ именемъ «восьми могущественныхъ богатствъ» (འཇམ་མཁའ་འཇམ་མཁའ་) на языкѣ буддистовъ разумѣется 1) *могущественное богатство тѣла*, по которому существо имѣетъ способность за одинъ разъ показывать безчисленное число видоизмѣненій своего тѣла; 2) *могущественное богатство слова*, т. е. способность проповѣдывать священное ученіе заразъ безчисленнымъ одушевленнымъ существамъ и притомъ каждому на его языкѣ; 3) *могущественное богатство мысли*, т. е. способность, будучи совершенно чуждымъ матеріи, знать все, что можно знать; 4) *могущественное богатство хубиланства*, или способность, лишь только пожелаешь, показать безчисленныя превращенія; 5) *могущественное богатство вездѣущія*, т. е. способность быть всеобщимъ, существовать во всякое время и во всякомъ мѣстѣ; 6) *могущественное богатство пожеланій*, т. е. способность исполнить свое пожеланіе лишь только чего либо захочешь; 7) *могущественное богатство творчества*, т. е. способность принять на себя видъ и сущность всего, что только пожелаешь; 8) *могущественное богатство достоинства*, т. е. быть исполненнымъ всѣхъ преимущественныхъ особенностей, главнѣйшими изъ которыхъ почитаются десять силъ.

льва обозначаютъ четыре безстрашія¹⁾), которыми обладаютъ сидящіе на львиномъ престолѣ. Волосы этихъ львовъ бѣлые, а грива искрасна желтая; ногти ихъ необыкновенно остры. Правую ногой они поднимаютъ сѣдалище къ небу, а потому она поднята вверхъ, а лѣвою ногою они попираютъ фундаментъ и потому она обращена къ низу. То, что они вперили свои глаза въ небо, есть знакъ, что они стерегутъ злое навожденіе бѣсовъ, живущихъ на верху, демоновъ и драконовъ, находящихся въ низу, чертей и привидѣній, находящихся въ промежуткѣ (между небомъ и землею). Далѣе, что престолъ этотъ наикрасивѣйшимъ образомъ унизанъ драгоценностями, будучи самъ по себѣ истиннымъ свойствомъ драгоценности, это есть знакъ удовлетворенія нуждъ ищущихъ успокоенія одушевленныхъ существъ». На такомъ то львиномъ престолѣ возсѣдаютъ хутухты. Въ Халхѣ принято въ обычай ставить сѣдалище хутухтъ не въ ряду бурхановъ, а впереди ихъ и при томъ нѣсколько сбоку, или точнѣе сказать въ промежуткѣ между бурханами и первою колонною лѣвой стороны храма; на югѣ Монголіи львиный престолъ (арсалантү тэбцэн) хутухтъ и гэгэновъ ставится хотя и также параллельно сѣверной стѣнѣ, но въ самой срединѣ перваго ряда колоннъ, или что тоже прямо противъ входныхъ дверей въ храмъ, такъ что сидящій на престолѣ гэгэнъ совершенно заграждаетъ своимъ тѣломъ главнаго бурхана въ храмѣ. Должно замѣтить, что гэгэны, какъ и всѣ прочіе ламы, различаются, смотря по своему значенію, количествомъ олбоковъ, на которыхъ они имѣютъ право сидѣть: есть гэгэны, имѣющіе девять олбоковъ, у другихъ ихъ семь и пять, но менѣе пяти ни одинъ изъ хубилгановъ имѣть не можетъ. Тѣ гэгэны, которые имѣютъ у себя какъ преимущество семь и девять олбоковъ, обыкновенно устрпаваютъ для себя еще особое мѣсто

1) Существомъ, обладающимъ четырьмя безстрашіями (ᠠᠷᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ) называется то, которое а) хранитъ въ себѣ увѣренность, что оно достигло состоянія будды; б) что оно уничтожило въ себѣ суетность (ᠲᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ) и освободилось отъ препятствій — матеріи; в) что оно прониклось божественною святостью и д) что оно проповѣдало священное ученіе. — (Хайби-чжулай, л. 169-й).

въ ряду ламъ. Мѣсто это поставляется всегда на лѣвой сторонѣ и конечно впереди всѣхъ ламскихъ сѣдалищъ; по формѣ своей оно представляетъ обыкновенное ламское кресло, т. е. табуретъ съ приставленнымъ къ нему «түшилгэ», на которомъ лежить то число олбоковъ, которое имѣетъ право употреблять гэгэнъ. На мѣстахъ этихъ гэгэны, собственно говоря, никогда и не сидятъ, но всегда ставятъ ихъ и едва ли только не для того, чтобы было извѣстно, сколько они имѣютъ олбоковъ, такъ какъ на обыкновенномъ своемъ престолѣ, т. е. на «арсалантү тэбцэнъ», ни въ какомъ случаѣ не могутъ они употреблять свыше пяти олбоковъ. Помимо сего у самыхъ дверей храма, по обѣимъ сторонамъ ихъ, и на нѣкоторомъ возвышеніи отводятся еще два мѣста, которые назначаются для храмовыхъ гэгүевъ, или блюстителей порядка во время совершенія богослуженій. Мѣста гэгүевъ представляютъ собою такіе же табуреты съ түшилгэ, какіе бываютъ и у высшихъ ламъ, а количество лежащихъ на нихъ олбоковъ сообразуется съ заслуженностью личности гэгүя, хотя и никогда не бываетъ менѣе трехъ.

Главнѣйшимъ предметомъ чествованія въ буддійскомъ храмѣ являются *шүтэны* (ཡུ་ཐོན་), или изображенія божествъ, которыми наполняютъ буддисты всѣ свои храмы. Болѣе обыкновенно эти шүтэны на языкѣ монголовъ, какъ и самыя божества, носятъ названіе бурхановъ. По способу своего приготовленія, изображенія бурхановъ бываютъ весьма разнообразны, такимъ образомъ они дѣлаются литыми и кованными изъ золота, серебра, бронзы и преимущественно изъ мѣди (цатхамалъ རྩ་མཐའ་མཐུ་); бываютъ также рѣзные изъ дерева, лѣпные изъ глины и изъ паньешама, вытесанные изъ камня, высѣченные на камнѣ и наконецъ рисованные на кожѣ, на бумагѣ, а чаще всего на полотнѣ (хүрүкъ རྩ་མཐའ་). Главнѣйшіе изъ нихъ, являющіеся въ формѣ статуй, всегда разставляются въ кумирнѣ по ея сѣверной стѣнѣ; рисунки располагаются по боковымъ стѣнамъ, или же на длинныхъ шнурахъ свѣшиваются съ потолка.

Происхожденіе бурхановъ, т. е. изображеній божествъ, буддисты относятъ къ самому первоначальному времени существо-

ншія своей религіи, употребленіе же ихъ при храмахъ почитаютъ заповѣдью самого Шигэмуніи-будды. Въ сочиненіи «Гэртэнъ бэр тахиль бэлэтхэху йосовъ» разказывается, что въ одно время Маничжунри обратился къ буддѣ съ такою рѣчью: Всееверенный, нынѣ предметомъ чествованія для всѣхъ одушевленныхъ существъ являешься ты, дѣйствительно существующій и пребывающій среди насъ будда; какъ же поступать намъ, когда ты сдѣлался нирваною (умрешь)? Будда отвѣчалъ: «теперь друзья мои чествуютъ меня самого, въ будущемъ же времени, если будутъ благоговѣнно чествовать мои изображенія, то это хотя и будетъ нѣсколько разниться, однако добродѣтель въ сущности будетъ одна и также и значеніе будетъ одно и тоже, потому что такое дѣяніе освящено буддою. Младенчествующіе умомъ и глупые не могутъ постигнуть этого». Находящіеся въ настоящее время въ Хлассѣ кумиры, такъ называемыхъ большаго и малаго цзү (изображенія Шигэмуніи), по вѣрованію буддистовъ, подробно изложенному въ сочиненіи «Хлассайнъ мунъхэ цзуйнъ орѣнъ», получили свое начало во времена Шигэмуніи и были самолично освящены имъ. Такимъ образомъ чествованіе кумировъ, какъ изображеній божествъ, буддисты почитаютъ заповѣдью самого Шигэмуніи; они относятся къ этимъ кумирамъ съ величайшимъ почтеніемъ; тѣмъ не менѣе было бы весьма ошибочно полагать, что буддисты именно эти кумиры почитаютъ своими божествами: по ученію буддизма, шутэны, или бурханы, должны служить только напоминать вѣрующимъ о тѣхъ божествахъ, которыя они изображаютъ. Въ этомъ отношеніи высшую степень отвлеченія представляетъ собою кумиръ Лама-Чэтбѣ. Фигура этого бурхана представляетъ собою обыкновеннаго ламу, одѣтаго въ духовныя одежды (, держащаго въ рукахъ книгу и сидящаго въ молитвенной позѣ (). По своему названію лама - чэтбѣ (монгол. йэхэ бакши) въ дословномъ переводѣ значить—великій учитель, и какъ, по ученію будды, каждый правовѣрный буддистъ долженъ вѣровать, воздавать почести и поклоняться своему учителю также точно какъ и буддѣ, то на этомъ основаніи кумиру лама-чэтбѣ усвоится именно выраженіе идеи

учителя: каждый, преклоняясь предъ этою статуею, долженъ видѣть въ ней своего наставника, возноситься мыслію къ его духу и возсылать къ нему свои хвалы и моленія.

Изображенія своихъ божествъ буддисты раздѣляютъ главнымъ образомъ на два отдѣла: а) амурлингуі бурхановъ (божествъ покойныхъ) и б) докшйтовъ (божествъ свирѣпыхъ и грозныхъ). Оба эти вида бурхановъ рѣзко различаются между собою по своимъ внѣшнимъ формамъ и имѣютъ у себя развѣ только одно общее — подставку, или пьедесталь, на которомъ представляются они стоящими, или сидящими: таковою подставкою какъ у амурлингуі бурхановъ, такъ и у докшйтовъ является священный львиный престолъ, подробное описаніе и значеніе котораго уже было представлено выше. Что касается покрышекъ львиного престола, на которыхъ собственно водружаются статуи бурхановъ, то онѣ являются уже различными: такъ у однихъ бурхановъ покрышкою престола бываетъ цвѣтокъ падма (*pelumbium speciosum*), знаменующій свою отчужденность сидящаго на немъ отъ всякой нечистоты грѣха; у другихъ — солнце, или луна, которыя обозначаютъ, что сидящій на львиномъ престолѣ бурханъ или содержитъ въ своей власти средства (𑖦𑖳𑖨𑖱𑖰𑖩) спасенія, или же въ высшей степени обладаетъ мудростью, при посредствѣ которой получается спасеніе (𑖦𑖳𑖨𑖱𑖰𑖩). На этомъ основаніи у амурлингуі бурхановъ на львиномъ престолѣ бываетъ постлана или луна, или же цвѣтокъ падма и луна; а у докшйтовъ — солнце. Впрочемъ бурхановъ, отливаемыхъ въ небольшихъ размѣрахъ буддисты представляютъ сидящими на львиномъ престолѣ очень рѣдко: въ этомъ видѣ ихъ обыкновенно лишаютъ божественнаго трона, предоставляя имъ какъ сѣдалище только цвѣтокъ падму, да изображеніе солнца и луны.

По своей внѣшней формѣ амурлингуі бурханы раздѣляются на два рода: къ первому разряду принадлежатъ такъ называемые «*дэждү амугулангтү бурханай шүтэнз*», — это изображенія такихъ божествъ, почитаніе которыхъ составляетъ основу буддизма, изображенія такихъ буддъ, о которыхъ проповѣдалъ и училъ самъ Шигэмүни, или же которые жили и дѣй-

символи въ его время; ко второму разряду относятся *амугулангъ-тун бурханай шутэнз*, т. е. изображенія такихъ божествъ, ученіе о которыхъ не было проповѣдано Шигамуниемъ, но которые достигли состоянія высшей буддійской святости и сдѣлались буддами уже послѣ пребыванія его на землѣ, послѣдуя его ученію и любясь о распространеніи и развитіи этого ученія. Общими чертами въ изображеніи бурхановъ обоихъ упомянутыхъ родовъ является то, что всѣ они имѣютъ у себя глаза, потупленные внизъ и на половину закрытые, и это должно служить выражать собою ту мысль, что святые этого рода не только отрѣшили отъ всѣхъ матеріальныхъ вліяній свой духъ, но и всецѣло погрузились ямъ въ созерцаніе, сдѣлавшись чуждыми всему, происходящему во внѣшности. Это состояніе полнѣйшаго буддійскаго покоя, достигаемое неуклоннымъ упражненіемъ духа въ дѣлахъ вѣры и добродѣтели. Собразно этой основной мысли, всѣ эти бурханы имѣютъ у себя покойныя и улыбающіяся лица, а въ рукахъ (которыхъ бываетъ до тысячи) необходимо держать какія либо принадлежности церковной утвари, какъ-то: книгу, вачиръ, колокольчикъ, чашку, извѣстную подъ именемъ бадра, цвѣтокъ падма и проч. Обращаясь къ самымъ формамъ, въ которыхъ изображаютъ монголы амурлигунъ бурхановъ перваго рода, т. е. «дэгэдунъ амугулангъ бурхановъ», нельзя не сказать, что онѣ очень не разнообразны, особенно если принять въ расчетъ то громадное количество бурхановъ, которое признается буддизмомъ. Всѣ дэгэдунъ амугулангъ бурханы имѣютъ у себя волосы, всчесанные въ одинъ пучекъ на макушкѣ (усниръ) и, какъ особеннымъ признакомъ божественной красоты, обладаютъ необыкновенно длинными ушами. Тѣло ихъ на половину обнажено и по большей части не имѣетъ на себѣ никакой одежды кромѣ оржимжй, или широкаго платя, накидываемаго на лѣвое плечо, а отсюда спускающагося внизъ и плотно окутывающаго нижнюю часть тѣла, начиная нѣсколько ниже пупка. Поза, въ которой сидятъ эти бурханы и которую монголы называютъ «очиръ цзабилътъ», есть поджатая впереди себя нога и переплетенныя такъ, что вывороченная стопа каждой ноги лежитъ на колѣнной кости другой ноги. Вотъ общія форма, въ ко-

торой изображаются всѣ дэгэдѹ амугулантѹ бурханы. Такъ какъ фязіогноміи ихъ совершенно одинаковы, то узнавать ихъ главнымъ образомъ можно или по предметамъ, которые они держатъ въ рукахъ, или по цвѣту, въ который они окрашены, потому что цвѣтъ лица у бурхановъ различенъ,—есть бѣлые, желтые, красные, зеленые, сянїе и проч. Но и всѣ эти различія могутъ помочь весьма мало и при посредствѣ ихъ можно узнать, собственно говоря, только самыхъ обыкновенныхъ шүтѣновъ, изображенія которыхъ можно встрѣчать почти въ каждомъ храмѣ. Объ этихъ бурханахъ буддизмъ разказываетъ довольно подробно, имѣетъ ихъ исторіи и объясняетъ значеніе всего, что составляетъ ихъ атрибуты. Таковъ напримѣръ будда Шигэмүни, основатель буддизма, который, какъ проповѣдникъ нищенства, завѣщавшій своимъ послѣдователямъ питаться только отъ сбора подаяній, изображается съ одною только чашею въ рукахъ; таковъ желтый Майдари; таковъ одиннадцати-лицый Арія-бало, который въ древности, скорбя о порокахъ одушевленныхъ существъ, разбилъ свою голову на одиннадцать частей, изъ которыхъ каждая образовала потомъ собою отдѣльную голову; такова наконецъ Дара-эхэ, которая впервые отъ начала бытія, пожелала, не имѣняя своего женскаго тѣла на мужское, устроить благо одушевленныхъ существъ и получила высшую степень бодисатвы. Изображенія этихъ божествъ, говорю я, обосновываются или на ихъ исторіи, или на приписываемыхъ имъ качествахъ; они легки для изученія и служатъ нагляднымъ пособіемъ къ запоминанію самаго ученія о божествахъ и усвояемыхъ имъ свойствахъ: такъ, изображеніе Маньчжүшри, держащаго въ лѣвой рукѣ падму съ книгою, а правою поднявшаго мечъ (по толкованію, постѣкающій неразуміе), прямо свидѣтельствуетъ о немъ, какъ о богѣ мудрости. Но что сказать о массѣ божествъ, не имѣющихъ ни какого отличія и изображаемыхъ по общимъ пріемамъ съ уснвромъ на головѣ и круглымъ лицомъ, съ узенькими глазками и длинными ушами, съ полуобнаженнымъ тѣломъ, сложенными на колѣнахъ руками и вывороченными ногами? Такія изображенія надо считать тысячами и понятно, что при этой общности формъ опредѣлять бур-

хановъ очень трудно. Самый ученѣйшій лама не можетъ назвать бурхановъ, если только имена ихъ не будутъ обозначены подписью, потому что другихъ средствъ для распознаванія нѣтъ и не можетъ быть, хотя бы изображеніе было самое подробное. Дѣло въ томъ, что буддисты, наполнивъ свой духовный міръ безконечнымъ множествомъ буддъ трехъ временъ: прошедшаго, настоящаго и будущаго, создали ихъ веософію весьма обще, а тѣмъ конечно осудили на бѣдность и иконологію. Впрочемъ, то и другое весьма естественно, потому что какъ бы ни была велика фантазія человѣка, она все таки не въ состояніи начертать столькихъ отдѣльныхъ образовъ и отдѣльныхъ событій, сколько потребно было бы для всѣхъ созданныхъ буддизмомъ божествъ. Въ настоящее время можно постигнуть даже удивляться икономаніи буддистовъ, старавшихся во чтобы то ни стало достигнуть того, чтобы число вышнихъ изображеній бурхановъ соответствовало бы числу буддъ и бодисатвъ, упоминаемыхъ въ ихъ обширномъ ученіи о божествахъ. Шигэмүни проповѣдалъ, напримѣръ ученіе о 1000 буддъ, имѣющихъ явиться въ мірѣ: онъ разказалъ, какъ будутъ каждаго изъ нихъ звать по имени, изъ какого сословія будетъ каждый изъ нихъ происходить, какъ будутъ звать у каждаго изъ нихъ отца и мать, въ какомъ городѣ каждый изъ нихъ родится и сколько лѣтъ будетъ управлять міромъ; но за сѣмъ не очертилъ ихъ больше ни какими красками. Что же оставалось дѣлать буддійскимъ иконологамъ? Откуда брать сразу столько разнообразныхъ изображеній? Они и порѣшили разумнымъ судомъ раздѣлить этихъ 1000 буддъ на пять отдѣловъ, да и изображать по двѣсти буддъ одинаково. Такимъ образомъ отливаются и рисуются изображенія цѣлой тысячи различныхъ буддъ всего только по пяти образцамъ, которые отличаются другъ отъ друга лишь тѣмъ, что у одного обѣ руки сложены на колѣнахъ, другой одну руку держитъ на колѣнѣ, а другою благословляетъ и т. д. Должно замѣтить, что изображенія этихъ 1000 буддъ необходимо находятся въ каждой монгольской кумирнѣ. Такъ какъ металлическія статуи ихъ стоятъ довольно дорого (не менѣе 3000 серебряныхъ рублей), то въ большинствѣ монгольскихъ кумиренъ изображенія

ихъ встрѣчаются рисованныя и всегда на одномъ громадномъ полотнищномъ свиткѣ; но въ большихъ монастыряхъ валныя фигуры тысячи буддъ составляютъ необходимую принадлежность. Они располагаются обыкновенно по восточной и западной стѣнамъ храма въ шкафахъ, раздѣленныхъ на полки, которыя въ свою очередь перегорожены на клѣточки; въ каждой клѣточкѣ ставится по три бурхана, статуя же Шигэмунія царить среди всѣхъ ихъ единично.

Что касается втораго отдѣла амурлингуй бурхановъ, иначе называемыхъ амугулапгтуй бурханами, то изображенія ихъ хотя и болѣе разнообразны, однако же не менѣе трудны для опредѣленія. Прежде всего нужно сказать, что всѣ эти бурханы суть изображенія различныхъ ламъ, въ разное время дѣйствовавшихъ на пользу буддизма, отсюда характеристичными чертами для познанія ихъ служатъ прежде всего ихъ одежды и особливо шапки. Бурханы, чествованіе которыхъ заимствовано изъ Индіи, которые жили, дѣйствовали и прославились въ Индіи, естественно разнятся по своимъ изображеніямъ отъ бурхановъ, культъ которыхъ обосновался въ Тибетѣ. Тибетскіе вѣропроповѣдники и свѣтители краснаго толка въ свою очередь различествуютъ отъ тибетскихъ же вѣропроповѣдниковъ желтаго ученія, а эти послѣдніе конечно разнятся отъ тѣхъ, которые жили и прославились уже въ собственной Монголіи. Такимъ образомъ представляется весьма не труднымъ отличить статуи Падма Самбавы или Чжу-адишъ¹⁾ отъ статуи Цзонхавы, а статую Цзонхавы отъ изображенія халхаскаго Чжэбцзунъ-дамба-хутухты; но коль скоро дѣло доходить до прославленныхъ буддистами многочисленныхъ дѣятелей, принадлежащихъ одной какой либо странѣ и школѣ, то опять и невольно возникаютъ недоумѣнія. У одного Цзонхавы, напримѣръ, насчитывается свыше 70 главныхъ учениковъ, которые всѣ почитаются бодисатвами и прославляются буддистами: всѣ они изо-

1) Такъ произносятъ собственно монголы, тибетцы же говорятъ Чжо-адиша (ᠵᠡ᠋ᠠᠳᠢᠰᠠ).

бражаются на одно лицо, всё одѣты въ священныя «номтү дэбэлъ» и различаются развѣ тѣмъ, что одинъ держитъ книгу, другой колокольчикъ, третій благословляетъ одною рукою, четвертый двумя и т. д. Удержать въ памяти всё эти особенности конечно трудно и опредѣлять точно бурхановъ дѣлается еще невозможно, когда нѣсколько изъ нихъ изображаются совершенно одинаково.

Изображенія докшитовъ (т. е. свирѣпыхъ божествъ *ᠳᠥᠬᠢᠰᠢᠲᠤ*) какъ бы въ совершенную противоположность амурлингуй бурханамъ, соединяютъ въ себѣ все, что можетъ представить безобразнаго и уродливаго человѣческая фантазія. Какъ божествъ, буддисты раздѣляютъ докшитовъ на два рода: одни изъ нихъ суть будды, — собственно «идамъ бурханы», каковы Ямандага (*Yamaṇṭaka* *འཇིགས་ཕྱིར་བློ*), Махагала (санск. *Mahākāla* тиб. *མགོན་པོ་*) и проч.; другіе еще находятся на степеняхъ бодисатвъ, таковыми, представляются всё Чой-чжипы, (*ཆོས་རྒྱུད་* или по монгольски «номъйиш сакүсуи'ы», санск. *dharmarāla*). Съ выѣшеною ногою, въ которой обыкновенно изображаютъ докшитовъ, монголы соединяютъ понятіе пляски и поза эта у всѣхъ докшитовъ одна и та же: широко разставленныя ноги съ нѣсколько согнутымъ правымъ колѣномъ, распростертыми, нѣсколько приподнятыми вверхъ руками и загнутою влѣво головою. Далѣе по выѣшней формѣ изображенія докшитовъ могутъ быть раздѣлены на три рода: во 1-хъ) докшиты въ сладострастныхъ формахъ (*үйзүгүргэхүй байдал-танъ*); во 2-хъ) докшиты въ формахъ, которыя монголы называютъ богатырскими (*багатуръ байдал-танъ*) и въ третьихъ докшиты въ формахъ ужасныхъ (*сүрхэй, говабусу байдал-танъ*), т. е. докшиты съ лицами полными гнѣва и окруженными принадлежностями смерти, пытки и мученій. Докшитовъ, изображаемыхъ въ формахъ самаго чувственнаго сладострастія (*гачійнгуй байдал*), чрезвычайно много. Всѣ божества этого рода изображаются съ совершенно обнаженнымъ тѣломъ, даже съ непокрытыми половыми органами, которые при томъ изображаются въ возбужденномъ состояніи. Для при-

мѣра беретъ фигуру Чдйчжила, или Эрлікъ-хана, изображеніе котораго можно встрѣтить въ каждой кумирнѣ и почитаніе котораго едва ли не самое распространенное между монгольскими буддистами. Въ своей плашущей позѣ онъ стоитъ на украшенномъ самыми разнообразными привѣсками и соединяющемся съ женщиною быкѣ. Чдйчжилъ имѣетъ человѣческое тѣло и какія то звѣриныя ноги, украшенныя впрочемъ золотыми браслетами, усыпанными драгоценными камнями. Въ распростертой правой рукѣ онъ держитъ скипетръ, изображающій собою скелетъ ребенка съ удлиненнымъ становымъ хребтомъ, который и служить рукояткою для скипетра. Въ лѣвой рукѣ Чдйчжилъ держитъ трезубчатые вилы и этою же рукою онъ хочетъ обнять подающую ему, наполненный кровью человѣческой черепъ (габала), женщину, совершенно голую. Голова Чдйчжила бычья, съ тѣлою изъ пяти человѣческихъ череповъ и необыкновенно большими рогами, а глаза смотрятъ искоса на подходящую женщину; все тѣло украшено превосходными ожерельями, драгоценными опоясаниями, а на рукахъ блестящія запястья. Другіе докшйты изъ отдѣла сладострастныхъ также подобны Чдйчжилю. Большинство ихъ изображается съ какими либо звѣринными головами и всѣ они или цѣлуются, или совокупляются съ женщинами на самые разнообразные манеры.

Второй родъ докшйтовъ, имѣющій, какъ говорятъ монголы, богатырскій видъ (бѣтурлахуй янцзутанъ), изображается обыкновенно въ формахъ человѣческаго тѣла, только формамъ этимъ, сообразно приписываемой докшйтамъ этого рода силѣ, придаются размѣры и видъ, свидѣтельствующіе объ ихъ крѣпости и могуществѣ. Такимъ образомъ челюсти этихъ докшйтовъ обладаютъ огромными глазными зубами, выдающимися наружу въ видѣ клыковъ; руки и ноги ихъ необыкновенно жилисты и толсты, съ огромными, похожими болѣе на когти, ногтями пальцевъ. Какъ-бы въ доказательство своей силы, они всегда попираютъ или какихъ либо дикихъ звѣрей, или чудовищъ, измышленныхъ фантазіею буддійскихъ иконологовъ. Другой способъ для олицетворенія силы, приписываемой этимъ докшйтамъ, есть увеличеніе числа чле-

тѣла; такимъ образомъ являются докшіты съ нѣсколькими головами, громаднымъ числомъ рукъ, ногъ и проч.

Наконецъ третій отдѣлъ докшітовъ—ужасныхъ и безобразныхъ (сурхэй гова-бусу) по своимъ личнымъ формамъ почти нигдѣ не разнится отъ докшітовъ батуровъ, они только не носятъ ни какихъ чудовищъ, а или стоятъ прямо на усвоенномъ имъ докшітамъ кругѣ солнца, или же изображаются сидящими верхомъ на какомъ либо животномъ: лошади, мулѣ, слонѣ, львѣ, тигрѣ и проч. Въ рукахъ докшіты этого рода обыкновенно держатъ черепа и человѣческія кости, разнаго рода оружіе, змѣй, ядовъ и пр. Нахмуренныя брови и искаженныя отъ злобы морщинами лица составляютъ особый и отличительный признакъ бурхиповъ этого рода.

Станнымъ и даже просто непонятнымъ могутъ показаться для человѣка, незнакомаго съ буддизмомъ эти циничныя и ужасныя формы божествъ; но въ глазахъ буддистовъ все это имѣетъ свой великій смыслъ и свое таинственное значеніе. Такимъ образомъ общее для всѣхъ докшітовъ безобразіе и искаженіе злобою лицъ ихъ служитъ прямымъ выраженіемъ ихъ отвращенія отъ предметовъ матеріальнаго міра и постоянного стремленія ихъ подавить матеріальное, грѣховное начало. Чудовищныя формы тѣла докшітовъ знаменуютъ собою ихъ страшную силу, которая даетъ имъ полную возможность бороться и побѣждать злое начало въ мірѣ. Изображеніе докшітовъ въ совершенной наготѣ свидѣтельствуешь о полнѣйшемъ удаленіи (свободѣ) ихъ отъ всѣхъ препятствій къ спасенію. Подавляваніе ими различныхъ чудовищъ знаменуетъ побѣду ихъ надъ врагами спасенія. Объятіямъ женщинъ и совокупленіямъ съ ними придается иносказательный смыслъ полнѣйшаго удовлетворенія всѣхъ пожеланій и распространенія великаго блаженства. Говорить болѣе подробно о значеніи докшітскихъ изображеній мы здѣсь не будемъ и желающихъ познаться съ этимъ значеніемъ нѣсколько основательнѣе отсылаемъ къ статьѣ о докшітахъ, изложенной въ примѣчаніяхъ къ нашему сочиненію «Ургянскіе хутухты» (стр. 51—63); хотя считаемъ долгомъ замѣтить здѣсь, что выяснить въ частности смыслъ

каждаго докшйтскаго изображенія почти невозможно, именно въ силу сложности предмета и обилія его значеній. Каждый докшйтъ имѣетъ свои особыя формы и всякой изъ этихъ формъ усвоится опять таки особое духовное значеніе: каждая рука, нога, каждый глазъ и чуть ни каждый волосъ на головѣ имѣетъ свое значеніе въ иконологіи буддистовъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ изслѣдованіе ея ученій относительно изображенія божествъ, должно составить цѣлыя томы. Не менѣе точны и пособія, данныя буддизмомъ его иконографамъ; пособія, въ которыхъ обыкновенно ни одного слова не говорится о значеніи той или другой части бурхановъ, но въ которыхъ подробно выясняется, каковы именно должны быть по своимъ вѣшнимъ формамъ изображенія бурхановъ. Такъ какъ европейская литература до сего времени еще не была знакома съ характеромъ монголо-буддійскихъ сочиненій по иконографіи, то я позволяю себѣ представить вѣскольکو краткихъ выдержекъ изъ сочиненій этого рода, чтобы съ одной стороны познакомить своихъ читателей съ характеромъ упомянутыхъ произведеній монгольской литературы, а съ другой еще точнѣе и обстоятельнѣе, словами самихъ монголовъ, указать формы изображенія буддійскихъ бурхановъ.

Такъ какъ будда Шигэмүни почитается основателемъ буддизма, то указаніями его изображеній обыкновенно начинается каждое иконографическое сочиненіе монголовъ. Въ сочиненіи «Цагунъ-хүрдэ», говорится, что «вообще всесовершеннѣйшаго будду приличнѣе изображать въ тѣхъ формахъ, какія имѣлъ онъ на землѣ и при этомъ разказывается, что Шигэмүни отъ вершины уснйра (иначе , савск. ushnîśha, тиб. ཡུ་ཤུག་མི་རྩ་) до подошвы ступни былъ вышиною въ 125 пальцевъ¹⁾; точно также и при распростёртыхъ рукахъ отъ оконечности правой руки до оконечности лѣвой онъ имѣлъ тоже 125 пальцевъ; короче

¹⁾ При наименованіи различныхъ мѣръ у буддійскихъ иконографовъ принято принимать за одно: 12-ть хуби (частей), одну ладонь, одну пядень и двѣнадцать пальцевъ. Одинъ палецъ, одна малая хуби, и восемь ячменныхъ зеренъ также одинаковы. Одно ячменное зерно и одно кунжутное зерно также одинаковы.

сказать сверху вниз и справа на лѣво онъ былъ одинаковъ, — квадратный. Нѣтъ сомнѣнія, что именно на этомъ основаніи въ статуяхъ Шигамѹнія насъ особенно поражаетъ длина его рукъ.

Въ сочиненіи «Вачир'унъ ицагѹр'ун цзабсъръ» относительно изображеній Шигамѹни въ его натуральную величину говорится нѣсколько подробнѣе, а именно: «у всесовершеннѣйшаго будды отъ вершинны уснѣра до междубровія — одна ладонь; отъ междубровія до горла одна ладонь; отъ горла до сердца — одна ладонь; отъ сердца до пупка одна ладонь; наконецъ одна ладонь отъ пупка до скрытыхъ частей (тѣла). Такова верхняя часть тѣла. Въ нижней части, лядвіа = 25 пальцамъ; сѣдалищная кость = 4-мъ пальцамъ; колѣнная чашка = 4-мъ пальцамъ; голенная кость = 15-ти пальцамъ; толщина ступни въ ногѣ = 4½ пальцамъ и подошва ступни въ ногѣ въ длину = 14 пальцамъ. Въ ширину тѣло будды должно быть слѣдующаго размѣра: отъ центра груди въ одну сторону 12½ пальцевъ, плечевая кость 20-ть пальцевъ, локтевая кость 16 пальцевъ; ладонь въ рукѣ до оконечности пальцевъ = 12-ти пальцамъ. Между плечевою и локтевою костью — одинъ палецъ; между плечевою костью и ключицею — одинъ палецъ. Точно также и съ другой стороны. Еще болѣе подробно главнѣйшія части лица будды измѣряются такъ: величина уснѣра на головѣ = 4-мъ пальцамъ; за симъ до оконечности волосъ 4½ пальца; лобъ = 4-мъ пальцамъ; носъ = 4-мъ пальцамъ; ротъ и подбородокъ = 4½ пальцамъ.

Въ сочиненіи «Дэгѣдѹ амугуланъ санваръ» относительно изображенія всѣхъ вообще бурхановъ говорится: «Форма лица блаженныхъ (амугулантъѹ) буддъ подобна куриному яйцу, т. е. почти круглая, суживающаяся книзу; у Дагини (женскихъ божествъ) кожа на кунжутное зерно, т. е. болѣе продолговатая; у биргонъ и чертей (бутъ), а также у бурхановъ докшйтовъ (свирѣлыхъ, смѣловъ хранителей ученія) она или совершенно круглая, или же четырехугольная. Въ тѣлахъ ихъ должно быть соблюдаемо слѣдующее различіе: у бурхановъ, принадлежащихъ къ отдѣлу вышнѣоблаженныхъ (дэгѣдѹ амугулантъѹ) тѣло равняется 10-ти ладонимъ; вышина головной повязки = одной ладони; цвѣтъ линхоа,

или пѣдма, составляющій подножіе бурхана = 3-мъ пальцамъ; изображеніе солнца на подножіи = 1-му пальцу; попираемыя бурханами существа должны быть величиною въ восемь пальцевъ, все же подножіе вмѣстѣ взятое = 12-ти пальцамъ, или одной ладони, а въ итогѣ отъ подножія до вершины уснѣра бурхавы поминутыхъ родовъ должны имѣть 12 ладоней. У всѣхъ Дара эхѣ (женскихъ божествъ) величина тѣла должна быть въ 9-ть ладоней, потому что только при этомъ условіи объемъ ихъ будетъ находиться въ соотвѣтствіи съ изображеніями другихъ божествъ, а равно и согласоваться съ нашими представленіями (сэтхиль-дур цзохистай). Докшіты имѣютъ въ тѣлѣ восемь четвертей, поднятые на головѣ волосы ихъ равняются одной четверти, равно и подножіе — одной четверти, такъ что все вмѣстѣ изображеніе докшитовъ должно равняться десяти четвертямъ.

Тоже сочиненіе относительно изображенія Бурханъ-бакшй, т. е. будды Шигэмуні съ большею подробностью сообщаетъ, что у Шигэмуні выпина прически волосъ (уснѣръ) должна быть въ 4-ре пальца; длина глаза = 4-мъ пальцамъ, а ширина = 2-мъ пальцамъ; длина отверстія уха въ 2 пальца; отверстіе въ срединѣ уха $\frac{1}{8}$ пальца; длина рта = 4-мъ пальцамъ отъ подбородка до горла у него 8 пальцевъ; ключица величиною = одной пяди; верхняя оконечность плечевой кости величины двухъ пальцевъ; отъ ямки мышцъ до оконечности пальцевъ 4 пяди; ладонь руки по длинѣ = 7-ми пальцамъ; средній палецъ = 5-ти пальцамъ; указательный палецъ ниже его на половину верхняго сустава, на четыре ячменныхъ зерна ниже средняго пальца палецъ безымянный; а ниже его на суставъ мизинецъ. У этихъ четырехъ пальцевъ на третьемъ верхнемъ суставѣ ногти, а у большаго пальца ноготь на второмъ суставѣ; палецъ этотъ нѣсколько ниже половины перваго сустава пальца указательнаго. Всѣ пальцы въ окружности должны имѣть величину 12-ти пальцевъ. Отъ мышцы до мышцы — 12 пальцевъ, таже мѣра и назади; впадина мышцъ = 5-ти пальцамъ. Сосокъ грудей величины ячменнаго зерна, а красноватое вокругъ него величины 4-хъ ячменныхъ зеренъ. Дѣтородный удъ величиною въ половину лица; шулята въ длину 5

палецъ, а толщиною у основанія въ 4 пальца. Лядвія имѣють ширину 25 пальцевъ; голенная кость тоже 25 пальцевъ; въ промежуткѣ между ними голенная чашка равняется тремъ пальцамъ¹⁾; щиколка величиною въ 2 пальца, толщина подошвы = 4-мъ пальцамъ²⁾, толщина пятки 6 пальцевъ».

Изъ сочиненія «Цагун-хүрдэ» говорится: «Очи (нитѣ) всеобщаго будды имѣють въ ширину 2 ячменныхъ зерна, а въ длину 2 пальца и 6 ячменныхъ зеренъ³⁾, по формѣ же они подобны луку. У амугулапгтү бурхановъ очи имѣють въ ширину ячменныхъ зерна, а въ длину 20 ячменныхъ зеренъ и имѣють форму цѣпка Утбала. Очи «докшитовъ» должны имѣть въ ширину 10 ячменныхъ зеренъ, а въ длину 14 и такимъ образомъ представляются почти круглыми. У дагѣни (женскихъ божествъ) очи шириною въ 6 ячменныхъ зеренъ, а длиною въ 15 и похожи на самый пузырь. Ширина носа у Бурханъ-бакшй — 2 пальца; толщина $1\frac{1}{2}$ пальца, ноздри въ поперечникѣ $\frac{1}{2}$ пальца, а въ длину $\frac{1}{2}$ пальца, промежутокъ между двумя ноздрями $\frac{1}{2}$ пальца. Лицо по окружности отъ одного уха до другаго по лицевой сторонѣ — 18 пальцевъ, по задней — 14 пальцевъ, а всего имѣеть въ окружности 32 пальца. Горло въ окружности 24 пальца; плечевая кость — 20 пальцевъ; локтевая — 16 пальцевъ; локтевая у дагѣни (царбагү) — 12 пальцевъ. Отъ груднаго соска назадъ до оконечности реберъ — 12 пальцевъ. Окружность всего тѣла у дагѣни — 45 пальцевъ, у пупка — 46; ниже пупка на 8 пальцевъ, а именно, гдѣ полагается вершина опоясанія, — 18 пальцевъ. На вершинѣ каждая лядвія у будды имѣеть въ окружности 36 пальцевъ, въ срединѣ — 32; окружность голени = 28 пальцамъ, окружность ноги посрединѣ икры = 21-му пальцу, а на оконечности икры = 14-ти пальцамъ».

Вотъ образецъ тѣхъ наставленій, которыя даетъ буддизмъ своимъ иконографамъ для изображенія бурхановъ; по этимъ же

1) А по сочиненію «Вачирунъ нцагүрун цзабсартъ», = 4 пальца.

2) По тому же сочиненію — $4\frac{1}{2}$ пальца.

3) Слѣдовательно только $2\frac{2}{3}$ пальца, тогда какъ по сочиненію «Дэгэду амугулапгтү санбаръ» длина глаза должна быть въ 4 пальца.

наставленіямъ мы можемъ себѣ представить и фигуры и объемъ буддійскихъ кумировъ. Должно однако замѣтить, что бурханы, встрѣчающіеся въ монгольскихъ храмахъ не всѣ отливаются въ указанной величинѣ, равно какъ и рисованныя изображенія буддійскихъ божествъ бываютъ у монголовъ въ высшей степени разнообразны, начиная отъ величины трехъ, четырехъ сажень и кончая фигурками меньшими вершка. Тѣмъ не менѣе при дѣланіи бурхановъ монгольскими художниками всегда и обязательно принимаются къ руководству всѣ вышеуказанныя правила: каждая часть тѣла бурхановъ увеличивается, или уменьшается совершенно пропорціонально съ общимъ увеличеніемъ, или уменьшеніемъ ихъ изображенія, формы же каждого бурхана, конечно остаются одѣ и тѣже, какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ изображеніяхъ. Это обстоятельство весьма важно въ томъ отношеніи, что въ иконографіи буддистовъ никогда не встрѣчается ничего произвольнаго, а отсюда въ буддійскихъ кумирняхъ никогда нельзя встрѣтить и такихъ вольныхъ и небрежныхъ изображеній, какія исполняются, напримѣръ, нашими владимірскими богомазами.

Помимо лѣтыхъ изображеній бурхановъ у главной, т. е. сѣверной стѣны храма, поставляются еще бронзовыя же фигуры субургановъ, обыкновенно называемыхъ у насъ пирамидами. Субурганы (санск. *tchâitya*, тиб. མཛོད་རྟེན་) суть собственно ничто иное какъ миниатюрное изображеніе древнихъ индійскихъ ступъ. По сказаніямъ буддистовъ, устройство субургановъ, какъ памятниковъ замѣчательнѣйшихъ священныхъ событій, начато было въ Индіи еще при жизни Шигамунія будды; въ послѣдствіи субурганы воздвигались тамъ не только на мѣстахъ замѣчательныхъ событій, но служили еще гробницами для ламъ, извѣстныхъ святостью своей жизни и своими подвигами на благо буддійской вѣры. Понятно отсюда, что субурганы, устрояемые въ различныхъ мѣстностяхъ и въ разное время, должны были имѣть у себя и разныя формы; но у монголо-буддистовъ субурганы по своему виѣшнему виду особенно не разнятся. Разсматривая фигуру субургана въ архитектурномъ отношеніи, мы находимъ,

она же состоитъ вообще изъ трехъ частей: пьедестала (сэнтэй), боковой части (бумба) и шпика; въ частности же пьедесталъ можетъ быть раздѣленъ еще на слѣдующія составныя части:

а) *плинтъ*, состоящій изъ четырехъ ступеней, при чемъ нижняя ступень наиболѣе массивна и высота ея представляетъ сумму высотъ остальныхъ четырехъ ступеней.

б) *фуста*, представляющій сплошной параллелепипедъ. Высота его равна высотѣ плинта, а апофема нѣсколько менѣе діаметра послѣдней ступени плинта.

в) *карнизъ*, состоящій изъ трехъ ступеней, при чемъ верхняя наиболѣе массивна и высота ея равняется суммѣ высотъ двухъ остальныхъ ступеней.

Главная часть субургана, *бумба*, покоится на базѣ (банъ-римъ), состоящей изъ четырехъ главныхъ, равныхъ по высотѣ ступеней и двухъ меньшихъ, при чемъ одна изъ этихъ меньшихъ (гэбжѹ) лежитъ при основаніи базы, а другая (бум-данъ) на вершинѣ.

Самое бумба представляетъ собою два, наложенные другъ на друга, усѣченные конуса съ равными радіусами большихъ оснований. Нижний конусъ обращенъ большимъ основаніемъ вверхъ, а верхній внизъ; образующая линія нижняго конуса вдвое болѣе образующей верхняго. Высота бумба равна высотѣ плинта, сложенной съ высотой фуста.

Шпикъ, или третья часть субургана, состоитъ изъ трехъ частей:

а) шейки, или основанія (брэй).

б) собственно шпика, представляющаго довольно высокій, усѣченный конусъ, украшенный тринадцатью металлическими кольцами (чойньворъ чжисѹмъ) и

в) коронующей части, состоящей изъ двухъ, обращенныхъ другъ къ другу широкими основаніями, усѣченныхъ конусовъ (діаметръ большаго основанія верхняго конуса — *тукъ-кэбъ*, вдвое больше діаметра большаго основанія нижняго конуса — *тукъ-тунъ*), увѣнчиваемыхъ изображеніями луны, солнца и пламенью-

щаго огня премудрости (нада). Высота всего шпица равна высотѣ пьедестала и высотѣ базы, на которой покоится бумба.

Служа изображеніемъ священныхъ предметовъ, долженствующихъ напоминать о славныхъ событіяхъ изъ исторіи буддизма, субурганы являются для буддистовъ такими же предметами чествованія какъ и кумиры бурхановъ, или божествъ ¹⁾.

1) Монголо-буддисты насчитываютъ у себя множество субургановъ, которые всѣ болѣе или менѣе однообразны по своему внѣшнему виду, но различаются по своимъ названіямъ, а равно и по происхожденію, преданіе о которомъ твердо хранится въ равназахъ ламъ. Главнѣйшіе изъ субургановъ чествуемыхъ въ Монголіи, какъ удалось намъ замѣтить суть слѣдующіе:

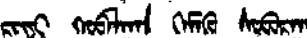
а) — «Субурганъ, обладающій многочисленными вратами премудрости», впервые воздвигнутыя будто бы въ Индіи въ то время, когда будда впервые началъ свою проповѣдь въ городѣ Варанаши (Vārāṇasī, нынѣ Бенаресь).

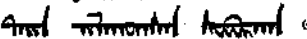
б) — «Святой (бодд) субурганъ» о происхожденіи котораго разсказываютъ, что онъ былъ построенъ впервые царемъ Роба-гарба и обитателями Магады въ воспоминаніе того событія, когда Шингмуніи на р. Наранджана укротилъ полчища шимпусовъ и сдѣлался всесовершеннымъ буддой.

в) — «Субурганъ укрощенія Шимпусовъ», воздвигнутый будто бы тѣмъ же царемъ Роба-гарба и по поводу того же событія прославленія Шингмуніи при р. Наранджана.

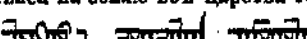
г) — «Субурганъ смерти» (проникновенія нирваны), — впервые воздвигнутый обитателями города Куша, въ то время, когда будда показавъ видъ переходящаго изъ страданій (этой жизни).

е) — «Субурганъ примиренія равношедшихъ хуваракъ» — впервые построенный будто бы жителями Рачжагрихи и Магады въ то время, когда будда, въ глѣсу Номы, примирилъ пришедшихъ между собою въ несогласіе хуваракъ (духовныхъ лицъ).

д) — «Субурганъ чудотворныхъ превращеній», — воздвигнутый якобы обитателями Шривасты въ то время, когда будда въ глѣсу Зада укротилъ дерзкія притязанія представителей различныхъ еретическихъ ученій.

е) — «Субурганъ всесовершенной побѣды» — воздвигнутый обитателями города Вайсали въ то время, когда будда благословилъ и укрѣпилъ свое физическое существо для дѣятельности на благо одушевленныхъ существъ.

ж) — «Субурганъ нисхожденія съ неба» воздвигнутый обитателями города Вайсали въ память того событія, что будда ниспустился на землю изъ царства тенгровъ.

з) — Субурганъ,

Съ не меньшимъ почтеніемъ относятся монголо-буддисты и къ почитанію такъ называемыхъ «Эцэн'у сүльдэ», — особаго рода императорскихъ дощечекъ, составляющихъ исключительную принадлежность императорскихъ кумиренъ. «Эцэн'у сүльдэ» по внѣшнему виду представляетъ продолговатую дощечку, въ аршинъ длиною и вершковъ въ 10 ширины. Дощечка всегда бываетъ окрашена въ синюю краску и обдѣлана золоченую и украшенную рѣзнымъ золотымъ бордюромъ рамку. Посреди ея золочеными китайскими іероглифами начертывается слѣдующее изрѣченіе: «хуанъ-ди ванъ суй, ванъ суй, ванъ ванъ суй», что по буквальному переводу значитъ: «Императоръ (да живетъ) десять тысячъ лѣтъ, десять тысячъ лѣтъ, десять тысячъ десятковъ тысячъ лѣтъ». Въ императорскихъ кумирняхъ Эцэн'у сүльдэ обыкновенно поставляется на жертвенникъ впереди главнаго бурхана и передъ нимъ, какъ необходимая принадлежность, ставится двѣ китайскихъ свѣчи. Свѣчи эти собственно сальныя, но обливаются тонкимъ слоемъ воска, вслѣдствіе чего онѣ не текутъ. Воскъ окрашивается въ красную краску и разрисовывается изображеніями золотыхъ цвѣтовъ и китайскихъ іероглифовъ. Свѣтильня въ таковыхъ свѣчахъ дѣлается обыкновенно изъ стеблей кунжутнаго дерева, обвитыхъ ватою, а иногда какимъ то тонкимъ хлопкомъ, который, по удостовѣренію китайцевъ, составляетъ сердцевину растенія изъ породы бузины. Нижняя часть такой свѣтильни саломъ не покрывается и служитъ ножкой, при посредствѣ которой свѣчу утверждаютъ на подсвѣчникѣ. Съ этою цѣлью и подсвѣчники устраиваются у китайцевъ въ родѣ нашихъ парафитокъ, т. е. съ выдающимся стержнемъ, на который втыкается свѣча. Помимо этихъ свѣчъ передъ «эцэн'у сүльдэ» иногда ставятся лампы и возжигаются хучжи, т. е. благовонныя куренія.

построенный шакъяскимъ царемъ Суддадан'ою въ память возрожденія будды въ человѣческомъ видѣ, которое совершилось въ саду Ломби.

2) *ṣṭubhagarā* *ṣṭubhagarā* *ṣṭubhagarā* «Субургагъ проповѣди» построенный индійскимъ царемъ Самбо въ то время, когда будда впервые началъ свою проповѣдь въ городѣ Варанаши.

Что касается рисованных бурхановъ (Бурханъ, тиб. བུ་ཤ་པོ་), то они обыкновенно развѣшиваются по стѣнамъ храмовъ и бываютъ самой разнообразной величины, начиная отъ двухъ, трехъ саженей до четверти аршина и менѣе. Обыкновенная форма ихъ есть продолговатый четырехугольникъ, матеріаломъ же, на которомъ пишутся храмовые рисунки бурхановъ, въ большинствѣ случаевъ является или полотно, или же льняная холстина. Краски разводятся на рыбьемъ клѣѣ и растираются стекляннымъ шаромъ, съ придѣланной къ нему деревянной рукояткой. Холстъ крѣпко натягиваютъ на деревянную раму и потомъ накладываютъ на него грунтъ изъ мѣлу. Когда грунтъ высохнетъ, разогрѣваютъ рыбій клѣй и намазываютъ имъ обѣ стороны полотна, а когда и клѣй высохнетъ, тогда полотно полируется волчьимъ или кабаньимъ зубомъ. Живопись, почти исключительно акварель, является здѣсь въ однихъ только обрисахъ, безъ тѣней, но всегда отличается рѣзкими контрастами цвѣтовъ, и блеститъ необыкновенною яркостью красокъ. Говорятъ, что монгольскіе художники для приданія большей яркости краскамъ подкладываютъ въ нихъ коровью желчь, но мнѣ лично не приходилось наблюдать этого. Рисунокъ, приготовленный на полотнѣ, обшивается за сямъ каймами изъ шелковой матеріи, а сверху и снизу къ нему прикрѣпляются деревянные скалки. Въ этомъ видѣ онъ во 1-хъ можетъ быть совершенно безъ поломки, свернуть въ одну трубку, а во 2-хъ повѣшенный на стѣнѣ храма виситъ ровно и не заворачивается кверху.

Содержаніе рисунковъ, развѣшиваемыхъ въ храмахъ, составляютъ прежде всего отдѣльныя изображенія буддъ и бодисатвъ, при чемъ послѣдніе, по своимъ внѣшнимъ формамъ ни чѣмъ не разнятся и отъ своихъ литыхъ изображеній. Особенность рисунковъ бурхановъ составляетъ то, что на верхнихъ двухъ углахъ каждаго рисунка пишется изображеніе солнца и луны. Самая фигура бурхана всегда обводится кругомъ, иногда окрашиваемымъ въ синюю краску и испещреннымъ золотыми лучами, исходящими отъ тѣла бурхана. Эти лучи уже легко даютъ понять, что кругъ, всегда изображаемый на рисункахъ амурлингуй бурхановъ и бла-

женскихъ ламъ, вѣроучителей буддизма, знаменуетъ собою сіяніе, исходящее изъ ихъ тѣла, почему и называется онъ гэрэлъ (сіяніе). У всѣхъ амурлингуй бурхаповъ помимо этого круга, обнимающаго изображеніе, рисуется еще особый кругъ, обрамливающій только лицо бурхана. Этотъ послѣдній кругъ, называемый «солонгò» (ᠰᠣᠯᠠᠩᠭ᠎ᠠ), знаменуетъ собою радугу, по вѣрованію буддистовъ, всегда распространяющуюся надъ головою буддъ въ моменты ихъ прославленія. Изображенія докшитовъ не имѣютъ у себя ни сіянія вокругъ тѣла, ни радуги вокругъ головы; по взамѣпъ сего докшиты изображаются окруженными пламенемъ, по толкованію, пожигающимъ всѣ препятствія ко спасенію.

Кромѣ изображенія буддъ, бодисѣтъ и разнаго рода священ-ныхъ, мифическихъ животныхъ буддизма (драконы, птица гареди и проч.) въ развѣшенныхъ храмовыхъ рисункахъ можно не рѣдко встрѣтить изображенія, заимствованныя изъ исторіи буддизма. Такова напримѣръ картина, посвящая названіе «Бурханъ-бакшіинъ арбанъ-холръ цзѡхѡлъ» или двѣнадцать явленій изъ жизни Шигэмунія. Рисунокъ этотъ имѣетъ въ своей срединѣ обыкновенное изображеніе Шигэмунія, по краямъ же его располагаются изображенія изъ жизни Шигэмунія въ слѣдующемъ порядкѣ:

На самомъ верху рисунка изображено (№ 1-й) нѣчто въ родѣ представленнаго въ разрѣзѣ буддійскаго храма, въ срединѣ котораго возсѣдаетъ желтолицый бурханъ Майдари. Это область Тушита ¹⁾, въ которой Шигэмуніи, намѣреваясь спуститься на землю, оставилъ намѣстникомъ Майдари, увѣнчавъ его священною тиарой. Подъ этимъ изображеніемъ видите вы (№ 2-й) фигурку бѣлаго слона, по толкованію — священнаго, отличительную особенность котораго составляетъ то, что на спинѣ у него есть при-

1) Тушйтъ, (санскр. Тушита, монгол. Тэгүсь баясхулантү ординъ) т. е. область совершенной радости, — названіе небесной страны, принадлежащей къ третьей области органическаго міра, въ которой имѣютъ свое мѣстопробываніе будды до воплощенія въ челоуѣка и гдѣ преподаютъ они тѣнтріямъ (= небожителямъ) свое ученіе о вѣрѣ. По вѣрованіямъ буддистовъ, Шигэмуніи, спустившись на землю, оставилъ въ области Тушита намѣстникомъ своего ученія Майдари.

родное изображеніе чиндамани¹⁾. Этотъ слонъ есть первое превращеніе Шигэмуні, который, какъ извѣстно, спустился съ неба на землю, принявъ на себя видъ бѣлаго слона. Въ дальнѣйшемъ рисунокъ является нѣсколько непослѣдовательнымъ (хотя, замѣтимъ кстати, эта непослѣдовательность была обща для всѣхъ тѣхъ экземпляровъ, которые намъ случалось когда либо видѣть) и для продолженія событій изъ жизни Шигэмунія въ ихъ хронологическомъ порядкѣ, намъ нужно обратиться къ отдѣлу № 5-й. Здѣсь изображено дерево, на вѣтвь котораго опершись правою рукою, стоитъ женщина, а нѣсколько ниже ея мужчина, держащій въ рукахъ кусокъ бѣлаго полотна, на которомъ покоится ребенокъ. Этотъ рисунокъ изображаетъ собою рожденіе Шигэмунія, который, по легендамъ, спустившись съ неба въ видѣ бѣлаго слона, вошелъ въ утробу царицы Махаман и черезъ десять мѣсяцевъ послѣ сего родился изъ подъ правой мышки ея въ то время, какъ она прогуливалась въ саду Ломби. При этомъ событіи немедленно же явился Хормустъ тѣнгри, который принялъ чудесно появившагося младенца въ бѣлое полотно. На ряду съ этимъ рисункомъ изображается (№ 6-й) шесть бѣлыхъ цвѣтковъ и на седьмомъ изъ нихъ стоитъ фигура Шигэмунія уже въ его взросломъ и прославленномъ видѣ. Это означаетъ тотъ фактъ, что Шигэмуні, родившись, тотчасъ же сдѣлалъ семь шаговъ, при чемъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ ступилъ своею ногою, выросло по одному бѣлому лотусу (падма). Выше этого рисунка видится (№ 3-й) опять таки изображенный въ разрѣзѣ буддійскій храмъ, но въ данномъ случаѣ онъ изображаетъ собою дворецъ Аркянъ идѣнъ хѣна, (санск. suddhōdana) т. е. отца Шигэмунія. Храмъ представляется раздѣленнымъ на двѣ комнаты и въ одной изъ нихъ сидитъ женщина, держа въ рукахъ ребенка, а въ другой—вы видите постель, на которой лежитъ женщина,—въ ногахъ ея по одну сторону сидитъ мужчина въ царской тиарѣ, а по другую—юноша, въ почтительной (т. е. согбенной) позѣ. Оба эти рисунка должны служить

1) Чиндамани—мифическій камень, представляющій собою драгоценность способную удовлетворить всѣ пожеланія.

наименовать собою воспитаніе Шигэмунія въ домѣ родителей, а именно: первый изъ нихъ его воспитаніе во младенчествѣ, а второй — въ періодъ отрочества. Сюда должно причислить рисунокъ (№ 4), на которомъ тотъ же юноша Шигэмуніи представляется сидящимъ въ царскихъ носилкахъ, везомыхъ парю бѣлыхъ лошадей и окруженнымъ нѣсколькими слугами. Это прогулки Шигэмунія, которыя предпринималъ онъ, живя въ домѣ своихъ родителей. Далѣе въ послѣдовательномъ порядкѣ является нѣсколько небольшихъ рисунковъ, долженствующихъ изображать обученіе Шигэмунія. Первые два изъ этихъ рисунковъ (№№ 7, 8) одинаково представляютъ Шигэмунія, сидящимъ въ обществѣ старцевъ и держащимъ въ рукахъ книгу, — это обученіе грамотѣ, математикѣ и медицинѣ. Далѣе слѣдуетъ рисунокъ (№ 9), изображающій Шигэмунія, сидящимъ на слонѣ, — это обученіе верховой ѣздѣ. Еще далѣе изображается (№ 10) семь насквозь пронизанныхъ стрѣлою деревьевъ, передъ которыми стоитъ Шигэмуніи, держа въ рукахъ лукъ, — это обученіе стрѣльбѣ изъ лука, при чемъ Шигэмуніи, прострѣливъ семь деревьевъ, впервые показалъ свою сверхъестественную силу, проявившуюся еще впослѣдствіи въ укрощеніе слоновъ, въ борьбѣ со сверстниками и въ играхъ. Все это также точно имѣетъ свое мѣсто на рисункѣ. Такимъ образомъ на ряду съ прострѣленными деревьями мы видимъ (№ 11) Шигэмунія, стоящимъ посреди лежащихъ на землѣ и побѣжденныхъ имъ товарищей; еще далѣе (№ 12) виднѣтся изображеніе летящаго вверху слона, котораго, по толкованіямъ, Шигэмуніи, играя, подбросилъ къ небу однимъ большимъ пальцемъ своей ноги. Рисунокъ (№ 13) изображаетъ снова дворецъ, въ которомъ можно видѣть, что Шигэмуніи сидятъ рядомъ съ своею женою, а передъ ними въ почтительныхъ позахъ стоятъ ихъ домочадцы (иногда къ этому прибавляется еще столъ, наполненный плодами и яствами): по толкованію это означаетъ чисто райскую жизнь, которую проводилъ Шигэмуніи въ своемъ царственномъ дворцѣ. За симъ Шигэмуніи является изображеннымъ на крыльцѣ того же дворца и созерцающимъ четыре основныхъ мученія въ мірѣ, а именно: рожденіе, смерть, болѣзнь

и старость. Олицетвореніе этихъ мученій на рисункѣ представляется въ томъ, что передъ крыльцемъ дворца Шигэмунія изображенъ (№ 14) человекъ, несущій за спиною какой то тукъ; по толкованію, это завернутый въ кожу трупъ ребенка (такъ будто бы хоронили въ древности). Рядомъ съ этимъ пѣшеходомъ (№ 15) лежитъ еще человекъ, у котораго лама шупаетъ пульсъ, — это конечно знаменованіе болѣзни. Еще далѣе (№ 16) представляется фигура согбеннаго старца. Рожденіе на рисункѣ не изображается, но въ замѣнъ сего представляется (№ 17) фигура ламы, отъ котораго, по толкованію, Шигэмүни получилъ наставленіе о необходимости оставить этотъ міръ, полный страданій и искать успокоенія духа въ принятіи духовнаго званія. Шигэмүни, рѣшившись послѣдовать совѣту ламы, ночью, въ сопровожденіи своего вѣрнаго слуги, тайкомъ, убѣжалъ изъ дому и событіе это изображается на рисункѣ (№ 18) въ видѣ фигуры Шигэмунія, ѣдущаго на бѣлой лошади со своимъ слугою къ рѣкѣ Нараньчжана, гдѣ онъ остановился у бѣлаго субургана и, объявивъ слугѣ свое намѣреніе, поручилъ ему возвратиться домой. Вслѣдъ за сѣмъ онъ собственноручно обрѣзалъ свою косу и такимъ образомъ принялъ священныя обѣты. На рисункѣ (№ 19) видно изображеніе Шигэмунія сидѣвшаго у бѣлаго субургана; лѣвою рукою онъ держитъ свою косу, а правою намѣревается отрѣзать ее большою сѣкирой. Передъ нимъ на колѣнахъ стоитъ Хормуста-тенгри и подаетъ ему монашескія одежды. Слуга, видѣвшій совершившіяся обстоятельства, долженъ былъ возвратиться домой: на рисункѣ (№ 20) онъ изображается плачущимъ и правою рукою закрывшимъ свои глаза, а лѣвою держащимъ лошадь; лошадь въ свою очередь изображается обернувшеюся назадъ и смотрящею на святаго отшельника. По принятіи духовнаго званія, Шигэмүни удался на берега рѣки Нараньчжана и здѣсь въ теченіе шести лѣтъ просидѣлъ въ глубокомъ созерцаніи; на рисункѣ (№ 21) это состояніе образно выражается въ изображеніи сидящаго Шигэмунія, котораго два маленькіе ребенка толкаютъ пальцами. По толкованію, Шигэмүни такъ глубоко погрузился въ діяну (= созерцаніе) и сидѣлъ такъ непо-

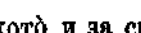
длинно, что дѣти не могли даже узнать, живой ли это человекъ, или мертвый. Слава объ отшельникѣ однако скоро распространилась, почему нѣкоторые благочестивыя женщины захотѣли принести ему въ даръ нищу. На рисунокѣ (№ 22) по этому поводу изображаются женщины, изъ которыхъ одна гонитъ коровъ, а другая кнѣтитъ молоко на таганѣ. Далѣе слѣдуетъ картина искушеній Шигэмунія: къ нему явились три прекрасныхъ дѣвицы съ цѣлю соблазнить духъ его нечистою похотью; но Шигэмуніи превратилъ ихъ въ дряхлыхъ старухъ. Согласно этого сказанія на рисунокѣ (№ 23) изображается сидящій въ дѣяніи Шигэмуніи, при чемъ по одну сторону его стоятъ три дѣвицы, а по другую изображаются три согбенныя и плачущія старухи. Окончивъ дѣяну и перенесши всѣ искушенія, Шигэмуніи достигъ состоянія будды. На рисунокѣ (№ 24) это отмѣчается только тѣмъ, что Шигэмуніи, нарисованный въ своей обыкновенной формѣ, имѣетъ вокругъ своей головы кругъ — солонгѣ и гэрэмъ вокругъ всего тѣла. Далѣе на отдѣльныхъ рисункахъ изображается поднесеніе жертвъ Шигэмунію. Такимъ образомъ рисунокъ (№ 25) изображаетъ поднесеніе четырьмя Махарѣджамъ Шигэмунію бѣдры, т. е. монашеской чашки; (№ 26) поднесеніе Эруѣ-тэнгриемъ хурдэ; (№ 27) поднесеніе Хормустѣ-тэнгриемъ мандала. Всѣ эти рисунки одинаково представляютъ Шигэмуніи сидящимъ въ позѣ бурхана, при чемъ ему колѣнопреклоненно подается извѣстнымъ лицомъ тотъ или другой предметъ. Дальнѣйшій рисунокъ (№ 28) изображаетъ проповѣдническую дѣятельность Шигэмунія. Передъ сидящимъ Шигэмуніемъ стоитъ хурдэ, по сторонамъ котораго двѣ колѣнопреклоненныя газели, вокругъ же самаго Шигэмунія изображается народъ, слушающій его проповѣдь. Непосредственно за этимъ изображеніемъ дѣятельности Шигэмунія слѣдуетъ картина (№ 29) его смерти. Здѣсь снова изображается храмъ въ его разрѣзѣ, посреди храма стоитъ кровать (иногда впрочемъ она изображается и столцею подъ деревомъ, а иногда и просто въ какомъ то неопредѣленномъ, какъ будто степномъ пространствѣ), на которой лежитъ Шигэмуніи на боку, правую руку подложивъ подъ щеку, а лѣвую протянувъ до колѣня. Во-

кругъ одра стоятъ колѣнопреклоненные ученики будды. Вслѣдъ за этимъ изображеніемъ слѣдуетъ рисунокъ (№ 30) бѣлой урны, изъ которой пылаетъ огонь. Это сожженіе тѣла будды, пепель отъ котораго былъ потомъ собранъ въ восемь чашъ, чтобы передать ихъ восьми царствамъ. Рисунокъ (№ 31) этихъ восьми чашъ, стоящихъ на тахилъгънъ ширѣ, заканчиваетъ собою кругъ рисунка «Бурханъ-бакшійнъ арбанъ хойръ цѣхълъ».

По этому же примѣру на хурӯкахъ нѣкоторыхъ, прославившихся своею дѣятельностію на благо одушевленныхъ существъ и знаменитыхъ въ исторіи ламъ, хутухтъ, хубилгановъ, бодисатвъ и буддъ не рѣдко изображаются событія изъ ихъ жизни. Въ этихъ случаяхъ изображеніе самаго бурхана обыкновенно полагается въ срединѣ, въ увеличенномъ размѣрѣ, рисунки же, изображающіе черты и событія изъ жизни бурхана, полагаются вокругъ его изображенія по краямъ самой картины въ рамкахъ въ родѣ отдѣльныхъ небольшихъ квадратовъ. Этотъ способъ рисованія бурхановъ совершенно подобенъ тому, какъ въ напей православной церкви рисуются напр. иконы Святителя Николая и проч. Иногда вмѣсто этихъ рисунковъ, изображающихъ событія изъ единичной жизни какого либо единичнаго буддѣйскаго святи-теля, въ помянутыхъ квадратахъ по краямъ рисунка помѣщаются изображенія его хубилгановъ, т. е. различные виды, которые принималъ на себя тотъ или другой будда, или бодисатва въ различныхъ своихъ перерожденіяхъ. Въ этой формѣ чаще всего встрѣчаются изображенія богини Дарѣ-эхѣ; (монг. тиб.) при чемъ всрединѣ, въ болѣе увеличенномъ размѣрѣ, рисуется изображеніе одного изъ особливо чествуемыхъ въ Монголіи хубилгановъ Дарѣ-эхѣ, а именно или ногонъ (зеленой) Дарѣ-эхѣ, или цаганъ (бѣлой) Дарѣ-эхѣ, по краямъ же рисунка въ отдѣльныхъ квадратахъ изображаются остальные двадцать хубилгановъ этой небесной дѣвы ¹⁾. Въ хурӯкахъ

1) Дара-эхэ, иначе называемая Дол-ма, на своемъ первомъ перерожденіи была известна подъ именемъ Янгъ-чжанъ-ма, т. е. «благозвучной дѣвы» и въ то время, ради сохраненія вѣры отъ враговъ и бѣдствій, превратилась въ злую

ромы показавшихъ примѣненіе этой теоріи на практикѣ

По мимо такого изображенія бурхановъ въ каждомъ буддйскомъ храмѣ можно встрѣтить еще особые рисунки, носящіе названіе «хотѣ мандагъ» (монг. , тиб. или) и изображающіе собою планы обиталищъ того или другаго бурхана. Смотра по имени бурхана, жилище котораго изображается на планѣ, рисунки эти носятъ различныя наименованія: «Манлайнь-хотѣ», «Ямандагайнь-хотѣ», «Айшійнь-хотѣ» (т. е. обиталище Манлы, Ямандагай, Айши) и проч. Такъ какъ по своимъ формамъ всѣ эти рисунки жилищъ почти одинаковы, то мы опишемъ болѣе подробно только одинъ изъ нихъ, именно Манлайнь-хотѣ и за сѣмъ укажемъ на существеннѣйшія различія, находящіяся въ другихъ рисункахъ этого рода.

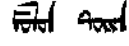
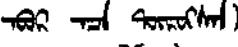
Въ самой срединѣ хўрука «Манлайнь-хотѣ» рисуется кружокъ, въ которомъ изображается небольшой столикъ (ширѣ), съ лежащею на немъ открытою книгою. Она знаменуетъ собраніе ученія, которое проповѣдалъ будда Шигэмўни о Манлѣ, а равно и вѣщанія самого Манлы. Вокругъ этой книги въ особомъ кругѣ изображается восемь буддъ (𑖀𑖄𑖫𑖮𑖫𑖮𑖫𑖮𑖫𑖮𑖫𑖮𑖫𑖮), составляющихъ восемь особыхъ перерожденій, или хубилгановъ Манлы, которые, являясь въ мірѣ, дѣйствовали на благо одушевленныхъ существъ. Этотъ кругъ восьми буддъ составляетъ первое и главнѣйшее отдѣленіе дворца Манлы: онъ очерчивается первымъ квадратнымъ четырехугольникомъ, изображающимъ собою первый дворъ Манлы. Здѣсь обитаютъ 16 бодисатвъ, которые достигли своего высокаго званія, шествуя по пути ученія Манлы. За симъ слѣдуетъ второй, еще большій квадратный четырехугольникъ, знаменующій собою второй дворъ Манлы: здѣсь живутъ во 1-хъ двѣнадцать по-чжинъ, т. е. существъ, спасшихся слѣдуя по пути Манлы, а во 2-хъ десять чойчжинъ (монг. , тиб. ,) которые охраняютъ десять странъ свѣта и суть хубилганы Махагалы (монг. , санск. Ма-

hākāla, тиб. མཁོ་ན་པོ་), — генія хранителя ученія Мāны. Въ четырехугольникѣ этого же двора помѣщаются и два сдй-бун'а (འཇིག་རྟེན་པོ་), т. е. прислужника Мāны — Нимā-даръ и Давā-даръ. Въ слѣдующемъ за сими, третьемъ дворѣ располагаются по два на каждой сторонѣ четырехугольника, а всего восемь озеръ, устѣянныхъ цвѣтами падма; по бокамъ же каждаго озера находится по одному дереву. Это восемь озеръ и 16 деревьевъ, которые чудотворною силою произвелъ Мāнла. Въ этомъ третьемъ дворѣ обитаютъ четыре Махарацза (монг. , санск. māhārāja), почитаемые вообще геніями хранителями буддійскаго ученія. Въ четырехъ стѣнахъ этого двора рисуется четверо воровъ, которые ведутъ въ жилище Мāны.

Хотѡ другихъ бурхановъ по своей формѣ вообще подобны хотѡ Мāны, но отличаются отъ него во 1-хъ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ среднемъ кругѣ полагается не книга, а какая нибудь другая принадлежность буддизма; во 2-хъ числомъ изображаемыхъ бурхановъ, что обуславливается количествомъ хубилгановъ того бурхана, жилище котораго изображается и въ 3-хъ тѣмъ, что не на каждомъ изъ рисунковъ хотѡ изображаются озера и деревья.

Къ числу изображеній бурхановъ монголы относятъ также и встрѣчающіяся съ недавняго времени въ халхаскихъ храмахъ картины съ изображеніемъ отдѣльныхъ частей будды; таково изображеніе стопы Шигамунія, которое глѣтъ пятнадцать тому назадъ начали распространять по Монголіи и у нашихъ бурятъ ламы Брайбунгскаго монастыря изъ Тибета.

Помимо изображеній бурхановъ въ монгольскихъ кумирняхъ встрѣчаются еще и картины религіозно-правственнаго содержанія и пзъ числа ихъ первое мѣсто занимаетъ рисунокъ такъ называемаго «сансарыйнъ хурдэ» (монг. , тибет. སྤྱི་བའི་འཁོར་ལོ་), что по буквальному переводу значить — колесо міра. Въ этомъ рисунокѣ вкратцѣ и образно изложено все нравственное ученіе буддизма съ показаніемъ ученія о возмездіи за дѣла. Происхожденію этого рисунка буддисты приписываютъ

глубокую древность и относятъ его ко временамъ самаго будды Шигамунія. Извѣстно, что одинъ изъ старѣйшихъ учениковъ Шигамунія — Мутгальваніа, (Mongalyana. монг. или) или, какъ обыкновенно называютъ его монголы, — Молонъ тѣйнъ, занятый дѣломъ спасенія своей матери, постепенно посѣщалъ всѣ царства міра, въ которыхъ возмуждалась его мать. Такимъ образомъ онъ побывалъ во всѣхъ двадцати отдѣленіяхъ ада, былъ въ царствѣ биритовъ, наблюдалъ царство животныхъ и людей, посѣтилъ царства асүріевъ и тэнгріевъ; вмѣстѣ съ нимъ въ тѣ же царства міра отправлялся и Шарипутра (Śāgiputra), — первый изъ учениковъ будды. Когда дѣло спасенія матери Мутгальванія было окончено, оба ученика явились къ буддѣ и начали разказывать сперва четыремъ своимъ друзьямъ, а потомъ и всѣмъ слушателямъ будды о мученіяхъ, видѣнныхъ ими въ различныхъ царствахъ міра. Будда, желая сохранить этотъ разказъ въ наставленіе вѣрующихъ всѣхъ временъ и народовъ, приказалъ изобразить живописью состояніе всѣхъ царствъ, видѣнныхъ его учениками и рисунокъ этотъ начертать на пяти стороннемъ цилиндрѣ, который и поставить передъ дверями своего дома. Всякій входящій могъ разсматривать рисунокъ, для толкованій же его къ цилиндру былъ приставляемъ одинъ изъ учениковъ будды. Впослѣдствіи ученики будды также точно рисовали эту картину всегда на пяти-стороннемъ цилиндрѣ и ввели въ обычай ставить этотъ цилиндръ передъ дверями храмовъ. Каждое изъ шести царствъ занимало собою отдѣльную сторону цилиндра и только царства тэнгріевъ и асүріевъ рисовались вмѣстѣ, т. е. на одной сторонѣ цилиндра. Такъ какъ содержаніемъ рисунка было изображеніе только матеріальнаго міра — сансары, а рисовался онъ на пятистороннемъ цилиндрѣ — хұрдэ, то за нимъ и утвердилось названіе — сансарыйнъ хұрдэ. Сансарыйнъ хұрдэ также точно какъ и манійнъ хұрдэ дѣлалось вращающимся на оси, такъ что зритель, просмотрѣвъ одну сторону цилиндра, могъ, не сходя съ мѣста, повернуть его и разсматривать рисунокъ, изображенный на другой сторонѣ. Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ монастыряхъ Тибета, сансарыйнъ хұрдэ въ

той формѣ и донинѣ ставится передъ дверями храмовъ, но въ Монголіи я всегда находилъ его въ видѣ картины, рисованной на полотнѣ и при томъ въ составъ этого рисунка помимо изображеній отдѣльных царствъ міра привзошли еще и другія составныя части.

Такимъ образомъ видѣнные мною въ Монголіи рисунки сансарійнаго хурда представляли собою уже не одинъ кругъ съ изображеніемъ отдѣльных царствъ, или областей сансары, а три круга послѣдовательно заключенныхъ одинъ въ другой. Въ центральномъ изъ этихъ круговъ полагается изображеніе свиньи, змѣи и курицы, какъ эмблематическое выраженіе трехъ золъ (འཇིགས་མེད་ཀྱི་ཕྱིན་པ་), присущихъ духовной природѣ человѣка и служащихъ основою для всякаго рода грѣховной дѣятельности. Извѣстно, что причиною всевозможныхъ пороковъ, по буддизму, почитаются невѣжество, гнѣвъ и сладострастіе; такимъ образомъ свинья является здѣсь эмблемою невѣжества, змѣя — эмблемою гнѣва, а курица — эмблемою сладострастія. Второй кругъ, заключающій въ себѣ собственно изображеніе шести царствъ матеріальнаго міра раздѣляется четырьмя радіусами на пять отдѣленій и въ каждомъ изъ этихъ отдѣленій является рисунокъ отдѣльнаго царства.

Въ самомъ низу полагается царство ада. (монг. ᠠᠳᠤ, санскр. ताम, тиб. ནུབ་ཁ་). Отдѣльными чертами царство это раздѣляется на двадцать клѣточекъ, изъ которыхъ въ первой и самой верхней изображается жилище Эрликъ-хана, (санскр. यामा, тиб. གཤིན་པོའི་རྒྱལ་ཁོང་) т. е. блюстителя ада. Самъ Эрликъ-ханъ представляется здѣсь сидящимъ на престолѣ и производящимъ судъ надъ явившеюся къ нему душою человѣка. Онъ держитъ въ рукахъ своихъ зеркало (толи), въ которомъ всегда отражаются какъ добрыя, такъ и дурныя дѣянія каждаго человѣка. Такимъ образомъ, посматрѣвъ въ это зеркало, Эрликъ-ханъ всегда имѣетъ возможность знать истину о дѣятельности всякаго, явившагося на судъ его. Не смотря на то, онъ заставляеть каждую, представшую предъ него душу человѣка разказывать о своей оконченной жизни и о своихъ

поступкахъ. Такъ какъ человѣкъ, явившійся на судъ Эрлика, можетъ позабыть нѣкоторые изъ сдѣланныхъ имъ грѣховъ и добродѣтелей, то поэтому вмѣстѣ съ нимъ являются на судъ еще и родившіеся вмѣстѣ съ нимъ добрый и злой геніи. Эти геніи, сопутствуя человѣку на всѣхъ путяхъ его жизни, собираютъ, каждый по своей специальности, одинъ добродѣтельныя, а другой грѣховныя дѣла. На картинѣ изображается именно тотъ моментъ, когда представшая предъ Эрликъ-хана душа человѣка рассказываетъ ему свою прошлую жизнь. Душа изображается въ видѣ маленькаго человѣчка, стоящаго передъ Эрликъ-ханомъ на колѣнахъ; по бокамъ ея стоятъ геніи, изъ которыхъ одинъ сыплетъ изъ мѣшка бѣлые кружки, а другой — черные, — это конечно олицетвореніе добрыхъ и злыхъ дѣяній. Царство это служить, повидимому, и первымъ отдѣленіемъ ада. Остальныя девятнадцать клѣтокъ заняты изображеніемъ девятнадцати различныхъ отдѣленій ада: девять изъ этихъ отдѣленій представляютъ такъ называемые горячіе ады (ᠠᠩᠭᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠭᠠᠨ) и десять — холодные (ᠠᠨᠭᠠᠨ ᠠᠨᠭᠠᠨ). Вышнее отдѣленіе изъ числа первыхъ, т. е. горячихъ адовъ, называется «адамъ постоянно исцѣляющихся» (ᠠᠨᠭᠠᠨ ᠠᠨᠭᠠᠨ ᠠᠨᠭᠠᠨ): мученіе грѣшниковъ состоитъ здѣсь въ томъ, что черти прокалываютъ ихъ пиками, а грѣшники не только не умираютъ отъ этого, но исцѣляются отъ нанесенной имъ раны тотчасъ же послѣ того, какъ вынута пика и исцѣляются опять таки для того, чтобы снова терпѣть тоже страданіе. Второе отдѣленіе есть такъ называемый «адъ черныхъ линий» (ᠠᠨᠭᠠᠨ ᠠᠨᠭᠠᠨ ᠠᠨᠭᠠᠨ). Мученіе грѣшниковъ состоитъ здѣсь въ томъ, что черти распиливаютъ ихъ тѣло, или же вколачиваютъ въ него гвозди по чернымъ линиямъ, начертаннымъ на тѣлѣ мучащихся. Въ третьемъ отдѣленіи ада — «адъ распадающихся» (ᠠᠨᠭᠠᠨ ᠠᠨᠭᠠᠨ ᠠᠨᠭᠠᠨ), въ четвертомъ — «адъ тихо плачущихъ» (ᠠᠨᠭᠠᠨ ᠠᠨᠭᠠᠨ ᠠᠨᠭᠠᠨ), въ пятомъ — «адъ громко плачущихъ» (ᠠᠨᠭᠠᠨ ᠠᠨᠭᠠᠨ ᠠᠨᠭᠠᠨ), въ шестомъ — «горячій адъ» (ᠠᠨᠭᠠᠨ ᠠᠨᠭᠠᠨ), въ седьмомъ — «очень горячій адъ» (ᠠᠨᠭᠠᠨ ᠠᠨᠭᠠᠨ ᠠᠨᠭᠠᠨ), и въ восьмомъ — «адъ страш-

шій, въ которомъ не знаютъ успокоенія (— ११६ — ११७ — ११८ — ११९ —)

разобрать по рисунку страданій грѣшниковъ уже невозможно. Все, что наблюдается здѣсь это, — огненные языки, изображаемые въ видѣ отдѣльныхъ красныхъ полосъ, между которыми тамъ и сямъ видны различныя части человѣческаго тѣла, и въ которыхъ слѣдовательно жгутъ и жарятъ грѣшниковъ. Наконецъ девятый адъ, называемый (*תולד אשכול אלה*) является болѣе опредѣленнымъ: здѣсь видно, что мученіе грѣшниковъ состоитъ въ томъ, что они бѣгаютъ по мечамъ, ножамъ, гвоздямъ и тому подобнымъ острымъ орудіямъ и такимъ образомъ естественно наносятъ себѣ раны этими орудіями; нѣкоторые изъ грѣшниковъ при этомъ падаютъ, отчего опять таки прокалываются мечами. Холодные ады, въ противоположность горячимъ, изображаются краскою блѣдно-голубаго цвѣта, что, по толкованію, должно означать холодную воду и ледь. Въ первыхъ девяти отдѣленіяхъ этихъ адовъ, называемыхъ:

- α) холодный адъ (*אשכול אלה*), β) адъ накожныхъ прыщей, (*אשכול אלה*), γ) адъ лопающихся (прорывающихся) накожныхъ прыщей (*אשכול אלה*), δ) адъ кричащихъ: татай! татай! (*אשכול אלה*), ε) адъ кричащихъ: ай, халай, хохой! (*אשכול אלה*), ζ) адъ скрежещущихъ зубами, (*אשכול אלה*), η) адъ, въ которомъ грѣшники разсыпаются какъ дѣтокъ утѣла (*אשכול אלה*), θ) адъ, въ которомъ грѣшники разсыпаются какъ лотусъ (*אשכול אלה*) и ι) адъ, въ которомъ грѣшники сильно разсыпаются какъ лотусъ (*אשכול אלה*), — какъ и въ послѣднихъ пяти горячихъ адахъ опредѣлить мученія грѣшниковъ невозможно; что же касается послѣдняго холоднаго ада, называемаго ближайшимъ адомъ (*אשכול אלה*), то въ немъ мученія грѣшниковъ выражаются въ сажаніи на колъ, вколачиваніи въ тѣло гвоздей, раздираніемъ тѣла на части и проч.

Къ верху отъ областей ада въ особомъ отдѣленіи круга, расположенномъ на правой сторонѣ рисунка помѣщается изобра-

женіе царства биритовъ. (𑖀𑖄𑖔𑖄, санскр. gr̥eta, тиб. རྩེད་པ་). Это также область страданія. На рисункѣ представлено нѣсколько обнаженныхъ человѣческихъ фигуръ. Формы ихъ показываютъ страшную худобу тѣла, голова непомѣрно развита, а шея наоборотъ представляется очень тонкою. У каждаго изъ нихъ открытъ ротъ, причѣмъ у нѣкоторыхъ изъ рта пышетъ ярко-красное пламя. По толкованію, страданія биритовъ состоятъ въ томъ, что они постоянно ощущаютъ страшный голодъ и отсюда внѣшняя худоба ихъ тѣла. Стремясь утолить свой голодъ, бириты постоянно отыскиваютъ пищу, но къ принятію ея у нихъ являются какъ внутреннія, такъ и внѣшнія препятствія. Отсюда возникаетъ дѣленіе биритовъ на два отдѣла: бириты съ внутренними (субъективными, въ нихъ самихъ находящимися) препятствіями (𑖀𑖄𑖔𑖄 𑖀𑖄𑖔𑖄 𑖀𑖄𑖔𑖄) и бириты съ внѣшними препятствіями (𑖀𑖄𑖔𑖄 𑖀𑖄𑖔𑖄 𑖀𑖄𑖔𑖄). Къ первому отдѣлу принадлежатъ бириты, которые, нашедши пищу не могутъ принять ее: одни — потому что лишь только поднесутъ ее ко рту, какъ изъ рта у нихъ тотчасъ же распространяется огонь, который не только сожигаетъ эту пищу, но и самое ихъ тѣло; другіе — потому что горло ихъ величиною не больше соломинки и слѣдовательно неспособно проглотить куска. Бириты съ внѣшними препятствіями также точно мучатся голодомъ: имъ постоянно кажется, что гдѣ нибудь въ отдаленіи отъ нихъ лежитъ вкусная пища; они бѣгутъ туда, но лишь только приближаются къ лакомому куску, какъ онъ превращается въ огонь, или разнаго рода нечистоты. На рисункахъ изображаются въ большинствѣ случаевъ только эти два рода биритовъ.

Въ отдѣленіи, противоположномъ царству биритовъ, т. е. на лѣвой сторонѣ рисунка, представляется царство животныхъ, (монг. 𑖀𑖄𑖔𑖄, тибетск. རྩེད་པ་གྲོག་པ་). На первомъ планѣ здѣсь являются домашнія животныя, какъ: лошада, быки, овцы, верблюды; далѣе слѣдуютъ полевые, дикіе и хищные звѣри; наконецъ среди голубоватыхъ полосъ, долженствующихъ изображать морскія волны, рисуется пѣлая масса головъ, по толкованію, при-

подлежащихъ безчисленному множеству существъ, обитающихъ подъ водою.

Обращаясь отсюда снова на правую сторону рисунка, въ отдѣленіи, помѣщаемомъ надъ царствомъ бирѣтовъ, находимъ царство людей (). На рисункѣ изображаются два дома, въ каждомъ изъ которыхъ сидитъ по одному ламѣ; тутъ же видно зданіе кумирни, изъ котораго ламы выходятъ цѣлою толпою.

На ряду съ царствомъ людей, въ пятомъ и послѣднемъ кругѣ изображаются двѣ области тѣнгриевъ и асүріевъ. Область тѣнгриевъ (, тибетск. རྩ་ཁྱེད་) расположена на верху. Здѣсь представленъ дворецъ, внутри котораго обитаетъ Хормуста, — владыка тѣнгриевъ; ниже дворца въ облакахъ видны изображенія небесныхъ дѣвъ, а подъ ними тѣнгрии, сражающіеся съ асүріями. Вся нижняя часть отдѣленія, долженствующая представить царство асүріевъ, (санскр. asura, тиб. རྩ་ཁྱེད་) наполнена изображеніемъ человѣческихъ фигуръ, одѣтыхъ въ панцири и шлемы, — это и есть асүрии. Вся жизнь этихъ существъ проходитъ въ непрестанной борьбѣ съ тѣнгриями. Рисунокъ представляетъ именно эту борьбу. Асүрии держатъ въ рукахъ мечи и пики, а тѣнгрии стрѣляютъ въ нихъ очирамп.

Таково изображеніе шести областей сансары.

Третій и послѣдній кругъ сансарыйнъ хурдэ наполненъ символическими изображеніями двѣнадцати Ниданъ (тиб. རྩ་ཁྱེད་, монг. шитүнгъ-барилдуга), долженствующими напоминать вѣрующимъ основное ученіе буддизма о причинахъ и слѣдствіяхъ, которымъ объясняется по буддизму какъ происхожденіе явленій міра матеріальнаго и духовнаго, такъ равно и происхожденіе перерожденій. Ламы, конечно, увѣряютъ, что ученіе это было проповѣдано самимъ буддою, въ толкованіяхъ же о ниданахъ обыкновенно слѣдуютъ по «Праджня-парамитѣ», принимающей за исходную точку отправленія *неяужество*, а «Лалита-вистарѣ», толкующей ниданы въ обратномъ порядкѣ. Чтобы дать читателямъ болѣе ясное представленіе объ этомъ ученіи, мы сопоста-

вимъ слышанныя нами объясненія ламъ съ изложениемъ ученія о нѣдавахъ, находящимся у Бюрнуфа въ его «Introduction à l'histoire du Bouddhisme indien».

Извѣстно, что въ основу всего своего ученія Будда положилъ идею о мученіи, а цѣлью его поставилъ избавленіе отъ всякихъ страданій. Мученія слагаются главнымъ образомъ отъ болѣзни, старости и смерти; чтобы найти средства избавиться отъ нихъ нужно было отыскать ихъ основную причину. Старость и смерть представляютъ собою по буддизму вѣнецъ всякаго зла и страданія. Это первая нѣдапа, которая образно представляется на рисункѣ въ видѣ согбеннаго старика, едва могущаго стоять и принужденнаго балансировать своими руками, чтобы только не потерять равновѣсія и не упасть. Отыскивая исходную причину старости и смерти, будда въ глубокомъ созерцаніи задался такимъ вопросомъ: «что такое то, что, существуя, даетъ причину старости и смерти (санск. djarāmaṇa, тиб. кэ-ши, монг. утүлхүй, ухүхүй) и какая причина старости и смерти? Тогда такая мысль пришла ему на умъ: старость и смерть существуютъ вслѣдствіе *рожденія* (санск. djāti, тиб. к'жэ-ба, монг. түрүхүй) и имѣютъ своею причиною рожденіе. Это вторая нѣдапа, для изображенія которой подъ фигурою старика (первой нѣдапы) наглядно представленъ самый процессъ рожденія. Лежитъ обнаженная и покрытая одѣяломъ женщина, — между ногами ея видѣтъ ребеночка.

Потомъ такая мысль пришла на умъ буддиствѣ: что такое то, что своимъ существованіемъ даетъ мѣсто рожденію и какая причина рожденія? Въ отвѣтъ на это пришла ему на умъ такая мысль: рожденіе существуетъ вслѣдствіе присущихъ всемъ существамъ душевныхъ наклонностей, доводящихъ эти существа до инстинктивнаго влеченія къ всему суетному, и заключающемуся въ матеріальномъ мірѣ. Символически это олицетворяется въ фигурѣ курпы, наспивающей свои лѣща. Эта третья причина, или нѣдапа по санскритски называется bhava, а по монг. сансаръ ¹⁾.

1) Бюрнуфъ, въ Introduction p. 493—494, толкуетъ терминъ — «бава» не

Потомъ такая мысль пришла на умъ бодисатвъ: что такое то, что существованіемъ своимъ даетъ мѣсто бытію душевной исключительности и влеченія къ суетному и какая причина этого влеченія? Тогда пришла ему на умъ такая мысль: влеченіе образуется вслѣдствіе принятія и усвоенія (себѣ чего бы то ни было, желаній, воззрѣній дѣятельности и проч.); влеченіе имѣетъ своею причиною принятіе (санск. *prādāna*, тиб. лэн-ба, монг. *лѣхуй*). Эта четвертая нидана изображается на рисункѣ подъ видомъ человѣка, собирающаго съ дерева плоды.

Потомъ такая мысль пришла на умъ бодисатвъ: что такое то, что существованіемъ своимъ даетъ мѣсто бытію принятія, или усвоенія (существомъ чего либо — желанія, воззрѣнія, дѣятельности и пр.) и какая причина принятія? Тогда пришла ему на умъ такая мысль: принятіе существуетъ вслѣдствіе страстного желанія (не разставаться съ прежде испытаннымъ удовольствіемъ и вообще чѣмъ либо пріятнымъ); принятіе имѣетъ своею причиною страстное желаніе (санскр. *trichnā*, тиб. срэ-ба, монг. *хурицахуй*). Эта пятая нидана олицетворяется на рисункѣ въ видѣ человѣка, пьющаго вино, или, лучше сказать, держащаго стаканъ съ виномъ.

Потомъ такая мысль пришла на умъ бодисатвъ: что такое то, что, существуя, даетъ мѣсто страстному желанію и какая причина желанія? Тогда такая мысль пришла ему на умъ: желаніе существуетъ вслѣдствіе чувствованія (т. е. способности ощущать удовольствіе или неудовольствіе), — желаніе имѣетъ своею причиною чувствованіе (санскр. *vēdanā*, тиб. чжор-ба, монг. *мэ-дэрихуй*). Это шестая нидана. На рисункѣ изображается человѣкъ, пораженный стрѣлою въ глазъ и такимъ образомъ дости-

согласно съ нашимъ толкованіемъ, которое прослушали мы отъ ламъ и въ настоящемъ случаѣ представляемъ; но, кажется, что представляемое толкованіе ламъ распространено какъ въ Монголіи такъ и въ Тибетѣ. Георги, въ своемъ *Alphabetum tibetanum*, говоря о ниданахъ располагаетъ ихъ по Праджня парамитѣ и при томъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Повидимому, термину «бава» у него дается толкованіе какъ «Propensio ad malum, sive spiritus, vel genius improbus». Въ общемъ это будетъ до нѣкоторой степени сходно съ понятіями ламъ. См. *Alph. tib.* 499.

гается цѣль изображенія способности чувствованія съ указаніемъ на высшій изъ органовъ чувствъ.

Потомъ такая мысль пришла на умъ бодисатвѣ: что такое то, что существованіемъ своимъ даетъ мѣсто чувствованію и какая причина чувствованія? Тогда пришла ему на умъ такая мысль: чувствованіе происходитъ вслѣдствіе *соприкосновенія* (съ субъектомъ чувствующимъ внѣшнихъ предметовъ),—соприкосновенія, оставляющаго слѣдъ въ душѣ и служащаго залогомъ для возникновенія желанія повторить ощущение; чувствованіе имѣетъ своею причиною соприкосновеніе (санск. *spraṣa*, тиб. *paṅ-ba*, монг. *хүрүүлцэхүй*). Это седьмая нидана. На рисункѣ изображаются мужчина и женщина, обнаженные и заключившіе другъ друга въ объятія; словомъ — избранъ фактъ, когда соприкосновеніе должно возбудить высшую степень напряженности чувствованія.

Потомъ такая мысль пришла на умъ бодисатвѣ, что такое то, что своимъ существованіемъ даетъ мѣсто соприкосновенію (внѣшнихъ предметовъ) и какая причина соприкосновенія? Тогда пришла ему на умъ такая мысль: соприкосновеніе существуетъ вслѣдствіе шести чувствъ (порождающихъ и собирающихъ по мелочамъ (ཤུལ་ཤུལ་ཤུལ་) матеріалы для нашихъ познаній и нашего мышленія); соприкосновеніе имѣетъ причиною шесть чувствъ (санск. *chaḍāyatana*, тиб. *с'гжэ-цэ-тругъ*, монг. *түрүнъ түгэхүй*). Это восьмая нидана. Аллегорическое изображеніе ея заключается въ картинкѣ пустаго дома, съ которымъ въ буддизмѣ постоянно сравнивается существо человѣка. Человѣкъ, говорятъ буддисты, это пустой домъ, безъ главы, безъ хозяина, безъ распорядителя; но домъ, занятый ворами, изъ которыхъ каждый дѣйствуетъ въ немъ безпрекословно, по своему особому направленію. Эти воры суть наши чувства, развлекающія духъ и лишаяющія его возможности сосредоточиться: такимъ образомъ зрѣніе постоянно наслаждается наружностью предметовъ, слухъ внимаетъ звукамъ, обоняніе — запахамъ, вкусъ и осязаніе различными, подлежащимъ имъ ощущеніямъ, между тѣмъ какъ внутреннее чувство (шестое) обращается ко всѣмъ этимъ ощу-

ощущеніемъ въ отдѣльности¹⁾. Такова аллегорія при изображеніи шести чувствъ въ видѣ пустаго дома.

Потомъ такая мысль пришла на умъ бодисатвѣ, что такое то, что существованіемъ своимъ даетъ мѣсто существованію шести чувствъ и какую причину имѣютъ шесть чувствъ? Тогда такая пришла ему мысль: шесть чувствъ существуютъ вслѣдствіе имени и формы (если бы существующее внѣ насъ было безформенно, оно не могло бы быть предметомъ нашего ощущенія и дѣйствовать на наши чувства; если бы оно не имѣло имени, то ничто не напоминало бы о немъ нашему уму; въ этомъ то смыслѣ) шесть чувствъ имѣютъ своею причиною имя и форму (санскр. *pāṣaṅkā*, тиб. *минъ-танъ-цу*, монг. *нэрэ-унгэ*). Это девятая нидана. Аллегорически она изображается на представленіи рисункѣ въ видѣ лодки (онгоцѣ), въ которой, по замѣчанію ламъ, должны быть изображены еще сидящими четыре человѣка. Эти четыре человѣка знаменуютъ собою имя, а лодка форму; но какимъ образомъ составила такая аллегорія, мнѣ узнать не пришлось.

Потомъ такая мысль пришла бодисатвѣ, что такое то, что своимъ существованіемъ даетъ мѣсто имени и формѣ. Тогда такая пришла ему мысль: имя и форма существуютъ вслѣдствіе сознанія, (которое направляется ко всѣмъ предметамъ, распознаетъ ихъ качества, отличаетъ одни предметы отъ другихъ и даетъ имъ имена; такимъ то образомъ) имя и форма имѣютъ своею причиною сознаніе (санскр. *vidjāna*, тиб. *намъ-ба-ра-шеба*, монг. *тэйнъ мадэхуй*). Это десятая нидана. Символическимъ изображеніемъ ея на разсматриваемой картинѣ, какъ и вообще символомъ сознанія, по буддизму, является обезьяна, вслѣдствіе отличительнаго свойства ея перебѣгать отъ одного предмета къ другому.

Потомъ такая мысль пришла на умъ бодисатвѣ: что такое то, что своимъ существованіемъ даетъ мѣсто сознанію. Тогда

1) Эдзэбъ блинкъ барахитъ Л. 82 обор.

такая мысль пришла ему въ голову: сознаніе существуетъ вслѣдствіе дѣятельности (собственно духовной, по которой человѣкъ изучаетъ предметы внѣшняго міра и даетъ наименованія предметамъ своего міра внутренняго); сознаніе имѣетъ своею причиною дѣятельность (санск. *samskāra*, тиб. б'ду-б'чжэт, монг. хурднъ уйлэтхуй). Это одиннадцатая нидана. Аллегорическое изображеніе дѣятельности представляется на картинѣ въ видѣ горшечника, окончившаго выдѣлкою три сосуда. Собственно аллегорія здѣсь въ количествѣ сосудовъ, ибо всю дѣятельность человѣческую и всѣ дѣла человѣка буддисты раздѣляютъ на три категоріи: дѣла добродѣтельные (འདྲུང་པ་ཀུན་ཀྱི་ལས་), дѣла грѣховныя (འཕྲུང་པ་ཀུན་ཀྱི་ལས་) и дѣла непоколебимыя (འདྲུང་པ་ཀུན་ཀྱི་ལས་).

Потомъ такая мысль пришла на умъ бодисатвъ: что такое то, что, существуя, даетъ мѣсто дѣятельности и какая причина дѣятельности? Тогда пришла ему такая мысль: дѣятельность существуетъ вслѣдствіе невѣжества, (по которому человѣкъ не въ состояніи ясно понять и дать истинное направленіе своей жизни и дѣятельности; даетъ цѣну предметамъ міра матеріальнаго, тогда какъ въ сущности они — ничто); такимъ образомъ дѣятельность имѣетъ своею причиною невѣжество (санскр. *avidyā*, тиб. ма-ри-г-ба, монг. мунахъ). Символическимъ изображеніемъ этой послѣдней двѣнадцатой ниданы — невѣжества служить фигура слѣпой старухи, которая совершенно не знаетъ, куда она идетъ.

Такъ толкуютъ ниданы и ихъ символическія и аллегорическія изображенія на сансарыйнѣхъ хурдѣ монгольскіе ламы. Ясно, что всѣ эти изображенія должны напоминать собою буддистамъ основное ученіе ихъ вѣроучителя о призрачности и не дѣйствительности всего этого міра, въ основѣ нашихъ отношеній къ которому лежитъ невѣжество и результатомъ которыхъ должна являться привязанность къ нему, а отсюда новый рядъ перерожденій и соединеннаго съ ними страданія.

Чтобы закончить описаніе сансарыйнѣхъ хурдѣ, мы должны еще сказать, что кругъ его на рисункѣ представляется держимымъ въ зубахъ краснаго мангуса, — слуги владыки смерти. Ман-

съ этотъ имѣетъ образъ человѣка, но съ чудовищными формами тѣла, острыми когтями, клыками и пр. Надъ головою его, съ правой стороны изображается кругъ, знаменующій солнце, а несколько далѣе — фигура ламы, которой придается значеніе изображенія ученика Будды, объясняющаго смыслъ сансарійнаго урда.

Наконецъ въ кумирняхъ можно встрѣчать и рисунки съ изображеніемъ буддійскихъ святинь, таковы изображенія У-тай-шанъ и Хлассы. У-тай-шанъ, какъ извѣстно, есть названіе горы, находящейся въ Китайской провинціи Шанъ-си и почитаемой буддистами за постоянное мѣстопребываніе Маньчжүшри. Хласса, тибетскій городъ — монастырь, служащій резиденціею Далай-ламы — первосвященника желтаго ученія. Оба эти рисунка представляютъ собою самый примитивный способъ живописи. У-тай-шанъ является въ видѣ отдѣльно возвышающихся пяти горныхъ пиковъ, на которыхъ по мѣстамъ разбросаны группы деревьевъ, — это лѣса; въ другихъ мѣстахъ изображаются маленькія подобія пещеръ и въ каждой изъ нихъ непременно сидитъ въ молитвенной позѣ по одному ламѣ, — это должно знаменовать ламъ-отшельниковъ и созерцателей; наконецъ по мѣстамъ разбросаны здѣсь изображенія буддійскихъ кумиренъ, — это обозначаетъ монастыри. Въ изображеніи Хлассы на первомъ планѣ является высокая монастырская или крѣпостная стѣна, изъ за которой выглядываютъ крыши и верхнія части зданій храмовъ. Дворецъ Далай-ламы, какъ высшая святиня, располагается въ срединѣ и непомерно превосходитъ своею величиною всѣ прочія зданія. Нѣтъ сомнѣній, конечно, что всѣ эти рисунки не могутъ доставить никакихъ дѣйствительныхъ понятій объ изображаемыхъ ими предметахъ, лучшимъ же подобіемъ исполненія ихъ могутъ быть наши дубочныя картины Аѳонской горы, или святаго града Іерусалима.

Помимо вышеозначенныхъ, често буддійскихъ изображеній, у самыхъ дверей нѣкоторыхъ монгольскихъ кумиренъ попадаетъ еще изображеніе Цаганъ-эбүгэна, культъ котораго чрезвычайно распространенъ во всей сѣверо-восточной Азіи. Цаганъ-эбүгэна

чествуютъ монголы—буддисты, китайцы—конфуціанцы и даосы, наконецъ буряты—шаманисты; послѣдніе при томъ убѣждены, что и православная церковь чествуетъ Цаганъ-эбугэна, объединяя личность послѣдняго со святителемъ Николаемъ. Цаганъ-эбугэнъ изображается въ видѣ маститаго и убѣленнаго сѣдинами старца, одѣтаго въ бѣлый халатъ и держащаго въ рукѣ посохъ съ изображеніемъ драконовой головы (а иногда и двухъ;—нашъ архіерейскій жезлъ въ значительной степени походитъ на посохъ Цаганъ-эбугэна и вѣроятно въ представленіи бурятъ служить не малою причиною для объединенія святителя Николая съ Цаганъ-эбугэномъ). Буддисты даютъ въ своихъ кумирняхъ Цаганъ-эбугэну самое послѣднее мѣсто и не почитаютъ его въ числѣ своихъ бурхановъ; а говорятъ, что это «харъшачжинай бурханъ», т. е. божество «черной вѣры», или шаманистовъ. За всѣмъ тѣмъ они признаютъ почитаніе его, ибо самъ Будда, въ періодъ своей жизни на землѣ, встрѣчался съ Цаганъ-эбугэномъ и удостоилъ его своею бесѣдою. Этого конечно для буддистовъ было уже достаточно, чтобы допустить чествованіе Цаганъ-эбугэна¹⁾.

1) Прослѣдить культъ Цаганъ-эбугэна было бы въ высшей степени интересно. Мы съ своей стороны на имѣли для сего достаточно времени; но въ бесѣдахъ съ ламами намъ удалось однажды узнать, что въ буддизмѣ о личности Цаганъ-эбугэна имѣется даже писанное ученіе, хотя книга, или сутра о Цаганъ-эбугэнѣ, якобы очень рѣдкая. Въ библиотекѣ Чжэбцаунъ-дамба-хутухты «Цаганъ-эбугэнъу судуръ» (ученіе о Цаганъ-эбугэнѣ) впрямь попала въ наши руки. Это небольшое сочиненіе, всего на трехъ листкахъ, писанное вѣроятно въ довольно позднее время, но поддѣланное подъ форму сутры. Въ виду краткости этого сочиненія и интереса самаго предмета, мы представляемъ здѣсь точный переводъ этой брошюрки, дающей хоть какое нибудь опредѣленное понятіе о личности Цаганъ-эбугэна.

«Я слышалъ, что говорили такъ: Въ одно время всесовершеннѣйшій Будда съ Анандою и пріемлющими жертву въ чашу, съ главнѣйшими изъ бодисатвъ и хуваранами, проходилъ у горы, которая называлась Чжимисту-ой (плодовый лѣсъ) и въ это время увидалъ одного старца, достигшаго уже до предѣловъ челоѣческой жизни: волосы и борода его были совершенно бѣлые, онъ былъ одѣтъ въ бѣлую одежду и держалъ въ своей рукѣ посохъ съ наконечникомъ, изображающимъ дракону голову. Такого старца увидѣлъ будда и спросилъ его: «Зачѣмъ въ одиночествѣ живешь ты у горы?» Всесовершеннѣйшій Будда, отвѣчалъ старику, я жилъ на этой горѣ, имѣющей имя Чжимсалай (плодовитая); я жилъ на горѣ, и выше меня было небо, а внизу мать ѳугэнъ

Такимъ образомъ, помимо помѣщаемаго у самыхъ дверей буддийскихъ эбуганъ, всѣ хурѹки, т. е. рпсованныя изображенія бур-хановъ, картипы религіозно-нравственнаго содержанія и виды буддийскихъ святынь располагаются обыкновенно по восточной, западной и южной стѣнамъ кумирни, а иногда на длинныхъ тесь-махъ свѣшиваются еще и съ потолка сл. Буддисты не имѣютъ

Утубъ (Утубъ — шаманское названіе земли). Я повелитель дикихъ бурѹ, лдовитыхъ змѣй, людей и животныхъ, гоніевъ земли (Утубъ аи Утубъ). Я повелитель воды, гоніевъ хранителей правленія (= царствъ Утубъ аи Утубъ). Какъ ни свирѣпы гении 24 странъ, — я могу управ-лять ими. На горахъ — я владыка горъ, я владыка земли, я владыка воды; в рѣкахъ (Утубъ) — я владыка пространства, на которомъ помѣщаются буддийскія книги, я владыка воды; въ городахъ — я владыка мѣста, на кото-ромъ стоитъ городъ, я владыка воды. Я въ точности анаю добродѣтели и грѣхи людей, населяющихъ вселенную; долготы и краткость человеческой жизни въ моемъ вѣдѣніи. Я даю счастье совершать добродѣтельные дѣла; по-казываю добродѣтели и грѣха, основы благихъ дѣлъ, почитательность къ роди-телямъ, вѣру въ три драгоценности, все это разсѣваю я, низпускаюсь 1-го и 2-го числа каждого мѣсяца; а въ день мыши низпускаются вмѣстѣ два док-трины, черный горный демонъ (Утубъ аи Утубъ Утубъ), повелитель при-роды ада и владыка огня: они подробно и безъ пропусковъ описываютъ добрыя и дурныя дѣянія, которые сдѣлали люди, я же принимаю эту за-писку. Кто по жестокости убилъ кого, не былъ почитателемъ къ родителямъ, сознательно не оказалъ почитенія къ тремъ драгоценностямъ, всѣхъ тѣхъ и другихъ томъ небесные гении записываютъ. Потомъ я, вмѣстѣ съ доктринами ада и воды, владыками несчастныхъ дѣв, девяти звѣздъ пяти свирѣлыхъ странъ, съ владыками земли и владыками водъ, съ владыками городовъ и странъ схожу и таковыхъ грѣховныхъ существъ предаю чертямъ, при-надлежащимъ къ 100 различнымъ родамъ (Утубъ Утубъ аи Утубъ), навожу на нихъ болѣзни, воровъ, раны, сыпи, и дурныя сновидѣнія въ такомъ обиліи, какъ въ дождь. Обманы, невыгоды, порчу въ вещахъ, убытки, смерть и мученіе, все это даю я. На эту рѣчь повелителя неба всесовершеннѣйшій Будда ска-залъ: «хорошо, хорошо!» и потомъ произнесъ, обращаясь къ ученикамъ: «Дѣти мои, буддийскіе, дайте клятву предъ моимъ лицемъ въ томъ, что вы будете помогать одушевленные существа и помогать имъ!» Кто эту книгу переписываетъ, переплетаетъ, покажетъ другимъ, или прочтетъ, заслуги того безгранично ве-лики. Если кто прочтетъ ее семь разъ, тотъ избавится отъ болѣзней. Такъ сказалъ Будда и произнесъ слѣдующія тарни: «Омъ-ва-мо-са-зу-то-ма-до-ка-на-омъ-омъ-то-до-то-до дѣй-я-саа-ха-ха-ха-ха». Услыхавъ эти тарни, всѣ буддисты земли и воды возблагодарили предъ Буддою я, сложивъ ладони, поклонились (Цагйинъ-эбуганъ у судуръ орошиба).

обыкновенія ни возжигать передъ ними свѣтильниковъ, ни совершать куренія, ни приносить жертвы; все это совершается исключительно передъ главными кумирами, т. е. литыми изображеніями бурхановъ, располагаемыми, какъ было сказано выше, у сѣверной стѣны храма. Здѣсь поэтому поставляется и тахильнъ ширѣ (ᠲᠠᠬᠢᠯᠢᠨ ᠰᠢᠷᠢ), или, что тоже, жертвенникъ.

Поставляемый всегда передъ главнымъ бурханомъ, жертвенникъ въ буддійской кумирнѣ является стоящимъ прямо противоположно ея входнымъ дверямъ. Онъ имѣетъ видъ обыкновеннаго, деревяннаго продолговатаго стола, шириною въ $1\frac{1}{4}$ или въ $1\frac{1}{2}$ аршина, а длиною до 4 и даже 5 и болѣе аршинъ, смотря по величинѣ и богатству кумирни. Сверху столъ этотъ кругомъ обтягивается матеріею и за симъ покрывается еще челою, обыкновенно дѣлаемою изъ шелковой матеріи и оторочиваемою позументомъ, или шелковой бахромой. Въ видѣ жертвъ передъ бурханами на немъ располагаются прежде всего на сѣверной сторонѣ:

А) Даши дакжать, или по монгольски «улцэйтү найманъ тэмдэкъ», иначе называемыхъ еще «найманъ тахиль», т. е. восемь жертвъ; въ составъ которыхъ входятъ:

а) *Риггинъ дукданъ* — благовознесенный на ручкѣ драгоценности стяжанія добродѣтелей, отстраняющій и уничтожающій жаръ грѣховныхъ пожеланій (ᠷᠢᠭᠭᠢᠨ ᠳᠤᠭᠳᠠᠨ) *бѣлая зонтикъ* (ᠪᠡᠯᠠᠭᠠ ᠵᠣᠩᠲᠢᠭ).

б) *Сернъ* — сдѣланные изъ чистаго золота и живущіе въ Цамбу — рѣкѣ блаженства и пользы (ᠰᠡᠷᠨᠠ ᠴᠠᠮᠪᠤ) *рыбы*.

γ) *Дунъ-гаръ* — символъ счастья благолѣпнаго обращенія въ правую сторону и издающая на десять странъ свѣта пріятные звуки (ᠳᠤᠩᠭᠠᠷ) *бѣлая раковина* (ᠪᠡᠯᠠᠭᠠ ᠷᠠᠬᠤᠮᠠ).

δ) *Бадма* — отрѣщенный отъ нечистоты и порчи, благолѣпно знаменующая собою залогъ спасительной нирваны — бѣлая падма (ᠪᠠᠳᠤᠮᠠ).

ε) *Бум-ба* — нескончаемое и полное сокровище всѣхъ пожеланій, совершенный изъ драгоценностей сосудъ — бумба (ᠪᠤᠮᠤᠪᠠ).

подносили пищу. Впоследствии эти жертвы, обращаемыя къ царямъ, перенесены были на чествованіе бурхановъ. Объясненіе это представляется мнѣ весьма правдоподобнымъ и хотя оно не встрѣчалось мнѣ въ толкованіяхъ церковныхъ утварей буддизма, однако въ различныхъ молитвенникахъ буддистовъ, я находилъ перечисленіе всѣхъ предметовъ, которые должны бытъ приносимы въ семи цугуцъ (чашечкахъ) и имена ихъ на языкахъ санскритскомъ, тибетскомъ и монгольскомъ, равно какъ и предписываемый порядокъ въ разстановкѣ жертвъ до нѣкоторой степени свидѣлствуютъ истинность сказаннаго объясненія. Такъ въ сочиненіи «Бумба нигуху цзанъ ѳйлэ» говорится, что жертва воды должна быть полагается въ первой чашкѣ; она называется по санскритски *бадымъ*, тибетское имя ея — «шаб-сэль», что переводится по монгольски «ѳумайнь сэригѳцэлгэ» и означаетъ — прохладительное для ногъ. Вода, налитая во вторую чашку, носитъ санскритское названіе «анзаманамъ», тибетское — «шалъ-сэль», монгольское — «пигѳр'ѳнь сэригѳцэлгэ», что значитъ прохладительное для лица. Наименованія этихъ двухъ первыхъ жертвъ прежде всего свидѣлствуютъ объ ихъ первоначальномъ происхожденіи и значеніи, хотя теперь все это стало означать не болѣе какъ жертву, а потому начало терпѣть и видоизмѣненія. Такимъ образомъ жертва третьей чашки удержала свой порядокъ въ постановкѣ, она называется по санскритски «буйбй», по тибетски — «мэ-до-хъ», а монгольски цэцэкъ, т. е. цвѣтокъ. По настоящимъ правиламъ относительно принесенія жертвъ, этотъ цвѣтокъ долженъ быть не изъ рода ядовитыхъ, не изъ такихъ, на которыхъ живутъ червячки или бабочки и наконецъ не долженъ быть завядшимъ. Въ Монголіи при неимѣніи цвѣтовъ, особливо въ зимнее время, цвѣтки для жертвы замѣняются металлическими изображеніями цвѣтовъ и бываютъ золотые или серебрянные; въ бѣдныхъ же храмахъ вмѣсто цвѣтка въ третью чашечку кладутъ сѣмена ячменя или пшеницы. Очевидно отсюда, что прежнее чествованіе цвѣтами приняло теперь просто характеръ принесенія жертвы отъ произведеній земли. Жертва четвертой чашки называется по санскритски «Дѳй-бэ», по тибетски

«дуг-бой», по монгольски — «утуху кучжи», т. е. дымящееся курение. У Монголовъ съ этою цѣлью куренія употребляются особыя душистыя свѣчи (ᠳᠠᠰ, тиб. ཇུཤ་མེ་ལྔ་), приготовляемые изъ алоеваго дерева. Пятая чашка называется по санскритски — алогй, — по тибетски зовется «мар-мэ», а по монгольски — цэула, т. е. лампада. Шестая — носитъ санскритское имя «ганьди», тибетское — «дя-габъ» и монгольское унүртү усү, что значитъ благовонная вода: она готовится изъ обыкновенной воды, въ которой предварительно размачиваются лепестки индійскаго шафрана (ᠰᠠᠩ ᠭᠠᠨᠠᠨᠠ); отъ настоя на этихъ лепесткахъ вода приобретаетъ особый запахъ и окрашивается въ ярко желтый цвѣтъ. Наконецъ седьмая чашка по санскритски называется «Ныйбди», по тибетски — «шаль-цзай» и по монгольски — «гэгэнү цэбкь», или, по переводу, — святительская пища. Здѣсь по правиламъ должна быть приносима въ жертву пища растительная, какъ то, хлѣбные плоды, фрукты, можно класть за симъ сахаръ, конфекты, всякаго рода кушанья, приготовляемые изъ молока, но невозможно класть мяса, или какихъ либо наркотическихъ съдобовъ.

Съ перенесеніемъ этихъ жертвъ на чествованіе бурхановъ произошло и нѣкоторое усложненіе въ нихъ; такъ, въ настоящее время передъ нѣкоторыми бурханами ставятъ по восьми чашекъ, а передъ нѣкоторыми, какъ напр. предъ Намсарѣемъ и Ламѣ-чэт-бдою даже по девяти. Прибавляется при этомъ двѣ чашки съ водою, изъ которыхъ первая называется по санскритски — «агамъ», по тибетски «чод-онъ», или онъ-чабъ, по монгольски — «табикъ-усү» (= жертвенная вода); а вторая по санскритски борокчанамъ, по тибетски — «санъ-даръ», а по монгольски — «аригүланъ сацу-хуйнъ усү» (= вода чистаго кропленія). Относительно времени происхожденія этихъ жертвъ ламы не говорятъ уже никакихъ преданій и всѣ рассказы ихъ касательно этихъ жертвъ ограничиваются лишь сообщеніемъ тѣхъ правилъ, по которымъ эти жертвы должны быть приносимы, а равно и указаніемъ значенія этихъ жертвъ въ отношеніи къ приносящимъ оныя. Такимъ образомъ относительно жертвы воды (табикъ-усү) правила ламай-

стовъ сообщаютъ, что жертвенная вода эта должна быть безъ насѣкомыхъ, чистая и прозрачная. Такъ какъ назначеніе воды вообще состоятъ въ томъ, чтобы очищать нечистоты и увеличивать влагу; то чрезъ принесеніе въ жертву чистой воды очистятся грѣхи и препятствія къ достиженію святости, а также и духовному корню дарована будетъ духовная влага, (способствующая) дающая ему силы къ произведенію благихъ отростковъ. Принесенную въ жертву чистую воду, чтобы вполне очистить ее отъ всякихъ нечистотъ, должно смахнуть сверху вѣникомъ, непременно мягкимъ, чтобы не нанести вреда насѣкомымъ, плавающимъ поверхъ воды. Впослѣдствіи должно омыть этотъ вѣникъ въ томъ колодцѣ, откуда взята вода для жертвы; такимъ образомъ тѣ животныя, которыя будутъ сняты съ жертвенной воды, будутъ снова пущены въ свой родной источникъ.

По самой срединѣ ряда этихъ семи жертвенныхъ чашекъ на тахилынь ширѣ поставляется еще въ видѣ жертвы одна большая лампада, (йэхэ цзула, འཇམ་མཚོ།, тиб. མཚོ་མཚོ།) и одно хѹджи, т. е. благовонное куреніе (མུ་ཅི་མུ་ཅི།); — это жертва монастырской братіи, долженствующая быть неугасимой, тогда какъ цзула, стоящая въ ряду долонъ цугуцэ, зажигается только во время совершенія богослуженій. Относительно этой жертвы лампады существуетъ нѣсколько правилъ. Фитиль ея долженъ быть сдѣланъ изъ ростка отъ вѣтки дерева гуша (куса) и обернуть чистою ватой; онъ долженъ быть тонокъ и прямъ для того, чтобы могъ горѣть долго и главное ярко; совершенно воспрещается держать свѣтъ лампады мерцающимъ, поблѣвшимъ, такъ что лампада не то что горитъ, и не то что гаснетъ. Хѹджи также точно предписывается имѣть благовонныя и воспрещается имѣть китайскія, овальные и длинныя, такъ какъ они слишкомъ дымятъ и своею копотью чернятъ бурхановъ. Хѹджи не должны еще имѣть запахъ мускуса, потому что этотъ запахъ не терпятъ пресмыкающіеся и змѣи и слѣдовательно онъ можетъ удалять ихъ отъ храма. Въ лѣтнее время, согласно церковнымъ правиламъ, какъ хѹджи такъ и лампаду необходимо предписывается содержать въ фонарѣ; ибо въ

стигннѣ случаѣ налетающія на нихъ мошки легко могутъ по-
мешать предъ ликомъ будды, что усугубляетъ грѣхъ, хотя бы
и не намѣреннаго со стороны человѣка, лишенія жизни оду-
шевленныхъ существъ. Рядомъ съ хѹчи на тахилѣйпъ ширѣ
поставляется еще особый небольшой и продолговатый ящичекъ:
онъ носитъ названіе «хѹчжинѣй онгоцѣ» и служитъ для собиранія
пчелъ отъ сожженія хѹчи.

Помимо сего при отправленіи богослуженій бурхану Мѣнла
(монг.) , а равно и при освященіи храма на тахи-
лѣйпъ ширѣ поставляется еще восемь жертвенныхъ чашекъ, но-
сящихъ названіе «ѹлцэйтѹ найманъ ѣдъ», что значитъ восемь
благословенныхъ веществъ. «Предметы, входящія въ составъ
жертвъ, полагаемыхъ въ этихъ чашечкахъ, почитаются благо-
словенными, потому что всѣ они были поднесены въ даръ буддѣ
Шигѣмунію различными лицами. Такимъ образомъ первая изъ
этихъ жертвъ, носящая на тибетскомъ языкѣ названіе «мѣмонъ»,
མཛེན་, а на монгольскомъ «томи», т. е. зеркало, была принесена
въ даръ Шигѣмунію Охинъ тѣнгриемъ.

Вторую — *изамъ* (ཇམ་), поднесъ Шигѣмунію Норчинъ, въ
силу чего будда очистилъ весь міръ отъ трехъ препятствій къ
спасенію.

Третью — тибет. «шо» (ཤོ་), монгол. «тарѣкъ», т. е. кислое
молоко было поднесено Шигѣмунію дѣвицею Лѣкчжэма и съ того
времени пища эта почитается священнымъ подаяніемъ.

Четвертую — тибет. *Дур-бай* (རྩེ་བའ་), монгол. «ѣбѣсѹнь»,
т. е. трава, которую поднесъ буддѣ сынъ продавца зелени Даші.

Пятую — тибет. «бильбаа», (བིལ་བ་ монг. «модонѣй тэмэсѹнь»)
т. е. древесные плоды поднесъ Шигѣмунію Эсруа тѣнгри.

Шестую — тибетск. «дѹнь», (རྩེ་བ་) монг. «лабай», т. е. ра-
ковина, которую поднесъ буддѣ Хормуста тѣнгри.

Седьмую — тиб. «литі», (ལྷི་ཁྲི་) — (шунда) — сурикъ, под-
несенную Шигѣмунію буддѣ бираманомъ Гарчжал'омъ (браминъ
Гарчжалъ).

нѣкоторыя принадлежности буддійскихъ хураловъ (= богослуженій). Среди ихъ первое мѣсто занимаетъ:

а) *Мандаля* (санск. mandala, тиб. རྩམ་པ་འཁོར་པ་). Это ничто иное

какъ металлическое блюдо, кованное изъ золота, серебра, или изъ мѣди. Особенность его состоитъ въ томъ, что на немъ выковывается изображеніе всего міра въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ онъ по понятіямъ буддійской космологіи. Такимъ образомъ по самой срединѣ мандаля (въ подражаніе существованію посреди всего міра) выковывается возвышеніе, знаменующее гору Сумэру. Гора Сумэру, по космологіи буддизма, состоитъ изъ четырехъ драгоцѣнностей, а именно, вся восточная сторона ея состоитъ изъ серебра, южная изъ лазурика, западная изъ яхонта, а сѣверная изъ золота. Согласно этому ламы по четыремъ сторонамъ возвышенія, дѣлаемаго на мандалѣ и долженствующаго изображать гору Сумэру, вставляютъ отдѣльные кусочки серебра, лаписъ лазури, яхонта и золота. Далѣе на четырехъ сторонахъ круга такимъ же точно образомъ дѣлаются изображенія четырехъ большихъ тибовъ¹⁾, восьми малыхъ и т. д. Назначеніе мандаля состоитъ въ томъ, чтобы приносить на немъ жертвы; поэтому въ кумирнѣ на мандалѣ можно всегда видѣть насыпанными зерна пшеницы, перемѣшанные съ разноцвѣтными раковинками, кусочками серебра и мелкими монетами. Въ молитвѣ, читаемой при возношеніи мандаля, излагаются различныя мифологическія понятія буддистовъ и какъ таковыхъ понятій насчитывается 37, при чемъ каждому понятію должна соотвѣтствовать особая кучка зеренъ, то понятно, что число кучекъ на мандалѣ собственно должно равняться 37-ми; но число это не рѣдко сокращается на семь, ибо кучки зеренъ часто кладутся

1) По представленію буддистовъ міръ состоитъ изъ четырехъ большихъ частей, или острововъ — тибъ (санскр. дивипа). Эти части свѣта расположены на одной плоскости, по четыремъ сторонамъ горы Сумэру, находящейся въ срединѣ всего міра. Четыре большіе дивипа раздѣлены между собою морями и при каждомъ изъ нихъ состоитъ еще по два малыхъ дивипа. Подробности о семъ можно найти въ «Буддійской космологіи» сочиненной О. Ковалевскимъ въ Учен. Зап. Казан. Univ. 1886 г. т. III.

лѣйный ширѣ» въ особомъ сосудѣ, называемомъ «бумба» ᠪᠤᠮᠪᠠ . Сосудъ этотъ имѣетъ форму вазы, съ продолговатымъ горлышкомъ и въ вышину не превышаетъ 6,7 вершковъ. Дѣлается бумба всегда безъ ручки, а равно не имѣетъ у себя и пробки; вмѣсто этой послѣдней въ горлышко бумба вкладывается кропило, связываемое изъ большихъ павлиньихъ перьевъ (ᠠᠨᠠᠭᠤᠯᠠᠨᠢ ᠰᠡᠷᠢᠭᠦ) со множествомъ глазковъ, что придаетъ ему довольно красивый видъ. Бумба вмѣстѣ съ своимъ кропиломъ обыкновенно занимаетъ мѣсто рядомъ съ толѣ.

d) На противоположной ему сторонѣ, на ряду съ мандамомъ полагается другой священный сосудъ, называемый «Габала» (ᠭᠠᠪᠠᠯᠠ тиб. ᠭᠠᠪᠠᠯᠠ): онъ выпиливается изъ человѣческаго черепа и обдѣлывается въ своей срединѣ и по краямъ серебромъ, или золотомъ. Габала употребляется при совершеніи тарнистическихъ богослуженій, а еще чаще при служеніи «докшистовъ», когда она наполняется кровью животныхъ, приносимою въ жертву докшинтамъ. Приготовление этого сосуда (габала) почитается у монгольскихъ ламъ дѣломъ чрезвычайной трудности. Суть въ томъ, что для габалы не можетъ быть употребленъ черепъ каждаго человѣка. Прежде всего человѣкъ, изъ черепа котораго можетъ быть приготовлена габала, долженъ быть полнѣйшимъ дѣвственникомъ, умереть естественною смертію и во весь свой вѣкъ не убить сознательно ни одного животнаго. Что касается самаго черепа, изъ котораго должно выдѣлывать габалу, то на наружной сторонѣ его, у темени должно быть естественное и ясное изображеніе вачѣра, да помимо того еще и черты, находящіяся во внутренней сторонѣ, должны соединяться между собою извѣстнымъ образомъ. Говорятъ, что эти внутреннія черты, расположенія и значенія которыхъ мнѣ впрочемъ ламы не разказали, поставляютъ особенное препятствіе къ приобрѣтенію габалы, такъ какъ фигура вачѣра встрѣчается на человѣческихъ черепахъ чаще, да при томъ, въ крайнемъ случаѣ, ее дозволяется изображать и рѣзцомъ. Знатокъ примѣтъ могутъ опредѣлить еще и у живаго человѣка, годенъ ли его черепъ для габалы и если найдется чело-

Итъ съ такимъ черепомъ, то ламы отправляютъ къ нему посылство съ просьбою отдать свой черепъ послѣ смерти въ пользу монастыря. Если согласіе будетъ получено, то по смерти черепъ изслѣдуется снова и коль скоро будетъ признанъ удовлетворительнымъ, то его отпиливаютъ кругомъ по параллели глазной орбиты, отдѣлываютъ серебромъ, освящаютъ и вводятъ въ употребленіе. Впрочемъ такъ какъ пріобрѣтеніе настоящей габалы считается весьма труднымъ, то въ монгольскихъ монастыряхъ гораздо чаще можно встрѣтить габалы, т. е. фигуры череповъ, приготовленные изъ серебра.

Таковы вещи, хранящіяся на жертвенникѣ буддійскихъ кумирень и таково расположеніе ихъ на тахилъинъ ширѣ. Относительно расположенія необходимо однако замѣтить, что оно не всегда одинаково: однообразнымъ по всюду является только положеніе приборовъ «найманъ тахиль» и «долбъ эрднй», занимающихъ собою сѣверный край тахилъинъ ширѣ и прибора «долбъ цугуцѣ», поставляемаго на южной сторонѣ, прочія же вещи располагаются всегда посреди стола въ промежуткѣ этихъ приборовъ, но, по видимому, не имѣютъ опредѣленнаго мѣста. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ храмахъ мнѣ приходилось видѣть мандаля лежащимъ посрединѣ «тахилъинъ ширѣ», а толі — на правой сторонѣ его. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что болѣе обыкновенно мандаля съ габалою кладутся на правой сторонѣ стола, а толі съ бумба на лѣвой. Надъ тахилъинъ ширѣ, равно какъ и надъ главными бурханами въ монгольскихъ кумирняхъ не рѣдко устраивается нѣчто въ родѣ стѣны, носящей у ламъ названіе *лабъри* (иначе лабри и лѣри ᠯᠠᠪᠷᠢ монг. ᠯᠠᠪᠷᠢ). По своимъ формамъ эта стѣна совершенно подобна киворіямъ, устраиваемымъ въ нашихъ храмахъ и иногда утверждается на двухъ, или даже на четырехъ колоннахъ, а иногда является въ видѣ прикрѣпленной къ стѣнѣ, продолговатой четырехугольной рамы, обтянутой какою либо матеріею и окаймленной по краямъ низпускающимися предъ бурханомъ завѣсами; иногда такая рама прямо подвѣшивается къ потолку кумирни.

маленькими цвѣтами, — они называются — «дашй хадакъ»; бумажные хадакй безъ всякихъ украшеній называются — «самбай».

d) *Шүкүръ*, (тсз, санскр. *chhatra*, тиб. རྩམ་པ་) т. е. большой круглый зонтикъ, имѣющій приблизительно аршина два, или даже болѣе въ діаметрѣ. Шүкүръ по формѣ подобенъ нашимъ зонтикамъ и дѣлается обыкновенно изъ желтой шелковой матеріи.

e) *Чимъ-пурма* — украшеніе, имѣющее видъ круглаго шара. Чимъ-пурма дѣлается изъ одиннадцати продолговатыхъ и разноцвѣтныхъ мѣшочковъ, сшиваемыхъ вмѣстѣ. При приготовленіи мѣшочки эти наполняются душистыми травами, а сшитыя представляютъ совершенно мячъ, употребляемый для игры у нашихъ детей.

f) *Дэнъ-лү* (кит. 燈籠 дэнъ-лунъ), т. е. фонари, которые въ буддійскихъ храмахъ встрѣчаются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, бываютъ круглые, четырехугольные, трехугольные, многогранные и проч.; приготовляются они также изъ самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ, есть шелковые одноцвѣтные и разноцвѣтные, стеклянные, роговые, бумажные, сдѣланные изъ слюды и т. п.

Всѣ эти украшенія развѣшиваются передъ бурханами, прикрѣпляясь или прямо къ потолку храма, или же къ нарочно протянутымъ для сего веревкамъ и жердямъ, которыя укрѣпляются на колоннахъ, ведущихъ отъ входа въ храмъ къ сѣверной стѣнѣ его. Вотъ почему при входѣ въ каждое монгольско-буддійское капище и особливо еще при господствующемъ здѣсь всегда тумракѣ, съ перваго раза нельзя, собственно говоря, ничего увидѣть, кромѣ множества разнообразныхъ и разноцвѣтныхъ доскутковъ шелковой и бумажной матеріи, висящихъ отъ потолка и почти до самаго полу.

Такова главная, срединная часть буддійской кумирни; въ боковыхъ частяхъ ея уже не находится никакихъ святиль, — онѣ остаются совершенно пустыми, и только по стѣнамъ располагаются здѣсь иногда въ шкафахъ, а иногда въ особаго рода поставцахъ, имѣющихъ форму нашихъ этажерокъ, — священныя

книги, принадлежащія храму и инструменты, употребляемые при ламайскихъ богослуженіяхъ. Говорить здѣсь подробно о библіотекахъ ламайскихъ кумиренъ конечно невозможно по ихъ громадному различію. Чѣмъ богаче кумирня, тѣмъ естественно и обширнѣе ея библіотека; но вообще должно замѣтить, что монгольскія кумирни не богаты своими книгохранилищами. Въ большинствѣ случаевъ онѣ имѣютъ у себя только богослужебныя книги, требники и молитвенники; сборники Ганьчжүра и Даньчжүра (исключительно на тибетскомъ языкѣ) можно находить только въ монастыряхъ хутухтинскихъ и хошунныхъ, прочіе же монастыри обыкновенно имѣютъ у себя развѣ сборникъ извѣстный подъ именемъ юма, да нѣсколько мелкихъ догматическихъ сочиненій. Изъ числа послѣднихъ болѣе часто можно встрѣчать:

Йэхэ боді мур'унъ цзэргэ.

Алтанъ гэрэлъ.

Мани гамбумъ.

Хутухтү найманъ минганъ шүлүктү.

Соносогатъ йэхэдэ тонилгахчй.

Хутухтү тарнас'унъ хурійянгуй сундуй.

Хутухтү сайнь цагунъ нэрэтү.

Улигэрүнъ далай.

Улигэрүнъ номъ.

Хорайнь табунъ мингатү.

Цагйанъ линьхой.

Бадма гатанъ.

Сайнь цагуд'унъ номлалга, гайхамшикъ баясхуланг'и эгүс-хэхчи судуръ.

За симиъ изъ числа буддійско-историческихъ сочиненій болѣе часто встрѣчаются, біографіи: Шягэмуня, Молонъ тойна, Чжуадиши, Цзонхавы, 5-го Далай ламы, Чжэбцзунъ-дамба-хутухты и Зал-пандиты.

Что касается музыкальныхъ инструментовъ, то, по рассказамъ ламъ, они дѣлятся на четыре разряда: 1) Потрясаемая (ᠠᠭᠤᠰᠤᠨᠠᠭᠤᠰᠤᠨ), 2) ударная (ᠠᠭᠤᠰᠤᠨᠠᠭᠤᠰᠤᠨ), духовыя (ᠠᠭᠤᠰᠤᠨᠠᠭᠤᠰᠤᠨ), струнныя (ᠠᠭᠤᠰᠤᠨᠠᠭᠤᠰᠤᠨ).

при чемъ всѣхъ отдѣльныхъ инструментовъ считается 24. Въ настоящее время струнные инструменты при богослуженіяхъ монголовъ уже не употребляются и нынѣ каждый монгольскій сумъ въ составѣ своихъ музыкальныхъ принадлежностей имѣетъ только слѣдующіе:

а) По первому разряду:

1) *Хонхъ* (санскр. *khantā*—тибет. མན་ཏ་) или небольшой колокольчикъ съ рукояткою, имѣющею форму иногда половины вачіра, а иногда изображенія богини Даръ-эхэ, также увѣчанной шчиромъ. На наружной сторонѣ колокольчика начертывается шесть мистическихъ слоговъ — «Омъ-ма-ни-надъ-мэ-хумъ». При служеніяхъ хонхъ, какъ музыкальный инструментъ составляетъ принадлежность первенствующаго въ хуралѣ, который въ установленное время (по большей части при произнесеніи тарни) беретъ хонхъ въ лѣвую руку и звонитъ.

Необходимую принадлежность хонхъ составляетъ еще вачіръ (*vadžra*, тиб. རྩ་ཅི་),—родъ небольшого скипетра. Назначеніе этого прибора — прогонять препятствія и демоновъ, которые всегда стараются смущать духъ служащихъ. Первенствующій, держа въ лѣвой рукѣ колокольчикъ, въ правой въ тоже время имѣетъ у себя вачіръ.

2) *Дамáру* (санскр. *ghatam*, тиб. གཏམ་) — родъ небольшого барабанчика, или колотушки. Дамáру представляетъ собою пустой деревянный цилиндръ, отверстія котораго обтягиваются кожей; посреди цилиндра, на особомъ ремешкѣ привязываются два шарика, которые, при быстромъ поворачиваніи цилиндра, ударяютъ по натянутой на немъ кожѣ и производятъ звукъ въ родѣ барабанной дроби.

б) по второму разряду:

3) *Кэмэриэ*, (санскр. *bhêri*, тиб. རྩ་ཅི་) — турецкій плоскій барабанъ, стѣнки котораго обыкновенно дѣлаются деревянныя, берестовыя, въ вышину около пяти вершковъ, окрашиваются въ красную краску и украшаются изображеніемъ пяти, или семи взаимно

переплетающихся драконовъ. На эти стѣнки барабана безъ посредства обручей натягивается козья кожа, выдѣланная на подобіе пергамента, размѣромъ аршина въ $1\frac{1}{2}$ и болѣе въ поперечномъ діаметрѣ. Такой барабанъ укрѣпляется на подставкѣ, ударяють же въ него особою, выгнутою палочкой, называемою «докүръ» (འཁྱུར་པ་). Докүръ состоитъ изъ рукоятки, оканчивающейся рѣзнымъ изображеніемъ головы Матара (санскр. माकारъ); въ ротъ этого матара вкладывается выгнутая часть докүра, которою и ударяють въ барабанъ.

4) Цанъ (ཇམ་པ་) — мѣдныя тарелки (дэльба) съ головками (царанъ) по срединѣ; головки эти служатъ вмѣсто рукоятки и, держась за нихъ, можно ударять тарелками одна о другую. Болѣе часто цанъ дѣлается изъ композиціи, состоящей изъ мѣди, чугуна и серебра¹⁾.

5) Цальнийъ — по формѣ своей совершенно подобенъ цану, только царанъ, или головки тарелокъ бываютъ въ цальнийѣ нѣсколько менѣе чѣмъ у цана, а дэльба, или самыя тарелки у него нѣсколько болѣе плоски. Во внутренней сторонѣ цальнинскаго царана полагается изображеніе двухъ, крестообразно выгравированныхъ вачіровъ, на которыхъ санскритскими буквами начертывается извѣстная мистическая формула буддистовъ: «омъ-ма-ни-пад-мэ-хумъ».

6) Харанта — (монг. , тиб.) мѣдный тазъ, въ который ударяють на подобіе нашего бубна.

7) Дэнийкъ — двѣ мѣдныя выгнутыя тарелочки, соединенныя ремешкомъ за свои рукоятки. При богослуженіяхъ, лама, держащій эти тарелочки, ударяетъ одною тарелочкой о другую, отчего получается звукъ, похожій на ударъ колокольчика, но гораздо болѣе мягкій и мелодичный.

1) Такъ передавали инѣ о составѣ этой композиціи лама, хотя замѣтно было, что они говорили или не вѣрно, по догадкамъ, или не полно. Китайскій панъ имѣетъ особенно рѣзкій и сильный звукъ, а металлъ его не колется и не ломается; напротивъ при холодной ковкѣ принимаетъ почти пружинную упругость и крѣпость стали.

8) *Дуударма* — особаго рода музыкальный приборъ. Онъ состоитъ изъ четырехугольной деревянной рамки съ рукояткою на одной сторонѣ. Въ срединѣ эта рамка раздѣляется перегородками на девять, или двѣнадцать квадратиковъ, въ каждомъ изъ которыхъ помѣщается по одной мѣдной тарелочкѣ, различной величины. Удары палочкою, производимые съ различною силою по различнымъ частямъ различныхъ тарелочекъ, даютъ возможность извлекать изъ этого прибора множество различныхъ звуковъ.

с) Изъ числа духовыхъ музыкальныхъ инструментовъ въ буддийскихъ кумирняхъ первое мѣсто занимаетъ:

9) *Дунз-буръ*, (ЗЗ' иначе называемый «*дунз-таръ*» санскрит. *shankha*, монг. *лабай*) — т. е. обыкновенная морская раковина, звукъ которой подобенъ рогу. Употребленіе раковины какъ инструмента при богослуженіяхъ буддисты относятъ ко временамъ Шигэмүни. Въ біографіи Цзонхавы разказывается, что однажды царь драконовъ поднесъ Шигэмүнию бѣлую раковину, которую потомъ ученики будды употребляли вмѣсто буръ (трубы) для призванія къ богослуженіямъ въ лѣтнее время. Потомъ будда приказалъ Мутгальвану отправиться въ страну краснолицыхъ тибетцевъ и спрятать эту раковину подъ горою Дуритху, причемъ якобы предсказалъ, что она будетъ найдена Цзонхавою, — что и дѣйствительно случилось при постройкѣ Галданъ-хита. Въ этомъ монастырѣ помянутая раковина хранится и до нынѣ какъ чудотворная святыня.

10) *Бишкүръ* — (монг. *биксүр*, тиб. *ཐུང་བླ་མ་*) музыкальный инструментъ, звуки котораго походятъ на звукъ сварѣли. Бишкүръ состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей: средняя дѣлается изъ крѣпкаго дерева, или рога, а обѣ конечныя изъ мѣди; длиною онъ бываетъ нѣсколько больше трехъ четвертей аршина. Время введенія бишкүра въ церковное употребленіе монгольскіе ламы относятъ къ періоду пребыванія Чжу-адипи въ Тибетѣ и разказываютъ, что когда этотъ проповѣдникъ буддизма прибылъ изъ Индіи въ Тибетъ, то, не находя здѣсь многого изъ того, что

почиталось священнымъ въ Индіи, онъ задумалъ удовлетворить этому какимъ бы то ни было образомъ. Такъ, здѣсь не оказалось священной птицы Галадага (kalandakā) и дерева Галбаварасъ (kalpavṛkṣa), употребляемаго для куреній. Для подражанія голосу первой онъ, говорятъ, и изобрѣлъ бишкуръ; а взамѣнъ втораго приготоовилъ красныя курительныя свѣчи (འཕྲུལ་ཆེན་). Замѣчательно, что во время игры на бишкуръ предъ играющимъ всегда зажигаютъ красныя курительныя свѣчи.

11) *Гангълинъ*—(монг. ᠭᠠᠩᠭᠠᠯᠢᠨ, тиб. གནལ་ལྷིན་) духовой инструментъ, состоящій также изъ трехъ частей, при чемъ средняя часть дѣлается изъ берцовой человѣческой кости, а двѣ конечныя изъ серебра. Передняя часть гангълина обыкновенно бываетъ нѣсколько сжатою и на одной изъ своихъ сторонъ имѣетъ два отверстія, носящихъ названіе «ачжинъай моринъай хамаръйинъ нухъ», т. е. лошадиныя поздри. Звуки гангълина должны служить напоминать собою ржаніе мифическаго коня «ачжинъай моринъ», который переноситъ вѣрующихъ изъ этого міра въ блаженный обителѣ Сукавади.

12) *Буръ*—(ཐུག་རྩུ་) большая мѣдная труба приблизительно въ сажень длиною и 13) *Ухъргъ-буръ* такая же мѣдная труба, длиною сажени въ двѣ съ половиною; рычаніе ея весьма густо и производитъ потрясающее дѣйствіе на нервы. О происхожденіи этихъ трехъ послѣднихъ духовыхъ инструментовъ разказывается, что когда Падма-Самбаву приглашали въ Урджанъ¹⁾, то онъ отказался идти туда по той причинѣ, что въ Индіи онъ не могъ слышать во 1-хъ ржаніе ачжинъай моринъ, а во 2-хъ рычаніе небесныхъ слоновъ. Индійскіе поклонники Падма Самбавы, непременно желавшіе имѣть у себя этого святителя, изобрѣли тогда гангълинъ для подражанія ржанію лошади и буръ для подражанія реву слона.

Таковъ вообще внѣшній и внутренній видъ монголо-буддій-

1) Урджанъ, Уджайнъ, Уджджяинъ въ Малавѣ, или Мазъвѣ, бывшая столица царя Викрамадитьи и одинъ изъ семи священныхъ индійскихъ городовъ.

кумиренъ съ ихъ составными частями, украшеніями и принадлежностями богослуженій. Кумирни такого образца мож-
но встрѣчать во всей Монголіи и только въ Ургѣ онѣ значи-
тельно разнятся по своему устройству. Особенность ихъ состоитъ
именно въ томъ, что ургинскія кумирни, противъ всеобщаго
мнѣнія, раздѣляются на двѣ отдѣльныя части, помѣщаю-
щія даже въ двухъ отдѣльныхъ, хотя и соединенныхъ между
собою зданіяхъ. Первая изъ этихъ частей, специально назна-
чена для совершенія въ ней ламскихъ молебствій, назы-
вается хурулуйнъ сүмэ, (тиб. духанъ རུམ་པོ་). Она представ-
ляетъ собою обыкновенное зданіе кумирни, образующее въ
себѣ одну большую комнату, по обычаю, раздѣляемую на три
части двумя рядами колоннъ, между которыми устроены ламскія
сѣдалища (чжабданъ) при совершеніи богослуженій. У сѣверной
стѣны ея также поставляется нѣсколько кумировъ будды и та-
хилуйнъ ширэ; но все это здѣсь крайне бѣдно и миниатюрно; по-
тому что всѣ важнѣйшіе бурханы хранятся здѣсь именно во вто-
рой части храма, которая непосредственно соприкасается съ сѣ-
верною стѣною хурулуйнъ сүмэ и называется шүтэнэй өргө.
Шүтэнэй өргө буддійскихъ храмовъ въ Ургѣ, въ совершенную
противуположность хурулуйнъ сүмэ, сполна заставлены бурха-
нами, передъ которыми навѣшено безчисленное множество хада-
совъ, бадановъ и т. п. украшеній, а за симъ стоитъ громадный
«тахилуйнъ ширэ» со всевозможными на немъ жертвами. Лам-
скихъ сѣдалищъ здѣсь уже нѣтъ, да и негдѣ ихъ поставить, ибо
тахилуйнъ ширэ въ шүтэнэй өргө стоитъ не далѣе какъ въ двухъ
шагахъ отъ входа въ эту часть храма. Такимъ образомъ въ шү-
тэнэй өргө никогда не совершается и богослуженій цѣлымъ со-
боромъ ламъ и только одинъ очередной лама входитъ сюда для
прочтенія обычной дневной службы. Но таковое устройство хра-
мовъ, повторяю, является въ Монголіи какъ особенность, кото-
рую мнѣ пришлось повстрѣчать только въ ургинскихъ кумирняхъ,
да въ двухъ гэгэновскихъ храмахъ монастыря Эрдэний-цзү. Въ
прочихъ монастыряхъ Халхи нѣчто подобное можно встрѣчать
но уже не въ кумирняхъ, назначаемыхъ для совершенія бого-

служений, а, такъ сказать, въ часовняхъ, выстроенныхъ для хрищенія въ нихъ какихъ либо святынь. Такимъ образомъ нѣчто подобное находимъ мы въ тѣхъ монастыряхъ, гдѣ хранятся мощи (ᠬᠠᠭᠠᠨ санск. śāgīra) какихъ либо хутухъ. Для мощей халхаскіе ламы обыкновенно устраиваютъ сүмэ, (монг. ᠰᠦᠮᠡ of ᠰᠦᠮᠡᠨ тиб. སྐུ་མཚན་) наполняютъ его летыми изображеніями бурхановъ, а посреди этого сүмэ на высокомъ столѣ ставятъ субурганъ съ мощами, передъ которымъ располагается тахилыйнъ ширэ. Въ этомъ видѣ сүмэ является очень похожимъ на шүтэнэй бргѣ ургинскихъ кумирень. Другимъ обстоятельствомъ, побуждающимъ монголовъ строить кумирни въ своихъ обыкновенныхъ монастыряхъ безъ предназначенія ихъ къ совершенію богослуженій, является постановка бурхана Майдари. Въ Монголіи за послѣднее время вошло въ особенное обыкновеніе ставить громадныя статуи Майдари, величиною въ нѣсколько саженой; понятно, что для такого кумира требуется особая хранина, занятая почти исключительно одною этою статуею. Всѣ кумирни этого рода весьма походятъ на кумирню ургинскаго Майдари, подробности о которой читатели могутъ найти въ нашемъ сочиненіи «Города сѣверной Монголіи».

Что касается кочевыхъ монастырей, которые хотя и въ самомъ незначительномъ числѣ, но все же встрѣчаются еще въ западной Монголіи и которые наблюдали и у Дурбетовъ на озерѣ Убса, то они отличаются отъ монастырей халхаскихъ только тѣмъ, что храмы ихъ помѣщаются не въ каменныхъ или деревянныхъ зданіяхъ, а въ войлочныхъ юртахъ, или кибиткахъ. Само собою разумѣется, что эти помѣщенія только въ незначительной степени измѣняютъ храмовую обстановку. Такимъ образомъ въ кочевыхъ монастыряхъ нельзя уже встрѣтить такихъ громадныхъ кумировъ, какіе попадаются въ монастыряхъ осѣдлыхъ; но всѣ принадлежности культа и богослуженій здѣсь остаются тѣже самыя. Нечего говорить конечно, что обыденная жизнь монаховъ, равно какъ и монастырскія правила ни чѣмъ не отличаются какъ въ монастыряхъ осѣдлыхъ, такъ и кочевыхъ.

Особенность послѣднихъ составляетъ единственно обычай перекочевывать съ лѣтовки на зимовку. Эти перекочевки совершаются обыкновенно всегда съ большою торжественностью и производятъ много шума въ степяхъ. Приготовленія къ перекочевкѣ начинаются недѣлю за двѣ до ея совершенія. Прежде всего цзурхайчи, или астрологи, опредѣляютъ время для перекочевки и назначаютъ счастливые дни какъ для того, чтобы лама подняться съ мѣста, такъ и для того, чтобы построиться, или, по буквальному выраженію монголовъ, «спуститься» ему на новое мѣстѣ. Отъ этого назначенія счастливыхъ дней часто случается то, что пространство въ 40, или 50 верстъ, на которое перекочевываетъ хурбень, ламы проходятъ иногда въ 4 и 5, а иногда въ 8 и 10 дней. Поѣздъ хурбня заключаетъ въ себѣ цѣлыя сотни подводъ на лошадяхъ и верблюдахъ. Для перевозки большихъ бурхановъ, употребляются въ большинствѣ случаевъ лошади, непременно иноходцы и при томъ для каждаго амурлингуй бурхана приготовляются исключительно бѣлыя лошади, а для перевоза бурхановъ докшиговъ употребляются лошади разныхъ мастей, но при этомъ принимается въ соображеніе какой бурханъ и на какой лошади ѣздить. Для постановки бурхана на лошадь, устраиваются особыя широкія сѣдла съ позолоченными луками и подушками, обтянутыми или краснымъ сукномъ, или какою либо матеріею краснаго цвѣта. По верхъ подушки сѣдла поставляется еще «сүри», родъ ящика съ невысокими стѣнками, въ который ставится кіотъ (ᠰᠠᠳᠠᠨᠠᠭᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠭᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠭᠤ) съ находящимся въ немъ бурханомъ. Малые бурханы, книги и всѣ прочія храмовыя принадлежности перевозятся обыкновенно въ ящикахъ и сундукахъ, или абдър'ахъ, навьючиваемыхъ на верблюдовъ. Сбруя послѣднихъ при этомъ также точно бываетъ очень разукрашена: хомы обшиваются матеріями синяго и краснаго цвѣтовъ и по бокамъ расшиваются узорами, цвѣтами, или же наконечъ священными изрѣченіями. При каждой остановкѣ на ночлегъ, ламами совершается особенное молебствіе гацзарыйнъ эцэн'у, т. е. духу, хранителю той мѣстности, на которой совершается ночлегъ. Прибывъ на мѣсто перекочевки, ламы точно также, еще не развью-

ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠤᠯᠤᠰ ᠠᠨᠤ ᠠᠨᠤ ᠤᠯᠤᠰ «). Такимъ образомъ постъ и молитва, воздержаніе отъ всякой угоды плоти остались основными требованіями религіи и притомъ чѣмъ болѣе примѣть на себя человѣкъ обѣтовъ воздержанія, тѣмъ вѣроятнѣе его спасеніе, ибо ни одна изъ добродѣтелей не можетъ сравниться съ добродѣтью обѣтовъ. «Добродѣтель отъ поднесенія драгоценностей побѣдителямъ враговъ (ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠤᠯᠤᠰ, санск. aṅgha) не стоитъ и одной сотой, даже тысячной части противъ добродѣтели единого соблюденія поста». За единственное соблюденіе поста назначается въ будущей жизни возрожденіе въ «хусал'унъ тэнгри». «Соблюдающій постыми-членный обѣтъ восьмага, пятнадцатаго и тридцатаго числа каждаго мѣсяца и въ мѣсяцъ риті хубилгана, а равно заботящійся о постѣ, приходитъ въ мою вѣру», сказалъ будда. Попытно, что при такихъ основахъ вѣроученія, каждый монголъ естественно стремится самъ, хотя бы и въ періодъ возмужалости принять обѣты убаши, а своимъ дѣтямъ по возможности ранѣе даровать духовные обѣты съ тѣмъ, чтобы они потомъ могли легче восходить къ степенямъ высшихъ духовныхъ обѣтовъ. Это дѣлается у монголовъ не изъ какой либо выгоды, а просто по религіозности; ихъ восхожденіе къ высшимъ степенямъ духовнаго званія опять таки не обусловливается жаждою почестей, но является для нихъ завѣтною мечтою именно потому, что принятіе обѣтовъ даетъ важное преимущество человѣку въ дѣлѣ спасенія. Наконецъ, самое ученіе будды раздѣляется на три части: одно изъ нихъ высшее, другое — среднее, третье — низшее. Изучать то или другое ученіе и слѣдовательно усвоивать его себѣ человѣкъ можетъ только послѣ принятія соответствующихъ обѣтовъ; не принявъ же посвященія, читать священныя книги почитается грѣховнымъ. Это положеніе, всецѣло соблюдаемое у современныхъ монголо-буддистовъ, служитъ одною изъ главныхъ причинъ, по которымъ монголы принимаютъ на себя духовное званіе и посвящаютъ ему своихъ дѣтей еще во младенчествѣ. Ребенокъ, не будучи посвященъ, не имѣетъ права читать священныя книги, а слѣдовательно не только готовится къ высшимъ степенямъ священства, но и знать основательно правила своей рели-

гін¹⁾. Таковы основныя причины того, на первый разъ кажущагося страннымъ, явленія, по которому въ Халхѣ принимаютъ обѣты убашій дѣти четырехъ, и пяти лѣтняго возраста и многіе изъ нихъ окончательно поступаютъ въ монашество, принимая посвященіе въ банди въ періодъ отъ 7 до 10 и уже ни какъ не позже 12 лѣтъ.

Возникающее отсюда чрезмѣрное увеличеніе монашества въ Халхѣ должно было бы, повидимому, естественно отразиться на благосостояніи этой страны и вызвать собою ограниченія со стороны китайскаго правительства тѣмъ болѣе, что послѣднее всегда держалось и еще до нынѣ держится правила объ освобожденіи духовенства отъ всякаго рода податей, повинностей и налоговъ; но китайцы въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, являются довольно своеобразны по своей политикѣ. Не стѣсняя убѣжденій подвластнаго народа, китайское правительство предоставляетъ ему жить и дѣйствовать какъ онъ хочетъ, лишь бы только были исполнены всѣ требованія самого правительства. Китайцы несомнѣнно знаютъ, что въ Халхѣ въ настоящее уже время цѣлыхъ $\frac{5}{8}$ населенія приняло ламскіе обѣты, но дѣйствительными ламами, т. е. свободными отъ всякаго рода гражданскихъ повинностей, они признаютъ только тѣхъ, которые имѣютъ у себя грамоты на духовное званіе. Чтобы получить такого рода грамоту, каждый монгольскій лама долженъ прежде всего испросить отъ своего сумуна, (т. е. отъ своей военной роты) свидѣтельство, которое удостовѣряло бы, что сумунное общество желаетъ имѣть его ламою и исполнить за него всѣ обязанности, налагаемыя на мон-

1) Эта ревнивая охрана изученія религіи является въ высшей степени своеобразнымъ способомъ охраненія религіознаго ученія въ чистотѣ. По правиламъ, практикующимся нынѣ въ Монголіи и у нашихъ Бурятъ, чтеніе буддійскихъ догматическихъ сочиненій, принадлежащихъ къ отдѣлу «йахо хульгэнь», не возможно нынѣ безъ особаго посвященія даже и для ламъ; для того же, чтобы изучать произведенія этого рода необходимо во 1-хъ принять особое посвященіе (тиб. дунъ-абишникъ), а во 2-хъ прослушать толкованіе ученія отъ человѣка, уже знакомаго съ нимъ. Ламы преподающіе ученіе такимъ образомъ называются «ундусунъ лама». Въ этомъ отношеніи иногда и простолюдинъ можетъ явиться руководителемъ ламы, если онъ уже прослушалъ извѣстное ученіе, а ламѣ почему либо не пришлось сдѣлать этого.

монгольскія общины гражданскими постановленіями Китая. Это свѣдѣтельство лама долженъ представить своему кошунному цзасакъ (правителю) и просить его ходатайствовать предъ Палатою Вѣшнихъ Сношеній въ Пекинѣ о дарованіи ему ламской грамоты. Кошунный цзасакъ представляетъ это прошеніе вмѣстѣ съ своимъ свѣдѣтельствомъ и своимъ заключеніемъ на сеймѣ монгольскихъ князей, послѣ чего сеймовой старшина (чигулану-чиръ) входитъ по этому дѣлу въ сношеніе съ Пекиномъ. Пекинскія Палата Вѣшнихъ Сношеній выдаетъ грамоты на духовное званіе уже своею властью, но о количествѣ выданныхъ грамотъ она ежегодно обязана составлять отдѣльную вѣдомость и представлять ее на усмотрѣніе богдохана. Такимъ образомъ получение грамоты на духовное званіе необходимо предполагаетъ собою многую процедуру ходатайствъ, переписокъ и обсужденій, при отсутствіи же вѣрности китайскихъ чиновниковъ оно необходимо сопряжено еще и съ значительными матеріальными затратами. Это обстоятельство служитъ причиною того, что монгольскіе ламы почти никогда не имѣютъ у себя грамотъ на духовное званіе, выдаваемыхъ отъ Пекинскаго правительства и даже тѣ изъ нихъ, которые живутъ постоянно при монастыряхъ обыкновенно довольствуются однимъ лишь разрѣшеніемъ своего кошуннаго князя. Китайцы, повторяю снова, смотрятъ на это принятіе духовнаго званія сквозь пальцы, а монгольскіе князья, по своимъ убѣжденіямъ, едва ли даже не почитаютъ грѣхомъ воспретить тому или другому изъ своихъ данниковъ принятіе духовныхъ обѣтовъ. При такомъ положеніи дѣлъ возростаніе ламства въ Монголіи представляется весьма естественнымъ. Необходимость за симъ породила сама собою невозможность уклоненія ламъ отъ исполненія государственныхъ повинностей и въ настоящее время ламу, пожалуй, даже чаще можно встрѣтить отбывающимъ всякаго рода повинности, чѣмъ простолюдина. Правда, мнѣ никогда не приходилось встрѣчать ламъ, которые прямо бы отбывали военную повинность въ военномъ лагерѣ и служили бы въ строю какъ солдаты; но, проживая лѣтомъ 1877 г. въ Барунъ-хүрѣ, я не рѣдко видалъ какъ молодые хувараки на ряду съ

солдатами занимались стрельбою въ цѣль изъ лука. Это конечно могло быть не больше какъ развлеченіемъ, но тѣмъ не менѣе должно свидѣтельствовать, что ламамъ не чуждо искусство стрѣлять. Впрочемъ, если принять въ расчетъ, что ламы, наравнѣ съ простолюдинами служатъ на пограничныхъ пикетахъ, то почему же не сказать, что они отбываютъ и военную повинность? Что касается отправленія почтовой повинности, то здѣсь ламы являются уже положительно безразличны отъ свѣтскихъ: на каждой станціи ихъ можно встрѣтить то содержателями почтоваго станка, то подводчиками, то пастухами почтовыхъ табуновъ и проч.¹⁾ Очевидно стало быть, что ламы въ настоящее время исполняютъ въ Монголіи рѣшительно всѣ повинности, налагаемыя на монголовъ китайскимъ правительствомъ. Отъ отбыванія этихъ повинностей, по обычаю, освобождаются только тѣ, которые живутъ постоянно въ монастыряхъ. Число ихъ является сравнительно уже очень незначительнымъ, ибо на вѣчную жизнь

1) Все сказанное представляетъ собою дословныя выписки изъ моего дневника 1879 года, составленныя на основаніи моихъ личныхъ наблюденій надъ жизнью ламайскаго духовенства въ Монголіи. Въ минувшемъ 1885 г. въ жизни монгольскаго духовенства (собственно въ зап. Монголіи, или въ Чжунгаріи) совершилось чрезвычайно крупное новшество. Начальникъ чугучакскаго военнаго округа, амбанъ Ши, пріѣхавъ изъ Китая на мѣсто своей службы, обратилъ вниманіе на многочисленный и всю свою жизнь проводившій въ бездѣтельности классъ духовенства. Считаая нужнымъ положить конецъ праздному препровожденію времени особливо молодыми хуваракми, состоящими въ званіи гэгэулей, онъ еще въ 1884 году укорилъ въ письменномъ посланіи старѣйшинъ монгольскаго народа въ поощреніи ими молодежи къ разврату и праздности и, рѣшивъ, что молодежь обязана быть полезною государству, въ видѣ опыта собрать до сотни гэгэулей подъ знамена; а вскорѣ за симъ и всѣ молодые гэгэули были переписаны въ кочевьяхъ, собраны въ Дурбүдэжиянь и взяты въ военную службу. Дѣло обошлось безъ особаго затрудненія, пришлось только приказать не многихъ крикуновъ, наиболѣе шумѣвшихъ противъ нарушенія ихъ будто бы священныя правъ. Такимъ образомъ изъ собранныхъ гэгэулей составилась почти цѣлая знамя. Генералъ-майоръ Щетининъ въ 1885 г. видѣлъ этотъ полкъ солдатъ-монаховъ. По словамъ его они были одѣты въ куртки и панталоны изъ бязи, заправленные въ короткіе, конской кожи сапоги. Куртки и панталоны желтаго цвѣта, присвоеннаго духовенству желтой вѣры. Все знамя гэгэулей представляетъ собою конницу и часть, до ста человекъ, приучена къ дѣйствию при большихъ крѣпостныхъ ружьяхъ, или фальконегахъ, которые возятся на вьюкахъ.

монастыряхъ посвящаютъ себя весьма не многіе. Большинство монгольскихъ ламъ поступаетъ въ монастырь въ періодъ отъ 10 лѣтняго возраста, проживаетъ въ немъ лѣтъ до 17 тѣхъ, изучаетъ полный кругъ богослуженій и за симъ возвращается въ степи съ тѣмъ, чтобы проводить тамъ обыкновенную жизнь простолудина; все отличіе этихъ ламъ состоитъ только въ томъ, что они приписываются къ своимъ сумунинымъ хурѣ и обязаны являться сюда для совершенія богослуженій въ дни великихъ хураловъ. Обо всѣхъ ламахъ, живущихъ въ томъ, или другомъ монастырѣ, постоянно ведется списокъ у настоятеля монастыря и у габхуй'я (благочиннаго); послѣдніе обязаны каждую годично представлять этотъ списокъ своему хошунному цзасаку, который хранить его отдѣльно; не включая поименованныхъ въ немъ личностей въ общій списокъ жителей своего хошуна. Ламы, которые живутъ въ степи внѣ монастыря, наоборотъ, записываются въ общемъ списокѣ данниковъ своего князя съ обозначеніемъ только противъ ихъ имени того званія, которое они имѣютъ: гэлунъ, гэдүль, или банди. Кромѣ того всѣ эти ламы записываются хошуннымъ правителемъ въ особые списки по сумунамъ и каждый такой списокъ препровождается къ настоятелю сумунаго монастыря, чтобы послѣдній могъ знать о количествѣ принадлежащаго къ его монастырю духовенства. Это включеніе степныхъ ламъ въ общій списокъ данниковъ уже прямо показываетъ на то, что въ понятіяхъ самихъ монголовъ эти ламы должны отбывать повинности на ряду со всѣми прочими податными монголами. Что касается ламъ, проживающихъ въ монастырѣ, то они, какъ уже было сказано, въ списокъ данниковъ не включаются: о нихъ ведетъ особую вѣдомость монастырское начальство, оно ими управляетъ, оно ихъ судитъ, оно и принимаетъ на себя отвѣтственность за нихъ. Въ силу этихъ установившихся обычаевъ порядковъ, включеніе въ монастырскій списокъ того, или другаго лица совершается въ халхаскихъ обителяхъ съ довольно большою осмотрительностью. Всякій, пришедшій на жительство въ монастырь безъ позволенія своего хошуннаго князя, никогда не вносится въ монастырскіе списки до тѣхъ поръ, пока

не представить этого позволенія. Но и этого мало. Не только взрослый лама, но даже и каждый ребенокъ, поступившій въ монастырь, въ теченіе перваго года своего пребыванія въ немъ также точно не можетъ быть записанъ въ монастырскій списокъ; — этотъ годичный срокъ новопоступившій пробываетъ, такъ сказать, на испытаніи у членовъ монастырской общины. Тоже самое соблюдается и въ отношеніи прислужниковъ, лицъ, не могущихъ опредѣлить съ точностью своего происхожденія и проч. Вопросъ о включеніи новыхъ личностей въ число монастырской братіи, равно какъ и о выпискѣ выбывшихъ членовъ обсуждается всегда соборомъ всѣхъ монастырскихъ ламъ въ дни великихъ хураловъ.

Посвященіе въ убаші, равно какъ и постриженіе въ банъди, т. е. въ первую степень буддійскаго монашества, можетъ быть совершено во всякомъ простомъ домѣ; поэтому монголъ простолюдинъ, желающій дать обѣты убаші своему сыну, обыкновенно приглашаетъ для этого таинства имѣющаго совершать его ламу къ себѣ на домъ. Преподать посвященіе можетъ каждый гэлунъ, тѣмъ не менѣе такъ какъ всякій заботится о томъ, чтобы принять обѣты отъ лица, стоящаго на высшей степени іерархіи, то для дарованія обѣтовъ обыкновенно приглашаютъ или порчжй (намѣстника монастыря), или же въ крайнемъ случаѣ габкунъ (т. е. монастырскаго благочиннаго). Для обряда посвященія назначается только два дня въ мѣсяцѣ и именно 8-е и 15-е числа. Сообразно совершенію высокаго таинства, въ юртѣ монгола къ назначенному дню все убирается и вычищается: обмываются столы, на которыхъ поставляются бурханы, чистятся мѣдные жертвенныя чашечки, кіоты бурхановъ и проч.; за сими вся юрта окуривается благовонною травою, которую монголы называютъ арца и которая похожа на душистую полынь. Будучи высушена и истолчена, трава эта получаетъ названіе сангъинъ идэ (ᠰᠠᠩᠭᠢᠨ ᠶᠳᠡ) и для куренія посыпается на уголья въ кадылицу (ᠴᠠᠳᠢᠯᠢᠴᠢ); помимо сего въ юртѣ возжигаютъ хучжи, или курительныя свѣчи; какъ необходимая принадлежность совершенія таинства, въ юрту вносится литое изображеніе Шигамуни, которое

...иляется впереди всѣхъ, имѣющихся бурхановъ и книга обряда посвященія. «Хотя бы, говорить правила буддизма, посвящающій и знать наизусть всѣ обряды и молитвы, тѣмъ не менѣе книга обрядовъ посвященія должна быть здѣсь какъ доказательство, что посвященіе должно быть именно таковымъ, какимъ оно предписывается». За симъ готовятъ жертвы для бурхановъ, священнѣйшею изъ которыхъ почитается «табунъ чихула хусэхуй» — конекъ. необходимое угощеніе для приглашенныхъ къ посвященію ламъ.

Когда приходитъ лама, имѣющій преподавать обѣты посвященію, ему подносятъ чашку «съ водою для возліянія» (обѣтъ воды) и цвѣтокъ. Принявъ чашку съ водою, онъ выливаетъ нѣсколько капель на руки и передаетъ ее подавшему, а потомъ, взявъ отъ него цвѣтокъ, садится на первое мѣсто, по лѣвую сторону отъ бурхановъ. Въ это время ему подставляютъ столикъ, на который кладетъ онъ свою шапку, четки и проч. Обрядъ посвященія начинается тѣмъ, что посвящающій заставитъ посвящаемого сдѣлать сначала девять поклоновъ предъ изображеніемъ Шигамунія и три передъ собою, а потомъ сажаетъ его передъ собою такъ, какъ можно сидѣть, ставши предварительно на колѣна (обѣтъ коленъ), приказываетъ посвящаемому сложить руки на груди андреевскимъ крестомъ и обращаетъ къ нему слѣдующую рѣчь: «Намѣреваясь принять посвященіе въ убаші, вы должны разсуждать такъ: существуютъ три царства матеріальнаго міра; но въ которомъ бы изъ нихъ ни родиться, необходимо будешь претерпѣвать страданія; поэтому необходимо совершенно избавиться отъ страданій орчилана (матеріи) и, ради блага одушевленныхъ существъ, дѣлать только то, что способствуетъ пріобрѣтенію святости всеоверпеннаго будды, которая всецѣло избавляетъ отъ страданій. Для сего то необходимо вамъ, предпославъ вѣру въ три драгоцѣнности, принять обѣты убаші, содержащаго пять заповѣдей и сохранять ихъ съ этого времени до смерти. Положите начало твердому и непоколебимому стремленію (къ исполненію обѣтовъ) и храните его съ этихъ поръ до смерти».

На эту рѣчь посвящаемый отвѣчаетъ: «тѡйнъ, сонзволь вѣ-
дать, я (такой то по имени) съ этого времени и пока буду живъ,
буду вѣровать въ будду высочайшаго изъ двуногихъ¹⁾, буду вѣ-
ровать въ ученіе — высочайшее изъ безстрастій, буду вѣровать
въ духовенство, — высочайшее изъ сонмовъ; сонзволь же, тѡйнъ,
преподать мнѣ посвященіе въ убаші до самой моей смерти.
Тѡйнъ, сонзволь принять (меня)!» Такъ какъ эти слова посвящае-
маго должны бытъ повторены три раза, то посвящающій застав-
ляетъ посвящаемаго повторять тоже самое во второй разъ. По
исполненіи этого требованія, посвящающій заставляетъ посвя-
щаемаго сказать тоже самое въ третій разъ и при этомъ объяс-
няетъ ему, что, когда будетъ говорить онъ слова «сонзволь же,
тѡйнъ, преподать мнѣ посвященіе въ убаші», онъ, посвящающій,
сдѣлаетъ рукою щелчокъ въ воздухъ и въ то самое мгновеніе
онъ, посвящаемый, сдѣлается принявшимъ обѣты убаші, а онъ,
посвящающій, сдѣлается его учителемъ: поэтому то оканчивать
свою рѣчь онъ долженъ уже не словами: «тѡйнъ, сонзволь при-
нять меня», а словами: «учитель, сонзволь принять меня». Послѣ
произнесенія указаннымъ образомъ этихъ трехъ обѣтовъ и
просьбы въ третій разъ и по совершеніи таинства, посвящающій
снова обращается къ посвящаемому съ слѣдующею рѣчью: «И
такъ ты получилъ обѣты убаші; но если, получивши, ты не бу-
дешь сохранять ихъ, то не только не будетъ пользы, а будетъ
еще великій грѣхъ. Поэтому нужно соблюдать ихъ. Правила,
которыя нужно соблюдать, слѣдующія: Святые, удаляясь мыслями
отъ пяти грѣховныхъ дѣлъ, во главѣ которыхъ стоитъ убійство,
воздерживались отъ нихъ своимъ тѣломъ и языкомъ; поэтому и
ты общайся подражать имъ». На эту рѣчь посвящаемый отвѣ-

1) Монгольское выраженіе «*ᠲᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ*» буквально значить «двуногіе»
и я всегда принимаю его за эпитетъ понятія «человѣкъ», подобно тому, какъ
слово—четвероногіи—можетъ служить эпитетомъ для животныхъ; но ламаи слово
ᠲᠠᠭᠤᠨ принимаютъ здѣсь въ значеніи «средство для спасенія»; на этомъ осно-
ваніи, переводъ этихъ словъ, по толкованію ихъ, выходитъ не «вѣрую въ
будду, высочайшаго изъ людей», а «вѣрую въ будду, высочайшаго изъ обла-
дающихъ двумя средствами спасенія».

ность такъ: «Учитель, соизволь вѣдать, подобно тому какъ святыя и побѣдители враговъ отрекались отъ лишенія жизни (какихъ либо одушевленныхъ существъ), и воздерживались отъ убійства, точно также и я, (такой-то по имени) съ этой минуты и до конца жизни отрекаюсь отъ убійства и буду воздерживаться отъ лишенія жизни. Черезъ эту основную заповѣдь я буду поучаться правиламъ святыхъ и побѣдителей враговъ, буду исполнять ихъ, буду поступать по нимъ. Далѣе, подобно тому какъ святыя и побѣдители враговъ на всю свою жизнь отрекались отъ того, чтобы брать не дарованное (воровать), возбуждаться грѣховными пожеланіями, говорить ложь, употреблять вино изъ плодовъ и вообще все опьяняющее и дающее поводъ къ нецѣломудрію, подобно тому, какъ они воздерживались отъ употребленія вина изъ плодовъ, приготовленнаго вина и отъ всего опьяняющаго, точно также и я (такой то по имени), съ этой минуты и на всю жизнь отрекшися отъ того, чтобы брать не дарованное, возбуждаться грѣховными пожеланіями, говорить ложь, употреблять вино изъ плодовъ, приготовленное вино и все опьяняющее и дающее поводъ къ нецѣломудрію, буду воздерживаться отъ вина изъ плодовъ, приготовленнаго вина и отъ всего опьяняющаго и дающаго поводъ къ нецѣломудрію. Черезъ эти пять заповѣдей я буду поучаться правиламъ святыхъ и побѣдителей враговъ, буду исполнять ихъ, буду поступать по нимъ».

Выслушавъ эти обѣты отъ посвящаемаго, посвящающій говоритъ ему: «И такъ ты вполне получилъ обѣты убаші; поэтому я преподамъ тебѣ ученіе о томъ, чему предпосылалъ ты вѣру. Такъ какъ ты обѣщался вѣровать въ будду, то ты не долженъ поклоняться и чествовать другихъ тѣнгриевъ и божествъ. Такъ какъ ты обѣщался вѣровать въ священное ученіе, то ты долженъ отречься отъ того, чтобы вредить одушевленнымъ существамъ и мучить ихъ. Такъ какъ ты обѣщался вѣровать въ сонмъ хуваръковъ, то ты не долженъ входить въ общеніе съ еретиками, и вообще благоговѣть предъ высокими святыми, полагаться на нихъ, слушать ученіе святыхъ, разсуждать о томъ, какъ слѣдуетъ поступать согласно священному ученію и исполнять священное

ученіе; ты не долженъ чрезмѣрно возбуждать свои чувства, долженъ принимать, на сколько хватитъ у тебя силъ, обѣты, относясь съ любовью и состраданіемъ ко всѣмъ одушевленнымъ существамъ и поучаться въ прилежаніи къ чествованію трехъ драгоценностей. Если преступишь ты главныя четыре обѣта, во главѣ которыхъ убіеніе человѣка, то твои обѣты уничтожатся и тогда ты принимай ихъ снова; если преступишь пять обѣтовъ, во главѣ которыхъ лишеніе жизни какого либо одушевленнаго существа помимо человѣка, то раскайся предъ кѣмъ либо, имѣющимъ полныя обѣты (какимъ либо гэлѹномъ)».

Этимъ наставленіемъ оканчивается посвященіе въ убаші. Какъ видно изъ совершенія этого обряда, посвящаемый въ убаші не получаетъ при своемъ посвященіи ни какихъ отличій: онъ остается тѣмъ же миряниномъ, не имѣя права ни на какую либо особую одежду, ни на бритье головы, что составляетъ собственно особенность уже принявшихъ обѣты бѣнды. Въ Халхѣ почти всѣ простолюдины имѣютъ обѣты убаші; но по вѣншнему виду эти посвященные сохраняютъ все мирское. Впрочемъ у бурятъ и у кадмыковъ, равно какъ и въ западной Монголіи убаші доставили таки себѣ отличіе, усвоивъ обычай носить по принятіи обѣтовъ красную ленту черезъ правое плечо. Въ самой Халхѣ обычай этотъ исполняютъ очень не многіе, развѣ ужъ престарѣлые старики, да пожалуй еще нищіе, въ доказательство своего особаго благочестія, почитаютъ эту ленту необходимою принадлежностью своего костюма.

Посвященіе въ убаші, совершаемое надъ малолѣтними, служитъ въ Халхѣ обыкновенно только приуготовленіемъ посвящаемыхъ къ принятію ими обѣтовъ монашества, т. е. собственно — первой монашеской степени — бѣнды; отъ этого оба эти посвященія не рѣдко производятся совершенно одновременно, хотя обряды преподаванія тѣхъ и другихъ обѣтовъ не ситѣшиваются между собою. Все различіе состоитъ только въ томъ, что когда посвящаемому хотятъ одновременно преподавать обѣты убаші и бѣнды, то для совершенія обрядовъ приглашаютъ уже не одного гэлѹна, а нѣсколько, или точнѣе, никакъ не менѣе четырехъ лицъ;

обрядъ посвященія въ убашій совершаетъ при этомъ обыкновенно старшій изъ присутствующихъ. По окончаніи обряда посвященія въ убашій, посвящающій приступаетъ къ обряду постриженія въ званіе банди и начинаетъ этотъ обрядъ также точно, какъ началъ бы и совершая его отдѣльно отъ посвященія въ убашій.

Обрядъ постриженія въ банди начинается тѣмъ, что первенствующій лама приказываетъ постригаемому сѣсть противъ себя, сложивъ руки на груди андреевскимъ крестомъ и обращается къ нему съ слѣдующею рѣчью. «Если вы желаете быть монашествовавшимъ, то необходимо, чтобы у васъ не было никакихъ препятствующихъ этому обстоятельствъ. Если люди, причастные таковыхъ, возбраняющихъ обстоятельствъ, примутъ монашество, то въ духовной природѣ ихъ не установятся обѣты, или если установятся, то не разовьются; на этомъ-то основаніи не только не будетъ пользы для вашего существа, но и мнѣ самому будетъ грѣхъ. И такъ внимательно отвѣчайте на мои вопросы.

1) Не принадлежите ли вы къ исповѣдующимъ еретическое ученіе?

2) Не находитесь ли вы въ возрастѣ менѣе 15-ти лѣтъ?

3) Если вы и достигли 15-ти лѣтняго возраста, не находитесь ли вы въ состояніи неспособности прогнать воронъ¹⁾?

4) Если вы способны прогнать воронъ, не находитесь ли вы въ возрастѣ менѣе семи лѣтъ?

5) Не рабъ ли вы?

6) Не должникъ ли вы?

7) Получили ли вы разрѣшеніе отъ своихъ отца и матери?

8) Не (находитесь ли вы) въ мѣстѣ, на пребываніе ваше въ которомъ не были согласны ваши отецъ и мать?

9) Не больны ли вы?

10) Не мучили ли вы и не злословили ли своихъ родителей, или духовныхъ лицъ?

1) Т. е. въ состояніи такого безсмія, чтобы не мочь прогнать птицъ, которыя могутъ прилетѣть и склевать пищу.

11) Не присвоили ли вы себѣ чужаго имущества тайно, или неправильными средствами?

12) Не существо ли вы вездѣсущее?

13) Не принадлежите ли вы къ существамъ призрачнымъ?
(~~тѣмъ существамъ~~).

14) Не двуполый ли вы?

15) Не хубилганъ (= оборотень) ли вы?

16) Не безсловесное ли вы животное?

17) Не находитесь ли вы въ сношеніяхъ съ еретиками?

18) Не убили ли вы свою мать?

19) Не убили ли вы своего отца?

20) Не убили ли вы архан'а?

21) Не клеветали ли вы на духовенство?

22) Не пролили ли вы злославною кровью изъ тѣла будды?

23) Не подвергались ли вы какому либо изъ четырехъ уни-
зительныхъ паденій ¹⁾)?

24) Не уеѣчный ли вы?

25) Не принадлежите ли вы къ имѣющему одинъ ноготь?
(~~тѣмъ существамъ, имѣющимъ одинъ ноготь~~).

26) Не выбраны ли вы къ исполненію какой либо обязанно-
сти ханойъ, или правительствомъ?

27) Не поросли ли вы волосами?

28) Имѣете ли вы дозволеніе на принятіе духовнаго званія
отъ хана?

29) Не находитесь ли вы въ мѣстѣ, недозволенномъ ханомъ?

30) Не извѣстны ли вы въ обществѣ какъ воръ и разбой-
никъ?

31) Не посрамлены ли вы?

32) Не обманщикъ ли вы?

33) Не палачъ ли вы?

1) Подъ именемъ четырехъ унизительныхъ паденій (~~тѣмъ существамъ, имѣющимъ одинъ ноготь~~) разумѣются: а) убіеніе чловека, б) великая ложь, в) воров-
ство, и д) прехлободѣаніе.

34) Не принадлежите ли вы къ низкому происхожденію?

35) Не принадлежите ли вы къ существамъ, отдѣльнымъ отъ человѣка?

36) Не принадлежите ли вы къ сѣверному тибу зловѣщихъ?

37) Не имѣютъ ли ваши члены трехъ измѣненій?

38) Не женщина ли вы подобная мужчинѣ?

39) Не имѣете ли вы какихъ либо грѣховныхъ отличительныхъ примѣтъ?

40) Не рождены ли вы на какомъ либо другомъ тибѣ, или не имѣете ли вы какихъ либо другихъ внѣшнихъ формъ?

Когда посвящаемый дастъ на всѣ эти вопросы удовлетворительные отвѣты, то тотчасъ же, смотря по удобству помѣщенія, по правую или по лѣвую сторону первенствующаго въ совершеніи обряда гэлунъ кладутъ сложенные одежды и принадлежности духовныхъ лицъ, которыя должны быть преподаны посвящаемому при совершеніи надъ нимъ обряда. Это во 1-хъ *номтү дэбискэръ*, или коверъ духовной особы; во 2-хъ *шантабъ* и въ 3-хъ *номтү дэбэлъ*. Поверхъ ихъ ставятъ 4) *аяидъ*, т. е. чашку, въ которую, чтобы не была она пустою, по уставу, кладутъ нѣсколько рису, или пшена, и 5) вѣничекъ для обмахиванія воды. Вслѣдъ за симъ первенствующій гэлунъ обращается къ старѣйшему изъ сослужащихъ съ нимъ и говоритъ: «Другъ добродѣтели (такой то по имени), доложи хуварѣкамъ о посвященіи въ духовное званіе такого-то (имя рекъ). На это предложеніе гэлунъ, къ которому обращена рѣчь, спрашиваетъ у первенствующаго: «совершенно ли свободенъ этотъ (имя рекъ) отъ духовныхъ препятствій»? Первенствующій отвѣчаетъ: «совершенно свободенъ». Тогда гэлунъ, которому предложено сдѣлать докладъ, беретъ посвящаемого, заставляя его сдѣлать три поклона передъ сидящими ламами и потомъ снова сажаетъ его, поставивъ на колѣна и приказавъ сложить руки на груди андреевскимъ крестомъ. Посвящаемый долженъ быть одѣтъ при этомъ въ бѣлую рубаху, если же таковой не имѣется, то быть опоясаннымъ бѣлымъ поясомъ. По совершеніи поклоненія гэлунъ-докладчикъ сообщаетъ призваннымъ къ обряду ламамъ, что такой-то (имя посвящаемого)

желаетъ принять посвященіе отъ такого-то (или посвящающаго) и что по свидѣтельству этого посвящающаго онъ, посвящаемый, совершенно свободенъ отъ препятствующихъ обстоятельствъ. И такъ, заключаетъ онъ, сдѣлаете ли вы его тайномъ (монахомъ)? «Если онъ совершенно свободенъ отъ препятствій, то можно», отвѣчаютъ ламы. Тогда посвящаемого снова заставляютъ сдѣлать передъ первенствующимъ гелѣномъ три поклона и сажаютъ его со сложенными на груди руками, а первенствующій говоритъ ему: «для того, чтобы сдѣлать тебя тайномъ (монахомъ), тебѣ необходимъ руководитель» (ᠭᠡᠯᠡᠨᠠᠭᠤᠰᠤᠨ¹⁾). Быть руководителемъ можетъ всякій хубилганъ и хутухта, хотя бы онъ былъ въ низшихъ степеняхъ посвященія, но изъ простыхъ ламъ не можетъ быть всякій: необходимъ гелѣнъ, прослужившій уже десять лѣтъ, мудрый и способный доставить пользу; такового только и можно сдѣлать руководителемъ. Такъ какъ каждый посвящаемый въ банда обыкновенно дѣлаетъ своимъ руководителемъ (ᠭᠡᠯᠡᠨᠠᠭᠤᠰᠤᠨ) того ламу, который преподавалъ ему обѣты убаші, и слѣдовательно почитается его учителемъ, то на сказанную рѣчь посвящающій обыкновенно отвѣчаетъ первенствующему ламѣ такъ: Учитель, соизволь вѣдать, я (такой то по имени) прошу васъ, моего учителя, быть моимъ руководителемъ, учитель, соизволь быть моимъ руководителемъ; учитель, руководитель! меня должно сдѣлать монашествующею духовной особой (собственно: «оставившимъ міръ тайномъ»). Слова эти посвящаемый долженъ произнести три раза; при произнесеніи въ третій разъ словъ «учитель соизволь быть

1) Слово «убадни», санскр. upadhyaya, въ монгольскихъ лексиконахъ толкуется во 1-хъ какъ — ученый, свѣдущій; во 2-хъ учитель, преимущественно духовная особа, имѣющая высшую степень священства и приготовляющая другихъ въ духовное знаніе, а равно и къ полученію высшихъ степеней въ этомъ званіи. Но въ практикѣ монголовъ такое значеніе не всегда соединяется съ этимъ словомъ. Убаші, принимая обѣты банда въ присутствіи какого либо хутухты, непременно уже имѣетъ въ немъ своего убадни, хотя въ дальнейшей жизни онъ находится подъ руководствомъ совершенно другаго ламы, который и приготовляетъ его къ полученію высшей степени гелѣн'я. Такимъ образомъ слово «убадни» нѣсколько утратило у монголовъ свое значеніе и стало выражать первенствующаго, или руководящаго обрядомъ посвященія; отсюда ему усвоится значеніе «одоригудеунъ».

нимъ руководителемъ», первенствующій дѣйствительно становится его руководителемъ; поэтому продолжая свою рѣчь, посвящаемый уже не говоритъ въ третій разъ «учитель, руководящій меня должно....», а просто: «руководитель, меня должно.... д.». Послѣ сего первенствующій гелѹнъ сообщаетъ посвящаемому, что правила буддизма предписываютъ каждому духовному лицу полагаться на своего руководителя и почитать его какъ самого будду, изъявлять своему руководителю всегдашнюю преданность, приносить ему жертвы и воздавать почести, докладывать ему обо всѣхъ своихъ дѣлахъ и во всемъ поступать согласно его приказаніямъ, отступленіе же отъ этихъ правилъ составляетъ великій грѣхъ. Потомъ обращаясь къ гелѹду, который назначенъ обрѣзывать косу посвящаемому, первенствующій говоритъ: «Такой-то (имя рекъ), исполните обрѣзаніе косы я прошу сему принадлежащее надъ этимъ (имя рекъ)». Гелѹнъ, получивши это приказаніе, встаетъ и, взявъ въ лѣвую руку пучекъ волосъ на головѣ посвящаемого, а въ правую ножницы, говоритъ: «О такой-то (имя рекъ), радуешься ли ты своему постриженію?» «Радуюсь» отвѣчаетъ постригаемый и тогда гелѹнъ, обрѣзавъ у него клочекъ волосъ сзади, подаетъ эти волосы первенствующему руководителю, а послѣдній, разсѣявъ ихъ предъ чумиромъ будды, произноситъ: «тѣнгри, хранители бѣлой стороны, соизвольте возвеселиться!» Вслѣдъ за симъ посвящаемого омываютъ, смотря по времени года, если зимою, то теплой водой, а если лѣтомъ, то холодной. Собственно, по уставамъ, слѣдуетъ омывать при этомъ все тѣло посвящаемого, но обыкновенно обрядъ этотъ оканчивается только омовеніемъ рукъ, ногъ и головы, что дозволяется дѣлать, если посвящаемый будетъ боленъ, или окажется недостатокъ въ водѣ. За симъ посвящаемого снова приводятъ къ ногамъ первенствующаго гелѹна и, заставивъ его сдѣлать три поклона, сажаютъ, поставивъ на колѣна. На лѣвое плечо его кладутъ *номтѹ дэбискэргъ, шантабъ* и *номтѹ дэбэлъ* при томъ такъ, что *номтѹ дэбэлъ* приходится уже на оконечности лѣвой руки посвящаемого. Первенствующій гелѹнъ, положивъ правую руку на *номтѹ дэбэлъ* произноситъ: «Эта *номтѹ дэбэлъ*

желаетъ принять посвященіе отъ такого-то (имя посвящающаго) и что по свидѣтельству этого посвящающаго онъ, посвящаемый, совершенно свободенъ отъ препятствующихъ обстоятельствъ. И такъ, заключаетъ онъ, сдѣлаете ли вы его тѣйномъ (монахомъ)? «Если онъ совершенно свободенъ отъ препятствій, то можно», отвѣчаютъ ламы. Тогда посвящаемаго снова заставляютъ сдѣлать передъ первенствующимъ гелѣномъ три поклона и сажаютъ его со сложенными на груди руками, а первенствующій говоритъ ему: «для того, чтобы сдѣлать тебя тѣйномъ (монахомъ), тебѣ необходимъ руководитель» (ᠲᠡᠪᠠᠳᠠᠨᠢᠨᠠᠨ) ¹⁾. Быть руководителемъ можетъ всякій хубилганъ и хутухта, хотя бы онъ былъ въ низшихъ степеняхъ посвященія, но изъ простыхъ ламъ не можетъ быть всякій: необходимъ гелѣнъ, прослужившій уже десять лѣтъ, мудрый и способный доставить пользу; такого только и можно сдѣлать руководителемъ. Такъ какъ каждый посвящаемый въ бандѣ обыкновенно дѣлаетъ своимъ руководителемъ (ᠲᠡᠪᠠᠳᠠᠨᠢᠨ) того ламу, который преподавалъ ему обѣты убашй, и слѣдовательно почитается его учителемъ, то на сказанную рѣчь посвящающей обыкновенно отвѣчаетъ первенствующему ламѣ такъ: Учитель, соизволь вѣдать, я (такой то по имени) прошу васъ, моего учителя, быть моимъ руководителемъ, учитель, соизволь быть моимъ руководителемъ; учитель, руководитель! меня должно сдѣлать монашескою духовной особой (собственно: «оставившимъ міръ тѣйномъ»). Слова эти посвящаемый долженъ произнести три раза; при произнесеніи въ третій разъ словъ «учитель соизволь быть

1) Слово «убаднина», санскр. upadhyaya, въ монгольскихъ лексиконахъ толкуется во 1-хъ какъ — ученый, свѣдущій; во 2-хъ учитель, преимущественно духовная особа, имѣющая высшую степень священства и приготовляющая другихъ въ духовное званіе, а равно и къ полученію высшихъ степеней въ этомъ званіи. Но въ практикѣ монголовъ такое значеніе не всегда соединяется съ этимъ словомъ. Убашй, принимая обѣты банды въ присутствіи какого либо хутухты, непременно уже имѣетъ въ немъ своего убаднина, хотя въ дальнѣйшей жизни онъ находится подъ руководствомъ совершенно другаго ламы, который и приготовляетъ его къ полученію высшей степени гзѣл'я. Такимъ образомъ слово «убаднина» нѣсколько утратило у монголовъ свое значеніе и стало выражать первенствующаго, или руководящаго обрядомъ посвященія; отсюда ему усвоится значеніе «одоригѣлунъ».

номъ руководителемъ», первенствующій дѣйствительно становится его руководителемъ; поэтому продолжая свою рѣчь, посвящаемый уже не говоритъ въ третій разъ «учитель, руководитель! меня должно....», а просто: «руководитель, меня должно.... и т. д.». Послѣ сего первенствующій гелѹнъ сообщаетъ посвящаемому, что правила буддизма предписываютъ каждому духовному лицу полагаться на своего руководителя и почитать его какъ самого будду, изъяслять своему руководителю всегдашнюю признательность, приносить ему жертвы и воздавать почести, докладывать ему обо всѣхъ своихъ дѣлахъ и во всемъ поступать согласно его приказаніямъ, отступленіе же отъ этихъ правилъ составляетъ великій грѣхъ. Потомъ обращаясь къ гелѹну, который назначенъ обрѣзывать косу посвящаемому, первенствующій говоритъ: «Такой-то (имя рекъ), исполните обрѣзаніе косы и прочее сему принадлежащее надъ этимъ (имя рекъ)». Гелѹнъ, получивши это приказаніе, встаетъ и, взявъ въ лѣвую руку пучекъ волосъ на головѣ посвящаемого, а въ правую ножницы, говоритъ: «О такой-то (имя рекъ), радуешься ли ты своему постриженію?» «Радуюсь» отвѣчаетъ постригаемый и тогда гелѹнъ, отрѣзавъ у него клочекъ волосъ сзади, подаетъ эти волосы первенствующему руководителю, а послѣдній, разсѣявъ ихъ предъ кумиромъ будды, произноситъ: «тѣнгри, хранители бѣлой стороны, соизвольте возвеселиться!» Вслѣдъ за симъ посвящаемого омывають, смотря по времени года, если зимою, то теплой водой, а если лѣтомъ, то холодной. Собственно, по уставамъ, слѣдуетъ омывать при этомъ все тѣло посвящаемого, но обыкновенно обрядъ этотъ оканчивается только омовеніемъ рукъ, ногъ и головы, что дозволяется дѣлать, если посвящаемый будетъ боленъ, или окажется недостатокъ въ водѣ. За симъ посвящаемого снова приводятъ къ ногамъ первенствующаго гелѹна и, заставивъ его сдѣлать три поклона, сажаютъ, поставивъ на колѣна. На лѣвое плечо его кладутъ *номтѹ дэбискѣръзъ*, *шантабъ* и *номтѹ дэбѣль* при томъ такъ, что *номтѹ дэбѣль* приходится уже на оконечности лѣвой руки посвящаемого. Первенствующій гелѹнъ, положивъ правую руку на *номтѹ дэбѣль* произноситъ: «Эта *номтѹ дэбѣль*

(священная одежда), носимая на раменахъ и на груди и называемая «высокимъ одѣяніемъ», составляетъ особенное отличіе отъ мірянъ и еретиковъ. Такъ какъ она даруется тебѣ какъ одежда, долженствующая возвышать духъ шрамани и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ одежда, долженствующая защищать тебя отъ мухъ, комаровъ, вѣтра, солнца, холода и зноя; то ты долженъ подумать и положить въ своемъ сердцѣ рѣшимость навсегда принять это «высокое одѣяніе». Съ этими словами онъ полагаетъ номтѹ дэбэъ на правое плечо посвящаемаго. Точно такимъ же образомъ положивъ свою руку и на шантабъ, первенствующій гелѹнъ произноситъ: «это шантабъ, надѣваемый на поясницу: онъ служитъ покрывкою для наготы нижней части тѣла и скрытыхъ частей, а равно и долженствуетъ защищать отъ прикосновенія мошекъ и прочаго. Это одѣяніе составляетъ особенное отличіе отъ мірянъ и еретиковъ и дается тебѣ какъ одежда, долженствующая возвышать мысли шрамани; поэтому ты долженъ положить въ своемъ сердцѣ рѣшимость носить постоянно такой напольникъ (хормбкчи). Учитель будда, нося точно такіе нагрудникъ и напольникъ, приобрѣлъ званіе будды; ученикамъ своимъ онъ также точно пожаловалъ это платье; поэтому и ты, одѣвшись въ такой же нагрудникъ и напольникъ, долженъ смирять и успокаивать свой духъ». Съ этими словами онъ полагаетъ шантабъ, какъ и номтѹ дэбэъ, на правое плечо посвящаемаго. За тѣмъ, положивъ въ чашу нѣсколько рису и другихъ какихъ нибудь зеренъ, онъ поставяетъ чашу на лѣвую руку посвящаемаго, а правою заставляетъ придерживать ее сверху и говоритъ: «Эта чаша, называемая бадіръ (patra), представляетъ собою особое отличіе отъ сосудовъ, употребляемыхъ для пищи мірянами, отъ чашъ, въ которыя собираютъ подаянія еретики, и отъ чашъ людей низшихъ, не принадлежащихъ къ духовному званію. Подобно тому какъ наполняешь ты ее яствами, наполняй премудростью свою духовную природу и подобно тому какъ наслаждаешься изъ нея пищею, наслаждайся священнымъ ученіемъ. Учитель будда, устанавливалъ ее какъ сосудъ для собиранія подаяній (бхатта); поэтому и ты долженъ положить въ своемъ сердцѣ рѣшимость при-

нять на всегда эту чашу. Преподаять точно такимъ же образомъ и номтѹ дэбискэръ (подстилку), первенствующій галѹнь говоритъ: «Это номтѹ дэбискэръ. Въ то время когда будешь ты находиться въ какомъ либо другомъ мѣстѣ (помимо монастыря) и придется тебѣ пользоваться бѣлыми, или пестрыми подстилками мірянъ, наконецъ вообще подстилками, отличными отъ монашескихъ, ро-гожныхъ, долженъ ты этимъ номтѹ дэбискэръ'омъ покрывать свое сѣдалище». Наконецъ онъ подаетъ ему вѣничекъ для обмахиванія воды и говоритъ: «Это такъ называемый «водяной вѣничекъ» (усун'у шѹхѹръ). Такъ какъ вѣроученіе будды отличается милосердіемъ и основная заповѣдь его состоитъ въ томъ, чтобы воздерживаться отъ вреда другимъ; то поэтому необходимо тебѣ отрѣшиться отъ нанесенія вреда всякому одушевленному существу. Въ особенности же при употребленіи воды легко можно сдѣлать большой грѣхъ. Такъ какъ воду необходимо употреблять утромъ и вечеромъ, то (предварительно употребленія ея), необходимо, держа этотъ вѣничекъ, обмахнуть ее, чтобы не нанести вредъ одушевленнымъ существамъ, живущимъ въ водѣ». Послѣ сего первенствующій галѹнь приказываетъ повязать посвящаемому шантабъ, а поверхъ его одѣть номтѹ дэбэль (священную одежду), самъ же кладетъ на голову посвящаемого цвѣтокъ, и, обращаясь къ сидящимъ и сослужащимъ ламамъ, говоритъ: «не соизволитъ ли сонмъ хувараконъ сказать свои молитвенныя благожеланія?» Ламы, посыпая цвѣты на голову посвящаемого, произносятъ въ одинъ голосъ: «да утвердится основа его спасенія; да достигнетъ онъ до конца жизни, шествуя по пути добродѣтели; да будетъ исполнена имъ чаша обѣтовъ; да будетъ онъ споленъ причастенъ обѣтовъ монашества во всѣхъ и въ каждомъ изъ своихъ перерожденій». При этихъ словахъ ламъ на посвящаемого надѣвается «номтѹ дэбэль. Между тѣмъ одинъ изъ участвующихъ галѹновъ беретъ «номтѹ дэбискэръ» и, сложивъ его вдвое такъ, что изнанка приходится наверху, постилаетъ его передъ первенствующимъ галѹномъ. На этотъ дэбискэръ возводитъ онъ потомъ посвящаемого и, заставивъ его сдѣлать три поклона предъ руководителемъ, сажаетъ его со сложенными на

грудь руками. Тогда первенствующій гэлунъ снова обращается къ посвящаемому съ такою рѣчью: «Твое желаніе сдѣлаться монашествующимъ тойномъ благотѣльно. Причины этого излагаются въ священныхъ сутрахъ, по ученію которыхъ, различіе между мірянами и монашествующими чрезвычайно велико. Всѣ будды трехъ временъ, живя по правиламъ монашества, достигли состоянія будды и нѣтъ ни одного изъ нихъ, который сдѣлался бы буддою, живя по правиламъ мірскихъ людей».

«И такъ, продолжаетъ онъ далѣе, ты долженъ теперь измѣниться: ты долженъ помышлять о грѣхахъ и опущеніяхъ мірянъ и о пользѣ и достоинствѣ монашества; ты долженъ стремиться, чтобы стяжать себѣ, ради блага одушевленныхъ существъ, достоинство будды; ты долженъ имѣть твердое намѣреніе, принявъ обѣты монашества, сохранять ихъ до самой своей смерти. Во всегдашній знакъ напоминанія объ этомъ, я перемѣняю тебѣ имя и называю тебя такъ-то (имя рекъ)». Новое имя посвящаемого обыкновенно соответствуетъ или названію монастыря, къ которому намѣренъ онъ причислиться, или же имени самого посвящающаго. Въ отвѣтъ на эту рѣчь посвящаемый говоритъ: Руководитель, соизволь вѣдать, я, такой то по имени (при этомъ онъ называетъ себя уже своимъ новымъ монашескимъ именемъ) съ этого времени и на всю свою жизнь буду вѣровать въ будду, высочайшаго изъ двуногихъ; буду вѣровать въ ученіе высочайшее изъ безстрастій; буду вѣровать въ собраніе духовенства — высочайшее изъ сонмовъ. Послѣдую всесовершенному, неизмѣняемому и побѣдоносному буддѣ Шигэмуні, лъву Шакья'сцевъ и шакья'скому владыкѣ, я сдѣлался тойномъ; я отказался отъ всего, свойственнаго мірянамъ и всецѣло принявъ все, свойственное монашествующимъ». Эти слова посвящаемый говоритъ три раза, послѣ чего старѣйшій гэлунъ произноситъ: «По этимъ правиламъ, необходимо тебѣ, оставивъ все мірское, положиться на своего руководителя, въ совершенствѣ исполненнаго свойствъ истинно монашествующаго». Послѣ сего посвящаемый снова дѣлаетъ три поклона передъ ламами, руководитель же и ламы, посылая цвѣты на его голову, произносятъ свои молитвенныя бла-

гожеланія: «Да утвердятся основы (его) спасенія; да достигнетъ онъ до конца жизни, шествуя по пути добродѣтели; да будетъ совершена имъ сполна чаша обѣтовъ; да будетъ онъ сполна причастенъ обѣтовъ монашества во всѣхъ и въ каждомъ изъ своихъ перерожденій». Этими благожеланіями оканчивается обрядъ посвященія въ бѣнды.

Получивъ посвященіе въ первую монашескую степень — бѣнды, дѣти халхасовъ впредь до поступленія въ монастырь обыкновенно остаются жить въ домѣ своихъ родителей и въ воспитаніи своемъ ровно ни чѣмъ не отличаются отъ своихъ товарищей. Ихъ жизнь проходитъ также точно въ ребяческихъ забавахъ и исполненіи кое какихъ домашнихъ дѣлъ. Обѣты поста ими конечно не соблюдаются, но ребенокъ — бѣнды все таки всегда имѣетъ бритую голову, бываетъ одѣтъ или въ бѣнцаль, или въ монашескій халатъ и носитъ на головѣ особую монашескую шапочку — тѣрцокъ, похожую на ермолку, у которой тулья сдѣлана изъ какой либо матеріи желтаго цвѣта, а по краямъ полагается опушка, въ родѣ краснаго околыша. Эти особенности всегда даютъ возможность отличить посвященнаго ребенка отъ непринимавшаго обѣтовъ; и такое отличіе почитается даже необходимымъ, такъ какъ къ бѣнды, хотя бы и ребенку, всѣ должны относиться съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ къ обыкновеннымъ дѣтямъ. Посторонніе никогда не рѣшатся ни ударить, ни наказать ребенка — бѣнды за какуюнибудь шалость и даже родители рѣдко наказываютъ его, — это можетъ сдѣлать развѣ только какойнибудь лама. Благодаря этой относительной свободѣ, дѣти монголовъ, принявшіе обѣты монашества, бываютъ крайне шаловливы, своевольны, капризны и упрямы. Съ дѣтства привыкаютъ они къ отличіямъ, такъ какъ ребенку — бѣнды всегда и первое мѣсто и первый кусокъ; не рѣдко можно видѣть, что отецъ монголъ сажаетъ своего шести или семилѣтняго сына — бѣнды выше себя и очевидно заботится о томъ, чтобы угодить ему. Въ монастырь приходятъ въ періодъ отъ 7 до 10 лѣтняго возраста и изъ этихъ дѣтей образуются впоследствии ламы. Взрослые поступаютъ въ монастыри очень рѣдко и при томъ,

поступивъ въ монастырь, они не изучаютъ нѣмовъ, а потому рѣзко отличаются отъ ламъ. Пришедшіе въ періодъ дѣтства называются впоследствии «зай лама» (т. е. сдѣлавшійся ламою по опредѣленію судьбы) и могутъ постепенно пріобрѣтать высшіе обѣты, взрослые же сохраняютъ за собою только посвященіе въ убаші. Приходящимъ въ монастырь малолѣтнимъ монахамъ, если они принадлежатъ къ богатому дому, родители строятъ юрты, гдѣ и живутъ эти бѣнды подъ попеченіемъ какого либо бѣдняка старшаго ламы, который пользуется при этомъ пищей и одеждою отъ своего воспитанника. Иногда бѣднякъ оплачиваетъ съ своей стороны богатому мальчику тѣмъ, что учить его нѣмамъ, а иногда просто трудится для него, т. е. собираетъ топливо, приноситъ воду, ухаживаетъ и проч. Бѣдные мальчики поступаютъ въ монастырь обыкновенно не моложе десяти лѣтняго возраста, т. е. когда они дѣлаются способными къ исполненію какой либо работы. Они живутъ у богатыхъ ламъ, пользуются отъ нихъ духовною пищею, а равно получаютъ и все необходимое для своего физическаго существованія.

Родители, желающіе опредѣлить своего ребенка въ монастырь, предварительно отправляются въ избранную ими обитель и здѣсь испрашиваютъ иногда непосредственно отъ самого порчжй (намѣстника монастыря), а иногда черезъ посредство гѣбкѹя, позволеніе сдѣлать своего сына ламою въ этомъ монастырѣ. Гѣбкѹй спрашиваетъ о лѣтахъ мальчика, есть ли у него необходимое имущество, т. е. юрта, пища, одежда, книги для ученія и проч. и если все это оказывается, то даетъ позволеніе привести мальчика въ извѣстный день. Если для мальчика отецъ его даетъ особую юрту, гѣбкѹй спрашиваетъ, сколько человѣкъ будетъ въ ней жить, на что отецъ назначаетъ число одного или двухъ ламъ, которыхъ и проситъ гѣбкѹя назначить въ общество для своего сына. Если мальчикъ на столько бѣденъ, что не имѣетъ своей юрты, то отецъ проситъ гѣбкѹя помѣстить его сына къ какому либо ламѣ также по усмотрѣнію гѣбкѹя. Должно замѣтить, что въ монастыряхъ, гдѣ есть раздѣленіе на аймаки, ребенокъ при-

числяется обыкновенно въ составъ того аймака, къ которому принадлежит отецъ его какъ милостынедатель.

Въ день, назначенный для приведенія ребенка въ монастырь въ домѣ его родителей съ ранняго утра начинаются сборы: отецъ навьючиваетъ на верблюда имущество своего сына и всѣ домашніе помогаютъ ему при этомъ въ его работахъ. На проводы собираются сосѣди, которые высказываютъ ребенку свои благожеланія и наставленія. Сверстники приносятъ отъѣзжающему въ подарокъ исключительно деньги; если же есть въ хотѣнѣ (стойбищѣ) старшіе и уже учившіеся ламы, то они отдаютъ свои книги. При окончательномъ прощаніи плачутъ всѣ старики, какъ женщины, такъ и мужчины. Сосѣди провожаютъ поѣздъ на пол-дороги, а за тѣмъ возвращаются, въ послѣдній разъ сказавъ свои благожеланія; такимъ образомъ ребенка привозятъ въ монастырь только отецъ, да мать.

Прибывъ въ монастырь, они тотчасъ же начинаютъ строить юрту, раскладываютъ имущество и устанавливаютъ его по мѣстамъ, разстилаютъ войлоки и устанавливаютъ постель. Когда все въ юртѣ убрано, раскладываютъ огонь, варятъ чай и ставятъ передъ бурханами жертвы. Между тѣмъ, со времени прибытія поѣзда, къ отцу мальчика постоянно приходятъ знакомые ламы и приносятъ на новоселье его сына вареный чай, какія либо молочныя кушанья и проч. Ребенокъ въ свою очередь долженъ отдаривать всѣхъ ихъ хадаками и помимо того отдариваетъ тѣми же самыми предметами, которые принесены, отдавая за чай — чай, за сыръ — сыръ и т. п. Послѣ принесенія подарковъ, ламы возвращаются по своимъ домамъ, а отецъ мальчика идетъ къ цорчжѣ (намѣстнику) и проситъ его придти и освятить юрту. цорчжѣ является въ обществѣ двухъ или трехъ ламъ и, прочитавъ коротенькую молитву, окропляетъ стѣны аршаномъ. Послѣ этого обряда онъ пьетъ чай, ѣстъ мясо и возвращается домой, сопровождаемый отцомъ мальчика, который уже въ домѣ цорчжѣ подаетъ ему еще въ подарокъ хадакъ и въ награду за трудъ даритъ овцу или деньги. Вечеромъ того же дня мать возвращается домой, а отецъ остается ночевать съ сыномъ.

На другой день отецъ съ сыномъ отправляются прямо къ настоятелю монастыря (ханбѣ-ламѣ). Ему отецъ подноситъ хадакъ и получаетъ здѣсь приказаніе, помолившись въ храмахъ, представить сына гѣбкѣю. Согласно съ этимъ приказаніемъ мальчикъ обходитъ съ своимъ отцомъ все монастырскія кумирни, гдѣ приносятъ бурханамъ хадаки, цзѹлы и хѹчки. Наконецъ они отправляются къ гѣбкѣю, которому также приносятъ хадакъ; здѣсь отецъ заявляетъ съ кѣмъ именно будетъ жить въ монастырѣ его сынъ и кто будетъ его учителемъ. Этимъ выборомъ учителя располагаютъ въ большинствѣ случаевъ связи, родство и отношенія, если же монголъ, опредѣляющій въ монастырь своего сына, не имѣетъ у себя заранѣе ни одного изъ ламъ, которому намѣренъ онъ поручить ребенка, то, прося гѣбкѣя наставлять сына монастырскимъ правиламъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ и указать ему особаго ламу, которому будетъ ввѣренъ надсмотръ надъ ребенкомъ и который такимъ образомъ сдѣлается его наставникомъ. Отъ гѣбкѣя отправляются къ этому указанному ламѣ воспитателю. Его бурханамъ приносятъ цзѹлу, хѹчки и хадакъ, а ему самому тарелку, наполненную мясомъ и домбѣ (кувшинъ) чаю. Отецъ проситъ ламу получше учить его сына и обѣщаетъ за это награду, которая въ первый разъ доставляется обыкновенно дня черезъ два. Само собою разумѣется, что эта награда, смотря по состоянію молодаго монаха, бываетъ весьма различна: одни приводятъ пару лошадей, другіе даютъ 10; 5, или даже 2 барана, третьи ограничиваются принесеніемъ халата изъ какой нибудь бумажной матеріи. Окончаніемъ визитовъ оканчивается и опредѣленіе ребенка въ монастырь: дня черезъ два отецъ его уѣзжаетъ и вслѣдъ за тѣмъ для молодаго монаха наступаютъ дни его обыденной жизни.

Эти дни обыденной монастырской жизни, по крайней мѣрѣ для молодыхъ послушниковъ, начинаются обыкновенно очень рано, — ламы встаютъ съ восходомъ солнца. Вставши съ постели, молодой послушникъ умывается, ставитъ лампаду передъ бурханомъ и отправляется въ хуралъ для совершенія утренняго богослуженія. Отсюда, зашедши домой и взявъ свою учебную книгу, онъ идетъ къ учителю, гдѣ сдаетъ заданный ему вчера вечеромъ

урокъ. Урокъ онъ отвѣчаетъ стоя на колѣняхъ, сложивши руки на груди андреевскимъ крестомъ и согнувши спину такъ, что кажется почти приклонившимся къ землѣ. Если урокъ выученъ, учитель задаетъ ему дальше, т. е. прочитываетъ дальнѣйшихъ четыре или пять строкъ, при чемъ ученикъ повторяетъ каждое прочитанное ему слово. Урокъ учитель прочитываетъ трижды и слѣдовательно трижды повторяетъ за нимъ ученикъ; этимъ все наставленіе и оканчивается. Понятно, что при этомъ методѣ обученіе идетъ чисто механически. Такъ какъ священное писаніе и богослужебныя книги написаны у монголовъ на тибетскомъ языкѣ, то очевидно, что ученикъ не приобретаетъ чрезъ это обученіе ничего, кромѣ умѣнья разбирать и заучиванія наизусть совершенно непопятныхъ ему звуковъ тибетской рѣчи; переводовъ и толкованія смысла на первый разъ не допускается во все и только послѣ того какъ ученикъ прочтетъ и выучитъ уже весь кругъ потребныхъ молитвъ, учитель начинаетъ упражняться съ нимъ снова въ переводахъ прочитаннаго и выученнаго, при чемъ подстрочно диктуетъ ему каждое слово и каждую агглюнативную частицу, что заучивается ученикомъ опять таки тѣмъ же способомъ. Если ученикъ не выучилъ своего урока, онъ доучиваетъ его въ юртѣ своего учителя и за тѣмъ сидитъ здѣсь до тѣхъ поръ, пока самъ учитель не пошлетъ его пить чай. Налившись чаю, ученикъ снова приходитъ къ учителю и учится здѣсь пока не придетъ время служить новый хуралъ, что бываетъ около полудня. Во время этого хурала, если того требуетъ обрядъ, ученикъ пьетъ чай и обѣдаетъ, а если нѣтъ, то послѣ хурала идетъ домой и ѣстъ дома. Часовъ въ пять вечера снова отправляется онъ къ учителю, который, выслушавъ урокъ, заданный утромъ, тѣмъ же порядкомъ задаетъ ему урокъ на вечеръ. Вечеромъ урокъ слушается и задается новый часовъ въ девять. Такимъ образомъ учитель ежедневно трижды выслушиваетъ ученика и трижды въ день задаетъ ему уроки. За невыучиваніе урока учитель иногда бьетъ ученика палкою по согбенной во время отвѣта урока спинѣ, иногда привязываетъ къ столбу передъ дверями юрты, оставляетъ безъ чаю и безъ обѣда, зимою выставляетъ

голымъ на морозъ и проч. Высшимъ наказаніемъ считается повѣшеніе голымъ передъ дверями кумирни на все время богослуженія, т. е. приблизительно часа на 1½. Для этого передъ дверями кумирни съ крыши спускаются двѣ веревки, къ которымъ привязываютъ руки наказываемаго. Это ужасное наказаніе мнѣ пришлось видѣть только однажды, — оно было опредѣлено мальчяку лѣтъ 12-ти за упорную лѣность и шалости. При хорошихъ уснѣхахъ ученики изучиваютъ полный курсъ богослуженій лѣтъ въ пять, а иногда сидятъ за нимъ и лѣтъ десять ¹). Участвовать въ большихъ хуралахъ ученики начинаютъ въ періодъ отъ 15-ти до 18-ти лѣтняго возраста, на что, по засвидѣтельствованіи учителя, получаютъ они разрѣшеніе отъ гэкбюя. Это приглашеніе участвовать въ большихъ хуралахъ обозначаетъ то, что послушникъ уже сполна ознакомился съ кругомъ богослужебныхъ книгъ и изучилъ его. Послѣ сего очень многіе изъ послушниковъ, особливо бѣдные, оставляютъ монастырь, возвращаются домой въ степи и

1) Курсъ обязательнаго ламскаго ученія состоитъ исключительно изъ молитвъ, читаемыхъ во время хураловъ. Эта рамка конечно черезъ чуръ обща и на практикѣ она разнообразится также точно, какъ разнообразны способности и желаніе учащихся. Есть ламы, которые изучиваютъ сполна весь богослужебный кругъ наизусть; но большинство обходится заучиваніемъ только болѣе употребительныхъ хураловъ. Для специалистовъ, могущихъ прослѣдить наши сообщенія по монгольскимъ и тибетскимъ сумбунамъ, мы выписываемъ здѣсь требованія, представляемыя монгольскими ламами къ ученикамъ, окончивающимъ курсъ и выходящимъ изъ монастыря. Они должны знать наизусть: 1) Итэгаль; 2) Цоктү цэиндань; 3) Дарь эхд; 4) Биликь барамить; 5) Арсалань тэригүтү; 6) Базарь бадарань; 7) Дурма эргүхү; 8) Ухиль; 9) Мандаль ургүхү; 10) Цансүмь; 11) Цагынъ балынъ; 12) Цайнь тахиль; 13) Микчжымь; 14) Ламань тахиль; 15) Табунъ иругаль; 16) Цагынъ шикүртэй; 17) Долгогынъ культи; 18) Ургумаль цэлахү; 19) Шачжынъ бадарангуй; 20) Укүхсэнь, амидуйнь иругаль; 21) Тэгүсь цоктү хяну айлаткү; 22) Чидакхй эркэстү; 23) Сайнь оботу; 24) Гурбамъ учиртү; 25) Агдй шитугинь; 26) Сайнь ябудал'унъ иругдзунъ хагынъ. — Изъ отдѣла докиштовъ: 27) Амандагх; 28) Пигүца хурийнгуй; 29) Аюшп; 30) Вирүзана; 31) Цагынъ Махагала; 32) Махагала; 33) Орликъ хянь; 34) Ухиль-төнгри; 35) Бисманъ тэнгри; 36) Сорь; 37) Линка; 38) Галь-мандаль; 39) Обога тахихү. Зная всѣ вышеуказанныя чтенія, лама можетъ покинуть монастырь, при этомъ только еще разъ его испытываютъ въ способности и умѣнии прочитать всякую тибетскую книгу (конечно безъ перевода прочитаннаго) и за симъ берутъ съ него обязательство, что, будучи приглашенъ кѣмъ либо изъ милостынедателей для какого нибудь случайнаго хурала, онъ напередъ приготовитъ всѣ потребныя молитвы.

ведутъ тамъ обычную жизнь монгольскаго простолюдина, являясь только въ свои хошунные и сумунные хуръ для совершенія богослуженій въ дни великихъ хураловъ. Другіе, намѣревающіеся прожить въ монастырѣ, всю свою жизнь, со времени участія въ монастырскихъ хуралахъ приобрѣтають названіе «старшихъ» учениковъ и выжидаютъ своего посвященія во второй санъ—гацүля. Въ эту пору нѣкоторые изъ нихъ продолжаютъ изучать буддизмъ, другіе начинаютъ учиться своей родной, монгольской грамотѣ. Замѣчательно, что до времени окончанія изученія полнаго богослужебнаго круга на тибетскомъ языкѣ монгольскіе ламы никогда не начинаютъ учиться монгольской письменности; оттого въ средѣ монгольскихъ ламъ часто встрѣчаются личности, которые будутъ основательно знать тибетскій языкъ, хорошо переводить съ тибетскаго языка на монгольскій, и въ тоже время не будутъ умѣть написать ни одного слова по монгольски. При нуждѣ передать въ письменности свою монгольскую рѣчь, они изображаютъ ее тибетскимъ алфавитомъ. Переписку между собою ламы ведутъ въ большинствѣ случаевъ именно этимъ способомъ, а еще лучшіе примѣры сказаннаго мы можемъ находить въ архивныхъ дѣлахъ русскаго консульства въ Ургѣ и дипломатической миссіи въ Пекинѣ. Такъ какъ транспортъ по доставкѣ русскаго чая и пересылкѣ русскихъ товаровъ принимаютъ на себя по большей части ламы, то излагаемые ими въ контрактахъ условія доставки часто пишутся на монгольскомъ языкѣ, но тибетскимъ алфавитомъ. Можно почти навѣрное сказать, что изъ числа ламъ, оставляющихъ монастырь по окончаніи въ немъ курса буддійскаго ученія, едва ли и одна десятая часть выучивается писать по монгольски, хотя всѣ они умѣютъ читать по тибетски и даже пишутъ тибетскіе тексты довольно красиво и правильно.

Принятіе бандіями обѣтовъ гацүля, второй степени монашества, совершается у монголовъ въ періодъ отъ 15 до 25 и даже 30 лѣтъ и не можетъ быть совершенно иначе какъ по засвидѣтельствованіи учителя, подъ руководствомъ котораго занимался банди, объ успѣхахъ его ученика въ изученіи помовъ и его способности принять эти новые и высшіе обѣты. По хода-

тайству учителя, цорчжи изъявляет свое согласіе на посвященіе и назначаетъ день для совершенія обряда.

Обрядъ совершается въ храмѣ. По окончанія утренняго, или полуденнаго богослуженія ламы остаются на своихъ мѣстахъ, только гэлунъ, подъ руководствомъ котораго состоялъ имѣющій быть посвященнымъ въ гацүли бѣнды, встаетъ и, обращаясь къ первенствующему въ хуралѣ, говоритъ: О, много слышавшій и содержащій винаю, великій гэлунъ такой-то (имя рекъ), я прошу васъ такому-то (имя рекъ) бѣнды пожаловать обѣты гацүля. Въ отвѣтъ на эту просьбу первенствующій спрашиваетъ: «А всецѣло ли свободенъ этотъ бѣнды (имя рекъ) отъ духовныхъ препятствій?» «Всецѣло свободенъ», отвѣчаетъ лама-наставникъ и вслѣдъ за симъ выводитъ своего ученика на средину сүмэ, заставляетъ его сдѣлать по три поклона сначала передъ кумиромъ бурханбакиши (= Шигэмүни), а потомъ предъ первенствующимъ гэлуномъ. Иногда бываетъ такъ, что наставникомъ бѣнды является тоже самое лицо, которое и первенствуетъ при посвященіи; въ этомъ случаѣ предыдущихъ опросовъ уже не бываетъ, но первенствующій, онъ же и наставникъ, прямо вызываетъ имѣющаго принимать обѣты бѣнды и заставляетъ его сдѣлать по три поклона сначала предъ бурханомъ, а потомъ передъ собою. Послѣ сего бѣнды становится на колѣна и садится предъ имѣющимъ посвящать его, первенствующимъ гэлуномъ, сложивъ свои руки на груди андреевскимъ крестомъ. Тогда первенствующій гэлунъ говоритъ ему такую рѣчь: «Чтобы сдѣлаться тебѣ гацүлемъ, тебѣ совершенно необходимо твердое намѣреніе всецѣло покинуть міръ. Припомни, что написано въ сутрахъ! Адскія существа терпятъ мученія отъ адскаго огня; бириты мучатся отъ голода и жажды; животныя страдаютъ въ силу того, что пожираютъ одинъ другаго; люди угнетены краткостью своей жизни; тэнгри претерпѣваютъ мученія въ силу своей неспособности возбудить самосознаніе; во всемъ мірѣ никогда и ни въ чемъ нѣтъ спокойствія. И въ самомъ дѣлѣ, въ какой бы изъ четырехъ областей орчиана (= матеріальнаго міра) ты ни существовалъ, — то будетъ область страданій; съ кѣмъ бы ты ни сошелся, — то будетъ другъ стра-

понять значеніе этихъ рѣчей, намъ необходимо сказать, что въ то время, какъ происходитъ этотъ обрядъ посвященія въ кумпрѣ, внѣ оной въ свою очередь совершается особое дѣйствіе. Это — измѣреніе солнечной тѣни для опредѣленія времени, въ которое совершено посвященіе. Какимъ образомъ производится это измѣреніе, мнѣ не пришлось ни однажды видѣть; я знаю только, что инструментомъ для этого опредѣленія тѣни и времени служить палочка, раздѣленная на градусы. Измѣреній существуетъ два: дѣленіе, указуемое верхними градусами палочки, называется по монгольски «арать», а нижними — «хуль». Измѣреніе тѣни производятъ обыкновенно гэлѹнъ-цэурухѣйчи (астрономъ), который, исполнивъ свое дѣло, входитъ въ храмъ въ то время, когда еще оканчивается обрядъ посвященія и сообщаетъ первенствующему результаты своихъ наблюдений. Вслѣдъ за симъ первенствующій обращаетъ къ новопосвященному гэцѹлю такую рѣчь. «Когда я намѣревался посвятить тебя въ гэцѹля, то, для того чтобы ты зналъ кого тебѣ нужно почитать и чествовать, я приказалъ изслѣдовать время. Время, когда въ природѣ твоей обосновались обѣты гэцѹля, если различать его по годамъ, то такой-то годъ (положимъ годъ мыши), по временамъ года — такое-то время (зима)¹⁾; изъ трехъ мѣсяцевъ этого времени — такой-то мѣсяцъ (средній зимній); изъ друхъ частей этого мѣсяца новой и старой, — такая-то часть (новая = новолуніе) изъ пятнадцати сутокъ этихъ частей, — такія-то сутки (пятнадцатые); изъ двухъ частей этихъ сутокъ, — такая-то часть (день); изъ четырнадцати частей этого дня, — такой-то часъ; мѣра тѣни — столько-то (градусовъ) аратъ и столько-то (градусовъ) хуль. Ты долженъ помнить, что въ это время, въ такомъ-то (имя рекъ) монастырѣ и отъ такого-то (имя рекъ) гэлѹна получилъ ты обѣты гэцѹля и согласно этому ты долженъ чествовать всѣхъ гэлѹновъ и гэцѹлей, которые старше тебя. Ихъ (т. е. гэцѹлей

1) Здѣсь я почитаю умѣстнымъ замѣтить, что въ буддѣйской церкви практикуется нѣсколько иное отъ обычнаго дѣленія времени года. Всѣхъ ихъ считается пять, и при томъ нѣтъ осени, а существуетъ: зима, весна, лѣто, короткое лѣто и длинное лѣто.

старшихъ) ты долженъ сажать выше себя, подносить имъ жертвы, кланяться имъ и вставать напередъ ихъ. Если ты будешь поступать такъ, то получишь награду за вѣру въ обѣты другихъ. Отъ старшихъ гаѣуновъ и гаѣулей ты не долженъ принимать поклоновъ, но отъ гаѣулей младшихъ, отъ принявшихъ обѣты убашъ и убасанцы, безъ различія будутъ-ли они молодые или старые, ты долженъ принимать поклоненія и чествованія, ибо поступая такъ, ты получишь награду за вѣрованіе въ свои собственные обѣты. При встрѣчѣ съ гаѣулемъ сверстникомъ (по посвященію), вамъ не должно кланяться одному предъ другимъ и мѣсто ваше будетъ, смотря по тому, кто пришелъ раньше и кто позже. Поступая такимъ образомъ, ты пріобрѣтешь награду за исполненіе повелѣній будды».

«Во вторыхъ, не возможно ограничиться только тѣмъ, что ты примешь обѣты, надо еще и исполнять ихъ. Правила, которыя ты долженъ соблюдать, суть слѣдующія. Всѣ «побѣдители враговъ», рѣшившись отрѣчься въ своихъ мысляхъ отъ десяти отверженій (𑖀𑖂𑖆𑖃𑖅𑖆𑖃𑖅), воздерживались и отъ совершенія этихъ, долженствующихъ быть отвергнутыми дѣлѣй своимъ тѣломъ и языкомъ. Тебѣ должно дать обѣтъ, что и ты съ этой минуты и до самой своей смерти рѣшился отрѣчься въ своихъ мысляхъ отъ этихъ десяти отверженій и не совершать ихъ своимъ тѣломъ и языкомъ» По этому приглашенію дать обѣты, посвящаемый, обращаясь къ посвящающему, говорить: «Учитель, соизволь вѣдать: подобно тому, какъ архаты на всю свою жизнь отрекались отъ лишенія жизни (какихъ либо одушевленныхъ существъ) и воздерживались отъ убійства; точно также и я (такой-то по имени) съ этой минуты и до конца жизни отрекаюсь отъ убійства и буду воздерживаться отъ лишенія жизни. Чрезъ эту основную заповѣдь я буду поучаться правиламъ святыхъ архатовъ, буду исполнять ихъ; буду поступать по нимъ. Сверхъ сего, подобно тому, какъ эти святые и архаты на всю свою жизнь отрекались отъ того, чтобы: а) брать не дарованное, б) поступать нецѣлоумно, в) говорить ложь, г) употреблять вино изъ плодовъ, приготовленное вино и все такое, опьяняющее; отрекались отъ: е) пѣ-

сенъ и пласокъ, f) музыки и зрѣлищъ, g) отъ кропленія благово-
неніями и отъ украшеній h) отъ высокихъ сѣдалищъ и отъ про-
сторныхъ сѣдалищъ, i) отъ безвременнаго принятія пищи и
j) отъ принятія серебра; подобно тому какъ они воздерживались
отъ принятія серебра, точно также и я (такой-то по имени) съ
этого времени и до конца своей жизни отрекаюсь отъ того, чтобы
брать не даровашное, поступать нецѣломудренно, говорить ложь,
употреблять вино изъ плодовъ, приготовленное вино и вообще
все опьяняющее, отрекаюсь отъ иѣсенъ и пласокъ, отъ музыки
и зрѣлищъ, отъ кропленія благовоненіями и отъ украшеній, отъ
высокихъ и просторныхъ сѣдалищъ, отъ безвременнаго принятія
пищи и отъ принятія серебра; а равно и буду воздерживаться
отъ принятія серебра. Чрезъ эти десять заповѣдей я буду поу-
чатся правиламъ святыхъ и архатовъ, буду выполнять ихъ,
буду поступать по нимъ». «Хорошо! восклицаетъ посвящающій;
теперь я скажу тебѣ, что если изъ числа данныхъ тобою обѣ-
товъ, ты преступишь четыре основныхъ, то это будетъ грѣхъ,
который разрушитъ твое посвященіе; если нарушишь одну изъ
шести послѣдующихъ заповѣдей, то это будетъ грѣхъ, который
должно загладить покаяніемъ; наконецъ если ты преступишь ка-
кое либо изъ правилъ, специально принадлежавшихъ къ обѣтамъ
гэцүля, то это будетъ грѣхъ, подлежащій временному наказанію.
Послѣ сего всѣ присутствующіе при посвященіи ламы произно-
сятъ свои молитвенныя благожеланія въ той же формѣ, въ какой
произносятся они и при посвященіи въ банди; т. е. «да утвер-
дится начало (его) спасенія; да достигнетъ онъ до конца жизни,
шествуя по пути добродѣтели; да будетъ исполнена имъ всецѣло
чаша обѣтовъ; да будетъ онъ споленъ причастенъ обѣтовъ гэцүля
во всѣхъ и въ каждомъ изъ своихъ перерожденій». Этими благо-
желаніями посвященіе оканчивается.

Гэцүли почитаются уже споленъ изучившими кругъ буддій-
скихъ богослуженій и потому они не называются учениками. По
желанію, они конечно могутъ совершенствовать себя въ познаніи
буддизма, изучая какъ догматическое, такъ и обрядовое его уче-
ніе. Въ этомъ случаѣ каждый гэцүль долженъ избрать себѣ осо-

баго наставника, на обязанности котораго лежитъ преподавать изучающему лунъ, т. е. нѣчто въ родѣ посвященія, дающаго право на изученіе той или другой священной книги. Тотъ же учитель объясняетъ гѣцѹлю непонятное для него и вообще руководить въ уразумѣніи истиннаго смысла изучаемаго. Впрочемъ такое изученіе буддизма не входитъ собственно въ кругъ непремѣнныхъ обязанностей гѣцѹлей. Долгъ ихъ собственно состоятъ прежде всего въ томъ, чтобы каждодневно являться въ кумирню, для совершенія хурѹловъ; помимо же сего на нихъ возлагаются и нѣкоторыя монастырскія послушанія. Богатые изъ гѣцѹлей, достигнувъ двадцати лѣтняго возраста, получаютъ высшую у буддистовъ степень гѣлѹна, такъ какъ они сами начинаютъ ходатайствовать объ этомъ предъ высшимъ монастырскимъ начальствомъ и духовенствомъ; болѣе бѣдные обыкновенно получаютъ это посвященіе позже, такъ какъ, не имѣя возможности ходатайствовать, они выжидаютъ, когда признаетъ нужнымъ возвысить ихъ до степени гѣлѹна само монастырское начальство.

Посвященіе въ гѣлѹны можетъ быть совершено надъ гѣцѹлемъ не ранѣе какъ по достиженіи имъ 20-ти лѣтняго возраста. Обрядъ совершается въ кумирнѣ. Ко дню обряда посвящаемый обязательно приготовляетъ себѣ новыя духовныя одежды, новую чашку и новый священный коврикъ. Къ посвященію онъ приглашаетъ всѣхъ монастырскихъ монаховъ и съ особыми подарками и приглашеніями обращается къ тремъ лицамъ, выбираемымъ изъ старѣйшихъ членовъ братіи: лицамъ этимъ предназначается одному быть посвящающимъ (ᠭᠡᠳᠦ᠋ᠭᠦᠨ), другому блюстителемъ при совершеніи обряда (ᠭᠡᠳᠦ᠋ᠭᠦᠨ ᠠᠨ ᠪᠡᠮᠡᠳᠦ), а третьему исповѣдникомъ посвящаемаго (ᠭᠡᠳᠦ᠋ᠭᠦᠨ ᠠᠨ ᠪᠡᠮᠡᠳᠦ). Предъ совершеніемъ обряда посвященія въ гѣлѹны, всѣ, присутствующіе при обрядѣ гѣлѹны обязаны сами совершить обрядъ покаянія (т. е. отслужить сочжйнъ), за тѣмъ передъ самымъ совершеніемъ обряда они коуютъ общій покаянный канонъ (ᠭᠡᠳᠦ᠋ᠭᠦᠨ ᠠᠨ ᠪᠡᠮᠡᠳᠦ) и особое молебствіе Цоктѹ-цзѣнданъ. Въ кумирнѣ на первомъ мѣстѣ поставляется литое изображеніе Шигѣмѹни. Передъ посвящающимъ на особомъ столѣ кладутся священные одежды

посвящаемаго и его коврикъ, свернутыя такимъ же точно образомъ какъ мы это видѣли при посвященіи въ бѣнды. Чашка посвящаемаго и его водяной вѣничекъ кладутся сбоку посвящающаго; на мѣстѣ, гдѣ долженъ сидѣть посвящаемый во время совершенія обряда, полагается нѣсколько камней, которые покрываются сверху сѣномъ. Предъ началомъ обряда, въ то время, когда галѹны поютъ еще Цоктѹ-цзѣнданъ, посвящаемаго вводятъ въ кумирню и сажаютъ на самомъ нижнемъ концѣ сѣдалища галѹновъ, но уже выше мѣста гѣцѹлей. По окончаніи пѣнія Цоктѹ-цзѣнданъ, посвящающій съ нѣсколькими ламами, которые должны принимать дѣятельное участіе въ совершеніи обряда, должны быть, такъ сказать, прислужниками, встаетъ съ своего мѣста, подаетъ посвящаемому цвѣтокъ и всѣ они, вмѣстѣ съ посвящаемымъ, дѣлаютъ три поклона предъ сидящими ламами. За симъ посвящающій, согнувшись въ полной поклонъ, говоритъ: «Тѣйны и хуварѣки! Такой-то (по имени) гѣцѹль желаетъ получить отъ васъ посвященіе въ галѹны; если вы скажете, чтобы сдѣлать его галѹномъ, то я прошу васъ, чтобы вы согласились на бытіе (при этомъ посвященіи) содержащаго винаю и старѣйшаго галѹна такого-то (имя рекъ) блюстителемъ при совершеніи обряда; прошу, чтобы вы согласились на бытіе содержащаго винаю и старѣйшаго галѹна такого-то (имя рекъ) исповѣдникомъ посвящаемаго; прошу, чтобы вы разрѣшили быть такимъ-то (имя рекъ) галѹнамъ служителями при совершеніи обряда; прошу васъ дозволить мнѣ со всѣми поименованными лицами, преподать этому (имя рекъ) обѣты всечистѣйшаго званія галѹна». Сказавъ эту рѣчь посвящающій и посвящаемый посыпаютъ цвѣты передъ кумиромъ будды и предъ всѣми сидящими ламами. За симъ посвящающій обращаетъ къ посвящаемому новую рѣчь, въ которой приказываетъ ему сдѣлать три поклона передъ кумиромъ будды, съ представленіемъ, что это есть дѣйствительный будда Шигамѹни и по три поклона предъ каждымъ изъ сидящихъ ламъ съ мысленною мольбою о достойномъ вхожденіи его, посвящаемаго, въ общество лицъ, принявшихъ высшіе обѣты. Поклоненіе передъ ламами можетъ быть двухъ родовъ: посвящаемый или

долженъ совершенно распростираться по полу, такъ чтобы ладони рукъ его, ноги и голова прямо лежали на землѣ; или же онъ долженъ просто кланяться въ ноги и при этомъ обнимать ступни ламъ. Все это посвящающій объясняетъ въ своей рѣчи и въ то время какъ посвящаемый дѣлаетъ свои поклоны передъ ламами, каждый гэлунъ произноситъ: «да обоснуются въ возможной скорости обѣты гэлүна въ духовной природѣ сего монашествующаго!» и посыпаетъ цвѣты на его голову. По окончаніи поклоненія посвящаемый снова возвращается на свое убогое сѣдалище изъ камней, покрытыхъ травою, дѣлаетъ здѣсь три поклона передъ посвящающимъ и садится, сложивъ руки на груди андреевскимъ крестомъ. Тогда посвящающій говоритъ ему: «То, что ты почелъ для себя необходимымъ принять обѣты гэлүна — очень хорошо. Въ сутрѣ «Машида хайралакчй» говорится: гэлунъ — это глава священнаго ученія, гэлунъ — это стержень крѣпости и силы, гэлунъ — это существо, отрѣшившееся отъ страданій, гэлунъ — это сынъ побѣдоносныхъ, гэлунъ — это существо, пре-сѣкающее жизненныя силы матеріи и грѣха, гэлунъ — это существо, идущее по пути спасенія, гэлунъ — это тотъ, который усвоилъ себѣ всецѣло и всеконечно истинныя свойства духовности». Въ отвѣтъ на эту рѣчь посвящаемый проситъ посвящающаго преподать ему эти обѣты гэлүна приблизительно въ тѣхъ же словахъ, какъ мы это видѣли при принятіи обѣтовъ баньди и гэцүля. «Тойнъ, соизволь вѣдать, я (такой-то по имени), прошу тебя быть моимъ убадини (посвящающимъ). Тойнъ, соизволь быть моимъ убадини! Тойнъ убадини, соизволь преподать мнѣ обѣты гэлүна!» При этомъ иногда происходятъ въ рѣчи тѣже самыя измѣненія, о которыхъ мы говорили при разказѣ о принятіи обѣтовъ гэцүля, т. е. что посвящаемый при извѣстныхъ условіяхъ называетъ посвящаемаго «бакшй, при другихъ называетъ его убадини и т. д. Послѣ этой просьбы посвящающій говоритъ: «сдѣлай предо мною три поклона и приблизься ко мнѣ». Въ это время прислуживающіе при обрядѣ гэлүны начинаютъ подавать посвящающему духовныя одежды посвящаемаго и начинается облаченіе. Посвящаемый испрашиваетъ благословенія

на каждую изъ одеждъ, подаваемыхъ ему по порядку. Такимъ образомъ ему преподается намчжаръ, шамтабъ, лагой и т. д. Когда всѣ одежды будутъ одѣты, посвящающій беретъ чашку посвящаемаго и передаетъ одному изъ прислуживающихъ при обрядѣ гэлунъ, а послѣдній вмѣстѣ съ посвящаемымъ обходитъ каждого изъ присутствующихъ ламъ; посвящаемый дѣлаетъ при этомъ каждому ламѣ по поясному поклону, а прислужникъ показываетъ чашку посвящаемаго и говоритъ: «Тойнъ (имя рекъ), соизволь посмотрѣть на чашку сего монашествующаго (имя рекъ): не велика-ли она, не мала-ли она, не бѣловата-ли она?» При этомъ каждый долженъ сказать, что чашка хороша и за симъ уже она преподается посвящаемому съ наставленіемъ не покидать ее, какъ принадлежность духовнаго званія, до конца жизни. Обрядъ передачи посвящаемому священнаго ковра и вѣнчика для обмыванія воды совершается такимъ же порядкомъ и съ тѣми же наставленіями, какія бываютъ при этомъ и во время посвященія въ низшія степени. Послѣ сего старѣйшій изъ прислуживающихъ при обрядѣ гэлунъ встаетъ со своего мѣста и спрашиваетъ: «Убадини (имя рекъ) докладывалъ, что кто-то будетъ исповѣдникомъ монашествующаго такого-то (имя рекъ); кто сей?» «Это я, гэлунъ (имя рекъ)», отвѣчаетъ лама, долженствующій быть исповѣдникомъ. Прислужникъ, обращаясь теперь уже прямо къ отозвавшемуся на вопросъ ламѣ, снова спрашиваетъ его: «гэлунъ такой-то (имя рекъ) желаете-ли вы быть исповѣдникомъ монашествующаго (имя посвящаемаго), которому будетъ преподавать обѣты гэлунъ убадини такой-то (имя рекъ)»? «Желаю» отвѣчаетъ исповѣдникъ. Прислужникъ, обращаясь ко всему сидящему духовенству, говоритъ: «Тойны и хуваръаки, соизвольте вѣдать: Убадини такой то (имя рекъ) представилъ гэлунъ такого-то (имя рекъ) въ исповѣдники ищущему принятія обѣтовъ гэлунъ такому-то (имя рекъ); если вы желаете, то время уже наступило; если вы согласны, то выразите свое одобреніе». Всѣ ламы въ одинъ голосъ изъявляютъ свое согласіе. Тогда гэлунъ исповѣдникъ отводитъ посвящаемаго въ скрытое мѣсто, заставляя его сдѣлать предъ собою три поклона, сажаетъ его, приказавъ сложить

руки на груди андреевскимъ крестомъ и говорить: «для того, чтобы преподать тебѣ обѣты галѹна, необходимо, чтобы ты былъ исполненъ десяти достоинствъ; изъ среды ихъ первое это то, чтобы ты былъ совершенно чистъ, а второе, — чтобы ты былъ свободенъ отъ препятствующихъ обстоятельствъ. Чтобы знать есть ли у тебя препятствующія обстоятельства или нѣтъ, я буду предлагать тебѣ вопросы, а ты отвѣчай на каждый изъ нихъ. Слушай, духовный! Теперь наступило время, когда тебѣ должно открыть всю истину: я буду спрашивать тебя, а ты, безъ утайки, то что есть, говори есть, а нѣтъ — нѣтъ.

1) Мужчина ли ты?

2) Сполна ли ты имѣешь всѣ органы мужчины?

3) Исполнилось ли тебѣ 20 лѣтъ?

4) Всѣ ли у тебя въ надлежащей цѣлости духовныя одежды и цѣла ли твоя чашка?

5) Если есть у тебя отецъ и мать, то получилъ ли ты ихъ согласіе?

6) Не рабъ ли ты?

7) Не воръ ли ты?

8) Не искатель ли ты выгодъ?

9) Не состоишь ли ты посредникомъ въ какомъ нибудь мірскомъ спорѣ?

10) Не купленъ ли ты кѣмъ либо?

11) Не избранъ ли ты ханомъ къ исполненію какой либо должности?

12) Не доставилъ ли ты какой либо тревоги хану?

13) Не замыслилъ ли ты сдѣлать зло хану?

14) Не сдѣлалъ ли ты, или не побуждалъ ли кого сдѣлать зло хану?

15) Не извѣстенъ ли ты въ обществѣ какъ воръ и разбойникъ?

16) Не гермафродитъ ли ты?

17) Не досаждалъ ли ты женщинамъ галѹнамъ?

18) Не присвоивалъ ли ты себѣ чужаго несправедливыми средствами?

19) Не существо ли ты вездѣсущее?

20) Не существо ли ты призрачное?

21) Не принадлежишь ли ты къ еретическому ученію?

22) Не убилъ ли ты отца?

23) Не убилъ ли ты мать?

24) Не убилъ ли ты архата?

25) Не клеветалъ ли ты на духовенство?

26) Не пролилъ ли ты съ злымъ умысломъ кровь всесовершеннаго будды?

27) Не хубилганъ (оборотень) ли ты?

28) Не безсловесное ли ты животное?

29) Не увѣчный ли ты?

Когда посвящаемый на этотъ послѣдній вопросъ отвѣтитъ нѣтъ, то исповѣдникъ продолжаетъ:

30) Если у тебя есть долги, большіе-ли то или малые, то по принятіи обѣтовъ гдѣна будешь ли ты въ состояніи уплатить ихъ?

31) Не принималъ ли ты прежде духовныхъ обѣтовъ?

32) Не совершилъ ли ты какого-либо изъ четырехъ грѣховъ, за которые монашествующій отлучается отъ общины?

33) Получилъ ли ты посвященіе въ банди и въ гдѣла?

34) Живешь ли ты добродѣтельно и цѣломудренно?

На этотъ вопросъ посвящаемый категорически отвѣчаетъ «живу добродѣтельно и цѣломудренно».

35) Какъ тебя зовутъ?

36) Какъ зовутъ твоего убадѣни; при этой необходимости ты можешь назвать его имя.

37) Слушай монашествующій, въ человѣческомъ тѣлѣ случаются слѣдующіи болѣзни: шейныя раны; чесотка, прыщи, веснушки, лишай, зудъ, парши на головѣ, раны на ногахъ, кашель, сухотка, надучая болѣзнь, обжорство, водяная болѣзнь, парши на ногахъ, возбужденіе дѣтородныхъ частей, сибирская язва, лихорадки однодневныя, двудневныя, трехдневныя, періодическія и постоянныя, насморкъ, отрыжка, одышка, ломота въ костяхъ, желчь, кровохарканіе, болѣзнь печени, геморой, тошнота, исто-

щеніе силъ, горячка и пр. нѣтъ-ли у тебя этихъ или какой либо другой болѣзни?

Когда посвящаемый дастъ удовлетворительные отвѣты на всѣ эти вопросы, исповѣдникъ продолжаетъ: «слушай монашествовающій, то, что я теперь у тебя спрашивалъ, будетъ снова спрашивать у тебя весь сонмъ духовенства; ты долженъ сказать имъ безъ утайки и говорить одну только истину: то что есть, — говори есть, чего нѣтъ, — говори нѣтъ. Сиди здѣсь, пока я ни позову тебя! Я возвращусь, доложивши ламамъ, что ты свободенъ отъ препятствій». Вслѣдъ за сямъ онъ, вошедши въ хуралъ, гдѣ совершается обрядъ, становится сбоку старѣйшихъ ламъ и, согнувшись въ поклоунокъ, говоритъ: «Тѣйны и хуваракы, соизвольте вѣдать, убадѣни такой-то (имя рекъ) поручилъ мнѣ произвести тайную исповѣдь монашествующему такому-то (имя рекъ); извѣщаю васъ, что онъ совершенно свободенъ отъ препятствующихъ обстоятельствъ; позвольте-ли ввести его?» Всѣ говорятъ: «если онъ совершенно чистъ, то привести можно». Послѣ этого исповѣдникъ снова вводитъ посвящаемого въ хуралъ и, заставивъ его въ дверяхъ кумирни сдѣлать три поклона ламамъ, направляетъ его на мѣсто, а самъ садится на свое мѣсто. Посвящаемый, взошедши на свое сѣдалище (изъ камней), дѣлаетъ три поклона предъ кумиромъ бурханъ бакші и три поклона ламамъ. Тогда старѣйшій изъ прислужниковъ при обрядѣ, говоритъ ему: «сдѣлай три поклона мнѣ и садись, сложивъ руки на груди андреевскимъ крестомъ». Посвящаемый исполняетъ приказаніе и тогда прислужникъ говоритъ ему: «Для того, чтобы тебя сдѣлали гэлѣномъ, ты долженъ троекратно высказать свою просьбу хуваракамъ; поэтому говори за мною: «Тѣйны и хуваракы соизвольте вѣдать, я такой-то (имя рекъ) желаю принять отъ убадѣни такого-то (имя рекъ), имя котораго я произношу только въ силу необходимости, и отъ васъ обѣты гэлѣна. Тѣйны и хуваракы, соизвольте сдѣлать меня гэлѣномъ! Тѣйны и хуваракы соизвольте поруководить меня! Тѣйны и хуваракы, соизвольте принять меня! Тѣйны и хуваракы, соизвольте наставить меня! Милосердые тѣйны и хуваракы, ради проявленія вашего милосердія, умилосердитесь надо мною и со-

извольте устроить меня». Эту рѣчь посвящаемый вслѣдъ за первымъ прислуживающимъ при обрядѣ повторяетъ три раза. Послѣ сего тотъ же прислуживающій, обращаясь ко всему сонму духовныхъ восклицаетъ: «Тѣйны и хуварѣки, соизвольте вѣдать: Убадѣни (имя рекъ) желаетъ, чтобы такой-то (имя рекъ) получилъ отъ васъ обѣты галѹна; если для хуварѣковъ теперь время удобно, то соблаговолите разрѣшить и я спрошу при хуварѣкахъ монашествующаго (имя рекъ) о препятствующихъ обстоятельствахъ». Обращаясь за тѣмъ къ посвящаемому, онъ приказываетъ ему сдѣлать передъ собою три поклона и говорить ему: «Для того, чтобы сдѣлать тебя галѹномъ, тебѣ необходимо быть чистымъ отъ всякаго рода препятствующихъ обстоятельствъ. Хотя объ этихъ препятствующихъ обстоятельствахъ у тебя уже спрашивалъ на единѣ твой исповѣдникъ, тѣмъ не менѣе есть препятствія, которыя являются внезапно, можно и припомнить то, о чемъ забылъ прежде, въ особенности же ради полной увѣренности хуварѣковъ въ твоей чистотѣ, я снова буду спрашивать тебя, а ты, не скрывая, о томъ, что есть, говори есть, а о томъ чего нѣтъ, говори нѣтъ». Сказавъ это наставленіе, онъ снова переспрашиваетъ у него всѣ тѣ вопросы, на которые посвящаемый уже отвѣчалъ исповѣднику. По окончаніи вторичнаго опроса, прислуживающій обращаясь къ хуварѣкамъ говорить: «Тѣйны и хуварѣки, соизвольте вѣдать: Убадѣни (имя рекъ) желаетъ, чтобы такой-то (имя рекъ) получилъ отъ васъ хуварѣковъ обѣты галѹна; убадѣни такой-то (имя рекъ) докладываетъ, чтобы вы разрѣшили воспринять обѣты галѹна монашествующему (имя рекъ). Онъ мужчина, обладаетъ всѣми органами мужчины, имѣетъ 20 лѣтъ отъ роду, три духовныя одежды и чаша его въ цѣлости и чистотѣ, онъ совершенно чистъ отъ всѣхъ препятствующихъ обстоятельствъ. Такъ какъ убадѣни (имя рекъ) просилъ, чтобы такой-то (имя рекъ) получилъ отъ васъ, хуварѣки, обѣты галѹна, то если вы, хуварѣки, дѣлаете такого-то (имя рекъ) галѹномъ, молчите, тѣ же, которые не согласны, пусть скажутъ свое слово». Эту рѣчь прислуживающій повторяетъ три раза и когда говоритъ ее въ третій разъ, то останавливается на словахъ: «такъ какъ

убади́ни (и́мя рекъ) проси́лъ, чтобы такой-то (и́мя рекъ) получи́лъ отъ васъ, хува́раки, о́бѣты га́лѹна». . . . Въ это мгнове́нiе убади́ни восклицаетъ «ха!» и дѣлаетъ щелчокъ въ воздухѣ, а прислуживающій доканчиваетъ свою рѣчь словами: «то онъ и сдѣлался га́лѹномъ». Послѣ сего всѣ присутствующіе ламы говорятъ молитвенныя благожеланія новопосвященному.

Далѣе, подобно тому какъ это дѣлается при преподаваніи о́бѣтовъ га́лѹля, при посвященіи въ степень га́лѹна такъ же точно измѣряется время, въ которое совершенно посвященіе, и опредѣленіе его сообщается новопосвященному съ тѣми же самыми наставленіями относительно почитанія старшихъ. Наконецъ для того, чтобы новопосвященный не дѣлалъ опущеній въ о́бѣтахъ, но постоянно совершенствовалъ себя въ добродѣтели, ему въ особой рѣчи напоминаются основныя заповѣди монашествующихъ; это — жить цѣломудренно, не воровать, не убивать, не говорить лжи, не воздавать оскорбленіемъ за оскорбленіе, враждою за вражду, побоями за побои, жадностью за жадность, не быть сребролюбивымъ, беречь свои священныя одежды, коверъ и пр. для лучшаго же знакомства съ о́бѣтами ему рекомендуется изучать пратимокшу. По окончаніи этой рѣчи всѣ га́лѹны произносятъ общее при посвященіи молитвенное пожеланіе, которое мы уже представляли выше и только замѣняютъ послѣднее изъ нихъ словами: «да будетъ онъ сполна причастенъ о́бѣтовъ га́лѹна во всѣхъ и въ каждомъ изъ своихъ перерожденій». Этимъ обрядъ и оканчивается.

Разказываютъ, что въ старину, при посвященіи въ га́лѹны, новопосвященный по окончаніи обряда во всѣхъ своихъ священныхъ одеждахъ или оставался въ кумирнѣ, или же уходилъ въ уединенное мѣсто и просиживалъ въ созерцаніи въ теченіи 49 сутокъ; но въ настоящее время эти благочестивые обычаи отошли уже въ область преданій: теперь лама, посвятившись въ га́лѹна, только доходитъ до дому въ священныхъ одеждахъ, затѣмъ тотчасъ же переодевается, а черезъ какой нибудь часъ уже встрѣчаетъ своихъ гостей, приходящихъ къ нему съ поздравленіями.

хуварамъ, объяснилъ при этомъ, что подобно тому, какъ всѣ волосы на этой шапкѣ обращены къ низу, каждый лама долженъ быть смиреннымъ особливо въ воззрѣніяхъ на самого себя; и, подобно тому какъ на шапкѣ каждый верхній волосокъ покрываетъ нижній, высшіе начальники должны призрѣвать низшихъ, сильные должны защищать слабыхъ, мужественные охранять нѣжныхъ. Эти два рода шапокъ монгольскіе ламы носятъ только на улицахъ и не входятъ въ нихъ въ хуралы; въ нижеслѣдующихъ же шапкахъ они не только ходятъ по городу или монастырю, но и совершаютъ свои богослуженія:

1) *Шасѣръ*. Носятъ ее духовные всѣхъ степеней и званій, начиная съ самыхъ высокихъ хубилгановъ и оканчивая простымъ банди. Шасѣръ бываетъ вышиною около полу-аршина и дѣлается остроконечною, съ наклономъ въ переднюю сторону, а на задней сторонѣ ея прикрѣпляется шерстяной гребень. Лучшее подобіе шасѣра представляютъ собою старыя прусскія гренадерскія шапки.

2) *Обѣтай* принято носить только духовнымъ высшихъ степеней и притомъ занимающимъ въ монастырѣ административныя должности. Шапка эта также высокая и по формѣ была бы совершенно овальною, если бы на самой вершинѣ ея не встрѣчался маленькій выгибъ внутрь, вслѣдствіе чего она является уже остроконечною. Обѣтай бываетъ трехъ сортовъ, которые взаимно различаются между собою только полями. Есть обѣтай, у которыхъ поля обходятъ вокругъ всей шапки и являются загнутыми кверху; у другихъ — поля также загнуты кверху, но, огибая шапку сзади, они напередѣ доходятъ только до висковъ, наконецъ обѣтай третьяго рода имѣютъ поля, огибающіе шапку сзади и напередѣ доходящіе до висковъ, но опущенные книзу и простирающіеся, смотря по важности особы, до щекъ и даже до плечей.

Необходимую принадлежность костюма каждого гелѹна составляетъ еще привѣшиваемый къ поясу съ лѣвой стороны *Цабари*. (ᠴᠠᠪᠠᠷᠢ, монг. ᠴᠠᠪᠠᠷᠢ, а въ просторѣчій цабри, чаври и чаврунъ). Это четырехъ - угольный, квадратный мѣшечекъ въ одну четверть аршина величины, сшиваемый обыкновенно изъ

краснаго сукна. Въ мѣшечекъ вставляется небольшая фляжка съ мѣднымъ горлышкомъ. Назначается эта фляжка для храненія въ ней расайны (освященной воды), которою гэлѹны должны полоскать ротъ послѣ принятія пищи. Далѣе къ числу принадлежностей гэлѹнскаго костюма слѣдуетъ отнести еще *Гусѹнз-тѹнз*. Это небольшая книжечка, которую гэлѹнъ всегда держать при себѣ за пазухой и которую, при необходимости благословить кого либо, возлагаетъ онъ на голову просящаго благословенія. Иногда это бываетъ просто связка разрозненныхъ листовъ, на которыхъ написаны разныя молитвы и завернуты въ кусокъ красной матеріи. На шеѣ нѣкоторые изъ ламъ носятъ еще изображенія бурхановъ, заключенныя въ серебрянныя, четырехугольныя складни. Кромѣ того всѣ вообще ламы имѣютъ у себя за пазухой деревянную чашечку, такъ какъ ни одинъ изъ истинныхъ монастырскихъ ламъ никогда не станетъ пить или ѣсть изъ чужой чашки. Богатыя монгольскіе ламы отдѣлываютъ свои чашки въ срединѣ серебромъ. Тибетскіе гэлѹны, не рѣдко являющіеся въ Монголію за сборомъ подаяній, дѣлаютъ себѣ чашки изъ человѣческихъ череповъ; мода эта начала входить въ послѣднее время и въ Монголію.

Къ поясу ламы, подобно всѣмъ простолюдинамъ, пристегиваютъ разныя мѣшечки, употребленіе которыхъ заимствовали они отъ китайцевъ; таковы, мѣшечекъ для храненія табакерки съ нюхательнымъ табакомъ, кисеть для курительнаго табаку, футляръ для вкладыванія въ него ножа и китайскихъ палочекъ, замѣняющихъ вилки и пр. Были слухи въ годъ выѣзда моего изъ Монголіи, что Чжэбзѹнъ дамба намѣренъ воспретить ламамъ употребленіе всѣхъ этихъ мѣшечковъ, находя что китайскія удобства непристойны для ношенія ламамъ; но состоялось-ли это опредѣленіе, мнѣ неизвѣстно въ точности.

Выходя изъ дому куда-либо на прогулку, или въ гости, ламы надѣваютъ курму, (*курму*) — тоже китайская одежда. Она представляетъ собою однобортную кофту, съ широкими рукавами и лѣтомъ дѣлается изъ какой нибудь легкой матеріи, а зимою бываетъ мѣховая и покрывается или сукномъ, или шелковою матеріей.

Высшіе ламы, отправляясь въ хуралъ, надѣваютъ мантию безъ рукавовъ, въ родѣ альмавивы, но гораздо длиннѣе и съ небольшимъ крагиномъ, обрѣзаннымъ фестонами. Обыкновенно эта мантия дѣлается изъ грубаго тибетскаго сукна и бываетъ или желтаго, или краснаго цвѣтовъ; на языкѣ Монголовъ она носитъ названіе *Занчи*, (тиб. མཚན་པོ་).

Наконецъ каждый лама имѣетъ еще при себѣ четки (ཏཱ་ཤི་ཤི་ санскр. akṣamaḥā, тиб. རྩེད་པ་), состоящія изъ 108 равныхъ шариковъ, раздѣляемыхъ на 9-ть отдѣленій шариками или другого цвѣта, или бѣльшаго калибра. Самый большой изъ этихъ шариковъ, отъ котораго считаютъ начало четокъ, называется «тѣ». Ламы никогда не расстаются съ четками и въ свободное отъ занятій время всегда читаютъ по нимъ «мѣни», т. е. ведутъ по нимъ счетъ прочитанныхъ «мѣни». При богослуженіяхъ ламы кладутъ четки передъ собою, снимая ихъ съ руки; но всегда опять берутъ въ руки при произношеніи тѣрѣн въ то время, какъ первенствующій въ хуралѣ держитъ вачіръ и звонитъ въ колокольчикъ.

Степеню гэлүна оканчиваются посвященія ламъ и дальнѣйшая ламская іерархія обосновывается уже на занятіи ламами тѣхъ или другихъ должностей и на исполненіи ими болѣе или менѣе высшихъ обязанностей въ монастырѣ. Должностей въ буддйскихъ монастыряхъ вообще сравнительно очень много и, слѣдя за болѣею или менѣею степенью важности ихъ, онѣ могутъ быть расположены въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) *Ханбѣ-лама*. (མཆོད་པོ་, тиб. མཆོད་པོ་, санскр. prādhyāya). Эта должность, или лучше сказать званіе, соотвѣтствуетъ должности настоятелей нашихъ лавръ, въ которыхъ всегда помимо настоятелей полагаются еще намѣстники. Ханбѣ лама почитается первенствующимъ лицомъ въ монастырѣ, ему доносятъ обо всѣхъ главнѣйшихъ монастырскихъ событіяхъ и всѣ важнѣйшія предпріятія въ монастырѣ совершаются съ его вѣдома и разрѣшенія; но онъ не входитъ въ дѣла лично и выслушиваетъ всѣ доклады, равно какъ и дѣлаетъ всѣ свои распоряженія у себя на дому.

Въ Монголіи ханбѣ ламы полагаются только въ большихъ, по преимуществу въ хутухтинскихъ монастыряхъ. Они выбираются изъ лицъ старѣйшаго духовенства (преимущественно изъ цорчжй ламъ) и утверждаются въ степныхъ монастыряхъ хутухтами въ сообществѣ съ хошунными княземъ. Въ Ургѣ ханбѣ лама по выборѣ его хутухтою и высшимъ духовенствомъ, утверждается въ своемъ званіи богдоханомъ и получаетъ при этомъ высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

«Указъ велѣніемъ неба повелѣвающаго временами Хуанди.

«Я, соединившій во едино обитающихъ во вселенной, есмь великій владыка духовнаго и гражданскаго правленія. Если есть люди, способные доставлять пользу вѣрѣ и гражданскому правленію, то я непремѣнно отличаю ихъ и дѣлаю видными изъ среды другихъ. Цорчжй (такой-то)! Ты, прилежа къ изученію священнаго писанія и сохраняя обѣты ламы, всегда съ истиннымъ усердіемъ поступаешь по правиламъ, руководствующимъ къ созиданію блага буддійской вѣры. Я взиралъ на это съ одобреніемъ и, имѣя въ виду устроить прочность и спокойствіе въ вѣрѣ и правленіи Чжабцзунъ-дамбѣ хутухты, доставляя особенную милость, возвожу тебя въ званіе ханбѣ-номунъ хана, начальствующаго въ ламскихъ дѣлахъ и первенствующаго при чтеніи нѣмовъ ламами монастыря просвѣтителя вѣры и благодѣтеля одушевленныхъ существъ Чжабцзунъ дамбѣ хутухты; при чемъ выдаю тебѣ настоящій указъ и жалую золотую печать. Такъ какъ ты удостоился этого очевиднаго благоволенія, то, присоединяясь къ моему конечному желанію расширить желтую вѣру и создать спокойствіе и довольство одушевленныхъ существъ, постарайся прилежать къ ученію вѣры и устроить благо вѣры и одушевленныхъ существъ. Поступай чистосердечно и съ истинною тщательностію при чтеніи священныхъ нѣмовъ и при совершеніи всякой добродѣтели въ монастырѣ Чжабцзунъ-дамбѣ-хутухты. Управляя ламами и шабинарами, храни государственныя постановленія и тщательно избѣгай всякой ошлопности.

Данъ въ такое-то лѣто правленія такого-то, такой-то луны, такого-то числа.

2) *Цорчжй лама* (ཙོང་མ་ལ་མ་ལ་) есть наместник монастыря. Вся

монастырская жизнь совершается подъ его непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ: онъ раздаетъ свои приказанія и о совершеніи хураловъ и о приготовленіи всего потребнаго къ нимъ; назначаетъ ламъ къ совершенію тѣхъ или другихъ богослуженій внѣ монастыря; увольняетъ ламъ въ отпускъ на болѣе продолжительные сроки; наблюдаетъ за изученіемъ ими номовъ и т. д. Въ небольшихъ монастыряхъ, гдѣ не полагается особаго ханбо ламы, цорчжй лама является обыкновенно въ роли настоятеля и составляетъ главное начальствующее лицо въ монастырѣ.

3) *Ширѣтѣ лама* (ཤིར་ཏེ་མ་ལ་མ་ལ་), по буквальному переводу титулъ этотъ означаетъ кафедральнаго ламу. Ширѣтѣ лама есть собственно предсѣдательствующій при богослуженіяхъ. Въ монастыряхъ, гдѣ имѣютъ свое мѣстопробываніе ханбо лама и цорчжй лама, ширѣтѣ не несетъ уже на себѣ никакихъ административныхъ обязанностей и вся дѣятельность его ограничивается надзоромъ за правильнымъ совершеніемъ богослуженій. Въ тѣхъ степныхъ сумахъ, въ которыхъ ламы не живутъ постоянно, и въ которыхъ богослуженія совершаются только въ дни великихъ хураловъ, ширѣтѣ бываетъ главнымъ лицомъ и можетъ быть почитаемъ настоятелемъ этихъ монастырей, хотя опять таки дѣятельность его ограничивается исключительно предсѣдательствомъ при богослуженіи и надзоромъ за совершеніемъ хурала, такъ какъ хозяйства и собственности эти монастыри у себя не имѣютъ и причисляющіеся къ нимъ ламы, живя разбросанно по степямъ, не могутъ быть непосредственно руководимы своимъ настоятелемъ. Эти три должности могутъ быть причислены къ высшимъ и первокласснымъ должностямъ въ монастырѣ. За ними будутъ слѣдовать:

4) *Лацабъ* — иногда называемый дэдъ-ширѣтѣ-лама — почетный помощникъ ширѣтѣ, избираемый изъ старѣйшихъ и почтеннѣйшихъ ламъ. По правиламъ, лацабъ долженъ бы быть учителемъ, который объясняетъ религіозныя постановленія и руководить гэлѣновъ въ ихъ изученіи буддизма; но такъ какъ гэлѣны

(по мимо состоящихъ въ школахъ) никогда не занимаются такимъ изученіемъ, то лацѣвъ не несетъ на себѣ собственно никакихъ обязанностей, а бываетъ только всегдашнимъ замѣстителемъ ширѣтуя, если послѣдній боленъ, или по какой либо причинѣ не можетъ явиться къ совершенію богослуженія. Лацѣбовъ въ каждомъ монастырѣ бываетъ по нѣскольку и по крайней мѣрѣ не менѣе того числа, сколько находится въ монастырѣ кумирень. Это дѣлается на тотъ случай, чтобы, когда въ монастырѣ совершается одновременно богослуженіе во всѣхъ кумирняхъ, въ каждой изъ нихъ предсѣдательствовалъ бы непремѣнно одинъ каедральный лама, т. е. имѣющій право сидѣть на ширѣ, или каедрѣ.

5) *Гэбкүй* или гэбгуй и гэсгуй (тиб. རྒྱལ་པོ་ в переводѣ на монгольскій языкъ *ᠭᠡᠪᠬᠡᠢ ᠭᠡᠪᠬᠡᠢ* ") можетъ соответствовать нашему благочинному. На обязанности его лежитъ въ кумирнѣ—наблюдать за порядкомъ и тишиною во время совершенія богослуженій; внѣ кумирни—слѣдить вообще за нравственностью духовенства. Отъ него непосредственно исходятъ по монастырю всѣ распоряженія относительно отправления богослуженій и образа жизни низшихъ ламъ; онъ назначаетъ одному дѣлать то, другому — другое; онъ же разслѣдуетъ и проступки ламъ. Отличительный знакъ званія гэбкүйа составляетъ жезлъ называемый Чжукбò; (тиб. རྒྱལ་པོ་, монг. *ᠭᠡᠪᠬᠡᠢ*) онъ дѣлается обыкновенно изъ какого-то благовоннаго дерева Агару (санск. *аконгон*, монг. *ᠠᠭᠠᠷᠠ*) и бываетъ въ $\frac{3}{4}$ арш. длиною и въ вершокъ толщиною. На чжукбò у гэбкүйа всегда бываетъ навѣшано нѣсколько хадаковъ, составляющихъ благодарственные подарки подчиненныхъ. Съ жезломъ этимъ гэбкүй никогда не долженъ разставаться ни въ кумирнѣ, ни внѣ оной. Если во время богослуженія въ кумирнѣ возбудится шумъ, или говоръ между хуварѣками, гэбкүй встаетъ и ударяетъ своимъ жезломъ по одной изъ кумиренныхъ колоннъ, тогда шумъ смолкаетъ. Провинившихся гэбкүй подзываетъ къ себѣ, послѣ чего виноватый подходитъ къ гэбкүйю, становится на колѣна и подставляетъ свою спину. Гэбкүй, хотя бы это было

и въ кумирѣ, тотчасъ же отсчитываетъ по согбенной передъ нимъ спинѣ извѣстное число ударовъ, и затѣмъ посылаетъ виноватаго на мѣсто. Должность гѣбкѹя ламаисты почитаютъ одною изъ самыхъ старѣйшихъ въ буддизмѣ и въ доказательство ея высокаго достоинства разказываютъ, что во время Цзонхавы эту должность исполнялъ первый хубилганъ Далай-ламы; въ Индіи, въ монастырѣ Наліндара, въ теченіи 12-ти лѣтъ исполнялъ обязанности гѣбкѹя учитель Наганцзѹна; при буддѣ Шигэмѹни слушателями его управлялъ въ должности гѣбкѹя одинъ изъ старѣйшихъ учениковъ его—Ананда. Гѣбкѹевъ въ каждомъ монастырѣ полагается при главной кумирнѣ два старшихъ и два младшихъ; это число почитается уже обязательнымъ для каждаго монастыря, а затѣмъ количество гѣбкѹевъ ограничивается обыкновенно числомъ монастырскихъ кумиренъ и слѣдовательно, смотря объ обширности монастыря оно бываетъ весьма различно.

6) Умзѣтъ, или умзѣтъ (тиб. རྩ་མཛད་, монгол. или)—установщикъ и вмѣстѣ кононархъ. Умзѣтъ подобно гѣбкѹю есть лицо, необходимо присутствующее при каждомъ храмовомъ богослуженіи: онъ, согласно сдѣланному гѣбкѹемъ назначенію того или другаго богослуженія, ведетъ порядокъ всей службы, первый начинаетъ чтеніе каждой молитвы и только вслѣдъ за нимъ чтеніе или раскѣвъ подхватываютъ всѣ прочіе, участвующіе въ хуралѣ ламы. Такъ какъ монастырскія правила предписываютъ ламамъ всегда произносить слова молитвы одновременно съ умзѣтомъ, то умзѣты обыкновенно выбираются изъ ламъ, отличающихся силою своего голоса и обладающихъ густымъ и обширнымъ басомъ. Буддійскія правила впрочемъ предписываютъ выбирать на эту должность особенно отличающихся знаніемъ устава и не обращать вниманія на голосъ. Число умзѣтовъ въ монастыряхъ бываетъ не равномерно. Подобно гѣбкѹямъ ихъ полагается при главномъ монастырскомъ храмѣ два старшихъ, два младшихъ и два такъ называемыхъ сверхштатныхъ, или вольныхъ умзѣта ( ); за симъ въ дальнѣйшемъ количествѣ принимается въ расчетъ число монастырскихъ кумиренъ.

7) *Гэйгэ* долженъ быть почитаемъ за ближайшаго помощника гэкхуя, такъ какъ на обязанности его лежитъ слѣдить за точнымъ исполненіемъ всѣхъ приказаній перваго и руководить исполняющихъ. Онъ присматриваетъ напримѣръ за тѣмъ, чтобы въ кумирнѣ все было приготовлено къ хуралу и находилось въ должномъ порядкѣ, если при хуралѣ полагается чай, или мѣнцза для служащихъ, онъ разсчитываетъ потребное число продуктовъ и расходовъ; если въ монастырь поступаютъ какія нибудь пожертвованія и заказы, гэйгэ принимаетъ ихъ и, доложивъ гэкхую, просить у него соответствующихъ распоряженій.

Низшія должности ламъ, собственно прислуживающихъ при богослуженіи, составляютъ:

8) *Тахилчи*, (тиб. རྒྱལ་པོ་, монг. ᠲᠠᠬᠢᠯᠴᠢ) — это ламы, завѣдующіе принесеніемъ жертвъ бурханамъ. Они готовятъ и зажигаютъ лампы и хучжи, перемѣняютъ жертвенную воду и прочія жертвы, чистятъ жертвенныя чашки и чашечки, заботятся о приготовленіи всего, что необходимо при принесеніи жертвъ во время богослуженій и проч.

9) *Джамà*, — (тиб. ཇམ་པ་ на монгольскомъ языкѣ буквально означаетъ ᠳᠠᠮᠠᠨ) т. е. лицо, на обязанности котораго лежитъ приготовленіе чая, но въ дѣйствительности въ монгольскихъ монастыряхъ джамà есть лама, котораго вообще можно назвать монастырскимъ поваромъ. Онъ приготовляетъ необходимыя къ богослуженію жертвы, какъ-то: балинъ (ᠪᠠᠯᠢᠨ), соръ (ᠰᠣᠷ) и др., а равно распоряжается о приготовленіи чая, или мѣнцзы для служащихъ ламъ. Должность «джамà», хотя и причисляется къ разряду низшихъ, однако же ее замѣщаютъ всегда старѣйшими, и, сравнительно, весьма учеными ламами. Въ испытанія, производимыя кандидатамъ на эту должность самымъ труднымъ почитается приготовленіе балин'овъ. Извѣстно, что каждому бурхану приносится особый балинъ и всѣхъ ихъ насчитываютъ до тысячи. Знать особенности каждаго балина, а за симъ еще и толкованіе относящееся до значенія, причинъ и смысла этихъ особенностей — дѣло дѣйствительно не легкое.

10) *Джинджүки*, собственно помощники унзата, которые руководят игрою на музыкальных инструментахъ подобно тому, какъ унзатъ руководить чтеніемъ молитвъ. Обыкновенно впрочемъ джинджүками называютъ теперь всѣхъ ламъ музыкантовъ, играющихъ во время богослуженій на различныхъ инструментахъ. Принимая въ расчетъ самые малые монастыри, число ихъ выразится приблизительно такъ:

a) Бишкүрчи, (འཕྲུལ་པ་, тиб. རྒྱུང་བྱ་པ་), т. е. играющіе на бишкурѣ.....	2
b) Гангълинчи (монг. , тибет. ཀྲང་གླིང་པ་ или ཀྲང་རྒྱུང་པ་), т. е. играющіе на гангълинѣ.....	2
c) Дунчй, или лабайчи (འཕྲུལ་པ་, тиб. རྒྱུང་པ་ལ་ལྟར་), т. е. играющіе на раковинѣ.....	2
d) Кэнгэргэчи (འཕྲུལ་པ་, тиб. རྒྱུང་པ་) т. е. быющіе въ барабанъ.....	4
e) Бүрбчи (འཕྲུལ་པ་), т. е. играющіе на трубѣ.....	4
изъ нихъ двое играютъ на ухэръ бүрб, и двое на бүрб.	
f) Цангчй (тиб. རྒྱུང་པ་ལ་ལྟར་), т. е. быющіе въ цанъ.....	2
g) Цэлынчи (འཕྲུལ་པ་, тиб. རྒྱུང་པ་ལ་ལྟར་), т. е. быющіе въ цэлынѣ.....	2
h) Харангачи (འཕྲུལ་པ་), т. е. быющіе въ харанга.....	2
i) Дүдармачй (འཕྲུལ་པ་), т. е. ударяющіе въ дүдарма.	1

И такъ всего 21 человекъ и это самое меньшее число, которое мнѣ приходилось когда либо видѣть; но число джинджүковъ въ большихъ монастыряхъ доходить до двухъ и трехъ сотенъ. Въ ургинскихъ храмахъ и въ монастырѣ Эрдэни-цзү, присутствуя на великихъ хуралахъ, я встрѣчалъ по 49 бүрб, по 49 барабановъ и по 9 дүдарма; число другихъ музыкантовъ у меня осталось незаписаннымъ, но общее число ихъ вмѣстѣ съ гэлүнами, ударяющими въ колокольчикъ, въ обоихъ случаяхъ доходило до трехсотъ.

11) *Дунангчи* (тиб. རྩ་ཁྱེད་པོ་), т. е. церковный сторожъ. Онъ наблюдаетъ за чистотою кумирни, приготовляетъ потребныя къ богослуженію инструменты, книги и проч.

12) *Цабрачъ* (ཇའ་བླ་མ་) разноситъ чай и пищу ламамъ во время совершенія ими богослуженій, по окончаніи же трапезы подаетъ ламамъ воду для омовенія рукъ и полосканія рта.

13) *Мадбчи* (མཐུ་བླ་མ་) суть ламы, на обязанности которыхъ лежитъ призывать къ богослуженіямъ или ударами въ хъранга, или трубя въ бургъ и раковину.

14) Всѣ упомянутые ламы низшихъ должностей находятся подъ ближайшимъ управленіемъ одного старшаго ламы, имѣющаго титулъ «цзахирахъ» (ཇའ་མཁའ་མཁའ་མ་).

Ученое сословіе ламъ, не имѣющихъ ближайшаго значенія въ администраціи, но тѣмъ не менѣе необходимо находящихся въ каждомъ монастырѣ, составляютъ:

15) *Ном'унъ ламдъ*, болѣе извѣстный у монголовъ подъ тибетскимъ названіемъ, — чойчинъ. Его обязанность главнымъ образомъ ученая: онъ изучаетъ и толкуетъ догматы вѣры, указываетъ всѣ подробности богослуженій; кромѣ того онъ изучаетъ магическія тѣрни и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ силу: а) произносить заклинанія на злыхъ духовъ, б) совершать молитвы и обряды, при посредствѣ которыхъ низводится на землю, или отгоняется идущій уже дождь, с) опредѣлять мѣсто возрожденія душъ умершихъ людей и проч. ¹⁾

1) Отъ этихъ чойчиновъ — ном'унъ-ламдъ, должно строго отличать еще другихъ чойчиновъ, называемыхъ по монгольски «сангасакъ». Эти послѣдніе представляютъ собою нѣчто среднее между магиками буддійскими и шаманами. Они причисляются обыкновенно къ монастырямъ, но въ самыхъ монастыряхъ не живутъ никогда. Всѣ они принимаютъ ламскіе обѣты, тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ живутъ съ женами и это не только не почитается предосудительнымъ, но даже законнымъ; разумѣется, что уже одно это обстоятельство должно убѣждать насъ, что чойчины — сангасакъ, въ понятіяхъ монголовъ, представляютъ собою нѣчто отличное отъ обыкновенныхъ ламъ. Проѣзжая по хошуну Далай-гүна, Сайинъ-новновскаго аймака въ 1879 г., я познакомился здѣсь съ тремя чойчинами — сангасакъ: всѣ они принимали обѣты банди, но жили своими семьями. Права свои чойчины получаютъ въ Тибетѣ отъ

16) *Эмч* (ཡེཤ, тибет. ཡེཤ་པ་) монастырский лекарь, на обязанности которого лежит также и преподавание медицины желающим¹⁾.

Далай-ламы или Баньчэн-богдо, хотя сами въ Тибетъ не ѣздятъ и никакихъ специальныхъ посвященій не принимаютъ. Обыкновенно монастырь, желающій приобрести себѣ чойджина, отправляетъ посольство въ Тибетъ и рекомендуетъ предъ Далай-ламой своихъ кандидатовъ, представляя ихъ имена и годъ рожденія. Далай-лама утверждаетъ, или отказываетъ уже по своей волѣ. Говорятъ, что въ старину чойджины приходили въ Монголію изъ Тибета и что тамъ еще и до нынѣ есть монастыри, специально устроенные для образованія чойджиновъ. Эти разказы монголовъ подтвердили мнѣ показанія Георги о томъ же предметѣ; но съ другой стороны слѣдуетъ замѣтить, что въ Монголіи чойджины — сангасакъ не имѣютъ у себя ни книгъ, ни правильныхъ обрядовъ богослуженій. Все обученіе ихъ передается устно. Специальность чойджиновъ состоитъ въ даваніи предсказаній и въ отвращеніи несчастій. То и другое совершаютъ они силою призыванія четырехъ Махаранъ — гениевъ хранителей четырехъ странъ міра. Извѣстно, что эти гении 15-го и 30-го числа каждаго мѣсяца выпускаются на землю и укрощаютъ злыхъ духовъ, наносящихъ бѣдствія людямъ. Чойджины — сангасакъ силою своихъ призываній могутъ заставить ихъ спуститься во всякое время. Эти призыванія чойджиновъ во многихъ случаяхъ напоминаютъ собою камланье шамановъ и даже въ костюмѣ ихъ много шаманскаго, такимъ образомъ они употребляютъ напр. орогій (шаманскую шапку) и клѣз (шаманскій бубень). Жилница чойджиновъ не отличаются рѣшительно ничѣмъ отъ обычныхъ юртъ монголовъ, только въ числѣ ихъ бурхановъ первое мѣсто всегда долженъ занимать кумиръ Падма Самбавы, котораго почитаютъ они основателемъ своего ученія.

1) Монгольскіе ламы медики не мало интересовали меня во все время пребыванія моего въ Монголіи, хотя я долженъ сказать, что мои изслѣдованія о нихъ крайне ограниченны и это не могло быть иначе, такъ какъ для изученія ламской медицины въ достаточномъ количествѣ знанія языка, дающаго возможность провѣрять разказы ламъ по книжкамъ и наконецъ прочитать эти книжки, а необходимо имѣть еще специальную подготовку въ области медицины. Сообщу впрочемъ хотя общія понятія о монгольскихъ медикахъ и монгольской медицинѣ.

Основы медицинской науки для монгольскихъ ламъ составляетъ тибетская медицина, но помимо того они заимствовали еще весьма многое изъ медицины китайской и даже европейской. Извѣстно, что еще во времена Каяси китайцами, подъ руководствомъ іезуитскихъ миссіонеровъ, было сдѣлано очень много переводовъ съ европейскихъ языковъ на китайскій сочиненій по части астрономіи, географіи, естественныхъ наукъ и медицины. Съ китайскаго эти сочиненія переводились на языкъ монгольскій и образцы такого рода литературы были приобретены мною и представлены въ Библіотеку С.-Петербургскаго Университета. Въ Европѣ чрезвычайно распространено мнѣніе о томъ, будто бы монгольская медицина не имѣетъ никакого понятія ни объ анатоміи, ни о кровообращеніи, не знаетъ химическихъ свойствъ лечебныхъ растений и

17) *Цзурухайчи*, (монгол. *ᠴᠢᠷᠠᠭᠠᠢᠴᠢ*, санск. *ganaka*, тибет. *རྩེ་མཁའ་*) — астрологи. Они занимаются вычислениями, составляют ежегодно календари, опредѣляютъ время, въ которое должно быть совершаемо то или другое чествованіе духовъ; указываютъ счастливые дни для совершенія разнаго рода предпріятій.

пр. Мы можемъ смѣло утверждать, что это знаніе если нельзя назвать во все несправедливымъ, то во всякомъ случаѣ оно должно подлежать значительнымъ ограниченіямъ. Конечно, химическій составъ лекарственныхъ растений извѣстенъ ламамъ сравнительно мало, тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы онъ былъ неизвѣстенъ имъ вовсе. При составленіи своихъ лекарствъ и аптекъ ламы руководствуются главнымъ образомъ наружнымъ описаніемъ лекарственныхъ растений и описанія эти составлены въ ихъ книгахъ дѣйствительно мастерски, съ подробѣйшими указаніями наружнаго вида растенія, его кѣстонахожденія, его видоизмѣненій во время роста, времени его собираиія, каковымъ обусловливается цѣлебная сила лекарства и проч.

Такой составъ ламской фармакологіи самъ собою свидѣтельствуетъ, что медицина ламъ по преимуществу основывается на опытѣ и съ этой стороны ихъ лечебники, безъ сомнѣнія, заключаютъ въ себѣ очень много полезнаго. Я могу свидѣтельствовать только, какъ факты, то, что болѣзни, которыя казались неизлечимыми по европейской наукѣ, излечивались ламами и больные, отъ которыхъ совершенно отказывались европейскіе и русскіе врачи, оздоравливали, принимая лекарства ламъ. Въ этомъ нѣтъ конечно ничего удивительнаго и странно было бы отвергать, что восточные народы, существуя цѣлыя тысячелѣтія, не могли бы подмѣтить нѣкоторыя цѣлебныя травы и растеній и не приспособить ихъ къ дѣлу; напротивъ, гдѣ собственно и можетъ быть открыто такое множество таинственныхъ силъ природы, какъ ни у тѣхъ народовъ, которые живутъ съ нею о-боку?

Медицинскіе сочиненія у ламъ очень много и при этомъ они обыкновенно раздѣляются ламами на два рода: «основныя», т. е. излагающія медицину научнымъ образомъ и «прикладныя», — имѣющія видъ нашихъ лечебниковъ. Изъ числа основныхъ медицинскихъ сочиненій особенною извѣстностью пользуется «Хянтаба», громадное сочиненіе, раздѣляющееся въ общемъ на восемь отдѣленій (*ᠬᠡᠨᠲᠤᠪᠠ*), а въ частности на 156 главъ. Изъ числа главныхъ восьми отдѣловъ хянтаба 1-й трактуетъ какъ въ физиологическомъ такъ и въ патологическомъ отношеніи о взросломъ человѣкѣ; 2-й рассматриваетъ такимъ же образомъ дѣтскій возрастъ и дѣтскія болѣзни; 3-й говоритъ о женщинахъ и женскихъ болѣзняхъ; 4-й излагаетъ истерическія болѣзни, 5-й — хирургическія болѣзни; 6-й — болѣзни, происходящія отъ отравленія, а равно рассматриваетъ свойство ядовъ; 7-й — старческія болѣзни; 8-й трактуетъ объ укрѣпленіи старчества. Каждый изъ этихъ отдѣловъ подраздѣляется еще на большее или меньшее число главъ, въ которыхъ въ одинаковомъ, послѣдовательномъ порядкѣ рассматриваются вообще: а) болѣзни, происходящія вслѣдствіе нарушенія газонозобновленія (*ᠬᠤ*); б) болѣзни, происходящія вслѣд-

ти, и какъ предпринимасмыхъ монастыремъ, такъ и принадлежащими къ этому монастырю простолюдинами и милостынедателями.

18) *Цзуръчи* (монгол. ᠴᠢᠳᠢᠷᠠᠴᠢ , санск. tchitrakara, тибет. ཅི་མོ་མཁན་) — иконописцы.

19) *Биликтю* (ᠪᠢᠯᠢᠭᠲᠦ ᠬᠡᠳᠦ) выбираются по испытаніи язъ

ствиіе нарушенія возобновленія желчи (ᠬᠡᠳᠦ) и с) болѣзни, происходищія вследствие нарушенія слезовозобновленія (ᠰᠡᠵᠡ). Въ частности по тремъ вышеупомянутымъ подраздѣленіямъ рассматриваются здѣсь какъ физиологическомъ, такъ и въ патологическомъ отношеніи: а) голова съ ея частями (глаза, носъ, ротъ, уши и проч.; б) грудь; с) туловище, которое подраздѣляется по числу входящихъ въ составъ его органовъ на одиннадцать частей, — это во 1-хъ пять плотныхъ органовъ: печень, почки, легкія, сердце и селезенка и во 2-хъ шесть полыхъ органовъ: желудокъ, тонкія кишки, толстая кишки, мочевого пузыря, сѣменной пузырь, (а въ главѣ о женщинахъ — матка) и желчный пузырь; и наконецъ д) излагается физиологическое и патологическое состояніе оконечностей.

Изъ этихъ указаній содержанія одного только медицинскаго сочиненія читатели могутъ усмотрѣть, что медицинѣ ламъ являются извѣстными какъ фармакологическій такъ и хирургическій способы леченія болѣзней; но наблюдая дѣятельность монгольскихъ врачей по практикѣ ламъ, нельзя не отмѣтить, что главное леченіе ламъ состоитъ во внутреннемъ употребленіи лекарствъ; наружныя же средства практикуются ими очень рѣдко. Эти послѣднія состоятъ въ разнаго рода втираніяхъ, кровопусканіяхъ, рожкахъ, массажахъ, наконецъ въ припаркахъ, и такъ сказать горячихъ ваннахъ, вмѣсто которыхъ больного по большей части завертываютъ въ шкуру только что убитаго животнаго. Операций и отнятіи пораженныхъ членовъ у ламъ, кажется, не практикуется вовсе.

Каждый монгольскій эмчій, или лама-лекаръ, непременно имѣетъ у себя и аптеку. Лекарства, въ составъ которыхъ входятъ главнымъ образомъ травы, а потомъ уже минералы и металлы, лама всегда приготовляетъ самъ. Сначала онъ толчетъ нужныя ему сѣмена, или корни въ порошокъ, потомъ въ извѣстной, указанной книгою пропорціи, соединяетъ все это вмѣстѣ и такимъ образомъ получается у него лекарственный составъ, который всыпаетъ онъ въ особый кожаный мѣшечекъ. Такихъ мѣшечковъ у иныхъ врачей бываетъ до 300 и болѣе штукъ; чтобы не сбѣгся, къ завязкѣ каждаго мѣшечка прикрѣпляется надпись съ наименованіемъ состава лекарства. Все это вмѣстѣ складывается потомъ въ одинъ большой мѣшокъ, туда же закладывается потомъ и небольшая металлическая ложечка, которая замѣняетъ собою для ламы всѣ аптекарскіе вѣсы и мѣры.

При опредѣленіи болѣзни, ламы обращаютъ главное вниманіе на состояніе пульса, щупая который они прижимаютъ вмѣстѣ съ пульсовой жллой еще и двѣ другія и внимательно наблюдаютъ біеніе каждой. Иногда, изслѣдовавъ пульсъ одной руки, они щупаютъ въ обѣихъ рукахъ сразу и производятъ ка-

ламъ, особенно хорошо усвоившихъ себѣ тибетскій языкъ. Обязанность ихъ состоитъ собственно въ переводахъ богослужебныхъ книгъ съ тибетскаго языка на монгольскій; помимо же того они занимаются составленіемъ новыхъ молитвъ, пишутъ житія замѣчательныхъ ламъ, описанія монастырей, кумировъ, цзурүковъ и другихъ святынь; наконецъ они же ведутъ и монастырскую лѣтгонисъ, если таковая заведена въ ихнемъ монастырѣ.

21) *Тойны* (иначе тиб.) типографшики.

На обязанности ихъ лежитъ вырѣзывать типографскія доски для печатанія книгъ, разныхъ бурхановъ, мистическихъ формулъ, имѣющихъ для буддистовъ значеніе талисмановъ и пр. Свою работу тойны обыкновенно производятъ на гладко выточенныхъ, осиновыхъ доскахъ. При вырѣзываніи, на такую доску наклеивается

кое-то взаимное сличеніе; другой разъ одновременно щупаютъ пульсъ руки и боевую жилу на вискахъ, на шеѣ и пр. При внутреннихъ болѣзняхъ выслушиваютъ дыханіе и всегда смотрять урину. Помимо распросовъ это главнѣйшіе способы для опредѣленія болѣзней, послѣ которыхъ лама уже прямо даетъ лекарство, почти всегда предписывая при этомъ діету. Лучшіе изъ врачей постоянно ведутъ у себя книги, записывая въ нихъ какъ исторію болѣзни, такъ и употребляемыя средства. Записки эти, по смерти ламы-доктора, всегда поступаютъ къ одному изъ лучшихъ и возлюбленныхъ учениковъ его; къ сожалѣнію такого рода практическіе журналы издаются очень рѣдко, хотя обработанные ходятъ въ рукописяхъ между ламами. Во время пребыванія моего въ Ургѣ, при нашемъ консулятѣ проживалъ эмчѣ шестаго хубилгана Чжэб-цзунъ-дамба-хутухты, тибетецъ Чойндонъ. Записки его, составлявшія до двадцати громаднѣйшихъ томовъ, были переданы имъ излюблѣннѣйшему ученику его Лубсанъ-галсану, проживавшему въ Оромбѣ-гэгэнзѣ-хитѣ. Когда я посѣтилъ этотъ послѣдній монастырь, то Лубсанъ-галсанъ занимался именно обработкою этихъ записокъ. Не знаю было ли этой работѣ суждено появиться въ печати, но уже въ мое время къ Лубсанъ-галсану прѣзжали многіе эмчѣ, чтобы сдѣлать себѣ списки съ этого новаго труда.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ средѣ монголо-тибетскихъ врачей не мало шарлатановъ, которые, какъ и всякаго рода шарлатаны, унижаютъ только достоинство своего дѣла. Но я думаю, что практическому уму европейцевъ нельзя судить о тибетской медицинѣ, основываясь лишь на дѣйствіяхъ и показаніяхъ этихъ шарлатановъ. Вотъ почему было бы крайне желательно, чтобы кто либо изъ нашихъ медиковъ занялся изслѣдованіемъ тибетско-монгольской медицины, конечно не съ исключительною цѣлью критиковать ее и указывать ея недостатки, какъ это дѣлосъ доселѣ даже и поверхностно не бывшими знакомыми съ тибетской медициной врачами, а съ благою цѣлью выбрать изъ нея все то, что можетъ быть съ пользою примѣнено къ дѣлу.

нужный рисунокъ, или экземпляръ рукописи и по нему-то вырѣзываются потребныя черты тонкимъ ножомъ, въ родѣ пинцена.

Хозяйственныя обязанности въ монастырѣ несутъ на себѣ:

22) *Нирба* (ཀུན་པོ་), должность котораго соотвѣтствуетъ должности казначея. Онъ покупаетъ и принимаетъ все, поступающее въ монастырское казначейство; ведетъ отчетность по монастырскому имуществу; заключаетъ условія по подрядамъ, которые беретъ на себя монастырь и проч.

23) *Цзасанъ ламъ*, (འགྲུབ་ ལཱ་) иногда называемый еще «дэмчй — (རྩེ་མོ་) лама», есть ближайшій помощникъ нирбы. Въ вѣдѣніи его находятся все, состоящія при монастырѣ рабочіе, которыми распоряжается онъ, назначая ихъ на ту, или другую работу; помимо того онъ ревизуетъ монастырскія имущества, находящіяся внѣ монастыря, осматриваетъ стада монастырскаго скота, смотритъ за полевыми работами, если монастырь имѣетъ у себя пашни и проч.

Канцелярію монастыря составляетъ:

24) *Донйръ* — монастырскій секретарь, избираемый изъ молодыхъ и смысленныхъ ламъ. Подъ непосредственнымъ наблюденіемъ ханбò-ламы и цорчжй онъ ведетъ переписку со всеми правительственными мѣстами и разсылаетъ нужные указы и отповѣди. Внѣшнимъ отличіемъ донйра является стеклянный шарикъ коричневаго цвѣта, который прикрѣпляется у него на шапку, вмѣсто вачйра.

Въ тѣхъ хутухтинскихъ монастыряхъ, которые имѣютъ у себя приписныхъ шабинàровъ, учиняется обыкновенно еще особое управленіе, завѣдующее именно этими шабинàрами. Засѣдаютъ и рѣшаютъ дѣла въ этомъ управленіи:

25) *Шанизотба*, (тиб. ཤའ་འཇུག་པོ་) онъ назначается изъ ламъ, не принимающихъ высшихъ обѣтовъ гэлунъ, но изъ старѣйшихъ и опытнѣйшихъ. Шанизотба ургинскаго Чжэбцэунъ-дамба-хутухты обыкновенно выбирается совмѣстно съ хутухтинскимъ правительствомъ еще монгольскимъ и маньчжурскимъ амбàнами (губерна-

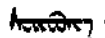
торами восточной Халхи, жителями въ Ургѣ) и утверждается въ своемъ званіи пекинскимъ правительствомъ послѣ личнаго представленія богдохану, при чемъ выдается ему золотая печать и грамота, по содержанію подобная выше представленной грамотѣ ханбѣ ламы. У другихъ, имѣющихъ шабинаровъ, хутухтъ (число которыхъ замѣтимъ кстати не особенно значительно) шанцзотбѣ выбирается и назначается самимъ хутухтою, но утверждается съ согласія сейма аймачныхъ князей. Определеннаго жалованья шанцзотбѣ никогда не получаетъ, но онъ пользуется всѣмъ необходимымъ изъ сана (казначейства) своего хутухты и пользуется всегда съ большимъ достаткомъ, потому что должность шанцзотбѣ, по ея значенію, справедливо можетъ быть относима къ числу первоклассныхъ должностей въ монастырѣ. По гражданскимъ узаконеніямъ Монголіи, шанцзотбѣ Чжэбцзунъ дамбѣ хутухты совершенно приравнивается къ высшей должности въ Халхѣ — начальника сейма князей одного аймака; шанцзотбѣ другихъ хутухтъ сравниваются въ правахъ съ хошунными князьями. Въ виду такого важнаго значенія этой должности, всякій шанцзотбѣ имѣетъ право носить на шапкѣ красный коралловый шарикъ 1-го класса. Для управленія и рѣшенія дѣлъ, состоящихъ въ его вѣденіи шабинаровъ, каждый шанцзотбѣ всегда имѣетъ еще у себя совѣтъ, въ составъ котораго входятъ:

26) *Дѣ-лама*. Должностныхъ лицъ этого званія при каждомъ шанцзотбѣ полагается всегда два, изъ которыхъ одинъ считается старшимъ, а другой младшимъ. Дѣ ламы, подобно самому шанцзотбѣ, не принимаютъ высшихъ монастырскихъ обѣтовъ. Они выбираются изъ числа ламъ шабинскаго вѣдомства и утверждаются въ Ургѣ амбаниями, а въ шабинскихъ вѣдомствахъ другихъ хутухтъ по выбору и представленію этихъ хутухтъ начальниками аймачныхъ сеймовъ.

27) *Зайсанъ-лама*, который присутствуетъ при разборѣ дѣлъ шанцзотбѣю и дѣ-ламами и назначается для засѣданій въ шабинскомъ ямунѣ отъ каждаго шабинскаго отѣка по очереди на три года. Понятно, что число зайсановъ при каждомъ шанцзотбѣ весьма неопредѣленно и обусловливается количествомъ ша-

бинаровъ подвѣдомственныхъ тому или другому хутухтѣ. Внѣшній знакъ отличія зѣйсановъ шанцэотбинскаго ямуна, какъ и до-
нйровъ составляетъ стеклянный коричневый шарикъ.

При хутухтахъ, а слѣдовательно и въ каждомъ хутухтинскомъ монастырѣ состоятъ еще:

28) *Сойбуны лама*, (монг. или " тиб. བོད་ཁྱེད་པོ་)
завѣдующій личнымъ штатомъ хутухты. Собственно должность начальника хутухтинскаго штата исполняетъ одинъ лама и только у ургинскаго Чжэбцзунъ-дамба хутухты сойбуновъ полагается четыре; но въ послѣднее время должность сойбуна въ Халхѣ стала обозначать собою придворное званіе у хутухты, а потому сойбуновъ въ вѣдомствѣ каждаго хутухты и при каждомъ хутухтинскомъ монастырѣ можно встрѣтить нѣсколько.

29) *Хя-лама*, (тиб. མཉམ་པ་པོ་ по буквальному значенію слова обозначаетъ адъютантовъ при хутухтахъ; но въ настоящее время эта должность опять таки получила характеръ титула, выдаваемого какъ отличіе нѣкоторымъ ламамъ.

30) *Хялачи*, , т. е. привратникъ, разумѣется—при дверяхъ хутухтинскаго ёргѣ, или хутухтинской юрты; нынѣ эта должность опять таки обратилась въ званіе.

Не смотря на это, сравнительно большое число ступеней въ буддѣйской іерархіи и на обиліе разнаго рода высшихъ и низшихъ должностей, между ламами обыкновенныхъ монастырей халхаскихъ царствуетъ почти братское равенство. Настоятели монастырей и весь старшій клиръ держатъ себя въ отношеніи къ младшимъ чрезвычайно просто: гордость и заносчивость, по-видимому, совершенно чужды монастырскимъ ламамъ и каждый изъ начальниковъ доступенъ для подчиненнаго почти также, какъ товарищъ. Происходитъ ли это отъ патріархальной простоты нравовъ, свойственной монголамъ вообще, или же это обуславливается самими монастырскими постановленіями — сказать довольно трудно; но во всякомъ случаѣ за постановленіями халхаскихъ монастырскихъ общинъ и именно въ отдѣлѣ о начальствующихъ нельзя не признать довольно высокой степени обдуманности.

Въ этомъ случаѣ важно прежде всего то, что лица, назначаемыя на ту или другую должность въ монастырѣ, всегда опредѣляются по выбору и на извѣстный срокъ. Принимаемые къ руководству во Халхѣ правила монастырской жизни, составленныя ламою Цагянъ-дайнчи, по буквальному переводу ихъ гласятъ слѣдующее: «Такъ какъ старшіе ламы, если будутъ они долго на своихъ мѣстахъ, ссорятся и дѣлаются самовластны, а чрезъ это могутъ появиться опущенія въ дѣлахъ, то ихъ слѣдуетъ смѣнять; при этомъ если смѣнять ихъ часто, то въ свою очередь могутъ возникнуть опущенія отъ непривычки къ дѣятельности. На этотъ конецъ, срокъ службы полагается: для ханбѣ ламы, цорчжѣ ламы, ширѣту и ладаба—9 лѣтъ; для гѣкѣя, умзата, гѣнка и нирбѣ—7 лѣтъ, для демчѣя и донира—5 лѣтъ. Если они исправны въ своихъ должностяхъ, и, по прослуженіи срока службы, окажутъ только одну опытность, то могутъ быть назначаемы и еще на свои мѣста, хотя подобное оставленіе на должность не можетъ производиться болѣе трехъ разъ.» Въ дѣйствительности это правило, конечно, почти никогда не примѣняется къ дѣлу: избранный однажды ханбѣ лама, въ большинствѣ случаевъ, оканчиваетъ свою жизнь на этой должности, прочіе же члены обители необходимо повышаются въ своихъ рангахъ прежде чѣмъ окончить третій срокъ службы.

Назначеніе обязанностей почти каждому изъ старѣйшихъ ламъ и удовлетвореніе нуждамъ своихъ прихожанъ служитъ причиною того, что ламы, принявшіе обѣты гэлѣна, уже рѣдко являются къ совершенію богослуженій. Выше я имѣлъ случай замѣтить, что ламъ, посвящающихъ себя на всегданнюю жизнь въ монастырѣ, въ Монголіи сравнительно очень не много. Въ хошунѣ Мэргѣнъ вана въ 1878 г. считалось напр. всѣхъ ламъ различныхъ степеней 2384 человекъ, а въ хошунныхъ монастыряхъ проживало только 118 человекъ. Замѣчательно при этомъ, что лама, проживающій въ монастырѣ, почитается въ народѣ гораздо почтеннѣе и достойнѣе чѣмъ лама, проживающій въ степи. Вотъ почему не смотря на обиліе духовенства, не смотря на то, что ламу можно всегда найти въ любомъ хотѣнѣ; каждый, мало-

малыски состоятельный халхасъ, при совершеніи какой либо требы, никогда не пригласитъ своихъ степныхъ, живущихъ о-бокъ съ нимъ ламъ, а непременно отправляется въ монастырь и привозитъ оттуда хотя бы то одного галъуна, — стенные ламы приглашаются развѣ только какъ сослужащіе ему.

Благодаря такимъ воззрѣніямъ народа, у монгольскихъ монастырскихъ ламъ и особливо старшихъ, получившихъ посвященіе въ галъуна, всегда бываетъ масса работы по приходу и они постоянно бываютъ въ разъѣздахъ. Ниже, въ главѣ о богослуженіяхъ, мною будутъ указаны всѣ тѣ требы, которыя исполняются ламами въ домахъ ихъ милостынедателей. Количество этихъ требъ, равно какъ и религіозная ревность халхасовъ будутъ ясною порукою за широкую дѣятельность ламъ; теперь же я укажу на ламскую жизнь и ламское служеніе собственно въ предѣлахъ монастыря.

День монастырскаго ламы начинается обыкновенно часовъ съ пяти утра. Проснувшись и еще лежа въ постели, галъунъ начинаетъ будить живущихъ въ одной съ нимъ юртѣ гэцүлей и бѣнды. Быстро вскакиваютъ на ноги ребяташки — бѣнды; болѣе медленно поднимаются уже пользующіеся нѣкоторою самостоятельностью гэцүли. Одѣвшійся бѣнды подноситъ своему ламѣ галъуну его одежду, сапоги и другія принадлежности костюма, тогда этотъ послѣдній начинаетъ одѣваться. Одѣвшись, онъ выходитъ изъ юрты умываться, а послушникъ (бѣнды) въ это время прибираетъ его постель и приводитъ въ должный порядокъ не прихотливую и не многосложную обстановку юрты. Послѣ этого послушникъ начинаетъ готовить лампады и жертвы для бурхановъ, а возвратившійся лама садится на свое мѣсто и приступаетъ къ совершенію обряда, носящаго у монголовъ названіе «Усүнъ-балингъ». Обрядъ этотъ совершается въ халхаскихъ монастыряхъ ежедневно всѣми ламами, принявшими обѣты галъуна. Основную цѣль его составляетъ, какъ объясняютъ ламы, дѣло благотворительности: а) одушевленнымъ существамъ, обитающимъ въ воздушномъ пространствѣ, б) душамъ умершихъ, но не принявшихъ еще новаго перерожденія, в) бирігамъ, обитающимъ въ

пѣть чай и одновременно съ этимъ начинается его общественная дѣятельность. Если онъ занимаетъ какую либо должность въ монастырѣ, служить напр. при монастырскомъ санѣ (казначействѣ), при монастырской канцеляріи, или несетъ на себѣ другія какія нибудь обязанности, его тотчасъ же приглашаютъ къ дѣламъ по части распорядительной, или исполнительной; если онъ не несетъ общественной службы, къ нему приходятъ ученики, съ которыми онъ занимается; раздѣлавшись съ ними часовъ въ 10 утра, гэлунъ отдыхаетъ въ бесѣдахъ съ приходищею къ нему монастырскою братіею и еще чаще съ какимъ либо милостынедателемъ, пріѣхавшимъ изъ степи иногда просто ради поклона и выслушиванія религіозныхъ наставленій, а иногда съ цѣлю пригласить ламу къ себѣ на домъ для духовной бесѣды, или же для совершенія молебствія. Приглашеніе ламъ для духовной бесѣды и преподаванія наставленій въ домъ милостынедателей бываетъ не часто и совершается только богатыми монголами; но ни одинъ лама не имѣетъ права отказаться отъ исполненія этой требы. Согласно завѣту будды, обязанность каждаго ламы состоятъ прежде всего въ проповѣди. «Непрестанно, говорилъ будда своимъ ученикамъ, вѣщайте мое ученіе міру, живите въ горахъ и лѣсахъ открытыхъ, не бѣгите въ полное уединеніе и не забывайте главной задачи — проповѣди». Какъ видно по этому завѣщанію, для наставленія вѣрующихъ ламы должны были бы даже ходить по дорогамъ и жить подъ открытымъ небомъ, чтобы имѣть возможность произносить свое ученіе каждому встрѣчному; по теперъ буквальное выполненіе этого завѣщанія будды не находятъ для себя охотниковъ: ламы не отказываются лишь отъ проповѣди по приглашенію, добровольно же произносятъ свои наставленія только въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится имъ бывать въ юртѣ милостынедателя для совершенія какой либо требы, или молебствія. Что касается до выѣздовъ ламъ въ степь для совершенія молебствій у милостынедателей, то они бываютъ двухъ родовъ. Если молебствіе совершается по какому нибудь необычайному случаю, то милостынедатель отправляется всегда напередъ къ цзурухайчи и отъ него получаетъ наставленіе

какъ о томъ, какое молебствіе должно быть совершено, такъ и о томъ, кто именно изъ ламъ долженъ совершить его. Получивъ эти указанія, милостынедатель отправляется къ монастырскому гѣбкѹю, я, объяснивъ обстоятельства своего дѣла, проситъ его отпустить къ себѣ на домъ для совершенія молебствія, согласно указаній цзурухайчи, одного или нѣсколькихъ ламъ. Выслушавъ просьбу, гѣбкѹй дѣлаетъ соотвѣтствующее распоряженіе и ламы отправляются въ степь. Если милостынедатель приглашаетъ къ себѣ ламу для совершенія молебствія безъ всякаго чрезвычайнаго къ тому повода, а просто по благочестію (*Амгъ, кѣ тѣв тѣмѣнѣ*), то онъ отправляется прямо къ тому ламѣ, котораго желаетъ пригласить и послѣдній уѣзжаетъ изъ монастыря иногда испросивъ разрѣшеніе у гѣбкѹя, а иногда и безъ всякаго спроса, — извѣстивъ только объ отлучкѣ своихъ домочадцевъ. Подобныя отлучки практикуются прежде всего тогда, когда лама, будучи приглашенъ не подалеку, удаляется изъ монастыря только на нѣсколько часовъ; а во вторыхъ тогда, когда эти отлучки ламы въ общемъ уже извѣстны какъ монастырскому начальству, такъ и всей братіи. Есть напр. не мало милостынедателей, которые имѣютъ у себя на дому «годовыя» молебствія, совершаемыя въ опредѣленныхъ числа каждый мѣсяцъ. Къ совершенію такихъ молебствій монастырское начальство съ наступленіемъ каждаго года назначаетъ опредѣленное число очередныхъ ламъ. Само собою разумѣется, что эти ламы въ назначенные дни уѣзжаютъ для отпращиванія своихъ обязанностей въ домахъ милостынедателей уже безъ всякихъ переговоровъ съ гѣбкѹемъ. Вообще же относительно ламскихъ отлучекъ въ халхаскихъ монастыряхъ, принадлежащихъ собственно вѣденію Чжэбцзунъ-дамба хутухты, практикуются слѣдующія правила. Если ламѣ представится нужда уйти изъ монастыря, то на срокъ до трехъ дней онъ беретъ разрѣшеніе отъ гѣбкѹя; на срокъ до семи дней — отъ ширѣту, или цорчжи; на срокъ до пятнадцати дней отъ ханбѣ ламы. Если по дѣламъ общественнымъ, или же собственнымъ лама долженъ будетъ отлучиться отъ монастыря на срокъ свыше пятнадцати дней, то онъ приноситъ въ хуралъ угощеніе чаемъ и доклады-

ваетъ о своей отлучкѣ всему собранію хуварѣковъ, которое и соглашается на его отпускъ, отмѣчая эту отлучку изъ монастыря въ монастырскихъ спискахъ передъ именемъ отлучившагося. По возвращеніи своемъ въ монастырь, лама тѣмъ-же порядкомъ приноситъ чай духовенству и возвѣщаетъ ему о своемъ прибытіи, что также отмѣчается въ спискахъ. Ламы, которые, по требованію своихъ должностей, постоянно бываютъ въ отлучкахъ, также точно отмѣчаются въ спискахъ. О томъ, какъ ведется это дѣло въ хушѹннхъ монастыряхъ мнѣ не пришлось разспрашивать, но, вѣроятно, порядокъ этотъ соблюдается одинаково повсюду. Выѣхавъ въ степь для совершенія молебствія не подалеку отъ монастыря, лама возвращается часа черезъ три, четыре. Приѣхавъ, онъ или снова начинаетъ возиться съ своими учениками, или долженъ бываетъ отправиться на сходку для обсужденія монастырскихъ дѣлъ, такъ какъ такого рода сходки всегда устраиваются передъ вечеромъ, часовъ въ 3 по полудни, или наконецъ занимается собственными хозяйственными дѣлами. Часовъ въ семь вечера гэлѹнъ ѣстъ мясо и потомъ, снова позанившись съ учениками, ложится спать около 10 часовъ вечера. Вообще день каждаго ламы гэлѹна полонъ дѣятельности; но совсѣмъ не то должно сказать о гецѹлахъ и старшихъ бѣнды. Это самый вольный народъ. Прошедши курсъ наукъ, т. е. изучивъ кругъ богослуженій, каждый гецѹль, равно какъ и старшій бѣнды, если только не имѣютъ они собственной склонности къ занятіямъ, остаются свободными и безъ присмотра на цѣлый день. Въ урочное время они три раза въ день присутствуютъ при монастырскихъ богослуженіяхъ въ кумирнѣ, весь же остальной свой досугъ посвящаютъ ничегу недѣланью, бродя изъ юрты въ юрту, или шатаясь гдѣ либо за стѣнами монастыря. Такъкакъ живущіе въ степи милостынедатели монастыря по большей части приглашаютъ только старшихъ ламъ съ званіемъ гэлѹна, то гецѹли и бѣнды уходятъ для исполненія требъ сравнительно рѣдко. Обусловливается это конечно тѣмъ, что приглашеніе монастырскихъ ламъ для совершенія молебствій обходится милостынедателямъ довольно дорого: нужно внести приношеніе въ монастырь, нужно затѣмъ дать

еще и каждому отдѣльно. Не удивительно отсюда, что милостыне-датели обыкновенно берутъ изъ монастыря одного старшаго ламу, а въ сослужители ему приглашаютъ своихъ ламъ — хотѣнныхъ, т. е. вышедшихъ изъ монастыря и живущихъ въ степи своими домами. Не имѣя такимъ образомъ опредѣленныхъ занятій и на-скучивъ однообразіемъ ежедневныхъ службъ, эти гацѹли и бѣнды не рѣдко предпринимаютъ путешествія по монастырямъ. Уходятъ они, конечно, съ разрѣшенія общины и въ дорогу не берутъ съ собою ровно ничего, помимо лишь маленькаго ручнаго хѹрдэ, которое вертять все время, идучи по дорогѣ. Все необходимое содержаніе въ пути они получаютъ отъ добрыхъ дѣателей и отказать такому страннику монголь почитаетъ для себя страшнымъ грѣхомъ. Въ монастыряхъ эти странники никогда не за-живаются долго, — самое большое недѣлю, или дней десять и за-сѣмъ предпринимаютъ новый переходъ въ другой монастырь. Общее названіе, подъ которымъ извѣстны такіе путешественники въ Монголіи, — сѹцзуктѹ, что значитъ «благочестивые». По окон-чанія странствованія возвратившись въ свой монастырь, они вы-ставляютъ у своей кибитки голубой флагъ, исписанный тибет-скими молитвами. Это отличіе, которое получаютъ они за свое благочестивое паломничество. Помимо сего они ничего не выга-дываютъ и для нихъ начинается таже обычная жизнь съ очеред-ными хуралами. Въ дни поста (མཚན་མཚན་, санскр. upavasta, тиб. འཇམ་མཚན་), т. е. 8-го, 15-го и 30-го числа каждаго мѣсяца, а равно и въ дни великихъ хураловъ, всѣ монастырскіе ламы уже положительно цѣлый день проводятъ въ богослуженіяхъ.

Здѣсь, при этихъ краткихъ замѣткахъ о жизни буддѣйскаго ду-ховенства въ Монголіи, я почитаю умѣстнымъ сказать, что во-обще въ нашей литературѣ часто приходится встрѣчать мнѣніе, будто монгольскіе ламы представляютъ собою классъ лѣнивыхъ тунеядцевъ, вѣчно ничего не дѣлающихъ, привольно живущихъ, пожалуй, даже вносящихъ развратъ въ среду монгольскаго на-рода. Мнѣніе это едва ли можетъ быть признано безусловно вѣр-нымъ. Безспорно, среди монгольскихъ ламъ, какъ и во всякомъ

другомъ кругу, какъ и у всякаго другаго народа, встрѣчаются и лѣнныцы, и тунеядцы, и развратники; но за всѣмъ тѣмъ клеймить изъ за нихъ позоромъ цѣлое сословіе будетъ въ высшей степени не логично. И думается мнѣ, что если бы авторы упомянутыхъ мнѣній, прослѣдили бы жизнь ламъ болѣе основательно, и, не увлекаясь ни завзятыми взглядами, ни кое-какими, заимствованными главнымъ образомъ изъ Пекина да Урги примѣрами, посмотрѣли на дѣло какъ оно есть, они никогда не написали бы своихъ жестокихъ приговоровъ. Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, что ламы тунеядцы, обирающіе народъ и живущіе на народный счетъ. Но вѣдь уже по официальнымъ даннымъ число принявшихъ монашескіе обѣты въ Монголіи превышаетъ $\frac{5}{8}$ -хъ всего населенія. Спрашивается, кого же будутъ обирать эти ламы, если число ихъ является даже больше, чѣмъ людей свѣтскихъ и нужно ли послѣ этого говорить, что самую жизнью ламы поставлены въ необходимость работать на ряду съ миряниномъ. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. Жизнь кочевника монгола не богата трудомъ вообще, на этомъ основаніи и у каждаго ламы довольно празднаго досуга, въ который онъ или лежитъ, или, на нашъ взглядъ, ничего не дѣлаетъ; но надо же помнить, что это обуславливается не какою либо сословною гарантіею, а составляетъ общій типъ жизни кочевника; тамъ же, гдѣ есть дѣло, трудится совершенно одинаково и ламы, и простолюдины. Откройте книгу любого путешественника и вы увидите, что ламы попадаются ему работниками въ каждомъ встрѣчномъ караванѣ, отираютъ обязанности возницъ на почтовыхъ станціяхъ, ѣздятъ смотрѣть на табуны своихъ лошадей; чего же больше, какую еще желать дѣятельность отъ монгола, если въ жизни его и нѣтъ другой дѣятельности? Мы рѣшаемся положительно утверждать, что ламы, живущіе въ степи, рѣшительно ничѣмъ не разнятся отъ людей свѣтскихъ. Они существуютъ точно такими же честными трудами, живутъ точно такими же добрыми семьянинами, какъ и всякій монголъ. Правда, сходясь съ женщиной, лама не платитъ колыма (хс), не совершаетъ ни какихъ религіозныхъ церемоній, а просто перевозитъ въ свою юрту возлюбленную и дѣ-

ласть ее хозяйкой; правда, онъ не передаетъ своего имени дѣтямъ и въ официальныхъ спискахъ хошүна его дѣти значатся при имени ихъ матери; но все это вѣдь виѣшнія формы, которыя, при ихъ обычности, мало имѣютъ значенія для нравственного чувства,—въ сущности лама точно также любитъ свою жену и своихъ дѣтей, какъ и монголь, сочетавшійся бракомъ при исполненіи всѣхъ религіозныхъ обрядовъ и всѣхъ старинныхъ преданій. Могутъ сказать, что такихъ ламъ нечего и считать ламами. Съ этимъ конечно можно согласиться отчасти, ибо, погружившись въ житейскую суету, они въ самомъ дѣлѣ забываютъ и свои обѣты и свою монастырскую жизнь. Замѣчательно при этомъ, что на равнѣ съ простолюдинами они приносятъ свои пожертвованія въ монастырь и даютъ подаванія своимъ монастырскимъ товарищамъ. Мало того, степной лама, даже будь онъ гэлүнь, никогда не отслужить у себя на дому самого простаго молебна и при каждой требѣ приглашаетъ ламу изъ монастыря. Короче сказать, — эти степные ламы дѣлаются ламами только въ дни великихъ хураловъ, когда отправляются они въ свой сумүнный хурѣ и совершаютъ, по чину, всѣ свои богослуженія. Обвинять въ тунеядствѣ, въ лѣности и развратѣ ламъ, живущихъ по монастырямъ, тоже не представляется возможнымъ. Мы описали день монастырскаго ламы и, надѣмся, изъ этого описанія видно, что у монгольскихъ ламъ, живущихъ по монастырямъ, не мало заботы на каждый день; хотя все сказанное доселѣ относилось лишь до общественной дѣятельности ламъ, а сколько у нихъ еще частной, домашней работы? Возьмемъ хоть переписку книгъ, считаемую, по буддизму, за самое святое и необходимое дѣло, вслѣдствіе чего каждый домохозяинъ непременно уже имѣетъ у себя нѣсколько номовъ. Эта переписка номовъ совершается иногда съ удивительнымъ искусствомъ и рукописи ламъ являются по истинѣ великогѣпными произведеніями. При томъ не мало вѣдь фоліантовъ въ 300, 400 листовъ. Получить одинъ такой заказъ — и вотъ уже почти на годъ самой усидчивой работы, ибо писать тибетско-монгольскія рукописи ламскимъ уцзүкомъ — дѣло очень кропотливое и медленное. Прибавимъ еще, что религіозная ревность мн-

головъ побуждаетъ ихъ и заказывать, и исполнять копія съ возможно большимъ совершенствомъ, а это послѣднее никогда не достигается безъ усилій вообще; въ частности же, въ дѣлѣ переписки монгольскихъ священныхъ книгъ, трудность достиженія совершенства обусловливается еще и самымъ матеріаломъ для переписки, такъ какъ достоинство копій увеличивается чернилами, которыя употребляются при перепискѣ. Копія, начертанная киноварью, въ 108 разъ благодѣтельнѣе чѣмъ написанная черными чернилами; копія серебрянными чернилами въ 108 разъ благодѣтельнѣе чѣмъ киноварью, копія, написанная золотыми чернилами, въ 108 разъ выше, чѣмъ написанная серебрянными; наконецъ, — написанная соединеніемъ семи цвѣтовъ радуги, въ 108 разъ выше написанной золотомъ. Помимо переписки книгъ, ламы занимаются еще выдѣлкой бурхановъ: они лѣпятъ ихъ изъ панъемаше и изъ глины; выдѣлываютъ кіоты для бурхановъ и нѣмовъ, отливаютъ жертвенныя чашечки и лампы, рисуютъ бурхановъ, вытачиваютъ четки, шьютъ амулеты, въ родѣ нашихъ ладавокъ, дѣлаютъ жертвенные столы съ точеными ножками и украшеніями и проч. Конечно все это бездѣлье на наши глаза, выдѣлку бурхановъ и амулетовъ мы также назовемъ шарлатанствомъ, но все это почитаютъ великимъ дѣломъ тѣ, которые вѣруютъ въ святость и значеніе всего этого для духовной жизни. Впрочемъ производительность монастырскихъ ламъ не направлена къ удовлетворенію лишь потребностей духовныхъ: въ средѣ ихъ всегда находятся и лучшіе портные, ткачи, красильщики и т. д. Наконецъ самый необходимый предметъ для жизни монголовъ, юрты — выдѣлываются также въ монастыряхъ и такъ образ. монгольскіе монастырскіе ламы являются строителями всѣхъ домовъ во всей Монголіи вообще и для каждого монгола въ частности. Читателямъ ясно отсюда, что монгольскіе монастырскіе ламы трудятся въ дѣйствительности гораздо больше, чѣмъ монгольскій простолюдинъ и обвинять ихъ въ бездѣтельности будетъ вполне несправедливо. Еще менѣе справедливо будетъ почитать ихъ пьяницами и развратниками. Безъ дѣла монгольскіе ламы никогда почти не выходятъ изъ монастыря, а въ стѣнахъ его развѣ по

вечерамъ посѣщаютъ они другъ друга, поговорятъ о новостяхъ, вспомнить бывшее и разойдутся. Угощеній при этомъ почти никогда не бываетъ, развѣ кто, получивъ изъ степей какую либо подачку, предложить ее своему гостю: случится при этомъ «архи» (водка), выпьютъ по чаркѣ архи; но покупать водку и пьянствовать въ монгольскихъ монастыряхъ не въ обычаѣ, да при томъ ламы не обладаютъ для сего и достаточными средствами.

Относительно дѣлежа доходовъ у ламъ различныхъ монастырей мнѣ приходилось наблюдать различныя правила. Въ монастыряхъ тѣхъ хутухтъ, которые имѣютъ у себя шабинаровъ, содержаніе монастырскихъ зданій, равно какъ и самого хутухты, относится на счетъ податей, собираемыхъ съ шабинаровъ; доходы же, получаемые отъ богослуженій, всѣ сполна идутъ въ раздѣлъ ламамъ, поэтому-то ламы хутухтинскихъ монастырей получаютъ сравнительно больше, чѣмъ ламы другихъ обитателей. Общимъ постановленіемъ относительно дѣлежа доходовъ можно считать только то, что, при раздѣлѣ доходовъ, имѣютъ право на часть только лица, вошедшіе въ монастырскіе списки и окончившіе полный курсъ ученія. За сямъ въ посѣщенныхъ мною монастыряхъ ургинскаго Чжэбцаунъ-дамба-хутухты, равно какъ и въ другихъ хутухтинскихъ монастыряхъ можно замѣтить слѣдующее: Дѣлежъ доходовъ совершается *иногда* непосредственно послѣ богослуженія и *непрерывно* въ дни мадаковъ, т. е. 8, 15 и 30 чиселъ мѣсяца. Дѣлежъ непосредственно послѣ богослуженія бываетъ главнымъ образомъ тогда, когда отъ богослуженія много доходовъ, или когда оно совершается по частной просьбѣ какого нибудь милостынедателя; въ послѣднемъ случаѣ необходимымъ условіемъ является, чтобы приношеніе милостынедателя было настолько значительно, что могло бы удовлетворить всѣхъ участниковъ богослуженія полученіемъ одной, равной для всѣхъ доли. (Единицею мѣры служить при этомъ во всей Монголіи — шаръ-цай¹⁾), и если приношеніе таково, что на каждого изъ участвующихъ

1) О значеніи слова «шаръ-цай». См. наше сочиненіе «Ургинскіе хутухты», стр. 83.

щихъ въ богослуженіи членовъ общины не хватитъ и по одному шаръ-цаю, то доходъ уже не дѣлится). Если доходъ отъ молебствія, совершаемаго по заказу, большой, то старшимъ ламамъ, габкюю и унзату даютъ прибавочныя части; если же доходъ только удовлетворяетъ всѣхъ членовъ, то дѣлятъ безъ прибавки лишнихъ частей. Если доходъ отъ обычнаго дневнаго служенія, или же отъ заказнаго молебствія, такъ незначителенъ, что не достаётъ и по одной части (по одному шаръ-цаю) на cadaго служащаго, то всю сумму дохода кладутъ въ санъ (казнохранилище) и записываютъ, доводя объ этомъ до всеобщаго свѣденія хувараковъ; доходы нѣсколькихъ дней, собранные такимъ образомъ и дѣлятся 8, 15 и 30 числа. Если доходъ совершенно ничтоженъ и выражается въ одномъ какомъ нибудь грошевомъ хадакѣ, то его отдаютъ унзату. Дѣлежъ доходовъ 8, 15 и 30 чиселъ есть собственно дѣлежъ офиціальный и совершаемый по всѣмъ правиламъ монастырскихъ уставовъ. Сумма, подлежащая раздѣлу въ это время, составляется не изъ однихъ только оставшихся не раздѣленными доходовъ отъ храмовыхъ богослуженій, но еще, и притомъ главнымъ образомъ, изъ приношеній милостынедателей, которыя дѣлаютъ эти послѣдніе въ монастырскій санъ, приглашая ламъ для отпращиванія требъ у себя въ домѣ. По своему количеству сумма эта всегда бываетъ на столько значительна, что даетъ возможность отличить болышими частями дохода старѣйшихъ ламъ и наградить прибавками отличившихся. Кромѣ ламъ, начальствующихъ въ хуралѣ и завѣдующихъ въ монастырѣ отдѣльными частями управленія и хозяйства, всѣ остальные хувараки безъ различія своихъ степеней и безъ различія тѣхъ обязанностей, которыя исполняли они въ хуралахъ, получаютъ равныя части. На этомъ основаніи обыкновенный гэлунъ не отличается отъ обыкновеннаго гэцүля; банди, читавшій молитвы, не отличается отъ банди, прислуживавшаго при богослуженіи, равно и музыкантамъ лишнихъ частей не полагается, хотя обязанности ихъ несравненно труднѣе. Если всѣ они отлично отпращиваютъ свою должность, или же особливо отличится своимъ стараніемъ и ловкостью одинъ какой либо изъ нихъ; то въ этомъ случаѣ

даютъ имъ лишніа части, но не иначе какъ въ видѣ частной награды. Такимъ же образомъ удостоиваютъ награды лишнею частью дохода и тѣхъ, которые отличаются своимъ чтеніемъ молитвъ. Низшимъ прислужникамъ, которые варятъ и поносятъ чай при богослуженіи духовенству, даютъ, если доходъ очень большой, по полной части, а если средній — по половинѣ части, если доходъ незначительный, то не даютъ вовсе. Тѣмъ хуварѣкамъ, которые остаются въ домахъ для охраны ламскихъ жилищъ во время совершенія богослуженія, также даютъ по полной, или по половинной части. Ламѣ, который находится въ отлучкѣ по дѣламъ хурала, тому кто не могъ участвовать въ богослуженіи по болѣзни, а равно и тому, кто, съ вѣдома гѣбкѣу, находился дома, присматривая за больнымъ, выдается полная, положенная часть; но если кто отправился въ степи къ милостынедателямъ по собственному желанію, или же поѣхалъ по личному приглашенію милостынедателя, по безъ спроса у гѣбкѣу, тѣмъ условенная часть дохода не выдается. Хуварѣкамъ, которые состоятъ при ханбѣ-ламѣ и старшихъ ламахъ или въ качествѣ ихъ прислужниковъ, или же завѣдуя въ домахъ ихъ какими нибудь дѣлами, сколько бы этихъ хуварѣковъ ни было, выдается полная часть. Если какого нибудь ламу пригласятъ для совершенія какого либо богослуженія въ степи и онъ будетъ по этой причинѣ отсутствовать въ монастырскомъ хуралѣ, то ему части не полагается; если же онъ отправится, доложивши объ этомъ гѣбкѣу, а тѣмъ паче по назначенію сего послѣдняго, то ему выдается слѣдующая часть. Лишніа части однако не выдаются при этомъ ни въ какомъ случаѣ. Что касается этихъ лишнихъ частей, то они выражаются слѣдующимъ образомъ: ханбѣ-ламѣ полагается 5 частей (слѣдовательно лишнихъ 4); порчжй и ширѣту — 4 части; лацабу, гѣбкѣу, унзѣту и нирбѣ — 3 части; другія прибавочныя и наградныя части не опредѣленны: могутъ дать въ награду пол-части, одну часть, но никогда не свыше двухъ; во всякомъ случаѣ это зависитъ отъ опредѣленія главныхъ ламъ совмѣстно съ гѣбкѣемъ и, безъ ихъ согласія и опредѣленія, хуварѣки сами по себѣ выдать лишнихъ частей никому не могутъ.

Въ посѣщенныхъ мною хонѣунныхъ монастыряхъ, содержащихся исключительно на средства, получаемыя отъ богослуженій и приношеній милостынедателей, доходы дѣлятся такъ: 7 частей откладываются въ монастырскій сѣнь и идутъ на мелкія нужды кумирни и принадлежности богослуженій. За сямъ цорчжй-лама получаетъ 6 частей; ширѣту — 5 частей; лацабъ, старшіе гѣбкѣи, старшіе унзаты и старшіе дэмчи по 4 части; младшіе гѣбкѣи, младшіе унзаты, и ширба по 3 части; сверхштатные унзаты, гѣйкъ и цабрачй по 2 части; дэмчи и младшіе дэмчи по $1\frac{1}{2}$ части; остальные получаютъ по одной части. Бурѣчи, бишкѣурчи и прочіе музыканты лишннихъ частей не получаютъ, хотя имъ можетъ быть прибавлено по цѣлой части, или по половинѣ. Отсутствующимъ въ хуралѣ даютъ по полной части только въ томъ случаѣ, если доходъ значителенъ, при незначительности же суммы дѣлежа имъ даютъ по половинной части.

Управленіе монастыремъ равно какъ и всеѣмъ причисленнымъ къ нему духовенствомъ ведется старѣйшими ламами, по видимому, главнымъ образомъ на основаніи ихъ личныхъ соображеній; но нельзя не сказать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, хотя и весьма рѣдко, они руководствуются еще постановленіями некинскаго правительства, а равно и указаніями собственно буддійскихъ каноновъ относительно образа жизни и поведенія духовенства. На основаніи этихъ послѣднихъ, и еще болѣе на основаніи выработавшихся жизнью и переходящихъ по преданію обычаевъ, въ нѣкоторыхъ монастыряхъ составились свои особыя правила, обязательныя къ исполненію для всеѣхъ начальствующихъ въ монастырѣ, такъ что по этимъ правиламъ они уже неотступно и судятъ нарушителей монастырскихъ постановленій. Въ мои руки попададо только двѣ различныхъ редакціи этихъ правилъ и я въ обонхъ случаяхъ сдѣлалъ точные переводы ихъ, которые и представляю теперь читателямъ. Первый экземпляръ правилъ былъ полученъ мною отъ гѣбкѣи Эрдэни-цзү'скаго монастыря. По преданію, эти правила были якобы редактированы окончательно четвертымъ монгольскимъ хубилганомъ Чжабцзунъ-дамба-хутухты и съ тѣхъ поръ введены къ руководству въ большей ча-

сти монастырей этого гэгэна. Вотъ подлинный текстъ ихъ въ переводѣ:

«Если гэлунъ, гэгүль, или бѣнды сдѣлаютъ преступленіе, относящееся до четырехъ основныхъ обѣтовъ монашества, или если будутъ уличены въ пьянствѣ, то такъ какъ они почитаются потерявшими обѣты, съ нихъ снимаютъ всѣ ламскія одѣжды и принадлежности и даютъ 80 ударовъ; за симъ, если есть у нихъ намѣреніе исправиться, то имъ возстановляютъ обѣты и даютъ имъ новое, пизшее мѣсто при богослуженіи; если же они упорно будутъ закоснѣвать въ пороки, то выгоняютъ изъ монастыря. Если при этомъ произведутъ они какой либо беспорядокъ, или совершатъ какое нибудь преступленіе внѣ монастыря, то безусловно изгоняются изъ обители и судятся по свѣтскимъ законамъ, а имущество ихъ поступаетъ въ монастырское казначейство.

Если лама только не много отступитъ отъ четырехъ основныхъ обѣтовъ монашества, если выпьетъ водку въ видѣ лекарства, или если пригубитъ, будучи упрасиваемъ и принуждаемъ другими, то онъ назначается на три дня мести монастырскій дворъ и очищать монастырскія нечистоты; за симъ ему назначаютъ сдѣлать 1000 поклоновъ и внести въ монастырское казначейство одну лошадь, или же такое количество денегъ, какое стоитъ лошадь. Если нѣтъ у него денегъ и имущества, то онъ обязанъ отработать потребное число дней и только послѣ того имѣетъ право присутствовать при богослуженіяхъ.

Если лама будетъ упорно повторять одни и тѣже проступки, уходить отъ своего учителя, ссориться съ другими, то ему даютъ 50 ударовъ и поручаютъ обратно учителю; какое затѣмъ назначить ему наказаніе дома — усматриваетъ учитель; въ противномъ случаѣ провинившагося посылаютъ на черныя работы при монастырскомъ казначействѣ, — копать землю, выносить нечистоты и проч.; если не исправится онъ и послѣ этого, то выгоняютъ его изъ монастыря.

Если какой лама будетъ совершать требы не по правиламъ, или станетъ лечить неправильно и нерадиво, то слѣдуетъ поставить его на колѣна въ кумприѣ во всѣхъ богослуженіяхъ одного

дня. Данный ему гонораръ обратить въ монастырское казначеище и наконецъ назначить ему 1000 поклоновъ.

Если какой лама будетъ не по правиламъ, а по своимъ личнымъ соображеніямъ переводить священныя книги, или будетъ неправильно гадать (ཁྲ་མཁེ་ལྟ་བུ་), то такого слѣдуетъ поставить на колѣна въ кумирнѣ во всѣхъ богослуженіяхъ одного дня, оштрафовать принесеніемъ чая въ пользу совершающихъ богослуженіе хуварѣковъ, назначить ему 1000 поклоновъ и взять клятву, что онъ не будетъ такъ поступать впослѣдствіи.

Если какой лама будетъ переносить сплетни и клеветать, а чрезъ это поссоритъ хуварѣковъ, то разслѣдуютъ это дѣло, виновнаго же клеветника или сплетника не принимаютъ за сими въ свидѣтели по какому бы то ни было дѣлу на будущее время.

Если сплетня или клевета будетъ такого рода, что значеніе ея можетъ оказаться и за стѣнами монастыря, то виновному слѣдуетъ дать 30 ударовъ и взять съ него клятву, что онъ не будетъ поступать такъ впослѣдствіи.

Если какой лама, безъ всякой нужды, оставитъ у себя ночевать мірянина, то слѣдуетъ его поставить на колѣна въ кумирнѣ на время одного богослуженія; если же чрезъ это возбудится дѣло внѣ монастыря, то лама тотъ наказывается какъ и за сплетню.

Если какой лама произведетъ что-либо безчестящее другихъ, то слѣдуетъ поставить его на колѣна на время одного хурала и обязать внести чай, потребный для хуварѣковъ въ одномъ хуралѣ.

Если какой лама начнетъ какую нибудь срамную игру, то онъ наказывается 5-ю ударами.

Если два ламы поссорятся между собою изъ за какого нибудь не важнаго дѣла, то обоемъ дать по десяти ударовъ; если произведутъ ссору, ненавиствуя другъ на друга, то обоемъ дать по 25 ударовъ и за тѣмъ взять съ нихъ клятву, что они не будутъ помнить зла; если ссора перейдетъ въ драку, которая будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ раны, то виновнаго судятъ, соображая величину и количество побоевъ.

Если какой лама произведетъ ссору со старшимъ себя, то слѣдуетъ ему предъ лицемъ того старшаго дать десять ударовъ;

если же старшій несправедливо прибѣтъ младшаго, то поставить его на одинъ часъ на колѣна въ кумирѣ предъ полнымъ собраніемъ духовенства.

Въ особенности же если какой лама во время совершенія богослуженія начнетъ ссориться съ гѣбкѹемъ, не слушая его приказаній и упрямствуя встанетъ съ своего мѣста, такового наказать 40 ударами и больше.

Если ламы произведутъ ссору во время хурала, то виновнымъ даютъ по 25-ти ударовъ, если же ссора будетъ имѣть какія либо послѣдствія, то разбираютъ дѣло.

Если какой лама самовольно уйдетъ изъ хурала, или же самовольно будетъ сидѣть дома, то дать ему столько десятковъ ударовъ, сколько часовъ онъ пропустилъ; если же будетъ уклоняться отъ богослуженія, то на сколько часовъ опоздаетъ, на столько часовъ поставить его на колѣна въ кумирѣ предъ всѣмъ собраніемъ духовенства.

Если кто оставитъ дома свое оркимчжй, чашу и другія принадлежности, или, забывши ихъ, пойдетъ снова домой и возьметъ, то такового поставить на колѣна въ кумирѣ на одинъ часъ.

Если при чтеніи молитвъ, читающіе будутъ произносить слова молитвы не внятно, какъ бы шепотомъ, бормоча и забѣгая впередъ, то должно испытать ихъ знаніе; если они окажутся незнающими на изустъ, или плохо усвоившими себѣ молитву, то и учителей и учениковъ должно поставить на колѣна. Если во время богослуженія не будетъ кто читать молитвъ по лѣности, то поставить его на колѣна на одинъ часъ; если же не будетъ читать и послѣ этого, то наказать его по правиламъ объ упорствѣ.

Если кто либо умышленно испортитъ музыкальный инструментъ, какую-либо принадлежность богослуженія, или разорветъ листъ изъ книги, то такового надлежитъ наказать 20-ю ударами и заставить исправить попорченное.

Если какой бѣнди, хотя бы и не во время хурала, безъ позволенія учителя и гѣбкѹя пойдетъ въ гости, то наказать его 25-ю ударами. Если кто отправится съ разрѣшенія, но пропустить

срокъ, то на сколько дней опоздаетъ, столько пятковъ ударовъ слѣдуетъ дать ему въ наказаніе.

Въ другихъ подобныхъ же случаяхъ, если бы кто либо сдѣлалъ то, чего не должно дѣлать, виновные наказываются сообразно съ мѣрою своего проступка.

Если какой либо изъ первенствующихъ ламъ (ханбод, порчжй, ширѣгү) будетъ немилосердно жестокъ, не будетъ заботиться о хуварѣкахъ, будетъ небрежно относится къ преподаванію священнаго ученія, нарушать постановленія и распоряжаться самовольно, то слѣдуетъ низвести его въ разрядъ простыхъ ламъ, а на мѣсто его поставить человѣка съ хорошими достоинствами, прямодушнаго, умнаго и внимательнаго къ хуварѣкамъ.

Также точно и гѣбкүй, если будетъ онъ неспособенъ къ управленію, не будетъ заботиться о правилахъ вѣры, будетъ двоедушенъ, будетъ льстить и снисходить къ знатымъ и нападать на низшихъ, если будетъ невнимателенъ къ хуварѣкамъ и допускать различныя опущенія, низводится въ разрядъ простыхъ ламъ и замѣщается достойнымъ человѣкомъ.

Если первенствующіе ламы и гѣбкүй сдѣлаются (по преклонности лѣтъ своихъ, или болѣзни) слабы и малоспособны къ прохожденію порученныхъ имъ частей управленія, то въ помощь имъ нужно придать способнаго человѣка.

Если они сдѣлають опущенія по небрежности къ хуралу, и если опущеніе будетъ большое, то опшграфовать ихъ принесеніемъ чая духовенству; если опущеніе будетъ среднее, — лишить ихъ одной части дохода; если они совершаютъ одно изъ основныхъ преступленій монашества, будутъ пить вино, то низводятся въ разрядъ простыхъ ламъ и потомъ судятся; но при этомъ имъ слѣдуетъ назначать столько сотенъ поклоновъ, сколько ударовъ слѣдуетъ давать въ наказаніе обыкновенному ламѣ, столько сотенъ круговращеній во кругъ кумирни, сколько часовъ слѣдуетъ простоять на колѣнахъ обыкновенному ламѣ. Колѣностояніе одного дня замѣняется 700-ми круговращеній.

Если гэлүнъ затѣетъ игры или какое нибудь увеселеніе, ему назначается 500 поклоновъ, но при этомъ соразмѣряется еще и

величина самой затѣи; подобнымъ образомъ рѣшаются дѣла и относительно другихъ духовныхъ — гэцүлей и банди.

Если ипрба будетъ нерадѣть о казнѣ и стадахъ хувараконъ, не будетъ знать цѣну имуществамъ, будетъ самовольно производить расходы, не будетъ готовить необходимаго и вообще обнаружитъ опущенія по должности, то отчислить его отъ управления сан'омъ (казначействомъ) и на его мѣсто поставить человека способнаго и достойнаго; если онъ окажется растратившимъ имущество и скотъ, то заставить его пополнить растрату, при недостаточности же средствъ къ пополненію, отдать въ работы.

Если унзатъ не будетъ заниматься изученіемъ чтеній, музыкальной игры и пѣнновъ, но, живя въ лѣности и проводя время праздно, оставить всѣ дѣла и произведетъ своими распоряженіями беспорядокъ въ храмовомъ богослуженіи, то у него отнимаютъ присвоенную ему часть доходовъ и наказываютъ, поставивъ на колѣна во время богослуженія; если онъ сдѣлается вовсе не способнымъ, то низводится въ разрядъ простыхъ хувараконъ; если онъ не будетъ исполнять приказаній, то подлежитъ наказанію по правиламъ объ упрямствѣ.

Если гэйкъ произведетъ опущеніе въ какомъ либо дѣлѣ, будетъ нерадивъ въ исполненіи порученій, если вмѣсто того, чтобы обойти и осмотрѣть тѣ мѣста, которыя приказано ему посѣтить, онъ самовольно пойдетъ куда либо еще, если вообще онъ выкажетъ лѣность, то наказывается пятью, десятью, пятнадцатью и болѣе ударами, смотря по величинѣ проступка. Если помимо сего онъ еще растратитъ, или попортитъ порученныя ему монастырскія вещи, то, наказавъ его 25-ю ударами, заставить возмѣстить причиненный имъ монастырю убытокъ. Если онъ не будетъ въ состояніи возмѣстить убытковъ, то надлежащую сумму слѣдуетъ взыскать съ цорчжй, гэкбүя и унзата.

Вторая редакція монастырскихъ правилъ была пріобрѣтена мною въ южной Монголіи и именно отъ цорчжй-ламы-монастыря чахарскаго Дабанъ цзалаана, кочевья котораго располагаются верстахъ въ 25 отъ Калгана и верстахъ въ 12 отъ иньшаньскаго перевала Цаганъ-тологой. Правила эти, какъ говорятъ, были

первоначально составлены хутухтою Донкòрь маньчжўшри, а изъ монастыря его разошлись по всѣмъ монастырямъ чахарскимъ; впоследствии они якобы подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, хотя измѣненія эти весьма не существенны. Вотъ дословный переводъ ихъ по редакціи, бывшей въ монахъ рукахъ:

«Вообще если кѣмъ либо изъ ламъ будетъ совершенъ незначительный проступокъ, то провинившемуся слѣдуетъ назначить положить нѣсколько поклоновъ въ кумирнѣ во время совершения великаго хурала и послать его исполнять черныя работы въ монастырѣ; если проступокъ будетъ средній, то провинившемуся должно назначить сварить чай для хуваракòвъ, представить пздѣ къ богослуженію и, раскаяваясь въ своемъ грѣхѣ, класть поклоны; если проступокъ будетъ большой, то гѣбкўй наказываетъ провинившагося нѣсколькими ударами палкою (чжукòбò), или же наконецъ виноватаго изгоняютъ вовсе изъ монастыря и снимаютъ съ него обѣты. Но если, при разборѣ проступка низшаго ламы, окажется, что виною проступка являются начальствующіе монастыря, если цоржїи-лама и гѣбкўй будутъ недостаточно строго управлять хувараками, не будутъ ихъ учить, если нерадивость ихъ сдѣлается извѣстною, или же будетъ засвидѣтельствована какимъ либо побочнымъ человѣкомъ, то слѣдуетъ обвинить этихъ начальствующихъ.

Если какой либо лама или банди завѣдомо совершитъ чрезвычайный проступокъ и произведетъ какое либо постыдное дѣло, его навсегда изгоняютъ изъ монастыря и судятъ по гражданскимъ законамъ. Если при этомъ выяснится, что начальствующіе монастыря поступаютъ не строго, то должно лишить званія начальствующихъ монастыря, а потомъ заставить ихъ принести духовенству мандзу и сдѣлать извѣстное число поклоновъ въ кумирнѣ. Если важный проступокъ будетъ совершенъ обыкновеннымъ ламой по нечаянности, то виноватому по окончаніи наказанія, которымъ долженъ онъ загладить этотъ проступокъ, назначаютъ принести мандзу въ кумирню, сдѣлать въ хуралѣ 10,000 поклоновъ и даютъ ему снова обѣты.

Если какой лама выпьетъ водки и напьется пьянымъ, или совершитъ завѣдомо другое какое-либо, важное и постыдное дѣяніе, то проступокъ его заглаживается внесеніемъ въ монастырское казначейство одного девятка скота, помимо того ему назначаютъ 5,000 поклоновъ и заставляютъ его поновить обѣты. Если у провинившагося не будетъ скота, тогда ему даютъ 100 ударовъ плетью. Если при этомъ цорчжі и гѣбкүй будутъ относиться снисходительно къ виноватому, назначать ему меньшее наказаніе, то ихъ должно оштрафовать въ пользу монастыря одною лошадыю. Если лама будетъ уличенъ въ такого рода проступкахъ три раза, то его навсегда изгоняютъ изъ монастыря и обращаютъ въ простолюдина съ передачею въ вѣдомство хошўннаго князя.

Если какой лама совершитъ важный проступокъ безъ умысла, если онъ будетъ ссориться съ своимъ учителемъ, если будетъ преступать монастырскія правила о благочиніи, будетъ разказывать о монастырскихъ дѣлахъ людямъ постороннимъ, въ средѣ самихъ хуварѣковъ посѣетъ смуту и раздоры, то онъ наказывается внесеніемъ въ монастырскій саль одного девятка скота и кромѣ того ему назначается положить въ храмѣ 3,000 поклоновъ. Если у него нѣтъ скота, то ему даютъ 80 плетей. Если цорчжі будетъ судить за эти проступки слабо, то ему должно назначить 1,000 поклоновъ.

Если какой лама будетъ отступать отъ правилъ, принятыхъ въ монастырѣ, не будетъ являться въ хошўнный хуралъ, будетъ возбуждать несправедливые споры и противодѣйствовать начальникамъ монастыря, будетъ заниматься куплей и продажей и производить другія неприличія такого рода, то его должно оштрафовать одною лошадыю въ пользу монастыря и назначить 1,000 поклоновъ; если нѣтъ у него скота, то дать ему 50 плетей. Если начальникъ монастыря будетъ въ этихъ случаяхъ давать послабленіе, то ему назначается простоять на колѣнахъ во все время совершенія одного хурала.

Если кто либо изъ ламъ своими смутами возбудитъ ссору между хуварѣками, будетъ скрывать проступки другаго, безъ

позволенія цорчжй и гѣбкѹя будетъ держать у себя водку, оставить почевать женщину; если гэлѹнъ или гѣцѹль будетъ ѣсть вечеромъ пищу, то оштрафовать ихъ одною ланною серебра (по большей части одною овцою) въ пользу монастыря и назначить положить 300 поклоновъ; если же у провинившагося не будетъ скота, то дать ему 25 плетей. Если цорчжй будетъ давать въ этихъ случаяхъ послабленіе, то наказывать его поклонами въ кумирнѣ.

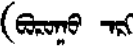
При ссорахъ, перешедшихъ въ драку и имѣвшихъ своими послѣдствіями раны и увѣчья, виновные хуварѣки подлежатъ суду гражданскихъ и духовныхъ властей совмѣстно, и наказываются по гражданскимъ законамъ.

Штрафъ, взятый съ ламъ за преступленія касательно пищи и водки, а равно и за произведеніе междоусобной смуты въ средѣ хуварѣковъ, поступаетъ въ монастырское казначейство (сѣнъ); по другимъ же преступленіямъ, каковы: воровство, разбой и проч. мѣсто назначеніе этого штрафа опредѣляется по гражданскимъ законамъ.

Нѣкоторые, не пріобрѣтши въ дѣйствительности никакихъ знаній, дѣлаютъ изъ себя видъ ученыхъ, или, основываясь на протекціи, на богатствѣ и происхожденіи, нарушаютъ установленные монастырскіе обычаи; таковыхъ, смотря по величинѣ проступка и происшедшихъ отъ него результатовъ, должно ставить на колѣна на одинъ часъ во время совершенія хурѣла, или же наказывать 30, и 40 ударами плети.

Нѣкоторые, шатаясь безъ дѣла, не посѣщаютъ богослуженій; выставляютъ разныя причины, чтобы уйти отъ богослуженія; безъ дѣла бродятъ по юртамъ окружающихъ монастырь милостышедателей; во время совершенія богослуженія различными голосами безобразить общій и должный строй пѣнія, или же сидятъ, не читая молитвъ; если дадутъ имъ барабанъ, или какой нибудь музыкальный инструментъ, они не берутъ его; таковыхъ самовольниковъ слѣдуетъ ставить на колѣна въ хурѣлѣ и давать имъ, смотря по проступку, 20, или 30 ударовъ. Если кто сдѣлаетъ незначительный обманъ, не будетъ учиться въ то время, когда

можетъ учиться, будетъ постоянно думать объ играхъ и забавахъ, будетъ небреженъ и не исполнительенъ въ совершении того, что ему извѣстно, такового, смотря по величинѣ проступка, слѣдуетъ наказывать 10 или 20-ю ударами и кромѣ того дать ему еще правило».

Всякое большое или малое слѣдствіе о проступкахъ ламъ, а равно и соответствующее наказаніе за преступленіе производится во время хурала. Въ это время виновный выводится передъ собравшихся хуварьковъ и тогда обстоятельства его преступленія излагаются подробно и во всеуслышаніе. Назначенные въ наказаніе поклоны и круговращенія считается гѣйкъ; если опредѣляется наказаніе ударами палкою (чжукбѣ), то эти удары отсчитывается тутъ же, въ кумирнѣ, гѣбкѣй; удары плетью производятся на крыльцѣ кумирни и подъ надзоромъ гѣйка. Если опредѣляютъ выгнать ламу изъ монастыря, то для производства этого дѣйствія ударяютъ въ кѣнгѣргѣ (барабанъ) и собираютъ всѣхъ монастырскихъ ламъ въ кумирню. Здѣсь они усаживаются на своихъ мѣстахъ, а осужденный становится посреди кумирни, лицомъ къ бурханамъ. Вслѣдъ за симъ ламы начинаютъ читать молитву, называемую «билигѣйнъ чжирѣхѣйнъ (сердце премудрости)» и когда оканчиваютъ ее, то начинаютъ хлопать въ ладони и трубить въ бѣрѣ. Въ это время къ осужденному подходитъ гѣйкъ, держа въ одной рукѣ бѣйпѣрѣ (кадельницу) съ наложнымъ въ него куреніемъ изъ можжевельника, а въ другой — палку, величиною въ аршинъ. Толкнувъ этою палкой въ правое плечо осужденнаго, онъ поворачиваетъ его въ сторону, противоположную солнцехожденію () лицомъ къ дверямъ, затѣмъ медленно гонитъ его палкой изъ кумирни, окуривая каждый, пройденный имъ шагъ. У воротъ монастыря изгнаннаго ламу передаютъ хошѣйнному, или сумѣйнному гражданскому чиновнику, который на этотъ случай всегда командированъ мѣстнымъ правителемъ хушѣна.

Если изгнанный изъ монастыря лама снова пожелаетъ исправиться и вступить въ число членовъ монастырской братіи, онъ заявляетъ объ этомъ прежде всего своему хошѣйнному князю. Получивъ согласіе князя, онъ обращается съ просьбою къ первен-

ствующимъ ламамъ монастыря, за сямъ къ гэкбѣю и уизату; если и эти послѣдніе согласятся на его принятіе, то объявляютъ о просьбѣ всей монастырской братіи, когда соберется она для совершенія богослуженія. По выслушаніи согласія ламъ, гэкбѣй назначаетъ изгнанному возобновленіе обѣтовъ; черезъ нѣсколько дней выводитъ его въ хуралѣ передъ сидѣщихъ ламъ, заставляетъ его сдѣлать девять поклоновъ передъ бурханами и девять поклоновъ передъ ламами и затѣмъ указываетъ ему новое мѣсто, которое онъ долженъ занимать во время богослуженій.

Довольно часто бываетъ, что ламы и сами добровольно снимаютъ съ себя обѣты и уходятъ изъ монастыря. Это бываетъ во первыхъ, въ случаѣ смерти братьевъ, когда на ламѣ лежитъ обязанность жениться, чтобы продолжить свой родъ и, по выраженію монголовъ, «не погасить своего очага»; во вторыхъ, — въ военное время, когда многіе ламы, по своему желанію, поступаютъ въ военную службу и въ третьихъ, наконецъ, при недостаточности родителей, когда они состарѣваются и ихъ не кому пропитывать. Добровольно снятіе обѣтовъ совершается уже безъ всякихъ церемоній и даже не въ хуралѣ, а въ юртѣ настоятеля монастыря. Снимающій обѣты является къ настоятелю, принося ему лампаду, хѣнжй, домбо чаю и тарелку мяса. За сямъ настоятель монастыря читаетъ молитву, а уходящій дѣлаетъ въ это время 500 поклоновъ; окончивъ поклоны, онъ подножаетъ на коѣнкахъ къ настоятелю, который даетъ ему благословеніе (ᠮᠤᠩᠭᠤᠯᠠᠭ) возложеніемъ на голову его священной книги. Этимъ церемонія оканчивается и снявшій ламскіе обѣты, одѣвшись въ платье простолюдина, уходитъ изъ монастыря, забравъ все свое имущество.

Помимо вышеописанныхъ ламъ-монаховъ, живущихъ по монастырямъ, имѣющихъ различныя посвященія, совершающихъ хуралы, несущихъ разныя монастырскія должности и состоящихъ въ ближайшемъ отношеніи къ міру, вслѣдствіе необходимости удовлетворять духовнымъ потребностямъ своихъ милостынедателей — прихожанъ, въ буддійскихъ монастыряхъ являются еще ламы, не имѣющіе отношеній къ міру, но всецѣло посвятив-

шіе себя изученію буддизма и его научныхъ трактатовъ по части богословія, философіи, логики, риторики, поэзіи, просодіи, этики, медицины, астрологіи, алхиміи и пр. Общины такихъ ламъ мы встрѣчаемъ исключительно въ большихъ хутухтинскихъ обителяхъ, какъ напр. въ Ургѣ, Эрдэни-цзү, долонъ-нурскомъ Шарасумѣ и др. Это, такъ называемые, «цанйтскіе аймаки ламъ». Съ внѣшней стороны эти аймаки, или монастырскія отдѣленія, рѣшительно ничѣмъ не отличаются и отъ другихъ монастырскихъ аймаковъ: они имѣютъ у себя обыкновенныя кумирни, съ тѣми же начальствующими и должностными лицами, управляющими какъ дѣлами ламъ, такъ и дѣлами хураловъ; но внутренняя жизнь цанйтскихъ общинъ уже совершенно разнствуетъ отъ жизни прочихъ монастырскихъ ламъ. Ламы «цанита» занимаются исключительно наукой. Составъ цанйтскихъ аймаковъ пополняется изъ обыкновенныхъ монастырскихъ монаховъ, но никто не приходитъ сюда иначе какъ по сознательной и доброй волѣ, влекущей его къ наукѣ. Понятно, что при этомъ условіи, число цанйтскихъ ламъ никогда не бываетъ велико: въ Ургѣ изъ общаго числа ламъ, доходящаго до 13,000, къ цанйтскому аймаку едва принадлежитъ 150 человекъ. По моимъ наблюденіямъ въ Ургѣ, въ цанйтскій аймакъ обыкновенно перечисляются молодые ламы въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ; это тѣ любознательные юноши, въ которыхъ ихъ наставники успѣли развить благородное стремленіе къ основательности и полнотѣ знаній. Не будучи удовлетворяемы обыкновенными учителями, они заявляютъ о своемъ желаніи слушать цанитъ настоятелю монастыря и послѣдній всегда немедленно же исполняетъ ихъ просьбу, сообщая только непосредственнымъ начальникамъ аймаковъ о перечисленіи такого то желающаго ламы изъ такого то аймака въ аймакъ цанйтскій. Послѣ сего желающій прослушать цанитъ лама уже свободно переходитъ въ новую для него общину ламъ, гдѣ открывается ему и новая жизнь и новая наука.

Слово «цанитъ» (མཆོད་ཅིན་) съ тибетскаго въ переводѣ на русскій языкъ состоитъ изъ двухъ словъ: *цана* (མཆོད་ཅིན་) —

монг. ᠪᠠᠨᠤᠵᠢᠷᠠ) — мудрость и *цангъ* (ᠴᠠᠩᠭᠡ , монг. ᠴᠠᠩᠭᠡ) — основное свойство, сущность; то есть «ученіе, излагающее сущность мудрости»; въ буддѣйской терминологіи такъ называется ученіе высшей догматики буддизма. Собственно цангъ есть упорядоченное толкованіе на отдѣльныя части Ганьчжүра. Такъ какъ послѣдній, по предметамъ, входящимъ въ составъ его изслѣдованій, раздѣляется на 4 части: 1) плэрхэй аймакъ саба, 2) судурунъ аймакъ саба, 3) винайнъ аймакъ саба и 4) ундүсү, то и цангъ раздѣляется на тѣ же части. Самый краткій учебникъ цангъта, который по преимуществу и преподается въ Монголіи, заключается въ пяти томахъ. Онъ содержитъ въ себѣ краткую выборку мыслей, и толкованіе ихъ изъ первыхъ трехъ частей Ганьчжүра, а именно, плэрхэй аймакъ саба и судурунъ аймакъ саба излагаются въ первыхъ четырехъ томахъ, а винайнъ аймакъ саба въ одномъ томѣ, — пятомъ. Изученіе первыхъ двухъ отдѣловъ (т. е. плэрхэй аймакъ саба и судурунъ аймакъ саба) дозволяется буддизмомъ всякому; изученіе же винай, по правиламъ ламъ, предоставляется только принявшимъ духовныя обѣты; при этомъ еще виная раздѣляется на части: одна принадлежитъ принявшимъ обѣты убашій, другая — принявшимъ обѣты гэцүля, все же сносна доступно только изученію гэлүна. Чжүдъ, или ундүсү изучается отдѣльно отъ упомянутыхъ частей и обыкновенно уже послѣ всѣхъ ихъ, ибо смыслъ его, по свидѣтельству ламъ, не можетъ быть даже и понятенъ незнакомымъ по крайней мѣрѣ съ двумя первыми частями.

Изученіе трактатовъ цангъта начинаютъ въ Ургѣ по большей части изслѣдованіемъ внѣшней природы вещей; таковъ трактатъ о внѣшней формѣ предметовъ, ихъ цвѣтѣ и пр.; за сямъ переходятъ къ трактату о бытіи (существованіи) предметовъ и небытіи (ши-дубъ, монг. $\text{шитүгэнъ-бүтүгэхсэнъ}$); здѣсь изслѣдуются вопросы о происхожденіи предметовъ: вѣчны ли они, или не вѣчны, подвержены ли разрушенію, или нѣтъ, существуетъ ли что либо вѣчно, могутъ ли быть названы вѣчными или нѣтъ стихія воздуха, духъ, божественная премудрость и пр. и почему? За сямъ

излагается о причинахъ и слѣдствіяхъ (чжу-брай, རྒྱུ་ལྔའི་མཁོ་བོ་, монг. шилтагъанъ үрэ); сюда принадлежатъ вопросы о томъ, есть ли въ природѣ вещи безпричинныя, или не имѣющія послѣдствій, какія именно, почему они могутъ быть названы, или не могутъ быть причисленными къ отдѣлу безпричинныхъ, или не имѣющихъ послѣдствій и пр. Новый, слѣдующій за сымъ отдѣлъ, разсматриваетъ свойства человѣческаго духа (мысли, знаній и другихъ проявленій его), этотъ отдѣлъ называется «юйну цзуйль».

Отдѣлъ «судурунъ аймакъ саба» начинаютъ изученіемъ парчіна, въ которомъ излагается путь къ достиженію святости будды, дѣянія бодисатвъ, исторія будды Шигэмунія и пр. Должно замѣтить, что все ученіе цаніта излагается въ вопросахъ, по данному же отдѣлу вопросы предлагаются въ родѣ слѣдующихъ: гдѣ находился будда послѣ того, какъ рѣшился онъ дѣйствовать на благо существъ; гдѣ онъ перерождался, у кого и отъ кого? Или: что должно лежать въ основѣ стремленія къ достиженію состоянія будды? (желаніе быть буддою). Зачѣмъ и почему такое желаніе? и пр. Толкованій парчіна весьма много, едва ли не болѣе всѣхъ другихъ отдѣловъ цаніта. Такимъ образомъ изъ біографіи Цзонхавы мы узнаемъ, что еще во времена Цзонхавы было издано пространное толкованіе парчіна Чжамцанъ ламою, но, несмотря на его величину, Цзонхавъ призналъ его менѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ найденное имъ въ монастырѣ Нарганъ и составленное гзбшй ламою Нья-бо-Гун-га-балъ. Всего же по біографіи Цзонхавы мы видимъ болѣе 20 различныхъ сочиненій по предмету толкованія парчіна. Вторая часть отдѣла «судурунъ аймакъ саба» — Умъ говоритъ прежде всего о скептицизмѣ въ знаніяхъ, а основу дальнѣйшихъ трактатовъ имѣетъ въ трехъ отдѣленіяхъ Юма: объясняетъ истинныя свойства пустоты и указываетъ путь избавленій отъ орчиана.

Отдѣлъ «винанъ аймакъ саба» разсматриваетъ ученіе о постахъ и обѣтахъ, при чемъ излагаются въ подробномъ перечнѣ всѣ обѣты, случаи ихъ нарушенія и пр. Таковы вопросы о томъ, можетъ ли считаться нарушеннымъ постъ, если человѣкъ про-

глотивъ застрявшее въ зубахъ его со вчерашняго дня мясо? Кроме того, въ винѣ же изложенъ уставъ богослуженій: какимъ образомъ и когда какія должны быть совершаемы, какія богослуженія содѣйствуютъ отпущенію какого рода грѣховъ, болѣзней и пр.

Время происхожденія цанитскаго ученія въ точности неизвѣстно, но въ біографіи Цзонхавы, между прочимъ, сообщаетъ, что Цзонхавъ на 19-мъ году отъ роду, въ годъ зайца (1375) отправился въ монастыри Сан-пу и Даванчѣнъ и установилъ здѣсь «богослужебный обмѣнъ» (хуралунъ-хэсүлгэ). Въ объясненіе этого термина приводится самый порядокъ установленнаго обряда, именно: по оповѣщеніи монастырскаго духовенства, все множество его, имѣя во главѣ верховныхъ ламъ, совершало богослуженіе. Послѣ сего всѣ ученые монастыря и прежде всего первенствующие вставали и излагали ученіе; при этомъ, подробное разъясненіе смысла ученія, которое могло быть представляемо въ отвѣтъ на всякій вопросъ каждымъ знающимъ ламой, и называлось «богослужебнымъ обмѣномъ»¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ описаніи біографіи разумѣется именно школа цанита, но установилъ ли Цзонхавъ цанитъ въ это время, или онъ только ввелъ его уже существовавшій въ упомянутые монастыри, этого нельзя рѣшить по не опредѣленности текста. Припомнимъ однако, что самъ Цзонхавъ имѣлъ своимъ воспитателемъ цорчжѣ Дун-рүбъ-ринчина, который носилъ званіе гѣбші, даваемое только изучающимъ цанитъ. Монгольскіе ламы введеніе цанита приписываютъ Цзонхавѣ но, кажется, съ большею достовѣрностію можно положить, что Цзонхавъ былъ только учредителемъ и изобрѣтателемъ обрядовой стороны цанита, изученіе котораго существовало и прежде вмѣстѣ съ его званіями и, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми, учеными степенями. Послѣднее мнѣніе кажется намъ тѣмъ болѣе справедливымъ, что изъ той же біографіи видно, какъ Цзонхавъ постепенно переходилъ къ составляемой имъ

1) Хамуги айладухчи йэхэ богдэ Цзонхавинъ гэгэну наитарь. Гл. 3-я, л. 7—10-я.

формѣ цангта. Уже послѣ основанія въ упомянутыхъ монастыряхъ «хуралунъ-хэсулгэ», онъ самъ, слушая чжудь (ཤུག་) у ламы Римдамба, прослушалъ часть *наставительно*, получая урокъ и наставленіе на каждый отдѣльный трактатъ; а часть *состязательно*, или, какъ говоритъ сама біографія, «прослушалъ, вводя разговорный способъ объясненій, свойственный тому, который практикуется и нынѣ у изучающихъ цангтъ». (ཁོས་བཞུགས་པའི་མཚན་མདུན་གྱི་རྒྱུ་རྐྱེན་ལྟར་ཡིན་པ་ལྟར་གསུངས་པ་ལྟར་།).

Эти же самые способы наставительнаго и состязательнаго изученія цангита прѣктикуются и въ настоящее время. Лама, перечислившійся въ цангитскій аймакъ, прежде всего слушаетъ цангитъ наставительно, изучая цангитское ученіе и слушая толкованіе его отъ своего наставника. Когда онъ изучитъ такимъ образомъ первые четыре тома цангита, заключающіе въ себѣ «илэрхэй аймакъ саба» и «судурунъ аймакъ саба», а равно и соответствующую своимъ посвященіямъ часть винай, онъ получаетъ званіе «гэбшій», (རྒྱུ་བཤེས་, монг.) и можетъ принимать участіе въ изученіи цангита состязательномъ. Впрочемъ къ состязательному изученію цангита именно въ эту пору приступаютъ очень не многіе. Въ цангитскіе аймаки приходятъ по большей части ламы, имѣющіе посвященіе гэдзюля; поэтому, окончивъ соответствующее степеніи своего посвященія изученіе отдѣла «винайнъ аймакъ саба», они принимаютъ посвященіе въ гэлзюна и продолжаютъ дальнѣйшее изученіе винай. Еще дальше они принимаютъ бодисадуйнъ савваръ и тарнийнъ савваръ, послѣ чего приступаютъ къ изученію послѣдней части цангита ундусу (). Только изучивъ цангитъ споина и запасшись всѣми благодатными силами, даруемыми посвященіемъ, монгольскіе ламы и приступаютъ къ цангитскимъ состязаніямъ, или диспутамъ.

Порядокъ этихъ диспутовъ въ настоящее время слѣдующій. По окончаніи утренняго богослуженія, ламы, намѣревающіеся давать объясненія встанутъ съ своихъ обычныхъ мѣстъ и са-

дятся на приготовленныхъ для нихъ сѣдалищахъ у горнаго мѣста кумирни. Имѣющій давать вопросы встаетъ, снимаетъ шапку и мантію, оставляя ихъ на своемъ мѣстѣ въ общемъ ламскомъ кругѣ, и подходитъ къ своимъ диспутантамъ. Ставъ передъ ями и держа четки въ правой рукѣ, онъ прежде всего ударяетъ правую ладонью лѣвую, послѣ чего разводитъ руками, опуская лѣвую ладонь къ низу, а правую поднимая вверхъ, причемъ произноситъ «дисъ»! Опушеніе лѣвой ладони къ низу въ таинственномъ смыслѣ знаменуетъ прикрытіе дверей адовъ, дабы не возрождались въ нихъ существа; поднітіе правой руки означаетъ возведеніе изъ мѣстъ злополучныхъ перерожденій существъ, которыя наслѣдовали эти перерожденія прежде, за свои грѣховныя дѣлнія; возгласъ «дисъ» составляетъ слогъ, изображающій сердечную сущность (чжирукхэнү тѣрни) Маньцзунри, почитаемаго источника мудрости, и назначается какъ бы для свидѣтельства о призываніи божественной помощи къ разъясненію истины. Послѣ сего лама-совопросникъ предлагаетъ свой вопросъ первому изъ сидящихъ и если тотъ не отвѣчаетъ, снова ударяетъ въ ладоши, и снова предлагаетъ тотъ же вопросъ; ударъ въ ладоши долженъ служить свидѣтельствомъ собою горячности, съ которою спрашивающій относится къ диспуту. Если разрѣшающій вопросъ не отвѣтитъ послѣ повторенія ему вопроса въ третій разъ, спрашивающій касается рукою до праваго плеча его, что означаетъ побѣду, и переходитъ ко второму сидящему для отвѣтовъ ламѣ съ тѣмъ же вопросомъ. Когда вопросъ разрѣшенъ удовлетворительно, предлагается къ обсужденію другой и т. д.

Каждый лама, сполна изучившій цангъ (гэбш) и удовлетворительно выдержавшій по каждой изъ частей его состязательное испытаніе, получаетъ званіе габяку (རྒྱལ་བུ་, монг.). Говорятъ, что съ этого времени цангскіе ламы получаютъ право носить особую шапку, () которая дѣлается изъ гладкой бересты, по формѣ своей тульи представляетъ котелокъ и снабжена громадными, прямыми полями. Съ паружной стороны эта шапка вся вызоло-

чена, туля ея украшена изображеніемъ «улцэй-утасу», а на вершинѣ утверждается превосходящее обычное по своимъ размѣрамъ, вызолоченное изображение вачіра. Получивъ званіе габчжү, нѣкоторые изъ цанітскихъ ламъ иногда уходятъ добровольно, а иногда назначаются въ другіе монастыри, въ которыхъ цанітъ не преподается: въ этихъ монастыряхъ они обыкновенно занимаютъ должность «ном'унъ ламъ». Должно сказать однако, что такое назначеніе дѣлается не иначе, какъ по желанію самаго ламы, а желаніе это не обнаруживаютъ многіе. Большая часть цанітскихъ ламъ, по полученіи званія «габчжү», остается по старому въ своемъ цанітскомъ аймакѣ и приступаетъ къ спеціальному изученію какой либо одной части буддійской науки. Эти ламы причисляются такъ сказать къ одному, избранному факультету и изучаютъ или а) илэрхэй аймакъ саба, или б) судурунъ аймакъ саба, или в) виндінъ аймакъ саба, или д) медицину, или е) астрологию, или наконецъ ф) тарнистическія системы, т. е. отдѣлы магіи и заклинаній. Замѣтимъ при этомъ, что предметы, входящіе въ составъ этого послѣдняго факультета, почитаются самыми трудными, почему изученію ихъ предшествуетъ весьма многое изъ отдѣла «илэрхэй аймакъ саба». При такомъ составѣ факультета ламы его, естественно, являются и болѣе учеными и болѣе почтенными: они не только знаютъ точный смыслъ писаній, но еще держатъ въ своихъ рукахъ таинственныя силы управленія природой.

Жизнь цанітскихъ ламъ, съ тѣхъ поръ какъ причисляются они къ избранному факультету, дѣлается похожею на жизнь ученыхъ вообще. Все свое время они проводятъ въ чтеніи и составленіи выписокъ изъ различныхъ сочиненій по своей спеціальности, изучаютъ различные толкованія по отдѣльнымъ, занимающимъ ихъ вопросамъ, производятъ сличенія текстовъ и пр. и пр. Весьма часто, неудовлетворяясь запасомъ ученыхъ пособій и изысканій въ своемъ монастырѣ, они предпринимаютъ путешествія въ другіе монастыри, славные своей постановкой цаніта. Эти путешествія, какъ и блужданія ламъ «сүцзүктү», совершаются рѣшительно безъ всякихъ средствъ и весь багажъ путешествую-

щаго цанитскаго ламы ограничивается небольшою котомкой, въ которой лежатъ его духовныя одежды, да нѣсколько необходимыхъ книгъ и выписокъ. Все содержаніе въ дорогѣ цанитскій лама получаетъ отъ милостынедателей. Достигнувъ цѣли своего путешествія, т. е. извѣстнаго цанитскаго монастыря, лама прямо съ своей котомкой, надѣвъ только духовныя одежды, входитъ въ хуралъ, садится на свое мѣсто ¹⁾ и вмѣстѣ съ совершенно незнакомыми ему хуварѣками начинаетъ чтеніе отправляемаго богослуженія. По окончаніи хурала, когда начинаются религіозныя диспуты, онъ выходитъ первымъ и прямо предлагаетъ интересующіе его вопросы. На представляемые ему отвѣты онъ высказываетъ возраженія и возбуждаетъ обыкновенно самыя оживленныя споры. По окончаніи хурала его обступаютъ всѣ съ вопросами, откуда онъ, куда идетъ, чего ищетъ, что имѣетъ въ литературѣ замѣчательнаго его монастырь и такъ дальше: дѣло бесѣдъ сводится за сѣмъ на отдѣльныя выраженія въ какомъ либо сочиненіи, которыя нужно провѣрить, слѣдить и проч. Послѣ этихъ первыхъ бесѣдъ, лама путешественникъ остается въ юртѣ какого либо монаха, живетъ на общій монастырскій счетъ, штудируетъ неизвѣстныя ему сочиненія, прослушивая толкованія ихъ отъ знакомыхъ уже съ этими сочиненіями ламъ и т. д. Такъ проживаетъ онъ въ чужомъ монастырѣ, смотря по нуждѣ, два, три мѣсяца, полгода, а иногда годъ и больше. Окончивъ занятія, лама-путешественникъ или возвращается домой, или же направляется за разъясненіемъ другихъ, интересующихъ его вопросовъ въ новый цанитскій монастырь. Такъ ведутъ дѣло монгольскіе

1) Выше, при описаніи чжабдѣновъ, или ламскихъ сѣдалищъ въ кумирѣхъ я забылъ упомянуть одну частность относительно ихъ постановки. Чжабдѣны, какъ было сказано, поставляются рядами и, смотря по количеству ламъ, числящихся въ спискахъ монастыря, такихъ рядовъ бываетъ два, три, пять, десять и больше; проходы между этими рядами устраиваются никакъ не шире $\frac{3}{4}$ аршина. За сѣмъ въ нѣкоторомъ отдаленіи поставляется еще рядъ чжабдѣновъ, на которыхъ сидятъ ламы, еще не вошедшіе въ монастырскіе списки; а отдѣльно отъ нихъ устраивается еще одинъ рядъ, назначаемый для ламъ чужихъ монастырей. Такимъ то образомъ каждый лама вступу можетъ найти свое мѣсто.

цангитскіе ламы въ своей родной Монголіи; но завѣтную мечту для каждаго изъ такихъ ученыхъ представляютъ тангутскіе монастыри, какъ напр. Гумбумъ, а еще больше Тибетъ, — эта сокровищница буддѣйской мудрости и всякаго рода пособій къ приобрѣтенію ея. Путешествіе въ Тибетъ представляетъ однако собою для монгольскихъ ламъ уже значительныя трудности, ибо оно не можетъ быть совершенно подобно тому, какъ путешествуютъ ламы по Монголіи, — безъ всякихъ средствъ; хотя нужно сказать, что монгольскіе ламы умѣютъ обходиться подѣ часъ весьма не многими. Мнѣ случалось видѣть въ Ургѣ цангитскихъ ламъ, которые, имѣя 200 и даже 170 ланъ серебра (около 400 и 340 рублей), умѣли не только съѣздить въ Тибетъ, но даже прожить тамъ по два года. Положеніе цангитскихъ ламъ въ Тибетѣ является опять таки отличнымъ отъ положенія ихъ въ цангитскихъ монастыряхъ монгольскихъ и если мы видѣли, что на родинѣ у себя каждый цангитскій лама является въ чужой монастырь какъ въ свой, входитъ прямо въ хуралъ, вступаетъ прямо въ диспуты, то далеко не такъ бываетъ въ Тибетѣ. Самый ученый монгольскій габжѹ, пришедши въ Тибетъ, дѣлается простымъ ученикомъ: избираетъ себѣ учителя, слушаетъ его толкованія и только по его рекомендаціи можетъ получить право на участіе въ состязаніяхъ. Конечно, хорошо подготовившіеся дома монгольскіе ламы получаютъ это право сравнительно очень скоро, — самое долгое, говорятъ, мѣсяца черезъ три; съ этого же времени они приступаютъ и къ спеціальнымъ занятіямъ по избранному ими факультету, такъ какъ выдерживать полный курсъ состязаній для полученія степени габжѹ, имѣ, какъ уже получившимъ таковую, признается не нужнымъ. Взамѣнъ они должны являться къ каждому состязательному хуралу, относящемуся до спеціальности ихъ знаній, слушать происходящіе диспуты и наконецъ принимать участіе въ нихъ. Прошедшіе полный курсъ по избранной спеціальности и успѣшно выдержавшіе диспуты получаютъ для себя новыя, высшія, ученыя степени, полученіе которыхъ уже невозможно въ Монголіи. Первая изъ такихъ степеней есть — Рабч-жамба (ᠷᠠᠪᠴᠢ ᠵᠠᠮᠪᠠ монг. *rabjam*). Монгольскихъ ламъ,

имѣющихъ эту степень, можно встрѣчать довольно часто и едва ли не будетъ вѣрно сказать, что каждый порядочный цанитскій лама, прослушавшій курсъ цанита въ Тибетѣ, получаетъ степень Рѣбч-жамба. Болѣе рѣдко попадаютъ въ Монголіи ламы, имѣющіе степень—«Дѣрамба», которую получаютъ они главнымъ образомъ въ тибетскомъ монастырѣ Лабранъ. По разказамъ монголовъ, изученіе цанита въ этомъ монастырѣ самое обширное: ламы ведутъ здѣсь свои состязанія не только въ хуралахъ, но и дома, на улицахъ, въ степи, — словомъ гдѣ бы только они ни сошлись. Официальные диспуты производятся предъ дверями главной кумирни, на особомъ каменномъ портикѣ, называемомъ «дабчжѣ». — Ламы, прослушавшіе въ Тибетѣ курсъ тарпистическаго ученія, получаютъ степень Нгарамба (རྒྱལ་པོ་རྒྱལ་པོ་པ་). Наконецъ выдержавшіе цанитское состязаніе передъ кумиромъ Хлѣсскаго Цзү удостоиваются еще, по слухамъ, степени Хлѣ-рамба (ཁྲེ་རྒྱལ་པོ་པ་); по таковыхъ въ Монголіи, кажется, во все не имѣется, по крайней мѣрѣ мнѣ никогда не приходилось встрѣчать ни одного хлѣ-рамбы, да и собесѣдники мои монголы не могли припомнить мнѣ кто-бы изъ монголовъ получалъ эту степень.

Совершенно особый классъ духовенства составляютъ въ Монголіи такъ называемые «дайичи», (དཀོན་པོ་ཆེན་, тиб. བསམ་པ་ལྷན་པ་) или ламы созерцатели. Въ народѣ они прямо пользуются названіемъ святыхъ и это весьма естественно, не только потому что отличная отъ всѣхъ прочихъ жизнь дайичи поражаетъ собою простолюдина, но и потому что само ученіе буддизма жизнь созерцательную предпочитаетъ жизни дѣятельной, или практической. Въ сочиненіи «Рашійнъ нѣмъ» напр. прямо говорится, что «человѣкъ, стяжавшій своєю дѣятельностью собраніе добродѣтельныхъ поступковъ, пріобрѣтеть въ будущемъ только высокій родъ (перерожденіе); такъ какъ добродѣтель и плоды ея осуждены все таки на то, чтобы вращаться въ орчиланѣ (мірѣ матеріальномъ); но тотъ, кто будетъ совершать созерцанія, стараясь уразумѣть смыслъ основныхъ свойствъ пустоты, несомнѣнно отрѣшится отъ всего матеріальнаго и пріобрѣтеть святость

иногда 30 дней, а иногда 49. Въ теченіе этого времени лама-созерцатель не видитъ никого изъ людей, принимаетъ пищу иногда разъ въ день, а иногда разъ въ два и три дня. Пищу эту готовить и приносить прислужникъ и ставить въ зауроченное мѣсто, послѣ чего беретъ ее созерцатель но такъ, чтобы опять таки не выдать и своего прислужника. Окончивъ созерцаніе, лама возвращается въ монастырь и начинаетъ вести свою обычную жизнь съ тою только разницею, что за нимъ закрѣпляется слава созерцателя и слѣдовательно онъ начинаетъ пользоваться бѣльшимъ почетомъ. Мнѣ много разъ приходилось встрѣчаться, жить и говорить съ такими дайнчи, но добиться отъ нихъ чего либо дѣльнаго по отношенію къ вопросамъ, какъ провелъ каждый изъ нихъ время въ созерцаніи, какъ и что созерцалъ, что испыталъ и прочувствовалъ, — я рѣшительно не могъ: одинъ изъ этихъ созерцателей, отъ которыхъ можно было бы узнать что либо, отвѣчали мнѣ, что это нигуца (тайна); другіе были такъ неразвиты и невѣжественны, что трудно и представить, что могли они думать, сидя въ созерцаніи? Мнѣ кажется, что подъ своей дѣйной они ничего не могли разумѣть помимо подвига одиночества и поста. Но совершенно другаго сорта дайнчи, посвятившіе на подвиги созерцанія всю свою жизнь; для таковыхъ въ Монголіи имѣются и особые монастыри, носящіе названіе «хит'овъ», или «хит'овъ». Мнѣ, въ періодъ моего пребыванія въ Монголіи, удалось посѣтить два такихъ монастыря: одинъ—неподалеку отъ Урги, въ мѣстности «Улаанъ бахчà», другой—неподалеку отъ Цаганъ улайи сунэ, въ кочевьяхъ Чахаровъ. Монастыри эти живутъ на совершенно особыхъ началахъ. Они содержатся прямо на счетъ шабинаровъ и собственныхъ доходовъ не имѣютъ почти никакихъ. Богослуженій въ нихъ также почти не совершается, ибо ламы обитатели монастыря, большею частью просиживаютъ, заключившись въ одиночество и исполняя трудные подвиги дѣйны. При монастырѣ имѣются должностныя лица въ званіи цоржикъ, гэбкѹя, унзàта и нирбы, остальныхъ же не полагается за исключеніемъ низшихъ прислужниковъ каковы, тахильчи, джамà и дуганчи. Въ чахарскомъ дайнчинъ хит'ѣ я прожилъ шесть дней,

но говорить съ кѣмъ либо изъ ламъ созерцателей мнѣ не пришлось. Остановившись на квартирѣ у нирбѣ, я только въ бесѣдахъ съ нимъ могъ удовлетворять свое любопытство, хотя добродушный старикъ могъ разказать мнѣ очень не многое. По словамъ его, всѣ ламы, поступающіе въ хѣгъ (въ 1878 году ихъ со всѣхъ чахарскихъ кочевьевъ было только 23 человѣка), являются сюда, изучивъ предварительно высшую догматику буддизма въ школахъ цангскихъ. Приходятъ по преимуществу въ возрастѣ отъ 35 до 40 лѣтъ, изъ 30 лѣтъ дайнчи являются очень рѣдко, а ранѣе 30-ти ихъ не бываетъ вовсе. Дозволеніе остаться въ монастырѣ они испрашиваютъ у цорчжѣ, который, оставивъ новоприбывшаго, на первое время поселяетъ его въ своей юртѣ, испытываетъ его въ знаніи молитвъ и богослуженій и наконецъ, убѣдившись лично въ его нелицемѣрномъ стремленіи къ созерцаніямъ, поручаетъ его руководству одного изъ старѣйшихъ ламъ созерцателей. Выборъ наставника опредѣляется часто случаемъ. Новоприбывшій отшельникъ ввѣряется руководству того изъ старѣйшихъ дайнчи, который прежде другихъ по времени очистился отъ своихъ созерцаній и, вышедши изъ своего заключенія, явится въ кумирню для совершенія хурала. Здѣсь цорчжѣ рекомендуетъ ученика его «судьбою предназначенному» руководителю (འཇགས་པ་ལ་གསུངས་པ་) и съ этого дня новоприбывшій включается въ списокъ монастырскихъ ламъ-дайнчи. Въ тотъ же день ему ставится юрта на ряду съ юртою его учителя, хотя первые десять, пятнадцать дней ученикъ и не живетъ въ этой юртѣ, а пробываетъ въ юртѣ и обществѣ своего руководителя, выслушивая его наставленія. Утвердившись въ правилахъ новой жизни, молодой дайнчи переходитъ уже въ свою келью и начинаетъ предаваться созерцаніямъ. Съ своимъ наставникомъ на первое время онъ видится черезъ два, три дня; потомъ въ дни мацаковъ, т. е. 8, 15 и 30 чиселъ; при совершенствѣ въ созерцаніяхъ является къ нему только въ случаѣ нужды. Объ этихъ свиданіяхъ ученика съ учителемъ нирбѣ передавалъ мнѣ множество интересныхъ разказовъ. Ученикъ, являясь къ учителю долженъ непременно расprostереться предъ нимъ ялицъ по землѣ и крѣпко обнять его

колѣна; подняться же и сдѣлать нужный докладъ учителю онъ можетъ только тогда, когда учитель благословить его, положивъ руку на его голову; но при этомъ дайнчи обязаны взаимно охранять спокойствіе другъ друга. Бывали случаи, что ученикъ, явившійся къ учителю и распростершись предъ нимъ ницъ, заставлялъ его погруженнымъ въ созерцаніе и вотъ, чтобы не прервать мысль учителя, онъ оставался безъ движенія въ своемъ распростертомъ положеніи три дня. Съ другой стороны бывало и то, что учитель, очнувшись отъ дѣянія, видѣлъ предъ собою своего распростершагося ученика; но въ тоже время онъ замѣчалъ, что руки этого ученика сжимаютъ его колѣна не съ должною силою, что они ослабѣли, а это вѣрный признакъ того, что ученикъ самъ погрузился въ діяну. Учитель долженъ въ этомъ случаѣ охранять покой ученика еще съ большею ревностью, ибо созерцаніе предъ ликомъ учителя самое счастливѣйшее и перѣдко приводитъ къ полному просвѣтлѣнію. Въ знакомствѣ съ кѣмъ либо изъ ламъ-созерцателей цорчжй дайнчійнъ хѣта, равно какъ и мой гостепріимный хозяинъ—нирбѣ мнѣ рѣшительно отказали; такимъ образомъ поговорить о душевномъ настроеніи, которое испытывается въ періодъ созерцанія съ самими созерцателями мнѣ не пришлось. «Что же дѣлаютъ эти дайнчи и какъ производятъ они свои созерцанія?» спрашивалъ я у нирбѣ. «Ничего, былъ отвѣтъ, просто сидятъ и въ это время, даже не перебирая четокъ, созерцаютъ». (Цаугѣръ сугѣтал, эрихѣ чи татѣл угѣ, бисылгѣл бисылгачжѣ бѣйна). Я попросилъ нирбѣ показать мнѣ созерцателей хотя бы украдкою, и онъ согласился на это, обѣщая взять меня съ собою въ то время, когда пойдетъ разносить пищу¹⁾. Мы отправились. Я полагалъ, что нирбѣ имѣлъ намѣреніе поразить меня видомъ созерцателей и потому повелъ меня къ юртѣ самаго строгаго подвижника. Приподнявъ дѣбуръ, я посмотрѣлъ въ

1) Даянчійнъ хитъ можно скорѣе всего назвать общежитіемъ. Для всѣхъ ламъ пища готовится здѣсь въ одномъ котлѣ и часовъ въ 5 пополудни она разносится по юртамъ созерцателей въ небольшихъ деревянныхъ ведеркахъ, вмѣщающихъ въ себѣ стакановъ по пяти воды. Въ одну изъ такихъ ведерокъ наливаютъ бульону съ небольшимъ кускомъ мяса; въ другую кир-

юрту. Это было обыкновенное ламское жилище съ божницей у сѣверной стѣны юрты, съ кроватью на лѣвой сторонѣ, а на правой были просто разостланы войлоки, да къ стѣнѣ была прикрѣплена полка, на которую обыкновенно ставится пища отшельника. У кровати, на обычномъ мѣстѣ хозяина, было постлано два олоба, на которыхъ сидѣлъ созерцатель. Но, Боже мой, что это была за фигура! Видъ его былъ изможденный до крайности, лице такое блѣдное и исхудалое, что ламу этого можно было принять скорѣе за восковую статую, чѣмъ за человѣка. Онъ сидѣлъ неподвижно въ молитвенной позѣ (*сидитъ*), руки были опущены на колѣна, въ правой рукѣ онъ держалъ четки, но дѣйствительно даже не перебиралъ ихъ, какъ говорилъ мнѣ нирбѣ; глаза его были совершенно закрыты, лице, невидимому, покойное, но совершенно безчувственное. Пока нирбѣ ставилъ ведерочки съ нищею отшельника и ходилъ въ монастырскую кухню, чтобы взять новыя для другаго такого же созерцателя, я все оставался у первой юрты и смотрѣлъ на невиданнаго мною человѣка. Я простоялъ минутъ пять, но ни одинъ мускулъ его не дрогнулъ въ это время. Эта мертвая неподвижность произвела на меня какое-то ужасное, гнетущее впечатлѣніе, когда, отошедши отъ этой юрты, я последовалъ за нирбѣю къ другой; еще сильнѣе заговорилъ это чувство, когда переходилъ я къ третьей и т. д. Мое предположеніе о томъ, что нирбѣ хотѣлъ поразить меня, рѣшительно не оправдалось; ибо и въ другихъ юртахъ увидалъ я тоже самое. Изъ 18 посѣщенныхъ нами келій, въ двухъ пашли мы созерцателей спящими, въ одной дайнчи зажигалъ лампы передъ своими бурханами, въ остальныхъ же наблюдалось однообразное зрѣлище: тѣже казенныя юрты съ божницею, кроватью и полкою для постановки пищи; тѣ же изможденные, исхудалые и восковыя фигуры добровольныхъ стра-

пичаго чаю. Это дневной провянтъ созерцателя. Подавалъ обѣдъ тѣмъ ламамъ, которые сидятъ въ дѣнѣ, нирбѣ уже не входитъ въ юрту, но приподнимаетъ дѣбуръ (войлокъ, образующій крышу юрты) и чрезъ это отверстіе опускаетъ ведерки на прикрѣпленные внутри юрты полки. При мнѣ бывали случаи, что и эта скудная пища оставалась нетронутою.

дальше съ неподвижнымъ и безчувственнымъ лицомъ, также мертвая тишина, не прерываемая даже вздохомъ и доказывающая глубокое самопогруженіе созерцателя.

Цѣлый вечеръ просидѣлъ я съ нирбоду и, взволнованный необычайными наблюденіями, спрашивалъ его о созерцателяхъ. Потому ли что лама замѣтилъ мое волненіе и принялъ его за благоговѣйное чувство, потому ли что мои неотступные вопросы о предметѣ созерцанія ламъ подѣйствовали на доброе сердце этого старика, или наконецъ просто потому, что я случайно предложилъ вопросъ о томъ, нѣтъ ли какихъ либо правилъ, по которымъ должно производить созерцанія, онъ, какъ бы панацѣю на мысль какъ удовлетворить меня, обѣщалъ мнѣ дать сочиненіе, въ которомъ излагаются всѣ основныя понятія и порядокъ созерцаній. На другой день сочиненіе было у меня и нирбоду не откался даже прочитать его со мною, доставляя при этомъ нужныя поясненія. Это была небольшая рукопись на 24 листкахъ подъ заглавіемъ: «Діян'у гол-утхѣ хигѣтъ, бисылгаху-йинъ цзанъ уйлэйги унэхѣръ удзэгүлүхчи хэмэхдэху орошибай». Кѣмъ и когда было составлено это сочиненіе, для меня осталось неизвѣстнымъ; но, по словамъ нирбоду, оно служитъ для всѣхъ обитателей дайнчійнъ хита какъ-бы программой для дѣятельности отъ начала и до конца созерцательной жизни. Чтобы познакомить своихъ читателей съ буддійскими дайнчи, я представлю по этому свидѣнію объ ихъ жизни, заимствованныя изъ этого сочиненія вмѣстѣ съ поясненіями, которыя сообщилъ мнѣ мой престарѣлый и добродушный руководитель.

Созерцаніе вообще имѣетъ громадное приложеніе въ буддійской аскетикѣ и отсюда чрезвычайное разнообразіе его видовъ. Для буддиста созерцаніе служитъ всеобщимъ средствомъ для того, чтобы а) возвысить его разумъ отъ матеріальнаго міра въ сокровенную таинственность міра духовнаго; в) освободить человѣческій духъ отъ страстей и условій матеріальнаго міра вообще и навсегда; и наконецъ для того, чтобы с) человѣкъ могъ получить и усвоить себѣ какіе либо сверхъестественные дары. Созерцаніе, предпринятое для того только, чтобы временно от-

далить разумъ отъ предметовъ міра вещественнаго, есть созерцаніе низшее; отличительную особенность его составляет то, что оно сопровождается видѣніями; цѣль его — освобожденіе человѣка отъ нравственныхъ недостатковъ. Созерцаніе, взятое какъ средство для двухъ послѣднихъ цѣлей, т. е. для полного освобожденія духа отъ матеріи и для приобрѣтенія чудотворныхъ силъ, есть созерцаніе высшее и характеристичную особенность его составляет то, что, не сопровождаясь ни какими видѣніями, оно состоитъ изъ однихъ отвлеченныхъ умопредставленій. По формѣ созерцаніе состоитъ изъ самадй, или глубокихъ внутреннихъ самопогруженій. Неизбе сказать, подъ именемъ самадй буддисты разумѣютъ или непоколебимое утвержденіе мысли на одномъ какомъ нибудь предметѣ; или же опять таки сосредоточенное въ самомъ себѣ состояніе духа, восторженнаго какими либо представленіями. Повитно отсюда, что, смотря по качеству созерцанія, и самадй бываютъ различны. Въ низшемъ созерцаніи, въ силу того что оно преслѣдуетъ только частныя цѣли, самадй являются отрывочными и отдѣльными; въ созерцаніи высшемъ, имѣющемъ цѣлью вознести духъ человѣка до безконечнаго совершенства, самадй образуютъ собою какъ бы постепенную лѣстницу. Въ сложности всѣ эти самадй составляютъ рядъ отрѣшеній отъ условій трехъ міровъ, на которые буддисты раздѣляютъ вселенную, т. е. отъ міра вожделѣній, міра прославленныхъ формъ и міра цевенцественнаго.

Всякій, имѣющій посвятить свою жизнь на подвиги созерцанія, долженъ прежде всего найти для себя опытнаго учителя — друга (*maṅgalā*), который руководялъ бы его на избранномъ имъ пути, предупреждалъ бы его отъ самообольщеній и наветовъ злокозненныхъ шиммусовъ ¹⁾ и разрѣшалъ бы воз-

1) Шиммусы (разгол. шиммѣ тиб. ཤིལ་མུ་ монт. *shil-mu* отъ санскр. *śama* — спокойствіе и *āra* — уничтожить), по представленію буддизма, суть духи, которые оупугиваютъ всѣ существа сѣтими страстей и стараются вовлечь ихъ въ грѣхи, чтобы тѣмъ самымъ покоробать ихъ въ вѣрѣ. Шиммусы почитаются виновниками чувственныхъ наслажденій, владыками сансары, т. е. міра

рождающіяся въ немъ сомнѣнія при самомъ ихъ началѣ. Рѣшившись однажды навсегда посвятить себя созерцаціямъ, должно прекратить уже всѣ другія занятія, знакомства и посѣщенія товарищей: ученикъ-созерцатель долженъ знать только своего наставника и тѣхъ изъ своихъ сотрудниковъ и собратій, которые собственнымъ примѣромъ, поощреніями и совѣтами могутъ содѣйствовать успѣшному ходу его созерцаціи. Во вниманіе къ трудности подвиговъ, избранныхъ ученикомъ, ему дозволяется воспользоваться нѣкоторыми внѣшними удобствами, какъ то достаточнымъ количествомъ одежды и лучшею пищею. Эти удобства въ дѣлѣ созерцаціи необходимы для ровнаго и спокойнаго состоянія духа и тѣла. Но въ замѣнъ сего предъ началомъ созерцаціи ученикъ не долженъ увлекаться предметами и зрѣлищами, которыя могутъ пріятно поражать его чувства; обязанъ равнодушно принимать всѣ непріятныя впечатлѣнія; сокращать время сна и даже во все не спать, не разсѣиваться мыслями и наконецъ удалять отъ себя колебаніе и сомнѣніе въ дѣйствительности созерцаціи, а въ особенности сомнѣніе въ чистотѣ и истинности ученія Будды. Со стороны наставника требуется помимо общихъ обязанностей особенная внимательность къ ученику, который поручилъ себя его руководительству. Наставникъ долженъ тщательно слѣдить за привычками своего ученика, за его наклонностями и за преобладающими въ немъ страстями съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность предложить соотвѣтствующія средства къ искорененію его нравственныхъ недостатковъ. Главнѣйшіе пороки человѣческой природы суть: возжелѣніе, гнѣвъ и помраченіе (अज्ञानं, क्रोधो, मत्सरः). Согласно тому наставникъ долженъ предписывать ученику противъ каждаго изъ этихъ пороковъ особую самадѣ. Такимъ образомъ если онъ замѣтитъ, что ввѣренный его руководительству ученикъ обуревается стра-

вещественнаго и противниками нирваны—міра духовнаго. Шиньусы бываютъ четырехъ родовъ: шиньусы царства желанія суть виновники сладострастія; шиньусы тела суть виновники грѣха помраченія; шиньусы духа суть виновники грѣха гнѣва; и шиньусы царя смерти почитаются виновниками грѣха скупости.

ственными пожеланіями, то заставляетъ его погружаться въ «самаді» печетоты и созерцанія скелетовъ»; если онъ замѣтитъ въ немъ омраченіе ума и уныніе духа, то предлагаетъ ему созерцать будду; если замѣтитъ наконецъ, что ученикъ волнуется гнѣвомъ, или нѣмаетъ въ своемъ сердцѣ ненависть, то совѣтуетъ ему возбуждать въ себѣ, посредствомъ извѣстныхъ пріемовъ, чувство любви.

Прежде чѣмъ подвижнись, согласно указаній своего наставника, приступить къ совершенію самыхъ самаді, онъ долженъ соблюсти нѣкоторые внѣшніе пріемы, безъ которыхъ самаді для него не возможны. Эти пріемы состоятъ въ слѣдующемъ: Созерцатель удаляется въ уединенное мѣсто и усаживается въ священной позѣ, т. е. загнувъ сперва правую ногу и положивъ ее на колѣно лѣвой, а лѣвую на колѣно правой, — или, если такое положеніе для него трудно, положивъ лѣвую ногу на колѣно правой, а правою загнувъ просто подъ лѣвую. Опустивъ голову, онъ складываетъ руки у своего пѣдра и покачивается во все стороны до тѣхъ поръ, пока станъ его не выпрямится, такъ что спинная кость сдѣлается вровень съ затылкомъ (?), а кончикъ носа вровень съ пупкомъ. Потомъ вдохнувъ въ себя свѣжаго воздуха столько, чтобы наполнить имъ всю внутренность своего тѣла, онъ выпускаетъ его изъ себя однимъ вздохомъ, и вслѣдъ за тѣмъ сжимаетъ ротъ и вполости закрываетъ глаза для устраненія слишкомъ сильнаго дѣйствія свѣта, если это будетъ днемъ. Приведя свое тѣло, по точному буддійскому выраженію, въ «нормальное состояніе», созерцающій приступаетъ къ умирненію своего дыханія и успокоенію мыслей. Онъ устремляетъ вниманіе на дыханіе носомъ и начинаетъ считать обороты отъ одного до десяти, считая вдыханіе и выдыханіе за одно, и, когда дойдетъ до десяти, начинаетъ счетъ дыханій снова; этимъ средствомъ онъ доводитъ дыханіе свое до такой степени тонкости, что во время вдыханія и выдыханія не слышитъ ни какого звука и не чувствуетъ его движенія. Если при этомъ мысли его разбѣиваются, то онъ устремляетъ взоръ свой на пупокъ; а если почувствуетъ въ душѣ своей сонливость (недостатокъ, противоположный раз-

сѣянности), то сосредоточиваетъ свой взоръ на кончикъ носа, или между бровями. Продолжительное упражненіе въ этихъ занятіяхъ, несомнѣнно, доведетъ подвижника до желаемого результата, т. е. расположить духъ его къ сосредоточенному и неуклонному вниманію.

Когда подвижникъ освоится съ этими приѣмами, то, по указанію своего наставника, приступаетъ къ самадѣ. Для искорененія въ немъ страстныхъ пожеланій и вожделѣнія къ предметамъ орчила наставникъ предлагаетъ ему созерцаніе нечистоты и скелетовъ. Самадѣ эта состоитъ въ слѣдующемъ. Подвижникъ устремляетъ взоры и все свое вниманіе на большой палецъ лѣвой ноги и на самой половинѣ его представляетъ небольшой бѣлый нарывъ, но не воображасмо только, а на самомъ дѣлѣ. Нарывъ этотъ мало по малу лопается и вся половина пальца облекается въ бѣлый цвѣтъ; за тѣмъ оконечности всѣхъ другихъ пальцевъ ноги приводятся въ такое же положеніе. При этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ самадѣ, подвижникъ отнюдь не долженъ развлекаться сторонними впечатлѣніями, и, если впадетъ въ подобную погрѣшность, долженъ начать созерцаніе снова, т. е. съ половины большого пальца. Съ приведеніемъ оконечностей пальцевъ въ вышеописанное состояніе, по всему тѣлу созерцателя распространяется теплота и особенно подъ сердцемъ онъ чувствуетъ жаръ. Послѣ этого перваго дѣйствія созерцатель тѣмъ-же представленіемъ нарыва постепенно обходитъ все тѣло, начиная съ подошвъ ногъ, до самой верхушки головы, пока все тѣло его не будетъ представлять собою одну гнойную, бѣлую рану,—послѣ чего самъ онъ дѣлается скелетомъ. Обративъ себя въ скелетъ, онъ такимъ же способомъ превращаетъ въ скелеты всѣ существа, населяющія вселенную. Подвижникъ ясно видитъ, какъ всѣ они, по дѣйствию его воли, отрываются своей верхней оболочки тѣла, мяса, крови, червовъ, жилъ, — словомъ всего матеріальнаго и образуютъ предъ нимъ массу безобразныхъ костей. Скелеты эти трещатъ, ломаются и разлетаются, какъ обломки глинянаго сосуда; потомъ вдругъ поднимается сильное пламя и въ одно мигновеніе пожираетъ ихъ. Случается, что

во время этихъ видѣній, созерцатель, объятый ужасомъ, дрожитъ и не можетъ очнуться отъ видѣній, пока не пробудитъ его самъ наставникъ. Если же созерцатель, въ силу разсѣянности своихъ мыслей, долго не удостоивается видѣній скелетовъ, въ такомъ случаѣ онъ погружается въ созерцаніе собственнаго скелета до тѣхъ поръ, пока въ немъ не отразятся скелеты другихъ существъ также ясно, какъ въ прозрачной водѣ отражаются звѣзды неба. Сильныя душевныя потрясенія, испытываемыя созерцателемъ при вышеописанныхъ видѣніяхъ, равно какъ поперебѣнные чувства отвращенія и страха служатъ для него спасительнымъ врачеваніемъ противъ чувственныхъ и мірскихъ привязанностей. Если подвижникъ предшествующимъ созерцаніемъ не вполне освободитъ себя отъ страстныхъ пожеланій и привязанности къ міру, то наставникъ предписываетъ ему новый рядъ видѣній, столько же отвратительныхъ и страшныхъ. Все, что только напряженное воображеніе можетъ создать чудовищнаго, снова является предъ нимъ по указанію наставника. Иногда его взорамъ представляется зрѣлище разнообразныхъ нечистотъ, иногда онъ поражается явленіемъ ужасныхъ картинъ, какъ напримеръ, пожара вселенной, демоновъ, какихъ то гигантскихъ и чудовищныхъ формъ; борьбы драконовъ, змѣй и дикихъ звѣрей, такъ что подъ конецъ силы совершенно оставляютъ его и онъ лежитъ больнымъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Признаками совершеннаго освобожденія созерцателя отъ страстныхъ пожеланій бываетъ слѣдующее: онъ усматриваетъ выходящую изъ его собственнаго скелета яркую звѣзду, украшенную золотистыми шариками; и если шариковъ будетъ отъ 25 до 40, то это значитъ, что созерцаніе идетъ усиленно. Потомъ изъ лба его выходитъ свѣтлая жемчужина. Сначала она держится на одномъ мѣстѣ, но потомъ опускается внизъ и проходитъ землю, а равно три другіе слоя мірозданія: воду, огонь и вѣтеръ. Слѣдя за нею, когда она проходитъ сферу земли, созерцатель наблюдаетъ какъ его собственное тѣло и всѣ окружающіе его предметы цѣпенѣютъ и твердѣютъ; когда жемчужина проходитъ сферу огня, то тѣло созерцателя дѣлается легкимъ; когда она проходитъ сферу воды,

то на тѣлѣ и на всемъ окружающемъ является вода; наконецъ, когда она проходитъ сферу вѣтра, то тѣло его дѣлается воздушнымъ. Достигнувъ до пустоты и края вселенной, жемчужина возвращается и, вмѣстѣ съ сопутствующимъ ей свѣтомъ, входитъ въ пунокъ созерцающаго.

Для освобожденія отъ умственного омраченія наставникъ предлагаетъ созерцающему самадїи видѣнїя будды. Самадїи эта состоитъ въ слѣдующемъ. Созерцатель, предварительно своего подвига, въ продолженіе семи дней представляетъ себѣ живо и раздѣльно образъ будды во всемъ его величїи и красотѣ. Запечатлѣвши въ своемъ воображенїи этотъ образъ, онъ уединяется въ своей кельѣ, и, закрывъ глаза, сосредоточиваетъ на немъ свои мысли. Потомъ онъ утверждаетъ свою мысль исключительно на своемъ лбу, — и вскорѣ изъ лба его начинаютъ выходить будды, одинъ за другимъ, точно въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ представлялъ будду прежде. Если созерцатель увидитъ безчисленное множество буддъ, выходящихъ изъ лба на недалекое пространство и снова возвращающихся, то это значитъ, что онъ стоитъ еще на низшей степени святаго подвижничества; если же они отойдутъ отъ него на гораздо большее пространство и снова возвратятся въ голову, — то это признакъ средней степени успѣха въ подвижничествѣ; но если вышедшіе будды удалятся отъ созерцателя на весьма далекое разстояніе, такъ что послѣдній въ ряду ихъ будетъ казаться ему не больше точки, и затѣмъ всѣ они снова возвратятся, то это значитъ, что созерцатель стоитъ уже на высшей степени подвижничества. Во время приближенія буддъ къ созерцателю земля принимаетъ золотистый цвѣтъ и дѣлается ровною какъ ладонь, чистою и прозрачною какъ зеркало. Самое тѣло созерцающаго также становится свѣтлымъ и прозрачнымъ какъ земля. Послѣ этого подвижникъ устремляетъ мысль свою на сердце и изъ этого мѣста вскорѣ также начинаютъ выходить будды, держа въ рукахъ по сапфировому вачіру (вѣчжра); изъ обоихъ концовъ ихъ жезловъ выходятъ святыя трехъ степеней, окруженныя большимъ, или меньшимъ свѣтомъ, смотря по степени ихъ святости. Когда всѣ

будды до одного выйдутъ изъ сердца, то послѣдній изъ нихъ останавливается, опершись жезломъ на сердце; спустя же не много времени всѣ они въ послѣдовательномъ порядкѣ снова возвращаются въ сердце созерцателя. Если подвижникъ стоитъ на высокой степени нравственнаго совершенства, то сряду послѣ того изъ всѣхъ поръ его начинаетъ выходить безчисленное множество буддъ, которые наполняютъ все видимое пространство во всѣ четыре стороны свѣта, но потомъ снова погружаются въ его тѣло. Послѣ этого явленія подвижникъ утверждаетъ свои мысли и взоры на своемъ пупкѣ, — и вскорѣ замѣчаетъ на немъ какое то движеніе. Удвоивъ вниманіе, онъ усматриваетъ на пупкѣ своемъ какое то возвышеніе, на подобіе гусиного лѣца, чрезвычайной бѣлизны. Вдругъ это возвышеніе превращается въ великолѣпную пѣдму, стебель которой изъ чистѣйшаго санфира, а коронка цвѣтка изъ золота. На этомъ цвѣткѣ возсѣдаетъ будда, изъ пупка котораго также вырастаетъ пѣдма, а на ней возсѣдаетъ новый будда и т. далѣе. Когда такимъ образомъ пѣдмы съ буддами наполнятъ собою всю даль, представляющуюся въ воображеніи созерцателя, то самый дальнѣйшій будда входитъ въ пупокъ втораго, слѣдующаго за нимъ, и за сѣмъ, постепенно, всѣ они возвращаются одинъ въ другаго, пока наконецъ и послѣдній изъ нихъ не войдетъ въ пупокъ созерцателя. При дальнѣйшемъ созерцаніи изъ всѣхъ поръ тѣла подвижника выходятъ пѣдмы съ буддами и наполняютъ собою все воздушное пространство въ видѣ безконечной гирлянды изъ ожерелья и потомъ всѣ они возвращаются въ созерцателя чрезъ его пупокъ. При этомъ подвижникъ чувствуетъ въ себѣ необыкновенную легкость и удовольствіе: тѣло его дѣлается чистымъ и свѣтлымъ, какъ будто бы оно состоитъ изъ однихъ драгоценныхъ камней. Но этимъ не ограничивается еще созерцаніе будды. Подвижникъ, по руководству своего наставника, продолжаетъ созерцаніе своего пупка, — и вскорѣ изъ верхушки его головы выходитъ пяти-цвѣтное пламя, совмѣщающее въ себѣ пять дивныхъ вещей. Въ этомъ пламени возсѣдаетъ будда, окруженный свѣтлымъ облакомъ. Изъ устъ будды выпадаетъ безконечное множество пѣдмъ,

которыя наполняютъ собою всю вселенную. Потомъ изъ пупка будды выходитъ пять львовъ, которые пожираютъ всё выпавшіе изъ устъ будды падмы и снова возвращаются въ пупокъ его. Выбѣтъ съ возвращеніемъ львовъ въ будду и пяти-цвѣтное пламя скрывается въ тѣло будды, а самъ будда погружается въ созерцающаго черезъ верхушку его головы. Эта самадѣ называется прыжкомъ львовъ. При этомъ тѣло созерцателя принимаетъ золотистый цвѣтъ и на пупкѣ его образуется круглое возвышеніе, — бѣлое и чистое, на подобіе небснаго свѣтила. Около пупка и кругомъ поясицы своей созерцатель видитъ четырехъ буддъ, при чемъ отъ каждаго изъ нихъ исходитъ яркій солнечный свѣтъ, съ помощію котораго созерцатель видитъ всё предметы во вселенной. Когда будды исчезнуть, на мѣстѣ ихъ остается бѣлое пламя, которое пересѣкаетъ созерцателя въ разныя стороны: то выйдетъ сзади, то покажется напередѣ, то проникнувши въ правый бокъ, выходитъ изъ лѣваго, то наоборотъ, скрывшись чрезъ лѣвый бокъ покажется въ правомъ. После всѣхъ этихъ явленій тѣло созерцателя дѣлается прозрачнымъ и чистымъ, и яркая бѣлизна, въ видѣ массы воды, совершенно потопляетъ его.

Есть еще другое созерцаніе будды, при посредствѣ котораго подвижникъ достигаетъ духовнаго безстрастія; оно называется созерцаніемъ будды въ смертномъ и духовномъ его тѣлѣ и состоитъ въ слѣдующемъ. Представивъ себѣ образъ будды такъ живо, какъ бы онъ находился предъ нимъ, созерцатель наставляетъ себя слѣдующими размышленіями. «Законъ старости, болѣзни, смерти и страданія въ перерожденіяхъ тяготѣетъ надъ человѣкомъ. Даже перерождался въ странѣ небожителей, человѣкъ и тамъ пристращается къ удовольствіямъ и не находитъ ничего такого, что управило бы его душу; когда же онъ низпадаетъ въ низшіе разряды перерожденій, — тамъ, среди мученій и страха, онъ даже и не въ состояніи помыслить ни о чемъ добромъ. Куда я ни обращаю свой взоръ, повсюду встрѣчаю скоротечность, разрушеніе и смерть, которые, какъ лютые враги, постоянно нападаютъ на одушевленныхъ существъ и грозятъ пятъ

степени овладѣваетъ чувство состраданія къ нимъ, что вдругъ изъ глазъ его дождемъ текутъ слезы; онъ отираетъ ихъ и потушаетъ ими свирѣпый пламень. Пламя исчезаетъ и въ озерѣ остается только скопленіе гноя и крови. Силою того же милосердія, подвижникъ испускаетъ изъ себя потоки воды, которые изгоняютъ изъ озера всю нечистоту и образуютъ озеро чистой и прозрачной воды. Тогда на этомъ озерѣ вырастаетъ цвѣтокъ въ видѣ дерева. Увидавъ это дерево, спасенныя существа идутъ къ нему; но подвижникъ заставляетъ ихъ предварительно выпить воды изъ озера и омыться ею, а потомъ, взойдя на цвѣтокъ, возводитъ туда же и существа. Видя, что они томятся голодомъ, онъ пакармливаетъ ихъ внезапно явившимися яствами и прекращаетъ ихъ томленіе голодомъ. Мало по малу цвѣтокъ принимаетъ большіе размѣры и поднимается вверхъ на нѣсколько ярусовъ. Подвижникъ вмѣстѣ съ существами всходитъ на второй ярусъ, гдѣ предлагаетъ имъ трапезу и поученіе о необходимости покаянія, — какъ главнаго условія въ дѣлѣ спасенія. Потомъ, также вмѣстѣ съ существами онъ восходитъ еще выше и здѣсь преподаетъ имъ ученіе о возмездіи за дѣла въ мірѣ существъ. За тѣмъ подвижникъ всходитъ на 4-й ярусъ цвѣтка и приглашаетъ туда всѣхъ, оставшихся внизу существъ. Здѣсь сердце подвижника исполняется радостью: онъ находитъ здѣсь дорогіе металлы и драгоценныя камни, одежды и всевозможныя яства, и все это предлагаетъ существамъ. На этомъ пиру небожители поютъ священные гимны и играютъ на инструментахъ. Насладившись этими удовольствіями, подвижникъ преподаетъ существамъ высшее ученіе. Наконецъ подвижникъ и опять таки вмѣстѣ съ существами всходитъ на самый высшій ярусъ цвѣтка и находитъ здѣсь великое множество самыхъ различныхъ сладкихъ и ароматичныхъ плодовъ, которые и предлагаетъ людямъ. Въ это время на цвѣткѣ внезапно является цвѣтистый жертвенникъ, на которомъ лежитъ свитокъ священной книги, называемой «книгою Премудрости» (ספר חכמה). Подвижникъ приказываетъ существамъ принести въ жертву этой священной книгѣ цвѣты и куренія, а чтобы достойно приготовить ихъ къ воспріятію вы-

сокаго ученія будды, предлагаетъ имъ очистить душу и тѣло посредствомъ созерцанія. Потомъ онъ излагаетъ имъ заключающееся въ книгѣ ученіе будды и продолжаетъ свои поученія до тѣхъ поръ, пока яркій и обильный свѣтъ не озаритъ цвѣтка и всѣхъ людей. Отъ вліянія этого свѣта существа приходятъ въ восторгъ и разлетаются въ разныя стороны, по направленію лучей свѣта. Изъ тѣла самого подвижника также выходитъ свѣтъ, который онъ расширяетъ и простираетъ во всѣ стороны. Въ слѣдъ за тѣмъ все исчезаетъ и кругомъ воцаряется одна пустота. Этимъ оканчивается самадй милосердія и здѣсь же заключается граница низшихъ созерцаній, соотвѣтствующихъ міру вождельній. Далѣе начинается лѣстница созерцаній, возводящая, по ученію буддизма, на высоту полного духовнаго совершенства. Созерцанія эти, какъ я сказалъ уже выше, имѣютъ особый характеръ: они состоятъ изъ однихъ умопредставленій и постепенно очищаютъ душу отъ всѣхъ формъ и условій существованія.

Равнымъ образомъ было сказано и то, что эти высшія созерцанія соотвѣтствуютъ двумъ высшимъ мірамъ буддійской космологіи, состоящимъ вмѣстѣ изъ восьми небесъ. Въ этомъ отношеніи самая самадй, входящая въ составъ высшихъ созерцаній, представляютъ собою неразрывную систему, называемую «восьмью отрѣшеніями» (ཉམས་ཅོམ་ཅུ་ལྔ་པ་), «восьмью переходами» или наконецъ восьмью самопогруженіями. Название «переходовъ» характеризуетъ ихъ значеніе, потому что онѣ служатъ только ступенями въ лѣстницѣ общаго самоусовершенствованія, такъ что остановка на одной какой нибудь изъ ступеней этой лѣстницы доказываетъ ничто иное, какъ или ограниченную воспріимлемость, или недостойнство подвижника. Первые четыре «отрѣшенія», или «перехода» соотвѣтствуютъ міру прославленныхъ формъ, въ которомъ, по экзотерическому ученію буддизма, перерождаются люди за обыкновенными добродѣтелями, — въ буддійской же мистикѣ онѣ имѣютъ совсѣмъ другое значеніе. Последнія четыре ступени, соотвѣтствуютъ міру невещественному, о которомъ точное понятіе можно составить только по созерца-

тельной системѣ буддистовъ, — космографическія свѣденія о немъ очень темны.

Приступающій къ высшему созерцанію долженъ быть уже коротко знакомъ съ трудностями самопогруженія и опытенъ въ дѣлѣ созерцаній. Прежде всего онъ долженъ привести свой духъ, въ единичное состояніе и вкоренить въ себѣ убѣжденіе о нечистотѣ и непрочности чувственныхъ удовольствій, которыми наслаждаются люди. Съ этимъ убѣжденіемъ онъ погружается сначала въ самадѣ видѣнія нечистоты и бѣлыхъ человѣческихъ скелетовъ, для того чтобы съ одной стороны подкрѣпить свое презрѣніе къ чувственнымъ пожеланіямъ, а съ другой — приготовить себя къ принятію впечатлѣній отъ внаго міра. Онъ остается въ этой самадѣ до тѣхъ поръ, пока изъ костей собственного его скелета не брызнутъ лучи свѣта такого яркаго, что при пособіи его подвижникъ видитъ свое сердце — виѣстилище мыслей, и пріобрѣтаетъ возможность созерцать измѣненія его такъ ясно, какъ ясно видна струйка воды въ стеклянной трубочкѣ. За тѣмъ онъ погружается въ блаженное бездѣйствіе всѣмъ своимъ существомъ и чувствуетъ невыразимое удовольствіе. Это составляетъ высшую созерцательную степень въ мірѣ чувственномъ. Люди съ высокою воспріимлемостью достигаютъ этого состоянія въ теченіе одной недѣли усиленныхъ занятій, другіе — недѣли въ три, а яные и цѣлую жизнь не могутъ достигнуть этой цѣли. Основнымъ препятствіемъ къ этому служатъ: нравственные недостатки, нераскаяніе въ грѣхахъ, превратныя убѣжденія ума и смертныя грѣхи, хотя бы они были совершены и въ прежнихъ перерожденіяхъ. Но созерцатель долженъ всегда помнить, что достигнутая имъ степень высоты по отношенію къ дальнѣйшему совершенствованію есть только переходная ступень, а потому не долженъ въ безпечности засыпать на ней. Здѣсь особенно нужны размышленія о ничтожествѣ чувственныхъ наслажденій. Если въ подвижникѣ начнутъ обнаруживаться какія либо страсти, онъ долженъ заглушать ихъ въ самомъ ихъ началѣ приличными размышленіями. Дремота въ этомъ состояніи бываетъ особенно губительна для подвижника. Чтобы удалить ее отъ себя онъ представляетъ

страшную силу цари смерти, готоваго поразить его роковымъ мечемъ; — или, если это бываетъ ночью, омываетъ лицо свое холодною водою, смотритъ на всѣ четыре стороны и возвращаетъ чистоту мыслей или созерцаиѣмъ звѣздъ, или размышленіемъ о буддѣ и его высокомъ ученіи. При подобныхъ пріемахъ и предосторожностяхъ, онъ совершенно отрѣшается наконецъ отъ условій чувственнаго міра и совершаетъ переходъ изъ него въ міръ лучезарныхъ формъ.

Вступленіе подвижника въ первое небо міра лучезарныхъ формъ обнаруживается тѣмъ, что тѣло его внезапно просвѣщается. Чистѣйшія стихіи міра лучезарныхъ формъ такъ проникаютъ все его существо, какъ обильная вода панааетъ сухую землю, — оттого оно дѣлается легкимъ и гармоничнымъ. Этотъ внезапный переходъ производитъ въ душѣ созерцателя сильное потрясеніе. Онъ какъ будто пробуждается отъ глубокаго сна и чувствуетъ въ себѣ небывалое удовольствіе, похожее на то, какое чувствуетъ погружающійся во время знойнаго жара въ прохладную воду. Сначала это чувство смутно и неопредѣленно, потому что заглушается сильнымъ ощущеніемъ; но когда ощущеніе мало по малу утихнетъ, умъ созерцателя начинаетъ свое дѣйствіе. Онъ разсматриваетъ новую для него сферу, чуждую малѣйшей наклонности къ вожделѣніямъ и прославленную форму своего тѣла. Такъ сильный ударъ въ колоколъ производитъ сначала быстрый, но неровный звукъ, который потомъ мало по малу принимаетъ ровный и спокойный тонъ. Вслѣдствіе этого разсматриванія созерцающій чувствуетъ неописанное удовольствіе, которое еще болѣе возрастаетъ отъ сравненія настоящаго состоянія съ прежнимъ, отъ размышленій о буддѣ и отъ милосердіи къ существамъ, связаннымъ еще узами чувственности. На этой степени созерцающій можетъ дѣлать опыты могущества самадѣи и силою ея превращать все безпредѣльное пространство въ разные цвѣта, — синій, желтый, красный, бѣлый, или же въ землю—воду, огонь и вѣтеръ. Но главное, что происходитъ въ душѣ подвижника на этой степени, есть постоянное ощущеніе или воспріятіе впечатлѣній новаго міра и возрѣніе или дѣйствіе ума, возбуж-

денное ощущеніемъ. Но эти душевныя движенія могутъ быть оковами для него, хотя бы предметъ ихъ былъ нравственно добрый, или безразличный. Когда душа приковывается къ ощущаемому ею удовольствію и отвѣчаетъ впечатлѣніямъ, то она остается на одномъ мѣстѣ и не въ состояніи перейти на высшую степень созерцанія. Въ этомъ отношеніи ощущеніе и воззрѣніе будутъ имѣть на созерцателя такое же дѣйствіе, какъ смѣшанные звуки на человѣка, которому хочется спать. Впослѣдствіи можетъ быть даже и то, что ощущеніе и воззрѣніе снова низведутъ его подъ условія міра вождельній, подобно тому какъ вѣтеръ сначала волнуетъ воду, а потомъ поднимаетъ со дна грязь и мутитъ ее. На основаніи этихъ-то размысленій подвижникъ прекращаетъ дѣятельность своего ума и ощущеніе и посредствомъ самопогруженія вступаетъ во второе небо міра лучезарныхъ формъ.

Первый признакъ вступленія на эту степень созерцанія есть глубокое спокойствіе души, какъ слѣдствіе отрѣшенія отъ ощущенія и воззрѣнія. Душа подвижника дѣлается здѣсь столь же чистою и какъ бы прозрачною, какъ вода въ спокойномъ и не подвижномъ состояніи, когда въ ней вполне ясно отражаются небесныя свѣтила и горы. Это чистое спокойствіе души называется священнымъ безмолвіемъ, или внутреннею чистотою. Но по мѣрѣ того какъ подвижникъ подчиняется вліянію этой новой сферы, онъ начинаетъ чувствовать восхищеніе, далеко превосходящее удовольствіе первой степени. Это восхищеніе составляетъ отличительную черту второй степени созерцанія; но подобно ощущенію и воззрѣнію первой степени оно есть не больше и не меньше какъ переходное состояніе для созерцателя. Хотя оно есть чувство безпримѣсное и чистое, но созерцатель не долженъ прилѣпляться къ нему, потому что всякая привязанность есть уже недостатокъ и обыкновенно оканчивается скорбью, или страданіемъ. Восхищеніе на высшихъ степеняхъ созерцанія есть чувство грубое, поэтому подвижникъ спѣшитъ освободиться отъ этого чувства восхищенія и перейти на третье небо.

Сущность третьей степени созерцанія есть наслажденіе, но

не то наслажденіе, которое служить удѣломъ для первой и второй степени, а наслажденіе, если можно сказать, безъ удовольствія и безъ восхищенія. Отличительную особенность его составляетъ во 1-хъ то, что оно проникаетъ все существо подвижниковъ, а во 2-хъ его полнота, тогда какъ въ двухъ низшихъ степеняхъ оно не можетъ быть столь обильнымъ вслѣдствіе смутнаго чувства, протекающаго въ первомъ случаѣ отъ ощущенія и воззрѣнія, а во второмъ—отъ порывистаго свойства восхищенія. Между тѣмъ и другимъ наслажденіемъ существуетъ такое же различіе, какъ между тѣмъ удовольствіемъ, какое ощущаетъ разгоряченный человѣкъ, омывая свое лицо холодною водою и тѣмъ какое чувствуетъ онъ, погружаясь въ жаркое время въ прохладную воду всѣмъ тѣломъ. Однакоже душа созерцателя въ этомъ состояніи наслажденія можетъ испытывать три неудобства, именно, можетъ или потерять свою энергію, или придти въ сильное движеніе, или наконецъ погрузиться въ мракъ и скорбь. Въ первомъ случаѣ подвижникъ усиленно оживляетъ свой умъ, во второмъ—укрощаетъ или останавливаетъ его, а въ послѣднемъ случаѣ возвращаетъ ему прежнее состояніе посредствомъ размышленія о глубокомъ и превосходномъ ученіи будды. Очевидно, что такъ какъ наслажденіе третьей степени слишкомъ высоко, то подвижникъ по необходимости напрягаетъ всѣ свои душевныя силы къ тому, чтобы сохранить его; но это-то самое и ввергаетъ его въ волненіе,—отчего наслажденіе дѣлается страданіемъ. Поэтому созерцатель отвергаетъ его какъ вещь временную, которую притомъ трудно сохранить и ищетъ успокоенія въ четвертомъ небѣ.

При вступленіи въ четвертую степень созерцанія, созерцающій искореняетъ въ себѣ чувство радости и печали, наслажденія и страданія и сохраняетъ душу свою въ совершенной простотѣ. Отсюда отличительный признакъ этой степени есть безстрастное состояніе души, которая не сожалѣетъ и даже не воспоминаетъ о наслажденіяхъ низшихъ степеней. Низшія степени созерцанія не только не могли сообщить душѣ этой простоты, но были для нея тѣмъ же, чѣмъ вѣтеръ для лампады, поставленной на открытомъ

мѣстѣ. Въ этомъ отношеніи четвертая степень есть истинное состояніе, а три первыя служатъ только ступенями къ ней, подобно тому какъ отлогости горы ведутъ на ея вершину. Буддисты называютъ эту степень мѣстомъ неподвижности, мѣстомъ невозмущаемаго самопогруженія, мѣстомъ успокоенія. На высотѣ этой таинственной области, на этой границѣ міра прославленныхъ формъ созерцатель уже господствуетъ надъ всѣми силами природы: онъ видитъ все, что происходитъ въ мірѣ; слышитъ всѣ рѣчи; знаетъ помышленія существъ; воспоминаетъ прежнія перерожденія и можетъ безпрепятственно обтекать вселенную; чувства его принимаютъ безпредѣльную полноту, такъ: когда онъ предается чувству любви, то обнимаетъ ею весь міръ, друзей и враговъ, ближнихъ и дальнихъ, простираетъ ее даже на всѣ движущіяся и летающія существа во вселенной до самыхъ, едва замѣтныхъ насѣкомыхъ; когда онъ предается чувству милосердія, то сострадаетъ всему міру и даже въ самыхъ наслажденіяхъ существъ видитъ однѣ только страданія; когда онъ, при размышленіи о превосходствѣ ученія будды, которое освобождаетъ людей отъ страданія и вводитъ ихъ въ мѣсто успокоенія, приходитъ въ восторгъ, то заставляетъ раздѣлять свою радость всѣмъ существамъ, обитающимъ во вселенной; наконецъ когда онъ, отрѣшившись отъ всякихъ чувствованій, погружается въ безстрастіе, то доводитъ его до отрицанія дѣйствительности явленій и признанія во всемъ одной пустоты. На этой же степени подвижникъ можетъ погружаться въ частныя самадїи, имѣющія цѣлью большую или меньшую благотворительность существамъ. Таковы: самадїи крѣпости, самадїи величія, самадїи заклинаній, уничтожающая дѣйствіе яда и устраниющая физическія бѣдствія, какъ то, градъ, болѣзни и проч., самадїи, прогоняющая демоновъ, самадїи дождевыхъ облаковъ во время засухи, самадїи спасенія и храненія людей въ водныхъ путяхъ, самадїи снабженія людей пищею и питьемъ въ пустынныхъ мѣстахъ, самадїи доставленія людямъ богатства, самадїи оживленія людей, лежащихъ въ обморокѣ, самадїи воскрешенія, самадїи возвращенія глухимъ слуха, слѣпымъ зрѣнія, нѣмымъ дара слова и др.

Но какъ ни высоко совершенство, достигаемое созерцателемъ на четвертой степени созерцанія, оно не составляетъ собою еще послѣдней грани, ибо за нимъ слѣдуетъ еще цѣлая область міра невещественнаго. Міръ этотъ, подобно міру лучезарныхъ формъ, состоитъ изъ четырехъ небесъ, а въ созерцаніи изъ четырехъ самадй. Первое небо называется областью безпредѣльной пустоты, второе—областью безпредѣльнаго вѣденія, третье—областью небытія, и наконецъ четвертое—областью отрицанія мышленія и не мышленія.

Первая степень въ созерцаніи міра невещественнаго есть самадй пустоты. Чтобы достигнуть ея, подвижникъ освобождается отъ формъ видимаго міра слѣдующими размышленіями. «Все, что имѣетъ форму, — временно, не самобытно, ничтожно и причиняетъ только страданія. Если подвергнуть анализу формы, то, раздѣливъ ихъ на составныя и тоже дѣлимые части, мы не увидимъ въ результатъ ровно ничего; поэтому и тѣло наше, какъ составленное изъ частей, не имѣетъ самостоятельнаго бытія. Возьмемъ для примѣра одну часть человѣческаго тѣла, — именно органъ зрѣнія. Глазъ состоитъ изъ десяти элементовъ: четырехъ грубыхъ стихій—земли, воды, огня и вѣтра; четырехъ тонкихъ стихій — цвѣта, запаха, вкуса и осязанія тѣла и наконецъ изъ черныхъ и бѣлыхъ кружковъ. Если же раздѣлить глазъ на эти составныя части, то глаза, очевидно, не будетъ существовать. Чистый и непримѣтный свѣтъ, на которомъ основано отпращиваніе зрѣнія, есть также произведеніе четырехъ стихій и хотя онъ непримѣтенъ, но при столкновеніи съ предметами обнаруживается и раздѣляется. Притомъ мы называемъ глазомъ то, что можетъ видѣть предметы, но если нѣтъ предметовъ, то значить, нѣтъ и зрѣнія». Такимъ же образомъ уничтожаются и всѣ прочія части тѣла, потомъ всѣ матеріальныя формы и наконецъ всѣ существа,—все подвергается дѣленію и оказывается пустотою. Положивши такимъ образомъ на формы печать отверженія, созерцатель устремляетъ вниманіе на пустоту своего собственнаго тѣла, какъ то, ротъ, носъ, горло, глаза, уши, грудь и желудокъ съ твердымъ убѣжденіемъ въ томъ, что формы суть волненіе, а пу-

стота — спокойствіе. Когда душа его будетъ находить спокойствіе въ мысли о пустотѣ, то пустоты его собственнаго тѣла мало по малу начинаютъ расширяться до тѣхъ поръ, пока тѣло его вовсе не исчезнетъ. Затѣмъ подвижникъ приводитъ въ такое же состояніе и всѣ другія формы, такъ что все для него входитъ въ одну общую пустоту; все дѣйствіе его души направляется въ это время единственно къ пустотѣ; въ результатѣ душа его совершенно отторгается отъ представленія формъ и свободно рѣшетъ по неизмѣримоу и безпредѣльному пространству подобно птичкѣ, вырвавшейся изъ кѣтки, въ которую она заключена была до тѣхъ поръ. Это и есть самадї пустоты, заключающая въ себѣ отвлеченную идею пространства.

Но созерцатель не останавливается на этой степени созерцанія, постигая, что пустота есть одно представленіе его, что она тоже подвержена условіямъ существованія, т. е. сначала была, а потомъ не будетъ, прежде не была, а потомъ является: слѣдовательно она не есть нѣчто вѣчное и неизмѣняемое. И такъ подвижникъ прекращаетъ свое отношеніе къ пустотѣ и стремится къ высшему самопогруженію. Онъ познаетъ, что пустота есть произведеніе его личной силы вѣденія и, полагая, что эта сила одна только и истинна, на ней одной и сосредоточиваетъ свои мысли. Въ это время его сила вѣденія мало по малу яснѣетъ и расширяется, подобно пламени лампы, или разливающейся водѣ и обнимаетъ собою прошедшее, настоящее и будущее — въ безпредѣльность и необъятность. Въ этомъ состоитъ самадї безпредѣльнаго вѣденія; — въ ней заключается отвлеченная идея времени.

Но созерцающій познаетъ, что сила вѣденія, собственно говоря, есть призракъ, не имѣющій дѣйствительности; потому что, завися отъ постороннихъ предметовъ, она вмѣстѣ съ ними является и вмѣстѣ съ ними исчезаетъ, — такъ точно, какъ исчезаетъ обонаніе, когда нѣтъ запаха. И такъ, вождельнія суть обманъ, форма — обманъ, пустота — обманъ и сила вѣденія — обманъ. Все обманъ, слѣдовательно — не бытіе; въ не бытіи поэтому должно скрываться успокоеніе. Съ этою мыслью созерцатель погружаетъ

ся въ самадѣ не бытія, т. е. состояніе внѣ условій пространства и времени. Однако же въ созерцателѣ все еще есть дѣйствіе души. Что-же такое это дѣйствіе? Убѣжденіе въ небытіи, противоположное убѣжденію въ бытіи, господствующему во всѣхъ низшихъ областяхъ. Убѣжденіе въ небытіи есть исключительный и слѣдовательно превратный взглядъ, за которымъ слѣдуетъ пристрастіе къ этому убѣжденію; за пристрастіемъ слѣдуетъ омраченіе ума, а далѣе перерожденія. По этому подвижникъ отвергаетъ область не бытія и возносится въ самую высшую во всѣхъ трехъ мірахъ — область, въ которой, по выраженію буддистовъ, нѣтъ ни мышленія, ни немышленія, — состояніе чисто отрицательное и заключающее въ себѣ идею разумнаго покоя. Но эта идея покоя такъ не опредѣлена по своему отрицательному свойству, что скорѣе можетъ быть переходною областью, или связью предшествующей области съ конечнымъ отрѣшеніемъ отъ міра. Очевидно, что буддисты, возведши созерцаніе въ высшій мечтательный міръ, дѣйствуютъ только путемъ абсолютнаго отрицанія, опасаясь употребить какое нибудь положительное выраженіе; такъ какъ всякое исключительное понятіе, — какъ положительное, такъ и отрицательное, — въ существѣ своемъ ложно. Эта высшая самадѣ есть восьмая и послѣдняя степенъ высшаго созерцанія. Она стоитъ на границѣ уничтоженія или вѣчнаго покоя, называемаго нирваной.

Таковы различныя отдѣлы созерцаній въ послѣдовательномъ ходѣ развитія созерцательной жизни отъ ея начала и до самаго конца. Я спрашивалъ у своего руководителя, уже ли же въ самомъ дѣлѣ есть у нихъ такіе дайичи, которые, окончивъ жизнь свою, прямо сдѣлаются нирваной? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что знать душевное состояніе того или другаго созерцателя трудно, а потому и нельзя отвѣчать положительно на этотъ вопросъ; за всѣмъ тѣмъ едва ли возможно предположить, чтобы таковыя созерцатели дѣйствительно были въ настоящее время. Чтобы путемъ созерцанія достигнуть нирваны, нужно пройти всѣ его отдѣлы, а это рѣшительно не возможно не только въ теченіе одной жизни, но даже въ нѣсколькихъ галабовъ, ибо каждый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ цѣлыя десятки различныхъ самадѣ. Объяснить

мнѣ все эти самади онъ не могъ, но дать списокъ ихъ названій, который я здѣсь и представляю:

1. *Samadhi* " "
 2. *Samadhi* " "
 3. *Samadhi* " "
 4. *Samadhi* " "
 5. *Samadhi* " "
 6. *Samadhi* " "
 7. *Samadhi* " "
 8. *Samadhi* " "
 9. *Samadhi* " "
 10. *Samadhi* " "
 11. *Samadhi* " "
 12. *Samadhi* " "
-
13. *Samadhi* " "
 14. *Samadhi* " "
 15. *Samadhi* " "
 16. *Samadhi* " "
 17. *Samadhi* " "
 18. *Samadhi* " "
 19. *Samadhi* " "
 20. *Samadhi* " "
 21. *Samadhi* " "
 22. *Samadhi* " "
 23. *Samadhi* " "
 24. *Samadhi* " "

37 അഭിമാനം ഇല്ല " "

36 അതിനാൽ അത് ഇല്ല " "

35 അത് അത് " "

34 അത് അത് " "

33 അത് അത് " "

32 അത് അത് " "

31 അത് അത് " "

30 അത് അത് " "

29 അത് അത് " "

28 അത് അത് " "

27 അത് അത് " "

26 അത് അത് " "

25 അത് അത് " "

50 അത് അത് " "

49 അത് അത് " "

48 അത് അത് " "

47 അത് അത് " "

46 അത് അത് " "

45 അത് അത് " "

44 അത് അത് " "

43 അത് അത് " "

42 അത് അത് " "

41 അത് അത് " "

40 അത് അത് " "

39 അത് അത് " "

38 അത് അത് " "

дизма. Извѣстно, что еще до времени воплощенія въ Халхѣ Чжэбдзунъ-дамба-хутухты сюда явился изъ южной Монголіи Донкоръ-манцаушрѣйнъ гэгэнъ и дѣятельно заботился какъ о построеніи здѣсь храмовъ и монастырей, такъ и объ увеличеніи числа ламъ, проповѣдниковъ буддизма. По смерти его новый хубилганъ его снова привезенъ былъ въ Халху уже изъ Тибета и съ тѣхъ поръ перерожденцы Донкоръ-хутухты постоянно живутъ въ Монголіи до настоящаго времени. Точно такимъ же образомъ дѣлу распространенія буддизма въ Халхѣ содѣйствовали и цѣлыя десятки другихъ, выходившихъ изъ Тибета и изъ южной Монголіи ламъ, а признательные монголы, по смерти таковыхъ ревнителей вѣры и проповѣдниковъ, всегда заботились о томъ, чтобы отыскать въ кого переродилась душа ихъ, призывали къ себѣ таковыхъ перерожденцевъ и оказывали имъ отличныя почести. Такова была первая и основная причина для образованія въ Халхѣ многочисленнаго класса ламъ-хубилгановъ. Впослѣдствіи этому увеличенію до нѣкоторой степени содѣйствовали и маньчжурскіе императоры, которые иногда отличали нѣкоторыхъ настоятелей монастырей и вообще духовныхъ лицъ, оказывавшихъ ту или другую услугу маньчжурскому дому. Отличіе, оказанное маньчжурскимъ императоромъ также точно производило свое обаяніе на монголовъ: отличенный становился въ глазахъ ихъ на высшую ступень іерархіи и, по смерти его, также точно отыскивались его перерожденцы. Примѣръ сказаннаго мы видимъ на хубилганахъ Чинъ-сүзүктү ламы, живущихъ въ аймакѣ Сайнъ-нояна. Время перваго появленія Чинъ-сүзүктү ламы въ Халхѣ относится къ 1756-му году и обстоятельства этого появленія были слѣдующія. Извѣстно, что 1756-й годъ былъ ознаменованъ для сѣверной и западной Монголіи возстаніемъ, произведеннымъ чжунгарскимъ княземъ Амурсандю. Чтобы успокоить умы возбужденныхъ Чжунгаръ, императоръ Цянь лунъ въ 9-й лунѣ 20-го года своего правленія издалъ высочайшій указъ, которымъ повелѣвалъ, чтобы халхаскій лама Нойнъ-цорчжй отправился въ кочевья Амурсалы для увѣщаній народа въ духѣ буддійской религіи и для чтенія священныхъ буддійскихъ

номовъ. Когда посланный прибылъ въ Чжунгарію, то Чулұмъ баньчжұръ, главный лама Амурсаны, не только не воспротивился этой проповѣди, но даже увѣщавалъ весь аймакъ Амурсаны слушать наставленія халхаскаго цорчжй. За такую услугу императоръ пожаловалъ Чулұмъ-баньчжұру почетный халатъ, особою грамотою одобрилъ его усердіе и далъ ему титулъ «Чинъ-сү-зүктү-ном'унъ хана», т. е. «истинно благоговѣйнаго царя священнаго ученія», вмѣстѣ съ отливою на такое прозваніе золотою печатью. Отличенный такимъ образомъ лама съ тѣхъ поръ началъ перерождаться и въ настоящее время въ Халхѣ живетъ уже его пятое перерожденіе. Но еще болѣе увеличенію хубилгановъ въ Халхѣ способствовали сами халхаскіе ламы, для которыхъ пріобрѣтеніе въ свой монастырь хубилгана равносильно изысканію средствъ къ удвоенію и даже утроенію доходности монастыря, а слѣдовательно и къ обезпеченію его всегдашняго и безбѣднаго состоянія. Въ самомъ дѣлѣ, монастырь, имѣющій въ своихъ стѣнахъ хубилгана, привлекаетъ къ себѣ поклонниковъ и милостынедателей уже не одними своими хурульными святынями и службами, но и еще болѣе живущимъ въ немъ святителемъ: одни идутъ принять къ нему благословеніе, другіе просятъ его гаданій и предвѣщаній, третьи надѣются получить отъ него исцѣленіе и т. д. ¹⁾. Стремясь поэтому имѣть побольше хубилга-

1) Постепенное увеличеніе хубилгановъ и непосредственное содѣйствіе этому ламъ всего яснѣе выступаетъ въ разсмотрѣніи исторіи буддизма у одного изъ чжунгарскихъ поколѣній, — именно Дурбѣтовъ. Извѣстно, что ойраты до тѣхъ поръ, пока всѣ поколѣнія ихъ нераздѣльно кочевали въ Чжунгаріи, никогда не имѣли у себя перерождающихся святителей, какъ не имѣютъ ихъ до настоящаго времени. Но потъ въ періодъ маньчжуро-китайскихъ войнъ въ Чжунгаріи, поколѣніе Дурбѣтовъ должно было отдѣлиться отъ союза и перекочевало въ Улѣнъ помъ, явившись такимъ образомъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Халхою. Нѣтъ сомнѣнія, что именно это сосѣдство Халхи и связь съ Халхасами роковымъ образомъ повліяли на развитіе буддизма среди Дурбѣтовъ. Съ наступленіемъ кытѣшняго столѣтія у нихъ начало быстро возрастать ламство, построились новыя кумирни, наконецъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ они начали поговаривать и о хубилганахъ. Снаряжено было специальное посольство къ Нару-баньчѣнъ хутухтѣ съ просьбою указать перерождающагося святителя, который покровительствовалъ бы вѣрѣ будды въ кочевьяхъ Дурбѣтовъ. Разказываютъ, что Нару-баньчѣнъ хутухта, принявъ это посольство,

новъ, ламы подѣлали таковыхъ уже не изъ проповѣдниковъ буддизма и не изъ отличившихся на дѣятельности церковно-государственной, а изъ простыхъ и скромныхъ монастырскихъ ламъ. Явился какой нибудь цоржй, шарѣтү, шанцотба, или наконецъ гэкүй — умный, ученый, а иногда и просто добрый старичекъ, пользовался онъ всеобщою любовью и уваженіемъ и, по смерти его, ламы начинали отыскивать его хубилгана. Въ первомъ своемъ перерожденіи такой хубилганъ, конечно, пользуется сравнительно еще не большимъ уваженіемъ; но проходитъ два три поколѣнія хубилгановъ, имя ихъ предка украшается различными легендарными разказами, досужіе ламы возведутъ его исторію ко временамъ

отвѣчалъ ему, что для страны Дүрбөтөвъ въ настоящее время еще нѣтъ ни гэгана, ни хутухты, но что кумирни ихъ покровительствуются хубилганами Бѣлой и Зеленой Дара эхъ (Цаггынъ-Даръ эхъ и Ногойнъ-Даръ эхъ) и что хубилганы этихъ небесныхъ дѣвъ давно уже возродились и проживаютъ-де въ такихъ то домахъ. Возвратившееся посольство отыскало двухъ, указанныхъ дѣвушекъ въ хошунѣ дүрбөтскаго вана и съ тѣхъ поръ у Дүрбөтөвъ впервые появились хубилганы Дара эхъ. Впрочемъ хубилганъ Ногойнъ-Даръ-эхъ прожилъ едва только нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего объявленія и скончался. Тогда ламы отправили новое посольство къ Нарұ-баньчонъ и просили его указать новаго хубилгана, представляя при томъ особое ходатайство, чтобы этотъ новый хубилганъ былъ бы мужескаго пола, такъ какъ женскій хубилганъ не можетъ-де проживать въ монастырѣ, а потому и покровительствовать нѣрѣ, наставляя народъ и принося жертвы Буддѣ. Нарұ-баньчонъ якобы обѣщалъ тогда: 1) что Даръ эхъ можетъ возродиться мужчиной только хубилганомъ духа, (Монгол а ололгон) хубилганъ же тѣла онъ (Бул а ололгон) неизменно долженъ быть женщиной; 2) что этотъ послѣдній хубилганъ тѣла уже появился въ дѣвушкѣ, родившейся у одного изъ прислужниковъ дүрбөтскаго вана, по имени «Нѣстү» и наконецъ 3) что искомый хубилганъ духа (Монгол а ололгон) Ногойнъ-Даръ эхъ, могущій возродиться въ мужчину, еще не появился. Съ этимъ посольство и возвратилось. Въ 1877 г., уже въ періодъ моего пребыванія въ Монголіи, дүрбөтскіе ламы отправляли еще третье посольство къ Нарұ-баньчонъ хутухтѣ, прося его снова указать хубилгана духа Ногойнъ-Даръ-эхъ и на этотъ разъ ихъ искательство увѣчалось успѣхомъ. Когда въ 1879 году я посѣтилъ кочевья Дүрбөтскаго вана, то въ хурѣ его уже проживалъ шестилѣтній хубилганъ духа Ногойнъ-даръ эхъ, возродившійся мужчиной. Видѣть этого ребенка мнѣ не пришлось.

Что касается женскихъ хубилгановъ Даръ-эхъ, то я видѣлъ только одного изъ нихъ, именно Цаггынъ-даръ-эхъ. Первая моя встрѣча съ этой живой богиней была въ Улэсутай. Однажды, проходя по улицѣ, я былъ пораженъ громаднымъ стеченіемъ народа у одной китайской лавки. Освѣдомившись въ чемъ

болѣе отдаленнымъ, найдуть, что въ прежнихъ своихъ перерожденіяхъ онъ былъ однимъ изъ приближеннѣйшихъ учениковъ Цзонхавы, а нѣтъ, — такъ заведуть его еще дальше, — въ Индію и — репутація хубилгана готова. А на народъ даже одно слово хубилганъ производятъ достаточное обаяніе: хубилганъ, — слѣдовательно существо, отличное отъ обыкновенныхъ, — существо высшей природы и возможно ли не благоговѣть предъ такимъ святителемъ?

Такъ образовался въ Монголіи многочисленный классъ перерождающихся святителей. Въ обычныхъ разговорахъ съ ламами мнѣ пришлось узнать, что число ихъ въ настоящее время

дѣло, я узналъ, что въ эту лавку пожаловала Даръ-эхъ и что китаецъ пригласилъ ее въ гости. Такъ какъ китаецъ этотъ былъ моимъ хорошимъ знакомымъ, то я свободно прошелъ къ нему въ комнату. Даръ-эхъ сидѣла у него на почетномъ мѣстѣ кана, пила чай и закусывала кое-какими сладостями. Это была женщина на видѣ лѣтъ за 40, не высокаго роста и довольно полного тѣлосложенія; одѣта она была въ обыкновенный, дѣвичій халатъ, сдѣланный изъ синяго шифона, на головѣ имѣла обычную женскую шапку, только на тулѣ этой шапки было прикрѣплено металлическое изображеніе вачіра. Усѣвшись на кану, я спросилъ ее за чѣмъ она пріѣхала, гдѣ живетъ и т. д. Она отвѣчала, что кочевье ея собственно не подалеку отъ Цаабхана, но что тамъ она давно уже не была, такъ какъ переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто по приглашеніямъ, а сюда пріѣхала для покупки платья. Изъ разнаго рода другихъ вопросовъ для меня вновь вылилось, что Даръ-эхъ была обыкновенная монголка, не получившая даже монгольскаго образованія: читать и писать она не умѣла и вообще въ своихъ знаніяхъ далеко уступала, напримѣръ, женамъ и дочерямъ халхаскихъ князей. Впрочемъ, въ разговорахъ ни одинъ изъ моихъ вопросовъ, обращенныхъ къ ней, не оставался безъ отвѣта и это благодаря тому, что особѣ Цаганъ-Даръ-эхъ всегда сопутствуетъ одинъ лама гэлунъ, который и выводитъ ее изъ затруднительныхъ обстоятельствъ своимъ вышаташествомъ въ рѣчи. Въ частности меня интересовалъ, напр., вопросъ, какимъ образомъ примиряють дурбѣты сумѣстничество своей Цаганъ-Даръ-эхъ съ тѣмъ, что, по повѣрью ихъ, Цаганъ-Даръ-эхъ воплощается въ русскихъ императоровъ. И обратился въ ней съ вопросомъ: бывала ли она въ Россіи? Но въ отвѣтъ она въ недоумѣніи посмотрѣла на своего ламу, который тотчасъ же объяснилъ мнѣ, что настоящая Цаганъ-Даръ-эхъ есть тѣлесный хубилганъ (ཅན་པོ་ལྷ་མོ་ལྷ་མོ་) Даръ-эхъ, что она воплощалась въ Россіи въ своихъ прежнихъ перерожденіяхъ и оттого въ ту пору и царями на Руси были женщины: нѣтъ же тѣлесный хубилганъ Цаганъ-Даръ-эхъ воплощается въ почевьяхъ дурбѣтовъ, а въ Россіи воплощается хубилганъ духа (ཅན་པོ་ལྷ་མོ་ལྷ་མོ་) Цаганъ-Даръ-эхъ, оттого русскіе императоры стали мужчинами и по той же причинѣ.

восходитъ въ Халхѣ до 118, а въ южной Монголіи ихъ насчитываютъ еще болѣе, хотя точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній о томъ, какіе это хубилганы, какъ ихъ зовутъ и въ какихъ именно монастыряхъ живутъ они, пріобрѣсти мнѣ не удалось, какъ не удалось это и моимъ предшественникамъ. Проф. Васильевъ, во время своего десятилѣтняго пребыванія въ Пекинѣ, первый пріобрѣлъ для себя списокъ монгольскихъ хутухтъ и хубилгановъ; но этотъ списокъ, не смотря на довольно значительный объемъ его, является все таки далеко не полнымъ и при томъ относится главнымъ образомъ до хубилгановъ южной Монголіи, а для Халхи онъ едва указываетъ 31-го хубилгана, опуская даже такихъ замѣчательныхъ хутухтъ, какъ Чжэбцзунъ-дамба-ургинскій.

Нару-банчинъ-хутухту, указавшій Дурбѣтамъ хубилгана духа (ᠨᠠᠷᠤᠪᠠᠨᠴᠢᠨ ᠬᠤᠲᠤᠬᠤ) Погонь-Даръ-эхѣ, не могъ указать имъ такового же хубилгана Цаганъ-Даръ-эхѣ.

Вторая моя встрѣча съ Цаганъ-Даръ-эхѣ была уже при возвращеніи моемъ въ Россію. Подѣзжая къ перевалу Уланъ-даба въ горахъ Цаганъ-шубуту, я увидалъ по дорогѣ совершенно необычайный аилъ. Онъ состоялъ изъ шести юртъ и на двухъ изъ нихъ красовалось изображеніе ганчжира, орло этихъ юртъ имѣло оторочку краснаго цвѣта, — сломомъ было ясно, что это или кумирня, или жилище хубилгана. Освѣдомившись у проводника, я узналъ, что это кочевье Цаганъ-Даръ-эхѣ и завернулъ къ своей знакомой. Войдя въ юрту, я нашелъ въ ней Цаганъ-Даръ-эхѣ сидѣщую на своемъ орнѣ (кровати), а у дверей сидѣло человекъ шесть простолюдиновъ-дурбѣтовъ, пріихавшихъ къ ней на поклоненіе. Разговоры ихъ были самые обычные: Цаганъ-Даръ-эхѣ спрашивала каждого о кочевьяхъ, о травѣ, о скотѣ, о знакомыхъ ей Дурбѣтахъ, о кое какихъ совершившихся новостяхъ и т. п. Каждый новоприбывшій дурбѣтъ, входя въ юрту, сначала молился на Цаганъ-Даръ-эхѣ, потомъ, согнувшись, подходилъ къ ней, при чемъ она возлагала на его голову «адистъ», т. е. благословеніе, подобно тому какъ это дѣлаютъ всѣ ламы. Въ то же время поклонникъ подавалъ свой подарокъ богинѣ: одинъ несъ барана, другой кусокъ коровьяго масла, третій, наконецъ, пол-кирпича чаю. Поднеся подарокъ, онъ отходилъ къ сторонкѣ и садился: ему подавали чашку чаю и начинался обычный разговоръ. Такова, повидимому, ежедневная жизнь Цаганъ-Даръ-эхѣ въ стѣняхъ. Аилъ ея, какъ я уже сказалъ, состоялъ изъ шести юртъ. Въ одной помѣщалась кумирня, въ другой жила сама Цаганъ-Даръ-эхѣ, въ третьей — сопутствующій ей голѣнъ, въ четвертой — три хуварѣка, состоящіе при кумирнѣ, пятая и шестая были заняты прислугой. Въ кумирнѣ Цаганъ-Даръ-эхѣ богослуженія отправляются только по просьбѣ. Сама Цаганъ-Даръ-эхѣ нѣмощъ не читаетъ, но присутствуетъ при отправленіи хурѣла, сидя на особомъ сѣдалищѣ, состоящемъ изъ пяти одбоковъ и установленномъ на ряду съ бурханами, по лѣвую сторону ихъ.

Этотъ недостатокъ думалъ было пополнить я и сдѣлалъ для себя соответствующую выписку изъ ямуна ургинскаго Шанцзотбы; но списокъ шанцзотбѣнскаго ямуна, во многомъ дополняющій списокъ проф. Васильева и замѣчательный еще тѣмъ, что въ немъ помѣщаются цѣликомъ всѣ титулы, которые носятъ тотъ или другой хубилганъ, тѣмъ не менѣе является опять таки недостаточнымъ въ количественномъ отношеніи: точнѣе сказать, въ шанцзотбѣнскомъ ямунѣ находится списокъ только тѣхъ халхаскихъ хутухтъ, которые имѣютъ у себя шабинаровъ, о другихъ же мы не находимъ въ немъ никакихъ извѣстій. Въ видахъ однако того обстоятельства, что не только въ Россіи, но и въ Европѣ до нынѣ не имѣется ровно ни какихъ свѣдѣній о количествѣ хутухтинскихъ каедръ въ Монголіи, я почитаю не бесполезнымъ представить здѣсь эти два списка.

- 1) Чахарскій Йогъцзари тѣйнъ хутухтѹ Цзамъянъ-дорчжійнъ хубилганъ Норбѣ ринчійнъ. — 16-ти лѣтъ ¹⁾.
- 2) Чахарскій дорчжй Давъ-цзайсани хубилганъ Улцзѣй-токтогѣль. — 10 лѣтъ.
- 3) Чахарскій Эрдэнь-мэргэнъ-дорчжійнъ хубилганъ Цзамбалъ-цэрэнъ-нойрѣбъ. — Умеръ.
- 4) Чахарскій Рачжамба Лубсанъ-дамбайнъ хубилганъ Нимъ. —
- 5) Халхаскій Эрдэнь Илагухсанъ хутухтѹ Лубсанъ-балданъ-чжигмэгъ. — 30 лѣтъ.
- 6) Халхаскій Йогъцзари - ачитѹ - эрдэнь - мэргэнъ - ханбѣ - ламъ Лубсанъ-даньцзайнъ-намчжиль. — 49 лѣтъ.

1) Последнее имя обозначаетъ имя хубилгана, жившаго въ періодъ составленія списка. Къ этому, какъ видно, прибавлены еще нѣкоторыя замѣчанія о хутухтахъ и, между прочимъ, показаны лѣта ихъ отъ рожденія. Последнее обстоятельство является очень важнымъ. За последнее время намъ часто не только въ разговорахъ, но и въ печати приходилось встрѣчаться съ мнѣніемъ, что ламы сами убиваютъ своихъ хутухтъ; что, по вѣрованіямъ монголовъ, хутухты должны быть вѣчно юными, а потому и непременно должны умирать по достиженіи 20 лѣтъ. Въ своемъ сочиненіи «Ургинскіе хутухты» мы уже опровергли разъ это мнѣніе; теперь настоящій списокъ хутухтъ еще яснѣе показываетъ его несостоятельность. Очевидно, что хутухты живутъ обычною жизнью и многіе изъ нихъ доживаютъ до лѣтъ весьма преклонныхъ.

- 7) Халхаскiй Ачиту-йегацзари-дарханъ-хутухтуйнъ хубилганъ Наванъ-дапцэинъ. — 10-е перерожденiе. — 15 лѣтъ.
- 8) Халхаскiй Эрдэни-бандида хутухтү Лубсанъ-цэванъ-чжэб-цүкъ. — Умеръ.
- 9) Халхаскiй Цзай-бандида хутухтү Лубсанъ-чжигмэгъ-нам-чжиль. — 46 лѣтъ.
- 10) Халхаскiй Нарү-баньчэнь-хутухтү Тукчжй чжэбъ. — 32 лѣтъ.
- 11) Халхаскiй Эрдэни-мэргэнь-нойнъ хутухтү Цэрэнь-ван-цүкъ. — 40 лѣтъ.
- 12) Халхаскiй Номунъ-ханъ-Бадма-дорчжй. — 20 лѣтъ.
- 13) Халхаскiй хутухтуйнъ хубилганъ Банданъ-чойм-пуль. — 18 лѣтъ.
- 14) Халхаскiй Эркэ-дорчжйинъ хубилганъ Дамцуй-яримиль. — 65 лѣтъ.
- 15) Халхаскiй Дариа-бандидайнь хубилганъ Лубсанъ-тубданъ-ванцүкъ. — 41 года.
- 16) Халхаскiй Шабрунь ламайнь хубилганъ Шакчжй-балъ. — 50 лѣтъ.
- 17) Халхаскiй Эрдэни-номчй-дорчжйинъ хубилганъ Лубсанъ-дунга-оцзэръ. — 25 лѣтъ.
- 18) Халхаскiй Цзай-бандида хутухтуйнъ шанцзотба-цзасакъ лама Дарма. — 59 лѣтъ.
- 19) Халхаскiй Эрдэни-бандидайнь хубилганъ Лубсанъ-балданъ-чоймпуль. — 10 лѣтъ.
- 20) Халхаскiй Мэргэнь бандидайнь хубилганъ Цэбэлъ-ванцүкъ-дорчжй. — 14 лѣтъ.
- 21) Халхаскiй Цзалаханцзэ хутухтү Лубсанъ-балыцзүръ-лун-дубъ. — Умеръ.
- 22) Халхаскiй Илагүхсанъ хутухтү Лубсанъ-самдубъ. — 30 лѣтъ.
- 23) Халхаскiй Номунъ-ханъ Ишй-дапцэинъ. — 45 лѣтъ.
- 24) Халхаскiй Илагүхсанъ хутухтү Лубсанъ самдубийнъ шанц-зотба-цзасакъ лама Лубсанъ дондубъ. — 56 лѣтъ.
- 25) Халхаскiй Цзалаханцзэ хутухтү Лубсанъ-балыцзүръ-лунду-бийнъ шанцзотба Лубсанъ-цзамиль. — 64-хъ лѣтъ.

- 26) Халхаскiй Мэргэнъ - пандiда - хутухтү Наванъ - лубсанъ - цамъянъ. — 11 лѣтъ.
- 27) Халхаскiй Дà-ламà Цэрэнъ-дорчжi. — 47 лѣтъ.
- 28) Халхаскiй Дà ламà Наванъ-чжалцанъ. — Умеръ.
- 29) Ургинскiй Ачитү-номунъ-ханъ, Донкоръ-хутухтү Лубсанъ-чжигмэтъ-цулдамъ. — 14-е перерожденiе. — 23-хъ лѣтъ.
- 30) Ургинскiй Илагүхсанъ-хутухтү хамбò-номунъ-ханъ Цамбалъ-дорчжiйнъ-хубилганъ Ринчинъ-чжабъ. — 56 лѣтъ. — 8-е перерожденiе.
- 31) Ургинскiй Эрдэни-мэргэнъ пандiда, номунъ-ханъ Сандубъ-дорчжi. — Умеръ.
- 32) Ургинскiй Мэргэнъ - хамбò - номунъ-ханъ Чжанцүбъ-дорчжiйнъ хубилганъ Лубсанъ-цул-цулдамъ-чжигмэтъ. — 11-е перерожденiе. — 39-ти лѣтъ.
- 33) Ургинскiй Эрдэни-мэргэнъ-пандiда-номунъ-ханъ Лубсанъ-ниранлай - дандарийнъ хубилганъ Дорчжi. — 27 лѣтъ. — 9-е перерожденiе.
- 34) Ургинскiй Ламà Бамбарийнъ хубилганъ Лубсанъ-дондòбъ. — 5-е перерожденiе. — 32-хъ лѣтъ.
- 35) Ургинскiй Ламà Лубсанъ-гэлэгийнъ хубилганъ Чжигмэгъ-дорчжi. — 60 лѣтъ.
- 36) Алашанъскiй Добцэанъ-хутухтү Ишi-даньцэйнъ. — Боленъ.
- 37) Алашанъскiй Дакбò - хутухтү . Ишi - цуйлдамъ - дармà - чжамеò. — 26 лѣтъ. — Прибыль въ Пекинъ.
- 38) Сунйтскiй Гантжурна-эрдэни-ханбò ламà Номунъ сангiйнъ хубилганъ Садабадари. — 12 лѣтъ.
- 39) Сунйтскiй Эрдэни-гуюшири мэргэнъ-хамбò Наванъ-чжамцани хубилганъ Дондòбъ. — 31-го года.
- 40) Учжумуцинъскiй Мэргэнъ - гуюшири Лубсанъ - ширабъ - нимайнъ-хубилганъ Санцэй-дорчжi. — Умеръ на 21-мъ году отъ рожденiя.
- 41) Учжумуцинъскiй Дà-ламà, гуюшири-дорчжi Наванъ-дамба-дорчжiйнъ хубилганъ Ишi - дампилъ. — Умеръ на 28-мъ году отъ рожденiя.
- 42) Учжумуцинъскiй Дà ламà - эрдэни - бандида - мэргэнъ-ханбò

- Навѣнъ-дамба-пиранлѣй-рабчжѣйнъ хубилгѣнъ Урчжѣйнъ-чжѣбъ. — 26 лѣтъ; уѣхалъ въ Тибетъ и не возвращался.
- 43) Учжумуцѣйнъскій Ламѣ Молѣмъ-рѣчжамба Галсѣнъ-губдѣнн хубилгѣнъ Дамарѣнъ. — 18 лѣтъ.
- 44) Абагѣскій Байнъ-шабрѣнъ Навѣнъ-даньцѣйнъ-чжамсѣйнъ хубилгѣнъ Ринчѣйнъ-дашѣ. — 14 лѣтъ отправился въ Тибетъ и не возвращался.
- 45) Абагѣскій Гуѣшири Лубсѣнъ-Гилцагѣйнъ хубилгѣнъ Навѣнъ-губдѣнъ. — 21-го года.
- 46) Абагѣскій Навѣнъ-лубсѣнъ-пиранлѣйнъ-хубилгѣнъ Намгѣй-норбѣ. — 27-ми лѣтъ.
- 47) Абагѣскій Дѣ-ламѣ Лубсѣнъ-дамба-рабцѣй. — 40 лѣтъ.
- 48) Абагѣскій Дѣ-ламѣ Навѣнъ-отсѣрѣ. — 60 лѣтъ.
- 49) Абагѣскій Цзанлѣнъ-бандѣда-ламѣ Навѣнъ-даньцѣйнъ-чжамцѣ.
- 50) Абаганѣр'скій Эрдѣнѣ-мѣргѣнн хубилгѣнъ Лубсѣнъ. — 12-ти лѣтъ.
- 51) Абаганѣрскій Ламѣ Лубсѣнъ-даньцѣйнъ-чжамсѣйнъ хубилгѣнъ Марѣйсѣнъ. — 14-ти лѣтъ.
- 52) Абаганѣрскій Дѣ-ламѣ Ишѣ-чжѣмба-балсанбѣ. — 75 лѣтъ.
- 53) Абаганѣрскій Да ламѣ Ишѣ-чжамцѣнъ. — 75 лѣтъ.
- 54) Хѣчѣтскій Биликтѣ-ном'ѣнъ хѣнн хубилгѣнъ Лубсѣнъ. — 31-го года.
- 55) Цзу-удѣскій Ламѣ-эрдѣнѣ-мѣргѣнъ-хамбѣйнъ хубилгѣнъ Навѣнъ-пирѣкъ-даньцѣйнъ-чжамсѣ. — 26-ти лѣтъ.
- 56) Хѣхѣ-хотѣскій Ширѣтѣ-хутухтѣ.
- 57) Хѣхѣ-хотѣскій хубилгѣнъ Санцѣй-нѣмѣ. — Еще не принялъ перерожденія.
- 58) Хѣхѣ-хотѣскій Нѣйчжѣ-тѣйнъ хутухтѣ. — Въ 27 г. правленія отправился въ Тибетъ и еще не возвращался.
- 59) Хѣхѣ-хотѣскій Цзасѣкъ ламѣ Галсѣнъ-ишѣ-донрѣбѣ.
- 60) Хѣхѣ-хотѣскій Дѣ-ламѣ Янчирчѣйнъ хубилгѣнъ Махѣ-бирдѣ-шѣри.
- 61) Хѣхѣ-хотѣскій Цзѣй-пандѣда-хутухтѣйнъ-хубилгѣнъ.

- 62) Хүхэ-хотоскiй Чойгэгэбъ-даянчи-хутухтуйнь хубилганъ. —
Еще не достигъ совершеннолѣтiя.
- 63) Хүхэ-хотоскiй Омбод-чжамсани хубилганъ. — Еще не воз-
родился.
- 64) Хүхэ-хотоскiй Цзасакъ ламà Донробъ-балданъ. — Умеръ.
- 65) Хүхэ-хотоскiй Цзасакъ-дà-ламà Цаганъ-даянчи хутухтуй.
- 66) Хүхэ-хотоскiй Рачжамба-дарханъ-цорчжi хутухтуй.
- 67) Хүхэ-хотоскiй Нёнъ-пiнь хутухтуйнь хубилганъ.
- 68) Хүхэ-хотоскiй Эрдэни даянчи хутухтуй. — Умеръ.
- 69) Хүхэ-хотоскiй Чахаръ-даянчи хутухтуйнь хубилганъ.
- 70) Хүхэ-хотоскiй Цзасакъ-ламà Соднамъ-даньцзинъ.
- 71) Хүхэ-хотоскiй Дà-ламà Лубсанъ-дамбаранъ.
- 72) Хүрэ-хотоскiй Дà-ламà Гунгà-лавà.
- 73) Хүхэ-хотоскiй Дà-ламà Иши сономъ.
- 74) Хүхэ-хотоскiй Дà-ламà Лубсанъ-гилцакъ.
- 75) Хүхэ-хотоскiй Дà-ламà Ракба-балданъ.
- 76) Хүхэ-хотоскiй Цзасакъ-ламà Йондонъ.
- 77) Хүхэ-хотоскiй Дà-ламà Шарабъ-дорчжi.
- 78) Хүхэ-хотоскiй Цзасакъ-ламà Дэмчуй-балъчжуръ.
- 79) Хүхэ-хотоскiй Дà-ламà Чжамсанъ-нимà.
- 80) Хүхэ-хотоскiй Дà-ламà Иши-дамба.
- 81) Хүхэ-хотоскiй Дà-ламà Гунцукъ-чжамсò.
- 82) Хүхэ-хотоскiй Дà-ламà Рабчжай.
- 83) Хүхэ-хотоскiй Дà-ламà Лубсанъ-дондокъ.
- 84) Хүхэ-хотоскiй Дà-ламà Гунгà-дэлэкъ.
- 85) Хүхэ-хотоскiй Дà-ламà Сагичжабъ.
- 86) Хүхэ-хотоскiй Цзасакъ ламà Лубсанъ-самданъ.
- 87) Хүхэ-хотоскiй Дà-ламà Лубсанъ-балданъ.
- 88) Хүхэ-хотоскiй Дà-ламà Ринчинъ-чжамсò.
- 89) Хүхэ-хотоскiй Дà-ламà Чжигмэгъ-самданъ.
- 90) Хүхэ-хотоскiй Дà-ламà Намгай-балданъ.
- 91) Хүхэ-хотоскiй Дà-ламà Умцэй.
- 92) Чжэрийскiй Ноинъ-хутухтуй Иши-чжалцанъ. — Въ 24 г.
правлениа Цзя-цина (1820 г.) заболѣлъ и умеръ.
- 93) Чжэрийскiй Бакинъ ламà Мичжигъ-дорчжi. — 38 лѣтъ.

- 94) Чжэримскій Цзасакъ-дà-ламà Наванъ-ракба. — 67 лѣтъ.
95) Чжэримскій Дà-ламà Гампиль. — 65 лѣтъ.
96) Чжэримскій Дà-ламà Санцзай.
97) Чжэримскій Дà-ламà Дамба-чжалсанъ. — 42-хъ лѣтъ.
98) Чжэримскій Дà-ламà Чой-чжамсò. — 70-ти лѣтъ.
99) Хорлòсскій Шабруни хубилганъ Мани-чжабъ. — 47 лѣтъ.
100) Хорлòсскій Да-лама Амьндава. — 41 годъ.
101) Хорлòсскій Дà-ламà, тòйнъ Улцзэй-даму-парга-бабай. — 60 лѣтъ.
102) Хорлòсскій Дà-ламà, тòйнъ Санчжи-чжабъ. — 61-го года.
103) Хорлòсскій Дà-лама Иши-ракба — 40 лѣтъ.
104) Хорлòсскій Дà-ламà Лубсанъ-ламицукъ. — 80 лѣтъ.
105) Хорлòсскій Дà-ламà Санрэнъ-дорчжи. — 85 лѣтъ.
106) Хорлòсскій Дà-ламà Отсэръ. — 95 лѣтъ.
107) Хорлòсскій Да-ламà Лопой. — 88 лѣтъ.
108) Хорлòсскій Дà-ламà Чойракъ. — 80 лѣтъ.
109) Хорлòсскій Да-ламà Бацзай. — 78 лѣтъ.
110) Хорлòсскій Дà-ламà Чойракъ. — 74 лѣтъ.
111) Хорлòсскій Дà-ламà Дэлэкъ. — 67 лѣтъ.
112) Хорлòсскій Да-ламà Лубсанъ-молòмъ. — 57 лѣтъ.
113) Хорлòсскій Дà-ламà Яши-цукданъ. — 52 лѣтъ.
114) Хорлòсскій Дà-ламà Бунй-яранцзанъ. — 46 лѣтъ.
115) Хорлòсскій Да-ламà Чой-отсэръ. — 25 лѣтъ.
116) Хорлòсскій Дà-ламà Наванъ-линданъ. — 40 лѣтъ.
117) Хорлòсскій Дà-ламà Дансэй нима. — 48 лѣтъ.
118) Хорлòсскій Дà-ламà Сулчжимъ. — 61-го года.
119) Хорлòсскій Да-ламà Чакдаръ-урчинъ. — 50 лѣтъ.
120) Хорлòсскій Дà-ламà Ламиу. — 64-хъ лѣтъ.
121) Хорлòсскій Дà-ламà Гомбò-ринчинъ. — 48 лѣтъ.
122) Хорлòсскій Дà-ламà Лубсанъ-раши. — 50 лѣтъ.
123) Хорлòсскій Дà-ламà Тулцзанъ-балданъ-самбò. — 42-хъ лѣтъ.
124) Хорлòсскій Дà-ламà Пирлай. — 27 лѣтъ.
125) Хорлòсскій Да-ламà Наванъ Галсанъ. — 35 лѣтъ.
126) Хорлòсскій Дà-ламà Улцзэй-бадаръ. — 31-го года.
127) Хорлòсскій Дà-ламà Галсанъ-ширабъ. — 63 лѣтъ.

- 128) Хорлоескiй Дà-ламà Навàнг-даньцэйнъ. — 62-хъ лѣтъ. — Боленъ.
- 129) Хорлоескiй Дà-ламà Ашүка.
- 130) Чжалàйтскiй Дà-ламà Лэкчигъ. — 65 лѣтъ.
- 131) Чжалàйтскiй Дà-ламà Бабьчжàбъ. — 72-хъ лѣтъ.
- 132) Чжалàйтскiй Дà-ламà Товàцн. — 59 лѣтъ.
- 133) Чжалàйтскiй Дà-ламà Бàньди. — 62-хъ лѣтъ.
- 134) Чжалàйтскiй Дà-ламà Сампилъ. — 82-го года.
- 135) Чжалàйтскiй Дà-ламà Чжàбъ. — 43-хъ лѣтъ.
- 136) Чжалàйтскiй Дà-ламà Чой-ринчигъ. — 70 лѣтъ.
- 137) Чжалàйтскiй Дà-ламà Санцзай-ринчигъ. — 65 лѣтъ.
- 138) Чжалàйтскiй Дà-ламà Чуанъ. — 62-хъ лѣтъ.
- 139) Чжалàйтскiй Дà-ламà Хуваргүнъ. — 41-го года.
- 140) Чжалàйтскiй Дà-ламà Энкэ. — Умеръ.
- 141) Дүрбэтскiй Дà-ламà Баянъ-дурангъ. — 46 лѣтъ.
- 142) Дүрбэтскiй Дà-ламà Рашн. — 61 года.
- 143) Дүрбэтскiй Дà-ламà Номунъ-дэлгөръ. — 46 лѣтъ.
- 144) Дүрбэтскiй Дà-ламà Байнъ-кэшикъ. — 72-хъ лѣтъ.

По списку шанцзотбийнскаго ямуна въ числѣ халхаскихъ хутухтъ значатся:

- 1) Шашини мандагүлху, амитанн чжиргагүлхчи Чжэбцзүнь-дамбà-хутухтүйнъ хубилганъ.
- 2) Ачитү, номунъ-ханъ Донкоръ-хутухтүйнъ хубилганъ.
- 3) Илагүхсанъ хутухтү, хамбò, номунъ-ханъ Цзамбàль-дорчжигнъ хубилганъ.
- 4) Эрдэни-мэргэнъ-хутухтү Лубсанъ-гэлэг'үнъ хубилганъ.
- 5) Эрдэни-мэргэнъ-пандида, номунъ-ханъ Цзванъ-дорчжигнъ хубилганъ.
- 6) Мэргэнъ - хамбò, номунъ - ханъ Чжанцзүбъ-дорчжигнъ хубилганъ.
- 7) Эрдэни-мэргэнъ-пандида, цорчжн-хамбò-номунъ-ханъ Лубсанъ ннранглай-данлар'үнъ хубилганъ.
- 8) Бамбарүнъ хубилганъ.
- 9) Шачжнни тодорагүлхчи эрдэни Цзай-пандида хутухтүйнъ

хубилганъ. (Въ просторѣчи онъ называется просто Цзай пандида, или Цзайинъ гэгэнъ. Кочевья и монастырь его располагаются въ Сайнъ-нойновскомъ аймакѣ и хубилганъ его долженъ быть отличаеми отъ хухэхотоскаго хубилгана, помѣченнаго въ первомъ спискѣ подь № 61-мъ.

- 10) Эрдэни-пандида-хутухтү, хамбѣ, номунъ-ханъ. (Въ просторѣчи извѣстный подь именемъ Ламъ номунъ ханъ. Кочевья его располагаются въ Сэцэнъ хановскомъ аймакѣ.
- 11) Чинъ-сүзүктү номунъ-ханъ, эрдэни-хамбѣ хутухтү. (Въ просторѣчи называется Чинъ-сүзүктү ламъ).
- 12) Эрдэни-мэргэнъ-пандида-сэцэнъ-номунъ-ханъ. (Въ просторѣчи Эрдэни хамбѣ хутухтү).
- 13) Номчй-мэргэнъ-хамбѣ-эрдэни-пандида Цзалаханца хутухтү.
- 14) Соѳм'и бадарагүлүхчи сүмэйнъ Ханбѣ Нарү-банчэнъ хутухтү. (Въ просторѣчи извѣстный подь именемъ Нарү-банчэнъ гэгэна.
- 15) Эрдэни илагүхсанъ хутухтүйнъ хубилганъ. (Въ просторѣчи называется Хла-бэйсэйнъ илагүхсанъ).
- 16) Йоганцари-ачитү-эрдэни-мэргэнъ-сэцэнъ-хамбѣйнъ хубилганъ.
- 17) Цзарликъ-йэръ йэхэ ухагату цолѣ шангнахсанъ цорчжи-хутухтү-эрдэни-хамбѣ-эрхэ-сэцэнъ тѣйнъ (въ просторѣчи извѣстный подь именемъ «мэргэнъ ванггійнъ тѣйнъ-хамбѣ». Монастырь и кочевья его располагаются въ хошунѣ Мэргэнъ вана Тушѣтү хановскаго аймака.
- 18) Хамбѣ-илагүхсанъ, сайнъ прүгэлтү-ширѣтү-номчй-номунъ-ханъ (въ просторѣчи извѣстенъ подь именемъ Хабчикъ хубилганъ).
- 19) Хубилганъ-цорчжи-номчй-эрдэни-биширэлтү. (Въ просторѣчи называется Нойнъ ламъ и живетъ въ монастырѣ Пунсүкъ-дорчжи-линъ неподалеку отъ Барунъ-хүрѣ).
- 20) Эрдэни-илагүхсанъ-ширѣтү-биликтү-габжү-хубилганъ. (Въ просторѣчи называется «Шабійнъ галцэнъ-ширѣтү»).
- 21) Шаяжини тодорагүлүхчи, сайнъ прүгэлтү, номчй, мэргэнъ хамбѣ-сэцэнъ-ширѣтү Дарва-пандида хутухтүйнъ хубилганъ.

- 22) Хубилгaнъ гaлцaнъ-ширѣтy. (Въ просторѣчи — Хатагйнъи гaлцaнъ ширѣтy).
- 23) Шачжйни тодорагyлухчи, эрдэни-мэргэнь-нойнь-хутухтy. (Въ просторѣчи называется «Сайнь-нойнь дyгыйнь хубилгaнъ», т. е. хубилгaнъ младшаго брата Сайнь-нойна. Кочевья его располагаются въ Сайнь нойновскомъ аймакѣ.
- 24) Тойнь-хамбo хубилгaнъ yлэмчжй сайнь-номчй-мэргэнь.
- 25) Тойнь-хамбo хубилгaнъ yлэмчжй сайнь номчй мэргэнь. (Для отличія отъ перваго называется еще Хлa-бэйсэйнъ тойнь, подъ каковымъ именемъ и извѣстенъ онъ въ просторѣчи. Къ канцеляріяхъ эти хутухты различаются между собою только по хошyнамъ.
- 26) Цорчжй-хубилгaнъ Дамба-юнъ-най.
- 27) Шачжйни тодорагyлухчи эрдэни-мэргэнь-нойнь-хутухтy. (Для отличія отъ соименнаго ему хубилгaна младшаго брата Сайнь нойна онъ называется Гобйинъ-нойнь-хутухтy. Монастырь и кочевья его располагаются въ Мэргэнь-вановскомъ хошyнѣ.
- 28) Эрдэни-мэргэнь-ширѣтy (въ просторѣчи — Хлa бэйсэйнъ ширѣтy).
- 29) Хубилгaнъ-дарханъ-цорчжй Лубсaнъ-дамба-чжалцаугыйнь хубилгaнъ.
- 30) Илагyхсанъ-хутухтy, нойнь-номyнь-хaнъ.
- 31) Аймакъ сабайги барихчй, ачитy-номyнь-хaнъ, эрдэни-Манцyшри Донкoръ хутухтy. (Нынѣ живетъ постоянно въ Чахарскомъ аймакѣ близъ Долонъ-нyра, хотя имѣетъ свои монастыри и въ Халхѣ. Его должно отличать отъ Донкoръ Маньчжyшри, жительствоющаго не подалеку отъ Ургй и состоящаго въ вѣдѣніи Чжэбцyнъ-дамба-хутухты.
- 32) Мэргэнь-хамбo-номyнь-хани хубилгaнъ.
- 33) Эрдэни-мэргэнь-пандйта-ном'yнь-хaни хубилгaнъ.
- 34) Мэргэнь хутухтy.
- 35) Эрдэни хубилгaнъ.
- 36) Эрдэни-ацоктy-хутухтy (въ просторѣчи Арyйнъ хубилгaнъ, жительствоуетъ въ Цзасактy-хaновскомъ аймакѣ).

37) Хубилганъ, гѣ-ши-дондѣбъ-номчѣ-биликтѣ.

38) Тѣйнъ-цорчжѣйнъ хубилганъ.

39) Номчѣ-номѣнъ ханъ.

40) Гѣнъ-бандидайнъ хубилганъ.

41) Цзасакъ, да-лама Оронбѣ-хутухтѣйнъ хубилганъ.

42) Эрдэни-пандита-ламайнъ-хутухтѣ (въ просторѣчїи Ламайнъ гэгэнь жительствоуетъ въ Сѣйнъ-нойновскомъ аймакѣ).

43) Мэргэнь-хамбѣ-хѣхэнь-хутухтѣйнъ хубилганъ (въ просторѣчїи Хѣхэнь хутухтѣ; кочевья и монастырь его располагаются въ сэцэнь-хановскомъ аймакѣ).

44) Илагѣхсанъ - хамбѣ Ганчжорва гэгэнь (жительствуетъ сэцэнь хановскомъ аймакѣ).

Всѣ эти хубилганы извѣстны въ народѣ подъ именемъ хутухтъ и гэгэновъ, но въ официальномъ языкѣ сказанные титулы строго различаются. Собственно говоря, всѣ эти святители имѣютъ право на одно общее названіе — «хубилганъ», что значить — перерожденецъ, или воплощеніе какого либо знаменитаго ламы; титулъ «хутухтѣ» жалуются хубилганамъ уже богдоханомъ при особомъ рескриптѣ и непременно съ выдачею золотой печати; тоже самое относится и до титула «гэгэнь», что значить собственно — свѣтлый, блестящій и святой. Различїи между этими двумя титулами почти не полагается, хотя китайское правительство и приняло въ обычай давать хубилганамъ титулъ «хутухтѣ» за отличную дѣятельность собственно на пользу церкви и религіи, а титулъ «гэгэна» за гражданскїя доблести. Титулы эти даются всегда отдѣльно: такъ извѣстный проповѣдникъ буддизма въ Монголіи Донкѣръ-хутухтѣ имѣетъ титулъ хутухты, но не имѣетъ титула гэгэнь; съ другой стороны проживающій теперь въ Тулгѣ лама Цаганъ гэгэнь за усмиреніе мятежныхъ шаекъ въ періодъ дунганскаго возстанїя, получая отъ богдохана титулъ гэгэна, хотя не имѣетъ званїя хутухты. Есть впрочемъ хубилганы, соединяющіе на своей личности и оба эти титула: въ большинствѣ случаевъ это уже старинные перерожденцы, считающіе за собою пятнадцать и двадцать перерожденїй, въ теченіе которыхъ они успѣли отличиться какъ по дѣламъ церковныхъ, такъ и по дѣ-

ламъ гражданскимъ. Что касается молодыхъ хубилгановъ, то они въ первомъ, второмъ и даже третьемъ перерожденіи, почти никогда не имѣютъ у себя титуловъ; мало того ихъ рѣдко зовутъ даже и хубилганами, а чаще называютъ ихъ именемъ «шабронъ», что значитъ собственно «молодой хубилганъ».

Получить истинное понятіе о жизни хубилгановъ на основаніи разказовъ самыхъ монголовъ не представляется почти ни какой возможности. Исполненные благоговѣнія предъ своими святителями, они украшаютъ всю жизнь ихъ, начиная съ момента зачатія и до самой смерти, небывалыми чудесами. Попробуйте спросить монгола о жизни какого бы то ни было гэгэна и вы непременно услышите, что родители его были образцомъ чистоты и благочестія, что зачатіе хубилгана совершилось какимъ либо необычайнымъ образомъ, что его пребываніе во чревѣ матери сопровождалось для сей послѣдней многочисленными, знаменательными сновидѣніями, что самое рожденіе не прошло безъ какого нибудь чуда, что ребенокъ съ первыхъ же дней, недѣль, или мѣсяцевъ обнаружилъ необычайныя способности: первыми словами его были непременно слова какой нибудь молитвы и т. д. и т. д. Въ дѣйствительности, современныхъ монгольскихъ хутухтъ можно раздѣлить теперь на два рода. Одни изъ нихъ по происхожденію всегда бываютъ тибетцами; это, въ большинствѣ случаевъ, знатные хутухты, обладающіе громадными монастырями, имѣющіе у себя приписныхъ шабипаровъ и пользующіеся высшимъ почетомъ у народа. Другіе, низшіе хубилганы, духовные родоначальники которыхъ не составили себѣ такого громкаго реноме, возрождаются теперь почти всѣ въ Монголіи. О происхожденіи первыхъ хутухтъ мы не можемъ сказать многого, такъ какъ не могли собрать по этому вопросу вполне достовѣрныхъ свѣдѣній; намъ извѣстно только, что хубилганы всѣхъ этихъ хутухтъ первоначально указываются въ Тибетѣ или Баньчѣнъ эрдэни, или Далай-ламою и что за симъ избраніе ихъ происходитъ по одному общему порядку, о которомъ мы уже имѣли случай говорить при описаніи избранія Чжэбизунъ-дамба-хутухты (см. Ургинскіе хутухты, стр. 20). Что касается хутухтъ, возрождающихся въ Монголіи,

то въ прежнее время относительно избраніи ихъ всегда свято исполнялось постановленіе пекинскаго двора, по которому власти, имѣющіе право объявлять мѣсторожденіе хубилгѣновъ, не смѣли указывать на дѣтей мужескаго пола, родившихся въ семействахъ владѣтельныхъ князей и тайчжіевъ; но въ настоящее время это значительно видоизмѣнилось и хутухты въ большинствѣ случаевъ бываютъ именно одними изъ младшихъ сыновей владѣтельныхъ князей и тайчжіевъ; только старшіе сыновья, какъ послѣдующіе, по закону, всѣ княжескія права и преимущества своего родителя, хутухтами никогда не оказываются. Въ рѣдкихъ случаяхъ хубилгѣны являютя и въ домахъ не владѣтельныхъ тайчжіевъ и даже простолюдиновъ, но это, повторю, является уже какъ исключеніе. Такъ напр. собирая свѣдѣнія о жизни Ромбѣ-гэгѣна я узналъ, что онъ родился въ хошунѣ О-вана и былъ сыномъ незамужней дочери одного бѣднаго монгольскаго тайчаи, состоявшей въ связи съ какимъ-то ламою. Въ этой связи она состояла еще до рожденія Ромбѣ-гэгѣна лѣтъ двадцать пять и тогда послѣдствіемъ ея было также рожденіе святителя, живущаго теперь въ ургинскомъ гѣданѣ и извѣстнаго подъ именемъ Дацагъ, хубилгѣна. Выборъ хубилгѣновъ, рождающихся въ Монголіи, совершается, въ большинствѣ случаевъ, при посредствѣ Чжэбцзунъ-дамбѣ хутухты ургинскаго. Обыкновенно, по смерти каждаго хубилгѣна, монастырскіе ламы отправляются въ Ургу и здѣсь получаютъ отъ Чжэбцзунъ-дамбѣ хутухты указаніе, что ихъ почившій святитель возродился въ такомъ то хошунѣ и въ такомъ то домѣ. Послѣ этого ламы возвращаются въ монастырь, забираютъ съ собою нѣкоторыя изъ вещей умершаго хубилгѣна и ѣдутъ съ ними въ указанное имъ жилище для испытанія ребенка. Прибывъ въ домъ, они проживаютъ тамъ иногда день, а иногда два, три и болѣе; время отъ времени они вынимаютъ захваченныя съ собою вещи, при чемъ ребенокъ всякій разъ долженъ или потянуться къ показываемому ему предмету, или сказать «это мое», если, конечно, онъ находится уже въ такомъ возрастѣ, что можетъ говорить. Этимъ признаніемъ вещей обнаруживается, что въ ребенкѣ дѣйствительно находится душа покойнаго и ламы, убѣдившись въ томъ.

что они нашли искомаго хубилгана, возвращаются въ монастырь. Такое первоначальное открытіе или избраніе новаго хубилгана всегда совершается въ теченіе перваго и уже ни какъ не дальше втораго года по смерти того ламы, хубилганъ котораго отыскивается. Если дѣло затягивается на болѣе долгій срокъ, то эту задержку можно почитать за вѣрный признакъ того, что или монастырь, по имѣющимся у него средствамъ, не въ силахъ отыскать и призвать тэгана, или же въ дѣлѣ самаго избранія его произошла борьба партій, при чемъ одна партія совѣтуетъ Чжабцзунъ-дамба-хутухтѣ объявить хубилганомъ одно лицо, а другая рекомендуетъ другое. Случается, что будучи не въ силахъ разобраться, Чжабцзунъ-дамба-хутухту объявляетъ прибывшимъ къ нему съ просьбою указать мѣсто перерожденія хубилгана депутатамъ, будто лама ихъ переродился гдѣ нибудь въ царствѣ тэнгриевъ, или драконовъ, чтобы проповѣдывать и тамъ вѣру будды. Лѣтъ черезъ пять, шесть, когда волненіе умовъ поутихнетъ, ламы искатели хутухты ѣдутъ въ Ургу снова и тогда, смотря по обстоятельствамъ, получаютъ новое указаніе относительно перерожденія ихъ святителя. Но такъ или иначе, по отношенію къ хубилганамъ, перерождающимся въ Монголіи, можно отмѣтить только одно, что всѣ они отыскиваются малютками не свыше полутора, или двухъ лѣтъ. Послѣ того какъ впервые побывавъ у нихъ депутація монастырскихъ ламъ и убѣдится, что указанный малютка есть дѣйствительно искомый хубилганъ, ребенокъ этотъ еще года на два, на три остается жить въ домѣ своихъ родителей. Во все это время при немъ неотлучно живетъ одинъ изъ почтенныхъ монастырскихъ ламъ; раза два, три въ годъ къ ребенку являются монастырскія депутаціи для того, чтобы освѣдомиться объ его здоровьи и совершить въ его домѣ уставныя молебствія; что же касается народа, то онъ приходитъ на поклоненіе новообъявленному хубилгану почти безпрерывно. Поклонникамъ выносить хубилгана его мать, но не иначе какъ подъ присмотромъ живущаго при немъ ламы: всѣ приношенія, доставляемыя при этомъ хубилгану, составляютъ уже монастырскую собственность. Лѣтъ четырехъ, или пяти ребенку препно-

даютъ обѣты убаші, послѣ чего совершается торжественный пе-
реѣздъ его въ монастырь. Обрядъ этотъ на языкѣ монголовъ
называется *ᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ*, т. е. «приглашеніе хубилгана».

Счастливыи день для приглашенія хубилгана назначается ла-
мами - цзурухайчійми и еще за долго объявляется всѣмъ окре-
стнымъ жителямъ, чтобы дать имъ возможность присутствовать
при церемоніи. Въ назначенный день къ юртѣ родителей хубил-
гана прибываютъ всѣ монастырскіе ламы и собирается масса на-
рода. Съ ранняго утра ламы передъ жилищемъ хубилгана начи-
наютъ служить молебствіе, извѣстное подъ именемъ «ухійль үр-
гүхү» и совершаемое съ спеціальною цѣлю приготовить «аршанъ»,
или освященную воду. Этою водою они окропляютъ и людей и
вещи, отправляющіеся въ поѣздъ; за симъ входятъ въ юрту,
выносятъ изъ нея малютку хубилгана, сажаютъ его въ носилки
и поѣздъ движется въ слѣдующемъ порядкѣ:

- 1) Впереди ѣдутъ верхомъ на лошадахъ *хэй*, или тѣлохраня-
тели князя того хошүна, въ который приглашается ху-
билганъ. Число ихъ соразмѣряется со степенью знатности
князя и бываетъ отъ 24 до 9-ти. Они везутъ военное знамя
хошүна и военные значки по числу сумуновъ въ хошүнѣ.
- 2) Сумунные заиганы, или ротные командиры хошүна.
- 3) Хошүнный князь.
- 4) Его адъютанты и прислужники (*ᠠᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ*).
За симъ слѣдуетъ собственно поѣздъ духовныхъ лицъ.
- 5) Два ламы съ свернутыми въ трубку барсовыми шкурами;
назначеніе этихъ шкуръ — служить бичами для того, чтобы
отгонять забѣгающую впередъ толпу зрителей.
- 6) Два ламы съ раковинами (дүнъ-бурѣ).
- 7) Два ламы съ бишкүрами.
- 8) Два ламы съ кэнгэрэ.
- 9) Два ламы съ цанами.
- 10) Высшее монастырское духовенство, по два въ рядъ, млад-
шіе впереди. Одинъ изъ нихъ держатъ въ рукахъ благовон-
ныя и медленно горящія, курительныя свѣчи, другіе во все
время движенія читаютъ молитвы.

вмѣстѣ съ частью ламъ музыкантовъ тѣмъ временемъ отира-
 ляется впередъ въ монастырь, чтобы встрѣтить тамъ хубил-
 гана. Эта встрѣча бываетъ у «тахильинъ модо», которыя, какъ
 извѣстно, служатъ знаками для границы земель, принадлежа-
 щихъ собственно монастырю. Здѣсь цорчжй снимаетъ хубилгана
 съ носилокъ и далѣе уже пѣшкомъ проводятъ его подъ руки мо-
 настырскіе цорчжй и ширѣтү черезъ «богдойнъ хялга», по «вы-
 сокому пути» прямо въ главную монастырскую кумирню. Вслѣдъ
 за хубилганомъ въ кумирню вступаютъ ламы и разсаживаются
 по своимъ мѣстамъ въ то время, какъ цорчжй и ширѣтү подни-
 маютъ хубилгана и сажаютъ его на «арсалантү тѣцѣнъ». Когда
 хубилганъ будетъ посаженъ на свое сѣдалище, а ламы размѣ-
 тятся на чжабданахъ, начинается церемонія поднесенія гэгѣну
 даньшика (Амчон). Первымъ подносится мандаля отъ лица всѣхъ
 монастырскихъ ламъ. Внѣшній видъ и значеніе этого священ-
 наго прибора мы уже объясняли выше (см. стр. 96), здѣсь же
 скажемъ только, что, при поднесеніи даньшика живымъ хубилга-
 намъ, читается особая краткая молитва, называемая по монголь-
 ски «батү орошилъ». Самый обрядъ совершается слѣдующимъ
 образомъ. На средину кумирни, прямо предъ лице хутухты, вы-
 ходятъ цорчжй и ширѣтү, держа мандаля, а ламы въ это время
 начинаютъ пѣть:

«Поклоняемся, величественный лама, тебѣ, содержащему въ
 себѣ основы вѣры, въ совершенствѣ обладающему вѣденіемъ, —
 великому морю, производящему великія драгоцѣнности».

«Поклоняемся тебѣ; величественный лама, знаніе котораго
 ясно какъ свѣтъ, милосердіе котораго глубоко какъ середина мо-
 ря, спасающія силы котораго равны Вачжранани».

«Вѣѣ будды четырехъ собраній тѣнтръ воплотились въ тебѣ,
 спасательный лама; поклоняемся тебѣ, величественный лама, ко-
 торый спокойно и легко можетъ преподать намъ сидди двухъ
 родовъ ¹⁾).

1) Сидди — таинственные, магическія силы приобретаемыя посредствомъ
 созерцаній и произнесенія тарнистическихъ словъ. Обыкновенно, по буддизму,

цѣнностей, чрезъ дѣятельное покровительство могущественныхъ геніевъ хранителей да утвердятся стоны нашего ламы и да распространятся на всякое мѣсто и время благія дѣла его».

«Мы же и всѣ прочіе отселѣ впредь до того времени, когда получимъ святость бѣды, да будемъ твоими учениками въ каждомъ перерожденіи, да животворимся рашійномъ твоего слова и да чествуемъ тебя жертвами исполненія твоего ученія».

«Вообще да укрѣпится вѣкъ жизни нашего хубилгана ламы, да распространятся благія дѣла его на всякое мѣсто и время, да не разстанемся мы, ученики его, съ нимъ никогда и въ концѣ концовъ да сдѣлаемся буддами!»

По прочтеніи этой молитвы цорчжи и ширѣтү съ преклоненными головами подносятъ мандаля хубилгану; послѣдній беретъ съ него нѣсколько зеренъ и подбрасываетъ ихъ вверхъ, за симъ возлагаетъ свои руки на головы поднесшихъ и они отходятъ. Послѣ поднесенія мандала отъ монастыря слѣдуютъ частныя подношенія ламъ: хамбѣ ламы, цорчжи, ширѣтү'я и прочихъ въ порядкѣ ихъ старшинства. Каждый изъ желающихъ ламъ можетъ подносить свой мандаля отдѣльно и при каждомъ подношеніи непременно читается молитва «батү орошилъ». Приношенія ламъ почти всегда ограничиваются поднесеніемъ одного только мандала.

Вслѣдъ за ламами начинаютъ подносить даншыкъ свѣтскіе люди и, конечно, прежде всѣхъ кошүннѣй князь. Внѣшній порядокъ принесенія тотъ же самый, но приношенія свѣтскихъ людей уже не ограничиваются однимъ мандаломъ. Просматривая приходо-расходныя книги монастыря Оромбѣ гэгэна, я узналъ, что при возведеніи сего послѣдняго на кафедру, мѣстный князь его кошүна поднесъ ему въ дансүкъ слѣдующія вещи:

1 серебрянный, позлащенный мандаля вѣсомъ въ 10 гинѣвъ (около 15 фунтовъ);

3 кумира бронзовыхъ, вызолоченныхъ, литыхъ, вышиною около 1½ аршинъ и 1 кумиръ Шигэмүнія серебряный, позолоченный, величиною въ четверть.

Олбѣкъ и түшилгэ, три перемѣны, шелковыя.

Номүнъ хубчасу—шелковыя.

Орхымчжй.

Серебряный колокольчикъ.

Дамару.

Серебряную бѹмба.

Дшшэ.

Хадаковъ шелковыхъ съ вытканнымъ изображеніемъ бур-
хана Айши—девять.

Красныхъ тибетскихъ хѹчанъ девять свертковъ.

Шелковой матеріи вишневаго цвѣта — одинъ кусокъ.

Шелковой матеріи желтаго цвѣта—на одну курму.

Сукна русскаго—одинъ кусокъ.

Соболей—девять шкуръ.

Серебра 100 ланъ.

Лошадей съ сѣдлами и уздами — верховыхъ, двѣ.

Лошадей для домашняго употребленія — пятьдесятъ.

Быковъ—двадцать.

Овецъ—двѣсти.

Четыре перемѣны платья по четыремъ временамъ года (пол-
ные костюмы).

Юрту, со всѣми ея принадлежностями снола.

Въ кумирнѣ всѣ эти предметы подавались хубилгану вслѣдъ
за мандамомъ на особыхъ блюдахъ, а лошади, коровы и юрта
были разставлены на монастырскомъ дворѣ. Послѣ князя точно
такіе же подарки вещей, относящихся до домашняго обихода
ламъ, были поднесены хубилгану и другимъ свѣтскими лицами
хошѹна, конечно въ меньшемъ количествѣ отъ каждаго частнаго
лица въ отдѣльности, но въ общемъ далеко перевысившія ед-
ничное приношеніе князя. Такимъ образомъ хубилганъ Оромбѣ гз-
гэна получилъ напр. всего 1,540 лошадей, 800 быковъ и до 1000
овецъ. По окончаніи даншйжа народу было предложено отъ мо-
настыря угощеніе. за которымъ слѣдовали народныя игры, со-
стоящія въ скачкахъ, борьбѣ, стрѣлянн въ цѣль изъ лука и проч.

По окончаніи церемоній, для хубилгана начинается обыденная
монастырская жизнь. Онъ живетъ въ своей бргѹ вибегѣ съ
своимъ воспитателемъ, на каковую должность выбираютъ обык-

новенно пожилые ламы, лѣтъ шестидесяти. Лѣтъ до семи ребенокъ проводитъ время почти исключительно въ обществѣ этихъ ламъ. Послѣдніе разказываютъ ему легенды изъ исторіи буддизма, или изъ исторіи Монголіи, Тибета и Китая, или наконецъ знакомятъ съ жизнью другихъ народовъ. Игры ребенка состоятъ главнымъ образомъ въ рисованіи, не менѣе часто учатъ хубилгѣновъ лѣпить изъ глины изображенія бурхановъ, людей, домашнихъ животныхъ и пр. Сверстниковъ къ хубилгѣнамъ почти никогда не допускаютъ, такъ что хубилгѣны едва ли не исключительно видятъ передъ собою однихъ лишь взрослыхъ людей. Благодаря такому воспитанію ребенокъ-хубилгѣнъ рѣзвится вообще очень мало. Проживая въ кочевьяхъ Чахаровъ, я имѣлъ возможность почти въ теченіе полугода наблюдать за воспитаніемъ хубилгѣна Борд-цѣжійнъ сүмѣ. Бывало, придешь къ нему днемъ, онъ сосредоточенно лѣпитъ какую нибудь птичку, другой разъ—учится играть на какомъ нибудь музыкальномъ инструментѣ; попытуетъ издать какой нибудь дикій звукъ на своемъ маленькомъ бишкүрѣ, или отбить какую нибудь, небывалую дробь на барабанѣ,—воспитатель тотчасъ же кротко замѣтитъ ему, что это грѣхъ, что нужно бить вотъ какъ, или играть такъ. Случалось приходить мнѣ и вечерами, въ сумерки, и всегда заставлялъ я одну и ту же картину: хубилгѣнъ сидитъ на колѣнахъ у своего ламы воспитателя, а тотъ разказываетъ ему о его прежнихъ перерожденіяхъ,—какъ тогда то былъ онъ ламою въ Тибетѣ, какъ проповѣдывалъ ученіе тому то, сотворилъ такое то чудо; какъ въ слѣдующемъ перерожденіи былъ онъ въ странѣ тэнгриевъ, видѣлъ тамъ то-то, сдѣлалъ то-то и проч. и проч. Всѣ эти разказы конечно имѣютъ громадное вліяніе на ребенка. Впослѣдствіи, коротко познакомившись съ Оромбѣ-гэгѣномъ, которому въ ту пору было уже лѣтъ 19-ть, я имѣлъ случай наблюдать и результаты такого воспитанія. Оромбѣ-гэгѣнъ самъ дѣйствительно былъ убѣжденъ, что онъ хубилгѣнъ; онъ могъ разказать свои перерожденія; съ необычайною живостью и восторгомъ разказывалъ мнѣ о дѣятельности своей у тэнгриевъ, картинно описывалъ обитателей этого царства, ихъ яхонтовые дворцы, плоды, которыми они питаются и

т. д. И это не было съ его стороны какимъ либо притворствомъ, или обманомъ; нѣтъ, онъ самъ глубоко былъ убѣжденъ въ справедливости всего разказываемаго имъ, какъ будто онъ дѣйствительно пережилъ все это. Въ зимнее время дѣти-хубилганы уѣзжаютъ иногда къ своимъ родителямъ, но и здѣсь народа они почти не видятъ, проводя время исключительно въ своемъ семейномъ кругу. Лѣтъ съ семи хубилгановъ начинаютъ учить грамотѣ и учителями ихъ обыкновенно бываютъ ханбѣ-ламы, или цорчжй ламы тѣхъ монастырей, въ которыхъ проживаетъ хубилганъ. Съ этого времени жизнь хубилгана нѣсколько измѣняется, ибо онъ занимается науками непремѣнно два раза въ день, приблизительно отъ 9-ти часовъ утра до 12-ти и отъ 4-хъ до 6-ти вечера. Лѣтъ съ 11-ти къ хубилгану начинаютъ допускать всѣхъ монастырскихъ ламъ; съ этого же времени онъ прислушивается къ разказамъ о дѣйствительной жизни и получаетъ возможность наблюдать ее, хотя бы то и въ стѣнахъ своего ѳрѣ, слушая разказы и доклады приходящихъ ламъ. Свободное отъ занятій время, вмѣсто рисованія, хубилганы съ этой поры посвящаютъ игрѣ въ шахматы и въ большинствѣ случаевъ положительно пристращаются къ ней. Лѣтъ въ 16-ть хубилганъ принимаетъ обѣты гацѹля; по этому случаю ему снова приносятъ даншйкъ и съ этого времени къ хубилгану начинаютъ допускать народъ для ежедневныхъ поклоненій. Хубилганъ такимъ образомъ вступаетъ вполне въ жизнь общественную.

Постороннія лица при посѣщеніяхъ хутѹхтъ, гагѹновъ и хубилгановъ обязаны соблюдать извѣстные этикеты. Важнѣйшіе китайскіе и монгольскіе князья и сановники, намѣреваясь побывать у хутухты, всегда напередъ посылаютъ своихъ посланцевъ съ вопросомъ, можетъ ли принять хутухта въ такой-то день и часъ. При удовлетворительномъ разрѣшеніи вопроса, у хубилгана все бываетъ приготовлено къ урочному времени и самъ онъ ожидаетъ своего гостя. Въ этихъ условіяхъ, какой бы ни былъ посѣтитель у хубилгана, онъ никогда прямо не входитъ въ его покои. Случается, что какому нибудь важному князю придется невзначай посѣтить хубилгана. Подѣхавъ къ монастырю, онъ

обыкновенно бываетъ встрѣченъ ламами, его ведутъ въ общую монастырскую пріемную комнату и просятъ обождать, одновременно съ симъ давая знать хутухтѣ о пріѣздѣ гостя. Пока ходитъ посланный, гостя занимаютъ монастырскіе ламы, степень которыхъ соразмѣряется, конечно, съ званіемъ самого гостя: для одного явится монастырскій намѣстникъ, для другаго гѣбкѹй, болѣе простаго занимаютъ прислужники гэгэна. Въ это время они непременно уже предложатъ посѣтителю чаю, иногда какихъ нибудь сушеныхъ плодовъ и, между разговоровъ объ обыденныхъ вещахъ, пораспросятъ, зачѣмъ именно явился нежданный гость. Въ случаѣ нужды, или какихъ нибудь чрезвычайныхъ обстоятельствъ они, конечно, не преминутъ обо всемъ увѣдомить своего хубилгана. Минуть черезъ 10, или 15 у хубилгана по большей части уже все бываетъ готово къ пріему, гость получаетъ приглашеніе и отправляется къ хубилгану въ сопровожденіи двухъ, или трехъ ламъ. Важныхъ князей хубилганы встрѣчаютъ всегда на крыльцѣ, у входа во внутренніе покои: этимъ знатымъ гостямъ они не преподаютъ даже своего благословенія, но, какъ говорятъ монголы, только дѣлаютъ взаимный «амугуланъ», т. е. преклоняютъ другъ передъ другомъ одно колѣно и за симъ начинаютъ торговаться о томъ, кому войти первому. Китайскіе чиновники, обыкновенно, поторговавшись, ссылаются на законы чествованія гостя и входятъ первыми; изъ числа же монгольскихъ князей никто и никогда не рѣшится идти впереди хубилгана и только въ крайнемъ случаѣ развѣ одни ханы, да начальники сеймовъ проходятъ въ дверь вмѣстѣ. Вступивъ въ комнату, гость и хутухтѣ размѣщаются у стола, стоящаго на канѣ опять такъ сообразно своему положенію: при менѣе знатныхъ князьяхъ хубилганъ садится посреди стола, а гость помѣщается у него съ боку; при болѣе знатныхъ—оба, т. е. и гость и хубилганъ, помѣщаются другъ противъ друга по сторонамъ стола, причемъ хубилганъ занимаетъ лѣвую сторону, а гость—правую; самыхъ знатныхъ хубилганы сажаютъ на оборотъ на лѣвую сторону, сами же занимаютъ мѣсто на правой. Знатные гости никогда не уходятъ отъ хубилгановъ безъ подарка. Лишь только

разговоръ, первоначально, какъ и всегда, ведущійся съ оживленіемъ, начинается истощаться, ламы прислужники тотчасъ же подаютъ гэгэну вещь, предназначаемую въ подарокъ гостю, вмѣстѣ съ хадакомъ и зангя. Последнее есть не что иное, какъ небольшая связка шелковыхъ нитокъ желтаго цвѣта, длиною нѣсколько меньше трехъ четвертей аршина. Зангя предполагаются освященными чрезъ окропленіе ихъ аршаномъ и раздаются гэгэнами и хубилганами въ видѣ священнаго подарка для ношенія ихъ на шеѣ. Передача гостю хубилганомъ зангя обозначаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его благословеніе, поэтому при уходѣ гостя, хубилганъ разстается съ нимъ, опять таки дѣлая другъ передъ другомъ «амугуланъ».

Простой народъ допускается къ хубилганамъ во всякое время, безъ доклада, требуется только для сего, чтобы хубилганъ былъ свободенъ, а недостатка въ этомъ досугѣ, особливо послѣ того какъ хубилганъ окончить свое обученіе, рѣшительно не бываетъ. Поклонникъ осторожно входитъ въ комнату хубилгана и, остановившись у порога, дѣлаетъ здѣсь три земныхъ поклона, молясь на хубилгана; послѣ третьяго поклона, онъ на колѣнахъ ползетъ къ сѣдалищу хубилгана и когда приблизится, то хубилганъ благословляетъ его или возложеніемъ на голову своей руки, или же вмѣсто руки прикасается къ его головѣ какою либо священной книгой. Послѣ этого поклонникъ тѣмъ же способомъ, на колѣнахъ пятится назадъ, не оборачиваясь къ хубилгану задомъ. Доползши до дверей, онъ или выходитъ, или же становится на колѣна и снова начинаетъ молиться на хубилгана. Можно, по истинѣ, удивляться этому непоколебимому и глубоко благоговѣйному вѣрованію народа въ сверхъестественность бытія ихъ святителей и, кажется, ни какія обстоятельства не въ силахъ вложить въ душу монгола какое либо сомнѣніе въ томъ, что хубилганъ такой же человѣкъ какъ и самъ онъ. Когда проживалъ я у Оромбо-гэгэна, бывало, сидишь, играя съ нимъ въ шахматы, а въ это время одинъ за другимъ приходятъ благочестивые его почитатели и молятся на него. Молодой человѣкъ, какъ я говорилъ уже выше, былъ и самъ глубоко убѣжденъ въ своемъ божественномъ про-

исхожденіи, но его юношескій возрастъ бралъ свое: бывало, на-
доѣдять ему эти поклонники страшно и вотъ вмѣсто того, чтобы
возложить священную книгу на голову молящагося, онъ стукнетъ
его по головѣ шашкой, а нѣтъ толкнетъ его ногой, или ударить
щелчкомъ по башкѣ. И все это ни мало не оскорбляетъ религіоз-
наго чувства монгола; напротивъ, чѣмъ эксцентричнѣе выходка,
тѣмъ больше заставляеть она задумываться сына степей. Полу-
чившій благословеніе шашкой, уходя, пресерьезно разсуждалъ и
распрашивалъ ламъ о томъ, что можетъ обозначать такое благо-
словеніе святителя? Случись послѣ сего въ жизни этого монгола
какое нибудь важное событіе, невинной выходкѣ хубилгана бу-
детъ конечно приданъ ламами соотвѣтствующій смыслъ, и все
это еще больше возвыситъ хубилгана въ глазахъ народа.

Обѣты гэлѹна хубилганы принимаютъ приблизительно въ двад-
цати-лѣтнемъ возрастѣ и, по большей части, въ своего монастыря:
съ этою цѣлью они всегда почти уѣзжаютъ къ одному изъ старѣй-
шихъ монгольскихъ хутухтъ. Кромѣ того каждый изъ монголь-
скихъ хубилгановъ считаетъ своимъ долгомъ хоть разъ въ жизни
побывать въ Ургѣ и представиться Чжэбцзѹнь-дамба-гэгѣну, какъ
главѣ всего буддійскаго духовенства въ Монголіи. Поѣздки эти
совершаются, конечно, на счетъ монастыря и стоятъ весьма не
дешево; но за то и хубилганъ никогда уже не уѣзжаетъ изъ Урги,
не получивъ какого либо отличія. Однимъ Чжэбцзѹнь-дамба даетъ
званіе ханбѣ, или цорчжй; другимъ увеличиваетъ число олбѣковъ,
на которыхъ могутъ сидѣть они при богослуженіяхъ: при собор-
ныхъ службахъ съ другими хутухтами все это имѣетъ значеніе,
такъ какъ имѣющій большее число олбѣковъ садится выше того,
у кого ихъ меньше, также точно какъ и имѣющій званіе ханбѣ
ламы, считается старше состоящаго въ званіи цорчжй. Въ Пе-
кинѣ ѣздить хутухты только самыхъ богатыхъ монастырей, такъ
какъ поѣздка въ столицу сына неба, по словамъ монголовъ, уже
никакъ не можетъ обойтись хубилганамъ дешевле сорока, пятиде-
сяти тысячъ рублей на наши деньги. Въ виду того что съ поѣзд-
кою въ Пекинъ непременно соединяется для хубилгановъ и пред-
ставленіе богдохану, каждый хубилганъ, намѣревающийся ѣхать

въ Пекинъ, долженъ предварительно испросить на это разрѣшеніе чрезъ посредство Ли-фань-юаня отъ самаго богдохана. Пропеніе обыкновенно посылается за годъ до поѣздки и, при благоприятномъ исходѣ дѣла, хубилганъ еще въ Монголіи получаетъ всѣ подробныя указанія о томъ, когда онъ долженъ выѣхать изъ своего монастыря, по какой дорогѣ ѣхать, сколько можетъ имѣть онъ при себѣ свиты, кто именно изъ князей долженъ сопровождать его, можетъ ли онъ пользоваться лошадьми казенныхъ станцій, или долженъ ѣхать на своихъ подводахъ, когда и гдѣ долженъ онъ останавливаться, когда въѣхать въ Пекинъ, гдѣ раскинуть свои палатки и проч. и проч. На князя, которому поручается сопровождать хубилгана до Пекина, возлагается обязанность доставлять хубилгану равно какъ и его свитѣ всѣ путевыя удобства. Ёздить хубилганы по большей части на своихъ лошадяхъ, или, лучше сказать, на подводахъ монгольскихъ князей, которыя доставляются имъ частнымъ образомъ, бесплатно, по благоговѣнію предъ особою святителя. Передъ самымъ выѣздомъ хубилганы вторично извѣщаютъ Ли-фань-юаня о днѣ, въ который намѣрены они отправиться въ путь, въ это же время сообщаютъ и подробныя свѣдѣнія о количествѣ и качествѣ подарковъ, которые намѣрены они поднести Хуанди. Въ Ургѣ мнѣ пришлось бесѣдовать съ однимъ престарѣлымъ ламой, который еще съ пятымъ хубилганомъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, приблизительно въ 1840-мъ или въ 1841-мъ году ѣздили въ Пекинъ и вотъ что разказывалъ онъ объ этой поѣздкѣ.

Ѣхали мы, говорилъ онъ, въ сопровожденіи тогдашняго ургинскаго амбана Дэлэжъ дорчжй, черезъ аймакъ Сэцэнъ-хана, на Долбнъ-нуръ и Чахарскія кочевья. Въ Долбнъ-нурѣ хутухта останавливался и принималъ здѣсь поклоненія отъ монгольскихъ цзасакдовъ внутреннихъ хошунговъ, которые съѣхались сюда для встрѣчи хутухты. Отсюда двинулись чахарскими кочевьями по направленію къ Калгану и на второй станціи отъ Калгана хутухту встрѣтили высланные богдоханомъ монгольскій князь Чжигмѣтъ, да чиновникъ (лань-чжунъ) Ли-фань-юаня. Они поднесли хутухтѣ первые подарки отъ богдохана; то были: четки,

наперстокъ, употребляемый при стрѣльбѣ изъ лука, и табакерка изъ зеленой яшмы; въ свою очередь и хутухта передалъ свои первые дары богдохану, которые состояли изъ тибетскаго сукна, курительныхъ свѣчъ и русскихъ произведеній, пріобрѣтенныхъ въ Кяхтѣ. Въѣхали мы въ Пекинъ 9-го числа 12-й луны. Палатки для насъ были разбиты за сѣверными воротами, около ламайскаго монастыря Хуанъ-сы. Пекинскіе ламы изъ всѣхъ монастырей, собравшись вмѣстѣ, встрѣтили хутухту съ зажженными факелами, музыкою и курительными свѣчами. Для хутухты была приготовлена большая монгольская юрта, внутри увѣшанная шелковыми тканями и устланная коврами, а снаружи обнесенная желтой оградой изъ холста. Позади этой юрты было расположено до 175 юртъ, для насъ, свитскихъ гэгѣна, общее число которыхъ равнялось четыремъ-стамъ. На содержаніе всѣхъ насъ съ лошадьми и верблюдами отпускалось ежедневно по 500 ланъ. Черезъ два дня послѣ своего пріѣзда хутухта представлялся богдохану въ тронной залѣ. Хутухту ввели въ залу два предсѣдателя Ли-фанъ-юаня Галданъ-ширѣту и Чжанцзѣй-хутухту: предсѣдатели шли впереди, а двое хутухтъ вели Чжэбцзунъ-дамба-хутухту подъ руки. Войдя въ тронную и ставъ на колѣни, Чжэбцзунъ-дамба произнесъ на монгольскомъ языкѣ привѣтственную рѣчь: «я, рабъ, Чжэбцзунъ-дамба-хутухту, съ благоговѣніемъ кланяясь, освѣдомляюсь о здоровьи святаго государя». Эту рѣчь на маньчжурскомъ языкѣ передалъ богдохану Чжанцзѣй-хутухту. Хуанди отвѣчалъ, что онъ совершенно здоровъ. Потомъ хутухта такъ же точно стоя на колѣнахъ поднесъ богдохану хадакъ и изображеніе бурхана Аюши. Хуанди, принявъ отъ хутухты изъ рукъ въ руки хадакъ и бурхана, повѣсилъ хутухтѣ на шею свой хадакъ. Хутухта сдѣлалъ въ знакъ благодарности три земныхъ поклона и отступилъ отъ трона назадъ; въ это время богдоханъ пригласилъ Чжэбцзунъ-дамбу сѣсть на заранѣе приготовленный для него диванъ. Объ этомъ диванѣ шла якобы рѣчь еще прежде и будто бы еще до пріѣзда Чжэбцзунъ-дамба-хутухты предсѣдатель Ли-фанъ-юаня обращался къ богдохану съ вопросомъ, въ какомъ разстояніи отъ трона поставить диванъ для хутухты;

Хуанди будто бы отвѣчалъ на это, что онъ самъ увидитъ гдѣ поставить диванъ, — диванъ оказался стоящимъ на разстояніи ни какъ не дальше двухъ маховыхъ саженой отъ трона. Получивъ приглашеніе сѣсть, Чжэбцзунъ-дамба почтительно сѣлъ, поджавъ подъ себя одну ногу, а два старшихъ пекинскихъ хутухты Галданъ-ширѣту и Чжанцзй стояли позади дивана, на колѣнахъ и обращаясь лицомъ къ богдохану. Послѣ краткихъ вопросовъ о пути, богдоханъ изъ своихъ рукъ подаль хутухтѣ чашку чая и за сѣмъ приказалъ его угостить домашнимъ обѣденнымъ столомъ. При концѣ аудіенціи хутухта поднесъ хуанди даньшйкъ, состоящій изъ золотого и серебрянаго субургановъ, и нѣкоторыхъ другихъ религіозныхъ предметовъ, сдѣланныхъ изъ драгоценныхъ металловъ; кромѣ того онъ поднесъ еще девять чернубурыхъ лисицъ, девять соболей и девять девятковъ лошадей. Богдоханъ въ свою очередь отвѣчалъ хутухтѣ подарками: кромѣ шелковыхъ тканей онъ подарилъ хутухтѣ яшмоваго бурхана, шапку, кафтанъ съ драконами и ожерелье. 170 прислужниковъ гэгэна, отиравлявшіеся вмѣстѣ съ нимъ во дворецъ, а въ томъ числѣ и мой разказчикъ, представили хуанди 223 лошади: старѣйшіе изъ свѣтскихъ лично поднесли еще богдохану по одному хадаку и по одному серебрянному бурхану. Хадакъ ихъ богдоханъ принималъ въ свои руки, но потомъ, въ знакъ благоволенія, обратно вѣшалъ на шею. Послѣ обѣда во дворцѣ, Чжэбцзунъ-дамба-хутухту въ сопровожденіи тѣхъ же сановниковъ и хутухтъ ходилъ кланяться во все домашнія капища богдохана, не исключая и конфуціанскихъ; отсюда же онъ прямо возвратился въ станъ, приготовленный ему подъ квартиру.

Чжэбцзунъ-дамба-хутухту прожилъ въ Пекинѣ около двухъ мѣсяцевъ. Въ день новаго года богдоханъ издалъ указъ, которымъ подтвердилъ права хутухты ѣздить въ желтыхъ носилкахъ, при чемъ ему предносятся желтый зонтъ и два значка изъ желтой же шелковой матеріи. Должно сказать, что эти желтыя носилки, зонтъ и значки были пожалованы гэгэну еще въ третьемъ его перерожденіи по словесному ходатайству предъ богдоханомъ одного монгольскаго князя Сэнгэ-ринцйна. Но какъ, по закону,

каждый новый хубилганъ, всегда долженъ испрашивать особаго разрѣшенія на право пользоваться тѣми отличіями и преимуществами, которыя имѣлъ его предшественникъ, то и пятый хубилганъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты своевременно ходатайствовалъ о предоставленіи ему правъ употреблять и желтыя носилки, и зонты, и значки. Члены Ли-фань-юаня, вѣроятно, въ надеждѣ получить отъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты лишнюю взятку, въ ту пору сдѣлали однако представленіе богдохану о разрѣшеніи хутухтѣ ѣздить только въ желтыхъ носилкахъ, а зонты и значки опустили; въ этомъ видѣ конечно состоялся и указъ богдохана. Прибывъ въ Пекинъ, хутухта, вѣроятно, похлопоталъ о возвращеніи ему утаенныхъ чиновниками правъ, хотя мой разказчикъ и увѣрялъ меня, что все это было замѣчено самимъ богдоханомъ. Въ указѣ, изданномъ въ день новаго года, Хуанди, подтвердивъ права хутухты на желтыя носилки, зонты и значки, вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ палатѣ государственныхъ чиновъ строго оштрафовать членовъ Ли-фань-юаня и экспедиторовъ за то, что они остановили хутухту употреблять зонты и значки, дарованные императоромъ Цянь-лунемъ его предмѣстнику и медлили докладомъ испросить у Хуанди указа подтвердить его права на это.

Дней черезъ десять послѣ этого хуанди узналъ стороною, что главный шубанъ Ли-фань-юаня — Чэнь-ба вынуждалъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухту подарить ему и другимъ чиновникамъ 10,000 ланъ серебра и повелѣлъ произвести надъ шубаномъ строгій судъ. Результатомъ этого суда было то, что сумму, подаренную хутухтою шубану и другимъ чиновникамъ императоръ приказалъ Ли-фань-юаню возвратить хутухтѣ сполна. На судѣ предсѣдатель Ли-фань-юаня сознался, что кромѣ бобровъ, соболей и сукна, онъ получилъ еще тысячу ланъ серебра; остальные девять тысячъ шубанъ принялъ на себя, сказавъ, что хотѣлъ дать экспедиторамъ по дѣвѣ тысячи, но не успѣлъ этого выполнить.

Передъ самымъ отъѣздомъ хутухты изъ Пекина богдоханъ дозволилъ хутухтѣ прочитать похоронныя тѣрны надъ гробомъ скончавшейся въ ту пору Хуанъ-хюу.

Эти разказы о поѣздкѣ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты въ Пе-

кинъ могутъ дать до нѣкоторой степени понятіе и о поѣздкахъ другихъ монгольскихъ хутухтъ. Приемы ихъ, конечно, совершаются съ большимъ или меньшимъ великолѣпіемъ, сообразно степени самого хутухты, но способъ путешествія, цѣль ея, наконецъ самое времяпровожденіе хутухтъ въ Пекинѣ, совершенно одни и тѣже. Помимо этихъ поѣздокъ, устраиваемыхъ по личному желанію хутухтъ, тѣ изъ нихъ, которые достигли совершеннолѣтія, были въ оспѣ и приобрѣли отличныя познанія въ ученіи буддизма, по закону, вызываются еще, по очередямъ, въ Пекинъ, для чтенія при дворцѣ Дунъ-ли-ном'а (монг. ᠳᠤᠨᠤᠯᠢᠨᠠᠨᠤ иногда ᠳᠤᠨᠤᠯᠢᠨᠠᠨᠤ по тибетски это служеніе называется སྤྱི་རྒྱུ་རྩིས་འཇུག་).

Очередей этихъ полагается всего шесть. Хубилганы каждой очереди обязаны пріѣзжать въ Пекинъ попеременно въ 1-й трети одиннадцатой луны. Вызванные ѣдутъ по почтовымъ станціямъ съ самымъ ограниченнымъ количествомъ свиты и по прибытіи въ Пекинъ распределяются на жительство по ламайскимъ монастырямъ, находящимся въ Пекинѣ. Предъ вступленіемъ въ очередное служеніе они представляются богдохану. Службу свою начинаютъ съ перваго дня новолѣтія и за сямъ въ теченіе цѣлаго года совершаютъ свои богослуженія въ Чжунъ-чжэнъ-дѣнѣ, распорядокъ же въ дѣлѣ ихъ богослуженій возлагается на пекинскаго Чжанцзай хутухту. Въ Монголію очередныя хутухты возвращаются по истеченіи срочнаго для нихъ года послѣ 15-го числа первой луны, по совершеніи обычныхъ въ эту пору при дворѣ праздниковъ и пиршествъ, къ которымъ они приглашаются. При окончаніи очереди хутухты обыкновенно представляются богдохану и въ это время получаютъ отъ него награду. Самою обычною первою наградой служить предоставленіе права ѣздить въ желтой телѣгѣ, попавшіе на очередь во второй разъ обыкновенно получаютъ золотой очиръ для ношенія его на шапкѣ. Впрочемъ спеціальныя постановленія объ очередныхъ ламахъ свидѣтельствуютъ, что при отѣздѣ ихъ представленіе къ богдохану не составляетъ для нихъ безусловной необходимости; Ли-фанъ-юаню вмѣняется только въ обязанность довести до свѣденія

его величества искреннія и непреложныя ихъ желанія и молитвы о многолѣтнемъ его здравіи. По прибытіи хутухъ на мѣсто ихъ жительства въ Монголіи, хошунныя цзасаки обязаны извѣстить Ли-фань-юань обо всемъ касательно ихъ возвращенія.

Помимо этихъ поѣздокъ жизнь гэгэновъ и хубилгановъ проходитъ весьма однообразно. Жизнь хубилгановъ бѣдныхъ монастырей еще нѣсколько обильнѣе дѣятельностью. Вынуждаемые необходимостью добывать средства для своего монастыря они не рѣдко выѣзжаютъ не только въ свои, но даже и въ чужіе хошунны и никогда не отказываются отъ приглашеній освѣтить гдѣ либо кумирню, участвовать при богослуженіи на какомъ либо народномъ празднествѣ и пр. Путешествіе хубилгановъ въ этихъ случаяхъ, хотя и не сопровождается такою массою народа, какъ это бываетъ при первоначальномъ ихъ приглашеніи на монастырскую кафедру, тѣмъ не менѣе хубилганы всегда ѣздятъ съ большою свитою, часть которой отдѣляется и ѣдетъ впереди хубилгана, возвѣщая приближеніе его звукомъ раковинъ, бишкѹровъ, цановъ и барабановъ. Миѣ рассказывали, что лѣтъ за пять до моего приѣзда въ Чахарскія кочевья, страшно обѣднѣвшій послѣ дунганскаго погрома гобинъ Нойнъ хутухту изобрѣлъ и еще средства для своей наживы. Выбравъ изъ своихъ ламъ болѣе способныхъ, онъ научилъ ихъ театральному искусству, устроилъ кое какія декорации и началъ разъѣзжать по хошунамъ, разыгрывая мистерію, сюжетъ которой заимствовалъ онъ изъ извѣстнаго буддійскаго сочиненія «Саранъ-хухугѣн'у намтаръ». Впослѣдствіи впрочемъ я узналъ, что это не было выдумкою Нойнъ хутухты; но что точно такимъ же образомъ еще раньше его разыгрывалъ какъ мистерію намтаръ Миларайбы Алашаньскій хутуха. Что касается хубилгановъ богатыхъ монастырей, то они лишены даже и этихъ невинныхъ развлеченій и занятій. Богослуженія вообще они совершаютъ очень рѣдко, развѣ въ дни великихъ, годовыхъ хураловъ и все остальное время съ ранняго утра и до глубокой ночи просиживаютъ въ своемъ лабранѣ, принимая ламъ и поклонниковъ, слушая ихъ рассказы, или играя въ шахматы. Поклонники не рѣдко являются къ хутухтамъ для

гаданія и хутухты не отказываются исполнять и обязанности ворожей; замѣчательно только, что они никогда не гадаютъ по книгамъ, какъ это дѣлаютъ цзурухъйчи, а исполняютъ это дѣло, бросая особливо приготовленныя для гаданій кости. При такой бездѣятельности и однообразіи жизни хутухты всегда почитаютъ за особенное счастье, если заглянетъ къ нимъ въ монастырь какой-нибудь китаецъ, а еще больше русскій или европеецъ: тутъ разговорамъ нѣтъ и конца. Всякая новая вещь останавливаетъ на себѣ вниманіе хубилгана и, если возможно, непремѣнно пріобрѣтается имъ. Благодаря этому въ жилищахъ хутухтъ всегда можно встрѣтить много европейскіхъ вещей: часы стѣнные и карманные, небольшіе органчики, стереоскопы, микроскопы, электрическія машинки, глобусы, статуетки, изображающія человѣческія расы, альбомы разнаго рода фотографическихъ европейскіхъ видовъ и литографированные съ содержаніемъ, относящимся главнымъ образомъ до этнографіи и медицины. Все это хутухты никогда не преминутъ показать европейцу и если возможно прослушать отъ него объясненія о каждомъ предметѣ. При такомъ образѣ обученія, весьма неудивительно, что хубилганы на первый разъ могутъ показаться просто замѣчательными людьми; въ сравненіи съ массой они впрочемъ и дѣйствительно стоятъ неизмѣримо выше. Но европейцы вообще поспѣваютъ степи Монголіи крайне рѣдко, вотъ почему, при общей монотонности жизни монголовъ, хубилганамъ приходится не мало скучать и съ возрастомъ очень многіе изъ нихъ не рѣдко впадаютъ въ какую нибудь слабость: одни, болѣе флегматичные пристращаются къ вину, другіе къ женщинамъ, что, по буддизму, составляетъ уже не простительный грѣхъ. По этому поводу нужно замѣтить еще, что монголы смѣтутъ болѣе снисходительно на такого рода связи, если хутухта мѣняетъ женщинъ; если же живетъ онъ съ одною, т. е. прямо заводитъ себѣ наложницу, то теряетъ въ народѣ всякое уваженіе. Дабанъ цзаланъ чахарскій разказывалъ мнѣ, что въ ихъ кочевьяхъ лѣтъ десять или двѣнадцать тому назадъ произошелъ скандалъ, въ свое время надѣлавшій шуму по всей степи. Въ простомъ желтомъ знамени проживалъ нѣкій ху-

тухта по имени Раю, страстно предававшийся любодѣянiю. Но вотъ наступила для него очередь на цѣлый годъ ѣхать въ Пекинъ; что было дѣлать ему въ этомъ случаѣ? Онъ и надумалъ, выпросить себѣ, подъ видомъ прислужницы, жену своего племянника, обѣщая ему дать за это 600 ланъ серебра денегъ и сестру свою въ наложницы. Сторговались, хутухта уѣхалъ въ Пекинъ, но серебра не отдалъ, да и сестры своей племяннику не прислалъ. Миновалъ годъ. Раю возвратился изъ Пекина въ свои кочевья уже самъ-третьей, такъ какъ племянница его родила ему сына. Поправилась ли ему эта женщина, или тяжело было ему разставаться съ матерью своего ребенка, но хутухта не отпустилъ своей племянницы и, ссылаясь на прижитаго сына, положительно отказалъ племяннику въ правѣ на его жену, въ то же время не отдавая ему и обѣщанныхъ денегъ. Раздраженный племянникъ подалъ свою жалобу на хутухту. Дѣло разсматривалось въ Синъ-бу, которое, еще до окончательнаго рѣшенiя дѣла, подъ благовиднымъ предлогомъ перемѣстило Раю въ одинъ изъ хухэ-нурскихъ монастырей. Раю сильно заплатился китайскимъ чиновникамъ, но уѣхалъ все таки съ племянницей и дальнѣйшая судьба его осталась неизвѣстна разказчикамъ.

«Въ молодыхъ лѣтахъ хубилганы не рѣдко пристращаются еще къ охотѣ. Подобравъ себѣ компанiю изъ молодыхъ гэцүлей и гэлүновъ, они уѣзжаютъ изъ монастыря иногда недѣли на двѣ и болѣе, проводя все это время подъ открытымъ небомъ и преслѣдуя козъ, антилопъ, волковъ и лисицъ. Страсть эта иногда переходитъ и въ болѣе худшее. Отрядъ мирныхъ охотниковъ нерѣдко превращается въ шайку грабителей. Выше я упоминалъ уже о хубилганѣ гобийнѣ Нойнѣ хутухты. О третьемъ видѣ этого хутухты разказываютъ, какъ постепенно изъ охотника перешелъ онъ въ такого грабителя, что по дорогамъ буквально не было проѣзда отъ его шайки: онъ грабилъ не только отдѣльныхъ кочевниковъ, но и цѣлые купеческіе караваны, забирая все награбленное въ свой монастырь и, путемъ подачекъ, избѣгая всякой отвѣтственности. Мѣра китайскаго терпѣнiя и чиновничьяго попустяительства исполнилась только тогда, когда хутухта ограбилъ

казенный транспортъ съ серебромъ, шедшій въ кочевья Сэцэнъ-хана. Хутухту поймали и судили въ Пекинѣ, послѣ чего высочайшимъ приказомъ богдохана ему навсегда запрещено было перерождаться. Съ тѣхъ поръ официально гобійнъ Нойнъ хутухты въ Монголіи уже не существуетъ; хотя это не препятствуетъ существовать ему въ дѣйствительности и монголы относятся къ его, непризнаваемымъ правительствомъ хубилганамъ съ своимъ обычнымъ почтеніемъ; о разбойникѣ же хутухтѣ они говорятъ, что это былъ «дошхйнъ дүр», т. е. жестокий, или свирѣпый видъ хутухты.

Лѣтъ съ сорока, или сорока пяти хубилганы дѣлаются уже степенными и, сколько мнѣ приходилось замѣчать, въ это время они дѣлаются крайне честолюбивыми. Вся жизнь ихъ сосредоточивается на помыслахъ о полученіи наградъ и отличій. Къ сожалѣнію, средствъ для выслуги осталось у нихъ теперь очень не много. Въ былыя времена хубилганамъ было выслуживаться очень легко, стоило только уговорить какую нибудь, возмущившуюся противъ китайской власти шайку монголовъ и—награда заслужена; теперь монголы стали кротки какъ овцы и единственнымъ средствомъ для хубилгановъ приобрести себѣ какое нибудь повышение осталось представленіе пожертвованій въ пользу богдоханской арміи. Просьбы представить такіа пожертвованія то отъ одного, то отъ другаго хубилгана богдоханъ получаетъ по нѣскольку разъ въ годъ, хотя и очень рѣдко удовлетворяетъ ихъ. Награды для хутухтъ въ порядкѣ постепенности бываютъ слѣдующія: награда платьемъ; дозволеніе имѣть желтыя поводья у верховой лошади; пожалованіе желтой телѣги для ѣзды; дозволеніе носить вачыръ на шапкѣ; пожалованіе какого нибудь титула къ имени; дозволеніе ѣздить въ желтыхъ носилкахъ; пожалованіе желтаго пояса на юрту, въ которой обыкновенно живетъ хубилганъ; наконецъ пожалованіе желтой оградаы вокругъ всего двора хубилгана.

Извѣстіе о болѣзни хубилгановъ, особенно серіозной, всегда производитъ въ околныхъ степяхъ значительное движеніе. Къ хубилганамъ съѣзжаются всѣ лучшіе окрестные врачи; въ монастырѣ

хубилгана ламы съ ранняго утра и до глубокой ночи непрестанно совершаются гурумы, т. е. молебствія объ исцѣленіи болящаго; наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, хубилгану подносятъ даншыкъ, съ обычною при этомъ молитвою «батѹ орошилъ», въ которой просятъ хубилгана не покидать свое настоящее бренное тѣло, не пзмѣнять свою матеріальную оболочку, но жить для блага его почитателей и руководить ихъ въ дѣлѣ спасенія. Само собою разумѣется, что молитвы эти не всегда бывають услышаны и хубилганы умирають, какъ и всѣ прочіе люди.

Тѣла умершихъ хубилгановъ предаются погребенію двумя способами: ихъ или сожигаютъ, или же бальзамируютъ и какъ мумій ставятъ въ субурганахъ. Болѣе обычнымъ способомъ погребенія слѣдуетъ однако признать сожженіе. Немедленно послѣ смерти хубилгана, тѣло его сажаютъ въ молитвенное положеніе, т. е. со скрещенными погами (цзабилѣтъ) и правую руку поднимають, согнувъ въ локтѣ и вложивъ между пальцами какую нибудь хурульную принадлежность: колокольчикъ, вачиръ и пр. На второй день начинается уже бальзамированіе трупа, при чемъ его не анатомируютъ, а только натирають разнаго рода благовоніями и спиртуозными жидкостями, потомъ обмазываютъ составомъ соли, можжевельника и другихъ веществъ. Такъ поступаютъ въ томъ случаѣ, если тѣло готовится къ сожженію. Самое сожженіе бываетъ недѣли черезъ три, или даже черезъ мѣсяцъ послѣ кончины. День для исполненія этого обряда, а равно и мѣсто совершенія его опредѣляется цзурухайчіями. Сутокъ за трое до этого дня, тѣло гэгэна, освобожденное отъ всякихъ соляныхъ притирокъ, выносятъ въ дворецъ для поклоненія народа, а на канунѣ сожженія ламы уже окончательно готовятъ его къ погребенію. Трупъ съ головы до ногъ обвертывается полотномъ, смоченнымъ въ растопленную смолу и масло, затѣмъ его увязываютъ андреевскихъ крестомъ, на подобіе того, какъ у насъ неленають дѣтей; поверхъ этого его обматываютъ еще ватою, также точно смоченною смолой, а на макушкѣ дѣлають одинъ рожокъ, долженствующій служить какъ бы фитилемъ. Въ этомъ видѣ трупъ усаживаютъ на носилки, покрываемыя какою нибудь

бѣлою матерією. Перенесеніе тѣла къ мѣсту погребенія начинается обыкновенно раннимъ утромъ и всегда при многочисленномъ стеченіи народа. Шествіе открываетъ старѣйшій лама, котораго при этомъ случаѣ всегда носятъ въ бѣлыхъ носилкахъ. За нимъ слѣдуютъ носилки съ трупомъ покойнаго, а еще далѣе духовенство и народъ. На самомъ мѣстѣ, гдѣ должно сжигать покойника, въ это время уже бываетъ приготовлена яма, значительно болѣе широкая, чѣмъ нужно для помѣщенія трупа. На дно этой ямы кладется большая желѣзная сковорода, а на ней утверждается большой таганъ. Вокругъ сковороды укладываются цѣлыя поленицы дровъ, высотой до устья ямы. Въ нѣкоторомъ разстояніи по сѣверной сторонѣ ямы устраивается возвышеніе, предназначенное для постановки на немъ бурхановъ, а равно и для сѣдалищъ, имѣющихъ совершать молебствіе хуварѣковъ.

По прибытіи на мѣсто, ламы усаживаются на свои сѣдалища и начинаютъ чтеніе номовъ; трупъ почившаго поставляется въ это время на носилкахъ въ пространствѣ между ямою и сѣдалищами ламъ. Лишь только оканчивается чтеніе молитвословій, первенствующій лама издаетъ продолжительный звонъ въ колокольчикъ. Въ это время старѣйшіе и почтеннѣйшіе изъ гэлунговъ снимаютъ тѣло хубилгана съ носилокъ и утверждаютъ его на таганѣ, въ видѣ сидящаго человѣка. Послѣ сего предсѣдательствующій въ молебствіи встаетъ съ своего мѣста, въ сопровожденіи главнѣйшаго духовенства подходитъ къ ямѣ и зажигаетъ фитиль, оставленный на макушкѣ завязаннаго трупа; старѣйшіе изъ ламъ вслѣдъ за симъ поджигаютъ горючія вещества, заложенные между дровами костра: пламя вспыхиваетъ и огонь мгновенно охватываетъ полотно, въ которое бываетъ обернуто тѣло покойнаго. Вслѣдъ за старшими ламами и каждый изъ присутствующихъ хуварѣковъ точно также считаетъ своею обязанностью увеличить силу огня; поэтому каждый изъ нихъ кидаетъ на костеръ смолу, бересту, шерсть, сухую траву и пр.; другіе льютъ растопленное масло, водку, подбрасываютъ кусочки бараньяго сала и тому подобныя горючія вещества. Когда наброшенный костеръ дровъ бываетъ уже сполна объятъ пламенемъ,

тогда послѣ краткихъ молитвъ и непродолжительнаго тихаго пѣнія, ламы сходятъ съ помоста и въ прежнемъ порядкѣ возвращаются во свояси. При горящемъ трупѣ остается только нѣсколько ламъ, особливо къ тому назначенныхъ. Сожиганіе продолжается иногда до полуночи, а иногда и до утра другого дня. Изъ пепла, собираемаго потомъ со сковороды, съ примѣсью къ нему лучшей и нарочно приготовляемой для этого глины съ клейкими веществами, дѣлаются небольшія статуетки бурхановъ, которыя ставятся или въ кумирняхъ, или же въ нарочно устраиваемыхъ для сего часовняхъ, на мѣстѣ погребенія хубилгана. Такъ поступаютъ, если останки хубилгана погребаются въ Монголіи; но есть хубилганы, которые въ Монголіи не погребаются, а отвозятся или въ Тибетъ, или въ У-тай-шанъ. Пепель таковыхъ покойниковъ по окончаніи сожженія собираютъ въ особый ящикъ, который потомъ ставятъ въ субурганъ и въ этомъ видѣ, на бѣломъ верблюдѣ отправляютъ къ мѣсту назначенія. Говорятъ, что въ Тибетѣ такіе субурганы ставятъ въ кумирняхъ, а въ У-тай-шан-и на особыхъ кладбищахъ, для которыхъ монголы якобы имѣютъ опредѣленную, испрошенную у богдохана землю. Замѣчательно при этомъ, что погребеніе въ У-тай-шан'и считается у монголовъ за болѣе священное, чѣмъ даже въ Тибетѣ. Очень можетъ быть, конечно, что это повѣрье возникло именно по той трудности, съ которою соединяется погребеніе въ У-тай-шан'и. Хубилганъ, желающій быть погребеннымъ на этихъ горахъ, долженъ, еще при жизни своей, испрашивать у богдохана позволеніе на таковое погребеніе и, видъ этой официальности и богдоханскаго соизволенія похороны въ У-тай-шан'и, по законамъ, рѣшительно невозможны. Это правило относится не къ однимъ хутухтамъ, но равнымъ образомъ распространяется на князей и вообще на всѣхъ монголовъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда трупъ хубилгана хотятъ сохранить въ видѣ муміи, его подвергаютъ точно такому же бальзамированію, хотя употребляютъ для этого болѣе сильныя средства и самое бальзамированіе производится гораздо дольше. Было бы весьма интересно, если бы специалисты дѣла изслѣдовали весь тотъ со-

ставъ, который употребляютъ монгольскіе медики при бальзамированіи сохраняемыхъ труповъ; для людей же, непосвященныхъ во всѣ тайны медицины, въ этомъ случаѣ разница представляется во 1-хъ въ томъ, что трупъ не только натирается составомъ изъ соли, но при этомъ еще и накаливается очень тоненькимъ шильцемъ, на подобіе иглки; во 2-хъ въ томъ, что поверхъ этой мастики трупъ весь засыпается солью, такъ что, пришедши въ юрту, гдѣ помѣщается бальзамируемый трупъ, можно видѣть только одну груду соли. Въ этомъ положеніи трупъ пробываетъ мѣсяца два и когда его освобождаютъ отъ состава, то онъ является уже совершенно высохшимъ. Послѣ этого части тѣла, свободныя отъ одеждъ и прежде всего лице, покрываютъ позолотою; поверхъ позолоты на лицѣ трупа разрисовываютъ брови, усы и губы, хотя оставляютъ закрытыми глаза. Такой трупъ хубилгана называется «шарилъ»; (отъ санскр. śhāgīra, — тиб. རྩ་གྲོལ་)

его садятъ въ серебряный субурганъ и съ торжественнымъ богослуженіемъ ставятъ въ кумирнѣ, послѣ чего ему воздаютъ богескія почести. Для европейцевъ видѣть мощи хубилгановъ, похороненныхъ въ Ургѣ, кажется, положительно не возможно, потому что ургинскіе ламы придають уже черезъ чуръ много важности этой святынѣ; но въ другихъ монастыряхъ, гдѣ имѣются погребенные такимъ образомъ хутухты, познакомившись съ ламами, всегда можно попросить ихъ показать шарилъ и монастырскіе слуги охотно исполняютъ это даже за самую незначительную плату.

V.

Богослуженія или хуралы.

Выше, при описаніи духовенства и его жизни, я упоминалъ уже, что монгольскіе ламы послѣ того, какъ принимаютъ они высшіе обѣты, начиная съ обѣтовъ гэлүна, почти не участвуютъ въ богослуженіяхъ. Не говоря уже о тѣхъ небольшихъ кумирняхъ, которыя одиноко разбросаны на пространствѣ монгольскихъ

степеней и при которыхъ вовсе не совершается богослуженій, потому что причисленные къ нимъ ламы не живутъ при нихъ постоянно, даже въ такихъ большихъ монастыряхъ, каковы Урга, Эрдэни цзү и Баруны-хурѣ, богослуженіе въ обыкновенные дни совершается одними только младшими хуваракми, — учениками, состоящими въ возрастѣ отъ 8 до 18 лѣтъ. Хураломъ обыкновенно заправляетъ одинъ старый лама гэлунъ (лацабъ); необходимо участвуетъ при каждомъ, совершаемомъ въ кумирнѣ хуралѣ — унзатъ; за порядкомъ смотритъ габкуй, или гэйкъ. Вотъ три старшіе члена, всегда присутствующіе въ большихъ монастыряхъ при богослуженіяхъ *малыхъ*, всedневныхъ; болѣе же полное собраніе старшихъ ламъ бываетъ только въ дни *великихъ* хураловъ, полагаемыхъ по праздникамъ, (монг. *hural* *ᠬᠤᠷᠠᠯ*, тиб. *ལྷན་འཇུག་*) и въ дни постовъ и покаянія (бацакъ). Такое дѣленіе хураловъ на великіе и малые принято мною не на основаніи только личнаго наблюденія; нѣтъ, они различаются точно такимъ же образомъ и въ каноникѣ буддизма и, согласно правиламъ последней, монголы отличаются «йэхэ хуралъ», т. е. *большое* служеніе, совершаемое только въ особые, для сего назначенные дни, отъ «бага хурала», или служеній *малыхъ*, всedневныхъ. Последнія у ламъ какъ халхаскихъ, такъ и чахарскихъ, а равно и бурятскихъ болѣе часто называются ачжиса, что значитъ въ переводѣ служеніе «очередное», обычное.

Согласно правиламъ, которыя были прочитываемы мною въ различныхъ монастыряхъ и исполненіе которыхъ было лично наблюдаемо мною, великіе хуралы совершаются по монастырямъ Монголіи въ слѣдующіе дни:

Весною съ 1-го по 16-е число включительно 1-й луны, называемой у монголовъ «Цаганъ-сара», (тиб. *ཟླ་བ་དྲུག་པོ་*), т. е. бѣлый мѣсяцъ, или что тоже въ теченіе первыхъ шестнадцати сутокъ, начиная со дня новаго года. Цаганъ сара считается поволѣтіемъ и главнѣйшимъ изъ годовыхъ праздниковъ въ общественной жизни монголовъ; назначеніе же совершенія великаго хурала именно въ теченіе шестнадцати сутокъ обуславливается

въ ламской каноникѣ необходимою принесенія молитвъ во 1-хъ, по случаю новолѣтія; во 2-хъ, по случаю воспоминанія о совершеніи въ эти дни буддою Шигэмүніемъ различныхъ чудесъ въ доказательство истинности проповѣдуемой имъ вѣры и божественности ся происхожденія; и въ 3-хъ, наконецъ, по случаю воспоминаній о побѣдахъ, одержанныхъ буддою надъ шестью лжеучителями (ཡུལ་གྱི་འཕྲུལ་པ་ཅུ་དྲུག་), которые въ Энзткэк'ѣ (Индіи) начали вооружать народъ противъ новой вѣры и желали торжественно опровергнуть шигэмүніево ученіе. Въ біографіяхъ Шигэмүнія разказываются подробно обстоятельства этихъ пятнадцати дней, неоспоримо, богатѣйшихъ изъ всей жизни Шигэмүнія по прославившимъ его событіямъ. Я укажу эти обстоятельства хотя кратко.

Шигэмүни, послѣ того, какъ приобрѣлъ онъ достоинство будды и вступилъ на проповѣдь, на первыхъ же порахъ приобрѣлъ себѣ противниковъ въ лицѣ поборниковъ старыхъ вѣръ, причемъ протесты противъ новаго ученія особенно сильно раздавались со стороны шести богослововъ, свѣденія объ именахъ и дѣятельности которыхъ можно получать въ каждой біографіи Бурханъ-бакши. Возмущая народъ противъ новой вѣры, еретики хотѣли еще и торжественно опровергнуть ученіе Шигэмүнія; но будда избѣгалъ состязаній и уходилъ отъ своихъ враговъ въ разныя царства. Наконецъ ко дню новаго года «мужчины, огня и дракона», онъ прибылъ въ Шравасту и здѣсь рядомъ чудесъ возвеличилъ свое имя и свое ученіе. Такъ:

1-го числа первой луны, когда Гэгэнъ-илагүхсанъ ¹⁾ ханъ приготовилъ духовный пиръ для будды, послѣдній, въ виду всего множества собравшагося народа, воткнулъ свою деревянную зубочистку въ землю, и вдругъ изъ нея выросло дерево, которое по своимъ свойствамъ равнялось семи драгоценностямъ, раскинуло свои вѣтви на 500 миль (бэрэ) и имѣло плоды, величиною съ

1) Гэгэнъ илагүхсанъ = санскр. Прасанджита, — названіе царя управлявшаго Шравастой; по монгольски онъ называется еще иногда «Тодорхдѣ-илагүхсанъ».

сосудъ, вмѣщающій въ себѣ пять ведеръ воды. Видъ и блескъ этого дерева подавляли своимъ величіемъ солнце и луну, а когда колыхалъ его вѣтеръ, то отъ него на все царство распространилось благовоніе; въ шелестѣ листьевъ его слышались слова молитвы.

2-го числа, во время принесенія жертвъ царемъ Удіяны ¹⁾ будда по обомъ сторонамъ своимъ произвелъ высокія горы съ растущими на нихъ великолѣпными лѣсами фруктовыхъ деревьевъ. Такимъ образомъ въ горахъ, находившихся по правую сторону его, вкушали плоды люди; а по горамъ лѣвой стороны паслись животныя, наслаждаясь сочною травою.

3-го числа, во время принесенія жертвъ царемъ Шончжия-талъ ²⁾, будда выплюнулъ на землю воду, которою полоскалъ свой ротъ и эта вода превратилась въ громадное озеро, величиною въ 200 миль (бэрэ), полное воды. Посреди озера выросло множество разноцвѣтныхъ пѣдмъ, блескъ которыхъ освѣтилъ всѣ страны міра.

4-го числа приносилъ жертвы царь Индра-вармъ и въ это время будда изъ прежде сотвореннаго имъ озера произвелъ чудесный голосъ, который проповѣдывалъ семь отдѣловъ священнаго ученія.

5-го числа приносилъ жертвы царь Эсрунь-ѹкгухчъ ³⁾ и въ это время изъ улыбки будды разсѣялся свѣтъ въ трехъ тысячахъ міровъ; тѣ существа, на которыя упалъ онъ, сдѣлались блаженными.

6-го числа приносили жертву Личжай'цы; въ это время друзья будды, а равно и всѣ собравшіеся къ нему познали мысли одинъ другаго, каждый вполне уразумѣлъ свои добродѣтельные и грѣховныя поступки, а равно и послѣдующее за ними возмездіе; вслѣдствіе же вѣрованія въ возмездіе за дѣла, всѣ восхваляли

1) Удіяна, иначе Уджанъ, по мнѣнію Гоми Чоросскаго, тоже, что Уджайнъ (Ougien) въ Мальвѣ, въ Индіи.

2) У другихъ называется Шучжадала.

3) Въ калмыцкихъ рукописяхъ называется «Цанджйиъ хъиъ».

достоинство будды и стяжали собраніе высочайшихъ добродѣтелей.

7-го числа, во время жертвоприношеній Шакъясцевъ, будда возбудилъ у всѣхъ высочайшее благоговѣніе и стремленіе къ священному ученію тѣмъ, что показалъ себя во всемъ своемъ небесномъ величій, окруженнымъ ханами чакравартинами, множествомъ мелкихъ царей и толпою чиновниковъ и благородныхъ. Что касается лжеучителей, то они въ это время были совершенно безсильны для того, чтобы произвести какое нибудь чудо: мысли ихъ путались, языкъ онемѣлъ, всѣ чувства находились подъ вліяніемъ какого-то внѣшняго давленія, препятствовавшего имъ обнаружить свои силы и свое искусство въ магическихъ превращеніяхъ.

8-го числа буддѣ съ подобающими почестями приносили жертвы тѣнгри Хормустъ; въ это время будда прикоснулся перстомъ правой руки своей къ трону, на которомъ сидѣлъ и внезапно появилось пять мангусовъ. Они разрушили сѣдалища шести еретическихъ учителей, а Вачжра-пани прогналъ ихъ своимъ вачіромъ. 91,000 почитателей ихъ перешли на сторону будды и привяли духовное званіе.

9-го числа приносилъ жертвы Эсруа-тѣнгри и въ это время будда, сидѣвшій на львиномъ престолѣ въ городѣ Шравастѣ, вдругъ представился выросшимъ до небесъ и въ этомъ видѣ проповѣдывалъ священное ученіе всѣмъ одушевленнымъ существамъ.

10-го числа, во время принесенія жертвъ четырьмя Махаранцами, обитающими въ четырехъ различныхъ сторонахъ горы Сумэру, будда сдѣлался видимымъ одновременно по всѣмъ царствамъ матеріальнаго міра и во всеуслышаніе проповѣдалъ свое ученіе.

11-го числа приносилъ жертвы одинъ изъ жителей Шравасты, именуемый по монгольски Итэгэлъ угэй идагэнъ углигэту (санск. Anâtha pin'd'ada, тиб. འཇིག་ཅན་ཤིང་འདུ་པ་པོ་). Будда, сидя на

1) У Казымыковъ имя этаго буддиста называется:

འཇིག་ཅན་ཤིང་འདུ་པ་པོ་ (или འཇིག་ཅན་ཤིང་འདུ་པ་པོ་)

золотомъ престолѣ, превратилъ свое тѣло въ неизрѣченный свѣтъ, который наполнилъ своимъ сіяніемъ три тысячи міровъ.

12-го числа, во время принесенія жертвы однимъ благочестивымъ поклонникомъ будды, по имени Чандд, будда, по силѣ созерцанія, испустилъ изъ своего тѣла златовидный лучъ и освѣтилъ имъ всѣ царства трехъ тысячъ міровъ. Всѣ тѣ существа, на которыхъ упало сіяніе этого луча, исполнились душевнаго спокойствія, сдѣлались любящими другъ друга истинно родственною, братскою любовью и въ этомъ состояніи прослушали ученіе, которое преподавалъ имъ будда.

13-го числа приносилъ жертвы царь Шончжиталд и въ это время будда испустилъ кверху изъ своего пупка два луча, которые поднялись на высоту семи сажней; на оконечности ихъ выросло по одной падмѣ, при чемъ изъ середины каждого цвѣтка вышло по два хубилгана будды, въ свою очередь выпускавшіе по два луча, оканчивающихся падмами и служащими сѣдалищемъ для новыхъ хубилгановъ. Такимъ образомъ отъ одного хубилганскаго тѣла будды происходило два, отъ двухъ четыре, отъ четырехъ восемь, отъ восьми шестнадцать и т. д. до тѣхъ поръ, пока этими цвѣтками падмы и хубилганами не наполнилась вся вселенная и будда не проявилъ повсюду своего величія, сдѣлавшись видимымъ по всѣмъ странамъ.

14-го числа приносилъ жертвы царь Удрайяна. Когда Удрайяна сыпалъ цвѣты на будду, то послѣдній магическою силою произвелъ колесницу на столько высокую, что она достигала до царства Ишвары. Вмѣстѣ съ нею образовалось и еще 1250 другихъ колесницъ, въ каждой изъ которыхъ возсѣдало по одному хубилгану будды. Лучезарное сіяніе, исходившее отъ лица этихъ буддъ, наполнило своимъ блескомъ всѣ три тысячи міровъ.

15-го числа приносилъ жертвы царь Рѣба гәрби ¹⁾. Въ это время будда наполнялъ всѣ сосуды пищею, которая имѣла сто

1) Монг. «Цокцас'унъ чжирухѣнъ», а калм. «Дурсутъ чжирухѣнъ». Біографія Шигэмунія называетъ этого царя сверстникомъ Шигэмунія и правителемъ города Варанаси.

различныхъ вкусовъ и если отвѣдать ее, то разливала довольство и по душѣ, и по тѣлу. Въ тоже время онъ коснулся земли своею правою рукою и въ это мгновеніе для всѣхъ окружающихъ сдѣлались очевидными тѣ многоразличныя страданія, которыя испытываютъ существа, обитающія въ восемнадцати областяхъ ада. Всѣ смутились, у всѣхъ въ высшей степени зародилось чувство опасенія и страха. Тогда будда началъ свою проповѣдь, результатомъ которой было то, что одни изъ существъ послѣ своей смерти возродились тѣнгриами, другіе положили начало стремленію къ святости, третьи пріобрѣли степень побѣдителей враговъ (= архан'овъ) и т. д.

Таковы событія, воспоминаемыя буддистами въ первые пятнадцать дней мѣсяца Цаганъ саръ. Что касается богослуженій, то порядокъ ихъ въ Ургѣ и другихъ главнѣйшихъ монастыряхъ Халхи въ эти дни слѣдующій:

Утромъ, 1-го числа 1-й луны, въ трехъ отдѣльныхъ хуралахъ, совершаются молебствія въ честь трехъ геніевъ повелителей сансары (ᠰᠠᠩᠰᠠᠷᠠ ᠠᠨᠤᠯᠠᠭ ᠠᠨᠤᠯᠠᠭ). Потребности для этого хурала, необходимыя какъ для храмовыхъ жертвъ бурханамъ, такъ и для всего собранія ламъ, доставляются въ большихъ монастыряхъ совмѣстно всѣми монастырскими аймаками, а въ малыхъ сумунныхъ сүмэ — ламами, причисленными къ этому сүмэ и совершающими въ немъ служеніе.

2-го числа, утромъ, въ двухъ отдѣльныхъ хуралахъ, совершаютъ молебствія и приносятъ жертвы Эрликъ хѣну (ᠡᠷᠢᠯᠢᠭ ᠬᠡᠨᠠ) и Сюльдэ-тѣнгри. Потребности для этихъ хураловъ также точно доставляются въ большихъ монастыряхъ въ главное монастырское казначейство изъ всѣхъ монастырскихъ аймаковъ.

3-го числа каждый монастырскій аймакъ, въ отдѣльности, чествуетъ своего сакүсуна ᠰᠠᠬᠤᠰᠤᠨᠠ, т. е. генія покровителя своего храма.

4-го числа ламы внѣ монастырской ограды служатъ санъ и за симъ развѣшиваютъ по угламъ монастырскихъ зданій, а равно

и въ потребныхъ мѣстахъ по стѣнамъ монастырской ограды дар-
цокъ (རྟ་ཐོག་).

5-го числа, утромъ каждый аймакъ чувствуетъ генія покро-
вителя мѣстности своего монастыря или храма (ཁོ་ཅེ་ལུ་ལྷ་མོ་).

6-го и 7-го числа бываетъ по пяти отдѣльныхъ хураловъ,
совершаемыхъ въ честь «Цаганъ-шухуртэй».

8-го числа. Въ двухъ отдѣльныхъ хуралахъ служатъ «Йэхэ-
харигүлгя». Потребности для этого хурала собираетъ монастыр-
скій дамчй со всего прихода. Съ этою цѣлью онъ выходитъ изъ
монастыря еще вечеромъ 5-го числа и обходитъ всё дома мона-
стырскихъ милостынедателей, принимая ихъ приношенія. Со-
бравши все, онъ привозитъ эти пожертвованія въ монастырскій
санъ. Вечеромъ, 8-го числа, въ соборной монастырской кумирнѣ
ламами всѣхъ аймаковъ совершается еще одинъ хураль, въ ко-
торомъ исполняется жертвоприношеніе «соносхдй тахиль».

Съ 9-го по 14-е число включительно, ежедневно совершается
по три отдѣльныхъ хурала, а именно: утромъ, ламы читаютъ
а) ламайнъ тахиль, б) микчжымъ и с) ламъ бурхану цальбариль;
въ поддень: а) ухиль, б) насунъ тарни и с) цаганъ балинъ; вече-
ромъ: а) рити хубилгану мактагаль, б) иругаль и с) Даръ-эхэ.

15-го числа необходимо служится Ухиль и Хангаль, или
служеніе докшйтамъ, при чемъ читаются гимны въ честь Яман-
даги (тиб. Чжикчжйтъ), Эрликъ хана (Чойчжиль), Ухинъ тэн-
гри (Хлама), Бисманъ тэнгри (тибетск. Намсарай), Эгэчи дү
(Чжамсарана), Эсруа (Цанба), Махагала (Гомбо) и хубилгана
сего послѣдняго, именуемаго Цаганъ Махагала (Гонгоръ). Кромѣ
того это единственное время, когда совершается чтеніе гимновъ
въ честь докшйта Хайнкирва, иначе Хялгрива (тиб. Дамъ-динъ).
16-го числа въ честь его совершается служеніе въ послѣдній
разъ и этимъ великій хураль Цаганъ саръ оканчивается. Въ нѣ-
которыхъ монастыряхъ, какъ напр. въ кобдоскомъ Шаръ сумѣ и
въ Цаганъ ѱлаинъ сумѣ мнѣ пришлось найти въ этотъ день совер-
шеніе церемоній круговращенія Майдари и цамы. По исполненіи
этихъ церемоній ламами снова совершается Ухиль, а равно чи-
таются макталь и иругалы.

За сямъ великій хуралъ въ 1-й лунѣ полагается 29-го числа. Въ составъ его входитъ служеніе хангалъ, — докшйтское и чтеніе особыхъ молитвословій объ исполненіи желаній. Такого рода великій хуралъ совершается каждый мѣсяцъ, въ послѣдній день его, почитаемый бацакомъ, т. е. днемъ покаянія и поста. По числамъ дни эти чередуются послѣдовательно, приходясь сначала въ 29-й день мѣсяца, а потомъ въ 30-й.

Во 2-й весенней лунѣ великій хуралъ полагается 15-го числа, когда читаютъ «Оточъ бурхану цзанъ үйлэ».

Хангалъ совершается 30-го числа.

Въ третьей весенней лунѣ великій хуралъ полагается 15-го числа. Помимо бацака богослуженіе совершается въ этотъ день съ особеннымъ торжествомъ, потому что онъ почитается днемъ, въ который будда впервые проповѣдывалъ тарнистическое ученіе. Въ составъ богослуженія входятъ молебствіе въ честь Вирюаны (отъ санск. Vairôtchana, монг. тиб.) , послѣ чего возносятся тахилы (жертвоприношенія) отдѣльно генію хранителю (тиб.) каждого монастырскаго аймака.

Хангалъ совершается 29-го числа.

Въ лѣтніе мѣсяцы великіе хуралы совершаются: въ 1-й лунѣ 7-го числа, когда воспоминается событіе рожденія будды изъ подъ правой мышки царицы Махаманъ въ саду Ломби. 8-го числа, почитаемаго днемъ, въ который будда у священнаго субургана обрилъ свои волосы и принялъ духовное званіе. Съ 8-го по 15-е число включительно великій хуралъ совершается ежедневно и начинается въ воспоминаніе двухъ чрезвычайныхъ событій, именно: 15-го числа перваго лѣтняго мѣсяца Шигэмуніи приобрѣлъ достоинство будды и 15-го же числа этого мѣсяца онъ переселился въ нирвану, т. е. скончался. Въ этотъ же день скончались: Балданъ-Хлама, будда Амогасидди и многіе другіе. По этой-то причинѣ на великомъ хуралѣ этихъ дней бываетъ чтеніе гимновъ докшиту Хлама, при чемъ возносятся особый балинъ, тибетское имя котораго Данъ-ракъ-дурма, а по монгольски онъ

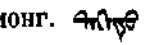
называется «ачилаху баингъ». Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ въ теченіе трехъ послѣднихъ дней, 13, 14 и 15-го чиселъ, служатъ ганьжурьинъ хуралъ, при чемъ прочитывается отъ доски и до доски весь ганьжуръ, а 15-го числа повсюду совершается Ямандагаинъ (Яманъ-такъ) тахилъ. Въ тотъ же день приносятся жертвы геніямъ покровителямъ монастырскаго сан'а (казначейства).

Хангалъ совершается 30-го числа.

Во второй лунѣ великій хуралъ совершается 15-го числа, при чемъ отправляются молебствія въ честь бурхана Аюпи (ᠠᠶᠤᠯᠢᠯᠠᠭ). Каждое подаяніе, поступившее въ этотъ день въ доходъ монастыря и превышающее цѣну одного цина (около 20 коп. сер.) отдается монастырскими ламами въ главный монастырскій санъ.

Хангалъ совершается 29-го числа.

Въ третьей лунѣ съ 1-го по 8-е число включительно совершается торжество, извѣстное подъ тибетскимъ именемъ Чойнкоръ-дуйцанъ; монгольскіе же ламы зовутъ его на своемъ языкѣ «номунъ хурдъ эргигулхуй сайнъ удуръ, что значитъ — праздникъ проповѣди. Онъ установленъ въ память того событія, что Шигэ-муніи въ эти дни, по просьбѣ тэнгриевъ Ишвары, Хормусты и другихъ, впервые проповѣдали основанное имъ ученіе, заключавшееся въ толкованіи о четырехъ истинахъ. Съ 8-го по 15-е число исполняется такъ называемый маининъ-хуралъ, служеніе котораго совершается какъ въ монастырскихъ кумирняхъ, такъ и за стѣнами монастыря. Въ кумирняхъ ламы читаютъ, смѣняясь по очереди, два, или четыре раза, равнымъ образомъ и для служеній внѣ монастырской ограды образуется также двѣ, или четыре очереди. При восхожденіи солнца служеніе начинается на западной сторонѣ монастыря и продолжается приблизительно часовъ до 2-хъ дня. Въ полдень служеніе начинается на восточной сторонѣ монастыря другою очередью ламъ и, въ то время какъ эта послѣдняя очередь приступаетъ къ чтенію призываній, ламы западной стороны приносятъ въ жертву баингъ и оканчиваютъ

свое чтеніе. При захожденіи солнца снова собирается и начинает свое служеніе третья очередь ламъ на западной сторонѣ монастыря и, въ то время какъ приступить она къ чтенію призываній, приносятъ балынъ и оканчиваютъ свое чтеніе ламы восточной стороны. Въ полночь начинается служеніе четвертая очередь ламъ опять на восточной сторонѣ кумирни и, въ то время какъ приступить она къ чтенію призываній, ламы западной стороны оканчиваютъ свое чтеніе. На другой день при восхожденіи солнца снова собираются ламы на западной сторонѣ и тѣмъ же порядкомъ отправляютъ свое служеніе. Такимъ образомъ мѣсяцъ хуралъ совершается съ 8-го по 15-е число включительно. Но помимо сего 15-е число празднуется съ особеннымъ торжествомъ, основаніемъ для котораго служить воспоминаніе о зачатіи Шигэмүпи. До зачатія своего въ этомъ мірѣ бурханъ бакши находился въ царствѣ тэнгриевъ (Тушита) и былъ бодисатвою съ именемъ Дамбадогарь. (ᠳᠠᠮᠪᠠᠳᠣᠭᠠᠷᠢ монг. ¹). Въ этотъ день онъ окончилъ перерожденіе у тэнгриевъ и, спустившись съ неба подъ видомъ бѣлаго слона, для блага одушевленныхъ существъ Цамбутѣба, вошелъ въ утробу царицы Махамай.

Къ этому мѣсяцу у монголовъ относится еще служеніе Яра (отъ тибет. རྩཱ་ཤཱ་ལྷ་མོ་, что значить по монг.), которое принадлежитъ также къ числу великихъ хураловъ. Служеніе это совершается въ Монголіи только по большимъ, хутухтинскимъ монастырямъ, да и при томъ въ немъ принимаютъ участіе далеко не всѣ ламы. Последнее обстоятельство обуславливается прежде всего тѣмъ, что, по правиламъ, служеніе Яра должно быть совершаемо только гэлүнами и гэдүлами; но и изъ числа этихъ послѣднихъ опять таки не всѣ участвуютъ въ этомъ богослуженіи, по причинѣ суровости требованій церковныхъ правилъ, при которыхъ оно должно быть совершаемо. Яръ собственно значить лѣто; въ монгольскомъ просторѣчій служеніе это называется «зун'у тахиль», что значить лѣтнее жертвоприношеніе и содержа-

1) Сличи стр. 63—64.

ніе его сполна составляютъ покаянныя молитвы о сдѣланныхъ грѣхахъ. Устанавливая богослуженіе это въ лѣтнее время, когда всѣ существа болѣе обезпечены со стороны матеріальной, церковныя правила налагаютъ большія требованія на служащихъ. Такимъ образомъ служащіе Яра не имѣютъ права выходить за ограду монастыря во все время своего служенія, для совершенія котораго назначается 45 дней, начиная съ 16-го числа послѣдняго лѣтняго мѣсяца. Учрежденіе служенія Яра буддисты, по обычаю, относятъ ко временамъ будды Шигемунія и въ предисловіи къ изложенію его чтеній находится между прочимъ слѣдующій рассказъ, поясняющій происхожденіе этого служенія. Въ одно время всесовершенный будда, находясь въ городѣ Шравастѣ, далъ обѣщаніе провести лѣто въ саду царевича гэгэнъ-плагұхсанъ. Въ это время ученики будды отправились за сборомъ подаяній и, когда такимъ образомъ они переходили съ одного мѣста на другое, противники ученія будды (тиртика) злобно осмѣивали ихъ, распуская такія рѣчи: «слушатели сына сакьяскаго преступаютъ свое основное правило—не лишать жизни животныхъ. Теперь, когда ходятъ они въ лѣтнее время за сборомъ подаяній, множество маленькихъ животныхъ и мельчайшихъ насѣкомыхъ попадаетъ имъ на пути и они, попирая ихъ ногами, лишаютъ ихъ жизни». Ученики будды пришли къ нему и сказали ему объ этомъ, почему всесовершенный и издалъ свое постановленіе о совершеніи лѣтняго служенія¹⁾. Онъ заповѣдалъ оставить хожденіе въ

1) Дословный текстъ этого объясненія таковъ:

|བཅོམ་ལྷན་འདས་མཉམ་ཡོད་ན། རྒྱལ་བུ་རྒྱལ་བུའི་ཆེའ་མགོན་མེད་ཟས་སྤྱིན་
 གྱི་ཀུན་དགའ་ར་བར་དབྱར་བཞུགས་པར་ཞལ་གྱིས་བཞིས་སོ། །དེའི་ཆེ་དགོ་སྤྱོད་
 དག་དབྱར་གྱི་ནད་ལོགས་སུ་བྱོངས་རྒྱ་ལོད་དོད་དོ། །དེ་དག་དབྱར་གྱི་ནད་ལོགས་
 སུ་བྱོངས་རྒྱ་ལོད་དོད་པ་དག་མི་སྤྱོད་ཅིང་མ་སྤངས་ལ་མ་སྤོས་པར་གྱུར་པ་དག་ལ།
 རྒྱ་སྤོས་ཅན་རྣམས་ཤེས་ལྷན་དག། རྒྱལ་བུ་བུའི་དགོ་སྤྱོད་ལོད་དོད་དག་ནི་སྤོག་གཙོད་པ་

лѣтнее время, но, помѣстившись на одномъ сѣдалищѣ, пребывать въ божественной дѣйствѣ (созерцаніи). Въ настоящее время ламы, принявшіе на себя обѣтъ совершить служеніе Яра, не сидятъ въ созерцаніи, но всѣ 45-ть дней проводятъ въ кумирѣ, выходя только на ночь въ свои кельи. По окончаніи 45-ти дневнаго служенія, ламы въ 46-й день, совершаютъ еще особый хуралъ, называемый Гагъ-и (отъ тиб. དགག་དགེ), или по монгольски «Халга нэгѣху», что значитъ, — отверсти двери (подразумѣвается обѣтовъ, принятыхъ ламами при началѣ служенія). По мысли своей этотъ послѣдній хуралъ заключаетъ въ себѣ молитвенное благодареніе къ буддѣ за благое окончаніе служенія Яра и прошеніе, чтобы онъ сподобилъ совершать его во вѣки вѣковъ.

Хангалъ совершается 30-го числа.

Осенью великій хуралъ полагается 15-го числа 1-й луны съ

ཡིན་ཀྱི། སྔག་གཙུང་པ་ལས་མ་ལོག་རྣམ་པར་མ་ལོག་ཕྱིར་མ་ལོག་པ་འདི་དག་
དབྱར་གྱི་ནང་ལོགས་སུ་ཁྲུངས་རྒྱ་ཞིན་འདོད་སྟེ། དབྱར་གྱི་ནང་ལོགས་སུ་ཁྲུངས་རྒྱ་
ཞིན་འདོད་པ་ན། སྔག་ཆགས་སྤྱོད་དང། རྟེན་ཏུ་སྤྱོད་མེད་པའི་ཆོགས་རྣམས་བཞེས་
ནས་སྔག་དང་སྤྱོད་པར་བྱས་སོ། ། རེ་ཞིག་གྱེལ་ཁྱེད་ཀྱི་ཡང་དབྱར་བུ་པ་བཞི་རང་
གི་ཆེད་ན་ལུས་ལུས་པོར་བྱས། ཀྱན་ཏུ་ལུས་པོར་བྱས་ནས་བསྐྱམ་ཞིན་བསྐྱམས་ནས་
འདུག་ན། དག་སྤྱོད་མགོ་རེག་འདི་དག་ནི་དབྱར་ལས་ལོན་པ་ཅིས་ཡང་མི་ཤེས་ན་
དག་སྤྱོད་མགོ་རེག་འདི་དག་ལ་བསོད་སྐྱམས་སྤྱིན་པ་དང། ཕྱག་ཕྱ་དང་སེམས་པ་ལྟ་
སུ་ཞིག་ཡོད་ཅེས་སྤྱོད་པར་བྱེད་འཕྱ་བར་བྱེད་ཁ་ཐེད་པར་བྱེད་པའི་སྐབས་དེ་བཅོམ་
ལྷན་འདས་ལ་དག་སྤྱོད་རྣམས་ཀྱིས་གསོལ་བ་དང་། བཅོམ་ལྷན་འདས་ཀྱིས་པག་འ་
རྒྱལ་བ། དེ་ལྟ་བུ་ན་ཇེས་སུ་གནད་སྟེ། དག་སྤྱོད་གིས་དབྱར་གནས་པར་དམ་བཅའ་
བར་བྱའོ། ། ཞེས་དབྱར་གནས་ཕྱ་དགོས་པའི་བཅའ་བ་མཛད་དོ།

чтеніемъ молитвословій, извѣстныхъ подъ именемъ «Нигүца хуріянгуй. Въ этотъ день въ большой сѣнь (казначейство) монастыря приносятъ въ жертву масло.

Хангалъ совершается 29-го числа.

Во второй лунѣ великій хуралъ полагается 15-го числа и на немъ совершается служеніе, извѣстное подъ именемъ «Минганъ тахиль». Кромѣ того во второмъ осеннемъ мѣсяцѣ отправляется въ нѣкоторыхъ монгольскихъ монастыряхъ чтеніе ганьчжүра. Обычай относить чтеніе ганьчжүра къ этому времени я находилъ въ монастыряхъ: Эрдені цзү, Барунъ-хурѣ, хитѣ Оромбо гэгэна, чахарскомъ Дундү-ламайнъ сумѣ и друг., около этой же поры оно совершается и въ монастыряхъ нашихъ Бурятъ. Въ Ургѣ чтеніе ганьчжүра совершается съ 9-го по 12-е число послѣдняго лѣтняго мѣсяца, слѣдуя непосредственно за праздникомъ Чойнкоръ-дүйцзанъ. Такое опредѣленіе времени въ самомъ дѣлѣ весьма логично вытекаетъ изъ мысли предшествовавшаго праздника; почему же въ другихъ мѣстахъ оно не относится къ этому времени, отвѣчать трудно. Впрочемъ на подобные вопросы, обращенные къ ламамъ, я получалъ отвѣтъ, что опредѣленныхъ чиселъ, въ которыя должно быть совершено чтеніе ганьчжүра, буддійская каноника не указываетъ я такимъ образомъ назначеніе этихъ чиселъ зависитъ или отъ воли настоятеля монастыря, или же еще чаще отъ принятыхъ въ монастырѣ обычаевъ; равнымъ образомъ не обозначается и числа дней, въ которые долженъ быть прочитанъ ганьчжүръ. Подобное назначеніе было бы дѣйствительно не сообразно на столько же, на сколько количество ламъ, находящихся въ различныхъ монастыряхъ, разнится одно отъ другаго.

Хангалъ совершается 30-го числа.

Въ третьей осенней лунѣ великій хуралъ опредѣленъ 15-го числа, при чемъ совершается молебствіе въ честь Оточй-бурхана (Маньла). Въ этотъ день въ большой монастырскій сѣнь (казначейство) приносятъ жертву хлѣбомъ и зерномъ. 22-го числа совершается еще молебствіе по случаю торжества Хлабунъ дүйцзанъ. Праздникъ этотъ установленъ въ память того, что въ этотъ день Шигэмүни, принявъ на себя видъ слона, сошелъ съ неба на

землю, или собственно спустился изъ царства Тушита, послѣ чего онъ 15-го числа 3-й лѣтней луны, въ видѣ блестящаго луча, вошелъ въ утробу дарицы Махаман и такимъ образомъ совершилось его плотское зачатіе въ видѣ человѣка.

Хангалъ совершается 29-го числа.

Зимою великій хуралъ полагается 15-го числа первой зимней луны, при чемъ совершается молебствіе въ честь бурхана Аюши. 23-го и 24-го чиселъ того же мѣсяца совершается по одному, а 25-го два великихъ хурала. За всѣ эти три дня совершается такъ называемый Цзулайнь хуралъ, что по буквальному переводу будетъ обозначать — «молебствіе лампадъ». Такое названіе дано хуралу, безъ сомнѣнія, потому, что при служеніи его въ кумирнѣ должна быть зажжена тысяча лампадъ, которыя и поставляются на столахъ, начиная отъ тахилійнь ширѣ вплоть до входныхъ дверей кумирни. Гимны, воспѣваемые въ этомъ хуралѣ, восхваляютъ Цзонхаву и самый этотъ хуралъ совершается въ воспоминаніе кончины Цзонхавы, великаго основателя желтаго толка ученія будды, къ которому принадлежать всѣ монголы.

Хангалъ совершается 30-го числа.

15-го числа второй зимней луны совершается обычный великій хуралъ, состоящій изъ чтенія гимновъ въ честь 8-ти докшитовъ и особаго чтенія въ честь Бирүзаны.

Хангалъ совершается 29-го числа.

Въ третьей зимней, или въ послѣдней годовой лунѣ къ служенію назначается три великихъ хурала. Первый — 15-го числа съ чтеніемъ молитвословія «Нигүца хурійянгуй»; второй совершается 27-го и 28-го чиселъ: въ это послѣднее число совершается великій докшитскій хуралъ и сожженіе сѣра; третій великій хуралъ полагается 29-го числа, или въ послѣдній день года — балингійнь хуралъ. Въ ночь подъ новый годъ богослуженіе совершается непрерывно отъ захожденія солнца до появленія зари слѣдующаго дня новолѣтія.

Вотъ дни, въ которые назначаются великіе хуралы; во всѣ остальные дни, по уставу, бываетъ служеніе малое — багд хуралъ, или чжиса. Необходимо однако замѣтить, что помннутые великіе

хуралы обыкновенно совершаются въ монгольскихъ монастыряхъ не всѣ и не сполна. Въ тѣхъ одинокихъ кумирняхъ, которыя разбросаны въ разныхъ частяхъ Монголіи, ламы не совершаютъ всѣхъ великихъ хураловъ, представляя въ извиненіе этого обстоятельства съ одной стороны отдаленность своего мѣстожителства отъ кумирень и разсѣянность своихъ жилищъ, которая естественно, обуславливаетъ собою трудность общаго собранія; а съ другой—недостаточность средствъ у этихъ сумъ. Такія извиненія нельзя не признавать основательными. Мнѣ не разъ приходилось быть свидѣтелемъ собранія ламъ для совершенія великихъ хураловъ къ бѣднымъ сумѹннымъ монастырямъ и сколько тревогъ и волненій переживаетъ монастырскою общиною въ это время! Не лвится какой нибудь унзатъ, и — хуралъ на половину разстроивается, такъ какъ некому вести служенія, — нѣтъ главнаго заплѣвалы; есть за тѣмъ такіе хуралы, которые необходимо требуютъ присутствія извѣстнаго числа гэлѹновъ: нужно ихъ, положимъ, девять, а собралось восемь; посылаютъ къ одному — боленъ; къ другому — дома нѣтъ; къ третьему — ему оказывается трудно проѣхать по какимъ либо другимъ причинамъ. Бѣдность сумѹнныхъ монастырей такъ же точно не мало стѣсняетъ отправленіе въ нихъ хураловъ. Правда, обычай установилъ въ Монголіи тотъ порядокъ, что каждый, мало мальски состоятельный лама ѣдетъ въ сумъ къ великому хуралу не иначе, какъ гоня за собою приличное число барашковъ, а иногда и двухъ, или трехгодовалыхъ бычковъ, таща за собою юрту и весь необходимый скарбъ. Въ этомъ убѣжищѣ онъ укроетъ двухъ, или трехъ изъ своихъ собратій, пожалуй даже нѣсколько разъ накормить и напоить ихъ; но все это оказывается еще недостаточнымъ, и при всякомъ годовомъ хуралѣ все же приходится производить отдѣльный сборъ отъ всего общества прихожанъ и требовать отъ нихъ не только принадлежности богослуженія, но и содержаніе служащаго духовенства. Такимъ образомъ въ тѣхъ монгольскихъ сумъ, при которыхъ ламы не живутъ постоянно, богослуженіе совершается по большей части два раза въ годъ, именно, въ Цаганъ саръ и въ послѣднемъ лѣтнемъ мѣсяцѣ съ 1-го по 8-е число. Въ болѣе

бѣдныхъ кумирняхъ сокращается даже и это служеніе: въ Цаггѣнъ сарѣ, напримѣръ, вмѣсто совершенія его въ теченіе 16-ти дней, служатъ только 8 или 9-ть; лѣтній хуралъ исполняютъ, по большей части, сполна, чему конечно способствуетъ самое время года, когда монголы живутъ и тепло и привольно. Въ приходахъ болѣе богатыхъ ламы собираются въ степныхъ кумирняхъ три, и даже четыре раза въ годъ и пробываютъ при нихъ болѣе долгое время. Такъ, къ празднику новолѣтія они сходятся въ монастырь къ 24-му числу послѣдней зимней луны, чтобы вмѣстѣ отправить и великій балинггѣнъ хуралъ, а расходятся послѣ 16-го числа, окончивъ полное служеніе новолѣтія; въ третьей лѣтней лунѣ также остаются при сѹмѣ на болѣе долгое время и наконецъ собираются лишніе разы—осенью, къ празднику Хлабунъ-дуйцзанъ и зимою къ служенію Цзѹлаинъ хуралъ, оставаясь въ это время при кумирняхъ отъ восьми до пятнадцати дней. Въ императорскихъ кумирняхъ великіе хуралы совершаются также болѣе полно, т. е. отъ трехъ до шести разъ въ годъ; кромѣ того въ нѣкоторыхъ императорскихъ кумирняхъ (какъ напр. въ Уласутаѣ) введено въ обычай отправлять ежемѣсячно служеніе въ то число, въ которое совершено освященіе кумирни.

Что касается тѣхъ монастырей, при которыхъ ламы живутъ постоянно, то въ нихъ великіе хуралы совершаются всѣ и отличаются отъ малыхъ большею торжественностью, какъ потому что на нихъ присутствуютъ всѣ ламы, такъ и по самой обстановкѣ богослуженій, ихъ продолжительности и т. д.

Монголы простолюдины въ обычные дни являются къ богослуженіямъ очень рѣдко, развѣ у кого явится на дому какая нибудь треба, обязывающая его ѣхать въ монастырь за ламою, или же, проѣзжая мимо стѣнъ монастыря, будетъ привлеченъ въ него кто громовыми завываніями ламскихъ трубъ. Въ дни великихъ хураловъ, наоборотъ, народу въ монастыри собирается много и, кажется, къ этимъ днямъ монголы приберегаютъ исполненіе всѣхъ своихъ религіозныхъ обѣтовъ, къ которымъ, замѣтитъ кстати, монгольскіе простолюдины особенно склонны. Самое пустое обстоятельство, пропажа какой нибудь овцы, уже вынуждаетъ мон-

голку на обѣтъ сдѣлать столько-то поклоновъ, или «окружить сумэ» столько-то разъ если пропажа найдется; я не говорю уже о другихъ, болѣе важныхъ случаяхъ въ жизни, какъ напр. болѣзнь кого либо изъ семейныхъ, вымирание дѣтей, падежъ скота и пр. Впрочемъ, являясь въ монастыри къ днямъ совершенія великихъ хураловъ, монголы простолюдины въ самыхъ хуралахъ совсѣмъ не участвуютъ; они даже не входятъ въ кумирню въ то время, когда происходитъ тамъ ламское служеніе и все ихъ участіе ограничивается одними только поклоненіями, да «круженіемъ» вокругъ кумирни, или даже монастыря. Совершая поклоненіе, монголъ становится предъ дверями сумэ, складываетъ впереди себя одну съ другою ладони своихъ рукъ, потомъ поднимаетъ ихъ надъ головою и отсюда опускаетъ, послѣдовательно прикладывая сначала ко лбу между бровями, потомъ противъ горла, захватывая при этомъ и часть лица до рта, и наконецъ къ груди; послѣ сего онъ падаетъ на колѣна и распростирается ницъ на землѣ такъ, чтобы всѣ его члены лежали на землѣ. Поднимается онъ тѣмъ же порядкомъ, сначала становясь на колѣна, а потомъ на ноги. Замѣчательны самыя первыя слова, которыя произноситъ монголъ, становясь на такую молитву: *ᠤ᠋ᠨ ᠤ᠋ᠨ ᠤ᠋ᠨ ᠡ᠋ᠭᠦᠰᠡᠳᠡ ᠶᠢᠨ ᠲᠡᠪᠱᠡᠨ ᠵᠡᠸᠡᠨ* — *ᠤ᠋ᠨ ᠤ᠋ᠨ ᠤ᠋ᠨ ᠡ᠋ᠭᠦᠰᠡᠳᠡ ᠶᠢᠨ ᠲᠡᠪᠱᠡᠨ ᠵᠡᠸᠡᠨ* «или иногда замѣняя это окончаніе такимъ образомъ: *ᠥ᠋ᠭᠦᠰᠡᠳᠡ ᠶᠢᠨ ᠲᠡᠪᠱᠡᠨ ᠵᠡᠸᠡᠨ*; это значить: «въслѣдствіе того что я дѣлаю это поклоненіе, да очистятся грѣхи и препятствія (къ спасенію) мои собственныя, а равно и всѣхъ одушевленныхъ существъ и да сдѣлаемся всѣ мы, (т. е. и я и всѣ одушевленные существа) буддами»¹⁾. Человѣкъ проситъ ни много, ни мало, какъ только лишь того, что бы и самъ онъ и даже грызу-

1) Всѣ монголы произносятъ эту фразу непремѣнно въ той формѣ, въ какой мы передаемъ ее, т. е. согласно правописанію литературнаго языка монголовъ; болѣе же набожные заучиваютъ ее даже на тибетскомъ языкѣ въ слѣдующихъ словахъ: བདག་གིས་མཆོག་གསུམ་དམ་པར་ (?) བྱས་འཆོལ་ནས།
།བདག་དང་འགོ་གུན་སྒྲིབ་སྒྲིབ་དག་པར་གྱོ།.

щее его насѣкомое сдѣлались богами! Состояніе, конечно, хорошее и просить его не только для себя, а еще и для другихъ, безспорно, самая высшая степень человѣколюбія; но по истинѣ становится и больно и тяжело, когда подумаешь, что какой нибудь грязный, подвыпившій и, конечно, не имѣющій даже и понятія о духовномъ монголъ тоже мѣтитъ въ будды, да еще съ специальною цѣлью спасти потомъ другихъ. Между тѣмъ каждое его тѣлодвиженіе рассчитано на этотъ конецъ и такъ или иначе знаменуетъ собою стремленіе къ достиженію степени будды. Такимъ образомъ монголъ складываетъ впереди себя ладони своихъ *обоихъ* рукъ въ ознаменованіе того, что въ своей жизни онъ будетъ руководствоваться *средствами* (аргà) и *мудростію* (билікъ) для полученія степени будды; сложенные руки онъ поднимаетъ надъ головою, чтобы показать свое намѣреніе воспарить въ ганданъ,—область всесовершеннѣйшихъ буддъ; прикладывая руки ко лбу, молится, чтобы очистились его грѣхи, происходящіе отъ тѣла; полагая руки противъ горла, проситъ, чтобы очистились грѣхи его языка; выпускаетъ ихъ къ груди, чтобы очистились грѣхи его, происходящіе отъ сердца; преклоняя къ землѣ свои колѣна, онъ выражаетъ желаніе шествовать по стезямъ пяти путей, возводящихъ къ высшему совершенству; соприкасается къ землѣ лбомъ, чтобы получить всѣ одиннадцать лучезарныхъ областей свѣта; расprostираетъ по землѣ свои четыре оконечности (двѣ руки и двѣ ноги), чтобы исполнились въ его существѣ всѣ четыре рода благихъ дѣяній; вытягивается всѣмъ тѣломъ и выпрямляетъ всѣ изгибы своего тѣла въ ознаменованіе намѣренія побороть и исправить всякую кривизну въ мірѣ матеріальномъ; поднимается съ земли на ноги въ ознаменованіе того, что онъ не будетъ всегда соприкасаться съ этою матеріальною землею, съ этимъ орчиладномъ, но направится по пути нирвāны; въ молитвѣ онъ дѣлаетъ за симъ цѣлую массу поклоновъ, такъ какъ каждое поклоненіе знаменуетъ намѣреніе извлечь одушевленныхъ существъ, обитающихъ въ царствахъ низшихъ перерожденій, изъ населяемыхъ ими странъ и возвысить ихъ въ блаженное царство Сукавади. Таково, по однимъ, значеніе поклоненія монголовъ. Другое толкованіе покло-

нений, которое пришлось мнѣ прослушать отъ ламъ, состоитъ въ слѣдующемъ: «Поклоняющійся долженъствуетъ изображать своими руками бутонъ цвѣтка падмы, т. е. сложить ихъ такъ, чтобы соприкасались взаимно нижнія части ладоней и оконечности пальцевъ, образуя въ средину пустоту. Сложенныя такимъ образомъ руки должно класть сначала на темя, что знаменуетъ молитвенное прошеніе о нахожденіи «вачирунъ бэѣ», или драгоцѣннаго тѣла будды, исполненнаго 32-хъ признаковъ и 80-ти примѣтъ¹⁾; за сямъ

1) Выше, на стр. 217, мы уже говорили, что каждое существо, достигшее состоянія будды, приобретаетъ себѣ 32 особыхъ тѣлесныхъ отличія; но помимо сего каждому буддѣ усвоится еще 80 признаковъ красоты, болѣе часто называемыхъ «восьмьюдесятью примѣтами» (འཇིགས་པ་ཅུ་ལྔ་པ་མཁའ་ལྔ་པ་). Эти примѣты суть слѣдующія:

- 1) འཇིགས་པ་ཅུ་ལྔ་པ་མཁའ་ལྔ་པ་ འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ Ноги мѣдинаго цвѣта;
- 2) འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ (или འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་) цвѣтъ ногтей доснящійся;
- 3) འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ (или འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་) Ноги возвышенныя;
- 4) འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ (или འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་) пальцы круглые;
- 5) འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ (или འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་) пальцы широкіе, т. е. полные, жирныя;
- 6) འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ (или འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་) пальцы постепенно дѣлающіеся тонкими, къ концу тонкіе, заостренныя;
- 7) འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ (или འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་) подкожныя жилы не явственныя, не видны;
- 8) འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ (или འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་) жилы — безъ связи и узловъ, — т. е. не имѣютъ желѣзъ;
- 9) འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ (или འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་) лодыжки скрытыя;
- 10) འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ (или འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་) ноги ровныя;
- 11) འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ (или འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་ འཇིགས་པ་) ходящій львиною поступью;

сэтхиль», или драгоценными мыслями. Въ сочиненіи *ᠰᠡᠳᠡᠬᠡᠯᠢ* *ᠠᠨᠢ* говорится: руки должны быть сложены непременно выгнутыми и образовать въ срединѣ пустоту; потому

28) *ᠪᠢᠴᠢ ᠠᠨᠢ ᠰᠡᠳᠡᠬᠡᠯᠢ ᠠᠨᠢ* (у другихъ *ᠪᠢᠴᠢ ᠠᠨᠢ ᠰᠡᠳᠡᠬᠡᠯᠢ ᠠᠨᠢ*) имѣющій молодое тѣло;

29) *ᠠᠨᠢᠰᠡᠳᠡᠬᠡᠯᠢ ᠠᠨᠢ ᠠᠨᠢ* имѣющій не худощавое тѣло;

30) *ᠪᠢᠴᠢ ᠠᠨᠢ ᠠᠨᠢ* тѣло полное;

31) *ᠠᠨᠢ ᠠᠨᠢ ᠠᠨᠢ* тѣлосложение чрезвычайно крѣпкое;

32) *ᠠᠨᠢᠰᠡᠳᠡᠬᠡᠯᠢ ᠠᠨᠢ ᠠᠨᠢ ᠠᠨᠢ* все члены тѣла и дѣтородныя части въ высшей степени отдѣлены другъ отъ друга. (По другимъ эта примѣта выражается словами: *ᠠᠨᠢᠰᠡᠳᠡᠬᠡᠯᠢ ᠠᠨᠢ ᠠᠨᠢ* т. е. все члены тѣла расположены весьма отчетливо и ясно.

33) *ᠠᠨᠢᠰᠡᠳᠡᠬᠡᠯᠢ ᠠᠨᠢ ᠠᠨᠢ* "Знаніе его не омраченное и чрезвычайно чистое и свѣтлое (по другимъ: *ᠠᠨᠢᠰᠡᠳᠡᠬᠡᠯᠢ ᠠᠨᠢ ᠠᠨᠢ* т. е. буквально зрѣніе его не помраченное; хотя слово *ᠠᠨᠢᠰᠡᠳᠡᠬᠡᠯᠢ* зрѣніе довольно часто замѣняетъ собою понятіе *ᠠᠨᠢᠰᠡᠳᠡᠬᠡᠯᠢ* знаніе;

34) *ᠠᠨᠢᠰᠡᠳᠡᠬᠡᠯᠢ ᠠᠨᠢ* имѣющій круглый станъ или талию;

35) *ᠠᠨᠢᠰᠡᠳᠡᠬᠡᠯᠢ ᠠᠨᠢ* станъ ровный;

36) *ᠠᠨᠢᠰᠡᠳᠡᠬᠡᠯᠢ ᠠᠨᠢ* станъ не продолговатый;

37) *ᠠᠨᠢ ᠠᠨᠢ ᠠᠨᠢ* имѣющій ровное т. е. плоское брюхо;

38) *ᠠᠨᠢᠰᠡᠳᠡᠬᠡᠯᠢ ᠠᠨᠢ* пузь глубоко вдавленный внутрь;

39) *ᠠᠨᠢᠰᠡᠳᠡᠬᠡᠯᠢ ᠠᠨᠢ* пузь закрученный вправо;

40) *ᠠᠨᠢᠰᠡᠳᠡᠬᠡᠯᠢ ᠠᠨᠢ* прекрасный во всехъ отношеніяхъ;

41) *ᠠᠨᠢᠰᠡᠳᠡᠬᠡᠯᠢ ᠠᠨᠢ ᠠᠨᠢ* руки, при стояніи въ прямомъ положеніи (не наклоняясь), доходятъ до колѣнъ;

42) *ᠠᠨᠢᠰᠡᠳᠡᠬᠡᠯᠢ ᠠᠨᠢ ᠠᠨᠢ* имѣющій изящное обращеніе (Это по Хайбы-чжунайю, — по другимъ *ᠠᠨᠢᠰᠡᠳᠡᠬᠡᠯᠢ ᠠᠨᠢ* т. е. поведеніе чистое, святое);

что, если сложить ихъ плоско, то это будетъ поклоненіе по обычаю еретиковъ (𐰽𐰺𐰍) и виновные въ этомъ возродятся въ пограничныхъ странахъ (𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍). При поклоненіи

43) 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 на тѣлѣ его нѣтъ ни родимыхъ пятенъ, ни веснушекъ;

44) 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 руки мягки и нѣжны какъ древесный пухъ;

45) 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 черты на рукахъ явственны;

46) 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 руки съ глубокими чертами (линіями);

47) 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 руки съ продолговатыми чертами;

48) 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 лице не очень продолговатое;

49) 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 губы красны какъ растеніе бимба;

50) 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 языкъ мягкій или гибкій;

51) 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 языкъ тонкій;

52) 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 языкъ красный;

53) 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 имѣющій голосъ дракона (по другимъ: 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 исполненъ звуковъ слона и дракона);

54) 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 рѣчи его ласковы (въ Хайб. чжун. прибавлено 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 «и нѣжны»; въ Бод. гат. нэр. далай: 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 «рѣчи его нѣжны и пріятны для слуха»);

55) 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 коренные зубы его кругловатые;

56) 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 коренные зубы его острые;

57) 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 коренные зубы его бѣлые;

58) 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 коренные зубы его ровные;

59) 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 коренные зубы его постепенно утончаются;

60) 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 носъ возвышенный;

должно держать тѣло прямо и, приложивъ согбенныя ладони къ темени, къ горлу и къ груди, поклониться, совершенно опустивъ на землю пять членовъ тѣла. Когда опустишь тѣло на землю, оно

61) *ḥḥr ḥḥ ḥḥḥ* носъ чистый, т. е. правильный;

62) *ḥḥḥ ḥḥ ḥḥḥ ḥḥḥ* глаза чрезвычайно чистые;

63) *ḥḥḥ ḥḥ ḥḥḥ* глаза большіе;

64) *ḥḥ ḥḥḥḥḥ ḥḥḥḥḥ* частыя густыя рѣсницы (въ Хайб. Чжун. *ḥḥḥḥḥ* *ḥḥḥḥḥḥḥ ḥḥ* т. е. прекрасныя рѣсницы);

65) *ḥḥḥ ḥḥ ḥḥ ḥḥḥ ḥḥḥḥḥ ḥḥḥḥḥ ḥḥ ḥḥḥ ḥḥḥ* глаза подобны листу нюнюфара и изъ нихъ рѣзко отдѣляется зрачекъ отъ бѣлка (по другимъ: *ḥḥḥ ḥḥ ḥḥḥ ḥḥḥḥ ḥḥḥ ḥḥḥ ḥḥ ḥḥḥ* *ḥḥḥḥ ḥḥḥ* глаза изъ которыхъ бѣлое и черное равно какъ у раскрыва-
гося листка нюнюфара).

66) *ḥḥḥḥḥḥ ḥḥḥḥ ḥḥḥḥḥ ḥḥ* продолговатыя брови;

67) *ḥḥḥḥḥ ḥḥ ḥḥḥḥḥ* мягкія брови;

68) *ḥḥḥḥḥ ḥ ḥḥḥḥ ḥḥḥḥḥ* волосы на бровяхъ ровные (*ḥḥḥḥ ḥḥḥḥḥ*).

69) *ḥḥḥ ḥḥḥḥ ḥḥḥḥḥ ḥḥḥḥ ḥḥḥḥḥḥḥ* мочки ушей толсты и длинны;

70) *ḥḥḥ ḥḥ ḥḥḥḥḥ* уши ровныя;

71) *ḥḥḥ ḥḥ ḥḥḥḥ ḥḥ ḥḥḥḥḥḥḥ* уши съ неослабѣвающимъ чувствомъ (слуха; по Хайб. чж. *ḥḥḥḥ ḥḥ ḥḥḥḥḥḥḥ*; по Нэр. далъ *ḥḥḥ ḥḥḥḥ ḥḥḥḥ*).

72) *ḥḥḥḥ ḥḥ ḥḥḥḥ ḥḥḥḥḥḥḥḥ* (въ Хайб. чж. *ḥḥḥḥ ḥḥ ḥḥḥḥ ḥḥḥḥḥḥ* или *ḥḥḥḥḥḥḥ*) лобъ его весьма широкій;

73) *ḥḥḥḥ ḥḥ ḥḥḥ ḥḥḥḥ* голова весьма большая;

74) *ḥḥḥḥ ḥḥ ḥḥḥḥḥ ḥḥḥ ḥḥ ḥḥḥḥḥ* волосы на головѣ черны какъ лазурникъ (по другимъ *ḥḥḥḥ ḥḥḥ ḥḥḥḥḥḥḥ* черноваты какъ пчела);

должно быть какъ бы упавшее на землю подсѣченное дерево; а если будешь растягивать и сгибать ноги, то возродишься верблюдомъ. Если не прикладывать къ землѣ голову, то возродишься въ томъ аду, гдѣ мучаются свѣщенные головою въ огонь. «Круженіе» монастыря совершается особымъ порядкомъ поклоненій. Монголъ становится посреди тахильинъ модо предъ монастырскими воротами, дѣлаетъ здѣсь три поклона, затѣмъ поворачивается лицомъ на западъ и дѣлаетъ первый поклонъ. Распростершись по землѣ, онъ вытягиваетъ впередъ себя руки и пальцами проводить черту по землѣ, отмѣчая такимъ образомъ то мѣсто, до котораго достигало его тѣло. Поднявшись, онъ дѣлаетъ три шага такъ, чтобы третьимъ шагомъ наступить на проведенную черту и здѣсь снова дѣлаетъ поклонъ, снова распростираясь по землѣ и проводя черту, добравшись до которой въ три шага, кланяется опять. Такими поклонами обходитъ онъ вокругъ всей монастырской ограды и это называется «Сумэ эргиху», т. е. «окружить монастырь». Особенно набожные продѣлываютъ такое круговое поклоненіе вокругъ монастыря нѣсколько десятковъ и даже сотенъ разъ. Есть наконецъ и такіе ревностные, которые приходятъ таковыми поклоненіемъ отъ дверей своей юрты до стѣнъ монастыря и все это только за тѣмъ, чтобы сдѣлать нѣсколько поклоновъ передъ дверями сумэ, приложиться лбомъ къ дверной притолкѣ, или наконецъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ, войти въ кумирню и

приложиться лбомъ къ подножію бурхановъ. Это уже самое высшее, что можетъ получить монголъ въ своей кумирнѣ. Что же касается поклоненій, то въ средѣ Чахаръ у меня былъ знакомецъ лама, который способомъ поклоненій одинъ разъ прошелъ отъ Долбнѣ-нѹра до У-тай-шаня, а въ другой, направившись въ Тибетъ, такимъ же образомъ промѣрялъ отъ границъ Тибета до Хлассы.

Обращаясь теперь къ самому совершенію богослуженій ламами и именно къ тому внѣшнему порядку, при которомъ совершаются богослуженія, я считаю за лучшее прежде всего передать тѣ правила внѣшности, которыя предписываетъ буддизмъ своему духовенству и которыя въ извлеченіи можно встрѣтить на стѣнахъ почти каждой кумирни въ Монголіи. Вотъ переводъ этихъ правилъ съ рукописи, находящейся въ цокчѣнскомъ дуганѣ въ Ургѣ, а равно, по примѣру ургинскихъ ламъ, и въ Гусиноозерскомъ дапанѣ нашихъ забайкальскихъ, селенгинскихъ Бурятъ.

«Всѣ ламы и бѣнды, твердо храня святѣйшія постановленія, когда наступитъ время служенія молебновъ, при первомъ звукѣ раковины, приготовивъ напередъ сего цзанчи (мантіи) и прочія свои принадлежности, должны собратся, не опаздывая, и сидѣть на сѣдалищахъ рядомъ, не кривою, а правильною линіею; свои платье руки и ноги держать въ порядкѣ и служить въ чистотѣ. Въ хуралѣ не должно играть, смѣяться, разговаривать, ссориться и спорить, кашлять и харкать, плевать, сморкаться и бросать на полъ сопли; при подаваніи трапезы не должно глотать громко, чавкать и производить шумъ; не должно сидѣть согнувшись, опершись на колѣна, — выливать остатки изъ чашки, выливать чашку языкомъ, курить табакъ, сидѣть въ шалкѣ, или сидѣть не порядочно, покачиваясь туда и сюда; не должно разсѣянно перебѣгать глазами съ одного предмета на другой, а смотрѣть прямо впередъ себя въ воздушное пространство. Габкѹй, гѣйкѹ и прочіе не должны дозволять выходить безъ нужды. Въ чтеніи молитвъ должно употреблять мягкій и нѣжный голосъ и читать протяжно и покойно. Въ движеніяхъ голоса, произноше-

ніи звуковъ и прочемъ должно слѣдовать за увзѣтомъ и, помимо сего, не должно читать того, что пришло въ голову, по собственному желанію. При собраніи и во время выхода, должно идти тихо, держа четки и читая микчжымъ; не должно громко разговаривать, или выбѣгать быстро; если случится нужда выйти вонъ, можно выйти, взявъ дозволеніе отъ старшаго ламы, или покчійскаго гѣбкѹя и не запаздывать возвращеніемъ. Слѣдуя всѣмъ этимъ постановленіямъ и указаннымъ правиламъ, помимо сего не должно измышлять другія, по собственному желанію и въ противоборство начальникамъ. Должностные ламы и хуварѣки, нарушающіе эти постановленія, — глупы и въ то же время, воображая себя умными (вслѣдствіе измышленія своихъ правилъ), гордятся нарушеніемъ постановленныхъ обычаевъ. Непотребно ведущіе себя не должны жить въ хуралѣ, напротивъ того это должно быть причиною для изгнанія ихъ изъ хурала. Безъ нужды шататься по домамъ; разными голосами безобразить цѣніе; сидѣть въ хуралѣ и не читать номъ (молитвенное чтеніе), хотя бы и зналъ его; не бить въ барабанъ; не трубить въ трубу, или раковину; не выполнять какой бы то ни было порученной обязанности; говорить и дѣйствовать по обману, хотя бы это было въ самомъ малѣйшемъ; не изучать богослужебныхъ книгъ, если есть способности и возможность; гоняться за различными играми, не разбирая ни времени, ни мѣста, — все это проступки, за которые гѣбкѹй на обыкновеннаго ламу налагаетъ эпитимію, отступившіе же отъ другихъ установленныхъ правилъ должны быть судимы согласно постановленій о различныхъ грѣхахъ и преступленіяхъ.

Такимъ образомъ если мы, чувствуя правила вѣры, не будемъ осквернять ее никакими, даже малѣйшими пороками, то это будетъ залогомъ для достиженія блага и величайшаго счастья.

Таковы правила вѣншности для ламъ во время совершенія ими богослуженій. Глядя на эти правила, такъ какъ они выражены, т. е. со стороны отрицательной, можно судить отчасти о тѣхъ проступкахъ, которые болѣе свойственны ламамъ при богослуженіяхъ, можно вывести за сими нѣчто и относительно обрядовъ при богослуженіи, хотя и нельзя не согласиться, что эта краткая замѣтка

далеко не въ состояніи дать даже самаго узкаго понятія о ви́шней обстановкѣ богослуженій. Такимъ образомъ мы находимъ здѣсь упоминаніе о способѣ призыванія къ богослуженіямъ, объ одеждахъ ламъ, о трапезахъ во время богослуженія, о порядкѣ чтеній и проч., но это только упоминанія, не дающія намъ никакого образнаго представленія о дѣйствительности. Призываніе къ богослуженіямъ въ буддійскихъ монастыряхъ Халхи совершается главнымъ образомъ четырьмя способами. Самый употребительный изъ нихъ это звукъ раковины (лабай), въ которую трубятъ лама съ такъ называемой «бурѣйнъ шатъ». Устройство этой послѣдней уже было представлено нами выше, теперь же можно сказать, что призываніе къ богослуженію совершается обыкновенно очень не долго; точнѣе о количествѣ этого благовѣста можно судить по самому поставленію о немъ. Звукъ раковины долженъ раздаваться три раза: начавшись съ самаго сильнаго и пронзительнаго, онъ потомъ долженъ постепенно понижаться и ослабѣвать въ силѣ до тѣхъ поръ, пока не замретъ окончательно вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ истощится запасъ воздуха въ груди трубача; затѣмъ, передохнувъ, лама долженъ, начавъ съ того самаго тихаго звука, возвести его опять до степени тахімум'а. Полный благовѣстъ заключаетъ въ себѣ три такихъ отдѣленія. Второй способъ призыванія къ богослуженіямъ есть удареніе въ музыкальный инструментъ, извѣстный подъ именемъ «хѣранъга» и имѣющій форму нашего мѣднаго таза. Третій — звуками особой трубы — «бишкѣра». Четвертый — звуками «ухѣръ буръ», или громадныхъ мѣдныхъ трубъ, величиною отъ 1½ до 2-хъ сажень. Въ тѣхъ большихъ монастыряхъ, гдѣ жилища ламъ раскинуты на обширныхъ пространствахъ, какъ напримѣръ въ Ургѣ, Эрдэни-цзѣ, Барѣйнъ-хѣрѣ и проч. время собранія къ богослуженію возвѣщается по большей части двумя ламами и непремѣнно съ бурѣйнъ шатъ, при чемъ, мѣняясь, они трубятъ по три раза во всѣ четыре стороны; такимъ образомъ благовѣстъ производится здѣсь вчетверо дольше. Что касается степныхъ дугановъ, то здѣсь рѣдко даже можно встрѣтить и бурѣйнъ шатъ. Въ періодъ совершенія здѣсь хураловъ ламы призываются къ онымъ звуками

раковины одного трубача, стоящаго просто передъ дверями кумирни. Для непривычнаго человѣка при этомъ особенно поразительною является быстрота собранія ламъ къ кумирнѣ. Если говорить о великихъ хуралахъ и объ отправленіи богослуженій собственно старѣйшими ламами, то положительно можно сказать, что опаздывающихъ здѣсь никогда не бываетъ. Такъ какъ время богослуженія извѣстно за ранѣе, то всѣ намѣревающіеся отправиться въ хуралъ, приготовляются къ выходу еще до того времени, какъ раздастся звукъ раковины. При первомъ звукѣ ея вы видите ламъ, стремящихся къ кумирнѣ со всѣхъ концовъ монастырскаго круга; при второмъ звукѣ они стоятъ уже предъ дверями кумирни, тихо перебирая свои четки и читая микчжѣмъ. Это коротенькая молитва, которую ламы всегда бормочатъ, направляясь къ хуралу. Вотъ ея текстъ въ переводѣ: «Молюсь у ногъ Хоншѣмъ бодисатвы—великаго сокровища неизрѣченнаго милосердія;—Маньчжушріа, обладающаго силою благозвучнаго вѣщанія;—Очирвѣни, подавляющаго всѣ полчища смутныхъ шимнѣсовъ;—святаго Цзонхавѣ—украшенія мудрецовъ снѣжной страны и—несравненнаго Сумаді-кѣрти-шрѣ гэгѣна. Ликъ побѣдоноснаго Цзонхавѣ во всѣхъ моихъ перерожденіяхъ да будетъ моимъ ламою руководителемъ къ высокимъ добродѣтелямъ и да не отвращаюсь я, ниже на одно мгновеніе, отъ благаго пути, одобреннаго побѣдоносными; да войду я достойно въ собраніе ламъ—драгоценности,—вѣрныхъ наставниковъ и руководителей по пути къ нирвѣнѣ». При третьемъ звукѣ раковины ламы входятъ въ кумирню и разсаживаются по своимъ мѣстамъ. Порядокъ, въ которомъ они садятся, идетъ сообразно старшинству, подобно тому какъ записываются ламы и въ монастырскихъ спискахъ. Въ большихъ монастыряхъ, гдѣ существуетъ дѣленіе ламъ на аймаки и гдѣ устраиваются цокчѣны, т. е. соборныя кумирни, въ этихъ цокчѣнахъ кромѣ двухъ переднихъ сѣдалищъ для ханбѣ ламы и цокчѣнскаго ширѣтѣ, остальные сѣдалища занимаются ламами различныхъ аймаковъ прежде всего по старшинству самыхъ аймаковъ, а за симъ уже по старшинству проходимыхъ ламами должностей. По отношенію къ низшимъ ламамъ, не несущимъ никакихъ должностей, дол-

жно замѣтить, что въ обыкновенныхъ монастыряхъ, равно какъ и въ отдѣльныхъ аймакахъ большихъ монастырей, случаются не рѣдко различія между старѣйшинствомъ ламъ по монастырскому списку и церковному сѣдалищу. Обусловливается это различіе тѣмъ, что габкѹй и унзатъ всегда имѣютъ право дать высшее мѣсто лучшему изъ чтецовъ, а худшихъ посадить въ задніе ряды. Какъ общее и всегдашнее постановленіе можно отмѣтить еще то, что ламы въ хуралахъ не имѣютъ права смѣнять указанная имъ мѣста и занимать чужія, по этому мѣста ламъ, не явившихся въ хуралъ, остаются свободными. Лицъ, которыя живутъ при монастырѣ, но не вошли еще въ монастырскіе списки, сажаютъ по большей части отдѣльно, для чего въ кумирнѣ всегда имѣются еще стоящія позади и въ нѣкоторомъ отдаленіи чжабданы. Если въ монастырь пріѣдетъ какой либо знатный лама, которому не прилично сидѣть позади, то мѣсто его устанавливается на краю переднихъ сѣдалищъ, но опять таки непремѣнно отдѣльно отъ сѣдалищъ мѣстныхъ, монастырскихъ ламъ.

Свои вседневныя богослуженія ламы совершаютъ въ обыкновенныхъ костюмахъ, т. е. они надѣваютъ халатъ, подпоясываются, пристегиваютъ къ поясу цабри и накидываютъ на лѣвое плечо оркимчжй. Эта послѣдняя одежда составляетъ необходимую принадлежность для каждаго ламы при богослуженіи. Цзанчй или мантия, о которой упоминается въ правилахъ, носится не всѣми ламами и употребляется при особаго рода богослуженіяхъ, каковы, тарнистическія, цанитъ и проч., а въ обыкновенныхъ хуралахъ цзанчй необходимо одѣваетъ только габкѹй. Великіе хуралы также не исключаются изъ сказаннаго правила и ламы, совершающіе ихъ, являются въ кумирни для служенія въ своихъ обыденныхъ костюмахъ. Принадлежностей службы ламы съ собою никакихъ не носятъ: чтеніе молитвъ совершается ими всегда наизусть, — лама является въ сѹмѣ, только держа четки. Что касается порядка при богослуженіяхъ, то при великихъ хуралахъ онъ дѣйствительно соблюдается въ самомъ строгомъ видѣ, такъ какъ здѣсь участвуютъ главнымъ образомъ возрастные ламы; то же можно сказать и о богослуженіяхъ въ тѣхъ дуганахъ, гдѣ

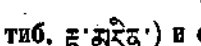
мало ламъ малолѣтковъ; но трудно себѣ представить порядокъ при богослуженіи въ ургинскомъ цокчѣнѣ въ обыкновенные дни, т. е. при служеніи чжиса. Какъ уже было сказано, оно совершается исключительно молодыми хуваръками, принадлежащими къ возрасту отъ 8 до 18 лѣтъ. Такихъ ребятъ собирается здѣсь отъ двухъ до двухъ съ половиною тысячъ. Говоръ, смѣхъ, плачъ, все это сливается съ общимъ шумомъ читаемой молитвы, которую каждый изъ служащихъ хочетъ прокричать на столько, на сколько хватаетъ силы въ его дѣтской груди. Правило о выходѣ, испросивъ разрѣшеніе у гѣбкѹа, должно исполняться слѣдующимъ образомъ: выходящій подходитъ къ гѣбкѹю, становится передъ нимъ на правое колѣно и наклоняетъ голову; дозволеніе свое гѣбкѹй выражаетъ тихимъ прикосновеніемъ посоха къ плечу просящагося. Но постановленіе это, въ большинствѣ случаевъ не примѣняется къ дѣлу,—оно въ обычаѣ развѣ у болѣе возрастныхъ; что же касается второй половины этого правила, предписывающаго не замедлять возвращеніемъ, то, вѣроятно, научные долгимъ опытомъ о преступленіи его каждымъ, гѣбкѹй цокчинской кумирни въ Ургѣ постановили, что каждый, возвращающійся въ кумирню, долженъ подходить для полученія наказанія. Это послѣднее совершается такъ: виновный подходитъ къ гѣбкѹю, становится передъ нимъ на оба колѣна и наклоняетъ свою спину; послѣдній отпускаетъ по ней три удара своимъ жезломъ и затѣмъ виновный отходитъ и садится на свое мѣсто. Относительно другихъ, болѣе серьезныхъ проступковъ, я имѣю замѣтить, что къ нимъ относятся, неумѣренныя драки, воровство и проч. Во время одного изъ моихъ посѣщеній цокчина одинъ мальчакъ лѣтъ тринадцати былъ уличенъ другимъ въ кражѣ у него чашки; воришка тутъ же въ кумирнѣ былъ раздѣтъ до нога и высѣченъ. Сцены такого рода повторяются почти ежедневно и по нимъ самымъ картиннымъ образомъ можно представить, что такое цокчинъ во время совершенія въ немъ чжиса; но это только то, что видно глазомъ, впечатлѣнія же слуха едвали и могутъ быть переданы перомъ, или словами.

Кругъ богослужебный, рассматриваемый со стороны читае-

мыхъ въ хуралѣ молитвъ, въ монгольскихъ дуганахъ сравнительно очень ограниченный. Заинтересованный обрядовою стороною буддизма, я рѣдко пропускалъ случай прослужить богослуженіе и нашелъ, что богослуженія всеневныя совершаются въ монгольскихъ дуганахъ положительно безъ всякихъ измѣненій въ содержаніи и порядкѣ, — безъ измѣненій даже такихъ незначительныхъ, каковы тропари и кондаки православной церкви. Вначалѣ я думалъ обусловить это однообразіе незначительностью подготовки малолѣтковъ, — служащихъ; но, познакомившись ближе съ дѣломъ, увидалъ, что порядокъ богослуженій именно таковъ и по правиламъ буддѣйской каноники. Буддисты хотя и признаютъ сонмъ буддъ и бодисатвъ, по количеству не только не меньшій сонмъ святыхъ православной церкви, но даже и гораздо большій признаваемого этою послѣднею, однако чествованіе этихъ буддъ и бодисатвъ собственно въ церкви не распредѣляется у нихъ по извѣстнымъ днямъ, за исключеніемъ не многихъ вышеуказанныхъ празднествъ. При такомъ порядкѣ вещей разнообразіе молитвъ должно подать естественно. Молитвы буддистовъ, ежедневно читаемыя въ ихъ кумирнѣ, по большей части имѣютъ своимъ предметомъ поклоненіе и хвалу тремъ драгоценностямъ: буддѣ, ученію и духовенству, прошенія же ихъ сливаются въ одномъ желаніи — достигнуть состоянія будды.

Буддѣйскіе молитвенники монголовъ извѣстны у нихъ подъ тибетскимъ именемъ «Сумбум'овъ» и, въ большинствѣ случаевъ, встрѣчаются въ рукописяхъ и читаются въ кумирняхъ на тибетскомъ языкѣ. Впрочемъ въ Сэцэнъ-хановскомъ аймакѣ, въ хошунѣ Токтохъ турѣ богослуженіе совершается на монгольскомъ языкѣ и для отправленія его ламы этого хошуна пользуются сумбум'омъ Чжанцзя хутухты, переведеннымъ съ тибетскаго на монгольскій языкъ и изданнымъ въ Пекинѣ. Тибетскихъ сумбум'овъ (собственно — сборникъ сочиненій, а въ томъ числѣ и молитвъ, одного и того же круга богослуженій, принадлежащій по составленію одному автору) — нѣсколько; они различаются по именамъ своихъ составителей, таковы: сумбумъ Баньчэнъ богдо, сумбумъ Богдо, ламы, или цзонхавинскій, сумбумъ Чжанцзя хутухты, сумбумъ

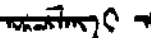
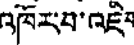
Мэргэнъ-дайячи и др. Ниже мы увидимъ, что у монголовъ есть также и отреченные сумбуы, хотя это отреченіе не можетъ быть признано полнымъ, потому что монгольскіе ламы пользуются ими въ извѣстныхъ случаяхъ также точно, какъ и признаваемыми ихъ церковью; но о нихъ мы будемъ говорить ниже. Молитвенники, по которымъ совершаютъ монголы свои богослуженія, обыкновенно раздѣляются на три части. Первую часть составляютъ такъ называемые по тибетски рапсалы (རྒྱལ་ཁ་པ་ལ་) отъ རྒྱལ་ раб=монгол. ~~раб~~ и ~~манш~~—преимущественно, весна; ~~манш~~ салз=монгол. སྐུ་འཕྲིན་ — ясный, свѣтлый). Въ частномъ смыслѣ, это отдѣленіе сумбумовъ включаетъ въ себя собраніе священныхъ гимновъ въ честь будды (ཆེད་ཅེ་བུ་ལྷ་མོ་ལྷ་མོ་). Въ нихъ среди пышныхъ похвалъ находится исчисленіе подвиговъ буддъ на пользу одушевленныхъ существъ. Въ составъ рапсаловъ входятъ: α) *хирангу* (монгол. ~~хирангу~~ и ~~манш~~ ᠬᠢᠷᠠᠩᠭᠤ) уберунъ аману бисылгаль)—исповѣданіе, вѣры молящагося; β) ~~манш~~, хвалебные гимны; γ) ~~манш~~ — молитвы въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. съ изложеніемъ прошеній и δ) ~~манш~~ (йорбъ), т. е. благожеланія и благословенія. Вторая часть сумбумовъ включаетъ въ себя богослужебныя книги, называемыя какъ и бурханы, въ честь которыхъ онѣ составлены,—докшйтъ, или «хилингтэнъ», или «номъ тэтхухчй», или «сахихчй»—«сахигулсунъ». Докшйтъ, какъ уже было говорено выше, есть собственно названіе буддъ и бодисатвъ, хранителей внѣшняго міра и ужасныхъ по внѣшнему виду. Такихъ божествъ и хубилгановъ ихъ буддисты насчитываютъ множество, но главнѣйшими изъ нихъ считаются слѣдующіе девять: а) Махагала (монг. ~~манш~~ ᠮᠠᠬᠠᠭᠠᠯᠠ, тиб. མཁའ་ལྷ་མོ་); б) Цаганъ Махагала (монг. ~~манш~~ ᠴᠠᠭᠠᠨᠠᠭᠠᠯᠠ, тиб. མཁའ་ལྷ་མོ་ཙམ་པོ་); в) Эрликъ-ханъ (монг. ~~манш~~ ᠡᠷᠯᠢᠭᠡᠬᠠᠨ, тиб. ཨེ་རི་ལོ་ཀན་པོ་); d) Ухинъ-тэнгри (монг. ~~манш~~ ᠤᠬᠢᠨᠡᠲᠡᠩᠭᠢ, тиб. ལྷ་མོ་མ་); e); f) Бисманъ тэнгри (монг. ~~манш~~ ᠪᠢᠰᠮᠠᠨᠡᠲᠡᠩᠭᠢ, тиб. བིས་མའ་ལྷ་མོ་); g) Бикцэ (монг. ~~манш~~ ᠪᠢᠴᠡ, тиб. བི་ཁྱེ་); h) Эсруа (тиб. ཨ་ཨ་ཨ་ཨ་);

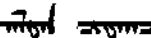
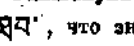
i) Ямандага (отъ санск. Yamantaka, монг. , тиб. , тиб.). Молитвенныя пѣсни и гимны въ честь этихъ восьми божествъ съ приложеніемъ пѣсней болѣе чтимому идамъ () бурхану Хайнкирвѣ (монг. , тиб.) и составляютъ второе отдѣленіе сумбумовъ. Третья часть буддійскихъ молитвенниковъ носить названіе *ундусунъ* (тиб. чжудъ); она дѣлится на четыре отдѣла: а) *уйлэинъ ундусунъ* (санскр. крія - тантра); б) *ябудалунъ ундусунъ* (санскр. ачара-тантра); в) *йогайнъ ундусунъ* (санскр. йога тантра) и д) *тэнгсэлъ угэй ундусунъ* (санскр. анутира йога тантра). По этимъ четыремъ тантрамъ буддисты размѣстили свои молитвы, равно какъ и всѣхъ, такъ называемыхъ идамъ-бурхановъ и даже издають особыя книги съ изображеніемъ этихъ божествъ.

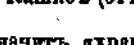
Выше я упоминалъ уже о существованіи въ *нѣкоторыхъ* халхаскихъ монастыряхъ отдѣльныхъ кумиренъ, называемыхъ Чжудынъ сумэ; это тѣ кумирни, въ которыхъ исключительно читаются молитвы, причисляющіяся къ послѣдней части буддійскихъ молитвенниковъ — Чжудъ и отсюда заимствовавшіе свое специальное имя. Такимъ образомъ третья часть буддійскихъ молитвенниковъ не только не читается во всѣхъ монастыряхъ, но даже и не во всѣхъ большихъ обителяхъ Монголіи совершаютъ служеніе Чжудъ; яснѣе сказать, оно обязательно находится только тамъ, гдѣ изучается высшее богословіе, гдѣ основаны школы цанита. И такъ на долю обыкновенныхъ дугановъ и монастырей монгольскихъ приходится совершать богослуженія только по двумъ частямъ сумбум'овъ, именно, — имъ остаются рапсалы и докшиты и эти то двѣ части дѣйствительно и входятъ въ составъ всѣхъ, какъ малыхъ, всенедвнхъ, такъ и великихъ хураловъ. Вообще малый и великій хуралы, можно сказать, вполне тождественны между собою по содержанію и различаются только количествомъ прочитываемыхъ молитвъ какъ изъ отдѣла рапсаловъ, такъ и назначаемыхъ въ честь буддъ хранителей, — докшитовъ. При ежедневномъ очередномъ служеніи (чжиса) въ Ургѣ и въ другихъ видѣнныхъ мною монастыряхъ читается

не болѣе четырехъ, пяти рапсáловъ; что же касается служенія докшítовъ, что въ ежедневныхъ чтенiяхъ чествуется обыкновенно только одинъ докшítъ, избранный въ генiи хранители монастыря. На великихъ хурáлахъ прочитываются всѣ рапсáлы, причемъ иногда ихъ раздѣляютъ попаламъ, — иначе сказать, полное число рапсáловъ прочитывается въ два дня; изъ отдѣла докшítъ на великихъ хурáлахъ исполняются служенiя въ честь пяти, шести и даже всѣхъ восьми докшítовъ, смотря по количеству ламъ и ихъ усердiю.

Чтобы познакомить читателей съ общепринятыми богослуженiями буддистовъ, считаю необходимымъ представить въ переводѣ образцы молитвъ, входящихъ въ составъ буддiйскихъ хурáловъ, т. е. какъ образцы рапсáловъ, такъ и докшítовъ. Замѣчу еще, что богослуженiя свои ламы совершаютъ сидя, читаютъ и поютъ по большей части всѣ вмѣстѣ и только начало каждой молитвы затягиваетъ унзátъ. Впрочемъ есть нѣсколько йóрöлей, чтенiе которыхъ предоставляется одному только ламѣ, первенствующему въ хурáлѣ. Йóрöли эти возносятся главнымъ образомъ къ буддамъ, уже явившимся въ мiрѣ, каковы, Гаргáсунди ¹⁾, Ганагамуни ²⁾, Кашибъ ³⁾ и Шигамуни. Въ содержанiи этихъ йóрöлей отъ лица самыхъ этихъ буддъ объясняются разнаго рода мученiя и подвиги, понесенные ими за вѣру и для блага одушевленныхъ существъ и, въ силу такихъ заслугъ ихъ, выражается желанiе распространенiя и благоденствiя вѣры. Такимъ образомъ рѣчь, произ-

1) Гаргасунди (отъ санскр. Krakutchchanda, монг. , тиб. , что значитъ «разрушитель сансары» и побѣдитель матерiи). Имя будды первого изъ тысячи буддъ нынѣшняго періода; онъ явился въ 9-й малой калѣвѣ, когда люди жили 40,000 лѣтъ.

2) Ганагамуни (отъ санскр. Kanakamuni, монг. , тиб. , что значитъ могучiй надъ золотомъ). Имя втораго будды въ нынѣшнемъ періодѣ; онъ явился когда люди жили 30,000 лѣтъ.

3) Кашибъ (отъ санскр. Kasuara, монг. , тиб. , что значитъ «хранитель свѣта»). Имя третьяго будды настоящаго періода; онъ явился, когда люди жили 20,000 лѣтъ.

носимая отъ имени самыхъ буддъ, говорится настоятелемъ, а желаніе произносится въ одинъ голосъ всѣми слушающими. Напримѣръ:

* *Первенствующій*: «За благо одушевленныхъ существъ я въ древнее время испыталъ всѣ тягостныя невзгоды и пожертвовалъ своимъ спокойствіемъ и блаженствомъ, ради сего...

Всѣ ламы: «Чистая вѣра да свѣтится во вѣки!»

Первенствующій: «Ради больныхъ и увѣчныхъ я въ древнее время указалъ лекарства и средства питанія (діету), спасалъ и оказывалъ милости страдальцамъ, а посему...

Всѣ ламы: «драгоценная вѣра да свѣтится во вѣки!»

Первенствующій: «Я пожертвовалъ женою, сыновьями и дочерьми, скотомъ, слонами и телѣгами ради пріобрѣтенія святости, а потому...

Всѣ ламы: «верховная вѣра да свѣтится во вѣки!»

Такіе припѣвы ламы называются «тунъ-чжиръ».

Внѣшнихъ тѣлодвиженій при чтеніи рапсодовъ никакихъ не бываетъ и, кажется, единственное исключеніе въ этомъ случаѣ составляетъ рапсодъ «Цокту цзанданъ'у цзалбариль». Содержаніе его составляетъ покаянная молитва о сдѣланныхъ грѣхахъ, обращенная ко всѣмъ главнѣйшимъ буддамъ и бодисатвамъ. Ламы читаютъ большую часть этой молитвы стоя и при каждомъ отдѣлѣ ея, оканчивающемся словами «поклоняюсь тому-то», распростираются по землѣ. Но, говорю, это, кажется, единственный рапсодъ, изъ всего отдѣла рапсодовъ, помѣщаемыхъ обыкновенно въ сумбун'ахъ.

Свой переводъ молитвъ я начну съ того, чѣмъ обыкновенно начинается у буддистовъ всякое богослуженіе, именно рапсодомъ, составляющимъ первую главу каждаго сумбума. Рапсодъ этотъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ нашего символа вѣры, потому что онъ заключаетъ въ себѣ перечисленіе всѣхъ основныхъ догматовъ, на которыхъ зиждется религіозная система буддизма. Такая молитва естественно должна находить для себя большое употребленіе и, дѣйствительно, ее можно слышать не только при каждомъ богослуженіи, списокъ ея можно находить не только у каждаго ламы, но и почти въ домѣ каждаго просто-

людина. На монгольскомъ языкѣ она озаглавляется «Итэгэль ябугулхуйнъ йосонгъ», т. е. образъ исповѣданія вѣры и читается такъ:

«Вѣрую въ величественнѣйшихъ и святѣйшихъ ламъ, которые послужили основою для всякихъ добродѣтелей (происходящихъ отъ) тѣла, языка и мысли моихъ собственныхъ, предковъ моихъ, всѣхъ одушевленныхъ существъ, населяющихъ небо и всѣхъ буддъ десяти странъ и трехъ временъ; — въ ламъ, бывшихъ споспѣшниками въ распространеніи восьмидесяти четырехъ тысячъ отдѣловъ священнаго ученія и послужившихъ главнымъ первообразомъ, корнемъ и основою для всѣхъ хутухтъ и хуваракъ».

Вѣрую въ будду.

Вѣрую въ священное ученіе.

Вѣрую въ духовенство.

Вѣрую во всѣ сонмы и собранія религіозно-буддійскія.

Вѣрую въ одаренныхъ очами премудрости, сохраняющей высоко-знаменитую вѣру.

Вѣрую въ будду и въ представителей соборовъ какъ въ святыхъ.

О если бы мнѣ, для пользы одушевленныхъ существъ, сдѣлаться буддою въ награду за свою мпlostыню и тому подобныя (добрыя) дѣла! (*читается трижды*).

Вѣрую въ три сокровища.

Раскаяваюсь во всѣхъ грѣхахъ вообще и въ каждомъ отдѣльно.

Служа и сорадуясь благу одушевленныхъ существъ, содержи въ сердцѣ своемъ будду и бодисатвъ.

Для лучшаго устроенія блага собственнаго и чужаго полагаю въ основу святыя мысли.

О если бы мнѣ, послѣ того какъ рѣшусь я положить въ своей душѣ начало святымъ мыслямъ, оказывать привѣтъ и сочувствіе всѣмъ живымъ существамъ, а когда въ сердцѣ моемъ всецѣло водворится святость, сдѣлаться буддою для блага одушевленныхъ существъ! (*читается трижды*).

Да обладают всѣ одушевленные существа благоденствіемъ и причинами благоденствія!

Да освободятся всѣ одушевленные существа отъ сильныхъ и не сильныхъ страстей и вспышекъ и да пребываютъ равнодушными!

Да исполнятся всѣ одушевленные существа того благоденствія, въ которомъ нѣтъ страданій! (*читается трижды*).

Поклоняюсь тому, который отрѣшился отъ вещественныхъ связей, не имѣетъ вида и перерожденій, не бременъ, ни вѣченъ, ни прибываетъ и ни отбываетъ, не отличается свойствами ни различными, ни исключительными, единственными, который довелъ себя до наслажденія миромъ глубокимъ, блаженствомъ безопаснымъ, который есть будда совершеннѣйшій и большій того, что о немъ сказано.

Поклоняюсь тому, который руководить къ миру нуждающихся въ мирѣ шраваковъ, который всезнаніемъ помогаетъ какъ одушевленнымъ существамъ, такъ и всему прочему; который вѣденіемъ путей создаетъ благо міровъ; который составляетъ основу не только сонма всесовершенныхъ, могущественныхъ и разнообразно просвѣщенныхъ шраваковъ и бодисатвъ, но и буддъ.

Поклоняюсь тому, который разрѣшаетъ сѣти сомнѣній и, обладая многообъятнымъ тѣломъ, посредствомъ лучей самади (созерцанія) исходитъ изъ всего.

Ты, который составляешь всегдашнее упованіе всѣхъ живыхъ существъ, будда, побѣждающій несмѣтныя полчища шимбусовъ, истинно знающій всѣ предметы, гряди въ царство, гдѣ соединяются друзья совершенства!

Какъ я омываю статуи (духовъ) по мѣрѣ принятія ими на себя другаго (неблагообразнаго) вида, такъ посредствомъ омовенія божественною, святою водою чту лики святѣйшаго будды.

О, если бы мнѣ за то, что я благоговѣйно одѣлъ въ божественную хламиду алмазный ликъ бурхана Абиды, приобрѣсти неразрушимое тѣло!

О, если бы за приношеніе лику будды куренія, земнаго благовонія, рассыпанія цвѣтовъ, украшеній (въ видѣ) четырехъ

двѣповъ, горы Сүмэрү, солнца и луны, всѣ одушевленные существа водворились въ святѣйшемъ царствѣ!»

Если мы станемъ по частямъ разбирать эту молитву, то уже въ ней самой найдемъ всѣ указанныя выше части рапсаловъ: здѣсь есть исповѣданіе вѣры, есть хвала, есть прошеніе, есть благожеланіе, или то, что называется по монгольски «йѳрѳль». Но, раздѣляя рапсалы на эти четыре отдѣла, я имѣлъ въ виду не частное содержаніе каждой молитвы, а то, что часть молитвенниковъ, извѣстная подъ именемъ рапсаловъ, заключаетъ въ себѣ молитвы, спеціально принадлежащія этимъ четыремъ отдѣламъ. Таково понятіе о рапсалахъ у самихъ ламъ и оно основывается, хотя и не во всей своей полнотѣ, на дѣйствительномъ содержаніи молитвъ. Считая приведенное чтеніе за исповѣданіе вѣры (хотя, какъ мы уже видѣли, въ немъ есть и хвала, и прошеніе, и йѳрѳль) ламы читаютъ далѣе мактѣлы, или похвальныя молитвы; за тѣмъ цзальбарил'ы, или молитвы просительныя; наконецъ заканчиваютъ чтеніе рапсаловъ произношеніемъ йѳрѳлей, т. е. молитвенныхъ благожеланій. Представляемъ теперь читателямъ образецъ каждой изъ этого рода молитвъ и прежде всего образецъ мактѣл'а.

«Поклоняюсь стопамъ милосердаго, который вращаетъ колесо священнаго ученія въ верховномъ царствѣ Тушита, у тэнгриевъ, обладающихъ высокою судьбою и пользующихся благими предопредѣленіями!

«Поклоняюсь стопамъ милосердаго, который возбудилъ въ своей душѣ высокія намѣренія, прекрасно упражняется въ дѣлахъ милосердія и даетъ возможность одушевленнымъ существамъ находить путь истины.

«Поклоняюсь стопамъ милосердаго, который, исполнивъ свои многоразличныя святыя желанія, намѣренъ теперь явиться пятымъ буддою міроправителемъ на этомъ цзамбу-тибѣ.

«Поклоняюсь стопамъ милосердаго, который обладаетъ лучезарнымъ сіяніемъ какъ солнце, чистъ какъ луна, имѣетъ тѣло, разливающее спокойствіе въ душѣ, лишь только на него посмотришь.

«Поклоняюсь стопамъ милосердаго, который имѣетъ голосъ Гандарис'овъ¹⁾, который въ совершенствѣ проникъ въ сокровенный смыслъ высочайшаго и глубокаго священнаго ученія и обладаетъ вѣщаніями, приносящими пользу всѣмъ слушающимъ.

«Поклоняюсь стопамъ милосердаго, который знаетъ все, что только можетъ подлежать познанію, который призываетъ всѣхъ одушевленныхъ существъ и во всякое время думаетъ объ ихъ пользѣ.

«Поклоняюсь стопамъ милосердаго, который прогоняетъ всякіе страхи, если вспомнить о немъ,—устраиваетъ спокойствіе одушевленныхъ существъ, если они вѣрують въ него,—даетъ сверхъестественныя силы, если просятъ его.

«Силою добродѣтели такого поклоненія одушевленныхъ существъ, да получаютъ они благословеніе бурхана Майдари, милующаго всѣхъ одушевленныхъ существъ.

«Когда сдѣлается онъ всесовершеннымъ буддою, да сдѣлаемся мы его приближеннѣйшими друзьями, и, вкусивъ рашіана его священнаго ученія, достигнемъ до предѣловъ пути къ несравненной святости — боди.

Лишь только окончимъ мы свой настоящій вѣкъ, да возродимся мы въ области тэнгриевъ Тушита, и, радуя милосердаго хѣна, да получимъ святыя предопредѣленія.

Силою истины трехъ драгоценностей, а въ особенности по силѣ истиннаго благословенія бурхана Майдари, всѣ тѣ благожеланія, которыя теперь были произнесены мною, да исполнятся!

«Да водворится въ средѣ всѣхъ одушевленныхъ существъ

1) Гандари — существа, обитающія на восточной сторонѣ горы Сумэру и извѣстны въ буддизмѣ подъ именемъ небесныхъ музыкантовъ. Ковалевскій почитаетъ правителемъ Гандарис'овъ Махарачжу Дрита-раштра (Монг. Хрест., т. II, стр. 268). Гандари раздѣляются на нѣсколько отдѣловъ, и въ различныхъ буддійскихъ сочиненіяхъ мы находимъ слѣдующія названія Гандарисовъ:

1. *ḥḡḡḡ ḡḡḡ ḡḡḡḡ ḡḡḡḡ ḡḡḡḡ* " ; 2. *ḥḡḡḡ ḡḡḡ ḡḡḡḡ ḡḡḡḡ ḡḡḡḡ* " ; 3. *ḡḡḡḡ ḡḡḡ ḡḡḡḡ ḡḡḡḡ ḡḡḡḡ* " ; 4. *ḡḡḡḡ ḡḡḡ ḡḡḡḡ* " .

счастье и святость милосердаго ламы, вѣдѣмъ-бурхановъ, бодисатвъ и геніевъ хранителей священнаго ученія.

Самымъ распространеннымъ изъ йорблѣй у монгольскихъ ламъ является йорблѣ, извѣстный подъ именемъ «Санчжигъ моламъ», монгольское же полное заглавіе его «Хутухтѣ сѣйнъ ябу-дал'унъ прүгэл'унъ хагѣнъ», т. е. царь йорблѣй святыхъ и добрыхъ дѣяній. Вотъ и его переводъ:

«Поклоняюсь юному (урѣ болоксанъ) Маньчжүшри.

«Какіе бы они ни были, и сколько ихъ ни есть, всѣмъ безчисленнымъ благоотпѣдшимъ буддамъ, лвамъ человечества трехъ временъ, обитающаго во всѣхъ десяти странахъ міра, — всѣмъ имъ исповѣдаю я свою вѣру тѣломъ, языкомъ и мыслію и поклоняюсь.

«Силою благихъ дѣяній и йорблѣй ясно представляя себѣ всѣхъ побѣдоносныхъ и сгибал свое тѣло, низко кланяюсь всѣмъ побѣдителямъ.

«Желаю сидѣть среди безчисленныхъ какъ пыль буддъ и бодисатвъ и чрезъ всѣхъ безчисленныхъ побѣдоносныхъ стяжать всѣ ихъ духовныя свойства.

«Витѣйствуя о достоинствахъ побѣдоносныхъ, восхваляю ихъ голосомъ, подобнымъ морскимъ волнамъ.

«Чествую всѣхъ этихъ побѣдоносныхъ прекрасными цвѣтами, мастями, превосходнымъ зонтомъ, прекрасною лампадою и благовонными куреніями.

«Превосходными платьями, и высокими благовоніями, привѣсками, равными съ горою Сүмэръ и всѣмъ, что есть лучшаго изъ изобрѣтеній, чествую я этихъ побѣдоносныхъ.

«Все, что не есть лучшаго, самыя высшія жертвы приношу всѣмъ побѣдоноснымъ и вѣрую.

«Все грѣховное, сдѣланное мною въ силу присущихъ мнѣ страстей, гнѣва и несовершенствъ моей физической природы, — все грѣховное, сдѣланное тѣломъ, языкомъ и мыслію, умоляю я очистить и всѣ тѣ грѣхы вмѣстѣ, и каждый изъ нихъ въ отдѣльности.

«Сорадуюсь и послѣдую всякаго рода добродѣтелямъ всѣхъ

побѣдоносныхъ десяти странъ, бодисатъ, пратіекабұддъ, правъ-ковъ и всѣхъ одушевленныхъ существъ.

«Всѣхъ, имѣющихъ сдѣлаться нирванною, я, благоговѣнно сложивъ ладони рукъ своихъ, умоляю, да благоволятъ они жить въ теченіе безчисленныхъ, какъ земная пыль, галабовъ ради блага и счастья всѣхъ одушевленныхъ существъ.

«Всѣ, стяжанныя мною, малыя добродѣтели поклоненія, принесенія жертвъ, покаянія въ грѣхахъ, послѣдованія, сорадованія и сочувствія добродѣтелямъ, молитвъ и проч. всегда производилъ я исключительно по стремленію къ святости боддъ.

«Да возносятся почести всѣмъ буддамъ минувшихъ временъ, жившимъ во всѣхъ царствахъ безчисленныхъ міровъ, находящихся въ десяти странахъ.

«И всѣ будды грядущихъ временъ, да исполняютъ они скорѣе свои намѣренія и, сдѣлавшись бурханами, да явятся на землѣ.

«Да очистятъ они до конца отъ всего грѣховнаго всѣ царства міровъ, существующихъ въ десяти странахъ.

«Да исполнится міръ имѣющими направиться къ священному дереву побѣдоносными и сыновьями побѣдоносныхъ.

«Всѣ, сколько ни есть одушевленныхъ существъ во всѣхъ десяти странахъ, всѣ они да будутъ вѣчно безболѣзненны и счастливы.

«Да будутъ удачны всѣ духовныя и добрыя дѣянія у всѣхъ одушевленныхъ существъ и все, искомое ими, да совершится во благое.

«Шествуя по пути святыхъ, да буду я помнить въ каждомъ своемъ рожденіи всѣ бывшія перерожденія.

«Во всѣхъ своихъ перерожденіяхъ, умирая и рождаясь, да буду я всегда оставившимъ свой домъ (т. е. духовною особою).

«Да буду я всегда жить, послѣдуя дѣяніямъ побѣдоносныхъ, совершенно исполняя добродѣтели, нескверно и въ чистотѣ сохраняя свои обѣты.

«Да буду я проповѣдывать священное ученіе на всѣхъ языкахъ, сколько ни есть ихъ: и на языкѣ тенгріевъ, и на языкѣ дра-

«Да буду я спокойнымъ и тихимъ, заботливо старающимся объ исполненіи парамитовъ и никогда не забывающимъ о святыхъ мысляхъ.

«Какіе же есть грѣхи, преступленія и препятствія (къ совершенію добродѣтелей), всѣ они всеконечно да очистятся.

«Избавившись отъ дѣяній мірскихъ и отъ навожденій шимнусовъ, да хожу я безпрепятственно въ средѣ одушевленныхъ существъ міра, какъ солнце и луна на небѣ.

«Да живу я, умиротворяя всесовершенно мученія злой судьбы во всѣхъ странахъ и царствахъ, устрояя блаженство всѣхъ существъ и помогая всему существующему.

«Да живу я во всѣхъ грядущихъ галабахъ, исполняя въ совершенствѣ святыхъ дѣяній, согласуясь съ поступками всѣхъ одушевленныхъ существъ и проявляя только одинъ добродѣтели.

И кто будетъ поступать также какъ я, да буду я съ тѣмъ всегда въ неразлучномъ дружествѣ.

«Со всѣми, кто желалъ бы мнѣ оказать какую либо помощь, или направить меня на добрые поступки, со всѣми тѣми да буду я всегда встрѣчаться.

«Да не опечалю я никогда ихъ духа.

«Да вижу я всегда въ ясности побѣдоносныхъ, окруженныхъ бодисатвами и во всѣхъ грядущихъ галабахъ да буду приносить имъ жертвы безъ усталости и утомленія.

«Да живу я во всѣхъ грядущихъ галабахъ, утверждая высочайшее ученіе побѣдоносныхъ, проявляя по всюду свѣтъ добродѣтельныхъ дѣяній и ходя благочестно и въ святости.

«Вращаясь во всѣхъ сансарахъ (матеріальныхъ мірахъ), да найду я безконечную добродѣтель и мудрость, средства (къ спасенію) и мудрость созерцанія; да пріобрѣту я безконечное сокровище всесовершенно избавляющихъ (отъ матеріи) достоинствъ.

«А когда буду я возсѣдать въ средѣ бодисатвъ и невообразимыхъ буддъ въ безчисленныхъ какъ земная пыль царствахъ міровъ, да буду я поступать свято.

«Да проникну я силою своего разума въ голосъ безконечныхъ

повелѣній всѣхъ побѣдоносныхъ, явившихся въ трехъ временахъ и благопроповѣдавшихъ правила священнаго ученія.

«И когда буду я постигать это ученіе во всѣхъ имѣющихъ прияти галабахъ, да проникну я (его) въ одно мгновеніе.

«Да увижу я всѣхъ львовъ человѣчества, появляющихся во всѣхъ трехъ временахъ.

«Да войду я въ царства всѣхъ побѣдоносныхъ, находящихся во всѣхъ безчисленныхъ странахъ.

«Да приду я ко всѣмъ тѣмъ побѣдоноснымъ, которые явятъ собою свѣтильникъ мировъ будущихъ временъ, сдѣлаются буддами, проповѣдующими священное ученіе и указующими страну нирваны, — вѣчнаго успокоенія.

«Да совершу я въ полнотѣ всѣ святыя дѣянія силою вездѣсущаго и скорого ритѣ хубилгана, силою средствъ (хулгѣ), сдѣлавшихся вратами ко всякой добродѣтели, силою мудрыхъ дѣяній Самантабадры, силою вездѣсущаго милосердія, силою самадѣи и мудрости.

«Очистивъ всесовершенно дѣянія, подавивъ повсемѣстно силу нисваниса, обезсиливъ значеніе шимнусовъ, да исполнюсь я всѣхъ добродѣтелей.

«Очистивъ всеконечно царства, безчисленные какъ море, да спасу я всесовершенно одушевленныхъ существъ, безчисленныхъ какъ море.

«Да живу я безпечально въ галабахъ, безчисленныхъ какъ море, благоговѣнно изучая священное ученіе, пространное какъ море, вполнѣ проникая въ его мудрость, глубокую какъ море и благоговѣнно чествуя буддъ, безчисленныхъ какъ море.

«Да удостоюсь я святости будды и святыхъ дѣяній всѣхъ благоотшедшихъ и побѣдоносныхъ трехъ временъ и да исполнюсь я всѣмъ этимъ до безконечности.

«Очистивъ свое тѣло, языкъ и мысли, да произведу я всесовершенное очищеніе въ чистѣйшихъ поступкахъ; благія намѣренія мои на сколько они согласуются съ мудростью на столько пусть и исполнятся.

«Ради наслажденія во всемъ благою добродѣтелью, да исполню я святыя пожеланія Маньчжүшри.

«Да исполню я безъ утомленія всё его дѣянія во всѣхъ грядущихъ галабахъ.

«Да будутъ эти дѣянія мои безконечны.

«Достоинства ихъ да будутъ безграничны.

«Для исполненія всѣхъ его (Маньчжүшри) дѣяній да приобрету я и всё его перерожденія (хубилганства).

«Каковы границы неба, таковыми же да будутъ и предѣлы одушевленныхъ существъ; каковы предѣлы нисваниса, таковыми же да будутъ и границы моихъ благихъ предприятий».

Служеніе «докшйт'овъ» несравненно торжественнѣе и сложнѣе простаго чтенія пѣснопѣній изъ отдѣла рапсаловъ, оттого и докшитскіе хуралы введены въ Монголію гораздо позднѣе эпохи распространенія въ средѣ монголовъ буддизма, построенія первыхъ храмовъ и начала служеній по отдѣлу рапсаловъ. Что касается отпращиванія докшитскихъ хураловъ въ той блестящей формѣ, въ которой совершается оно въ настоящее время, то оно началось въ Монголію собственно не ранѣе 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія и этотъ знаменательный въ исторіи монгольскаго буддизма фактъ тѣсно связывается въ преданіяхъ ламъ съ личностью седьмага намѣстника Эрдені-цзу'скаго монастыря, галүна Дакба-дорчжи. По сказаніямъ монгольскихъ лѣтописей, вся дѣятельность Дакба-дорчжи галүна съ самыхъ молодыхъ его лѣтъ не представляла собою ничего кромѣ стараній о благѣ вѣры и человечества; отъ этого, всё, начиная съ Тушѣту хана, въ хошунѣ котораго проживалъ Дакба-дорчжи, питали къ нему благоговѣйное расположеніе и, когда открылось мѣсто намѣстника Эрдені-цзу'скаго монастыря, поручили ему эту должность съ титуломъ «Номчѣ-дорчжи». При немъ основанъ былъ въ Эрдені-цзу'скомъ монастырѣ цокчѣинскій дуганъ, въ которомъ постановлено было совершать ежедневное богослуженіе; по иниціативѣ Дакба-дорчжи были установлены также постоянныя правила относительно служеній въ послѣдніе дни года и празднованія новолѣтія; наконецъ Дакба-дорчж'ею же былъ основанъ въ Эрдені-

цзу храмъ Манлы и въ 1776 г. поновлены всѣ зданія монастыря. Заботы Дакба-дорджи относительно докшитскихъ хураловъ начались въ томъ же году докладомъ Тушѣту хѣну, въ которомъ Д.-д. разяснялъ, что хотя въ Эрдэни-цзускомъ монастырѣ и съ давняго времени чествуется докшитъ Гонбо-гуру, однако же богослужебныхъ книгъ для отправленія всѣхъ молебствій въ честь этого докшита не имѣется, равно какъ нѣтъ и толковаго изложенія обрядовой стороны таковыхъ молебствій, а между тѣмъ приобрѣтеніе всего этого было бы весьма полезно для вѣры. Тушѣту хѣнъ, по обычаю, представилъ этотъ докладъ Чжэбцзунъ-дамба хутухтѣ и послѣдній разяснилъ, что въ Халхѣ и вообще то не имѣется книгъ для полнаго служенія докшитовъ и что поэтому халхасамъ необходимо или составить самимъ всѣ приличествующіе обряды и молитвы, или же, еще лучше, командировать нѣсколькихъ ламъ въ тибетскіе, сакьяскіе монастыри, чтобы они прослушали тамъ ученіе о докшитахъ и приобрѣли какъ нужныя книги, такъ и все необходимое въ обрядовомъ отношеніи. Номчѣй-дорджи предпочелъ послѣднее предложеніе и, по его ходатайству, въ 1776 году было отправлено изъ Эрдэни-цзу въ Тибетъ посольство, во главѣ котораго стоялъ тогдашній гэкбуй цокчинскаго хурала Лубсанъ-чойдубъ. Послѣдній, прибывъ въ Тибетъ, представился 35-му хубилгану Сакьяскаго гэгэна, по имени Наванъ-гунгѣ-лодонъ-санчжѣй-дамба-чжанцан'у и прослушалъ отъ него наставленія о служеніяхъ Гонбо-гуру и другимъ докшитами. Возвратившись, онъ передалъ преподанныя ему правила и кромѣ того привезъ съ собою: изображенія пяти Сакья, рисунки Чойчжиновъ и Мила-лѣчжавы, а также книги, по которымъ отправляется имъ служеніе, колокольчикъ, вачиръ и дамѣру сакьяскаго гэгэна и наконецъ раковину, подаренную будто бы Сакьяскому Пакба ламѣ Хубилай-сэцэнъ-хѣномъ ¹⁾. Такимъ образомъ Номчѣй-дорджи первый ввелъ въ Эрдэни-цзу правильное и полное служеніе докшитами и бывшаго у Сакьясцевъ ламу

1) Всѣ эти вещи и доньяѣ хранятся въ Эрдэни-цзускомъ монастырѣ частью въ кумирнѣ большаго Цзу, а частью въ кумирнѣ Гонбо-гуру.

Дубсанъ - чойдуба поставилъ первымъ ладабомъ, или лобуномъ при служеніяхъ Гѣнбо-гѣру. Изъ Эрдені-цзу'скаго монастыря порядокъ служенія докшитовъ разошелся по всей Халхѣ, равно какъ проникъ и къ нашимъ Бурятамъ ¹⁾.

Съ тѣхъ поръ докшитское служеніе совершается въ Халхѣ всегда въ первой половинѣ дня, хотя можетъ продолжаться иногда и до глубокой ночи. По своей внѣшности, какъ уже сказано, оно отличается болѣею торжественностью сравнительно съ служеніемъ рапсаловъ, ибо чтеніе и пѣніе молитвъ его соединяется съ игрою на музыкальныхъ инструментахъ, при томъ же служеніе докшитами и болѣе сложно: въ составъ его входятъ не одно чтеніе молитвъ, но еще и принесеніе жертвъ, или балиновъ (тиб. дорма , санск. bali), а самое чтеніе сопровождается различными внѣшними знаками, которые, за однимъ только вышеуказаннымъ исключеніемъ, совершенно чужды чтенію рапсаловъ. Впрочемъ внѣшнихъ тѣлодвиженій не особенно много и въ докшитскихъ хуралахъ и при томъ не во всякомъ докшитскомъ хуралѣ тѣлодвиженій одинаковое количество: въ одномъ ихъ больше, а въ другомъ меньше. Самыя тѣлодвиженія, въ большинствѣ случаевъ, должны быть исполняемы не всѣми служащими ламами, а только главнымъ лицомъ въ хуралѣ, передъ которымъ однимъ только поставяется и столикъ съ необходимыми принадлежностями служенія докшитами. Всѣ прочіе ламы участвуютъ въ служеніи докшитовъ почти на столько же, на сколько и въ рапсалахъ, т. е. они поютъ, читаютъ, играютъ на музыкальныхъ инструментахъ и, по временамъ, исполняютъ потребныя тѣлодвиженія.

Разбирая особенности докшитскаго служенія, мы укажемъ

1) Впослѣдствіи Номчи-цорджи озаменовалъ свое управленіе еще новыми командировками посольствъ въ Тибетъ къ Далай ламѣ и въ Китай къ Чжанцзя хутухѣ за рѣшеніемъ вопроса, изученіе какой именно книги можетъ доставить пользу эрдені-цзу'скимъ хуваракамъ. Тотъ и другой изъ гэгѣнопъ одинаково сказали, что въ Эрдені, цзу слѣдуетъ изучить «Боди-мѣръ». На этомъ основаніи Номчи-цорджи, въ 1788 году, основалъ въ Эрдені-цзу училище на 50 ламъ, которые обязаны изучать «Боди-мѣръ», — это продолжается и до настоящаго времени.

прежде всего на одежды, въ которыхъ совершается ламами это служеніе. Выше уже было упомянуто, что служеніе чжиса, — очередное и состоящее изъ чтенія рапсѣмовъ, ламы совершаютъ въ своихъ обыкновенныхъ костюмахъ; при служеніи докшѣтовъ они одѣваютъ еще поверхъ этихъ обычныхъ костюмовъ: чжодбонъ, додъ-икъ и банцзаль. Чжодбонъ (тиб. རྩོད་བློ་, монг. ᠴᠢᠳᠤᠪᠣᠨ) — родъ вѣнца, надѣваемого на голову. Онъ состоитъ изъ овальной шапки (торджикъ), покрытой тонкими, шелковыми шнурами черного цвѣта, имѣющими значеніе волосъ. На верху шапки эти волосы собираются въ одинъ пучекъ, и увѣнчиваются фигурою вачіра, по бокамъ же шапки они должны свѣшиваться въ видѣ косъ на длину одного локтя (хонгорцакъ үсүнъ). На ряду съ этими косами, на длину $1\frac{1}{2}$ локтя свѣшиваются еще двѣ привѣшенныя ленты (дарчжынъ), сшиваемыя изъ пяти отдѣльныхъ кусковъ матеріи цвѣтовъ: синяго, бѣлаго, краснаго, желтаго и зеленаго. Вся шапка вмѣсто околыша имѣетъ у себя пять отдѣльныхъ карточекъ съ изображеніемъ на каждой изъ нихъ отдѣльнаго бурхана и этотъ-то околышъ и называется собственно «чжодбонъ» т. е. тѣмъ именемъ, которое усвоится и общему прозванію шапки. Что касается пяти бурхановъ, изображаемыхъ на чжодбонѣ, то они суть: 1) бурханъ Вирузана (отъ санск. Vairātchana, монг. ᠪᠢᠷᠦᠵᠠᠨᠠ ᠠᠨᠤᠨᠠᠭᠠᠨ, тиб. བེᠢᠷᠠᠲᠠᠴᠠᠨᠠ) — съ тѣломъ синяго цвѣта; 2) бурхана Акшобъ'я (санск. Akshobhya, монг. ᠠᠬᠤᠰᠣᠪᠪᠠᠶᠠ, тиб. ᠠᠬᠤᠰᠣᠪᠪᠠᠶᠠ) — съ тѣломъ бѣлаго цвѣта; 3) бурхана Ратна самбава (отъ санск. Ratna sambhava, монг. ᠷᠠᠲᠤᠨᠠ ᠰᠠᠮᠪᠠᠪᠠᠶᠠ, тиб. ᠷᠠᠲᠤᠨᠠ ᠰᠠᠮᠪᠠᠪᠠᠶᠠ) — съ тѣломъ желтаго цвѣта; 4) бурхана Абида (отъ санск. Amitābhā, монг. ᠠᠮᠢᠳᠠᠨᠠ ᠠᠪᠢᠳᠠ, тиб. ᠠᠮᠢᠳᠠᠨᠠ ᠠᠪᠢᠳᠠ) — съ тѣломъ краснаго цвѣта и 5) бурхана Амогасидди (отъ санск. Amoghasiddha, тиб. ᠠᠮᠣᠭᠠᠰᠢᠳᠢᠳᠢ) — съ тѣломъ зеленаго цвѣта. Вторую одежду докшѣтскаго служенія — додъ-икъ (отъ тиб. རྩོད་ཀྱི་ཁྱེད་, монг. ᠳᠣᠳᠤᠶᠢᠬᠡ) монгольскіе ламы надѣваютъ всегда поверхъ сво-

его обычнаго ламскаго халата. Она имѣетъ форму перелины, накидываемой на плечи и свѣшивающейся до оконечности груди. Перелина эта по формѣ круглая, но на нижнемъ концѣ своемъ имѣетъ пять фистоновъ, которые, подобно изображенію бурхановъ, должны быть тѣхъ же пяти цвѣтовъ: синяго, бѣлаго, краснаго, желтаго и зеленаго. О третьей одеждѣ — банцзаль, называемой въ этомъ случаѣ иногда мад-икъ (отъ тиб. མདུག་ཁྲིལ་མ་, монг. или) мы уже имѣемъ понятіе и замѣтимъ только, что при докшйтскомъ служеніи ламы надѣваютъ ее обыкновенно поверхъ халата.

Что касается происхожденія этихъ одеждъ, то буддисты, какъ всегда и во всемъ, приписываютъ имъ глубокую древность. Они говорятъ, что одежды эти были введены еще при буддѣ, что самъ Шигэмуні въ первый разъ надѣлъ ихъ, находясь въ гостяхъ у хана Довъ-цзанбо, при чемъ онъ подробно объяснилъ своимъ ученикамъ, какъ основы своего ученія, такъ и значеніе пяти цвѣтныхъ бурхановъ, изображаемыхъ на титимѣ. Каждое одушевленное существо, говорилъ Шигэмуні, можетъ достигнуть нирваны и сдѣлаться буддою, но для сего оно должно очистить себя отъ 84,000 грѣховъ (нисванисъ), основу которыхъ составляетъ пять, прирожденныхъ каждому одушевленному существу пороковъ (хоора). Эти пороки суть: неразуміе (мунъхакъ), гнѣвъ (хиланъ), гордость (омокъ), любострастіе (тачійягуи) и зависть (найданъгуй). Существа высшей природы, т. е. будды и бодисатвы, стремясь создать благо людей, отъ безначальнаго времени неуклонно заботились о томъ, чтобы уничтожить силу этихъ пяти пороковъ и въ дѣятельности этой особливо прославились Вайрочана, какъ уничтожившій неразуміе, Акшубъ'я, какъ уничтожившій гнѣвъ, Ратна самбава, какъ уничтожившій гордость, Амогасиддй, какъ уничтожившій зависть и Амитаба, какъ уничтожившій сладострастіе. Такъ какъ служеніе докшитовъ имѣетъ своею основною цѣлью молитву о спасеніи одушевленныхъ существъ отъ всякаго рода грѣховныхъ наводненій, то буддисты и постановили правиломъ носить на головѣ при докшйтскомъ

служеніи изображенія этихъ пяти бурхановъ, какъ верховныхъ искоренителей основныхъ причинъ грѣха, таящихся въ природѣ человѣка.

Относительно храмовыхъ принадлежностей мы замѣчали уже выше, что при докшитскомъ служеніи въ честь Намсарай'я число жертвенныхъ чашекъ передъ бурханами вѣсто обыкновенно поставляемыхъ семи, должно быть увеличено до девяти. Помимо сего при совершеніи всѣхъ докшитскихъ хураловъ предъ настоящимъ ставится столикъ, на которомъ располагаются: а) колокольчикъ — музыкальная принадлежность настоятеля и вачиръ, употребленіе котораго неразрывно связывается съ колокольчикомъ; б) габала, поставляемая на невысокой треножной подставкѣ и наполненная, смотря по тому какому докшиту совершается служеніе, чернымъ чаемъ, виномъ, или же кровью. Жидкостями этими настоятель, въ извѣстное время чтенія молитвы докшитами, дѣлаетъ кропленіе, имѣющее значеніе жертвы; в) бумба, со вложеннымъ въ него кропломъ изъ павлиновыхъ перьевъ и заключающая въ себѣ аршанъ, или священную воду: вода эта употребляется для окропленія баліна при его освященіи; и наконецъ д) блюдечко съ хлѣбными зернами, которыя, какъ и жидкость изъ габалы, также бросаютъ вверхъ въ жертву докшиту.

Жертва, приносимая Чойчжинамъ во время служенія докшитскаго хурала состоитъ изъ такъ называемыхъ баліновъ, постановленія и указанія о приготовленіи которыхъ излагаются въ особой главѣ докшитскаго отдѣла сумбумовъ, называемой «гар'унъ абулга». Не входя здѣсь въ подробности всѣхъ предписываемыхъ правилъ, мы скажемъ только, что большинство баліновъ готовится изъ пшеничной муки, которую замѣшиваютъ на винѣ, смѣшанномъ съ водою, (нѣкоторые баліны готовятся изъ ячменной муки, какъ напримѣръ баліны Махагалы; въ Чжамсарановомъ баліні къ пшеничной мукѣ должно примѣшивать овсяную и пр. Баліны приносятся и амурлингуй бурханамъ, но эти послѣдніе баліны замѣшиваются исключительно на водѣ). Тѣсто это ставятъ на огонь и, въ то время какъ оно упрѣ-

васть, въ него подкладываютъ сахаръ, изюмъ и другія пряности. Приготовленному такимъ образомъ тѣсту даютъ форму баліновъ. Этихъ формъ нѣсколько и у различныхъ докшитовъ баліны различны по вѣшнему виду. Обыкновенно въ каждомъ докшитскомъ хуралѣ приносится три баліна различныхъ формъ. Первый изъ нихъ назначается въ жертву гацзарыйнъ эцэя'у, т. е. генію, покровителю той мѣстности, въ которой совершается жертвоприношеніе; второй и третій составляютъ жертву докшину. Первый, который монголы называютъ «цзаибутибыйнъ шалсай», дѣлается обыкновенно овальный, вторые имѣютъ трехугольную пирамидальную форму. На вершинѣ перваго, сплошь обмазаннаго масломъ и потому имѣющаго бѣлый цвѣтъ, водружаются изображенія солнца, луны и драгоценности Чиндамани, приготовляемые изъ масла и окрашиваемыя сообразно своему цвѣту (солнце въ красную краску; луна — въ желтую; чиндамани дѣлается пятицвѣтною), а по бокамъ онъ украшается цвѣтками, приготовляемыми также изъ масла и окрашиваемыми въ разныя краски. Второй балінъ, назначаемый въ жертву докшину, по правиламъ «гар'унъ абулга», долженъ быть окрашенъ въ тотъ цвѣтъ, какой имѣетъ лице докшина, которому онъ приносится. Онъ оканчивается на вершинѣ своей фигурой солнца, луны и нада, по угламъ имѣетъ изображеніе пламенѣющаго огня, на сторонахъ же украшается цвѣтками, а въ срединѣ долженствовуетъ имѣть букву, почитаемую за букву такъ называемыхъ «сердечныхъ тѣрни» докшина. Такъ какъ нѣкоторые изъ докшитскихъ баліновъ одинаковы по своему вѣшнему виду, то по этой именно буквѣ и можно узнать какому изъ докшитовъ назначенъ балінъ, потому что буква «сердечныхъ тѣрни» у каждаго изъ докшитовъ различна. Впрочемъ опредѣленіе докшитскаго баліна можетъ быть совершенно еще и по количеству окружающихъ его малыхъ баліновъ, которые назначаются въ жертву сотрудникамъ (ну-хуръ), сопутствующимъ докшину и число которыхъ у каждаго докшина различно (такъ, у Гѣмбо ихъ 75, у Махагалы 62 и т. д.). Третій балінъ, назначаемый также въ жертву докшину, не имѣетъ у себя никакихъ украшеній и всегда бываетъ коричне-

ваго цвѣта. По тибетски онъ называется «шатакъ марчжй», что значитъ, какъ мнѣ передавали, — балійъ плоти и крови. Тайнственное значеніе его — преданіе карѣ докшіна всѣхъ враговъ и препятствій вѣры и добродѣтели, а потому у основанія этого баліна кладутся изображенія человѣческихъ ногъ (отъ лядвй до пяты), рукъ (отъ плечевой кости до оконечности кисти), языка, сердца и мозга, какъ главнѣйшихъ факторовъ всякой дѣятельности человѣка. Балійъ этотъ, по окончаніи служенія докшітамъ сжигается на кострѣ за стѣнами монастыря и никогда не можетъ быть ни раздѣленъ между вѣрующими, какъ два другихъ баліна, ни оставленъ при кумирнѣ, какъ это часто дѣлается съ баліномъ «цзамбутибѣйнъ шалсѣй». Правила «гар'унъ абулгъ» предписываютъ какъ готовить баліны, такъ и содержать ихъ въ особенной чистотѣ и на этомъ основаніи на нихъ не позволено даже дышать человѣку: приготовляющіе баліны, приносящіе ихъ въ хуралъ и ставящіе ихъ на особый столикъ посреди кумирни надѣваютъ поэтому на ротъ особую волосяную сѣтку, называемую у Монголовъ «халхабчй», а у Бурятъ «хабуръ». По окончаніи служенія, два первыхъ баліна раздѣляются между молящимися и служащими ламанами.

Внѣшнія тѣлодвиженія, входяція въ составъ служенія докшітамъ, относятся, какъ было уже сказано, или къ одному только первостоятелю, или исполняются всѣми служащими. Къ числу первыхъ принадлежатъ: кропленіе жидкости изъ габалы въ жертву Чойчжину; кропленіе аршаномъ освящаемого баліна и наконецъ болѣе сложныя тѣлодвиженія, съ которыми должны быть перечисляемы приносимыя въ жертву докшітамъ семь предметовъ, помѣщаемыхъ въ цугудѣ. Такъ указаніе на первый изъ нихъ *ардамъ* соединяется съ троекратнымъ движеніемъ въ воздухѣ распростертыми ладонями рукъ, какъ бы подгребающихъ къ себѣ воду; второй — *бадймъ* — движеніемъ въ воздухѣ распростертой, правой ладони съ правой стороны къ лѣвой, похожимъ на то, которое употребляетъ человѣкъ, когда плещетъ водою; третья жертва «буйбй», подъ которою разумѣется цвѣтокъ или растеніе, внѣшнимъ образомъ выражается бросаніемъ вверхъ нѣ-

сколькихъ зеренъ съ блюда, поставляемаго для этой цѣли передъ настоятелемъ; четвертая — *дѹйбэ*, т. е. благовонное куреніе, выражается поднятіемъ вверхъ указательныхъ пальцевъ обонхъ рукъ, тогда какъ всѣ остальные четыре пальца должны быть пригнуты къ ладони; пятая — *алонй*, т. е. лампада выражается такимъ же поднятіемъ вверхъ двухъ большихъ пальцевъ съ пригнутіемъ къ ладони всѣхъ остальныхъ; шестая — *іаньди*, или благовонная вода выражается приложеніемъ распростертой правой ладони къ правому уху, а лѣвой къ груди; седьмая — *ньибди* выражается какъ бы указательнымъ движеніемъ рукъ, при чемъ обѣ онѣ должны имѣть согнутыми большой и указательный палецъ такъ, чтобы образовать собою кругъ и распростертыми, или выпрямленными три остальные; наконецъ при указаніи на восьмую жертву — *шабда*, т. е. музыка, ламы берутся за музыкальные инструменты и играютъ на нихъ. Должно замѣтить, что такъ какъ исчисленіе этихъ восьми жертвъ не входитъ въ составъ молитвъ къ нѣкоторымъ изъ чойчжиновъ, то естественно, что при совершеніи нѣкоторыхъ докшѣтскихъ хураловъ и самыя тѣлодвиженія эти совершенно опускаются. Тѣлодвиженія, общія для всѣхъ служащихъ суть во 1-хъ хлопанье въ ладоши; во 2-хъ хлопанье въ щелчокъ. Первое употребляется тогда, когда въ молитвѣ къ Чойчжину, просятъ его объ искорененіи зла; напр. въ докшѣтскомъ хуралѣ въ честь Махагальы:

«Все непотребное во всѣхъ странахъ сокруши!» (ударъ правою ладонью лѣвой).

«Уничтожь!» (ударъ правою ладонью лѣвой).

«Укроти!» (ударъ правою ладонью лѣвой).

«Совершенно укроти!» (ударъ лѣвою ладонью правой).

При ударѣ въ щелчокъ произносятся тѣрни докшѣтовъ. Наконецъ возношеніе баліна, поднятіе его кверху и круженіе въ воздухъ совершается особою личностью (ᠪᠠᠯᠢᠨᠠ), которая приготовляетъ балінь, вносить его въ кумирню и стоитъ при немъ неотлучно во все время его освященія и принесенія въ жертву.

Служеніе докшѣтамъ начинается обыкновенно чтеніемъ ко-

юткаго мактала какому либо изъ идѣмъ бурхановъ, по большей части Ямѣндагъ, или Хайнкирвѣ. Такъ какъ образецъ мактала уже былъ представленъ въ отдѣлѣ раисаловъ, то я предлагаю здѣсь только образецъ служенія докшити Чжамсарану того самаго, которое ежедневно совершается въ Ургѣ. Вотъ переводъ этого чтенія со всѣми правилами, по которымъ оно должно исполняться:

«Приносящіе балинъ хуварѣки передъ началомъ служенія должны ствуютъ прежде всего созерцать Чжамсарана, т. е. мысленно прочитать тарни: «омъ-ма-хумъ-сваха» и представить себѣ все пространство міра пустымъ. Въ пространствѣ этой пустоты они должны представить себѣ безграничное море изъ человѣческой и лошадиной крови, въ которомъ трехугольникомъ волнуются волны; въ самой срединѣ этихъ волнъ — четырехугольную мѣдную гору и на вершинѣ ея, какъ бы въ нѣсколько рядовъ настланный коверъ, падму, солнце, человѣческій и лошадиный трупъ, а на нихъ Чжамсарана. Онъ имѣетъ одно, красное лицо и двѣ руки. Въ правой рукѣ, испускающей пламя, онъ держитъ мѣдный мечъ, упирался имъ въ небо, — этимъ мечемъ онъ посягаетъ жизнь нарушающихъ обѣты. На лѣвой локтевой кости у него повѣшены лукъ и стрѣлы, а въ самой рукѣ онъ держитъ сердце и почки враговъ вѣры; подъ лѣвой мышкой онъ прижалъ кожанное, красное знамя. Ротъ страшно открытъ, четыре острые клыка обнажены, онъ быстро движетъ языкомъ, имѣетъ три глаза и страшно гнѣвный видъ. Брови и усы его пламенѣютъ какъ огонь при концѣ міра; желто-красновато-темные волосы заплетены въ косу. Онъ коронованъ янтюю человѣческими черепами. На немъ надѣты подъ пизомъ мѣдный панцырь, а сверху красная, шелковая одежда, на ногахъ красные сапоги съ желтыми голенищами. Правая нога у него согнута, а лѣвая выпрямлена въ позу пляски. Стоитъ онъ среди пламенѣющаго огня премудрости. По правую сторону этого бурхана должно представить стоящую Ухитъ-тэнгри. Она имѣетъ три лица: красное лицо, синеватое лицо и лицо цвѣта кожи, только что снятой съ животнаго (блѣдно-розовое). Всѣ три лица съ зубами бѣлыми,

какъ раковина, съ изумрудными бровями и огненными волосами, украшенными яшмою и лазурикомъ; на ушахъ привѣшаны золотыя серьги. Она должна быть нагая, а въ лицѣ и глазахъ ея изображается страстное пожеланіе. Въ правой рукѣ ея находится поднятый на враговъ вѣры мѣднѣй мечъ, а въ лѣвой—желѣзный гвоздь, приколачивающій къ одному мѣсту препятствія (къ спасенію). На лѣвой сторонѣ Чжамсарана долженъ быть представленъ бурханъ—Амійнъ эцзѣнъ (владыка жизни) съ однимъ лицомъ и двумя руками. Правою рукою онъ поднималъ красное копье; лѣвою—держитъ дьявольскую сѣть (ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ), которую бросаетъ на враговъ вѣры. Онъ одѣтъ въ шлемъ и панцырь и сидитъ на бѣшеномъ волкѣ. Ночью онъ развѣзжаетъ на этомъ волкѣ и призываетъ къ добродѣтели враговъ вѣры и препятствія. По десяти странамъ отъ этихъ бурхановъ должно расположить восемь небесныхъ меченосцевъ (ильдучи) и двадцать одного божественнаго налача (иргачи); всѣ они краснаго цвѣта и каждый имѣетъ въ правой рукѣ поднятый мѣднѣй мечъ, а въ лѣвой—одни изъ нихъ держатъ гвозди; другіе придерживаютъ закушенные зубами легкое, печень и сердце; нѣкоторые лижутъ мозгъ и кровь сердца; нѣкоторые въ лѣвой горсти зажали мясо и кровь; иные грызутъ кости и высасываютъ мозговые кости; нѣкоторые сдираютъ кожу до краснаго мяса. Всѣ эти смертоносцы (ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ) враговъ вѣры одѣты въ человѣческіе труны и сырыя коровьи кожи. Кромѣ сего должно представить тысячу красныхъ альбиновъ, тысячу шимнусовъ, тысячу ракшасовъ, тысячу якиасовъ и проч. Они окружаютъ Чжамсарана какъ войско, но безчисленности подобное каплямъ воды великаго моря. У всѣхъ бурхановъ, восьми меченосцевъ, и двадцати одного божественнаго налача должно представить на головѣ букву *омъ*, на горлѣ *ма* и на сердцѣ—*хумъ*.

Когда всѣ присутствующіе въ хуралѣ ламы утверждаютъ въ своихъ мысляхъ это созерцаніе, можно начинать молитву. Вотъ ея текстъ:

«Призываю на одно мгновеніе испускающихъ свѣтозарные лучи изъ *хумъ* своего сердца Чжамсарана и его сподвижниковъ

«Возношу эти жертвы явные и тайныя Чжамсарану съ товарищами; примите и исполните мои потребности. Омъ-раг-ма-бар-на-са-ва-ри-ва-ра-ар-гамъ-бра-ди-ца-сва-ха».

«Такимъ образомъ стоящія на жертвенномъ столѣ: воду омовенія ногъ, воду омовенія лица, цвѣты, куреніе, лампаду, благоговіе, яства (при этомъ перечисленіи поименованіе каждой жертвы сопровождается вышеуказанными тѣлодвиженіями), музыку (игра на музыкальныхъ инструментахъ); а равно предметы, служащіе къ удовлетворенію пожеланій лица, голоса, обонянія и вкуса возношу я въ жертву Вачіръ-бакшѣ и тэнгріямъ хранителямъ, а особенно яшнѣ Чжамсарану и его сподвижникамъ.

«Мясо и кровь, пятисортный рапшанъ и балинъ, сдѣланный изъ муки и масла — губительные красные палачи съ своими сообщниками кушайте! Омъ-раг-ма-я-ра-манъ-ха-я-ба-линъ-та-гарангъ-ха-хи-ха-хя.

«Чтобы порадовать Чжамсарана и его сподвижниковъ чествую ихъ великимъ моремъ разной крови. Омъ-ма-хумъ (настоятель приподнимаетъ наполненную кровью габалу и троекратно вращаетъ ее въ воздухъ).

«Поклоняюсь яшнѣ Чжамсарану съ его сподвижниками, благоговѣю предъ ними тѣломъ, языкомъ и мыслию.

«Возношу различныя жертвы явные — вѣшныя и сокровенныя — внутреннія.

«Раскаиваюсь въ порокахъ, которые противны душѣ моей.

«Последую радостно по пути бѣлыхъ добродѣтелей.

«Созвольте наставить меня на дѣла четырехъ родовъ (འཇགས་སྒྲིལ་པའི་ལྟུང་པ་).

«Ради блага одушевленныхъ существъ направьте на путь истины ноги мои.

«Бурханъ, стремлюсь порадовать тебя своими добродѣтелями.

«Хранитель, яшнѣ Чжамсаранъ, вмѣстѣ съ сподвижниками, порадовавшись моей вѣрѣ, не гнѣвайтесь на все грѣховное, что я сдѣлалъ и на все несогласное съ священнымъ ученіемъ, совершенное мною по невѣденію, но, почитая все это за дѣянія младенческія, потерпите!

несравненному богатырю, обладающему видомъ страшнымъ до того, что на него нельзя смотрѣть, сему возношу я хвалы и поклоняюсь.

«Величественный Чжамсаранъ, силою могущества твоего существа, порѣши злобныхъ враговъ и вредоносныя препятствія, которые устремляются на мое йогапцари'ское существо!

«Имѣющему слово величественнѣйшее и возвышеннѣйшее, жестокое и до безконечности страшное, сему возношу я хвалу и поклоняюсь.

«Величественный Чжамсаранъ, силою могущества твоего слова, порѣши злобныхъ враговъ и вредоносныя препятствія, которыя устремляются на мое йогапцари'ское слово!

«Обладающему мыслью милосерднѣйшею, необычайно быстрою, поспѣшною и дающею твердое успокоеніе, сему возношу я хвалу и поклоняюсь.

«Величественный Чжамсаранъ, порѣши силою могущества твоей мысли злобныхъ враговъ и препятствія, устремляющіеся на мою мысль.

(За тѣмъ слѣдуетъ произнесеніе чжамсарановыхъ тѣрни при звукахъ колокольчика у настоятеля и щелчковъ у прочихъ служащихъ): «Омъ-вар-на-ад-ма-чира-пу-ра-хлу-ки-да-сар-ва-мадъ-рунъ-марья-хомъ-падъ.

(Тѣрни супруги Чжамсарана при тѣхъ же отытникахъ тѣлодвиженіяхъ): «Омъ-раг-ма-я-ма-цзи-да-цза-ла-рамъ-бра-ди-дп-ва-хонъ-са-раг-ла-я-ма-цзи-да-сар-ва-шадъ-рунъ-марья-хомъ-падъ.

(Прочитавъ эти тѣрни возможно большее число разъ, продолжаютъ):

«Языки хранителя священнаго ученія и его сподвижниковъ, сдѣлавшись обладающими трубкою красно-алмазнаго цвѣта, выходящаго изъ хумъ, вытянули и скушали всю эссенцію баліна. «Омъ-раг-ма-а-вар-на-ад-ма-са-вар-гри-ва-ра-сар-ва-бан-цза-шадъ-рунъ-и-дамъ-ба-линъ-ха-ха-ха-хи-ха-хи.

(Прочитавъ эти тѣрни семь разъ, приподнимаютъ кверху баліны и въ это время читаютъ):

Пребывающій въ индѣйской странѣ Сюльдѣ тэнгри, пребывающій въ царствѣ Ли хранитель священнаго ученія, слушающій словеса Махадэвы, Якшѣ, одѣтая въ красный панцырь Ухнѣ-тэнгри, краснолицыя, прекращающіе жизнь, небесныя палачи и весь сонмъ геніевъ хранителей, всѣ вы, вкусивъ этого баліва, краснаго мяса и крови, сохраняйте вѣру будды, возвышайте ликъ драгоцѣнностей, и продлите во вѣки вѣковъ свѣтъ ламства. Меня, йоганцари, до тѣхъ поръ пока не сдѣлаюсь я буддою, избавляйте отъ препятствій и всего, что служить поводомъ къ препятствіямъ и содѣйствуйте къ исполненію мною всѣхъ, согласующихся съ истиною дѣяній. Всѣ враждебныя силы и препятствія, согласно своихъ строгихъ и жестокихъ законовъ, сдѣлайте прахомъ, подобнымъ тончайшимъ пылинкамъ пепла.

«Стоящій на престолѣ, составленномъ изъ круговъ пѣды, солнца и труповъ человѣческаго и лошадинаго, высокій повелитель якшасовъ, имѣющій цвѣтъ бадма-раги, держащій два меча въ обоихъ рукахъ, держащій лукъ, стрѣлы, легкія и сердце, прижавшій подъ мышкою красно-знаменное копье, подогнувшій правую ногу и вытянувшій лѣвую, открывшій ротъ и обнажившій клыки, имѣющій три глаза на своемъ страшномъ лицѣ, завязавшій въ косу свои желто-темные волосы, возложившій на себя корону изъ череповъ и четки, надѣвшій красно-желтые сапоги, величественный богатырь, одаренный лицомъ, на которое невозможно смотрѣть, тебя восхваляю я!

Стоящую по правой сторонѣ отъ тебя Ухнѣ-тэнгри, которая держитъ въ своихъ рукахъ мечъ и гвоздь, имѣетъ синеватое тѣло и красноватое лицо, — восхваляю я!

«Стоящаго по лѣвую сторону отъ великаго якшѣ владыку жизни, надѣвшаго красный кожаный панцырь и шлемъ, держащаго копье и сѣть, сѣвшаго на бѣшенаго волка и посякающаго препятствія и враговъ вѣры восхваляю я!

«Наконецъ, исполняющихъ повелѣнія твои (Чжамсаранъ) восемь докшйтовъ-меченосцевъ и двадцать одного палача, альбиновъ, шимвусовъ, якшасовъ, ракшасовъ и тайринговъ, все сонмище твоихъ сподвижниковъ восхваляю я!

«Вы же всѣ высокородные, сохраняя святую вѣру, сдѣлайте блаженными одушевленныхъ существъ и, утверждая стопы ламства, увеличивайте стремленіе къ добродѣтели.

«Побуждайте всѣхъ живыхъ существъ возвеличивать вѣру, возвышать и чествовать ламъ; будьте моею опорою; увеличьте гѣта моей жизни и мои душевныя добрыя качества; истребите все препятствующее къ доброй жизни и расширьте все, способствующее ей; уничтожьте ненавистныхъ враговъ, а въ особенности тѣхъ, которые ограничиваютъ распространеніе вѣры и святости буддйской.

Настало время обѣтовъ.

Величественнымъ Ямандагъ и Чжамсарану съ товарищами ихъ заказываю я: поступайте согласно вашимъ клятвамъ! Царь хранителей-якшасовъ, мать краснолицая, владыка жизни, восемь свирѣпыхъ меченосцевъ, страшные палачи, вы, сонмъ, связанный обѣтами, увеличьте свою энергію! Грѣховные враги, поставляя препятствія ламству, держатся еретическаго ученія; поставляя препятствія священному ученію, не признаютъ трехъ драгоценностей; приводя въ смятеніе хувараконъ, мѣшаютъ исполнять великую яну; поставляя препятствія изучающимъ тѣрни, побуждаютъ ихъ преступать обѣты; поставляя препятствія къ исполненію высокихъ буддйскихъ заповѣдей, приносятъ зло одушевленнымъ существамъ.

«Покажите имъ свою силу и спасите спасительные! Ниспославъ свыше шимбусовъ, дѣйствующихъ ножами (མཁུ་མུ་མུ་) и наводя на нихъ (т. е. на враговъ) ужасъ, покажите многія знаменія, схватите ихъ сѣтью, пригвоздите своими гвоздями, перерубите своими мечами, прострѣлите своими стрѣлами, пронзите своими копьями, высосите ихъ сердце; но, заставивъ ихъ покончить свое настоящее, злое существованіе, спасите ихъ души! Давшіе обѣты небесные палачи, прекратите жизнь этихъ злобныхъ враговъ, плоть, кровь и кости ихъ кушайте своимъ ртомъ. Въ древности вы, предъ могущественнымъ Вачиръ-даръ дали твердое обѣщаніе порѣшить враговъ вѣры и препятствія къ до-

Окончаніемъ этой молитвы оканчивается и докшитскій хуралъ. Ламы встаютъ съ своихъ мѣстъ, выходятъ изъ кумирни и, обошедши ее посполомъ три раза, расходятся по домамъ. Въ кумирнѣ остается одинъ только джама, да два гэгѹля, предварительно назначаемые гэгбѹемъ въ пособники джамѣ. По уходѣ ламъ, джама беретъ балинъ шатакъ-марчжй и выноситъ его за монастырскую ограду, на западную сторону монастыря, при чемъ его сопровождаютъ, а иногда и поддерживаютъ подъ руки, два его пособника. Послѣдніе, тотчасъ же по прибытіи на урочное мѣсто, раскладываютъ небольшой костеръ, въ который джама бросаетъ балинъ. Жертва, на половину состоящая изъ масла, сгораетъ очень скоро и ламы возвращаются домой, уже сполна закончивъ этимъ сожженіемъ служеніе докшитскаго хурала.

Таковъ въ общихъ чертахъ составъ малыхъ и великихъ хураловъ, т. е. богослуженій, которыя можно видѣть каждый день въ общежительныхъ монастыряхъ буддійскихъ. Кромѣ рапсаловъ и служенія докшитовъ является еще болѣе частымъ въ буддійскихъ обителяхъ служеніе, извѣстное подъ именемъ «Туй ургуху», (отъ тиб. ཐུག་) или сполна по монгольски «Ухіяль ургуху», — что значитъ «возношеніе омовенія». Специальная цѣль этого хурала есть приготовленіе расайны, или, какъ говорятъ монголы, аршана, имѣющаго значеніе нашей святой воды и постоянно употребляемаго буддистами въ жизни. Хуралъ этотъ въ большихъ монастыряхъ, гдѣ аршана расходится много, совершается ежедневно, а въ малыхъ — смотря по нуждѣ въ аршанѣ. Дѹмба не назначаетъ для совершенія этого хурала ни мѣста, ни дня, ни времени, ограничивая только то, что послѣдованіе «Туй ургуху» не можетъ соединяться въ одно съ служеніемъ докшитовъ; на этомъ то основаніи разсматриваемый хуралъ совершается всегда или непосредственно слѣдуя за чтеніемъ рапсала «Ламайнъ тахиль». Хуралъ «Туй ургуху» отличается также своею торжественностью: какъ и служеніе докшитама онъ исполняется при звукахъ музыкальных орудій; что же касается молитвы, входящей въ со-

ставъ этого хурала, то ее можно раздѣлить на три части. Первая—заключаетъ въ себѣ сначала прошеніе объ очищеніи грѣховъ всѣхъ присутствующихъ въ хуралѣ, которые могли совершить они тѣломъ, языкомъ и мыслью; а потомъ призваніе буддъ придти и, ради блага одушевленныхъ существъ, вселиться въ кумиры, стоящіе въ хуралѣ (འོ་སྐད་ཀྱི་བུ་རྒྱུ་མཆོག་པོ་ལ་ཕེབས་ཤིང་། རྟེན་གྲུབ་ཀྱི་ཡུལ་ལ་ཕེབས་ཤིང་། སྐུ་འཁྱུར་པོ་ལ་ཕེབས་ཤིང་། རྩམས་པའི་ཡུལ་ལ་ཕེབས་ཤིང་། རྩམས་པའི་ཡུལ་ལ་ཕེབས་ཤིང་།). Вторая часть молитвы заключаетъ въ себѣ воспоминанія обо всякаго рода омовеніяхъ, начиная съ того которое поднесъ Хормуста Шигэмунію при его рожденіи, а равно исчисленіе могущественныхъ свойствъ буддъ съ просьбою, чтобы чрезъ посредство аршана были преподаны эти свойства и одушевленнымъ существамъ. Наконецъ въ третьей части—излагается благодарность буддамъ, перечисляются всѣ жертвы приносимыя въ хуралѣ въ знакъ этой благодарности и возсылается похвала могущественнымъ свойствамъ аршана. Ламы къ совершенію этого служенія являются въ своихъ обычныхъ костюмахъ; необходимыми же принадлежностями хурала «Туй үргүхү» являются во 1-хъ Толи (ཏོ་ལི), во 2-хъ бумба (тиб. བུམ་པ་), въ 3-хъ Куцэ или Дзавья (འཇམ་) и въ 4-хъ мандалъ, иногда замѣняемый особымъ блюдомъ, специально для сего дѣлаемымъ и имѣющимъ тибетское имя «Туй-шонь» (བུམ་པ་ཤོན་), или по монгольски «ухиял'унъ табакъ» (или འཇམ་པོ་ལ་ཕེབས་ཤིང་། блюдо омовенія). Передъ началомъ служенія посреди кумирни и прямо противъ бурхановъ поставляются всѣ эти принадлежности на особомъ столѣ. Когда окончится чтеніе первой части молитвы, четыре ламы встаютъ со своихъ мѣстъ: одинъ изъ нихъ поднимаетъ толи передъ бурханами такъ, чтобы въ лакированной поверхности его отпечатлѣлись ихъ лики; другой беретъ дзавья, наполненный чистою водою; третій держитъ подъ поднятымъ толи ухиял'унъ табакъ; а четвертый имѣетъ въ рукѣ хадакъ, или же особый, употребляемый при служеніи Туй, чистый, шелковый платокъ (тиб. བུམ་པ་ཤོན་). Во время чтенія второй части молитвы,

вещей посредствомъ кропленія ихъ этимъ аршаномъ; в) для освященія цзур'уковъ бурхановъ; с) для омовенія рта послѣ принятія мантры ламами и проч. Простолюдныя берутъ аршанъ изъ монастырей также въ изобиліи и употребляютъ его совершенно такъ, какъ православные—святую воду. Въ Ламримѣ, составленномъ Цзонхавдою, говорится, что возношеніе «Туй» должно быть совершаемо «въслѣдствіе увеличившихся препонъ къ исполненію существами добрыхъ дѣяній (ཀློག་ཅི་བྱས་པ་དང་རྒྱུན་མཆོག་གི་འཕྲོད་ཀྱིས་ཅི་བྱས་པ་); тамъ же излагаются значеніе и свойства аршана, именно: «аршанъ, низпустившись по отраженіямъ частей тѣла всѣхъ буддъ и основныхъ ламъ (ундус'унъ-лама) и будучи воспринятъ одушевленными существами, освящаетъ тѣло и душу; равно и въслѣдствіе омовенія имъ очищаются грѣхи, совершенныя отъ безначальнаго времени, всякія препоны и болѣзни; тѣло исполняется истинныхъ свойствъ чистѣйшаго и яснаго свѣта, лѣта жизни умножаются, увеличивается стремленіе къ добродѣтели, а равно способность разсудочная и всякаго рода достоинства. (ཉམས་ཐེག་པའི་ལཱ་ཡི་ཁྱེད་ཀྱིས་ཤིག་ཏུ་བྱས་པའི་ཀློག་ཅི་བྱས་པ་དང་རྒྱུན་མཆོག་གི་འཕྲོད་ཀྱིས་ཅི་བྱས་པ་ " བྱེད་པའི་ཀློག་ཅི་བྱས་པ་དང་རྒྱུན་མཆོག་གི་འཕྲོད་ཀྱིས་ཅི་བྱས་པ་ " བྱེད་པའི་ཀློག་ཅི་བྱས་པ་དང་རྒྱུན་མཆོག་གི་འཕྲོད་ཀྱིས་ཅི་བྱས་པ་ " (Бодн мур'унъ цэргэ. I. 79—82).

Оканчивая этимъ изложеніе обыденныхъ малыхъ и великихъ хураловъ, я перехожу теперь къ одному богослуженію, совершаемому также въ теченіе круглаго года, но уже положительно спеціальному и по своему составу и по своей цѣли. Я хочу говорить о Сочжинѣ, совершаемомъ ламами во всѣхъ монастыряхъ Монголіи 15-го и 30-го числа каждаго мѣсяца. Въ наставленіи

ଶ୍ରୀ ୨ ଓ ଶ୍ରୀ ୩ରୁ ଶ୍ରୀ ୪ ଯାଏଁ ଶ୍ରୀ ୫ ଯାଏଁ " ଶ୍ରୀ ୬ ଯାଏଁ ଶ୍ରୀ ୭ ଯାଏଁ
 ଶ୍ରୀ ୮ ଯାଏଁ ଶ୍ରୀ ୯ ଯାଏଁ " ଶ୍ରୀ ୧୦ ଓ ଶ୍ରୀ ୧୧ ଯାଏଁ ଶ୍ରୀ ୧୨ ଯାଏଁ
 ଶ୍ରୀ ୧୩ ଯାଏଁ "

ਅਧਿਕਾਰੀ ਦੇ ਹਿੱਸੇ ੨ ਨੂੰ ਸਮਝਣਾ ਸਹੀ ਹੈ ਕਿ ਇਹ ਸਮਝਣਾ ਹੈ ਕਿ
ਸਮਝਣਾ ਹੈ ਕਿ ਇਹ ਸਮਝਣਾ ਹੈ ਕਿ ਇਹ ਸਮਝਣਾ ਹੈ ਕਿ ਇਹ ਸਮਝਣਾ ਹੈ ਕਿ ਇਹ ਸਮਝਣਾ ਹੈ ਕਿ

для ламъ, извлеченномъ изъ Дүльбы, говорится, что «Сочжинъ (ཤེན་མེད་ монг. *shen med*) должно начинать съ 16-го числа 1-го лѣтняго мѣсяца и оканчивать 15-го числа послѣдняго лѣтняго мѣсяца; затѣмъ начинать снова 16-го числа послѣдняго лѣтняго мѣсяца и оканчивать 15-го числа средней осенней луны; снова начинать 16-го числа средней осенней луны и оканчивать 15-го числа 1-й зимней луны; снова начинать 16-го числа первой зимней луны и оканчивать 15-го числа послѣдней зимней луны; снова начинать 16-го числа послѣдней зимней луны и оканчивать 15-го числа средней весенней луны; снова начинать 15-го числа средней весенней луны и оканчивать 15-го числа перваго лѣтняго мѣсяца». (Аяга тахимлигунъ сурталъ, Л. 42). По этому правилу, которое, замѣтимъ кстати, составляетъ дословную выписку изъ Дүльбы, казалось бы, что служеніе Сочжина должно было совершаться ежедневно въ теченіе всего года; очень можетъ быть, что оно и совершалось такъ въ древнее время; но, какъ было уже сказано выше, во всѣхъ монастыряхъ Монголіи оно совершается теперь только 15-го и 30-го числа каждаго мѣсяца и настоящіе ламы говорятъ, что оно именно такъ и должно совершаться на основаніи того предпочтенія, которое высказываютъ буддійскіе вѣроучители къ указаннымъ числамъ. Сочжинъ буквально значить «очищаться» и подъ этимъ именемъ разумѣется то богослуженіе, въ которомъ ламы приносятъ покаяніе въ грѣхахъ, сдѣланныхъ ими въ предыдущіе пятнадцать дней. Въ служеніи Сочжина участвуютъ только гэлүны и гэнцүли, банди же не принимаютъ въ немъ участія, какъ имѣющіе еще не совершенные обѣты. Служеніе это не ограничивается временемъ: оно можетъ быть отпразднено и по утру, и въ полдень, и вечеромъ, и глубокую полночь (подъ день новаго года оно именно въ полночь и совершается ламами). Истинный характеръ его дышетъ тяжелымъ смиреніемъ и удручающею нищетою духа и тѣла, хотя теперь многое уже измѣнилось при исполненіи.

Въ Ургѣ, въ обыкновенное годовое время Сочжинъ совершается около полудня, спустя часъ или полтора послѣ окончанія докшйтскаго хурала, однимъ словомъ, спустя такое время, въ ко-

торое ламы могутъ нѣсколько отдохнуть и надѣть на себя «духовныя одежды», исключительно усвоенныя служенію Сочжина. Одежды эти суть:

1) *Иранга* — (одежда, названіе которой монголы заимствовали отъ тиб. ཨྲང་ཁག་པ།, а сами зовутъ =ᠠᠷᠠᠩᠭ᠎ᠠ) родъ кофты безъ рукавовъ, низпускающей до поясицы и надѣваемой прямо на голое тѣло. Иранга не имѣетъ застѣжекъ и запахивается правою полою поверхъ лѣвой. Она должна быть сшита изъ трехъ матерій разныхъ цвѣтовъ: коричневый воротникъ ея и такого же цвѣта наплечники должны имѣть по три вершка ширины каждый. Передняя сторона кофты въ бокахъ сшивается изъ двухъ кусковъ матеріи желтаго цвѣта съ продольною вставкою между ними куска матеріи краснаго цвѣта; спинка кофты дѣлается опять таки изъ трехъ отдѣльныхъ полосъ: двухъ желтыхъ по краямъ и одной, проходящей въ срединѣ ихъ, продольной, красной. Оконечности полъ, прикрывающія грудь, должны состоять изъ трехъ трехугольниковъ, а подъ мышками вшиваются еще ластовицы. По объясненію монгольскихъ ученыхъ ламъ, иранга вошла въ употребленіе у ламъ со временъ Цзонхавы; почему она и не входитъ собственно въ счетъ «духовныхъ одеждъ» (འདྲེན་གྱི་ཁྱེད་པ།), а причисляется только къ числу вещей, употребляемыхъ ламами (འདྲེན་གྱི་ཁྱེད་པ།). Что касается собственно «духовныхъ одеждъ» то происхожденіе ихъ буддисты относятъ ко временамъ Шингэмунія. — Онѣ слѣдующія:

2) *Тангдой* (ཐང་དོ།) и 3) *Шамтабъ* (ཤམ་ཐམ་པ།), по монгольски называемыя «внутъ хормокчій». Обѣ эти одежды одинаковы по своему покрою. Онѣ имѣютъ видъ плаща, долженствующаго быть продолговатымъ на столько, чтобы имъ свободно можно было обвернуться два раза, а по длинѣ имѣющаго доходить отъ сосковъ груди до пятъ. Какъ тангдой, такъ и шамтабъ сшиваются изъ одиннадцати кусковъ матеріи краснаго цвѣта: десять отдѣльныхъ кусковъ должны быть сначала сшиты по два и образовать собою пять отдѣльныхъ полосъ, а потомъ въ свою очередь сшиваются эти пять полосъ и такимъ образомъ представляютъ собою

продолговатый платъ; вся эта одежда наконецъ окаймляется по краямъ послѣднею, одиннадцатою полосою, которая имѣетъ ширины одну четверть, а длиною должна быть такова, чтобы окаймить ею весь платъ. При одѣваніи этихъ одеждъ, ламы обвертываютъ ими нижнюю часть тѣла, начиная съ груди и притомъ тангдѣмъ обвертываются, начиная съ передней стороны, а шамтѣбомъ — съ задней. Такъ какъ ни тангдѣй, ни шамтѣбъ не имѣютъ на себѣ ни какихъ застежекъ, то они сдерживаются на тѣлѣ узкою лентою, — гаракъ (отъ тибет. གྲུ་པ་ལྔ་པ་), которою лама опоясывается у нижней части груди и которая сдерживаетъ такимъ образомъ какъ ирангу, такъ равно и тангдѣй съ шамтѣбомъ. Величина гарака въ ширину не опредѣляется правилами, въ длину же онъ долженъ быть такимъ, чтобы одѣвающийся могъ обернуться имъ три раза.

Одеждами, покрывающими верхнюю часть тѣла при служеніи Сочжйна, являются:

4) *Оркимчжй*, (ᠣᠷᠻᠢᠮᠴᠢᠵᠢ отъ тиб. འཕྲུལ་པ་ལྔ་པ་, что соответствуетъ монгольскому ᠣᠷᠻᠢᠮᠴᠢᠵᠢ), это — покрывало, дѣлаемое изъ одного куска матеріи желтаго, или краснаго цвѣта. Оно должно имѣть пять локтей въ длину и три локтя въ ширину. Оркимчжи, какъ мы уже знаемъ, надѣвается на лѣвое плечо и долженъ служить проходить подъ правою мышкою. По тибетски оно называется «Зул-занъ», отъ словъ «зуль» — потъ и «занъ» — предохранять; этими словами характеризуется и назначеніе этой одежды, т. е. служить для предохраненія лагдѣй отъ пота.

По верхъ окримчжй надѣвается 5) *Лагдѣй* (ལྷན་པ་, называемый по монгольски ᠯᠠᠭᠳᠡᠢ). По ширинѣ и длинѣ своей лагдѣй совершенно равняется оркимчжй и, подобно этой послѣдней одеждѣ, набрасывается на лѣвое плечо. Лагдѣй состоитъ изъ двадцати одного квадратныхъ клона, сшитыхъ по три въ рядъ. Семь образовавшихся такимъ образомъ полосъ сшиваются вмѣстѣ и вставляются въ четырехугольную рамку изъ той же матеріи.

Пять выше названныхъ одеждъ принадлежатъ одинаково

всѣмъ служащимъ сочжйнъ, шестая же *Намчжаръ* (མཚན་མཚན་), носящая у монголовъ санскритское имя *Каридъ* (करीड) *дэбэль*, усвоена исключительно принявшимъ обѣты гэлүна. Намчжаръ служитъ прикрытіемъ на все тѣло и представляетъ собою платъ, величина котораго подобно лагю и оркимчжй равняется въ длину пяти локтямъ, а въ ширину — тремъ локтямъ. Сшиваемый изъ цѣльнаго куска матеріи, намчжаръ почти весь состоитъ изъ поперечныхъ складокъ (མཚན་མཚན་), которыя скрѣпляются одна съ другою посредствомъ продольно положенныхъ клочковъ (མཚན་མཚན་) той же матеріи. Смотра по количеству этихъ поперечныхъ складокъ и схватывающихъ ихъ, продольно нашиваемыхъ клочковъ, намчжаръ раздѣляется на три вида: большой, средній и малый, а каждый изъ этихъ видовъ въ свою очередь разбивается на три отдѣла. Большіе намчжары имѣютъ у себя по первому отдѣлу двадцать пять поперечныхъ складокъ, по второму — двадцать три, по третьему — двадцать одну складку (མཚན་མཚན་). Эти большіе намчжары должны имѣть у себя по четыре продольныхъ клочка, налагаемыхъ на каждыя двѣ складки для взаимнаго соединенія ихъ между собою. Средніе намчжары имѣютъ у себя 19, 17 и 15 поперечныхъ складокъ (མཚན་མཚན་), долженствующихъ быть сдерживаемыми попарно тремя продольными клочками (མཚན་མཚན་). Наконецъ малые намчжары имѣютъ у себя 13, 11 и 9-ть складокъ, сдерживаемыхъ двумя поперечными клочками. Должно замѣтить однако, что количество складокъ не должно измѣнять собою величины Намчжара и онъ во всякомъ случаѣ долженъ равняться по длинѣ пяти локтямъ, а по ширинѣ — тремъ.

Последнюю принадлежность всѣхъ ламъ, служащихъ сочжйнъ, составляетъ *Дйнва* (тиб. ཇེ་ཇེ་) — коврикъ, называемый по монгольски «*дэбисжэръ*». Онъ дѣлается изъ краснаго полотна и долженъ имѣть въ длину три локтя, а въ ширину два локтя. Посреди Дйнва должна проходить нашивка мѣрою трехъ пальцевъ ширины и полуаршина длины, кромѣ того дйнва имѣетъ еще у себя оторочку, величина которой не опредѣляется правилами. На коврики этомъ ламы должны стоять и сидѣть

правую руку *Ганъ-йикъ*. Это — небольшая круглая палочка, дѣлаемая изъ того же краснаго цѣндана, выточенная также ровно, какъ и гѣнди и имѣющая на своихъ оконечностяхъ изображенія мышинныхъ головъ. Ганъ-йик'омъ лама дѣлаетъ по гѣнди сначала три *шанца*, т. е. три раза проводитъ по гѣнди и какъ бы гладитъ ее, а потомъ ударяетъ отдѣльно три раза и наконецъ дѣлаетъ трижды по тридцать пять ударовъ. Во время этого призыва къ хуралу всѣ ламы должны съобраться передъ дверями кумирни, по обычаю, читая микчжымъ, а по окончаніи его всѣ входятъ въ кумирню.

Служеніе Сочжипа начинается обычнымъ чтеніемъ йорблѣй п цальбарйловъ, по окончаніи которыхъ ламы приступаютъ къ исполненію самаго обряда покаянія. Каждый изъ нихъ раскладываетъ свой *диндѣ* и, ставъ на этотъ коврикъ, прежде всего дѣлаетъ три поклона предъ всею братіею; потомъ всѣ вмѣстѣ, образовавъ кругъ, ламы наклоняются, складываютъ руки на груди и читаютъ краткую молитву къ бодисѣтвамъ десяти странъ, въ которой просятъ ихъ принять покаяніе; наконецъ всѣ садятся на корточки, оставляя голову въ томъ же наклоненномъ положеніи. Первенствующій лама читаетъ громко всѣ обѣты и отрѣченія, даваемые ламами при посвященіи ихъ свачала въ степень гѣцүлѣ, а потомъ гѣлүна, всѣ же прочіе повторяютъ его слова наизусть и такимъ образомъ каждый въ отдѣльности и всѣ вдругъ исповѣдуютъ предъ всѣмъ сонмомъ грѣхи свои. Глядя на такое исполненіе обряда, трудно даже назвать его покаяніемъ: ламы, какъ бы считая себя преступившими *всѣ* обѣты, прочитываютъ ихъ всѣ сполна и такимъ образомъ признаютъ за собою дѣйствительными грѣхи, сдѣланные и несдѣланные; вотъ почему мнѣ и кажется, что хуралу этому гораздо ближе подходитъ названіе не «нигүл'я наманчилахү» т. е. раскаянія въ грѣхахъ, а утвердившееся, по видимому, въ послѣднее время «санварі сальбинъ засахү» (གསལ་བཤམ་), т. е. обрядъ возобновленія (= вторичнаго произнесенія) обѣтовъ; хотя съ другой стороны окончаніе этого чтенія обѣтовъ и походитъ на дѣйствіе покаянія, именно:

по окончаніи чтенія ламами обѣтовъ, первослужащій, обращаясь ко всѣмъ сразу, спрашиваетъ: «признаете ли вы свои грѣхи за дѣянія противузаконныя и вредныя»? — «Признаемъ», — отвѣчаютъ ламы. «Обѣщаетесь ли не дѣлать ихъ впослѣдствіи»? «Обѣщаемся», отвѣчаютъ ламы. Эти вопросы предлагаются отдѣльно по прочтеніи обѣтовъ каждаго класса хуварѣковъ въ виду того, что каждый классъ можетъ участвовать въ этомъ хуралѣ лишь на столько, на сколько онъ къ нему относится. Я уже говорилъ, что служеніе Сочжина начинается обыкновенно всѣми присутствующими въ монастырѣ гэлүнами и гэцүлями; но за симъ гэцүли по прочтеніи своихъ обѣтовъ и по выслушаніи двухъ вышесказанныхъ вопросовъ выходятъ изъ хурала и не имѣютъ права присутствовать при чтеніи обѣтовъ, принадлежащихъ собственно сану гэлүна. Въ свою очередь и гэлүны, прочитавъ свои 253 обѣта, также точно оставляютъ хуралъ и тогда въ немъ остаются только «бодисадуйнъ санвартанъ», т. е. гэлүны, принявшіе на себя обѣты бодисѣтвѣ. Эти послѣдніе, по словамъ ламъ, сверхъ обыкновенныхъ обѣтовъ гэлүна, прочитываютъ еще свои 18-ть основныхъ (коренныхъ) проступковъ ($\text{འཇམ་འཇམ་འཇམ་$) и 46 грѣховныхъ дѣяній ($\text{འཇམ་འཇམ་འཇམ་$); по окончаніи же этого чтенія выходятъ и они, такъ что въ хуралѣ остаются для своего очищенія и поновленія обѣтовъ послѣдніе и высшіе представители буддійской святости на землѣ — «тарнйиъ санвартанъ» Исповѣдью ихъ 14-ти основныхъ проступковъ и 8-ми грѣховныхъ дѣяній оканчивается собственно обрядъ покаянія. Въ чемъ состоятъ эти основные проступки и грѣховныя дѣянія ламъ, принявшихъ обѣты бодисѣтвѣ, равно какъ и ламъ тарнйиъ санвартанъ, мнѣ узнать не пришлось, такъ какъ мои учителя отказывались мнѣ не только объяснять это, но даже и указать изъ какого именно сочиненія могу я получить объ этомъ свѣдѣнія. Окончивъ обрядъ покаянія, ламы, во всемъ своемъ составѣ, снова собираются въ кумирню для продолженія сочжин'скаго хурала, т. е. для чтенія, извѣстнаго у монголовъ подъ именемъ «тэбчиль». Для ознакомленія съ этимъ чтеніемъ, ламы рекомендовали мнѣ сочиненіе «Аягъ тахимлиг'унъ сургаль», знакомство

съ которымъ съ первыхъ же страницъ убѣдило меня, что это есть ничто иное какъ чтеніе извѣстной сутры «Пратимокша», изданной у насъ, въ Россіи, проф. Минаевымъ въ переводѣ съ санскритскаго, а въ Европѣ издававшейся уже нѣсколько разъ. Впрочемъ въ изданіи и употребленіи монгольскихъ ламъ эта сутра очевидно является значительно видоизмѣненной противъ всѣхъ европейскихъ изданій не только въ порядкѣ расположенія своихъ частей, но по мѣстамъ и въ самомъ содержаніи; вотъ почему мнѣ кажется не бесполезнымъ привести хотя бы въ извлеченіи переводъ ея съ монгольскаго. При чтеніи заключающихся въ ней, такъ называемыхъ, *тэбчиль*, т. е. отрѣченій, ламы раздѣляютъ эти отрѣченія на шесть категорій, изъ которыхъ къ первой относятся они проступки, называемые ими «илакдалъ», т. е. *поблуждающіе*, или такіе, которые положительно лишаютъ обѣтовъ. Это четыре проступка, которыхъ нельзя уже ни искупить, ни исправить, — они слѣдующіе:

- 1) Не цѣломудріе.
- 2) Воровство.
- 3) Убийство.
- 4) Ложь и обманъ.

Вторая категорія отрѣченій и грѣховъ называется «үлэкдэль». Эти грѣхи *отпускаемые*, могущіе быть разрѣшенными чрезъ покаяніе. Такихъ грѣховъ считается тринадцать и они слѣдующіе:

5) Грѣхъ испущенія сѣмени, — подъ которымъ разумѣется у монголовъ не только онанизмъ, но и мужеложство во всѣхъ его многообразныхъ видахъ¹⁾.

6) Грѣхъ прикосновенія, т. е. — къ обнаженному тѣлу женщины съ сладострастнымъ пожеланіемъ въ душѣ.

7) Грѣхъ произнесенія прелюбодѣйственныхъ рѣчей; — когда

1) Эта вторая часть толкованія показываетъ, что монголы запрещеніе ᠲᠦᠪᠠᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠭᠤᠨ понимаютъ значительно шире, чѣмъ истолковывается оно у буддистовъ въ Индіи и на Цейлонѣ, (сравни. Минаева Пратим. Сутр., стр. 31-я).

духовное лицо съ сладострастнымъ пожеланіемъ будетъ говорить женщинѣ непристойныя и нецѣломудренныя рѣчи.

8) Грѣхъ—одобрять почитаніе, (*ᠠᠨᠠᠭᠤ ᠠᠨᠠᠭᠤ ᠠᠨᠠᠭᠤ ᠠᠨᠠᠭᠤ*) — когда духовное лицо, съ своекорыстными видами, будетъ восхвалять почитеніе къ ламству вообще и къ себѣ въ частности, увѣряя слушателей, что они будутъ поступать хорошо, если будутъ чествовать его, ламу, и прислуживать ему ¹⁾).

9) Грѣхъ сватовства и сводничества, подъ которымъ разумѣется не только обдуманное и активное участіе ламъ въ сватовствѣ, но даже произнесеніе ими рѣчей, которыя могутъ возбудить въ молодыхъ людяхъ желаніе соединиться брачными узами. Этимъ же правиломъ воспрещается ламамъ и подсылать сватами другихъ людей ²⁾).

10) Грѣхъ постройки своего жилища — на мѣстѣ нечистомъ и въ объемѣ, превышающемъ мѣру, установленную для ламскихъ жилищъ.

11) Грѣхъ большого жилища (*ᠠᠨᠠᠭᠤ ᠠᠨᠠᠭᠤ ᠠᠨᠠᠭᠤ*). По этому правилу воспрещается ламамъ имѣть помѣщенія, подобныя жилищамъ мірскихъ людей. Келья ламы предполагается въ вышину такую, чтобы въ ней, стоя, можно было поднять руки и не зацѣпиться за потолокъ; въ длину и ширину она должна быть такою, чтобы въ ней можно было лечь и вытянуть руки и ноги; чтобы за симъ можно было бы свободно сжимать руки и ноги такъ, чтобы при всѣхъ этихъ движеніяхъ онѣ не задѣвали бы за

1) По «Пратимокшѣ Сутрѣ», изданной Минаевымъ, этотъ проступокъ является также истолкованнымъ уже, а именно, подъ нимъ разумѣется исключительно то обстоятельство, когда духовный станетъ восхвалять передъ женщиной служеніе плотскимъ страстямъ съ цѣлю воспользоваться ея довѣрчивостью и простотою. Такимъ образомъ упомянутое сочиненіе въ «похвалѣ почитенію» видитъ опять таки одно любодѣяніе; между тѣмъ монгольское изданіе своимъ толкованіемъ грѣха «похвалы почитенію» преслѣдуетъ всякое своекорыстное стремленіе ламы безъ различія, будетъ ли оно направлено противъ мужчины, или женщины и будетъ ли его цѣлю любодѣяніе, или какой либо другой изъ пороковъ.

2) Последній видъ сватовства черезъ посредство другихъ не предусматривается въ Пратимокшѣ изд. Минаева.

стѣну; наконецъ, чтобы въ ней свободно можно было сдѣлать три шага и сидѣть въ молитвенной позѣ, поджавши ноги (ᠰᠣᠪᠣᠳᠣᠨᠠᠭᠤ) ¹⁾.

12) Грѣхъ клеветы (ᠭᠢᠷᠦᠬᠡ ᠬᠡᠪᠡᠳᠡᠭᠡ ᠠᠨᠤᠨᠠᠭᠤ),—когда одно духовное лицо будетъ обвинять другое въ совершеніи «побѣждающаго грѣха», между тѣмъ какъ дѣйствительнаго совершенія этого грѣха оно не только не видало, но не слыхало о немъ и не имѣло поводовъ къ догадкѣ ²⁾.

13) Грѣхъ малаго подозрѣнія, — когда кто изъ духовныхъ особъ оклеветаетъ другаго, основывая свои утвержденія только на самыхъ незначительныхъ примѣтахъ; напр. если бы кто нибудь совершилъ воровство и вдругъ, на основаніи только сходства имени, лама сталъ бы приписывать совершеніе этого воровства другому.

14) Грѣхъ произведенія раздора между духовенствомъ ³⁾.

15) Грѣхъ содѣйствія произошедшему раздору, подъ которымъ подразумѣвается не только пособничество и принятіе стороны зачинщиковъ раздора, но и всякое сочувствіе имъ.

16) Грѣхъ возбужденія унынія въ (душахъ) людей семейныхъ (ᠠᠨᠤᠨᠠᠭᠤ ᠬᠡᠪᠡᠳᠡᠭᠡ ᠠᠨᠤᠨᠠᠭᠤ); когда духовное лицо своими дурными поступками будетъ возбуждать въ душахъ мірянъ-милостынедатель недověріе къ чистотѣ всего сонма духовенства и такимъ образомъ удручать религіозное чувство мірянъ.

1) Интересно, что въ «Пратимокшѣ» изд. Минаева вычисленіе размѣровъ жилища ведется по счету пядей, и такимъ образомъ является болѣе определеннымъ чѣмъ вычисленіе монгольскаго памятника, въ которомъ размѣры указываются только образно. Не свидѣтельствуетъ ли это, что монгольскія изданія составились на основаніи болѣе древнихъ индійскихъ редакцій Пратимокши?

2) Пратимокша изд. Минаева въ пониманіи этого преступленія является счѣтъ такъ. Уже: она ограничиваетъ проявленіе клеветы причинами ея, точно опредѣляя, что в-а-в^о является только тогда, когда «духовный, гнѣваясь и будучи недоволенъ другимъ, заведетъ на него, безъ основанія, смертный грѣхъ и, наконецъ, когда цѣлью клеветы будетъ именно отвратить другаго отъ подвижничества.

3) Оставленное безъ толкованій преступленіе это является общѣе, чѣмъ въ «Пратимокшѣ» изд. Минаева, гдѣ выясняется, что производство раздора составляетъ в-а-в^о только послѣ того, какъ виновный не оставляетъ своей преступной дѣятельности послѣ трехкратныхъ увѣщаній санга.

17) Грѣхъ злоязычія и упрямства, — когда братія будетъ увѣщавать ламу, а онъ не только не будетъ слушать, но еще будетъ поносить своихъ наставниковъ.

Третью категорію отрѣченій, или грѣховъ составляютъ тридцать проступковъ (འཇུག་པ་ལྔ་ཅུ་བཤམ་པ་ལྔ་ཅུ་བཤམ་པ་), во избѣжаніе которыхъ духовныя особы не должны:

18) Хранить у себя платье не законной мѣры свыше десяти дней.

19) Разлучаться съ тремя духовными одеждами въ продолженіе сутокъ; другими словами, — лама, когда бы и гдѣ бы онъ ни былъ, всегда долженъ имѣть при себѣ духовныя одежды.

20) Откладывать въ продолженіе цѣлаго мѣсяца (འཇུག་པ་ལྔ་ཅུ་བཤམ་པ་ལྔ་ཅུ་བཤམ་པ་) лоскутки, изъ которыхъ сшивается ламская одежда. По этому правилу лама, если бы износились у него духовная одежда, можетъ собирать лоскутки чтобы сшить себѣ новую, но не долженъ хранить ихъ у себя свыше мѣсячнаго срока.

21) Отдавать въ мытье платье, т. е. собственно духовныя одежды, монахинямъ неродственницамъ.

22) Принимать платье (འཇུག་པ་ལྔ་ཅུ་བཤམ་པ་). По этому правилу ламамъ запрещается во 1-хъ вообще принимать платье въ то время, когда ихъ духовныя одежды еще не износились (འཇུག་པ་ལྔ་ཅུ་བཤམ་པ་ལྔ་ཅུ་བཤམ་པ་); а во 2-хъ принимать платье отъ монахинь не родственницъ. Если бы послѣднія предлагали духовному лицу одежду, то, хотя бы эта одежда и была законною во всѣхъ отношеніяхъ (т. е. по мѣрѣ, по матеріалу འཇུག་པ་ལྔ་ཅུ་བཤམ་པ་), ее можно только купить, а не принять въ подарок¹⁾.

23) Выпрашивать (духовныя одежды) у не родственниковъ мірянъ (འཇུག་པ་ལྔ་ཅུ་བཤམ་པ་). Просить у нихъ можно только въ томъ случаѣ, если бы пришлось какимъ либо образомъ утратить свои одежды и остаться нагимъ.

1) По «Пратимокшѣ» изд. Минаева первая половина этого толкованія опущена и духовнымъ вообще воспрещается только принимать платье изъ рукъ монахинь-неродственницъ.

ной шерсти при приготовленіи ковра. По этому правилу, при приготовленіи ковра, должно брать шерсть трехъ родовъ: черную, бѣлую и шерсть, снимаемую съ головы и ногъ животныхъ. Въ общемъ составѣ этого матеріала черная и бѣлая шерсть не должны превышать собою половину, тогда какъ другая половина должна быть дѣлаема именно изъ коротенькихъ оческовъ съ головы и ногъ ¹⁾).

31) Преступать шести лѣтній срокъ при пошити себѣ ковра; т. е. лама не долженъ мѣнять своей подстилки ранѣе шести лѣтъ, и дѣлать себѣ новую подстилку ранѣе истечения шести-лѣтняго срока для старой.

32) Преступать правило о пяди (པད་ཀྱི་ཆོས་ཀྱི་ཆོས་ཀྱི་ཆོས་); когда лама дѣлаетъ себѣ новый коверъ или подстилку, то онъ долженъ вырѣзать кусокъ, величиною въ пядь, изъ стараго ковра и нашить его на новый (пять считается по правиламъ о пяди Будды).

33) Нести шерсть по большой дорогѣ (ལྷོ་ལུང་ལྷོ་ལུང་ལྷོ་ལུང་ལྷོ་ལུང་); когда лама, руководствуясь чисто мірскими, низшими пожеланіями (ལྷོ་ལུང་ལྷོ་ལུང་ལྷོ་ལུང་ལྷོ་ལུང་), будетъ нести на своихъ плечахъ шерсть; или что другое на пространствѣ свыше 500 сажень.

34) Отдавать мыть шерсть; собственно — монахинямъ неродственницамъ; этимъ же правиломъ предусматривается возможность красить шерсть, сучить изъ нея нитки и проч. чрезъ помянутыхъ личностей ²⁾).

35) Принимать драгоценности; — ламѣ запрещается даже прикасаться руками къ золоту, серебру и проч. съ корыстолюбивымъ и грѣховнымъ пожеланіемъ.

36) Мѣнять и покупать драгоценности и металлы у мірянъ

1) Пратимакша изд. Минаева предписываетъ вмѣсто оческовъ брать шерсть коричневую, т. е. рыжую.

2) По переводу г. Минаева въ палийской «Пратимокшѣ» этотъ проступокъ выражается такъ: «если духовный съ (?) не родственницею духовною моетъ, красить или сбиваетъ овечью шерсть». Это значительно разнится отъ пониманія монголовъ.

къ корыстолюбивымъ намѣреніямъ и съ цѣлю увеличить ростъ своихъ имуществъ.

37) Производить торговлю, т. е. и всякими другими товарами помимо драгоценностей (ತುಣುಕು ತಲೆ ಕೂಡಾ ಇತರ ಸಾಮಗ್ರಿಗಳನ್ನು).

38) Хранить у себя (лишнюю) чашу свыше десяти дней. Это положеніе одинакое съ положеніемъ относительно храненія трехъ духовныхъ одеждъ.

39) Просить для себя лишнюю чашу, т. е. у мірянъ не родственниковъ и въ то время, когда своя чаша цѣла и годна къ употребленію.

40) Отдавать ткань — одежду мирянину не родственнику и при томъ бесплатно.

41) Ускорять тканье (Ханб. чж. 加速纺织); — если кто либо закажетъ для ланы платье, а этотъ послѣдній придетъ къ ткачу и будетъ давать ему деньги, или упрашивать ласковыми словами чтобы соткать поскорѣе.

42) Отнимать отданное, т. е. отнимать то, что дано другому духовному лицу.

43) Принимать случайно доставшееся платье въ незаконное время. — Этимъ незаконнымъ временемъ считается собственно лѣтнее время (яра — соотвѣтствующе періоду дождей въ Индіи). Только за десять дней до окончанія его лама можетъ принять такое платье да и то въ томъ случаѣ, если время поднесенія подарка не можетъ быть отложено со стороны подавателя; напр. если милостынедатель дарить платье для излеченія себя отъ болѣзни, отгнанія нечистыхъ духовъ и проч.

44) Удаляться въ уединенное мѣсто, не взявъ съ собою своихъ духовныхъ одеждъ на срокъ свыше семи дней.

45) Просить и употреблять дождевую хламиду, — раньше чѣмъ за мѣсяцъ до наступленія лѣтнихъ дождей.

46) Видоизмѣнять назначенное для другихъ; т. е. лама не долженъ переводить лично на себя то, что милостынедатели захотѣли бы представить въ подарокъ для всего сонма духовныхъ.

47) Откладывать (откладывать) и запасать лекарства на срокъ свыше семи дней;—больной лама могъ просить себѣ масла,

творогу, сахару и меду, но не болѣе какъ на семь дней, въ теченіе которыхъ все приготовленное должно быть имъ уничтожено.

Четвертую категорію отрѣченій и грѣховъ составляютъ 90 проступковъ унижительныхъ; (𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿𐏀𐏁𐏂𐏃𐏄𐏅𐏆𐏇𐏈𐏉𐏊𐏋𐏌𐏍𐏎𐏏𐏐𐏑𐏒𐏓𐏔𐏕𐏖𐏗𐏘𐏙𐏚𐏛𐏜𐏝𐏞𐏟𐏠𐏡𐏢𐏣𐏤𐏥𐏦𐏧𐏨𐏩𐏪𐏫𐏬𐏭𐏮𐏯𐏰𐏱𐏲𐏳𐏴𐏵𐏶𐏷𐏸𐏹𐏺𐏻𐏼𐏽𐏾𐏿𐐀𐐁𐐂𐐃𐐄𐐅𐐆𐐇𐐈𐐉𐐊𐐋𐐌𐐍𐐎𐐏𐐐𐐑𐐒𐐓𐐔𐐕𐐖𐐗𐐘𐐙𐐚𐐛𐐜𐐝𐐞𐐟𐐠𐐡𐐢𐐣𐐤𐐥𐐦𐐧𐐨𐐩𐐪𐐫𐐬𐐭𐐮𐐯𐐰𐐱𐐲𐐳𐐴𐐵𐐶𐐷𐐸𐐹𐐺𐐻𐐼𐐽𐐾𐐿𐑀𐑁𐑂𐑃𐑄𐑅𐑆𐑇𐑈𐑉𐑊𐑋𐑌𐑍𐑎𐑏𐑐𐑑𐑒𐑓𐑔𐑕𐑖𐑗𐑘𐑙𐑚𐑛𐑜𐑝𐑞𐑟𐑠𐑡𐑢𐑣𐑤𐑥𐑦𐑧𐑨𐑩𐑪𐑫𐑬𐑭𐑮𐑯𐑰𐑱𐑲𐑳𐑴𐑵𐑶𐑷𐑸𐑹𐑺𐑻𐑼𐑽𐑾𐑿𐒀𐒁𐒂𐒃𐒄𐒅𐒆𐒇𐒈𐒉𐒊𐒋𐒌𐒍𐒎𐒏𐒐𐒑𐒒𐒓𐒔𐒕𐒖𐒗𐒘𐒙𐒚𐒛𐒜𐒝𐒞𐒟𐒠𐒡𐒢𐒣𐒤𐒥𐒦𐒧𐒨𐒩𐒪𐒫𐒬𐒭𐒮𐒯𐒰𐒱𐒲𐒳𐒴𐒵𐒶𐒷𐒸𐒹𐒺𐒻𐒼𐒽𐒾𐒿𐓀𐓁𐓂𐓃𐓄𐓅𐓆𐓇𐓈𐓉𐓊𐓋𐓌𐓍𐓎𐓏𐓐𐓑𐓒𐓓𐓔𐓕𐓖𐓗𐓘𐓙𐓚𐓛𐓜𐓝𐓞𐓟𐓠𐓡𐓢𐓣𐓤𐓥𐓦𐓧𐓨𐓩𐓪𐓫𐓬𐓭𐓮𐓯𐓰𐓱𐓲𐓳𐓴𐓵𐓶𐓷𐓸𐓹𐓺𐓻𐓼𐓽𐓾𐓿𐔀𐔁𐔂𐔃𐔄𐔅𐔆𐔇𐔈𐔉𐔊𐔋𐔌𐔍𐔎𐔏𐔐𐔑𐔒𐔓𐔔𐔕𐔖𐔗𐔘𐔙𐔚𐔛𐔜𐔝𐔞𐔟𐔠𐔡𐔢𐔣𐔤𐔥𐔦𐔧𐔨𐔩𐔪𐔫𐔬𐔭𐔮𐔯𐔰𐔱𐔲𐔳𐔴𐔵𐔶𐔷𐔸𐔹𐔺𐔻𐔼𐔽𐔾𐔿𐕀𐕁𐕂𐕃𐕄𐕅𐕆𐕇𐕈𐕉𐕊𐕋𐕌𐕍𐕎𐕏𐕐𐕑𐕒𐕓𐕔𐕕𐕖𐕗𐕘𐕙𐕚𐕛𐕜𐕝𐕞𐕟𐕠𐕡𐕢𐕣𐕤𐕥𐕦𐕧𐕨𐕩𐕪𐕫𐕬𐕭𐕮𐕯𐕰𐕱𐕲𐕳𐕴𐕵𐕶𐕷𐕸𐕹𐕺𐕻𐕼𐕽𐕾𐕿𐖀𐖁𐖂𐖃𐖄𐖅𐖆𐖇𐖈𐖉𐖊𐖋𐖌𐖍𐖎𐖏𐖐𐖑𐖒𐖓𐖔𐖕𐖖𐖗𐖘𐖙𐖚𐖛𐖜𐖝𐖞𐖟𐖠𐖡𐖢𐖣𐖤𐖥𐖦𐖧𐖨𐖩𐖪𐖫𐖬𐖭𐖮𐖯𐖰𐖱𐖲𐖳𐖴𐖵𐖶𐖷𐖸𐖹𐖺𐖻𐖼𐖽𐖾𐖿𐗀𐗁𐗂𐗃𐗄𐗅𐗆𐗇𐗈𐗉𐗊𐗋𐗌𐗍𐗎𐗏𐗐𐗑𐗒𐗓𐗔𐗕𐗖𐗗𐗘𐗙𐗚𐗛𐗜𐗝𐗞𐗟𐗠𐗡𐗢𐗣𐗤𐗥𐗦𐗧𐗨𐗩𐗪𐗫𐗬𐗭𐗮𐗯𐗰𐗱𐗲𐗳𐗴𐗵𐗶𐗷𐗸𐗹𐗺𐗻𐗼𐗽𐗾𐗿𐘀𐘁𐘂𐘃𐘄𐘅𐘆𐘇𐘈𐘉𐘊𐘋𐘌𐘍𐘎𐘏𐘐𐘑𐘒𐘓𐘔𐘕𐘖𐘗𐘘𐘙𐘚𐘛𐘜𐘝𐘞𐘟𐘠𐘡𐘢𐘣𐘤𐘥𐘦𐘧𐘨𐘩𐘪𐘫𐘬𐘭𐘮𐘯𐘰𐘱𐘲𐘳𐘴𐘵𐘶𐘷𐘸𐘹𐘺𐘻𐘼𐘽𐘾𐘿𐙀𐙁𐙂𐙃𐙄𐙅𐙆𐙇𐙈𐙉𐙊𐙋𐙌𐙍𐙎𐙏𐙐𐙑𐙒𐙓𐙔𐙕𐙖𐙗𐙘𐙙𐙚𐙛𐙜𐙝𐙞𐙟𐙠𐙡𐙢𐙣𐙤𐙥𐙦𐙧𐙨𐙩𐙪𐙫𐙬𐙭𐙮𐙯𐙰𐙱𐙲𐙳𐙴𐙵𐙶𐙷𐙸𐙹𐙺𐙻𐙼𐙽𐙾𐙿𐚀𐚁𐚂𐚃𐚄𐚅𐚆𐚇𐚈𐚉𐚊𐚋𐚌𐚍𐚎𐚏𐚐𐚑𐚒𐚓𐚔𐚕𐚖𐚗𐚘𐚙𐚚𐚛𐚜𐚝𐚞𐚟𐚠𐚡𐚢𐚣𐚤𐚥𐚦𐚧𐚨𐚩𐚪𐚫𐚬𐚭𐚮𐚯𐚰𐚱𐚲𐚳𐚴𐚵𐚶𐚷𐚸𐚹𐚺𐚻𐚼𐚽𐚾𐚿𐛀𐛁𐛂𐛃𐛄𐛅𐛆𐛇𐛈𐛉𐛊𐛋𐛌𐛍𐛎𐛏𐛐𐛑𐛒𐛓𐛔𐛕𐛖𐛗𐛘𐛙𐛚𐛛𐛜𐛝𐛞𐛟𐛠𐛡𐛢𐛣𐛤𐛥𐛦𐛧𐛨𐛩𐛪𐛫𐛬𐛭𐛮𐛯𐛰𐛱𐛲𐛳𐛴𐛵𐛶𐛷𐛸𐛹𐛺𐛻𐛼𐛽𐛾𐛿𐜀𐜁𐜂𐜃𐜄𐜅𐜆𐜇𐜈𐜉𐜊𐜋𐜌𐜍𐜎𐜏𐜐𐜑𐜒𐜓𐜔𐜕𐜖𐜗𐜘𐜙𐜚𐜛𐜜𐜝𐜞𐜟𐜠𐜡𐜢𐜣𐜤𐜥𐜦𐜧𐜨𐜩𐜪𐜫𐜬𐜭𐜮𐜯𐜰𐜱𐜲𐜳𐜴𐜵𐜶𐜷𐜸𐜹𐜺𐜻𐜼𐜽𐜾𐜿𐝀𐝁𐝂𐝃𐝄𐝅𐝆𐝇𐝈𐝉𐝊𐝋𐝌𐝍𐝎𐝏𐝐𐝑𐝒𐝓𐝔𐝕𐝖𐝗𐝘𐝙𐝚𐝛𐝜𐝝𐝞𐝟𐝠𐝡𐝢𐝣𐝤𐝥𐝦𐝧𐝨𐝩𐝪𐝫𐝬𐝭𐝮𐝯𐝰𐝱𐝲𐝳𐝴𐝵𐝶𐝷𐝸𐝹𐝺𐝻𐝼𐝽𐝾𐝿𐞀𐞁𐞂𐞃𐞄𐞅𐞆𐞇𐞈𐞉𐞊𐞋𐞌𐞍𐞎𐞏𐞐𐞑𐞒𐞓𐞔𐞕𐞖𐞗𐞘𐞙𐞚𐞛𐞜𐞝𐞞𐞟𐞠𐞡𐞢𐞣𐞤𐞥𐞦𐞧𐞨𐞩𐞪𐞫𐞬𐞭𐞮𐞯𐞰𐞱𐞲𐞳𐞴𐞵𐞶𐞷𐞸𐞹𐞺𐞻𐞼𐞽𐞾𐞿𐟀𐟁𐟂𐟃𐟄𐟅𐟆𐟇𐟈𐟉𐟊𐟋𐟌𐟍𐟎𐟏𐟐𐟑𐟒𐟓𐟔𐟕𐟖𐟗𐟘𐟙𐟚𐟛𐟜𐟝𐟞𐟟𐟠𐟡𐟢𐟣𐟤𐟥𐟦𐟧𐟨𐟩𐟪𐟫𐟬𐟭𐟮𐟯𐟰𐟱𐟲𐟳𐟴𐟵𐟶𐟷𐟸𐟹𐟺𐟻𐟼𐟽𐟾𐟿𐠀𐠁𐠂𐠃𐠄𐠅𐠆𐠇𐠈𐠉𐠊𐠋𐠌𐠍𐠎𐠏𐠐𐠑𐠒𐠓𐠔𐠕𐠖𐠗𐠘𐠙𐠚𐠛𐠜𐠝𐠞𐠟𐠠𐠡𐠢𐠣𐠤𐠥𐠦𐠧𐠨𐠩𐠪𐠫𐠬𐠭𐠮𐠯𐠰𐠱𐠲𐠳𐠴𐠵𐠶𐠷𐠸𐠹𐠺𐠻𐠼𐠽𐠾𐠿𐡀𐡁𐡂𐡃𐡄𐡅𐡆𐡇𐡈𐡉𐡊𐡋𐡌𐡍𐡎𐡏𐡐𐡑𐡒𐡓𐡔𐡕𐡖𐡗𐡘𐡙𐡚𐡛𐡜𐡝𐡞𐡟𐡠𐡡𐡢𐡣𐡤𐡥𐡦𐡧𐡨𐡩𐡪𐡫𐡬𐡭𐡮𐡯𐡰𐡱𐡲𐡳𐡴𐡵𐡶𐡷𐡸𐡹𐡺𐡻𐡼𐡽𐡾𐡿𐢀𐢁𐢂𐢃𐢄𐢅𐢆𐢇𐢈𐢉𐢊𐢋𐢌𐢍𐢎𐢏𐢐𐢑𐢒𐢓𐢔𐢕𐢖𐢗𐢘𐢙𐢚𐢛𐢜𐢝𐢞𐢟𐢠𐢡𐢢𐢣𐢤𐢥𐢦𐢧𐢨𐢩𐢪𐢫𐢬𐢭𐢮𐢯𐢰𐢱𐢲𐢳𐢴𐢵𐢶𐢷𐢸𐢹𐢺𐢻𐢼𐢽𐢾𐢿𐣀𐣁𐣂𐣃𐣄𐣅𐣆𐣇𐣈𐣉𐣊𐣋𐣌𐣍𐣎𐣏𐣐𐣑𐣒𐣓𐣔𐣕𐣖𐣗𐣘𐣙𐣚𐣛𐣜𐣝𐣞𐣟𐣠𐣡𐣢𐣣𐣤𐣥𐣦𐣧𐣨𐣩𐣪𐣫𐣬𐣭𐣮𐣯𐣰𐣱𐣲𐣳𐣴𐣵𐣶𐣷𐣸𐣹𐣺𐣻𐣼𐣽𐣾𐣿𐤀𐤁𐤂𐤃𐤄𐤅𐤆𐤇𐤈𐤉𐤊𐤋𐤌𐤍𐤎𐤏𐤐𐤑𐤒𐤓𐤔𐤕𐤖𐤗𐤘𐤙𐤚𐤛𐤜𐤝𐤞𐤟𐤠𐤡𐤢𐤣𐤤𐤥𐤦𐤧𐤨𐤩𐤪𐤫𐤬𐤭𐤮𐤯𐤰𐤱𐤲𐤳𐤴𐤵𐤶𐤷𐤸𐤹𐤺𐤻𐤼𐤽𐤾𐤿𐥀𐥁𐥂𐥃𐥄𐥅𐥆𐥇𐥈𐥉𐥊𐥋𐥌𐥍𐥎𐥏𐥐𐥑𐥒𐥓𐥔𐥕𐥖𐥗𐥘𐥙𐥚𐥛𐥜𐥝𐥞𐥟𐥠𐥡𐥢𐥣𐥤𐥥𐥦𐥧𐥨𐥩𐥪𐥫𐥬𐥭𐥮𐥯𐥰𐥱𐥲𐥳𐥴𐥵𐥶𐥷𐥸𐥹𐥺𐥻𐥼𐥽𐥾𐥿𐦀𐦁𐦂𐦃𐦄𐦅𐦆𐦇𐦈𐦉𐦊𐦋𐦌𐦍𐦎𐦏𐦐𐦑𐦒𐦓𐦔𐦕𐦖𐦗𐦘𐦙𐦚𐦛𐦜𐦝𐦞𐦟𐦠𐦡𐦢𐦣𐦤𐦥𐦦𐦧𐦨𐦩𐦪𐦫𐦬𐦭𐦮𐦯𐦰𐦱𐦲𐦳𐦴𐦵𐦶𐦷𐦸𐦹𐦺𐦻𐦼𐦽𐦾𐦿𐧀𐧁𐧂𐧃𐧄𐧅𐧆𐧇𐧈𐧉𐧊𐧋𐧌𐧍𐧎𐧏𐧐𐧑𐧒𐧓𐧔𐧕𐧖𐧗𐧘𐧙𐧚𐧛𐧜𐧝𐧞𐧟𐧠𐧡𐧢𐧣𐧤𐧥𐧦𐧧𐧨𐧩𐧪𐧫𐧬𐧭𐧮𐧯𐧰𐧱𐧲𐧳𐧴𐧵𐧶𐧷𐧸𐧹𐧺𐧻𐧼𐧽𐧾𐧿𐨀𐨁𐨂𐨃𐨄𐨅𐨆𐨇𐨈𐨉𐨊𐨋𐨌𐨍𐨎𐨏𐨐𐨑𐨒𐨓𐨔𐨕𐨖𐨗𐨘𐨙𐨚𐨛𐨜𐨝𐨞𐨟𐨠𐨡𐨢𐨣𐨤𐨥𐨦𐨧𐨨𐨩𐨪𐨫𐨬𐨭𐨮𐨯𐨰𐨱𐨲𐨳𐨴𐨵𐨶𐨷𐨹𐨺𐨸𐨻𐨼𐨽𐨾𐨿𐩀𐩁𐩂𐩃𐩄𐩅𐩆𐩇𐩈𐩉𐩊𐩋𐩌𐩍𐩎𐩏𐩐𐩑𐩒𐩓𐩔𐩕𐩖𐩗𐩘𐩙𐩚𐩛𐩜𐩝𐩞𐩟𐩠𐩡𐩢𐩣𐩤𐩥𐩦𐩧𐩨𐩩𐩪𐩫𐩬𐩭𐩮𐩯𐩰𐩱𐩲𐩳𐩴𐩵𐩶𐩷𐩸𐩹𐩺𐩻𐩼𐩽𐩾𐩿𐪀𐪁𐪂𐪃𐪄𐪅𐪆𐪇𐪈𐪉𐪊𐪋𐪌𐪍𐪎𐪏𐪐𐪑𐪒𐪓𐪔𐪕𐪖𐪗𐪘𐪙𐪚𐪛𐪜𐪝𐪞𐪟𐪠𐪡𐪢𐪣𐪤𐪥𐪦𐪧𐪨𐪩𐪪𐪫𐪬𐪭𐪮𐪯𐪰𐪱𐪲𐪳𐪴𐪵𐪶𐪷𐪸𐪹𐪺𐪻𐪼𐪽𐪾𐪿𐫀𐫁𐫂𐫃𐫄𐫅𐫆𐫇𐫈𐫉𐫊𐫋𐫌𐫍𐫎𐫏𐫐𐫑𐫒𐫓𐫔𐫕𐫖𐫗𐫘𐫙𐫚𐫛𐫜𐫝𐫞𐫟𐫠𐫡𐫢𐫣𐫤𐫦𐫥𐫧𐫨𐫩𐫪𐫫𐫬𐫭𐫮𐫯𐫰𐫱𐫲𐫳𐫴𐫵𐫶𐫷𐫸𐫹𐫺𐫻𐫼𐫽𐫾𐫿𐬀𐬁𐬂𐬃𐬄𐬅𐬆𐬇𐬈𐬉𐬊𐬋𐬌𐬍𐬎𐬏𐬐𐬑𐬒𐬓𐬔𐬕𐬖𐬗𐬘𐬙𐬚𐬛𐬜𐬝𐬞𐬟𐬠𐬡𐬢𐬣𐬤𐬥𐬦𐬧𐬨𐬩𐬪𐬫𐬬𐬭𐬮𐬯𐬰𐬱𐬲𐬳𐬴𐬵𐬶𐬷𐬸𐬹𐬺𐬻𐬼𐬽𐬾𐬿𐭀𐭁𐭂𐭃𐭄𐭅𐭆𐭇𐭈𐭉𐭊𐭋𐭌𐭍𐭎𐭏𐭐𐭑𐭒𐭓𐭔𐭕𐭖𐭗𐭘𐭙𐭚𐭛𐭜𐭝𐭞𐭟𐭠𐭡𐭢𐭣𐭤𐭥𐭦𐭧𐭨𐭩𐭪𐭫𐭬𐭭𐭮𐭯𐭰𐭱𐭲𐭳𐭴𐭵𐭶𐭷𐭸𐭹𐭺𐭻𐭼𐭽𐭾𐭿𐮀𐮁𐮂𐮃𐮄𐮅𐮆𐮇𐮈𐮉𐮊𐮋𐮌𐮍𐮎𐮏𐮐𐮑𐮒𐮓𐮔𐮕𐮖𐮗𐮘𐮙𐮚𐮛𐮜𐮝𐮞𐮟𐮠𐮡𐮢𐮣𐮤𐮥𐮦𐮧𐮨𐮩𐮪𐮫𐮬𐮭𐮮𐮯𐮰𐮱𐮲𐮳𐮴𐮵𐮶𐮷𐮸𐮹𐮺𐮻𐮼𐮽𐮾𐮿𐯀𐯁𐯂𐯃𐯄𐯅𐯆𐯇𐯈𐯉𐯊𐯋𐯌𐯍𐯎𐯏𐯐𐯑𐯒𐯓𐯔𐯕𐯖𐯗𐯘𐯙𐯚𐯛𐯜𐯝𐯞𐯟𐯠𐯡𐯢𐯣𐯤𐯥𐯦𐯧𐯨𐯩𐯪𐯫𐯬𐯭𐯮𐯯𐯰𐯱𐯲𐯳𐯴𐯵𐯶𐯷𐯸𐯹𐯺𐯻𐯼𐯽𐯾𐯿𐰀𐰁𐰂𐰃𐰄𐰅𐰆𐰇𐰈𐰉𐰊𐰋𐰌𐰍𐰎𐰏𐰐𐰑𐰒𐰓𐰔𐰕𐰖𐰗𐰘𐰙𐰚𐰛𐰜𐰝𐰞𐰟𐰠𐰡𐰢𐰣𐰤𐰥𐰦𐰧𐰨𐰩𐰪𐰫𐰬𐰭𐰮𐰯𐰰𐰱𐰲𐰳𐰴𐰵𐰶𐰷𐰸𐰹𐰺𐰻𐰼𐰽𐰾𐰿𐱀𐱁𐱂𐱃𐱄𐱅𐱆𐱇𐱈𐱉𐱊𐱋𐱌𐱍𐱎𐱏𐱐𐱑𐱒𐱓𐱔𐱕𐱖𐱗𐱘𐱙𐱚𐱛𐱜𐱝𐱞𐱟𐱠𐱡𐱢𐱣𐱤𐱥𐱦𐱧𐱨𐱩𐱪𐱫𐱬𐱭𐱮𐱯𐱰𐱱𐱲𐱳𐱴𐱵𐱶𐱷𐱸𐱹𐱺𐱻𐱼𐱽𐱾𐱿𐲀𐲁𐲂𐲃𐲄𐲅𐲆𐲇𐲈𐲉𐲊𐲋𐲌𐲍𐲎𐲏𐲐𐲑𐲒𐲓𐲔𐲕𐲖𐲗𐲘𐲙𐲚𐲛𐲜𐲝𐲞𐲟𐲠𐲡𐲢𐲣𐲤𐲥𐲦𐲧𐲨𐲩𐲪𐲫𐲬𐲭𐲮𐲯𐲰𐲱𐲲𐲳𐲴𐲵𐲶𐲷𐲸𐲹𐲺𐲻𐲼𐲽𐲾𐲿𐳀𐳁𐳂𐳃𐳄𐳅𐳆𐳇𐳈𐳉𐳊𐳋𐳌𐳍𐳎𐳏𐳐𐳑𐳒𐳓𐳔𐳕𐳖𐳗𐳘𐳙𐳚𐳛𐳜𐳝𐳞𐳟𐳠𐳡𐳢𐳣𐳤𐳥𐳦𐳧𐳨𐳩𐳪𐳫𐳬𐳭𐳮𐳯𐳰𐳱𐳲𐳳𐳴𐳵𐳶𐳷𐳸𐳹𐳺𐳻𐳼𐳽𐳾𐳿𐴀𐴁𐴂𐴃𐴄𐴅𐴆𐴇𐴈𐴉𐴊𐴋𐴌𐴍𐴎𐴏𐴐𐴑𐴒𐴓𐴔𐴕𐴖𐴗𐴘𐴙𐴚𐴛𐴜𐴝𐴞𐴟𐴠𐴡𐴢𐴣𐴤𐴥𐴦𐴧𐴨𐴩𐴪𐴫𐴬𐴭𐴮𐴯𐴰𐴱𐴲𐴳𐴴𐴵𐴶𐴷𐴸𐴹𐴺𐴻𐴼𐴽𐴾𐴿𐵀𐵁𐵂𐵃𐵄𐵅𐵆𐵇𐵈𐵉𐵊𐵋𐵌𐵍𐵎𐵏𐵐𐵑𐵒𐵓𐵔𐵕𐵖𐵗𐵘𐵙𐵚𐵛𐵜𐵝𐵞𐵟𐵠𐵡𐵢𐵣𐵤𐵥𐵦𐵧𐵨𐵩𐵪𐵫𐵬𐵭𐵮𐵯𐵰𐵱𐵲𐵳𐵴𐵵𐵶𐵷𐵸𐵹𐵺𐵻𐵼𐵽𐵾𐵿𐶀𐶁𐶂𐶃𐶄𐶅𐶆𐶇𐶈𐶉𐶊𐶋𐶌𐶍𐶎𐶏𐶐𐶑𐶒𐶓𐶔𐶕𐶖𐶗𐶘𐶙𐶚𐶛𐶜𐶝𐶞𐶟𐶠𐶡𐶢𐶣𐶤𐶥𐶦𐶧𐶨𐶩𐶪𐶫𐶬𐶭𐶮𐶯𐶰𐶱𐶲𐶳𐶴𐶵𐶶𐶷𐶸𐶹𐶺𐶻𐶼𐶽𐶾𐶿𐷀𐷁𐷂𐷃𐷄𐷅𐷆𐷇𐷈𐷉𐷊𐷋𐷌𐷍𐷎𐷏𐷐𐷑𐷒𐷓𐷔𐷕𐷖𐷗𐷘𐷙𐷚𐷛𐷜𐷝𐷞𐷟𐷠𐷡𐷢𐷣𐷤𐷥𐷦𐷧𐷨𐷩𐷪𐷫𐷬𐷭𐷮𐷯𐷰𐷱𐷲𐷳𐷴𐷵𐷶𐷷𐷸𐷹𐷺𐷻𐷼𐷽𐷾𐷿𐸀𐸁𐸂𐸃𐸄𐸅𐸆𐸇𐸈𐸉𐸊𐸋𐸌𐸍𐸎𐸏𐸐𐸑𐸒𐸓𐸔𐸕𐸖𐸗𐸘𐸙𐸚𐸛𐸜𐸝𐸞𐸟𐸠𐸡𐸢𐸣𐸤𐸥𐸦𐸧𐸨𐸩𐸪𐸫𐸬𐸭𐸮𐸯𐸰𐸱𐸲𐸳𐸴𐸵𐸶𐸷𐸸𐸹𐸺𐸻𐸼𐸽𐸾𐸿𐹀𐹁𐹂𐹃𐹄𐹅𐹆𐹇𐹈𐹉𐹊𐹋𐹌𐹍𐹎𐹏𐹐𐹑𐹒𐹓𐹔𐹕𐹖𐹗𐹘𐹙𐹚𐹛𐹜𐹝𐹞𐹟𐹠𐹡𐹢𐹣𐹤𐹥𐹦𐹧𐹨𐹩𐹪𐹫𐹬𐹭𐹮𐹯𐹰𐹱𐹲𐹳𐹴𐹵𐹶𐹷𐹸𐹹𐹺𐹻𐹼𐹽𐹾𐹿𐺀𐺁𐺂𐺃𐺄𐺅𐺆𐺇𐺈𐺉𐺊𐺋𐺌𐺍𐺎𐺏𐺐𐺑𐺒𐺓𐺔𐺕𐺖𐺗𐺘𐺙𐺚𐺛𐺜𐺝𐺞𐺟𐺠𐺡𐺢𐺣𐺤𐺥𐺦𐺧𐺨𐺩𐺪𐺫𐺬𐺭𐺮𐺯𐺰𐺱𐺲𐺳𐺴𐺵𐺶𐺷𐺸𐺹𐺺𐺻𐺼𐺽𐺾𐺿𐻀𐻁𐻂𐻃𐻄𐻅𐻆𐻇𐻈𐻉𐻊𐻋𐻌𐻍𐻎𐻏𐻐𐻑𐻒𐻓𐻔𐻕𐻖𐻗𐻘𐻙𐻚𐻛𐻜𐻝𐻞𐻟𐻠𐻡𐻢𐻣𐻤𐻥𐻦𐻧𐻨𐻩𐻪𐻫𐻬𐻭𐻮𐻯𐻰𐻱𐻲𐻳𐻴𐻵𐻶𐻷𐻸𐻹𐻺𐻻𐻼𐻽𐻾𐻿𐼀𐼁𐼂𐼃𐼄𐼅𐼆𐼇𐼈𐼉𐼊𐼋𐼌𐼍𐼎𐼏𐼐𐼑𐼒𐼓𐼔𐼕𐼖𐼗𐼘𐼙𐼚𐼛𐼜𐼝𐼞𐼟𐼠𐼡𐼢𐼣𐼤𐼥𐼦𐼧𐼨𐼩𐼪𐼫𐼬𐼭𐼮𐼯𐼰𐼱𐼲𐼳𐼴𐼵𐼶𐼷𐼸𐼹𐼺𐼻𐼼𐼽𐼾𐼿𐽀𐽁𐽂𐽃𐽄𐽅𐽆𐽇𐽋𐽍𐽎𐽏𐽐𐽈𐽉𐽊𐽌𐽑𐽒𐽓𐽔𐽕𐽖𐽗𐽘𐽙𐽚𐽛𐽜𐽝𐽞𐽟𐽠𐽡𐽢𐽣𐽤𐽥𐽦𐽧𐽨𐽩𐽪𐽫𐽬𐽭𐽮𐽯𐽰𐽱𐽲𐽳𐽴𐽵𐽶𐽷𐽸𐽹𐽺𐽻𐽼𐽽𐽾𐽿𐾀𐾁𐾃𐾅𐾂𐾄𐾆𐾇𐾈𐾉𐾊

འགྲུག་ འཁོར་ མཁའ་), сѣвши на высокій диванъ, упадетъ и зашибетъ его.

66) Употребленіе воды наполненной животными.

67) Употребленіе лишнихъ настилокъ; — по этому правилу, если у духовнаго, въ періодъ лѣтнихъ дождей, не будетъ на кровлѣ дома покрывки, защищающей отъ дождя, то въ теченіе дня нельзя класть болѣе трехъ покрывшекъ¹⁾.

68) Преподаваніе священнаго ученія монахинямъ; т. е. не будучи особливо призваннымъ къ тому учителемъ монахинь.

69) Преподаваніе священнаго ученія монахинямъ по захожденіи солнца; — хотя бы оно было совершаемо законнымъ учителемъ и въ безопасномъ мѣстѣ.

70) Упреки — въ томъ, будто учитель лама преподавалъ священное ученіе монахинямъ только съ цѣлью получить отъ нихъ награду пищею и питьемъ.

71) Подарокъ платья; — собственно монахинѣ, не родственницѣ.

72) Пошитіе платья; — опять таки собственно для монахини, не родственницы.

73) Прохожденіе вмѣстѣ съ монахиней по дорогѣ на про странствѣ свыше 500 сажень.

74) Плаваніе съ монахиней въ одной лодкѣ вверхъ и внизъ по рѣкѣ (ради прогулки?) на протяженіи свыше 500 сажень.

75) Сидѣніе въ уединенномъ, укромномъ мѣстечкѣ съ женщиною, не родственницею.

76) Стояніе въ такой же обстановкѣ запрещается какъ и сидѣніе.

77) Убѣжденіе приправить кушанье (ཁྲུག་ ཁྲུག་ལྷོ་); — когда духовный, чрезъ посредство монахини, не родственницы,

1) У проф. Минаева этотъ проступокъ, употребленія лишнихъ настилокъ толкуется такъ: «Если духовный строитъ большую вихару передъ воротами для укрѣпленія петель и для удобнаго дѣйствія ставень, онъ можетъ сдѣлать настилку изъ кирпичей въ два или три ряда, если хижина стоитъ не на зелени; если же сдѣлаетъ выше, хотя бы хижина и не стояла на зелени, это расѣ». (См. Прагм. Сут., стр. 44.)

прикажетъ мирянину-домохозяину приготовить для него (духовнаго) кушанье, повкуснѣе приправленное¹⁾.

78) Неоднократное принятіе пищи; — по этому правилу духовному лицу воспрещается просить себѣ у семейныхъ пищу въ одинъ день два и три раза.

79) Проживаніе въ одномъ домѣ свыше сутокъ во время сбора подавій.

80) Принятіе лишняго; т. е. принятіе отъ не родственниковъ подавія одновременно свыше трехъ чашъ.

81) Доѣданіе брошенныхъ остатковъ (~~འཇུག་པའི་ལུས་ཀྱི་ལྗོངས་~~); когда духовный, уже насытившись и окончивъ ѣсть, начнетъ потомъ снова доѣдать оставшееся²⁾.

82) Поднесеніе (~~འཇུག་པའི་ལུས་ཀྱི་ལྗོངས་~~); — когда одинъ лама уже насытится и оставитъ пищу недоѣденною, а другой станетъ подносить ему и станетъ просить доѣсть все сполна.

83) Принятіе пищи въ собраніи; — по этому правилу воспрещается удалаться отъ общей трапезы и, по причинѣ несогласія съ братіею, отказываться отъ общаго стола.

84) Несвоевременное принятіе пищи; — если лама будетъ ѣсть послѣ полудня, или до разсвѣта.

85) Оставленіе въ запасъ (~~འཇུག་པའི་ལུས་ཀྱི་ལྗོངས་~~), т. е. пищи; — ламамъ запрещается ѣсть пищу, оставленную со вчерашняго дня.

86) Вкушеніе не подавнѣй пищи, — т. е. взятой самимъ, украденной и вообще добытой не путемъ подавія.

87) Выпрашиваніе хорошей пищи (~~འཇུག་པའི་ལུས་ཀྱི་ལྗོངས་~~); когда лама, выпросивъ у неродственниковъ-мірянъ хорошую пищу, вслѣдъ за симъ, въ тотъ же день, станетъ просить хорошей пищи у другаго домохозяина.

88) Употребленіе воды съ животными; — безъ различія будетъ

1) У проф. Минаева: «Если духовный, завѣдомо, станетъ ѣсть подавіе, выпрошенное духовною сестрою для него, не будучи сперва приглашенъ къ тому домохозяиномъ, это расіе».

2) У проф. Минаева: «Если духовный, будучи приглашенъ, окончивъ ѣсть и за симъ станетъ снова вкушать пищу, не предложенную, это расіе».

ли то на питье, на умыванье, на омовеніе платья, посуды, зубочистки, поливку травъ и пр. ⁶⁾).

89) Пребываніе въ спальнѣ; — когда лама будетъ сидѣть на кровати двухъ супруговъ и помѣшаетъ ихъ сонтию.

90) Стояніе и сидѣніе въ опочивальнѣ двухъ супруговъ за-
прещается по той же причинѣ.

91) Подаяніе пищи еретикамъ.

92) Смотрѣніе на войска;—особливо во время ихъ военныхъ упражненій.

93) Проживание въ средѣ солдатъ; — особливо безъ нужды и при томъ свыше сутокъ.

94) Подзадориваніе къ сраженію (མཁའ་ལཱ་གྲུབ་པའོ); а особливо если лама безъ нужды схватитъ военное оружіе и будетъ имъ помахивать.

95) Истязание; — когда одинъ лама станетъ бить другаго или допустить, чтобы этого послѣдняго побилъ кто другой.

96) Поднятіє рукъ на кого нибудь съ цѣлю ударить.

97) Завѣдомое утапваніе тяжкаго преступленія, сдѣланнаго другимъ ламою.

98) Утанваніе плещи отъ другаго ламы въ то время, когда уже наступила пора ѣсть.

99) Зажиганіе огня; — съ цѣлю дать возможность другимъ посмѣяться и пошутить.

100) Возмущеніе пришедшихъ въ согласію ($\frac{m}{n} - \frac{m}{n}$).

101) Измѣна намѣренію, желанію, а тѣмъ паче обѣщанію сдѣлать что-либо для кого (изъ духовныхъ).

102) Спать съ непосвященнымъ въ духовное званіе свыше двухъ ночей.

103) Не желаніе оставить грѣховныя воззрѣнія; напр. на истинность словъ будды и пр.

104) **Пріятеіе отрѣшеннаго; — когда лама входитъ въ связь**

1) У г. Минаева: «Если духовный возьметъ въ ротъ некого явства (?) и на воду — или зубочистку, это расіо (Прат. Сут. стр. 46).

съ другимъ ламоу-галуномъ, уже отлученнымъ отъ сонма хуваракъ, для совершенія выѣстъ съ нимъ дурныхъ дѣлій.

105) Вступленіе въ связь съ гацүлемъ и шрамани, отлученными отъ сонма духовенства.

106) Ношеніе платья не окрашеннаго (~~тѣмъ~~ ~~одеждѣ~~ ~~одеждѣ~~); т. е. въ одинъ изъ трехъ узаконенныхъ цвѣтовъ, — желтый, красный и коричневый.

107) Прикосновеніе къ драгоценностямъ; — по этому правилу воспрещается вообще брать въ руки драгоценности, а равно свѣтскіе музыкальные инструменты, военное оружіе и проч., такъ какъ все это способствуетъ развлеченію духа (~~тѣмъ~~ ~~одеждѣ~~ ~~одеждѣ~~).

108) Омовеніе (~~тѣмъ~~ ~~одеждѣ~~); — помимо того времени, когда человѣкъ бываетъ боленъ, или періода трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда бываетъ жарко.

109) Убіеніе животныхъ; — по умыслу, безъ различія будетъ ли животное большое или малое.

110) Побужденіе къ раскаянію (~~тѣмъ~~ ~~одеждѣ~~ ~~одеждѣ~~); когда одинъ лама, станетъ смущать духъ другого съ намѣреніемъ унижить его достоинства (~~тѣмъ~~ ~~одеждѣ~~ ~~одеждѣ~~) и говорить, что онъ сдѣлалъ грѣхъ, указывая на такое обстоятельство, въ которомъ нѣтъ грѣха.

111) Щекотаніе другого духовнаго лица съ цѣлью позабыться.

112) Игра въ водѣ; — съ намѣреніемъ порѣзваться и посмѣяться (~~тѣмъ~~ ~~одеждѣ~~ ~~одеждѣ~~).

113) Спанье выѣстъ съ женщиною; — этимъ правиломъ предусматривается и вообще пребываніе съ женщиною на время сутокъ.

114) Показываніе чего либо страшнаго; — съ цѣлью пугнуть другого духовнаго.

115) Скрытіе (~~тѣмъ~~ ~~одеждѣ~~); собственно — одежды, чашки, или какой либо иной принадлежности другого духовнаго лица, съ цѣлью помучить его.

116) Употребленіе недозволеннаго; — какъ напр. ношеніе платья, взятаго у другаго духовнаго безъ спроса.

117) Клевета на кого, или приписываніе какому либо духовному упизительнаго паденія, не основанное ни на собственномъ наблюденіи, ни на слухахъ, ни на догадкахъ.

118) Прохожденіе съ женщиной по дорогѣ такого разстоянія, на протяженіи котораго можетъ быть слышимъ человѣческій голосъ.

119) Прохожденіе съ ворами по дорогѣ такого пространства, на разстояніи котораго слышенъ человѣческій голосъ.

120) Посвященіе въ степенъ гэлѹна человѣка, не достигшаго 20-ти лѣтнаго возраста.

121) Копаніе (𐌲𐌹𐌸𐌹𐌳𐌰 𐌲𐌹𐌸𐌹𐌳𐌰); собственно—земли коземъ, скребкомъ, лопатою или сохою въ количествѣ свыше одной горсти.

122) Долгое пребываніе въ гостяхъ (𐌲𐌹𐌸𐌹𐌳𐌰 𐌲𐌹𐌸𐌹𐌳𐌰 𐌲𐌹𐌸𐌹𐌳𐌰);—по этому правилу ламѣ воспрещается проживать въ домѣ одного домохозяина болѣе четырехъ мѣсяцевъ, хотя бы онъ былъ приглашенъ даже по дѣлу, — для проповѣди, совершенія требъ и т. п.

123) Отказъ отъ занятій науками, а особливо соединенный съ упорствомъ и порицаніемъ самыхъ наукъ.

124) Подслушиваніе секретовъ;—съ цѣлью препятствовать въ разныхъ дѣлахъ (𐌲𐌹𐌸𐌹𐌳𐌰 𐌲𐌹𐌸𐌹𐌳𐌰 𐌲𐌹𐌸𐌹𐌳𐌰 𐌲𐌹𐌸𐌹𐌳𐌰 𐌲𐌹𐌸𐌹𐌳𐌰).

125) Уходъ молча, не сказавшись; — когда духовный, находясь при исполненіи обязанности, уйдетъ, не взирая на порученное ему дѣло, въ другое мѣсто¹⁾.

126) Не почтительность (𐌲𐌹𐌸𐌹𐌳𐌰 𐌲𐌹𐌸𐌹𐌳𐌰)—къ духовнымъ правиламъ, установленнымъ тою или другою общиною монаховъ, и преступленіе этихъ правилъ на основаніи этой непочтительности.

127) Питье вина.

1) У проф. Минаева этотъ «уходъ молча» толкуется иначе, а именно: если духовный въ то время, когда собраніе занимается рѣшеніемъ вопроса, не изъявивъ согласія, встанетъ и уйдетъ, это рѣсіо.

128) Хожденіе вечеромъ ($\text{ḥoḍenā} \text{ ḥayyā} \text{ ḥayyā} \text{ ḥayyā}$); по этому правилу запрещается вообще пребываніе у не родственниковъ во время отъ полудня до утра слѣдующаго дня.

129) Хожденіе по городу, — послѣ того какъ миновало уже время общей братской трапезы.

130) Входъ въ ханскій дворецъ въ ночное время и сидѣние ночью во дворцѣ съ ханышею.

131) Чрезвычайная хула (~~ⲕⲁⲧⲁⲛⲁⲧⲁ ⲛⲁⲧⲁⲛⲁⲧⲁ ⲛⲁⲧⲁⲛⲁⲧⲁ~~), подъ
которою разумѣется собственно порицаніе священнаго ученія,
особливо во время совершенія обряда покаянія.

132) Отдѣлка игольника изъ дуба, рога, или кости.

133) Устройство пожекъ у сѣдалища; собственно—высотой болѣе локтя.

134) Приготовление покрышки на сѣданище изъ древесной шерсти (~~покрывало~~ ~~на сѣданище~~ ~~изъ~~ ~~древесной~~ ~~шерсти~~).

135) Приготовление ковра; собственно — выше указанной меры.

136) Приготовление лѣтняго платья, — свыше указанной мѣры.

137) Приготовление дождевика, — выше указанной мѣры.

138) Приготовление духовныхъ одеждъ, — свыше указанной мѣры.

Пятую категорію проступковъ, или грѣховъ, искупаемыхъ
отдѣльнымъ покаяніемъ, составляютъ:

139) Выпрашиваніе у монахини пищи, которую она собрала для собственнаго пропитанія.

140) Допущеніе раздавать пищу (ламамъ), не соблюдая того порядка, въ которомъ они сидятъ (*འགྲོ་བཤམས་པའི་རྒྱུ་ལྟར་དེ་ལྟར་ཐོག་ནས་ཕུང་པ་ཁྱེད་ཀྱི་འཇམ་པ་ལྟར་*).

141) Принятіе пищи ламою отъ тѣхъ учениковъ его, которыми онъ преподавалъ обѣты и наставленія ¹⁾).

1) Это правило лавры толкуют прежде всего какъ буквальное запрещеніе принимать пищу изъ чаши ученика, посвятившаго себя духовному званію; а во-вторыхъ и какъ воспрещеніе принятія подавій отъ тѣхъ прихожанъ, ко-

142) Принятіе пищи въ мѣстности опасной отъ воровъ.

Шестую категорію проступковъ составляютъ 112 непристойныхъ дѣяній (ᠰᠠᠮᠤ ᠠᠨᠠᠭᠤ ᠠᠨᠠᠭᠤ), въ соотвѣтствіе которымъ существуетъ 112 правилъ приличія. Указывал эти правила, буддизмъ выставляетъ прежде всего девять предписаній относитель-

торые пришли въ бѣдность по той или другой причинѣ. Объ отношеніяхъ ламъ къ таковымъ милостынедателямъ у монголовъ есть множество специальныхъ сочиненій, которыя въ различныхъ изданіяхъ и подъ разными заглавіями можно находить рѣшительно во всѣхъ монастыряхъ и почти у каждого порядочнаго ламы. Въ сочиненіяхъ этихъ обыкновенно предписывается ламамъ никогда не оставлять своихъ милостынедателей и особенно тѣхъ, которые прежде отпачались своею благотворительностью, а потомъ обѣдѣли; напротивъ, дома таковыхъ должны быть посѣщаемы по возможности чаще. Лама не долженъ входить въ такой домъ иначе, какъ нѣтъ свою чашу наполненною яствами. Пришедши, онъ обязанъ сѣсть на почетное мѣсто, поставить передъ собою свою полную чашу (какъ бы это было угощеніе домохозяевъ) и тогда уже говорить слова проповѣди, наставленія и утѣшаній. Если въ такихъ бесѣдахъ для ламы сдѣлается яснымъ, что его бывший милостынедатель смущается своимъ тяжелымъ положеніемъ, что онъ ропшетъ и, подъ вліяніемъ своей бѣдности, даже близокъ ко вступленію на ложный путь грѣха; то лама обязанъ донести объ этомъ монастырской общинѣ и просить ее принять участіе въ безвыходномъ положеніи своего стараго милостынедателя. Все это дѣйствительно сполна выполняется въ Монголіи: ламы зорко слѣдятъ за матеріальнымъ и нравственнымъ состояніемъ своихъ духовныхъ сыновъ и, въ случаяхъ несчастныхъ обстоятельствъ, всегда доводятъ о томъ до свѣдѣнія монастырской общины, прося помощь обѣдѣвшему. Община, удостовѣрившись въ справедливости ходатайства, разрѣшаетъ, а иногда и предлагаетъ обѣдѣвшей семьѣ перекочевать къ монастырю. Здѣсь бывшему милостынедателю иной разъ назначаютъ жить при стадахъ монастырскаго скота, другой разъ просто поселяютъ его близъ монастырской ограды, отдѣливъ ему временно трехъ, четырехъ коровъ, десятокъ овецъ, да одну или двухъ кобылъ. Милостынедатель за оказанную ему помощь платитъ монастырю своими, коо какими услугами и живетъ такимъ образомъ три, четыре и пять лѣтъ. Онъ питается и одѣвается отъ даннаго ему скота, а равно получаетъ въ свою пользу приплодъ его. Годъ черезъ три, четыре у него оказываются уже свои коровы, овцы и лошади и тогда онъ переставетъ пользоваться монастырской услугою, откочевываетъ въ степь и снова является домохозяиномъ и милостынедателемъ. Такова круглая порука у монгольскихъ монастырей и ихъ милостынедателей, объясняемая ламами именно разсматриваемымъ правиломъ относительно принятія пищи ламами отъ учениковъ. Примѣняется она къ дѣлу такъ часто, что можно положительно сказать, — въ какое бы время и какой бы изъ общежительныхъ буддійскихъ монастырей мы ни посѣтили, около него всегда найдется десятка два, три семей такихъ бѣдниковъ, живущихъ съ своими женами и семьями на монастырскій счетъ. Нечего и говорить о томъ, что ламы всегда призрѣваютъ спротивъ своихъ милостынедателей.

но нижней одежды (шантабъ) и, согласно этихъ предписаній, должно:

143) Одѣвать шантабъ кругло, т. е. одинаково ровно какъ спереди, такъ и сзади.

144) Не приподнимать шантабъ слишкомъ высоко, — т. е. выше колѣнъ (~~ниже~~ ~~ниже~~ ~~ниже~~).

145) Не спускать ниже щиколки ¹⁾.

146) Не надѣвать шантабъ такъ, чтобы выдавался верхній конецъ его.

147) Не надѣвать шантабъ такъ, чтобы нижній конецъ его приходился на верху и на оборотъ.

148) Не надѣвать шантабъ такъ, чтобы верхній конецъ его приходился слишкомъ высоко, или низко.

149) Не надѣвать шантабъ такъ, чтобы нижній конецъ его свѣшивался не ровно.

150) Не надѣвать шантабъ такъ, чтобы онъ выдавался изъ скважины пояса.

151) Не надѣвать шантабъ такъ, чтобы подъ пугомъ онъ образовалъ складки на подобіе змѣиной головы.

Далѣе существуетъ три предписанія относительно одѣванія верхней одежды (иранга, или пагѣчжпчи).

152) Ирангу должно одѣвать такъ, чтобы нижніе концы ея свѣшивались кругло,

153) Не слишкомъ спускались, (собственно не ниже колѣнъ).

154) Не были слишкомъ вздернуты.

Нарушившимъ предписанія о томъ, какъ должно входить въ домъ частнаго человѣка, считается:

155) Отправившійся къ незнакомымъ безъ приглашенія.

156) Не одѣвший какъ слѣдуетъ своего платья.

157) Озирающійся по сторонамъ (~~ниже~~ ~~ниже~~ ~~ниже~~ ~~ниже~~ ~~ниже~~).

158) Говорящій много и болтающій пустыя слова.

1) По Хайби-чжунай'ю: «шантабъ не долженъ быть слишкомъ опущенъ, волочиться по землѣ, когда подвѣжешь его ниже пупа».

185) Не должно принимать въ такомъ видѣ, чтобы пища была выше чашки (ḥṣṣṣ ḥṣṣṣ ḥṣṣṣ ḥṣṣṣ ḥṣṣṣ ḥṣṣṣ ḥṣṣṣ ḥṣṣṣ ḥṣṣṣ ḥṣṣṣ).

186) Должно съѣдать похлебку вмѣстѣ съ рисомъ и овощами.

187) Должно ѣсть по порядку (т. е. какъ оно положено, а не то чтобы выбрать лучшіе куски).

188) Должно принимать пищу, смотря на чашу.

189) Не должно открывать отверстіе чаши, прежде чѣмъ подана будетъ пища.

190) Не должно закрывать одного куска другимъ, желая, чтобы дали побольше.

191) Не должно класть чашку на пищу и овощи.

192) Должно ѣсть пищу прилично.

193) Не должно много откусывать.

194) Не должно слишкомъ мало откусывать (=щипать зубами).

195) Не должно ѣсть не соразмѣрно (?).

196) Не должно открывать рта, прежде чѣмъ поднесешь къ нему пищу.

197) Не должно разговаривать, наполнивши ротъ пищею.

198) Не должно чвакать, когда ѣшь вкусное.

199) Не должно морщиться, когда ѣшь кислое.

200) Не должно дышать на холодное (чтобы согрѣть).

201) Не должно дуть на горячее (чтобы охладить).

202) Не должно ѣсть, высовывая языкъ.

203) Не должно ѣсть зерновой хлѣбъ по одному зернышку.

204) Не должно охудать кушанье.

205) Не должно забивать пищу за скулы (ḥṣṣṣ ḥṣṣṣ ḥṣṣṣ ḥṣṣṣ ḥṣṣṣ ḥṣṣṣ ḥṣṣṣ ḥṣṣṣ ḥṣṣṣ ḥṣṣṣ).

206) Не должно ѣсть чвакая языкомъ.

207) Не должно ѣсть не раскусывая зубами.

208) Не должно облизывать пищу, прилипшую къ рукамъ.

209) Не должно вылизывать чашку языкомъ, или выскребать указательнымъ пальцемъ.

210) Не должно стряхивать съ руки приставшую пищу.

211) Не должно отстранять отъ себя чаши.

212) Не должно дѣлать изъ кушанья форму субургана
($\pi\alpha\kappa\eta\iota\ \kappa\alpha\iota\ \kappa\alpha\tau\alpha\kappa\tau\iota\varsigma\ \theta\epsilon\ \epsilon\iota\varsigma\ \kappa\epsilon\iota$).

213) Не должно смѣяться надъ чужею чашею.

214) Не должно брать сосуда съ водою руками, къ кото-
рымъ пристала пища.

215) Не должно брызгать на другаго ламу грязною водою
($\epsilon\kappa\tau\alpha\ \tau\epsilon\iota\lambda\ \kappa\alpha\iota$).

216) Не должно выливать помон безъ спроса въ чужомъ
домѣ ($\tau\alpha\iota\tau\alpha\tau\iota\ \epsilon\iota\ \tau\epsilon\iota\lambda$).

Что касается чаши, то:

217) Не должно бросать въ чашу остатки и объѣдки.

218) Не должно класть чашу на землю.

219) Не должно класть чашу на высокой скалѣ ($\tau\alpha\iota\gamma\ \kappa\alpha\tau\alpha\ \epsilon$
 $\kappa\alpha\iota\ \gamma$).

220) Не должно класть чашу на обрывистомъ берегу.

221) Не должно класть чашу на неровномъ мѣстѣ.

222) На этихъ четырехъ мѣстахъ.

223) Объ омовеніи.

224) Не должно мыть чашу стоя

225) Не должно черпать воду въ быстротекущемъ источ-
никѣ противъ теченія ($\tau\epsilon\iota\lambda\ \epsilon\ \tau\alpha\kappa\epsilon\iota\tau\iota\ \tau\alpha\kappa\alpha\tau\alpha\theta$).

226) Не должно проповѣдывать священное ученіе здоровому,
когда онъ сидитъ, а ты стоишь.

227) Не должно проповѣдывать священное ученіе здоровому,
когда онъ лежитъ, а ты сидишь.

228) Не должно проповѣдывать священное ученіе сидящему
на высокомъ мѣстѣ.

229) Не должно проповѣдывать священное ученіе идущему
впередъ.

230) Не должно проповѣдывать священное ученіе, идучи по
краю дороги (а не посреди; т. е. на главномъ мѣстѣ).

231) Не должно проповѣдывать священное ученіе здоровому,
покрывшему голову.

232) Не должно проповѣдывать священное ученіе подняв-
шему платье.

- 233) Не должно проповѣдывать священное ученіе поднявшему платъ на плечи.
- 234) Не должно проповѣдывать священное ученіе закинувшему руки за шею.
- 235) Не должно проповѣдывать священное ученіе заложившему руки за спину.
- 236) Не должно проповѣдывать священное ученіе всклокочившему свои волосы.
- 237) Не должно проповѣдывать священное ученіе надѣвшему тиару.
- 238) Не должно проповѣдывать священное ученіе надѣвшему шапку.
- 239) Не должно проповѣдывать священное ученіе обвязавшему голову.
- 240) Не должно проповѣдывать священное ученіе надѣвшему четки изъ цвѣтовъ.
- 241) Не должно проповѣдывать священное ученіе ѣдущему на слонѣ.
- 242) Не должно проповѣдывать священное ученіе ѣдущему на лошади.
- 243) Не должно проповѣдывать священное ученіе ѣдущему на телѣгѣ.
- 244) Не должно проповѣдывать священное ученіе сидящему въ носилкахъ.
- 245) Не должно проповѣдывать священное ученіе надѣвшему сапоги.
- 246) Не должно проповѣдывать священное ученіе держащему въ рукахъ палку.
- 247) Не должно проповѣдывать священное ученіе держащему въ рукахъ алебарду.
- 248) Не должно проповѣдывать священное ученіе надѣвшему мечъ и панцырь.
- 249) Относительно испражнения.
- 250) Не должно испражняться стоя.

251) Не должно испражняться, сморкать, плевать и харкать въ воду.

252) Не должно испражняться на зеленую траву.

253) Не должно взлѣзать на дерево выше сажени.

Этимъ я покончу свои замѣтки о служеніи сочжйна, прибавивъ только, что присутствовать при самомъ этомъ служеніи мнѣ не пришлось ни разу, ибо ламы зорко охраняють его тайну, которую я, при всемъ желаніи видѣть этотъ хуралъ, не пытался впрочемъ и нарушить. Мнѣ хорошо было извѣстно, что со стороны ламъ это не есть какая либо напущенная скрытность, но что, по самымъ правиламъ буддѣйской канопки, служеніе это дѣйствительно должно совершаться въ тайнѣ. Мы видѣли уже, что, согласно этой каноники, въ сочжйнѣ участвуютъ только гэлъны и гецъли; такимъ образомъ не только буддисты-простолюдины, но даже и духовныя лица низшей степени — банди, подобно простолюдинамъ, лишены права участвовать въ этомъ хуралѣ. Еще большая таинственность сочжинскаго хурала явствуется изъ того, что даже изъ числа совершающихъ хуралъ ламъ каждый остается въ немъ на столько, на сколько позволяетъ ему принятая на себя степень посвященія. Составить точное описаніе служенія сочжйна по отрывочнымъ разказамъ ламъ также не представляется возможнымъ, ибо ламы чрезвычайно неохотно даже и говорятъ о сочжйнѣ. На вопросъ, изъ какихъ частей состоитъ этотъ хуралъ и какимъ образомъ онъ совершается, они обыкновенно отвѣтятъ, что служеніе это очень сложно, что составныхъ частей его очень много, что ламы, совершая его, должны то стоять, то сидѣть въ различныхъ позахъ, то наконецъ распростираться ницъ передъ начальствующимъ въ хуралѣ.

Все вышеуказанные хуралы совершаются обязательно въ каждомъ буддѣйскомъ монастырѣ; хуралы, о которыхъ я буду говорить ниже, напротивъ, исполняются только въ большихъ монастыряхъ и при томъ только въ извѣстные, особливо назначенные къ тому дни въ году.

Изъ числа такихъ торжественныхъ годовыхъ хураловъ Мон-

голы съ особенною любовью относятся къ служенію „цзүлайнь-хуралъ“, совершаемому, какъ уже было сказано выше, 25-го числа 1-й зимней луны, въ память кончины Цзонхавы.

Къ сожалѣнію мнѣ ни разу не пришлось видѣть этотъ хуралъ въ Ургѣ, гдѣ, говорятъ, исполненіе его отличается особою торжественностью; но и то, что приходилось мнѣ наблюдать въ сравнительно небольшихъ, кошунныхъ, степныхъ монастыряхъ, производить громадное впечатлѣніе на человѣка, привыкшаго къ мрачной и монотонной степи. Цзүлайнь хуралъ, это — праздникъ лампадъ. Приготовленія къ нему начинаются въ монастыряхъ дней за десять и всѣ они состоятъ въ дѣлашіи лампадъ. Въ самыхъ незначительныхъ монастыряхъ готовится ихъ отъ 1½ до 2-хъ тысячъ, а въ Ургѣ лампы цзүлайнь хурала считаютъ сотнями тысячъ. Наступленіе праздника полагается въ вечернее время, при восхожденіи созвѣздія Бэчй (плеяды). Молодые банди, обыкновенно, лишь начинается смеркаться, уже наблюдаютъ за появленіемъ этого созвѣздія, и, какъ только появится оно, тотчасъ же зажигаютъ лампы и внутри своихъ юртъ, и снаружи ихъ, такъ что весь монастырь въ эту пору кажется залитымъ огнемъ отъ блеска горящихъ плашекъ. Въ то-же время предъ дверями соборной кумирни (цокчѣнь) раздается звукъ хэнгэргэ, призывающій ламъ къ самому совершенію хурала. Внутренность сѹмэ на этотъ разъ представляетъ также необычайный видъ. Посреди кумирни тремя уступами поднимается возвышеніе въ видѣ стола. На верху его поставляется всегда 108 лампадъ, на двухъ нижнихъ уступахъ количество поставляемыхъ лампадъ предоставляется усердію ламъ и послѣднее проявляется здѣсь во всей своей силѣ. Лампады покрываютъ собою не только всѣ эти уступы, но еще разставляются въ два порядка отъ южныхъ дверей кумирни до тахильйинъ ширѣ, равно по стѣнамъ кумирни, ея карнизамъ, у колоннъ, словомъ по всюду гдѣ только можно поставить лампаду, она бываетъ поставлена. Снаружи лампы разставляются по кровлѣ кумирни, по землѣ вокругъ кумиренныхъ стѣнъ, въ притворѣ кумирни, на крыльцѣ и т. д. По мимо сего въ кумирнѣ на этотъ разъ готовятся

Призываю въ это мѣсто въ настоящій день великаго жертвоприношенія сонмъ всѣхъ, обитающихъ вверху тѣнгриевъ, во главѣ которыхъ Хормустъ и Мэхэшвара; всѣхъ, населяющихъ преисподнюю великихъ драконовъ, во главѣ которыхъ Нанги и Убананги; всѣхъ владыкъ земли, во главѣ которыхъ земная Ухинъ-тѣнгри и Басудари. Соизвольте придти!

Собирайтесь поскорѣ какъ къ радости и соизвольте каждый сѣсть на своемъ коврѣ! *(Каждое изъ этихъ трехъ призываній произносится стоя и сопровождается поклонами).*

Га-на-ла-и-сто.

Хумъ! Въ странѣ, принадлежащей къ тремъ тысячеміріямъ, я, съ вѣрою, приношу жертвенную воду (ᠬᠤᠮᠤ ᠤᠯᠤᠰᠤ), воду прохладенія ногъ, цвѣты, курящіяся хучжи, лампаду, благовонную воду, яства и веселые звуки музыки; пять жертвъ, удовлетворяющихъ пять чувствъ, семь драгоценностей ханскаго правленія, восемь знаковъ счастья и святости, четыре тибя, гору Сумэру, солнце, луну, лекарства, лѣса и сады — всесовершенное услажденіе своего тѣла (ᠤᠯᠤᠰᠤ ᠠᠨᠤ ᠤᠯᠤᠰᠤ ᠤᠯᠤᠰᠤ ᠤᠯᠤᠰᠤ) и собраніе добродѣтелей. Примите милостиво и соблаговолите дать верховныя и знаменательныя сидди!

Въ особенности же, съ вѣрою, приношу я просвѣщающую всѣ царства міра и исполненную свѣта солнца и луны лампаду, въ которой, посреди драгоценнаго сосуда, пространнаго какъ три тысячи міровъ, и въ морѣ колеблющагося масла, воткнутъ налитанный масломъ фитиль, крѣпкій какъ гора Сумэру. Приношу я сто восемь лампадъ основнымъ ламамъ всѣхъ родовъ (ᠤᠯᠤᠰᠤ) ученія, во главѣ которыхъ великій Ваяжра-дара. Принявъ ихъ, соблаговолите даровать верховное и общее благо!

Возношу я эти лампы, съ вѣрою, всѣмъ буддамъ десяти странъ, во главѣ которыхъ побѣдоносный Шигэмүни. Принявъ ихъ, соблаговолите дать верховное и общее благо!

Возношу ихъ, съ вѣрою, всѣмъ бодисатвамъ, во главѣ которыхъ находятся принадлежащіе къ восьми отдѣламъ великіе юноши. Принявъ ихъ, соблаговолите дать верховное и общее благо!

Возношу ихъ съ вѣрою шравѣкамъ, пратіекабұддамъ и всѣмъ святымъ, во главѣ которыхъ восемь верховныхъ великихъ шравѣковъ. Принявъ ихъ, соблаговолите дать верховное и общее благо!

Возношу ихъ, съ вѣрою, всѣмъ хранителямъ священнаго ученія, во главѣ которыхъ скорый строитель, мудрый Махагала. Принявъ ихъ, соблаговолите дать верховное и общее благо!

Кромѣ того я благоговѣнно возношу эти лампы тѣнгріямъ, драконамъ, владыкамъ земли и всѣмъ благочестивымъ гостямъ. Принявъ ихъ, соблаговолите дать верховное и общее благо!

Всѣ вы соблаговолите дать долголѣтіе!

Соблаговолите дать богатство въ золотѣ и серебрѣ!

Соблаговолите дать богатство въ разнаго рода плодахъ!

Соблаговолите дать богатство въ четвероногихъ животныхъ!

Соблаговолите дать богатство въ быстрыхъ лошадяхъ!

Соблаговолите дать богатство въ лучшихъ сто - вкусныхъ яствахъ!

Соблаговолите дать богатство въ мягкихъ и тонкихъ одеждахъ!

Соблаговолите дать богатство въ молокѣ, маслѣ и творогѣ!

Соблаговолите дать богатство въ доброй славѣ и полномъ довольствѣ!

Соблаговолите дать богатство въ безболѣзненности и спокойствіи!

Соблаговолите дать богатство въ сокѣ разныхъ плодовъ и молокѣ!

Соблаговолите дать всякія блага!

(Предыдущее должно прочитывать не менее трехъ разъ, большее же противъ этого число предоставляется усердію слушающихъ).

Да будетъ сосудъ этой лампы величиною съ царства великаго тысячемерія трехъ тысячъ міровъ; стержень ея да будетъ величиною съ гору Сумэру,—царя горъ; блескъ ея да будетъ свѣтлымъ и ясно виднымъ, — начиная съ низу отъ оконечности сансары, къ верху, — у существъ страшныхъ адовъ, еще даль-

истребленія другъ друга, отъ побоевъ, пинковъ, отъ убіенія и употребленія ихъ на работы, освободившись отъ глупости и безумія, да исполнятся трехъ мудростей (ཉམས་པོ་གསུམ་).

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствѣ Эрликъ-хана и всѣ эрлики, освободившись отъ дѣяній убійства, истязаній и побоевъ, да исполняютъ парамиты всѣхъ всесовершенныхъ и да исполнятся мысли о доставленіи помощи всѣмъ одушевленнымъ существамъ.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствахъ биритовъ и бириты эти, избавившись отъ мученій голода и жажды, благословеніемъ великаго милосердія обладающихъ великими сокровищами бодисатвъ да получать полное и безконечное удовлетвореніе въ пищѣ и питіи, но притомъ да будутъ они непремѣнно совершенны и въ парамитѣ подаянія милостыни.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствахъ ада. Адскія существа, вслѣдствіе того что они изстари закоснѣли въ злодѣяніяхъ, терпятъ нестерпимыя страданія голода и жажды. Благословеніемъ милосердія святаго и могущественнаго Хоншимъ бодисатвы ¹⁾, да освободятся они отъ безконечныхъ страданій и да получаютъ совершенство въ парамитѣ терпѣнія.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствѣ блуждающихъ за предѣлами цзамбутіба среди непроницаемой тьмы, у тѣхъ одушевленныхъ существъ, которые не видятъ ни на разстояніи вытянутыхъ рукъ и ногъ, ни на разстояніи согнутыхъ рукъ и ногъ. Эти существа, вслѣдствіе того что они изстари закоснѣли въ злодѣяніяхъ, когда захотятъ они ѣсть и пить, скребутся своими желѣзными когтями въ небо и, не находя пищи и питья, вырываютъ мясо своего тѣла и ѣдятъ. Благословеніемъ милосердія великаго будды Абиды да избавятся они отъ непроницаемаго мрака, въ которомъ блуждаютъ и да возродятся въ царствахъ плодородныхъ полей Сукавади.

1) Хоншимъ бодисатва, называемый по монгольски санск. Avalokiteśvara, тиб. སྤྲུལ་སྤྱན་དྲེགས་པའི་པུ་སྤྱན་

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствѣ драконовъ и чрезъ нее драконы, освободившись отъ связующихъ ихъ глупости и зависти, да исполнятся добродѣтели подаянія, да избавятся отъ восьми великихъ страховъ, изъ которыхъ главнѣйшій: страхъ летающей по поднебесью гари́ди ¹⁾, человѣческой клеветы и обмана; да увѣруютъ они въ будду, священное ученіе и сонмъ ламства; да умиротворятъ воскресающую жизнь и да исполнятся всякой добродѣтели въ своихъ пожеланіяхъ.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствахъ великихъ Махаранца; у владыкъ земли, обитающихъ въ четырехъ тѣбахъ; у тэнгриевъ, драконовъ, геніевъ земли и великихъ земныхъ хановъ; у геніевъ, обитающихъ въ великихъ моряхъ и малыхъ озерахъ, въ лужахъ и колодцахъ; у геніевъ, живущихъ въ большихъ рѣкахъ и маленькихъ рѣчкахъ, въ ключахъ, въ источникахъ, въ мѣстахъ, находящихся на высокихъ, снѣжныхъ, бѣлыхъ горахъ, на низкихъ, черныхъ горахъ, въ стланцахъ, на большихъ дорогахъ и на горахъ, поросшихъ травою, въ дремучихъ лѣсахъ и одинокихъ деревьяхъ, въ монастыряхъ, въ субурганахъ, въ большихъ городахъ и всѣхъ обитаемыхъ мѣстахъ. Всѣ они, отрѣшившись отъ привязанности къ матеріальному и свойственныхъ каждому заблужденій, да получаютъ нерушимое благоговѣніе къ тремъ высочайшимъ драгоценностямъ.

По силѣ принесенія мною этой лампады, самъ я и всѣ без-

1) Гари́ди или гаруди (отъ санскр. garuḍa изъ тиб. ཀ་རུ་དྭ་, иначе

མཁའ་ལྷིན་པ་པོ་, еще иначе ལྷིན་, или болѣе полно ལྷིན་མོ) мифологическое животное, представляемое въ видѣ одаренной рогами птицы и почитаемое врагомъ всякаго рода змѣй, почему гаруда и изображается всегда держащею своимъ клювомъ змѣю. Существа «гаруда» раздѣляются буддистами на нѣсколько отдѣловъ (ཁྲ་ཏིལ་), каждымъ изъ которыхъ управляетъ особый владыка. Намъ извѣстны четыре отдѣльныхъ имени этихъ владыкъ:

a) ཀླུ་མཁའ་ལྷིན་པ་པོ་ ཀླུ་མཁའ་ལྷིན་པ་པོ་ ཀླུ་མཁའ་ལྷིན་པ་པོ་ b) ཀླུ་མཁའ་ལྷིན་པ་པོ་ ཀླུ་མཁའ་ལྷིན་པ་པོ་ ཀླུ་མཁའ་ལྷིན་པ་པོ་ c) ཀླུ་མཁའ་ལྷིན་པ་པོ་ ཀླུ་མཁའ་ལྷིན་པ་པོ་ ཀླུ་མཁའ་ལྷིན་པ་པོ་ d) ཀླུ་མཁའ་ལྷིན་པ་པོ་ ཀླུ་མཁའ་ལྷིན་པ་པོ་ ཀླུ་མཁའ་ལྷིན་པ་པོ་

численные существа, возродившись у ногъ всесовершеннаго Аюши, да сдѣлаемся чрезъ благоотшедшаго будду величественными предметами вѣры для всѣхъ одушевленныхъ существъ.

Послѣ принесенія этой лампы я и всѣ одушевленные существа

да избавимся отъ мукъ трехъ злополучныхъ судебъ;

да избавимся отъ мукъ рожденія, старости, болѣзни и смерти;

да избавимся отъ мукъ жара, холода, голода и жажды;

да избавимся отъ мукъ неимѣнія и всякаго рода бѣдности;

да избавимся отъ мукъ распрей и ссоры;

да избавимся отъ мукъ физическаго разстройства, болѣзней и всякаго зла;

да избавимся отъ мукъ всякихъ болѣзней, существующихъ въ этомъ мірѣ и всякаго зла.

Да укротится всякое зло, поставляющее преграды тѣлу, жизни и существованію.

Да укротится всякое зло, поставляющее преграды добродѣтели и полному довольству.

Да укротится всякое зло, поставляющее преграды всесильнымъ родамъ и корнямъ.

Да укротится всякое зло, поставляющее преграды доброй славы, друзьямъ и рабамъ.

Да укротится всякое зло, поставляющее преграды приросту животныхъ, скота и домашняго скарба.

Да укротится всякое зло, поставляющее преграды увеличенію молока, масла и творога.

Да укротится всякое зло, поставляющее преграды накопленію сока плодовъ и полевымъ растеніямъ.

Да укротятся всякія бѣдствія и несчастія, во главѣ которыхъ болѣзни людей этого міра, болѣзни скота, споры, распри и смуты раздоровъ.

(Послѣ сего ламы поднимаются и становятся на свои мѣстахъ. Первенствующему въ хуралѣ опредѣленный для сего прислужникъ подаетъ на тарелкѣ жертву, состоящую изъ риса, или другихъ какихъ либо зеренъ. Когда первенствующій

приметъ эту тарелку, узнатъ а вслѣдъ за нимъ и всѣ служащіе начинаютъ):

Благословеніе трехъ высочайшихъ драгоценностей приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Счастье и добродѣтель тѣнгріевъ, во главѣ которыхъ Эсруа, приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Счастье и добродѣтель драконовъ, во главѣ которыхъ Нанти, приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Счастье и добродѣтель планетъ, во главѣ которыхъ солнце, приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Счастье и добродѣтель звѣздъ, во главѣ которыхъ созвѣздіе плеяды, приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Счастье и добродѣтель тѣнгріевъ богатства, во главѣ которыхъ Чжамбалъ, приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Счастье и добродѣтель людей, во главѣ которыхъ проповѣдующіе свящ. ученіе, приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Счастье и добродѣтель семи драгоценностей ханскаго правленія приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Величіе, счастье и добродѣтель удовлетворяющей духъ драгоценности Чиндамани приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Счастье и добродѣтель благаго жертвеннаго сосуда приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Обширныя счастье и добродѣтель великаго дерева Галбаварасъ ¹⁾ приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Счастье и добродѣтель великаго и глубокаго моря приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Счастье и добродѣтель высокой Сумэръ-улы приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Счастье и добродѣтель свѣтоносныхъ солнца и луны приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

1) Иначе ཀའཔ་རྒྱུ་མེད་, отъ санск. kalpavṛkṣa, тиб. ཀའཔ་རྒྱུ་མེད་

Счастье и добродѣтель обширнаго, великаго неба приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Счастье и добродѣтель обширныхъ и великихъ земныхъ царствъ приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

(При каждомъ этомъ призываніи счастья первенствующій въ хуралъ трижды медленно поднимаетъ надъ головою тарелку съ жертвенными зернами, которую имѣетъ онъ въ рукахъ, всѣ же іамъны въ это время издають продолжительный звонъ съ колокольчики. По окончаніи призываній счастья первенствующій ставитъ тарелку на тахильный ширѣ, а всѣ іамъны кладутъ свои колокольчики на столыце передъ ихъ мѣстами столыки. Вслѣдъ за тѣмъ они, оставаясь въ стоящемъ положеніи, по званію унзата продолжаютъ:)

«Да соберутся здѣсь всѣ добродѣтели и счастье какъ сущихъ въ мірѣ, такъ и прешедшихъ отъ міра. Да увеличатся величіе, жизнь и добродѣтель всѣхъ милостынедателей и друзей! Да увеличится добрая слава друзей и рабовъ! Да исполнятся всѣ ихъ завѣщанія желанія!»

Да получать счастье и святость тэнгрип!

Да получать счастье и святость драконы!

Да получать счастье и святость асүрін!

Да получать счастье и святость люди!

Да получаютъ счастье и святость всѣ и во всемъ!

Да распространятся счастье и святость на вѣки!

Этимъ хуралъ оканчивается.

Другимъ торжественнымъ и годовымъ хураломъ, отправляемымъ уже положительно въ каждомъ монгольскомъ сүмѣ, является хуралъ Цаганъ-саръ и особливо принесеніе жертвы «Сѳръ», совершаемое за день до новаго года. Служеніе это начнется докшітскимъ хураломъ и принесеніемъ въ жертву докшітгамъ балйновъ. Читателямъ извѣстно уже, что основную мысль докшітскаго хурала составляетъ прошеніе, обращенное къ геніямъ, хранителямъ священнаго ученія объ искорененіи враговъ вѣры и препятствій къ добродѣтели. Предъ наступленіемъ дня новолѣтія такіа моленія, согласно наставленіямъ ламъ, должны

быть приносимы усиленно; вотъ почему 28-го числа послѣдней зимней луны докшйтскій хуралъ всегда отправляется не менѣе какъ въ честь пяти докшйтовъ. Неносредственно вслѣдъ за симъ отправляется хуралъ *Линка*, чтеніе котораго представляетъ собою молитву, обращенную уже ко всѣмъ докшйтамъ вмѣстѣ, съ тою же просьбою сокрушить преноны для совершенія всего, что входитъ въ область буддизма и его ученія. Собственно *Линка* называется фигурка, которая готовится изъ тѣста специально для этого хурала. Она представляетъ собою изображеніе обнаженнаго человѣка, который въ данномъ случаѣ долженъ знаменовать врага вѣры и есть воплощеніе всѣхъ важнѣйшихъ грѣховъ, признаваемыхъ буддизмомъ. Предъ началомъ служенія хурала, монастырскій джамъ вноситъ линка въ кумирню на особомъ подносіи и, поставивъ его посреди кумирни на приготовленномъ здѣсь столѣ, не отходитъ отъ него во все время чтенія молитвъ. По окончаніи обращенія къ докшйтамъ, ламы, во второй части молитвы, произносятъ йорбли, число которыхъ подраздѣляется на 18 отдѣленій, хотя всѣ они могутъ быть выражены въ одномъ желаніи, чтобы «враги и препятствія превратились въ прахъ» (འགྲོལ་འགྲོལ་འགྲོལ་འགྲོལ་འགྲོལ་འགྲོལ་). При началѣ третьей части молитвы, джамъ окуриваетъ линка особыми, зловонными хучжи (ཁྲ་མུ་ཁྲ་མུ་) и беретъ въ руки ножъ, ламы между тѣмъ произносятъ: «этого врага, принесшаго зло тремъ драгоценностямъ, поругавшаго своего ламу, ненавидявшаго къ вѣрѣ, доставлявшаго страданія одушевленнымъ существамъ; нарушившаго свои обѣты, ударь, убей! Разлучи его съ тэнгриемъ, который вмѣстѣ съ нимъ родился; сведи его съ шкиньюсомъ, который пришелъ съ нимъ одновременно; разлучи его съ тэнгриемъ — отцемъ его; разлучи его съ тэнгриемъ — матерью его; разлучи его съ тэнгріями — родственниками его; разлучи его съ тэнгріями — свойственниками его; разлучи его съ тэнгріями — друзьями его; разлучи его съ тэнгриемъ счастья его; развеи его, низпустивъ на него дождь болѣзней, ядовитыхъ ранъ и мечей!» При этихъ словахъ джамъ рубитъ линка на двѣнадцать частей, по числу читаемыхъ ламами отдѣльныхъ приказаній, куски же

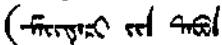
раскрошеннаго такимъ образомъ тѣста выбрасываетъ вонь изъ кумирни. Окаячиваютъ ламы служеніе линкѣ благодарностью къ докшітамъ за истребленіе врага вѣры и мольбою быть на будущее время ихъ опорой и защитой (*ᠤᠯᠡᠭᠦ ᠰᠢᠨᠳᠤᠬᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠲᠤᠨ ᠵᠢᠨᠠᠭᠤᠨ*). Съ окончаніемъ чтенія линкѣ, ламы приступаютъ къ служенію «Соръ» (тиб. མཚན). Соромъ называется высокая, трехугольная и внутри пустая пирамида, приготовляемая изъ тѣста и окрашиваемая румянами. Рѣзцомъ на ней вырѣзываютъ разныя фигурки въ родѣ цвѣтовъ, кружковъ, огненныхъ языковъ и проч., отчего вся эта пирамида представляется сквозною и общій видъ ея походить на огненный, вылающий костеръ. На вершинѣ пирамиды водружаютъ изображеніе головного черепа (*ᠠᠷᠠᠮᠤ*), также приготовленнаго изъ тѣста, за симъ такіа же черепа ставятъ по одному на каждой сторонѣ трехугольника у его подножія. Въ средину пирамиды втыкаютъ стрѣлу, увѣшанную хадаками и имѣющую у пера небольшое изображеніе хурдэ. Приготовленный такимъ образомъ соръ джама вносятъ въ кумирню и ставятъ его на особомъ столѣ у самыхъ дверей. Вокругъ сора возжигаютъ лампы и хучжи, поставляютъ жертвенныя чашки и наконецъ баллыны въ количествѣ 64-хъ. Последніе въ этомъ случаѣ называются «Дукъ-чжуба». Служеніе начинается освященіемъ сора, которое совершается чрезъ произнесеніе различныхъ тарни, при этомъ сору испрашивается чудесная сила пожечь всѣхъ враговъ и всѣ препятствія вѣры. Во второй части молитвы излагаются хвалы сору, образецъ которыхъ можетъ представить слѣдующій стихъ: «соръ, превращающій въ прахъ ненавистныхъ враговъ (вѣры) и препятствія; соръ, превращающій въ прахъ давшихъ грѣховныя обѣты; соръ, обосновывающій силу и могущество давшихъ восьми членные обѣты; ужасный соръ, отвращающій непристойныя препоны и препятствія!» Такихъ похвальныхъ стиховъ читается сорокъ. По окончаніи чтенія всѣхъ этихъ стиховъ, джама, долженствующій стоять у лѣвой стороны сора, беретъ съ этой лѣвой стороны два баллына и, перекруживъ ихъ трижды, сначала съ лѣва на право, а потомъ трижды съ права на лѣво, переноситъ и кладетъ ихъ на правую сторону, гдѣ въ свою очередь

беретъ также два балйна, также кружить ихъ и переносить на лѣвую сторону. Каждое перенесеніе совершается при звукѣ ламскихъ инструментовъ, которые умолкаютъ, когда джамъ перенесетъ балйны и ударить въ ладоши. Вслѣдъ за симъ ламы снова начинаютъ чтеніе 40 похвальныхъ стиховъ, по окончаніи которыхъ джамъ подъ звуки музыки снова переносить по два балйна съ одной стороны на другую. Когда балйны будутъ всѣ перемѣщены, то богослуженіе, совершаемое собственно въ кумирнѣ, оканчивается и тогда приступаютъ къ сожженію сѡра. Всѣ ламы встаютъ съ своихъ мѣстъ, выходятъ изъ кумирни за ворота монастыря и направляются въ степь къ мѣсту, гдѣ предназначено быть сожженію сѡра и гдѣ въ эту пору уже бываетъ разведенъ большой костеръ. Шествіе открываютъ два маленькихъ банди, идущихъ съ кадильницами, за ними слѣдуютъ ламы музыканты, во все время дороги ни на минуту не прерывающіе своей игры, далѣе джамъ, поддерживаемый подъ руки двумя гѣцүлями, несетъ сѡръ, за нимъ наконецъ слѣдуютъ всѣ ламы, совершавшіе хуралъ. По прибытіи на мѣсто сожженія, первенствующій въ хуралѣ прежде всего бросаетъ балйны просто по степи, на землю (они дѣлаются добычею собакъ), а потомъ принимаетъ отъ джамы сѡръ. Въ это время ламы начинаютъ чтеніе третьей и послѣдней части молитвы, говорящей о сожженіи сѡра. «Я, йогѣцзари, бросаю сѡръ. Этотъ ужасный сѡръ острѣе, чѣмъ окончность вѣжр'оваго копья, крѣпче чѣмъ подножіе вѣжр'овой скалы, его ужасающая сила превосходитъ молнію». По прочтеніи этого стиха первенствующій поднимаетъ сѡръ надъ головою и кружить его въ воздухѣ, ламы между тѣмъ читаютъ новый стихъ «Я, йогѣцзари, бросаю сѡръ. Это бросаніе — не для обитающихъ на верху тѣнгриевъ, не для живущихъ внизу повелителей драконовъ, не для альбйновъ, обитающихъ въ промежуточномъ пространствѣ между небомъ и землею, не для владыкъ земли и воды». — Первенствующій снова поднимаетъ сѡръ надъ головою и кружить его въ воздухѣ, а ламы начинаютъ третій стихъ: «Я, йогѣцзари, бросаю ужасный сѡръ. Это бросаніе ужаснаго сѡра совершается

говращенія Майдари. Все это дѣлается для того, чтобы вѣрующіе въ возможно большемъ количествѣ могли собраться для оказанія почестей и для поклоненія будущему правителю міра.

Въ самомъ монастырѣ приготовленія къ церемоніи начинаются по крайней мѣрѣ недѣли за двѣ и состоятъ они главнымъ образомъ въ приведеніи въ должный порядокъ всѣхъ атрибутовъ церемоніи. Прежде всего заботятся о телѣгѣ, на которой совершается круговращеніе: ее каждый годъ отдѣлываютъ почти заново и уже непремѣнно каждый годъ если ни красятъ, то полируютъ. Телѣга эта дѣлается двухколесная и имѣетъ форму большой арбы, причемъ вышина настилки, на которой собственно поставляется кумиръ Майдари, полагается не менѣе какъ на 6-ть локтей отъ земли. Съ трехъ сторонъ настилка телѣги огораживается рѣшеткой, которая на задней сторонѣ телѣги дѣлается на вышину двухъ локтей, боковыя же рѣшетки, будучи одинаковой вышины между собою, имѣютъ высоты не больше полу-аршина. Вся телѣга окрашивается въ четыре краски: колеса дѣлаются непремѣнно всѣ сполна красныя, а въ рѣшѣткѣ и настилкѣ чередуются цвѣта желтый, синій, красный и зеленый. Сверхъ сего на колышкахъ рѣшетки рисуются изображенія семи драгоценностей (долонъ эрдэи), восьми жертвъ (найманъ тахиль), дѣцзы, бадан'овъ и проч. Сверху все это покрывается китайскимъ лакомъ и пестрая телѣга эта имѣетъ въ самомъ дѣлѣ довольно красивый видъ. Ко дню круговращенія между колышками рѣшетки пропускаютъ еще куски разноцвѣтныхъ шелковыхъ матерій, которыя съ одной стороны дѣлаютъ телѣгу еще цвѣтистѣе и богаче, а съ другой служатъ и поддержкою для разнаго рода мелкихъ предметовъ, которые поставляются на телѣгу вмѣстѣ съ бурханомъ. По угламъ телѣги ставятъ четыре шелковыхъ, пятицвѣтныхъ чжалцана, а посреди телѣги на высокомъ шестѣ водружаютъ шелковый, атласный шүхүръ на столько большой, что онъ закрываетъ собою большую часть телѣги. Таково обыкновенное устройство телѣги, на которой совершается церемонія круговращенія Майдари въ Халхѣ. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ южной Монголіи, по разказамъ ламъ, принято въ обы-

чай при круговращеніи Майдари ставить бурханъ его на носилки. Устройство этихъ носилокъ впрочемъ весьма походить на устройство телѣги: тѣже рѣшетки, тѣже чжалцаны по четыремъ угламъ и тотъ же шүхүръ, водружаемый посреди носилокъ. Главѣйшее отличіе того и другаго способа круговращенія состоятъ въ томъ, что во время круговращенія носилки несутъ обыкновенно на своихъ плечахъ ламы, а въ телѣгу непременно впрягаютъ лошадь или слона, сдѣланные опять таки или изъ дерева, или изъ картона и окрашенные въ зеленую краску. Фигуры эти прикрѣпляются къ доскѣ, снабженной колесами совершенно подобно тому, какъ это дѣлается въ нашихъ дѣтскихъ игрушкахъ. Пристегиваются эти лошадь, или слонъ къ телѣгѣ особыми ремнями на подобіе нашихъ шоръ; на спинахъ же какъ у того, такъ и у другаго животнаго вмѣсто сѣделки устанавливается изображеніе драгоценности чиндамани. Весь этотъ приборъ поставляется передъ дверями храма еще съ вечера подъ тотъ день, когда назначено быть церемоніи.

Въ день совершенія круговращенія Майдари ламы начинаютъ свое обычное чтеніе рапсѣловъ въ храмѣ часовъ въ пять утра и оканчиваютъ этотъ хуралъ часовъ въ шесть. Къ этому времени всѣ низшіе члены духовенства уже собираются предъ дверями кумирни и становятся въ указанномъ имъ порядкѣ, держа каждый ту принадлежность церемоніи, которую обязанъ онъ нести при торжественномъ шествіи. По окончаніи хурала, приступаютъ къ совершенію церемоніи: ханбѣ ламѣ вмѣстѣ съ двумя или тремя монастырскими ширѣтүлами открываютъ шествіе изъ кумирни, неся позлащенный кумиръ Майдари и, дошедши до телѣги, ставятъ его на приготовленное здѣсь мѣсто. Вслѣдъ за ними, въ порядкѣ старшинства, слѣдующіе ламы несутъ пять томовъ священныхъ книгъ ученія о Майдари () и складываютъ ихъ передъ бурханомъ, обративъ ихъ къ кумиру; слѣдующіе ламы, по порядку, несутъ зажженные, благоуханныя хучжи, дымящуюся кадильницу () цвѣтокъ, долбонъ эрдэни, улцэйтү найманъ тэмдэкъ и табунъ хусаль. Всѣ эти предметы ламы берутъ съ тахильиинъ ширѣ и ставятъ на

колесницу предъ изображеніемъ Майдари. Когда все это будетъ установлено, начинается движеніе. Впереди процессіи идутъ два ламы, несущіе свернутыя барсовыя шкуры, предназначенныя для того, чтобы ими, какъ бичами, разгонять народъ. Впрочемъ эти церемоніальные блюстители порядка идутъ только для вида, на дѣйствительную же полицейскую службу отряжается, обыкновенно, человекъ пятьдесятъ ламъ съ настоящими нагайками, которые идутъ въ разныхъ мѣстахъ процессіи и появляются тамъ, гдѣ самыя обстоятельства требуютъ ихъ присутствія: надавить толпа на поющихъ ламъ, стѣснить дорогу, по которой движется церемоніальное шествіе, полицейскіе, не разбирая, дерутъ своими нагайками кого по чемъ попало, а то такъ и прямо разложить, да и выпорютъ какого-нибудь уже черезъ чуръ нахальнаго нарушителя благочинія. За официальными блюстителями порядка церемоніи идутъ по парно два ламы, трубя въ раковины; далѣе два ламы съ цѣнами; два ламы съ пальниками; два ламы съ диншэ, два ламы съ кэнгарэ; два ламы съ бишкѣрами; два ламы съ ганлѣвами; два ламы, играющіе на бурѣ и два ламы, трубящіе въ ухэръ-бурѣ; такъ какъ два послѣдніе инструмента очень велики, то переднюю часть ихъ кладутъ на особый поставецъ, который несутъ на плечахъ два ламы; за ухэръ бурѣчин'ами слѣдуетъ одинъ лама съ колокольчикомъ; за нимъ два лама съ чимъ-пурма, а позади еще лама, несущій желтый, шелковый зонтикъ Майдари. Далѣе слѣдуетъ колесница Майдари сопряженною въ нее зеленою лошадейю. Человекъ двадцать ламъ тянутъ сначала эту лошадь за ремни, привязанные къ ея колесянкѣ, за тѣмъ такіе же ремни прикрѣплены и къ телѣгѣ, которую также тащатъ ламы, закинувъ ремни на плечи на подобіе того, какъ наши бурлаки тянутъ лямку. Непосредственно за колесницей слѣдуютъ два ламы съ ухэръ бурѣ, а за ними сопровождаетъ колесницу высшее монастырское духовенство. Такова самая срединная линія процессіи, въ которой движется колесница Майдари. Что касается средняго и низшаго духовенства, то оно располагается рядами на всю длину процессіи и по обоимъ сторонамъ ея въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ первомъ ряду по правую и по лѣвую стороны идутъ

гуськомъ ламы, служащiе хуралъ; они несутъ всѣ принадлежно-
сти хураловъ, т. е. всѣ тѣ предметы, которые стоятъ въ ку-
мирнѣ на тахилыннѣ ширѣ; второй рядъ составляется изъ гэлѣ-
новъ, идущихъ также гуськомъ: каждый изъ нихъ держать въ
рукѣ колокольчикъ и звонить въ него во все время движенiя
процессiи; въ третьемъ ряду идутъ ламы съ цальнинами; въ чет-
вертомъ—ламы съ дударма; въ пятомъ—съ цаннами и ханганга;
въ шестомъ—съ бинкѣрами, ганлинами и бурѣ; въ седьмомъ—
съ ухэрѣ бурѣ; въ восьмомъ—съ барабанами (хэнгэргэ), при-
чемъ для меньшихъ барабановъ назначается по одному ламѣ, а
для большихъ по три ламы. Эти большiе барабаны, будучи
вставлены въ четырехугольную деревянную рамку, возятся на
телѣжкахъ: два ламы тащатъ телѣжку, а третiй докѣр'омъ уда-
ряетъ въ барабанъ. Послѣднiй, девятый рядъ составляется изъ
несущихъ такъ называемые «чимѣктъ». Здѣсь по обѣимъ сторо-
намъ процессiи располагается въ послѣдовательномъ порядкѣ
сначала долбнѣ эрдэни, потомъ улцэйтѣ найманѣ тэмдѣктъ, табѣнѣ
хусэлѣ и др.; изображенiя всѣхъ этихъ предметовъ для церемо-
нии Майдари дѣлаются деревянныя, на высокихъ шестахъ и но-
сятъ ихъ на подобiе металлическихъ хоругвей нашихъ церквей.
За этими изображенiями въ томъ же девятомъ ряду слѣдуетъ
длиннѣйшая линiя бадан'овъ и шѣхѣр'овъ, которые то несутъ на
рукахъ, то везутъ на колесикахъ. Все это блестятъ позолотой,
пестрятъ разными цвѣтами шелковыхъ матерiй и издали пред-
ставляетъ собою необычайное зрѣлище. О громадности процессiй
можно судить потому, что на видѣнной мною въ Ургѣ церемонiи
Майдари въ 1877 году, однихъ только ламъ участвовало до
30,000 человекъ, не считая благочестивыхъ поклонниковъ, число
которыхъ было ни какъ не меньше числа ламъ. Въ монастырѣ
Эрдэни цзѣ въ томъ же 1877 году на церемонiи Майдари уча-
ствовало ламъ до 10,000, а число поклонниковъ превосходило
даже Ургу. Я забылъ еще сказать, что если въ церемонiи Май-
дари участвуютъ хутухты и хубилганы, то они никогда не идутъ
на ряду съ духовенствомъ, но cadaго изъ нихъ ламы несутъ
въ носилкахъ, сбоку колесницы Майдари. Носилкамъ хутухтѣ

предшествуютъ въ этомъ случаѣ по парно два ламы съ бишкүрами, два ламы съ бурѣ, и одинъ лама съ дымящеюся кадильницею; позади носилокъ идутъ также два бурѣчи и за ними штатъ хутухты.

Процессія, двинувшаяся въ сказанномъ порядкѣ отъ дверей монастырскаго гѡль сѹмѣ, проходитъ черезъ весь монастырскій дворъ и, вышедши за главныя монастырскія ворота, тотчасъ же останавливается. Колесницу Майдари поворачиваютъ обратно лицомъ на сѣверъ, т. е. къ монастырскимъ воротамъ и здѣсь дѣлается первое поклоненіе бурхану, совершается первый хураль¹⁾. Онъ состоитъ въ поднесеніи бурхану мандала, главнѣйшее же содержаніе молитвы, читаемой при этомъ, составляетъ просьба, что бы Майдари, какъ владыка всѣхъ побѣдоносныхъ буддъ, сподобилъ своихъ поклонниковъ насладиться величіемъ его проповѣди въ то время, когда будетъ онъ вращать колесо священнаго ученія; чтобы всѣ они сподобились счастливой доли быть его учениками и во вѣки вѣковъ воздавать ему почести. По окончаніи этого хурала, колесницу поворачиваютъ лицомъ на за-

1) Въ монастырѣ Эрдэни цзѹ какъ виѣсто этого, такъ и виѣсто другихъ хураловъ, о которыхъ я буду говорить ниже, на всѣхъ четырехъ сторонахъ монастыря совершалась церемонія «цанмъ». Въ чахарскомъ Цаганъ улаинъ сѹмѣ, по разказамъ мѣстныхъ ламъ, виѣсто хураловъ, или церемоній «цанмъ», совершаются будто бы въ то же время цанитскія состязанія по вопросамъ, относящимся до ученія о бурханѣ Майдари. Виѣшнимъ отличіемъ этого цанита служить то, что состязующіеся ламы производятъ свои состязанія въ шасѣр'ахъ, тогда какъ обыкновенно цанитскіе диспуты совершаются ими съ непокрытою головою. Въ объясненіе этой особенности ламы приводятъ преданіе, что въ глубокой древности, еще въ Индіи и до времени распространенія буддизма въ Тибетѣ, ученикамъ будды приходилось выдерживать споры съ тиртиками относительно почитанія Майдари. Въ первое время состязанія шли очень не успѣшно для послѣдователей будды и тиртики готовы были уже побѣдить ихъ. Но истина восторжествовала! Одному изъ послѣдователей будды явилась въ сонномъ видѣніи Хлѣ-ма и сказала, будто бы неуспѣхъ буддистовъ обуславливается тѣмъ, что они производятъ свои состязанія не вѣрно и что для побѣды надъ тиртиками имъ должно надѣть «шапки, подобныя щетинѣ дикаго кабана». Въ ту пору былъ изобрѣтенъ «шасѣръ», шерстяной гребень котораго, въ самомъ дѣлѣ, напоминаетъ собою поднявшуюся на спинѣ щетину. Въ Халхѣ имѣтъ обычай состязаться въ цанитѣ при круговращеніи Майдари, но, замѣчательно, что всѣ цанитскіе ламы и въ Халхѣ имѣютъ свою обычную шапку «шасѣръ».

чемъ каждому ламѣ дается по два, или по три листочка книги. Отсюда церемонія снова направляется къ южнымъ монастырскимъ воротамъ и, прошедши чрезъ нихъ, останавливается предъ дверями гѣль сѹмѣ. Здѣсь совершается послѣдній хуралъ, состоящій изъ чтенія йѣрѣя Майдари (ᠮᠠᠢᠳᠠᠷᠢ ᠬᠤᠷᠠᠯ), по окончаніи котораго бурхана снимаютъ съ колесницы и вносятъ въ сѹмѣ, равно какъ и всѣ тѣ нѣмы и принадлежности церемоніи, которыя при началѣ ея были вынесены изъ храма. Этимъ церемонія круговращенія Майдари и оканчивается.

Другимъ, не менѣе торжественнымъ годовымъ богослуженіемъ является Цамъ (тиб. ཇམ་པོ་པོ་ , монг. ᠴᠠᠮ), хуралъ котораго состоитъ собственно изъ представленій пантомимическихъ плясокъ божествъ, причисляемыхъ къ разряду докшѣтовъ. По разказамъ ламъ, божества представляются здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ являлись они въ сновидѣніяхъ буддійскимъ ламамъ и въ созерцаніяхъ дѣянчи; далѣе мои наставники говорили мнѣ, что нынѣ торжество это устраивается въ знакъ того, чтобы, явивъ врагамъ вѣры и добродѣтели ясное присутствіе на землѣ божества, отвратить всѣхъ этихъ злонамѣренныхъ существъ отъ послѣдователей вѣры будды. Въ сумбумѣ Цаганъ-дѣянчи о назначенія цамы говорится болѣе полно: «Существа, вступившія на путь таинственныхъ тѣрни и спасающія свой духъ отъ узъ нескваниса, кромѣ изученія начинаній (ᠠᠵᠠᠩᠨᠠᠳᠠᠨᠢ) и окончаній (ᠠᠵᠠᠩᠨᠠᠳᠠᠨᠢ), должны очистить свои порочныя дѣянія; а для сего должны изучить поклоненія (ᠠᠵᠠᠩᠨᠠᠳᠠᠨᠢ), круговращенія (ᠠᠵᠠᠩᠨᠠᠳᠠᠨᠢ) и цамъ, такъ какъ все это весьма способствуетъ къ очищенію нечистоты и порочности. Учрежденіе цамы внѣшнюю пляскою уничтожаетъ шимнѹсовъ, а внутреннюю жертвою радуетъ буддъ десяти странъ». Изъ этого же сочиненія видно, что есть много различныхъ положеній о цамѣ, хотя всѣ они одинаковы по сущности и различіе ихъ заключается главнымъ образомъ въ порядкѣ выхода и пляски того или другаго божества, времени принесенія той или другой жертвы и проч. Изъ сказаннаго явствуетъ, что празднованіе цамы не имѣетъ за собою ни какой исторической подкладки и въ основѣ его не лежатъ ни какого исто-

рическаго событія; отсюда весьма естественно вытекаетъ, что цамъ не можетъ быть приуроченъ къ какому нибудь одному опредѣленному дню, но совершается въ различныхъ мѣстахъ въ различное время. Изъ всѣхъ наблюдений и разспросовъ, которые удалось мнѣ произвести, я могъ вывести только одно заключеніе, что какъ въ Монголіи, такъ и у нашихъ Бурятъ цамъ ежегодно совершается въ тотъ день, въ который впервые въ монастырѣ введено его служеніе. Во время пребыванія моего въ Эрдэни цзѹ, тамъ устраивалось служеніе цамъ при празднованіи круговращенія Майдари, а именно цамъ былъ совершаемъ на всѣхъ четырехъ сторонахъ монастыря вмѣсто тѣхъ четырехъ хураловъ, которые совершаются при этомъ обстоятельстве въ другихъ монастыряхъ и въ Ургѣ. Нельзя не сказать однако, что, являясь какъ нѣчто то прикладное къ процессіи Майдари, цамъ не имѣлъ въ это время ни того убранства, ни того объема, ни тѣхъ жертвъ, которыя бывають при совершеніи его, какъ исключительнаго торжества.

Въ тѣ дни, когда цамъ составляетъ собою специальный хуралъ, сборы къ его совершенію, какъ и при отправленіи церемоніи Майдари, начинаются недѣли за двѣ. Они состоятъ главнымъ образомъ въ приготовленіи новыхъ и исправленіи старыхъ масокъ, а равно въ поправкѣ одежды и украшеній, которыя должны одѣвать на себя ламы, маскирующіеся божествами. Такъ какъ церемонія цамъ всегда совершается на монастырскомъ дворѣ, то подъ день церемоніи готовится все нужное къ ея совершенію и здѣсь. Дворъ на чисто выметается; посреди его и какъ разъ противъ дверей гѹмъ сумѣ воздвигается на четырехъ столбахъ родъ балдахина съ навѣсомъ изъ шелковыхъ матерій цвѣтовъ синяго, краснаго и желтаго; по бокамъ этого навѣса устанавливаются иногда четыре, а иногда два значка въ родѣ знаменъ. Подъ навѣсомъ ставится столикъ, покрываемый сначала барсовой кожею, а поверхъ ея шелковою пеленою. Это мѣсто для постановки сѹра; оно должно служить центромъ для круга, въ которомъ совершаются пляски божествъ. Вокругъ этого балдахина на разстояніи не свѣше одного аршина отъ колоннъ, ко-

торыя поддерживаютъ балдахинъ, проводится первый кругъ цѣма. Обозначается онъ узкою чертою посыпанной муки, или мѣлу, словомъ, какого либо бѣлаго вещества, которое рѣзче обозначало бы кругъ на общемъ фонѣ землянаго двора. Отъ этого перваго круга на разстояніи саженой двухъ, или двухъ съ половиною обозначаются такіе же два бѣлые круга, отстоящіе другъ отъ друга аршина на полтора, или на два. Образующаяся между ними дорожка предназначается мѣстомъ, на которомъ должны совершаться пляски собственно тѣхъ масокъ, которыя изображаютъ собою бурхановъ—довшитовъ. Позади этихъ круговъ опять таки на разстояніи отъ нихъ двухъ, или двухъ съ половиною аршинъ снова намѣчается два круга, а образующаяся между ними дорожка предназначается для пляски шанак'овъ, которые изображаютъ собою уже не божествъ, а ламъ созерцателей Ямандагй. Отъ этихъ двухъ круглыхъ дорожекъ, на которыхъ имѣютъ быть совершаемы пляски, до самыхъ дверей голь сумѣ такими же бѣлыми линиями очерчивается еще дорога, по которой маски, выходя изъ кумирни, должны доходить до круговъ, или мѣста своей пляски. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта дорожка пересѣкаетъ круги, очерчивается еще меньшими кругами мѣсто, на которомъ маски, выходящія изъ кумирни, должны останавливаться передъ началомъ своей пляски.

Въ кумирнѣ съ самаго ранняго утра начинается костюмировка ламъ. Одежды масокъ, изображающихъ божества, равно какъ и одежды шанак'овъ шьются изъ превосходныхъ шелковыхъ матерій, преимущественно изъ одноцвѣтнаго атласа и всѣ по одному покрою. Хубцасунъ, т. е. одежда, покрывающая все тѣло костюмирующихся, по формѣ значительно подобна нашему стихарю: другими словами, она представляетъ собою два равныя полотнища, сшитыя по бокамъ, со вставкою въ нижней части клиновъ и съ вырѣзаннымъ наверху отверстіемъ для продѣланія головы; отличие ея отъ стихаря представляетъ только форма рукавовъ. Эти послѣдніе дѣлаются здѣсь очень широкими и по виду напоминаютъ фигуру колчана (тѣѣ Аѣѣ ѡ ѡ), каковой и дѣйствительно должны изображать они собою въ озна-

менованіе того, что всѣ докшіты постоянно скрываютъ въ своихъ рукавахъ лукъ и стрѣлы, которыми готовы поразить они враговъ вѣры. По верхъ этого хубчасу накидывается еще отдѣльная пелерина о пяти фистонахъ, называемая дѡдъ-икъ, описаніе которой уже было представлено нами въ разказѣ объ одеждѣ ламъ во время докшітскихъ хураловъ. На нижнюю половину хубчасу повязывается родъ фартука (мѡдъ-икъ), средину котораго составляетъ кусокъ матеріи или краснаго, или синяго, или зеленаго цвѣтовъ; кусокъ этотъ оторачивается здѣмъ узкою полоскою чернаго атласа, а къ нижней сторонѣ этой оторочки фартука пришиваются еще полоски изъ желтаго и краснаго атласовъ. По верхъ этой одежды на шею накидывается восемь нитокъ громадныхъ четокъ съ золотыми шариками. Четки эти должны быть такъ велики, чтобы накинутае на шею они доходили до пояса спереди и сзади. Здѣсь у пояса, какъ на передней, такъ и на задней сторонѣ они скрѣпляются всѣ вмѣстѣ фигурою восьмирадіуснаго «номунъ хурдѡ», отъ котораго къ низу висятъ еще три золотыхъ шнура; къ среднему изъ нихъ привязывается колокольчикъ, къ двумъ боковымъ — такія же золотыя кисти. Маски, надѣваемые ламами, дѣлаются изъ папье-маше по формѣ лицъ тѣхъ докшітовъ, которыхъ должны изображать они; такимъ образомъ здѣсь являются и ужасно извращенныя человѣческія лица и наконецъ головы львовъ, быковъ, слоновъ и проч. Всѣ онѣ окрашиваются сообразно цвѣту того бурхана, котораго должны изображать. По величинѣ онѣ являются раза въ полтора или даже два больше обыкновеннаго человѣческаго лица и потому маскирующійся кажется безобразно большоголовымъ. Помимо лица маска изображаетъ еще и діадему изъ пяти человѣческихъ череповъ, которою украшается каждый докшітъ. Само собою разумѣется, что это еще болѣе увеличиваетъ объемъ маски. Сзади у масокъ, изображающихъ человѣческія головы, придѣлываются большія кисти изъ красныхъ шелковыхъ нитокъ, которыя обозначаютъ собою волосы докшітовъ. Шаньки масокъ не одѣваютъ, но взамѣнъ ихъ имѣютъ особыя шапки. Эти шапки состоятъ изъ черной овальной тульи съ широкими полями; на верху тульи

ихъ увѣнчивается деревянною фигуркою человѣческаго скелета, усѣченного до пояса, а надъ всѣмъ этимъ, начинаясь отъ полей, возвышаются два дугообразныхъ, сдѣланныхъ изъ палье-маше рога, которые соединяются между собою вставленнымъ между ними изображеніемъ чиндамани. Таковы одежды главныхъ дѣйствующихъ лицъ цѣма.

Въ храмѣ служеніе въ день совершенія цѣма начинается часовъ съ пяти утра. Послѣ обычнаго утренняго хурала, оканчивающагося часовъ въ 7-мь, ламы расходятся по домамъ и ко второму хуралу, на которомъ всегда совершается чествованіе Ямандагй, собираются часовъ въ 10-ть. Послѣ чтеній Ямандагй бываетъ освященіе сѣра, о которомъ мы уже говорили выше. Окончивъ двѣ первыхъ части служенія сѣра, ламы встаютъ съ своихъ мѣстъ, и выходятъ изъ хурала въ слѣдующемъ порядкѣ: Впереди идутъ ламы, несущіе фонари съ лампадами, далѣе ламы съ дымящимися хѣчжй, потомъ по одному ламѣ: первый съ баліномъ владыкѣ мѣстности (ཁོ་ཅེ་མཆོག); слѣдующій несетъ бумбѣ съ налитымъ въ него аршаномъ, въ данномъ случаѣ носящимъ названіе золотого кропленія ($\text{འཇམ་མཁའ་འཁོར་པ་$); далѣе лама, несущій сѣръ; за нимъ ламы съ разнаго рода храмовыми украшеніями и значками; еще далѣе ламы музыканты: сначала съ ганлилами, потомъ съ цанами, бишкѣрами, барабанами и проч. Вся эта процессія, выступивъ изъ сѣмѣ, останавливается въ его притворѣ и ставитъ сѣръ на особливо приготовленномъ здѣсь столѣ. Немедленно раздается звукъ ганлипа и по этому звуку являются первые провозвѣстники цѣма. Выходятъ двѣ маски, такъ называемые хохимай. Маски эти изображаютъ собою мертвыя головы, одѣты же они въ бѣлыя полотняныя одежды, плотно охватывающія всѣ части ихъ тѣла, какъ трико нашихъ гимнастовъ; по бокамъ этого костюма намѣчены у нихъ ребра, нѣкоторыя кости, словомъ весь этотъ костюмъ имѣетъ претензію на то, чтобы изобразить скелетъ. вмѣстѣ съ этими двумя масками выходитъ и третья, изображающая ворону. Морда ея выдѣляется довольно удачно, костюмъ же составляютъ узкіе, черные, калинкоровые шаровары съ такою же курткой. Немедленно по

выходѣ, хохимай становятся по бокамъ сора, а ворона набрасывается на соръ, какъ бы желая похитить его, но хохимай'и отгоняютъ ее палками, которыя держатъ въ рукахъ. Эгимъ оканчивается ихъ первое представленіе. Вслѣдъ за тѣмъ вмѣсто продолженія чтенія третьей части хурала «соръ», начинается музыка, необычайно быстрая; когда она умолкаетъ, изъ сѹмѣ появляется лама, несущій въ одной рукѣ габалу, наполненную кровью, а въ другой мандаля съ насыпанными въ него зернами и поставленными на немъ четырьмя балйнами. Ставъ передъ соромъ, онъ, съ крикомъ «аргамъ», переливаетъ кровь изъ габалы на мандаля. Послѣ этого всѣ встаютъ снова и, перенесши соръ на приготовленное для него мѣсто посреди двора подъ балдахиномъ, усаживаются на свои мѣста.

Немедленно по постановкѣ сора, передъ фигурою его начинается пляска двухъ хохимай: помимо разныхъ движеній всѣмъ тѣломъ, они перебрасываются своими палками, перебѣгаютъ послѣдовательно то на право, то на лѣво отъ сора, наконецъ шесть разъ обѣгаютъ вокругъ него и становятся на свои мѣста по бокамъ балдахина. Эгимъ роль ихъ оканчивается, во все дальнѣйшее продолженіе цѣма они неподвижно стоятъ на своихъ мѣстахъ, изрѣдка только отгоняя своими палками нападающую на соръ ворону.

Снова раздается звукъ ганлина и въ это время выходятъ изъ сѹмѣ двѣ маски, называемыя ацзъръ. Они изображаютъ собою жителей Индостана. Маски ихъ представляютъ собою обыкновенныя человѣческія лица, только каррикатурно-извращенныя, окрашенныя въ буровато-коричневый цвѣтъ и, подобно всѣмъ другимъ маскамъ, увеличенныя раза въ $1\frac{1}{2}$ противъ обыкновеннаго человѣческаго лица. Одѣты ацзър'ы въ прямые халаты изъ коричневаго шелка и опоясаны синимъ поясомъ; волосы ихъ всчесаны на верхъ въ одинъ пучекъ (уснйръ) подобно тому, какъ это находимъ мы на фигурахъ дэгэдү амугулантү бурхановъ. Ацзъры не входятъ въ кругъ цѣма, но пляшутъ почти у дверей храма и затѣмъ остаются на все время онѣ круга цѣма. Послѣ первой пляски дальнѣйшая роль ихъ состоитъ во встрѣчѣ Чак-

равартингъ хана, за симъ вовсе остальное время они бродятъ около круга цамы, кое когда бросаются на надвигающуюся близко къ кругу толпу зрителей и отстраняютъ ее назадъ, доставляя при томъ не мало смѣха толпѣ своими выходками.

Вслѣдъ за ацзарами, по звуку гапайна, изъ кумирни выходитъ Чакравартингъ ханъ, съ супругою и сыномъ. Всѣ эти лица одѣты въ обычные китайскіе костюмы, каковы: халатъ, курма и пр.; отличительную особенность въ ихъ костюмѣ составляетъ только то, что всѣ они имѣютъ у себя накиннутую на плечи пелерину дохъ-икъ. Чакравартингъ ханъ имѣетъ при томъ особаго устройства шапку и держитъ въ рукахъ бумбѣ. Семья Чакравартина выходитъ въ сопровожденіи двухъ маленькихъ ацзаровъ, которые послѣдуютъ за нею, держа на плечахъ обнаженные мечи. Роль всѣхъ этихъ лицъ весьма безцвѣтная. Когда подходятъ они къ первому кругу цамы, ихъ встрѣчаютъ здѣсь только что окончившіе свою пляску ацзары, кланяются предъ ними, посыпаютъ предъ ними цвѣты и отводятъ на приготовленный вѣкъ круга цамы диванъ. Здѣсь Чакравартингъ ханъ усаживается съ своею супругою, сына своего усаживаютъ въ средніе, а сопровождающіе ихъ ацзары усаживаются по бокамъ у нихъ, по старому держа наголо свои мечи.

Слѣдующій звукъ раковины вызываетъ изъ сѣмѣ семью Хашингъ-хана, которая состоитъ изъ самого хана и шести сыновей его, малъ-мала меньше. Ханъ одѣтъ въ обычный халатъ монгольскихъ простолюдиновъ и курму, но по верхъ сего имѣетъ еще накиннутое на плечи оркымчжй; дѣти его одѣты въ обычные халатики и курмы; каждый изъ нихъ держитъ въ рукахъ какую нибудь музыкальную принадлежность хурала: одинъ домбуръ, другой колокольчикъ, третій диншѣ, четвертый маленькій цанъ, пятый цолынъ, шестой дунъ-бурѣ. Маски этихъ лицъ представляютъ обыкновенныя, каррикатурныя лица монголовъ и преподѣшны по тѣмъ добродушнымъ выраженіямъ, которыя имъ приданы. Хашингъ-ханъ выдается ламами за хубилгана хановъ Качійскихъ, которые, по преданіямъ, встрѣчали въ своемъ домѣ каждого будду, приходящаго въ міръ. Роль Хашингъ (или Качингъ)

хана также точно состоитъ въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми выходитъ на встрѣчу каждой, впервые появляющейся маскѣ; сообразно этой роли, Хашинъ ханъ держитъ въ рукахъ громадный хадакъ, какъ привѣтственный подарокъ появляющимся маскамъ.

Всѣ вышепоказанныя маски не входятъ собственно въ составъ пляшущихъ божествъ и служатъ только для обстановки цѣма; самый же цѣмъ начинается только по выходѣ Хашинъ-хана.

Раздается троекратный ударъ цѣна, вслѣдъ за нимъ звуки ганлина и изъ сѹмѣ выходятъ два почжуг'а, изъ числа восьми почжуг'овъ — сотоварищей Чойчила. Маски ихъ представляютъ искаженныя злобою лица темножелтаго цвѣта, увѣнчанныя пятью черепами, въ рукахъ они держатъ въ лѣвой — габалу, а въ правой — пурбѹ, родъ кинжала, у котораго вмѣсто ручки сдѣланъ очѣръ. При появленіи ихъ изъ сѹмѣ, изъ среды участниковъ цѣма выходятъ Хашинъ-ханъ съ своими сыновьями и съ поклономъ встрѣчаютъ ихъ, дѣти привѣтствуютъ ихъ нестройными звуками своихъ орудій. Окончивъ это привѣтствіе, Хашинъ-ханъ возвращается съ своею семьею назадъ, а слѣдомъ за нимъ идутъ и маски почжуг'овъ. Когда эти маски дойдутъ до перваго круга, съ котораго должны начаться пляски, ихъ встрѣчаютъ ацзѣры и, посыпавъ предъ ними муку, отходятъ. Маски начинаютъ пляску сначала на первомъ кругу, а потомъ во второмъ и наконецъ передъ сѣромъ. Пляски состоятъ то изъ тяжелыхъ и неловкихъ скачковъ съ одной ноги на другую, то изъ подпрыгиванія обоими ногами; немало также бѣгаютъ, вертятся кругомъ и присѣдаютъ. Окончивъ пляску, маски возвращаются въ сѹмѣ. Таковы выходъ и пляски всѣхъ прочихъ масокъ, такъ что разница происходитъ здѣсь только въ маскахъ, да въ веществѣ, которое ацзѣры посыпаютъ на землю при ихъ встрѣчѣ.

Вторые два почжуга Чойчила имѣютъ коричневые лица; встрѣчающіе ихъ ацзѣры посыпаютъ предъ ними муку.

Третья нара почжуг'овъ Чойчила имѣетъ сѣнія лица; ацзѣры также посыпаютъ предъ ними муку.

Четвертая пара почжүтовъ Чойжила имѣеть зеленыя лица; выходъ и пляски ихъ тѣже самыя.

Вслѣдъ за симъ послѣ девяти-кратныхъ ударовъ цана и звуковъ габалы выходятъ двѣ маски, извѣстныя подъ общимъ именемъ Шѡма; въ частности одна изъ нихъ съ коровьей головой называется Манхй, а другая съ головою изюбря — Бугу; держать они въ правой рукѣ мечи, а въ лѣвой габалы; при появленіи ихъ ацзѡры поливають предъ ними кровь. Образъ пляски ихъ одинаковъ съ предыдущими.

Вслѣдъ за ними появляется маска Очиръ-вѡни, держащая въ правой рукѣ очиръ, а въ лѣвой петлю, сдѣланную изъ шелкового шнура; по толкованію, этою петлей Очиръ-вѡни ловить враговъ вѣры. Ацзѡры встрѣчаютъ его также съ кровью; пляшетъ онъ какъ и всѣ въ первомъ и второмъ кругахъ и передъ сѡромъ.

Далѣе слѣдуетъ маска чернолицаго Гѡнбо. Онъ держитъ въ рукахъ: въ правой — ди-гүкъ, — орудіе родъ нашей сѣчки, съ ручкою на подобіе очира, а въ лѣвой — габалу. Ацзѡры встрѣчаютъ его посыпаніемъ цвѣтовъ.

За Очиръ-вѡнѣмъ выходитъ маска Хлѡма, съ синей человѣческой головою; въ правой рукѣ она держитъ ди-гүкъ, а въ лѣвой — габалу. Ацзѡры встрѣчаютъ ее съ кровью.

Когда Хлѡма, окончивъ свою пляску, скрывается въ сүмѣ, по девятикратному звуку ганяна являются два хубилгана Хлѡмы — Сѡнгѣй-донъ-чжанъ съ львиною головою и Чус-ринъ-донъ-чжанъ съ головою Матара. Въ правой рукѣ они держатъ мечи, а въ лѣвой — змѣй, весьма искусно дѣлаемыхъ изъ сипели. Ацзѡры встрѣчаютъ ихъ съ посыпаніемъ травы — гуша.

За ними слѣдуетъ выходъ Сѡндамы, держащей въ рукахъ трезубецъ и габалу. Ацзѡры встрѣчаютъ эту маску съ кровью.

Потомъ выходитъ Намсарай, въ правой рукѣ держащій чжалцанъ, а въ лѣвой — сѣть. Ацзѡры встрѣчаютъ его посыпаніемъ цвѣтовъ.

Ему послѣдуетъ Гѡнбо-гүру, держащій въ правой рукѣ

бумбѣ, а въ лѣвой — изображеніе Чиндамани; его встрѣчаютъ также посыпаніемъ цвѣтовъ.

Далѣе слѣдуетъ попарный выходъ восьми сотоварищей Чжамсарана; всѣ они держатъ въ правой рукѣ мечи, а въ лѣвой — габалы. Монголы даютъ всѣмъ этимъ маскамъ названіе сальмэчй, т. е. меченосцевъ. Ацзэры встрѣчаютъ ихъ кропленіемъ крови, равно какъ и являющагося послѣ нихъ самаго Чжамсарана. Эта маска одна изъ самыхъ ужасныхъ. Лице ея хотя и человѣческое, но извращено до крайней степени. Чжамсаранъ, какъ и всѣ другіе докшйты, коронованъ пятью человѣческими черепами, но помимо сего надъ каждымъ черепомъ его короны водруженъ еще значекъ въ родѣ знамени; въ одной рукѣ онъ держитъ пламеньющій мечъ, а въ другой сердце, облитое кровью.

Пляски всѣхъ этихъ докшйтовъ чрезвычайно медленны и до нельзя однообразны, почему смотрѣть наъ крайне утомительно; но послѣ выхода Чжамсарана представленіе нѣсколько оживляется выходомъ Цаганъ эбугэна. Маска Цаганъ эбугэна изображаетъ согбеннаго и лысаго старика съ большою сѣдою бородою; одѣтъ онъ бываетъ въ бѣлый халатъ и опоясанъ поясомъ, къ которому пристегиваются кошельки для табаку, ножа и вилокъ; вообще онъ является со всѣми атрибутами костюма монгольскаго престолюдина и держитъ въ рукахъ палку съ набалдашникомъ, изображающимъ драконову голову. По началу Цаганъ эбугэна выносятъ на коврѣ изъ сумѣ и кладутъ передъ сѣромъ въ срединѣ круга. Пролежавъ нѣкоторое время, онъ медленно и старчески приподнимается, встаетъ на ноги, расправляетъ свои усы, бороду и густыя, нависшія брови, потомъ изъ подъ руки оглядываетъ все собраніе, шатаясь, ходитъ то въ одну, то въ другую сторону; въ это время одинъ изъ хохимай'евъ подаетъ ему стеклянку съ виномъ, онъ выпиваетъ вино, и начинаетъ плясать, подоткнувши полы, засучивъ рукава и разставивъ руки. Пляшетъ онъ, какъ пьяный, до тѣхъ поръ, пока не падаетъ отъ изнеможенія. Затѣмъ онъ встаетъ снова, выходитъ изъ круга, садится и начинаетъ мять овечью кожу, которую подаетъ ему одинъ изъ ацзэровъ.

За этою, всегда возбуждающею веселый смѣхъ публики сценою слѣдуетъ выходить по парно 32-хъ шанаконъ; всѣхъ ихъ встрѣчаетъ, по обычаю, Хашинъ-ханъ съ дѣтьми и предъ всѣми ими ацары посыпаютъ цвѣты; пляшутъ шанаконъ только въ первомъ кругу, но чрезвычайно медленно. Разнообразія здѣсь нѣтъ даже и въ маскахъ, такъ какъ шанаконъ не маскируются; костюмы всѣхъ ихъ совершенно одинаковы и всѣ они держатъ въ правой рукѣ пурбу, а въ лѣвой—габалу. По выходѣ шанаконъ является послѣдняя маска—Чойчила съ громадною, синей, бычачьею головою и необыкновенно большими рогами, пламенѣющими огнемъ; помимо пяти череповъ Чойчиля коронованъ еще очиромъ. Его встрѣчаетъ Хашинъ-ханъ и ацары выливаютъ предъ нимъ цѣлую габалу крови. Пляска Чойчила таже что и у всѣхъ докшитовъ, но окончивъ ее онъ не уходитъ въ сѹмѣ, а остается въ срединѣ круга. Доселѣ въ служеніи цѣла ламы принимали участіе только игрою на музыкальныхъ инструментахъ, съ окончаніемъ пляски Чойчила они начинаютъ чтеніе *Линка*. Джамъ изъ сѹмѣ выносить фигуру линка, на этотъ разъ дѣлаемую нѣсколько больше обыкновенной, то есть въ ростъ пяти-годовалого ребенка. Вслѣдъ за линка изъ сѹмѣ выходятъ Чамсаранъ съ своими меченосцами. Во все время чтенія линка, Чойчиля и Чамсаранъ, равно какъ и всѣ его товарищи пляшутъ вокругъ принесенной фигуры линка, при извѣстныхъ же заключительныхъ словахъ: «этого врага. . . ударь, убей», они разрубаютъ ее на части. Вслѣдъ за симъ изъ сѹмѣ выходятъ всѣ маски и, образовавъ два круга, (въ первомъ—ближайшемъ къ сѹру—докшиты, а во второмъ—шанаконъ) пляшутъ всѣ вмѣстѣ. На половинѣ этой пляски ламы поднимаются съ своихъ мѣстъ и, начавъ чтеніе послѣдней части хурала—сѹръ, выходятъ за монастырскія ворота, гдѣ на стѣни бываетъ уже разложенъ костеръ для сожженія сѹра. Сожженіе это бываетъ тѣмъ же порядкомъ, который уже былъ описанъ нами выше, при изложеніи спеціальнаго служенія сѹръ; но, окончивъ его, ламы снова возвращаются на монастырскій дворъ, гдѣ все еще продолжается пляска боговъ въ двухъ кругахъ. Когда ламы придутъ на мѣсто и разсядутся снова по своимъ сѣдалищамъ, начи-

нается ускоренная музыка, подъ аккомпаниментъ которой маски начинаютъ быстро совершать круги, по которымъ они пляшутъ. Чдйчжалъ, находящійся во главѣ всѣхъ масокъ, идетъ впередъ и какъ только доходитъ до начала круга, приходящагося противъ дверей сѹмэ, такъ оканчиваетъ свою пляску и скрывается въ храмъ;—остальные маски совершаютъ новый кругъ, теперь уже имѣя во главѣ Чжамсарана; когда будетъ сдѣланъ новый кругъ до дверей сѹмэ, то уходитъ Чжамсаранъ и такъ далѣе пока не уйдутъ всѣ. Послѣдній шапакъ кружится обыкновенно очень долго и своею пляскою доходить до самыхъ дверей сѹмэ. Уходомъ его оканчивается и церемонія цѣма.

Переходя теперь къ богослуженіямъ, совершаемымъ по нуждамъ, требованіямъ и просьбамъ народа, мы должны раздѣлить эти богослуженія на общественныя и частныя.

Къ числу первыхъ изъ этихъ хураловъ относимъ прежде всего «чествованія обб», или по монгольски «Обдой тахилга», совершаемыя отдѣльно въ каждомъ родѣ, въ каждомъ сумѹнѣ и въ каждомъ монастырѣ, безъ различія будутъ ли этотъ родъ, сумѹнъ, или монастырь большіе, или малые. Въ основѣ этого праздника, для совершенія котораго назначается одинъ изъ дней въ теченіе трехъ лѣтнихъ, или трехъ осеннихъ мѣсяцевъ, лежитъ чисто шаманская подкладка. По вѣрованію Монголовъ, каждый лѣтній и осенній мѣсяцъ спускается съ неба на землю «Лѹсѹнъ ханъ тэнгри», что значитъ—духъ, царь драконовъ. Этимъ духами драконовъ населено небо въ громадномъ количествѣ: есть древесные духи драконовъ (ᠭᠡᠷᠦᠳᠡ ᠬᠡᠳᠤ ᠶᠡᠨ ᠤᠯᠤᠰᠤ ᠶᠡᠨ ᠤᠯᠤᠰᠤ), есть водяные духи драконовъ (ᠤᠯᠤᠰᠤ ᠬᠡᠳᠤ ᠶᠡᠨ ᠤᠯᠤᠰᠤ ᠶᠡᠨ ᠤᠯᠤᠰᠤ), есть горные духи драконовъ (ᠤᠯᠤᠰᠤ ᠬᠡᠳᠤ ᠶᠡᠨ ᠤᠯᠤᠰᠤ ᠶᠡᠨ ᠤᠯᠤᠰᠤ), есть вѣтровые духи драконовъ (ᠤᠯᠤᠰᠤ ᠬᠡᠳᠤ ᠶᠡᠨ ᠤᠯᠤᠰᠤ ᠶᠡᠨ ᠤᠯᠤᠰᠤ), далѣе существуетъ еще различіе ихъ по цвѣтамъ, есть синіе духи драконовъ (ᠰᠡᠨᠢᠨᠡ ᠬᠡᠳᠤ ᠶᠡᠨ ᠤᠯᠤᠰᠤ), желтые духи драконовъ (ᠬᠡᠳᠤ ᠬᠡᠳᠤ ᠶᠡᠨ ᠤᠯᠤᠰᠤ), черные духи драконовъ (ᠴᠡᠷᠡᠨᠡ ᠬᠡᠳᠤ ᠶᠡᠨ ᠤᠯᠤᠰᠤ) и проч. Всѣ эти драконы спускаются въ различные дни лѣтомъ и осенью; но владыка ихъ—бѣлый царь драконовъ (ᠪᠡᠯᠡᠭᠡᠨ ᠬᠡᠳᠤ ᠶᠡᠨ ᠤᠯᠤᠰᠤ).

"*འགྲོ་བ་དང་། ལས་རྒྱུ་ནི་ཅེས་པའི་ཆོས་ཀྱི་*"; даже авторъ признаётся, что не смотря на это, онъ во всю свою жизнь «не видалъ ни тибетской буддйской книги, ни даже книги, составленной мѣстными, монгольскими избранными учеными, по которой можно было бы отправлять эту церемонію (*འགྲོ་བ་དང་། ལས་རྒྱུ་ནི་ཅེས་པའི་ཆོས་ཀྱི་* " *མི་ཤི་ཡི་ཆོས་ཀྱི་ལས་རྒྱུ་ནི་ཅེས་པའི་ཆོས་ཀྱི་*"); наконецъ еще даже заявляетъ, что хотя за свое настоящее сочиненіе «онъ и сдѣлается предметомъ презрѣнія для истинныхъ мудрецовъ, тѣмъ не менѣе, такъ какъ явилось очень много просящихъ чествовать обб, то онъ, не имѣя возможности противиться... все таки написалъ этотъ обрядъ чествованія (*འགྲོ་བ་དང་། ལས་རྒྱུ་ནི་ཅེས་པའི་ཆོས་ཀྱི་*, *འགྲོ་བ་དང་། ལས་རྒྱུ་ནི་ཅེས་པའི་ཆོས་ཀྱི་*). Во всѣхъ этихъ разглагольствованіяхъ нельзя, конечно, не видѣть отчасти обычную авторскую скромность, но вмѣстѣ съ тѣмъ невольно приходитъ на мысль и то, не было ли и самое это смиреніе внушено автору; буддйскому ламѣ, именно тѣмъ сознаніемъ, что составляя это «послѣдованіе», онъ поступаетъ буддизмомъ въ пользу шаманизма?

Впрочемъ какъ бы тамъ ни было, въ настоящее время обществу уже совершенно буддійскими обрядами и торжество это отправляется для себя не только обществами простолюдиновъ, но даже и ламскими. Въ Ургѣ, гдѣ населеніе сгущенно, чествованіе общ совершается нѣсколько разъ: въ первомъ лѣтнемъ мѣсяцѣ празднуютъ ламы, во второмъ — простолюдины, въ третьемъ — дѣти, при томъ каждый совершаютъ свое чествованіе отдѣльно и одни не ходятъ на праздникъ другихъ. О днѣ праздника, т. е. о томъ днѣ и часѣ, въ который Лус'унъ тэнгри спустится на землю, знаютъ цзурухайчи по своимъ книгамъ. Видимыми знаками схождения должны быть дождь и радуга, которая есть собственно ничто иное какъ дорога, по которой спускается духъ на землю съ неба. Цзурухайчи Впрочемъ не знаютъ, гдѣ именно спустится духъ, оттого и не могутъ сказать, гдѣ именно будутъ дождь и радуга.

Въ Ургѣ 28-мъ ламскихъ аймаковъ не всѣ въ одинъ день чествуютъ свои обѣ, а раздѣляются по частямъ. Всѣ 28-мъ аймаковъ имѣютъ только восемь обѣ и такимъ образомъ иногда одно обѣ совокупно чествуется двумя и тремя аймаками; однако эта совокупность относится только къ самому обѣ, — аймаки чествуютъ его отдѣльно хотя бы то въ одинъ и тотъ же день: одни, на примѣръ, — до полудня, другіе — послѣ полудня. Съ наступленіемъ перваго лѣтняго мѣсяца гзбкѣй распоряжается обѣ изслѣдованіи цзурухайчіями дня схождения драконовъ и цзурухайчи назначаютъ его, а гзбкѣй даетъ приказаніе оповѣстить обѣ этомъ хувараконъ. Къ назначенному дню каждый лама, по состоянію, передаетъ своему даргѣ (лама, исполняющій обязанности полицейскаго надзирателя надъ десятью домами) деньги, въ количествѣ отъ 2-хъ чаевъ до $\frac{1}{2}$ чая (кирпичнаго). Даргѣ передаютъ собранное нирбѣ, а послѣдній употребляетъ эти пожертвованія на приготовленіе всего необходимаго для чествованія обѣ. Онъ приобретаетъ пять овецъ, муки для балыновъ, масло, хучжѣ, ячмень, вино (для принесенія въ жертву), хлѣбъ, сыръ и проч. Все это вмѣстѣ называется у монголовъ «Обѣнай чѣйнокъ».

Въ назначенный день и въ условный часъ всѣ ламы аймака, который собирается чествовать обѣ, сходятся къ Чжиса-санъ (казначейству аймака Чжиса) и отсюда направляются къ обѣ толпою, иногда человекъ въ 500, что впрочемъ больше обуславливается погодою. Пришедши къ обѣ, ставятъ вокругъ обѣ по четыремъ сторонамъ свѣта четыре шеста, между коими растягиваютъ веревки, а къ послѣднимъ прикрѣпляютъ множество разноцвѣтныхъ дарцон'овъ; затѣмъ на южной сторонѣ обѣ растягиваютъ три палатки. Въ первой изъ нихъ отправляется хуралъ, — она называется «асаръ»; вторая и третья — назначаются для верховныхъ ламъ аймака. У самаго обѣ расчищается мѣстечко и разстилается кусокъ бѣлаго полотна, а на немъ поставляется ширѣ, въ свою очередь покрытое бѣлою пеленою. Здѣсь ставятся изображенія Шигэмунѣи и другихъ бурхановъ, въ числѣ коихъ непременно долженъ быть кумиръ Вачжра-пани, равно какъ всѣ предметы, поставляемые на тахилѣйнъ ширѣ. Передъ ними ста-

смилосердитесь и соизвольте придти сюда». За симъ настоятель начинаетъ подбрасывать зерна ячменя, и дѣлать кропленіе виномъ, а ламы въ это время поютъ: «Эти тринадцать обб, воздвигнутые во вниманіе многоразличныхъ достоинствъ драконовъ, подобны горѣ Сумэру царю горъ, четыремъ большимъ тѣбамъ и четыремъ малымъ тѣбамъ. Эти жертвоприношенія, представляя собою все необходимое для жизни (хлѣбъ, мясо, водка), составляютъ основу для существованія; поэтому мы и приносимъ ихъ вамъ, предметамъ вѣры. Укрѣпите основы умиротворенія всего злобнаго; укрѣпите основы стяжанія всего, что мы ни пожелаемъ; укрѣпите основы истребленія враговъ; укрѣпите основы жизни нашего ламы; укрѣпите основы распространенія вѣры и священнаго ученія; укрѣпите основы мира и единенія хувараконъ; укрѣпите основы дружества народовъ; укрѣпите основы долготѣія; укрѣпите основы увеличенія рода; укрѣпите основы плодovitости скота. Укрѣпивъ основы всего этого, очистите 80,000 препятствій; очистите демоновъ 360-ти родовъ; очистите болѣзни 404-хъ родовъ; очистите 84 зловѣщихъ предзнаменованія; исполните съ легкостью всѣ благія начинанія; на всегда относясь къ намъ дружественно, заботьтесь и охраняйте насъ». — Вслѣдъ за принесеніемъ балина драконамъ читаются слѣдующія молитвы изъ отдѣла рапсаловъ: 1) Арбанъ цзугунъ харангуй арилгаху цаганъ шухуртэй, 2) Улцэй хутукъ цокцалаксанъ айшійнь судуръ, 3) Октагдй гацзар'унъ найманъ гэгэнъ, 4) Модонъ чимэкъ, 5) Лусунъ тагалали хангакчй и 6) Гурбанъ эрдэнійнь улцэйтү шулукъ. Наконецъ начинается длинное произнесеніе йорблей, которое въ кратцѣ представляетъ слѣдующій стихъ: «цари драконовъ Нанти и Убананти и всѣ тэнгриі, благоговѣющіе предъ вѣрою, да приобрѣтутъ черезъ васъ вѣчное блаженство и ханы, и милостынедатели, и всѣ обѣднявшіе существа!» Этимъ йорблемъ оканчиваются чтенія передъ ламскимъ обб. Ламы выходятъ изъ асара, разбираютъ верхушку обб и кладутъ въ средину его: балінъ и части барана,—голову, лопатку и ребра съ западной стороны баліна; кончикъ хвоста и бедро — съ восточной стороны; кусочекъ серебра—съ южной стороны; и хадакъ — съ сѣверной.

За тѣмъ все это снова закладываютъ сверху камнями и обо поливаютъ виномъ и водою, приносимыми въ жертву. Возвратившись въ палатку, ламы совершаютъ ухйялз и, совершивъ надъ собою омовеніе аршаномъ, возвращаются домой.

Чествованіе обо простолюдинами отличается отъ дамсаго нѣсколькими вставками, относящимися какъ до жертвъ, такъ и до чтеній. Въ степи о днѣ чествованія обо узнаетъ отъ галунговъ или кошунный тусалакчи (помощникъ князя — правителя), или сумунный цзангинъ, или наконецъ хотонный дарга, послѣ чего, получивъ должныя указанія, каждый изъ нихъ передаетъ состоящему при немъ ачжйку (надсмотрщикъ) полученныя изъ хурула извѣстія для дальнѣйшихъ распоряженій по этому предмету. Ачжйкъ посылаетъ демчѣевъ (сборщиковъ) въ улусъ для сбора необходимыхъ предметовъ для жертвоприношеній, каковы, архй, бислыкъ, урмэ, арулъ, айракъ, чай, хадэки, деньги и проч. Все это дается каждымъ, смотря по тому кто что можетъ и сколько можетъ. Что касается пяти барановъ, необходимыхъ для принесенія жертвы, то они берутся только съ богатыхъ и при томъ съ соблюденіемъ очереди. Изъ всего собраннаго, по предложенію дарги, часть идетъ на жертву обо, часть на подарки ламамъ, а часть на угощеніе народа, который впрочемъ, собираясь къ обо, и самъ приноситъ съ собою, какъ угощеніе, архй, айракъ и пряженцы. Въ назначенный день къ обо съ ранняго утра начинаютъ тянуться ѣдущіе верхами на лошадяхъ, быкахъ и верблюдахъ домохозяева. Жены и дѣти ихъ не участвуютъ въ чествованіи обо и развѣ только сыновья богатыхъ начинаютъ ходить къ этому жертвоприношенію лѣтъ съ 18-ти. Когда соберется народъ, являются ламы. Приготовленія ихъ у обо тѣже самыя, что видѣли мы и выше, только при чествованіи народнаго обо, помимо всѣхъ вышеисчисленныхъ жертвъ у самаго подножія обо полагаются еще: панцырь, шлемъ, лукъ, нѣсколько стрѣлъ, копье, мечъ и другіе предметы вооруженія. Согласно этой прибавкѣ жертвъ и въ чтеніи при возношеніи балйна драконамъ прибавляется: «Шлемъ и панцырь, непроницаемые въ битвѣ и неподдающіеся мечу, составляютъ основу для сохраненія

человѣческой жизни; по этому мы и приносимъ ихъ вамъ, предметамъ вѣры. Укрѣпите основы умиротворенія всего злобнаго, . . . (и т. д. до конца всѣхъ 17-ти стиховъ). Лукъ и стрѣлы, имѣющіе свойство попадать въ самое сердце злобныхъ враговъ, составляютъ основу для разсѣянія всякаго рода препятствій; поэтому мы и приносимъ ихъ вамъ, предметамъ вѣры. Укрѣпите основы умиротворенія. . . и т. д. Острое, стальное копье, украшенное роговою обложкой, уничтожая всѣхъ злобствующихъ, составляетъ основу для богатырской храбрости; поэтому мы и приносимъ его вамъ, предметамъ вѣры. Укрѣпите основы умиротворенія всего злобнаго, . . . и т. д. Многообразные острые, стальные мечи, разсѣкающіе въ прахъ всякаго врага, составляютъ основу для возвышенія боевой славы; поэтому мы и приносимъ ихъ вамъ, предметамъ вѣры. Укрѣпите» . . . и пр. Въ йѳрѳлѣ существуетъ еще слѣдующая прибавка: «да потребятся отъ насъ всѣ враги наши, да отвратятся отъ насъ моръ, голодь, болѣзни, несчастія дневныя, мѣсячныя и годовыя, набѣги волковъ на скоть, воры и грабители, роса, градъ, вѣтеръ, засуха и другія причины страданій, да будутъ идти дождь и разливаться рѣки въ потребное время, да увеличится у насъ урожай на хлѣбъ и траву, да умножится довольство всѣхъ одушевленныхъ существъ». Въ жертву обѣ закладывается при народныхъ чествованіяхъ только самая незначительная часть мяса, все же остальное раздѣляется между присутствующими. Домохозяйева считаютъ необходимою привезти это мясо домой и раздѣлить по кусочку всѣмъ своимъ домочадцамъ. Если дома остался у кого старый старикъ, то ему посылаютъ часть его черезъ сына, или черезъ кого либо изъ присутствующихъ родственниковъ, или сосѣдей. По окончаніи чествованія народнаго обѣ, близъ него устраиваются народные игры.

Обѣны, чествуемые дѣтьми, не находятся на горахъ, а на равнинахъ; воздвигаютъ ихъ сами же дѣти во время игры. Чествованіе обѣ дѣтьми происходитъ въ послѣднемъ лѣтнемъ мѣсяцѣ, причемъ день для торжества назначаетъ также цзууухайчи. Дѣти, собравъ деньги, выбираютъ себѣ распорядителя старика,

который озабочивается приготовленіемъ необходимаго. Если денегъ много, то приносятъ въ жертву барана, нѣтъ, — чествуютъ только пирожками и молочными продуктами, а вмѣсто вина—водою. Къ совершенію хурала приглашаютъ ламу, который бы не пилъ вина и не курилъ табаку, потому что перваго не любитъ бурханъ, а второе не правится дракопамъ. У дѣтскаго обѣ лама читаетъ только лусыйинъ санъ, не употребляя при этомъ ни какихъ музыкальных инструментовъ помимо колокольчика.

О другихъ какихъ либо хуралахъ, совершаемыхъ по просьбѣ цѣлыхъ обществъ, мнѣ не приходилось слышать въ Монголіи. Правда, во время моего пребыванія въ Барунъ хурѣ лѣтомъ 1877 года, случилось обстоятельство, что по случаю стоявшей въ ту пору долгое время ненастной погоды и холодовъ, Түшѣтү ханъ отъ лица всего своего хошүна обратился въ этотъ монастырь съ просьбою умиловитъ боговъ и отвратить тяготѣвшее надъ хошүномъ несчастье; по-средство, которое было указано ламами, уже нельзя назвать хураломъ. Они объявили, что для отвращенія бѣды необходимо обнести Ганьчжүръ вокругъ всего хошүна, что и было исполнено. Ганьчжүръ былъ положенъ на 9 бѣлыхъ верблюдовъ и отправленъ по границѣ хошүна съ двадцатью ламами. Возвратившіеся разказывали мнѣ, что на границѣ хошүна, по четыремъ странамъ свѣта, они четыре раза прочитали весь ганьчжүръ. Сборы при этомъ случаѣ были по большей части мелкіе: чай, далпмба, дабу и куски другихъ бумажныхъ матерій. Все это было отдано монастырскимъ начальствомъ сопровождавшимъ ганьчжүръ ламамъ; собранный же ими скотъ, въ количествѣ 34 лошадей, 40 коровъ и около 200 барановъ, поступилъ въ монастырское казначейство.

Въ совершенную противоположность этому число богослуженій, совершаемыхъ по просьбамъ народа въ отдѣльных, частныхъ домахъ у современныхъ монголовъ-буддистовъ, уже никакъ нельзя назвать незначительнымъ, такъ какъ не только по одно выдающееся событіе въ жизни человѣка не проходитъ у нихъ безъ религіознаго освященія, но и проводя свою обыденную и мирную жизнь, монголы постоянно приглашаютъ ламъ для совер-

шенія молебствій. Такимъ образомъ рожденіе, бракосочетаніе и смерть человѣка теперь у всѣхъ монголовъ безъ исключенія не обходятся безъ ламскихъ молитвословій; помимо же того молебствія совершаются еще надъ каждымъ человѣкомъ: а) въ годовщину мэнгэ его рожденія (мэнгэйнъ цзасалъ, или мэнгэйнъ оролгднъ), что бываетъ періодически черезъ девять лѣтъ и б) въ годовщину циклическаго знака его рожденія (чжилінъ оролгднъ), что повторяется черезъ двѣнадцать лѣтъ. Не менѣе важною и непремѣнною обязанностью каждый богатый монголь почитаетъ отправить въ своемъ домѣ молебеніе однажды въ годъ съ цѣлью освятить свое имущество и свой скотъ (ᠠᠨᠠᠭᠤ ᠰᠢᠨᠠᠭᠤ ᠰᠢᠨᠠᠭᠤ); еще болѣе состоятельные приглашаютъ ламъ, помимо сего, въ каждый изъ главнѣйшихъ праздниковъ, а именно: въ праздникъ «Чойнкоръ дүйчинъ», — въ одинъ изъ дней съ 1-го по 8-е числа послѣдняго лѣтняго мѣсяца; въ праздникъ «Хлабунъ-дүйчинъ», — 22-го числа послѣдняго осенняго мѣсяца; въ праздникъ «Цаула», — 25-го числа 1-й зимней луны; въ дни новолѣтія, т. е. въ одинъ изъ первыхъ 15-ти дней Цаганъ саръ и наконецъ въ праздникъ воспоминанія кончины Шигэмүни, что бываетъ 15-го числа 1-й лѣтней луны. Отличающіеся особеннымъ богатствомъ и религіозностью призываютъ къ себѣ ламъ въ мацаки, или дни поста, т. е. 8-го, 15-го и 30-го числа каждаго мѣсяца и также точно заставляютъ ихъ служить молебствія. Скажемъ теперь обо всемъ этомъ болѣе подробно.

По рожденіи ребенка монголы совершаютъ надъ нимъ обрядъ «хүхэтъ аршалаху», вмѣстѣ съ которымъ соединяютъ еще обрядъ названія ребенка по имени. Собственно опредѣленныхъ дней и сроковъ для совершенія этихъ обрядовъ въ буддизмѣ не полагается; ламы, въ своихъ устныхъ бесѣдахъ, выставляютъ правиломъ, что обряды эти должны быть совершаемы не ранѣе какъ черезъ три дня послѣ рожденія, обычай же установилъ въ средѣ монголовъ только то, что обряды эти совершаются въ первый же мѣсяцъ по рожденіи дитяти. Намѣреваясь приступить къ совершенію религіозныхъ обрядовъ надъ новорожденнымъ, отецъ ребенка отправляется въ монастырь къ цзурухайчи и,

подробно разказавъ ему о днѣ, часѣ и обстоятельствахъ рожденія своего ребенка, просятъ его опредѣлить во 1-хъ то, счастливъ ли этотъ ребенокъ или нѣтъ, а во 2-хъ—назначить день, когда слѣдуетъ совершить надъ нимъ религіозные обряды, что именно должно исполнить, какіе нѣмы прочитаты, и кѣмъ именно они должны быть прочитаны. Цзурухайдчи, при производствѣ своихъ указаній по этому поводу, пользуются астрологическимъ сочиненіемъ Вайдурья-карпо¹⁾ и медицинскимъ «Хлантабъ». Ребенокъ признается счастливымъ, если онъ родился правильно, если по выходѣ изъ утробы онъ упалъ навзничь²⁾ и грудь его обвилась пуповиною, если тотчасъ же по рожденіи онъ сильно закричалъ, если у него высокая макушка, твердые головные кости, небольшое темя, оконечности волосъ подняты кверху, тѣло чистое, уши оттопыренные, если онъ сильно сосетъ грудь и дрожитъ при сосаніи. Если напротивъ ребенокъ не будетъ имѣть этихъ примѣтъ, если онъ будетъ имѣть ихъ не въ достаточной степени, если, особенно, онъ родится съ зубомъ, то это почитается предзнаменованіемъ дурной судьбы, для исправленія которой нужно совершать еще особыя молебствія, помимо обычнаго обряда «хүхэтъ аршалаху». Соображая всѣ такого рода обстоятельства съ ученіемъ, изложеннымъ въ книгахъ, цзурухайдчи указываетъ счастливый день для омовенія, разказываетъ, какія именно молебствія должны быть совершены надъ ребенкомъ и какимъ числомъ духовенства можно обойтись при совершеніи этихъ молебствій. Въ домахъ хановъ, князей и богатыхъ монголовъ при совершеніи надъ новорожденнымъ обряда «хүхэтъ аршалаху», независимо отъ указаній цзурухайдчи, собирается до сотни ламъ; но самыя правила совершенія этого обряда требуютъ участія въ немъ только *четыре* гэлүновъ, изъ числа которыхъ одинъ необходимо долженъ быть вмѣстѣ съ

1) Вайдурья карпо—сочиненіе, извѣстное на языкѣ Монголовъ въ искаженномъ названіи Видаръ гарбъ, составлено въ 1686 г. Дэрйды Сангджай-Чжамцѣ. Монголы почитаютъ этого автора хубилганомъ, или воплощеніемъ Маньчжүри.

2) Монголки рождаютъ сидя на корточкахъ.

тѣмъ и цзурухайчи. Такое число ламъ обыкновенно и приглашаютъ къ себѣ монгольскіе престолюдины. Впрочемъ, такъ какъ приглашеніе четырехъ гэлүновъ изъ монастыря обходится сравнительно весьма не дешево, то гораздо чаще изъ монастыря берутъ только одного гэлүна, остальные же три лица дополняются изъ степныхъ ламъ, имѣющихъ степени гэдүля и баньди. При крайней бѣдности монгола весь обрядъ совершается наконецъ и однимъ лицомъ; другими словами, — бѣдные монголы приглашаютъ къ себѣ одного только цзурухайчи, имѣющаго посвященіе въ санъ гэлүна: онъ совершаетъ имъ астрономическія и религіозныя опредѣленія надъ ребенкомъ, онъ же исполняетъ и обрядъ омовенія.

Подробное изслѣдованіе относительно молитвъ, долженствующихъ быть прочитанными надъ ребенкомъ при совершеніи обряда хүүхэтъ аршйлаху, совершается по «күлйл'амъ». Извѣстно, что въ буддійской астрологій каждый день опредѣляется одною изъ восьми, послѣдовательно смѣняющихся другъ друга стихій и что эти стихіи носятъ названіе «күлйл'овъ». Каждому күлйл'у соответствуетъ особое чтеніе и именно надъ ребенкомъ, родившимся

1) въ күлйлъ *Ли* (монг. ᠯᠢ, тиб. ལྷ) соответствуетъ стихіи огня), должно читать: а) Бацзәръ бадаранъ, б) Билікъ барамить, с) Сидда, д) Усвйха бицзэй и е) Ча-дудба.

2) — въ күлйлъ *Конз* (монг. ᠬᠣᠨᠵᠠ, тиб. ཁོང་) соответствуетъ стихіи земли) читается: а) Намъ сангадй, б) Рэмб-шуй-ба, с) Зунъ-дү; д) Чжат-дамба, е) Лангәръ-шэкъ-ба, ф) Сай-нинбб.

3) — въ күлйлъ *Два* (монг. ᠳᠠᠸᠠ, тиб. དྭ) соответствуетъ стихіи желѣза) читается: а) Найманъ гэгәнъ, б) Тамуръ хошүнъ, с) Очиръ хошүнъ, д) Бацзәръ бадаранъ, е) Бацзәръ-махагала, ф) Билікъ барамить, г) Сидда и h) Намъ-сангадй.

4) — въ күлйлъ *Кэнз* (монг. ᠬᠡᠨᠵᠠ, тиб. ཁོང་) соответствуетъ стихіи неба) читается: а) Найманъ гэгәнъ, б) Билікъ барамить, с) Банза-рәкша, д) Алтанъ гэрэль, е) Ульдзэй дабхуръ и ф) Намкә-нинбб.

5) — въ күйлѣ *Камз* (монг. *ᠬᠠᠮᠵ*, тиб. *ཁྱེ* соответствует стихии воды) читается: а) Бонгѡмъ-шак-чжѡ, б) Лунъ-бан-гѡнъ, с) Усунъ-дурма, d) Галдзанъ, е) Биринъ-чанбѡ и f) Дорчжѡ-намчжикъ-чѹ.

6) — въ күйлѣ *Линз* (монг. *ᠯᠢᠨᠵ*, тиб. *ལྷོ* соответствует стихии горъ) читается: а) Мачжѡ-чѡн-бѡ, б) Добѡзѡ, с) Бицзѡй, d) Ланъ-рѡ, е) Лунъ-данъ, f) Сидда, g) Юмъ, h) Бацзѡръ-бадара-нанъ и i) Дорчжѡ ри-рѡбъ.

7) — въ күйлѣ *Цзэнз* (монг. *ᠴᠡᠩᠵ*, тиб. *ཇམ* соответствует стихии дерева) читается: а) Алтанъ гэрѡль, б) До-дамбѡ, с) Цѡ-бѡкъ (аюши), d) Бацзѡръ-бадара-нанъ, с) Банза ракша, f) Галдзанъ и g) Зунъ-дѹ,

8) — въ күйлѣ *Сонз* (монг. *ᠰᠣᠩᠵ*, тиб. *སྐྱེ* соответствует стихии воздуха), читается: а) Галдзанъ, б) Сидда, с) Биликъ ба-рамить, d) Ндйманъ гэгѡнъ, е) Бацзѡръ-бадара-нанъ, f) Цѡбѡкъ (аюши), g) Лукдѡръ-накбѡ и h) Докзунъ-ритѡтъ лама чѡтбѡ.

Совершая обрядъ, лама по окончаніи соответствующихъ чтеній, приступаетъ къ самому омовенію: для сего беретъ въ чашку воды, соединяетъ эту воду на половину съ молокомъ, а сверхъ сего посыпаетъ нѣсколько щепотокъ благоуханной травы (сангйинъ идѣ), употребляемой для куренія передъ бурханами. За симъ надъ этимъ составомъ лама прочитываетъ молитву, преподаетъ ему благословеніе (адистидъ) чрезъ возложеніе на содержащую его чашку нѡма, или священной книги и наконецъ освящаетъ его собственнымъ дуновеніемъ съ произнесеніемъ тѡрни. Приготовленную такимъ образомъ водою, которая получаетъ названіе «чѡйгйинъ усѹ» и оmyвается ребенокъ. По началу лама омокаетъ въ чѡйгйинъ усѹ средній палецъ лѣвой руки и мажетъ имъ ротикъ ребенка; за симъ, такъ какъ ребенокъ самъ не въ состояніи отплюнуть чѡйгйинъ усѹ, лама высасываетъ каплю, попавшую въ ротикъ малютки и отплевываетъ за него. Это дѣйствіе повторяетъ онъ три раза. Потомъ наливаетъ нѣсколько капель воды на правую руку и оmyваетъ ими лице и голову ребенка; этимъ обрядъ омовенія оканчивается и лама

объявляетъ, что посредствомъ этого обряда, малютка очистился отъ грѣховъ, которыя совершилъ онъ еще въ прежнихъ своихъ перерожденіяхъ; для того же чтобы и въ будущемъ былъ онъ стойкимъ въ добродѣтели, легко совершалъ добрыя дѣла и удобнѣе достигалъ спасенія, лама назначаетъ ребенку особыя тѣрни, или магическія слова, которыя, возросши, онъ долженъ постоянно произносить въ теченіе всей своей жизни. Эти тѣрни также точно какъ и молитвенныя чтенія распредѣляются по кудлѣамъ и именно для родившагося

1) въ кудлѣ *Ли*, назначаются тѣрни: «Омъ-на-надъ-ѣ-свахъ»;

2) — въ кудлѣ *Конъ*, назначаются тѣрни: «Омъ-ка-ка-шакъ-свахъ»;

3) — въ кудлѣ *Два*, назначаются тѣрни: «Омъ-намъ-намъ-дамъ-свахъ»;

4) — въ кудлѣ *Кенъ*, назначаются тѣрни: «Омъ-гарши-свахъ»;

5) — въ кудлѣ *Камъ*, назначаются тѣрни: «Омъ-камъ-свахъ»;

6) — въ кудлѣ *Гинъ*, назначаются тѣрни: «Омъ-сы-шикъ-свахъ»;

7) — въ кудлѣ *Цзэнъ*, назначаются тѣрни: «Омъ-нама-шадъ-свахъ»; наконецъ

8) — въ кудлѣ *Сонъ*, назначаются тѣрни: «Омъ на-надъ свихъ».

Если родители новорожденнаго пожелаютъ, чтобы лама одновременно съ омовеніемъ ребенка далъ ему и имя, то въ такомъ случаѣ при этомъ обрядѣ опять-таки является необходимымъ участіе цзурухайчи. Послѣдній соображаетъ годъ, мѣсяцъ и день рожденія ребенка съ показаніями, изложенными въ 12-й главѣ сочиненія Вайдурья кѣрпо и, на основаніи этихъ показаній, дается имя новорожденному. Въ Монголіи самый употребительный способъ для опредѣленія именъ новорожденныхъ есть изслѣдованіе такъ называемыхъ пяти гараковъ, на которыя раздѣляются въ буддійской астрологіи всѣ числа мѣсяца. Каждый изъ гараковъ имѣетъ свое особое названіе и это-то названіе и дается новорожденному какъ его имя, сообразно тому гараку, въ который онъ родился. Такимъ образомъ

гара́къ 1-го, 6-го, 11-го, 16-го, 21-го и 26-го чиселъ каждаго мѣсяца носить названіе *Дорчжй* (རོ་རྩེ་མཁའ་འགྲོ་) и сообразно этому, человѣку, родившемуся въ показанныя числа, дается имя Дорчжй.

Гара́къ 2-го, 7-го, 12-го, 17-го, 22-го и 27-го чиселъ называется *Ринчйи* (རིན་ཆེན་མཁའ་འགྲོ་), поэтому и человѣку, родившемуся въ одно изъ этихъ чиселъ, дается имя Ринчйи.

Гара́къ 3-го, 8-го, 13-го, 18-го, 23-го и 28 чиселъ называется *Бадма* (པད་མ་མཁའ་འགྲོ་); поэтому и человѣку, родившемуся въ одно изъ этихъ чиселъ, дается имя Бадма.

Гара́къ 4-го, 9-го, 14-го, 19-го, 24-го и 29-го чиселъ называется *Лйчжй* (ལེན་ཁྱེ་མཁའ་འགྲོ་); поэтому и человѣку, родившемуся въ одно изъ этихъ чиселъ, дается имя Лйчжй.

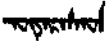
Гара́къ 5-го, 10-го, 15-го, 20-го, 25-го и 30-го чиселъ называется *Санжжй* (སངས་རྒྱས་མཁའ་འགྲོ་); поэтому и человѣку, родившемуся въ одно изъ этихъ чиселъ, дается имя Санжжй.

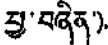
Другой, также не рѣдко употребляемый способъ для опредѣленія имени есть усвоеніе новорожденному какъ имени названія той звѣзды, которая управляла днемъ его рожденія¹⁾. Жел-

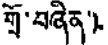
1) Специалистамъ мы представляемъ здѣсь перечисленіе всѣхъ этихъ 28 звѣздъ съ показаніемъ ихъ монгольскихъ и тибетскихъ именъ, которые даются и людямъ:

- 1-го числа монг. имя звѣзды ལྟ་མཁའ་ (отъ санскр. tchaitra, тиб. ཅ་ཅ་5).
- 2-го числа монг. имя звѣзды ལྟ་མཁའ་ (отъ санскр. svati, тиб. ས་རིན་).
- 3-го числа монг. имя звѣзды ལྟ་མཁའ་ (отъ санскр. vaisākha, тиб. ས་ག་).
- 4-го числа монг. имя звѣзды ལྟ་མཁའ་ (отъ санскр. anurādhā, тибетск. ལྟ་མཁའ་).
- 5-го числа монг. имя звѣзды ལྟ་མཁའ་ (отъ санскр. djechta, тиб. ལྟ་མཁའ་).
- 6-го числа монг. имя звѣзды ལྟ་མཁའ་ (отъ санскр. mīla, тиб. ལྟ་མཁའ་).
- 7-го числа монг. имя звѣзды ལྟ་མཁའ་ (отъ санскр. rūgvachadh'a, тибет. ལྟ་མཁའ་).

щинамъ имена даются по тѣмъ же правиламъ и основаніямъ, от- того женскія имена у монголовъ въ сущности нисколько не должны разниться отъ мужскихъ и дѣйствительно почти не раз- нятся отъ нихъ. Впрочемъ монгольскіе ламы, конечно уже са- мовольно, ввели въ обычай нѣсколько отличать имена женщинъ, переводомъ тибетскихъ именъ на языкъ монгольскій. Предполо- жимъ напр., что 1-го числа извѣстнаго мѣсяца родились маль- чикъ и дѣвочка. Лама, давая обоимъ этимъ новорожденнымъ име- на по гараку, назоветъ перваго тибетскимъ, именемъ *Дорчжй*, а вторую *Очирз*, каковое слово монголы усвоили себѣ съ санскрит- скаго для перевода слова — «дорчжй». 2-го числа, при тѣхъ же обстоятельствахъ лама даетъ новорожденному мальчику имя Ринчйнъ, а дѣвочку назоветъ Эрдэнъ; получается такимъ обра- зомъ два различныхъ имени, хотя въ сущности они значатъ одно и тоже, ибо монгольское слово «эрдэнъ» есть не что иное какъ пе-

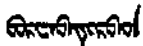
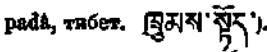
8-го числа монг. имя звѣзды (отъ санскр. *uttaraśādhā* тибет.).

9-го числа монг. имя звѣзды (отъ санскр. *abhitchit*, тибетск.).

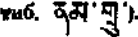
10-го числа монг. имя звѣзды (отъ санскр. *śāvaṇa*, тибетское).

11-го числа монг. имя звѣзды (отъ санскр. *dhaniṣṭa*, тибетское).

12-го числа монг. имя звѣзды (отъ санскр. *śatabhīṣa*, тибет.).

13-го числа монг. имя звѣзды (отъ санскр. *rūṇvabhadrā* радā, тибет.).

14-го числа монг. имя звѣзды (отъ санскр. *uttaraḥbhadrā* радā, тибет.).

15-го числа монг. имя звѣзды (отъ санскр. *rīvatī*, тиб.).

16-го числа монг. имя звѣзды (отъ санскр. *aśvīnī*, тибетское).

реводъ тибетскаго «ринчѣнъ». Безъ перевода въ этомъ случаѣ остается только наименованіе одного, послѣдняго гаракъ — санчжѣ. Слово это въ переводѣ на монгольскій языкъ обозначаетъ «бурханъ»; но называть человека такимъ именемъ ламы считаютъ уже неудобнымъ, хотя и не стѣсняются давать ему тибетское имя того же значенія — «санчжѣ», иногда являющееся въ болѣе удлиненной формѣ «сангачжѣ».

Нельзя не замѣтить однако, что иногда ламы ухищряются давать имена и болѣе сложные. При мнѣ, напр., у халхаскаго Тумѣту хана родилась дочь. По обычаю, на эти роины (мнялгудыйнъ хуримъ) собралась масса ламъ, приблизительно человекъ въ 200, или 250; всѣ они читали молебствія, когда же дошло дѣло до названія ребенка именемъ, то по собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что дѣвочка родилась въ мѣсячный гаракъ луны (тиб. ལྷ་པ་ да-ва) и что имя звѣзды, правившей въ тотъ день, было

17-го числа монг. имя звѣзды འཇག་པོ་ (отъ санскр. bhagani, тиб. བ་ཞེ་).

18-го числа монг. имя звѣзды ཀརྨ་པ་ (отъ санскр. kartika, тиб. ཀ་རྨ་པ་).

19-го числа монг. имя звѣзды རྒྱུ་མ་ (отъ санскр. rohini, тибетское རྒྱུ་མ་).

20-го числа монг. имя звѣзды མཚོ་མ་ (отъ санскр. mārgaśīra тибетское མཚོ་མ་).

21-го числа монг. имя звѣзды འཕྲུ་པ་ (отъ санскр. ardā).

22-го числа монг. имя звѣзды རྒྱུ་མ་ (санскр. также, тиб. རྒྱུ་མ་).

23-го числа монг. имя звѣзды རྒྱུ་མ་ (санскр. rauchya, тиб. རྒྱུ་མ་).

24-го числа монг. имя звѣзды འཕྲུ་པ་ (отъ санскр. aslecha).

25-го числа монг. имя звѣзды མཚོ་མ་ (отъ санскр. maghā, тиб. མཚོ་མ་).

26-го числа монг. имя звѣзды རྒྱུ་མ་ (отъ санскр. rūgvarphalguni, тибетск. རྒྱུ་མ་).

27-го числа монг. имя звѣзды རྒྱུ་མ་ (отъ санскр. uttaraphalguni, тибетскій རྒྱུ་མ་).

28-го числа монг. имя звѣзды རྒྱུ་མ་ (отъ санскр. hasta, тиб. རྒྱུ་མ་).

Нарма (тиб. རྒྱལ་པོ་). Ламами рѣшено было въ имени дѣвочки смѣшать названіе гаракъ и звѣзды и такимъ образомъ, отдѣляя по одному слогу отъ того и другаго названія, они дали ей имя Данаръ. Несомнѣнно, что такая искусственность въ образованіи именъ обосновывается на правилахъ буддійской астрологіи; но, по отзывамъ самихъ ламъ, они пользуются этими правилами рѣдко, — только для людей избранныхъ и высокородныхъ. Мнѣ нельзя было не повѣрить этимъ рѣчамъ, ибо съ одной стороны, я не зналъ ни одной простолюдинки, носящей сложное имя, а съ другой — мнѣ припомнилось, что и у нашихъ Калмыковъ тѣмъ же именемъ Данаръ называлась младшая сестра хана Дондукъ-даши, бывшая за-мужемъ за хошоутовскимъ владѣльцемъ Замьяномъ.

Одновременно съ симъ опредѣляется для новорожденнаго и геній — хранитель его существа: тотъ же цзурухайчи, по соображеніи стихій года рожденія (чжилійнъ махамударъ), объявляетъ родителямъ, что ребенокъ ихъ будетъ находиться подъ покровительствомъ такого то божества, которому по преимуществу долженъ онъ молиться и котораго по преимуществу долженъ чествовать (шутучжй ябуху), чтобы избавиться отъ несчастій, могущихъ случиться въ жизни.

Въ зависимости отъ этого опредѣленія божества является еще и указаніе масти скотинъ, которыя будутъ доставлять счастье новорожденному. Извѣстно, что, по представленіямъ буддистовъ, каждый изъ ихъ бурхановъ ѣздитъ на лошади особой масти; эта то масть и рекомендуется новорожденному для его блага. Если въслѣдствіи онъ будетъ богатымъ и захочетъ ради увеличенія и здоровья своихъ табуновъ посвятить одну лошадь богамъ (сатэрлэху), то онъ всегда долженъ посвящать именно лошадь указанной ему масти; если онъ будетъ бѣднякомъ, то, покупая лошадь, долженъ опять сообразоваться съ своею мастью, ибо, только ѣздя на такой лошади, онъ и можетъ быть счастливъ: Вотъ точная выписка относительно того какихъ бурхановъ должны чествовать и какихъ лошадей должны употреблять люди, родившіеся въ теченіе всего, признаваемаго монголо-буддистами шестидесятилѣтняго цикла.

- 1) Родившіеся въ годъ Эрэ-модонъ-хулугун¹⁾ должны чествовать бурхана Маньчжүшри и имѣть буланую лошадь.
- 2) Родившіеся въ годъ Эмэ-модонъ ухэръ д. ч. бурх. Ямандага и имѣть голубовато-сѣрую лошадь (ᠭᠠᠯᠠ ᠰᠡᠷᠦ).
- 3) Родившіеся въ годъ Эрэ-галъ-барсь д. ч. бурх. Очиръ-вани и имѣть черновато-сѣрую лошадь.
- 4) Родившіеся въ годъ Эмэ-галъ-түлай д. ч. бурх. Окінъ-тэнгрі и имѣть соловую съ лысиной лошадь.
- 5) Родившіеся въ годъ Эрэ-шорой-лү д. ч. бурх. Сяда и имѣть бѣлую лошадь.
- 6) Родившіеся въ годъ Эмэ-шорой-могдой д. ч. бурх. Ами-таба и имѣть рыжую лошадь.
- 7) Родившіеся въ годъ Эрэ-тэмүръ-моринъ д. ч. бурх. Ма-хагала и имѣть гнѣдую съ лысиной лошадь.
- 8) Родившіеся въ годъ Эмэ-тэмүръ-хоні д. ч. бурх. Базаръ-бадарана и имѣть гнѣдую лошадь.
- 9) Родившіеся въ годъ Эрэ-усүнъ-мэчинъ д. ч. бурх. Уснйха-бицзэй и имѣть голубую лошадь.
- 10) Родившіеся въ годъ Эмэ-усүнъ-тахя д. ч. бурх. Юмъ и имѣть голубовато-сѣрую лошадь.
- 11) Родившіеся въ годъ Эрэ-модонъ-нохой д. ч. бурх. Маньчжүшри и имѣть буланую лошадь.
- 12) Родившіеся въ годъ Эмэ-модонъ-гахай д. ч. бурх. Базаръ-бадарана и имѣть гнѣдую лошадь.
- 13) Родившіеся въ годъ Эрэ-галъ-хулугун¹⁾ д. ч. бурх. Нидүбэръ-үцзэкчй и имѣть бѣлую лошадь.
- 14) Родившіеся въ годъ Эмэ-галъ-ухэръ д. ч. бурх. Амитаба и имѣть рыжую лошадь.
- 15) Родившіеся въ годъ Эрэ-шорой-барсь д. ч. бурх. Хайнъ-раба²⁾ и имѣть голубую лошадь.

1) Полный переводъ этого цикла съ показаніемъ соответствующихъ ему годовъ христіанскаго лѣтосчисленія читатели найдутъ въ приложеніи къ настоящему изданію «Монгольская лѣтопись «Эрдэнийнъ эрихэ».

2) Иначе Хаинкирва, Хаяграва, тиб. Дамдинъ, или Дамринъ.

16) Родившіеся въ годъ Эмэ шордй тўлай д. ч. бурх. Уснйха-
бицзай и имѣть голубую лошадь.

17) Родившіеся въ годъ Эрэ тэмўрь лў д. ч. бурх. Ниду бѣрь
уцзакчй и имѣть бѣлую лошадь.

18) Родившіеся въ годъ Эмэ тэмўрь могдй д. ч. бурх. Юмъ
и имѣть голубовато-сѣрую лошадь.

19) Родившіеся въ годъ Эрэ-усўнъ-морйнъ д. ч. бурх. Нам-
сарай и имѣть бѣлую лошадь.

20) Родившіеся въ годъ Эмэ-усўнъ-хонй д. ч. бурх. Уснйха-
бицзай и имѣть голубую лошадь.

21) Родившіеся въ годъ Эрэ модднъ мѣчйнъ д. ч. бурх. Аюши
и имѣть бѣлую лошадь.

22) Родившіеся въ годъ Эмэ модднъ тахй д. ч. бурх. Усиртў
и имѣть соловую лошадь.

23) Родившіеся въ годъ Эрэ галь нохдй д. ч. бурх. Амитаба
и имѣть рыжую лошадь.

24) Родившіеся въ годъ Эмэ галь гахай д. ч. бурх. Майдари
и имѣть буланую лошадь.

25) Родившіеся въ годъ Эрэ шордй хулугунд д. ч. бурх.
Маньчжўшри и имѣть буланую лошадь.

26) Родившіеся въ годъ Эмэ шордй ухѣрь д. ч. бурх. Цѣбѣкъ
(Аюши) и имѣть рыжую съ лысиной лошадь.

27) Родившіеся въ годъ Эрэ тэмўрь бѣрьс д. ч. бурх. Амитаба
и имѣть рыжую лошадь.

28) Родившіеся въ годъ Эмэ тэмўрь тўлай д. ч. бурх. Билікъ
барамитъ и имѣть соловую лошадь.

29) Родившіеся въ годъ Эрэ усўнъ лў д. ч. бурх. Чжѣтдамба
и имѣть бѣлую лошадь.

30) Родившіеся въ годъ Эмэ усўнъ могдй д. ч. бурх. Махагала
и имѣть гнѣдую съ лысиной лошадь.

31) Родившіеся въ годъ Эрэ модднъ морйнъ д. ч. бурх. Окйнъ
тангрй и имѣть соловую съ лысиной лошадь.

32) Родившіеся въ годъ Эмэ модднъ-хонй д. ч. бурх. Банза-
рѣкша и имѣть соловую лошадь.

33) Родившіеся въ годъ Эрѣ-галь-мэчинъ д. ч. бурх. Билікъ-барамитъ и имѣть соловую лошадь.

34) Родившіеся въ годъ Эмѣ-галь-тахъ д. ч. бурх. Очиръ-вѣни и имѣть черно-сѣрую лошадь.

35) Родившіеся въ годъ Эрѣ шорой нохой д. ч. бурх. Сайнь-цагійнъ нѣмъ и имѣть соловую лошадь.

36) Родившіеся въ годъ Эмѣ шорой гахай д. ч. бурх. Маньч-жүшри и имѣть буланую лошадь.

37) Родившіеся въ годъ Эрѣ тэмүръ хулугунѣ д. ч. бурх. Окъ-саба и имѣть бѣлую лошадь.

38) Родившіеся въ годъ Эмѣ тэмүръ үхэръ д. ч. бурх. Сидда и имѣть бѣлую лошадь.

39) Родившіеся въ годъ Эрѣ усунъ бѣрсъ д. ч. бурх. Амигаба и имѣть рыжую лошадь.

40) Родившіеся въ годъ Эмѣ усунъ тўлай д. ч. бурх. Намсарай и имѣть бѣлую лошадь.

41) Родившіеся въ годъ Эрѣ модонъ лў д. ч. бурх. Базаръ-бадаранѣ и имѣть гнѣдую лошадь.

42) Родившіеся въ годъ Эмѣ модонъ могдѣй д. ч. бурх. Намсарай и имѣть бѣлую лошадь.

43) Родившіеся въ годъ Эрѣ галь моринъ д. ч. бурх. Хайнь-раба и имѣть голубую лошадь.

44) Родившіеся въ годъ Эмѣ галь хонѣ д. ч. бурх. Лўинъ-хѣнъ и имѣть голубую лошадь.

45) Родившіеся въ годъ Эрѣ шорой мэчинъ д. ч. бурх. Очиръ-вѣни и имѣть черно-сѣрую лошадь.

46) Родившіеся въ годъ Эмѣ шорой тахъ д. ч. бурх. Бадма-хучитў и имѣть вороную лошадь.

47) Родившіеся въ годъ Эрѣ тэмүръ нохой д. ч. бурх. Амигаба и имѣть рыжую лошадь.

48) Родившіеся въ годъ Эмѣ тэмүръ гахай д. ч. бурх. Махагала и имѣть гнѣдую съ лысиной лошадь.

49) Родившіеся въ годъ Эрѣ усунъ хулугунѣ д. ч. бурх. Билікъ барамитъ и имѣть соловую лошадь.

50) Родившіеся въ годъ Эмэ усунъ ухэръ д. ч. бурх. Ниду-бэръ уцзэкчй и имѣть бѣлую лошадь.

51) Родившіеся въ годъ Эрэ модонъ бэрсъ д. ч. бурх. Окінъ тэнгрі и имѣть соловую съ лысиной лошадь.

52) Родившіеся въ годъ Эмэ модонъ тұлай д. ч. бурх. Махагала и имѣть гнѣдую съ лысиной лошадь.

53) Родившіеся въ годъ Эрэ галъ лү д. ч. бурх. Номьйинъ-хъанъ и имѣть голубовато-сѣрую лошадь.

54) Родившіеся въ годъ Эмэ галъ могой д. ч. бурх. Намсарай и имѣть бѣлую лошадь.

55) Родившіеся въ годъ Эрэ шорой моринъ д. ч. бурх. Хайнъ-раба и имѣть голубую лошадь.

56) Родившіеся въ годъ Эмэ шорой хоні д. ч. бурх. Махагала и имѣть гнѣдую съ лысиной лошадь.

57) Родившіеся въ годъ Эрэ тэмүръ мэчинъ д. ч. бурх. Махагала и имѣть гнѣдую съ лысиной лошадь.

58) Родившіеся въ годъ Эмэ тэмүръ тахй д. ч. бурх. Намсарай и имѣть бѣлую лошадь.

59) Родившіеся въ годъ Эрэ усунъ нохой д. ч. бурх. Ами-таба и имѣть рыжую лошадь.

60) Родившіеся въ годъ Эмэ усунъ гахай д. ч. бурх. Хайнъ-кирд и имѣть голубую лошадь.

Какъ талисманъ, способный предохранить человека отъ могущихъ приключиться съ нимъ несчастій, ребенку, со дня совершенія надъ нимъ обряда омовенія, привязываютъ пять такъ называемыхъ *бу*, которыя потомъ онъ долженъ носить собственно въ теченіе всего перваго года, хотя обыкновенно этого и не исполняется, ибо привязанныя къ ребенку *бу* не болѣе какъ черезъ день, или два сползаютъ, отрываются и пропадаютъ. Эти пять дѣтскихъ *бу* по формѣ своей почти одинаковы. Они состоятъ собственно изъ пяти отдѣльныхъ клочковъ бумажки, на каждомъ изъ которыхъ начертываются фигуры двухъ, перекрещивающихся очіровъ и надписываются соотвѣтствующія тарни; бумажки эти свертываются потомъ квадратнымъ четырехъ-угольникомъ, зашиваются въ лоскутокъ матеріи и въ этомъ видѣ привѣшиваются.

Положеніе, которое занимають *бү* на тѣлѣ ребенка, слѣдующее: одно *бү*, зашитое въ матерію краснаго цвѣта, одѣвается на шею, — на немъ, помимо общаго вѣсмъ пяти *бү* изображенія двухъ, взаимно перекрещивающихся очіровъ, начертывается тарнистическая формула: «омъ-сомъ-я-бамъ-хумъ-ди-хумъ-хори»; два *бү*, зашитыя въ матерію бѣлаго цвѣта, привязываются къ рукамъ, при чемъ на *бү* правой руки пишутся тарни «омъ-суди-лэ-му-ви-хумъ-ри-содъ-содъ», а на *бү* лѣвой руки — тарни: «омъ-зэнь-са-мадъ-ни-хумъ-ри-хумъ-бамъ-ха»; два *бү*, зашитыя въ матерію желтаго цвѣта, привязываютъ къ ногамъ, написанныя же на нихъ тарни звучатъ для правой ноги: «омъ-сри-хумъ-са-а-судамъ-омъ-суба-падъ», а для лѣвой — «накъ-рикъ-ди-бамъ-хумъ-да-часа-омъ-му-ли-са». По прошествіи года дѣтскія *бү* должно смѣнять и тогда они замѣняются однимъ, такъ называемымъ «банза-рѣкшайнъ *бү*». Это также клочекъ бумажки съ начертанными на немъ словами молитвы и тарнистическими изрѣченіями; онъ зашивается въ какую либо матерію краснаго, или желтаго цвѣтовъ и носится на груди на подобіе того, какъ хрістіане носятъ крестъ. Молитвы и тарнистическія изрѣченія банза-рѣкшайнъ *бү* бываютъ весьма различны въ силу различія самаго ихъ назначенія. Въ сочиненіи Га-чжама, составленномъ бодисатвою Дурма мунрумъ, хубилганомъ Оточі, или Мянлайтъ бурхана, подробно разказывается о существованіи въ мірѣ 360 злыхъ духовъ, 404-хъ болѣзней, и 80,000 препятствій (~~Актелл~~), мѣшающихъ человѣку проводить жизнь счастливо и вѣрнымъ путемъ идти къ совершенствованію своего духа. Какъ средство, подавляющее силы этихъ духовъ, болѣзней и препятствій, является *бү*. Соображая годъ, мѣсяцъ, день и часъ рожденія ребенка, цзурухайчи опредѣляетъ, какіе именно духи могутъ имѣть вліяніе на судьбу новорожденнаго, какимъ можетъ онъ подвергнуться болѣзнямъ, какія препятствія къ совершенствованію себя, могутъ встрѣтиться ему въ жизни. Для подавленія каждого изъ этихъ духовъ, каждой болѣзни, каждого препятствія есть свои особыя молитвы и тарни, иногда заключающіяся только въ одномъ словѣ. Эти то тарни, сообразно участи каждого отдѣльнаго

лица и пишетъ цзурухайчи, приготовляя бѹ для каждаго монгола буддиста. Такъ какъ бумажное и зашитое въ клочекъ холстины бѣнза-рѣкшаннъ бѹ скоро изнашивается, то каждый монголь мѣняетъ его почти ежегодно. На этотъ конецъ цзурухайчи назначаютъ при себѣ особыхъ учениковъ, на обязанности которыхъ состоитъ писать бѹ. Богатые вмѣсто бѹ съ начертанными на нихъ тѣрни, носятъ небольшіе золотые и серебрянные складни, въ которые вставляется рисованное изображеніе ихъ генія хранителя вмѣстѣ съ изображеніемъ того бурхана, хубилганомъ котораго этотъ геній хранитель почитается.

Читатели помнятъ конечно, что большая часть дѣтей мужскаго пола лѣтъ четырехъ, пяти, или шести, принимаетъ у монголовъ обѣты бѣнди (гѣнин'а); это обстоятельство вынуждаетъ каждаго монгола, имѣющаго сына, соответствующаго возраста, призывать къ себѣ ламъ для совершенія надъ нимъ должныхъ обрядовъ. Такъ какъ обряды эти уже были описаны нами въ главѣ о духовенствѣ, то, обходя ихъ, мы перейдемъ къ слѣдующимъ въ хронологическомъ порядкѣ обрядамъ, называемымъ «мѣнгѣйнъ цэсѣлъ и чжилѣйнъ оролгѣнъ».

Обрядъ мѣнгѣйнъ цэсѣлъ, какъ было уже сказано выше, совершается надъ каждымъ человѣкомъ во всю его жизнь периодически черезъ девять лѣтъ, т. е. на 9-мъ, 18-мъ, 27-мъ, 36-мъ и т. д. годахъ его возраста. О происхожденіи этого обряда ламы разказываютъ слѣдующую легенду. Въ Индіи проживалъ когда-то въ древности хѣнъ, по имени Накбѣ. У него было 5 сыновей и одна дочь; блестящій дворецъ его былъ поразителенъ по своей высотѣ и по своей обширности; чиновники у этого хѣна отличались глубиною мудрости въ управленіи дѣлами и старались превзойти другъ друга въ милосердіи къ народу. Накбѣ-хѣнъ по рожденію своему принадлежалъ къ году барса. Но вотъ наступилъ годъ дракона, въ который хѣну исполнилось 27-мъ лѣтъ и все переимѣнилось: что ни предпринималъ хѣнъ, ничего ему не удавалось; семья заболѣла, высокій дворецъ началъ осѣдаться и какъ бы опускаться въ землю, наконецъ и самъ хѣнъ началъ помрачаться въ разсудкѣ. Однажды, пришедши въ себя, началъ онъ

искать выхода изъ бѣды, сталъ на молитву и молился до тѣхъ поръ, пока заснулъ. Во снѣ слышитъ онъ голосъ: «хѣнь, то, что не спорится у тебя ни какое дѣло и что со всѣхъ сторонъ сыплются на тебя бѣды, происходитъ отъ того, что попалъ ты подъ девять глазъ годовыхъ и подъ девять глазъ коровьихъ (чжидѣнь йѣсунъ нюдунъ, ухурѣйнь йѣсунъ нидунъ) орохсони тула). Къ востоку отъ тебя живетъ повелитель черныхъ китайцевъ (сунъ сунъ), хубилганъ Гуйсцзэ'я. Попли къ нему своего высшаго чиновника, пригласи его, поднеси ему въ подарокъ золота, поднеси ему ко рту золотое питье и попроси его сжечь все несчастія твоего существа». Проснувшись, ханъ поступилъ по этому приказу: пригласилъ Гуйсцзэ'ева хубилгана, и попросилъ его сжечь свои несчастія. По окончаніи церемоніи хубилганъ Гуйсцзэ'я снова повторилъ хану, что все его несчастій происходило съ глазу и завѣщалъ повторять обрядъ очищенія несчастія черезъ девять лѣтъ. Нынѣ при совершеніи этого обряда читается особая молитва, называемая «мэнгѣйнь голь» и принадлежащая къ отдѣлу йорблѣй. Въ ней испрашивается человѣку счастье и благоденствіе во всемъ, что относится до его нравственнаго и физическаго существованія; все благожеланія раздѣляются на 108 отдѣловъ и каждый отдѣлъ заключается произнесеніемъ особыхъ тарни. По прочтеніи йорбл'я, человѣка, надъ которымъ совершается обрядъ, омывають «чдѣйгѣйнь усу», послѣ чего читаются еще двѣ молитвы, извѣстныя подъ именами «Чжанакъ гакдунъ» и «Найманъ гэгѣнь».

Последняя молитва почитается самою основною молитвою для отгнанія отъ человѣка всякаго рода жизненныхъ препонъ и несчастій, хотя содержаніе ея въ сущности весьма немногосложно. Вся молитва состоитъ изъ призыванія разнаго рода существъ и геніевъ, которыми населилъ буддизмъ весь видимый и невидимый міръ и которыя, по вѣрованіямъ его, имѣютъ вліяніе на судьбу человѣка. Такимъ образомъ въ этой молитвѣ послѣ обычныхъ поклоненій буддѣ начинается общее призваніе геніевъ, обитающихъ на небѣ, въ воздухѣ, на землѣ и въ водѣ и всѣхъ ихъ вообще умоляютъ придти и отнестись дружественно къ ми-

устрояющимъ безмятежіе человѣческой жизни, и d) къ шестидесяти геніямъ, покровителямъ cadaго изъ годовъ шестидесяти-лѣтняго цикла. Къ послѣднимъ, помимо обычной просьбы придти въ дружество съ милостынедателемъ и сдѣлать его благополучнымъ и здоровымъ, обращается еще молитва, чтобы въ теченіе послѣдующаго времени своего правленія они не низпускали бы на милостынедателя эрликовъ гацзарыйнъ эцэна, не посылали бы на него никакихъ жизненныхъ несчастій, но положили бы въ его жизни начало къ приобрѣтенію славы и блаженства тэнгриевъ. Это моленіе заключается произнесеніемъ тѣрни «Омъ-гил-гил-тили-тили-хумъ-падъ-ати-бадили-хумъ-падъ-свахъ».

Послѣ сего слѣдуютъ снова призыванія, обращенныя прежде всего къ владыкамъ семи созвѣздій восточной стороны, во главѣ которой полагается созвѣздіе плеяды (бэчй); потомъ къ семи владыкамъ созвѣздій южной стороны, во главѣ которыхъ полагается созвѣздіе хошигунъ (?); потомъ къ семи владыкамъ созвѣздій западной стороны, во главѣ которыхъ поставляется созвѣздіе цзабсаръ тэнгри (?); наконецъ къ владыкамъ семи сѣверныхъ созвѣздій, во главѣ которыхъ поставляется созвѣздіе — Мунъ-кирй; всѣхъ ихъ также точно просятъ придти въ общеніе съ милостынедателемъ и помогать ему. Въ противность сему тѣ звѣзды, подъ лучемъ свѣта которыхъ не спорится работа, получается несчастное возрожденіе, совершается смерть людей и проч., просятъ никогда не бросать своихъ лучей на того, который съ благоговѣніемъ принимаетъ этотъ религіозный обрядъ.

Еще далѣе слѣдуютъ призыванія къ геніямъ владыкамъ а) снѣжныхъ горъ, б) черныхъ (т. е. не покрытыхъ свѣгомъ) горъ, в) ровныхъ пространствъ и степей, г) лѣсовъ, е) большихъ рѣкъ, ф) морей на малыхъ озеръ, — всѣхъ ихъ также просятъ обустроить блага и счастья молящагося. Закачивается эта молитва произнесеніемъ многочисленныхъ заклинаній всѣхъ этихъ геніевъ исполнить просьбу и принять приносимый имъ по этому случаю балйиъ.

По окончаніи чтенія «Найманъ гэгэнъ», какъ при совершеніи мэнгэйиъ цзасалъ, такъ и при служеніи чжилйиъ оролднъ, со-

вершается еще обрядъ, извѣстный подъ именемъ «дзолікъ гаргаху». Для совершенія его какъ необходимую принадлежность приготавливаютъ землю, взятую съ девяти горъ, песокъ со дна большой рѣки и землю съ могилы покойника; затѣмъ приготавливаютъ еще девять дощечекъ съ нарисованными на нихъ изображеніями девяти эрліковъ, наконецъ девять черныхъ и девять бѣлыхъ камней. Самъ лама дѣлаетъ изъ тѣста небольшое изображеніе человѣка и одѣваетъ эту фигурку во всѣ тѣ одежды, которыя долженъ по своему общественному положенію носить тотъ, за счастіе котораго совершается обрядъ. Фигурка эта называется дзолікъ; она долженствуетъ знаменовать собою именно того человѣка, который совершаетъ надъ собою мэнгэйнь цзасаль, или чжилійнь оролгонъ. Когда все это будетъ готово, у лѣвой стѣны юрты разстилаютъ двѣ овчины, одну — бѣлую, а другую — черную. На послѣдней сажаютъ человѣка, надъ которымъ совершается обрядъ, а впереди его ставятъ дзоліка. Отъ этой черной овчины по направленію къ правой стѣнѣ, къ тому мѣсту, гдѣ сидитъ совершающій обрядъ лама, разстилаютъ бѣлую кошму и поперегъ ея дѣлаютъ девять дорожекъ изъ вышепомянутой земли, взятой съ девяти горъ, дна большой рѣки и изъ могилы. У каждой такой дорожки ставится по одной дощечкѣ съ изображеніемъ эрліка. Обрядъ начинается чтеніемъ молитвы, основное содержаніе которой составляетъ изложеніе девяти главнѣйшихъ причинъ смерти человѣка, съ просьбою избавить милостынедателя (имя рекъ), надъ которымъ совершается обрядъ, отъ каждой изъ этихъ причинъ. Окончивъ чтеніе cadaго изъ отдѣловъ, лама бросаетъ чернымъ камешкомъ въ дзоліка, и, прося, чтобы черная стрѣла смерти упала бы именно на дзоліка, произноситъ тārни; потомъ бѣлымъ камешкомъ бросаетъ въ человѣка и произноситъ новыя тārни, которымъ приписывается чудотворная сила сообщать человѣку бѣлый лучъ жизни. По прочтеніи такимъ образомъ перваго отдѣла, человѣкъ, надъ которымъ совершается обрядъ, встаетъ съ черной овчины и, перешагнувъ черезъ одну изъ дорожекъ, намѣченныхъ посыпанной землею, произноситъ: «я перешагнулъ черезъ одинъ перевалъ, ушелъ отъ одной смерти»

(*ᠮᠠᠩᠭᠠᠢᠨ ᠵᠠᠰᠠᠯᠤ ᠶᠤᠨ ᠤᠯᠤᠰ*). За симъ начинается чтеніе втораго отдѣла, и по окончаніи его новое бросаніе камней и новое перешагиваніе черезъ одну дорожку. Такъ до девяти разъ пока ни будутъ пройдены всѣ дорожки. Прошедши ихъ, человѣкъ, надъ которымъ совершается обрядъ, поворачивается на правую сторону и, возвратившись назадъ къ своему сѣдалищу у лѣвой стѣны, садится уже на бѣлую овчину. Вслѣдъ за симъ къ нему приближается лама. Онъ беретъ дзюлика и, произнося тѣрни, трижды оборачиваетъ его противъ солнца надъ головою милостынедателя; за симъ опускаетъ дзюлика къ лицу милостынедателя, тогъ три раза плюетъ на него. Окончивъ это, лама передаетъ дзюлика прислужникамъ и начинаетъ снова произносить тѣрни, учащенно хлопая въ ладоши. Въ это время дзюлика выносятъ и бросаютъ въ степь, а человѣка, надъ которымъ совершался обрядъ, окропляютъ арпаномъ. Этимъ обрядъ и оканчивается.

Таково служеніе обряда мѣнгѣйнъ цзасалъ обычное, т. е. когда послѣдующіе девять лѣтъ жизни человѣка не осложняются никакими особенно несчастными обстоятельствами, оградить отъ которыхъ и составляетъ цѣль совершенія обряда. Но должно замѣтить, что среди 60-ти лѣтняго цикла находятся еще четыре черныхъ или несчастныхъ года, это—21-годъ цикла, называемый хухэ модонъ мѣчинъ; 28-й,—называемый Цагахчинъ тэмуръ тѣлай; 30-й,—называемый харахчинъ усунъ могой и 36-й,—называемый Шарахчинъ шорой гахай. Если въ числѣ послѣдующихъ девяти лѣтъ жизни человѣка, надъ которымъ совершается обрядъ, случится хотя бы то и одинъ изъ указанныхъ годовъ, то служеніе мѣнгѣйнъ цзасалъ, для исправленія несчастій собственно этого года, осложняется еще слѣдующимъ обрядомъ. На ближайшей изъ лежащихъ къ югѣ проѣзжихъ дорогъ ламы дѣлаютъ изъ песку, или изъ пыли небольшое возвышеніе, покрываютъ его хадакомъ, а на хадакѣ сгавятъ дурмѣ, кладутъ девять драгоцѣнностей, девять сортовъ различной пищи и одну лампаду. По четыремъ сторонамъ возвышенія втыкаютъ четыре хучжи. Изъ муки готовятъ изображеніе человѣка и въ сре-

дину его кладутъ бумажку съ написаннымъ именемъ человѣка и годомъ его рожденія (напр. Лійчжй, родившійся въ годъ хонѣ). Въ сторонѣ отъ возвышенія ставятъ одно животное (лошадь, корову, или овцу) непременно черной масти, а у ногъ этого животного кладутъ полный костюмъ человѣка, надъ которымъ совершается обрядъ, нарочно приготовляемый для сего обряда изъ матеріи чернаго цвѣта. Самого виновника обряда сначала омываютъ Чойгъинъ усъ, а потомъ надѣваютъ на него бѣлую одежду и даютъ ему въ руки чашку, наполненную хлѣбными сѣменами. Служеніе состоитъ изъ чтенія Найманъ гэгэнъ, удзэй-дабхуръ, Сая-нинъ-ба, Окторгдйнъ цзүрүхэнъ, Сиддиду и Билікъ барамитъ. При чтеніи йорблэй, входящихъ въ составъ каждой изъ этихъ молитвъ, человѣкъ, надъ которымъ совершается обрядъ, долженъ подбрасывать вверхъ хлѣбныя зерна, которые онъ держитъ въ рукахъ. По окончаніи хурала, приготовленное возвышеніе тотчасъ же срывается, а приносимыя жертвы, равно какъ стоящее при обрядѣ животное и лежащее здѣсь платье поступаютъ въ награду ламамъ.

Обрядъ «Чжилйнъ оролгднъ» совершается надъ монголомъ-буддистомъ періодически черезъ двѣнадцать лѣтъ, т. е. въ годовщину того циклическаго знака, въ который каждый родился. Обрядъ совершается собственно ради испрошенія человѣку долгоденствія и отгнанія причинъ его смерти, которыхъ почитается такъ много, что, по отзыву буддистовъ, не помѣстится и на бумагѣ, если описывать ихъ всѣ (ᠴᠢᠵᠢᠯᠢᠨ ᠣᠷᠣᠯᠭᠳᠠᠨ ᠶ᠋ᠢᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠲᠠᠭᠤᠨ) Богослуженіе совершается въ стени. Въ землю втыкаютъ палку, гладко выточенную и высотой нѣсколько больше маховой сажени; посрединѣ ея привязываютъ шелковую нитку краснаго цвѣта, а на верхушку надѣваютъ шапку, нарочно сшиваемую къ обряду, изъ заячей кожи. Относительно этой кожи существуетъ то постановленіе, что къ ней не должны были прикасаться собачьи зубы, почему зайца, изъ шкуры котораго готовятъ шапку обряда чжилйнъ оролгднъ, непременно стрѣляютъ, а не охотятся на него съ собаками. За сивъ на особомъ клочкѣ бумаги пишутъ имя человѣка, надъ которымъ совершается обрядъ, а

равно названіе его рода и кости; бумажку эту зашиваютъ въ бѣлый, шерстяной мѣшочекъ и привязываютъ къ палкѣ. Впереди палки разстилаютъ бѣлый, полотняный платокъ, на которомъ тушью очерчивается кругъ, а въ этомъ кругу пишутся наименованія животныхъ двѣнадцатилѣтняго цикла въ слѣдующемъ порядкѣ: на сѣверной сторонѣ—года свиньи и мыши; на сѣверо-восточной—коровы; на восточной—барса и зайца; на юго-восточной—дракона; на южной—звѣи и лошади; на юго-западной—овцы; на западной—обезьяны и курицы; на сѣверо-западной—собаки. Потомъ готовятъ изъ тѣста фигурныя изображенія этихъ двѣнадцати циклическихъ животныхъ и каждую фигурку ставятъ на ея надписи; при этомъ наблюдаютъ еще, чтобы привязанный къ палкѣ мѣшочекъ съ именемъ человѣка, за котораго совершается обрядъ, былъ обращенъ именно къ фигуркѣ того животнаго, которое знаменуетъ годъ его рожденія. Помимо сего дѣлаютъ изъ того же тѣста изображеніе тэнгрія—повелителя годовъ, извѣстнаго подъ именемъ Тэс-хана и фигурку его сажаютъ верхомъ на фигурку того года, въ который человѣкъ родился. Въ срединѣ круга, образуемаго двѣнадцатью животными, кладутъ девяти сортовъ яства и девять драгоценностей; сбоку же платка кладутъ чулокъ съ лѣвой ноги и гашникъ отъ штановъ человѣка. На южной сторонѣ платка ставятъ еще лампы (зула), количество которыхъ должно соответствовать числу лѣтъ человѣка; по окончаніи хурала эти лампы бросаютъ въ ту сторону, гдѣ, по указаніямъ цзурухайчи, обитаютъ пять читкүровъ человѣка, надъ которыми совершается обрядъ. Чтеніе составляютъ двѣ молитвы: улцэйд-дабхүръ и Найманъ гэгэнъ.

Послѣ совершенія обрядовъ мэпгэйнъ цзасалъ и чжиліинъ оролгонъ, почти каждому монголу лама является необходимымъ при совершеніи свадебнаго обряда. Слѣдуетъ замѣтить, что участіе ламъ при свадьбахъ чаще замѣчается у богатыхъ, чѣмъ у бѣдныхъ: у богатыхъ ламы помимо разрѣшенія вопроса о возможности брака, совершаютъ еще гүрюмы, отправляютъ свадебный обрядъ, служатъ молебствіе, когда ставятъ особую юрту для новобрачныхъ, освящаютъ эту юрту въ первый день пребы-

ванія въ ней новобрачныхъ, — ничего этого не бываетъ у бѣдныхъ; но ни бѣдные, ни богатые не могутъ обойтись безъ совѣщанія съ ламами о возможности брака и о назначеніи дня для совершенія онаго. Каждый монголъ, намѣреваясь женить своего сына и намѣтивъ для него невѣсту, непременно отправляется въ монастырь къ цзурухъайчи и спрашиваетъ его, возможенъ ли предполагаемый бракъ. Цзурухъайчи подробно спрашиваетъ о лѣтахъ жениха и невѣсты, о годѣ, мѣсяцѣ и днѣ ихъ рожденія, объ ихъ именахъ, отличительныхъ примѣтахъ и всѣ эти показанія соображаетъ съ показаніями астрологическихъ священныхъ книгъ. При этомъ оказывается иногда, что судьба подлежащихъ двухъ лицъ такъ различна, что соединить ихъ было бы положительнымъ несчастіемъ, бракъ въ этомъ случаѣ конечно не возможенъ; но большей части однако случается, что одні примѣты жениха и невѣсты предвѣщаютъ имъ взаимное счастье, а другія, напротивъ, рисуютъ имъ невзгоды въ жизни. При такихъ обстоятельствахъ цзурухъайчи даетъ разрѣшеніе на бракъ, но предупреждаетъ, что для устраненія могущихъ быть такихъ-то и такихъ-то несчастій, необходимо отслужить такіе-то и такіе-то гүрюмы. Молебствій этого рода множество: одни предотвращаютъ безплодіе, другіе — смертность дѣтей, третьи — рожденіе однихъ только дѣвочекъ, четвертые — главенство жены надъ мужемъ, пятые удаляютъ болѣзни, шестые — бѣдность, седьмые — падежъ скота и т. д. и т. д. По совершеніи этихъ гүрюмовъ, монголъ снова отправляется къ цзурухъайчи, чтобы узнать отъ него счастливый день для свадьбы и обстоятельства, при которыхъ она должна быть совершена. Цзурухъайчи опять соображаетъ возрастъ жениха и невѣсты, годы, мѣсяцы и дни ихъ рожденія съ показаніями астрологическихъ священныхъ книгъ. Главнѣйшія данныя для опредѣленій дня свадьбы извлекаются изъ 23-й главы Вайдүрья-карпо и сообразно указаній этого же сочиненія цзурухъайчи опредѣляетъ какъ всѣ побочныя обстоятельства, такъ и то какой нѣмъ долженъ быть прочтанъ при совершеніи брачнаго обряда.

Что касается этихъ побочныхъ обстоятельствъ при свадьбѣ, то они состоятъ: а) въ выборѣ часа, въ который должна невѣста

щимъ счастье и святость» будетъ родившійся въ 4-мъ году; для родившихся въ 5-й, 6-й и 7-й годъ цикла — родившійся въ 8-мъ году; для родившихся въ 9-й, 10-й и 11-й годъ цикла — родившійся въ 12-мъ году. Но понятно, что при такомъ дѣленіи было бы невозможно удовлетворить всѣхъ невѣстъ и дѣвицы, родившіяся въ года 4-й, 8-й и 12-й года, не имѣли бы для себя «приносящихъ счастье и святость»; на этотъ конецъ означенные годы поставляются на второе мѣсто послѣдующаго порядка. По сему формула о человѣкѣ «приносящемъ счастье и святость», излагается такъ:

Для невѣстъ, родившихся въ 1-мъ, 12-мъ, 2-мъ и 3 годахъ, человѣкъ, «приносящій счастье и святость» есть родившійся въ 4-мъ году.

Для невѣстъ, родившихся въ 5-мъ, 4-мъ, 6-мъ и 7-мъ годахъ, человѣкъ, «приносящій счастье и святость» есть родившійся въ 8-мъ году, и наконецъ.

Для невѣстъ, родившихся въ 9-мъ, 8-мъ, 10-мъ и 11-мъ годахъ, человѣкъ «приносящій счастье и святость», есть родившійся въ 12-мъ году.

Что касается до чтенія нѣмовъ, отправляемаго при бракосочетаніи, то здѣсь читаются въ первыхъ макталы тѣхъ бурхановъ, въ года которыхъ родились женихъ и невѣста, а потомъ еще особый йорбѣль, специально составленный на случай бракосочетанія. Йорбѣль этотъ называется «послѣдованіе поклоненія невѣсты» (ᠠᠨᠢ ᠨᠡᠪᠡᠳᠡ ᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠢ ᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠢ) и отправляется такъ:

Предварительно прибытія невѣсты въ юрту жениха, здѣсь открываютъ бурхановъ, среди которыхъ необходимо ставится изображеніе бурхана Айши и передъ всѣми ними ставятъ лампаду и хучжѣ, а равно семь обычныхъ жертвъ. Помимо сего на особомъ столикѣ, въ красномъ углу, приготовляются жертвы «табунъ хусѣль», на этотъ разъ состоящія изъ маленькаго оловяннаго зеркала (толѣ); небольшой деревянной дудочки, мушкатнаго орѣшка, нѣсколькихъ кусочковъ леденцоваго сахара и клона шелковой матеріи, или шелковаго хадака. Къ этому присоединяется еще блюдо съ растопленнымъ масломъ, или курдючнымъ

жиромъ, разрѣзаннымъ кусочками. Все это назначается въ жертву богу огня, а потому и не ставится передъ бурханами. По прибытіи невѣсты, ее сажаютъ вмѣстѣ съ женихомъ у порога, а ламы начинаютъ сначала читать йѳрѣли бурханамъ, окончивъ же ихъ приступаютъ къ обряду «поклоненія невѣсты». Первенствующій лама встаетъ съ своего мѣста и произноситъ слѣдующую рѣчь:

«Подобно тому какъ, начиная отъ временъ Махà-самадй-сэ-цэнъ-хāна, впоследствии владыка верховнаго, священнаго ученія Срояцāнъ-гамбѣ-хāнъ, святой повелитель Чингисъ-хāнъ и прочіе, многоразличные, большіе и малые хāны, а равно и ихъ данники привозили невѣсту отъ чужихъ, неродственныхъ очаговъ, совершали йѳрѣли при посредствѣ могущественныхъ и важныхъ особъ, устраивали нарочито большіе и радостные пиры и веселились въ полномъ безмятежій, — нынѣ, послѣдуя всѣмъ старымъ обычаямъ, отцы и матери, соединившись въ своихъ намѣреніяхъ, испросили одобренія у всѣхъ родственниковъ и свойственниковъ, получили указанія отъ верховныхъ мудрецовъ, приготовили различные прекрасные дары и привезли эту, извѣстную своимъ благопріемъ дѣвушку. Ее отправилъ въ путь ея ибѣль по лѣтамъ и прибыла она, по волѣ предопредѣленія, въ счастливый часъ, исполненный превосходныхъ предзнаменованій. Въ настоящемъ мѣстѣ чрезвычайной радости эту дѣвушку встрѣтилъ человѣкъ, «приносящій счастье и святость», онъ отворилъ (передъ нею) широкія, большія двери, онъ перевелъ ее черезъ высокій, большой порогъ. Пришелъ женихъ и теперь, посадивши ихъ обоихъ на урочное мѣсто и заставивъ ихъ величественно преклонить колѣна передъ всѣмъ, что составляетъ предметъ нашихъ чествованій, мы, при обстоятельстве этого перваго поклоненія невѣсты, воспоемъ по обычаю».

(При этомъ приглашеніи первенствующую съ совершеніемъ обряда ламы, узнатъ немедленно начинаетъ, а прочіе участвующіе ламы подхватываютъ слѣдующую молитву).

«Спасительный лама и три драгоценности, обладающіе чрезвычайными силами геній-хранители священнаго ученія, чрезъ

мѣрно просвѣщающій всѣхъ и все тѣнири огня съ своими сотоварищами, милосердуа, соизвольте придти сюда!

«Эту дѣвушку, пришедшую во благовременіи года и обладающую превосходными благожеланіями, мы преклоняемъ предъ руководителнымъ ламоу-хранителемъ. Соизволь преподать ей благословеніе на всегдашнее довольство!

«Эту дѣвушку, пришедшую во благовременіи мѣсяца и обладающую нерушимыми благожеланіями, мы преклоняемъ предъ благопришедшимъ бурханомъ. Соизволь благословить ее быть полезною ханскому правленію!

«Эту дѣвушку, пришедшую во благовременіи дня и обладающую исключительно хорошими благожеланіями, мы преклоняемъ передъ верховымъ и высокимъ ученіемъ (ᠲᠠᠨ ᠠᠨᠠᠭ ᠠᠨᠠᠭ ᠠᠨᠠᠭ ᠠᠨᠠᠭ). Соизволь исполнить ее всякаго рода добродѣтелями!

«Эту дѣвушку, пришедшую во благовременіи часа и обладающую неизчислимыми благожеланіями, мы преклоняемъ предъ сопмомъ высокихъ хувараконъ. Соизволь сдѣлать ее нарочито счастливой и удачливой!

«Эту дѣвушку, пришедшую изъ урочища, въ которое пріятно ходить, и обладающую старинными, прекрасными благожеланіями, мы преклоняемъ предъ Аїши бурханомъ, — руководителемъ. Соизволь пожаловать ей святость долголѣтія!

«Эту дѣвушку, пришедшую изъ мѣстъ, извѣстныхъ своимъ добрымъ правленіемъ и обладающую кроткимъ правомъ, мы преклоняемъ предъ неудержимыми геніями-хранителями священнаго ученія. Соизвольте умирить все, что способно поставить ей препятствія къ доброй дѣятельности!

«Эту дѣвушку, введенную человекомъ, приносящимъ счастье и святость и прибывшую съ разрѣшенія правителей, мы преклоняемъ передъ геніемъ хранителемъ имущества. Соизволь преподать ей полныя добродѣтели и счастье!

Эту дѣвушку, пришедшую изъ всегда радостнаго урочища и обладающую прочнымъ спокойствіемъ, мы преклоняемъ передъ могущественнымъ геніемъ-хранителемъ огня. Соизволь обосновать ей распространяющееся во всѣ стороны благо!

При каждомъ этомъ отдельномъ стихъ невеста встаетъ съ своего мѣста и дѣлаетъ земной поклонъ; по окончаніи же поклоновъ она садится рядомъ съ женихомъ, по правую сторону его; обоимъ имъ подають баранью ляжку (ཁུ་ཁྱུ་), которую они обязаны принять и держать за края каждый правою рукою. Съ этого времени начинается принесеніе жертвъ собственно огню. Первенствующій при совершеніи обряда излѣвъ принимаетъ въ руки оловянное толи, а прочіе ламы поютъ:

«Этотъ прекрасный предметъ, вполне пріятный для зрѣнія мы приносимъ прекрасѣйшему тѣнгрию огня и приглашаемъ поклониться (ему невесту).—Да распространятся величіе и красота этой поистинѣ счастливой дѣвицы!» (При этихъ словахъ невеста дѣлаетъ поклонъ, а первенствующій бросаетъ въ огонь толи и беретъ съ жертвеннаго столика деревянную дудочку. Ламы поютъ).

«Этотъ прекрасный инструментъ, издающій вполне пріятные для слуха звуки, мы приносимъ могущественному тѣнгрию огня и приглашаемъ поклониться. (Снова поклонъ невесты; первенствующій лама бросаетъ въ огонь дудочку и принимаетъ въ руки мушкатный орехъ; ламы между тѣмъ заканчиваютъ стихъ йорблеме): Да звучитъ добрая слава объ этой, обладающей прекрасною участью дѣвушкѣ!»

«Эту благовонную вещь, чрезвычайно пріятную для обонянія, мы приносимъ просвѣщающему мракъ тѣнгрию огня и приглашаемъ поклониться! (Поклонъ невесты; первенствующій бросаетъ въ огонь мушкатный орехъ и принимаетъ въ руки кусочки сахара и другія пряности, а ламы заканчиваютъ стихъ йорблеме): Да будетъ въ совершенной милости у всѣхъ эта, имѣющая неотвратимыя, добрыя предопредѣленія дѣвушка!»

«Эти прекрасныя яства, вполне пріятныя для вкуса, мы приносимъ высочайшему гещію огня и приглашаемъ поклониться. (Поклонъ невесты; первенствующій лама бросаетъ въ огонь кусочки сахара и беретъ въ руки шелковую ткань; ламы между тѣмъ заканчиваютъ стихъ йорблеме): Да исполнится всѣмъ, какія только есть,

вещами и имуществами эта, имѣющая непоколебимую и прекрасную судьбу дѣвушка!»

«Эти шелковые ткани, пріятныя на осязаніе, мы приносимъ мудрѣйшему тѣнгрию огня и приглашаемъ поклониться. (*Поклонъ неисты; первенствующій лама бросаетъ въ огонь шелкъ, а ламы заканчиваютъ стихъ йбрѣлѣ*). Да исполнится прекраснѣйшихъ нарядовъ и украшеній эта дѣвушка, обладающая счастливою судьбою, по которой ей приносить удачу всякій подарокъ!

Принесши эти пять жертвъ, лама беретъ чашку съ растопленнымъ масломъ, а всѣ присутствующие по пяти кусочковъ сала; ламы снова начинаютъ чтеніе:

«Могущественнѣйшій тѣнгри огня вмѣстѣ съ своими товарищами, вкусивъ этихъ жертвъ, соизвольте преподать покой, миръ, блескъ, величіе, долгоденствіе, богатство и силы этимъ (имя рекъ) брачующимся! (*Первенствующій лама льетъ на огонь масло, а всѣ прочіе бросаютъ по кусочку сала*).

«Всѣ дѣла, клонящіеся къ ихъ спокойствію и прославленію, устрояйте мирно и легко; кротко и благопрістойно жалуя ихъ своимъ дружествомъ, исполняйте во благое все, что они задумаютъ! (*Первенствующій снова льетъ въ огонь масло, а прочіе бросаютъ по кусочку сала*).

«Соизвольте навсегда исполнить ихъ единомыслія и здоровья, безграничнаго увеличенія рода, полного согласія въ дѣятельности съ священнымъ ученіемъ и всего добраго! (*Первенствующій снова льетъ масло, а прочіе бросаютъ по кусочку сала*).

«Небо и земля, представляя собою мудрость и средства, производятъ все доброе; подобно сему и эти двое (имя-рекъ), соединившись вмѣстѣ, да распространяютъ во кругъ себя добродѣтели! (*Первенствующій льетъ въ огонь масло, а прочіе бросаютъ по кусочку сала*).

«Солнце и луна, представляя собою мудрость и средства, постоянно освѣщаютъ своимъ свѣтомъ всю вселенную; подобно сему и эти двое (имя-рекъ), соединившись вмѣстѣ, да пребываютъ во вѣки въ чистотѣ! (*Первенствующій льетъ въ огонь масло, а прочіе бросаютъ по кусочку сала*).

Омъ-ма-хумъ, Омъ-ма-хумъ, Омъ-ма-хумъ».

Этимъ оканчивается при бракосочетаніи обрядъ религіозный.

Лѣтъ 35-ти, или 40-ка каждый монголъ если не принимаетъ обѣтовъ убашй, то уже непременно налагаетъ на себя такъ называемый въ просторѣчій «бацагъйинъ санваръ», т. е. обѣты поста, а на языкѣ ламъ именующійся «пайманъ гѣшигүтү санваръ» т. е. обѣтъ, состоящій изъ восьми членовъ. Собственно особаго посвященія при принятіи этого обѣта не существуетъ. Желаящій исполнять бацагъйинъ санваръ, долженъ только получить наставленіе и подробное указаніе отъ ламы о томъ, какъ должно принимать и выполнять обѣты, а за тѣмъ можетъ уже принимать этотъ обѣтъ по своей доброй волѣ и самъ просто передъ кумиромъ будды, когда хочетъ и на какое хочетъ время. Наставленія и подробныя указанія ламъ изучиваются при этомъ обыкновенно практически. Яснѣе сказать, если кто изъ монголовъ захочетъ принимать обѣты, онъ является къ ламѣ, сообщаетъ ему о своемъ желаніи и проситъ его руководства. Лама спрашиваетъ, какъ именно хочетъ исполнять обѣты его милостынедатель, ибо въ этомъ исполненіи бываетъ большая разница. Одни, и это будетъ громадное большинство монголовъ, принимаютъ обѣты поста такъ, чтобы выполнять ихъ каждый бацакъ, или что тоже 8-го, 15-го и 30-го чиселъ cadaго мѣсяца; другіе обѣщаются держать постъ только въ дни великихъ праздниковъ (дуйчингъйинъ санваръ); иные желаютъ наконецъ исполнять постъ только въ извѣстный день, разъ въ годъ. Въ первомъ случаѣ лама, приглашенный быть руководителемъ, ѣздитъ обыкновенно въ юрту своего милостынедателя въ каждый день бацака, читаетъ съ своимъ милостынедателемъ молитву обѣтовъ и учить его всей обрядности до тѣхъ поръ, пока тотъ не изучитъ всего, что должно ему дѣлать; также поступаютъ во второмъ случаѣ; постники третьяго рода обыкновенно остаются въ юртѣ своего ламы руководителя, или приглашаютъ его къ себѣ на домъ и выучиваютъ молитву поста, и обрядъ исполненія его сразу. Принятіе и исполненіе этихъ обѣтовъ совершается такъ.

Желаящій принять обѣтъ долженъ встать рано по утру,

вымытъ себѣ руки до той степени, пока на нихъ будутъ видны всѣ черты, потомъ раскрыть находящееся въ его юртѣ изображеніе будды, приготовить жертвы и лампаду, наконецъ разуть ноги, стать шагахъ въ пяти отъ кумировъ, трижды поклониться и произнести:

«Омъ-сарва-та-та-га-та-идамъ-гуру-ратна-ман-да-ла-ганирья-да-я-ми. (При этихъ тѣрни должно поднести бурхану мѣндалъ). За тѣмъ ставъ на колѣна, сложивъ ладони на груди и представляя находящееся впереди изображеніе будды дѣйствительнымъ буддою, принимающій обѣтъ долженъ такъ подумать: «Я, услышавъ чистымъ сердцемъ, что будды говорили: «съ этой минуты пока не взойдетъ завтрашнее солнце, приму и сохранию обѣты поста ради блага всѣхъ одушевленныхъ существъ»; «пожелалъ подражать имъ». За симъ онъ произноситъ вслухъ:

«Я (имя рекъ) съ этого времени и пока живъ, вѣрую въ будду, высочайшаго изъ двуногихъ; вѣрую въ высочайшее ученіе, отрѣшенное отъ страстей; вѣрую въ сонмъ хувараковъ, — верховный изъ сонмовъ. Соболаговолите принять мнѣ съ этой минуты и пока не взойдетъ завтрашнее солнце обѣты восьмичленнаго поста!

(Эти слова принимающій обѣтъ долженъ произносить трижды, и когда скажетъ ихъ въ третій разъ, то долженъ думать, что онъ уже сподобился принять обѣты; а потому можетъ говорить такъ):

«Всѣ святые и побѣдители враговъ рѣшали въ теченіе всей своей жизни никогда не лишать жизни ни какихъ существъ и воздерживались отъ убійства. Такимъ же образомъ и я (имя рекъ) съ этого времени пока не взойдетъ завтрашнее солнце, порѣшивъ не лишать жизни существъ, буду воздерживаться отъ убійства. Въ этомъ первомъ членѣ (обѣтовъ) я послѣдую ученію святыхъ, изучу его, выполню его, совершу его. Кромѣ того всѣ святые и побѣдители враговъ рѣшали оставить на всю жизнь захватывать (присвоивать себѣ) то, что не дано, любострастіе, ложь, употребленіе вина изъ плодовъ и варенаго вина, пьянство и неосмотрительность, пляски, пѣніе, звуки радости и ликованія, привѣщиваніе украшеній, натираніе благовоніями и сидѣніе на

высокихъ сѣдалищахъ, безвременное принятіе пищи и отъ всего этого они воздерживались. Такимъ же образомъ и я (имя рекъ), начиная съ этой минуты и пока не взойдетъ завтрашнее солнце, рѣшилъ оставить захватъ того, что не отдано, любострастіе, ложь, фруктовое вино и вареное вино, пьянство и неосмотрительность, пляски, пѣніе, звуки радости и ликованія, привѣщиваніе украшеній, натираніе благовоніями, сидѣніе на высокихъ сѣдалищахъ и безвременное принятіе пищи; отъ всего этого я воздержусь и чрезъ сіе изучу наставленія святыхъ и побѣдителей враговъ, выполню ихъ, совершу ихъ».

Слова эти должно произнести три раза. Потомъ принявшій обѣты поста долженъ встать; снова сдѣлать три поклона, помолиться сколько онъ хочетъ, сѣсть на коверъ и размышлять о вѣрѣ. Вообще въ теченіе этого дня онъ долженъ ходить вокругъ священныхъ предметовъ, покланяться имъ, возносить предъ ними жертвы, лампы и куренія, читать мѣни и микчжѣмъ, читать какія либо священные книги и прилежать ко всему доброму. Онъ постоянно долженъ быть осммотрительнымъ въ отношеніи своего тѣла, языка и мысли и воздерживаться отъ грѣховныхъ дѣлъ; въ особенности же необходимо ему стараться о должномъ исполненіи принятыхъ обѣтовъ 8-ми членнаго поста. Утромъ ему позволяется выпить чаю и сѣсть бульону, приправленнаго мукою, въ полдень сѣсть обѣдъ но не иначе какъ изъ растительныхъ веществъ (пища такого рода, т. е. постная называется *ѡсѣдѣ*); послѣ полудня кромѣ питья и растворяющагося въ питьѣ, подобно тому какъ напр. сахаръ растворяется въ чаю, ему должно оставить употребленіе всякой пищи. Предъ началомъ обѣда и послѣ принятія пищи должно полоскать ротъ водою. Исполнивъ такимъ образомъ въ теченіе одного дня это дѣло чистой добродѣтели и переночевавъ, принявшій обѣты на другой день встаетъ съ разсвѣтомъ, покланяется предъ изображеніемъ будды, читаетъ молитву, какую знаетъ, снова приноситъ мѣндаля или жертвы и, попросивъ себѣ у будды святости, считаетъ обѣтъ оконченнымъ.

Но пріятіе обѣтовъ поста, по ученію буддистовъ, служить

лишь однимъ изъ главнѣйшихъ способовъ для личнаго совершенства человѣка; между тѣмъ такое совершенство, находясь даже на самой высокой степени, еще не можетъ служить залогомъ для пріобрѣтенія святости. Буддѣйская святость исключаетъ всякое субъективное стремленіе и чтобы быть святымъ по буддизму, человѣкъ долженъ дѣлать добро не для собственнаго блага, не для возвышенія нравственныхъ достоинствъ своего я, а ради блага всѣхъ одушевленныхъ существъ. Для людей, не посвященныхъ въ духовное званіе, вспомогательнымъ и чрезвычайнымъ средствомъ къ такому отрѣшенію отъ своего я и къ пріобрѣтенію силы дѣйствовать на благо одушевленныхъ существъ, служитъ принятіе такъ называемыхъ абишйковъ, или посвященій, въ которыхъ буддистъ ввѣряетъ себя покровительству того или другаго бодисатвы и общается идти и дѣйствовать по пути его. Самые распространенные въ Монголіи абишйки это—абишйкъ Аюши и абишйкъ Ямандагй. Мнѣ лично не приходилось ни разу видѣть совершеніе этого хурала, хотя и случалось бывать въ тѣхъ улусахъ и хотонахъ, гдѣ преподавался абишйкъ. Дѣло въ томъ, что принятіе абишйка ламы считаютъ великимъ таинствомъ и не допускаютъ къ нему даже не изъявившихъ желаніе принять самый абишйкъ буддистовъ; нечего говорить конечно о невѣрующемъ иностранцѣ. Впрочемъ, благодаря бесѣдамъ съ ламами и нѣкоторыми простолюдинами, а равно и кое какимъ личнымъ наблюденіямъ я узналъ кое что объ этомъ обрядѣ и считаю долгомъ сообщить о немъ хотя бы то отрывочныя свѣдѣнія.

Въ Монголіи абишйкъ ни когда не дается одному человѣку и для принятія его собираются цѣлыя компаніи въ 200, 300 человѣкъ. Преподаетъ абишйкъ всегда какойнибудь знатный лама, или же одинъ изъ болѣе старѣйшихъ и почтеннѣйшихъ хубилгановъ. Когда такимъ образомъ соберется общество желающихъ принять абишйкъ, оно выбираетъ изъ себя членовъ, которые должны отправиться къ намѣченному ламѣ, или хубилгану съ просьбою преподать абишйкъ. Такое посольство бываетъ обыкновенно, по крайней мѣрѣ, за годъ до принятія абишйка, такъ

важномъ значеніи таинства, о томъ, какъ должно приступать къ нему и предупреждаетъ, что всѣ, принявшіе абишйкъ, должны свято хранить его тайну послѣ того, какъ хураль будетъ оконченъ и посвященіе преподано.

Самое совершеніе обряда начинается принесеніемъ мандаля имѣющему совершать посвященіе ламѣ; подносятъ мандаля обыкновенно самые почетнѣйшіе изъ готовящихся принять таинство, остальные же только почтительно вытягиваютъ свои руки, дѣлая видъ, что и они участвуютъ въ этомъ поднесеніи. По окончаніи церемоніи мандаля, лама начинаетъ свою рѣчь о чрезвычайномъ значеніи таинства, при которомъ все, поврежденное нравственно существо принимающихъ абишйкъ должно будетъ придти въ соприкосновеніе съ божествомъ, неизъяснимымъ, сильнымъ и великимъ. Это соприкосновеніе должно будетъ очистить всѣ ихъ пороки, исправить всѣ недостатки ихъ духа. Но съ другой стороны это необычайное соприкосновеніе можетъ быть и губительно для неприспособленныхъ къ оному, приемлющихъ абишйкъ, подобно тому какъ можетъ губительно подѣйствовать цѣлебная мазь, заставляющая прорваться еще не созрѣвшій нарывъ (*бѣлѣзѣ*): явленіе божественнаго духа можетъ ослабить не привыкшихъ къ общенію съ нимъ. Въ предохраненіе этой опасности лама почитаетъ необходимымъ дать повязку на глаза готовящихся къ таинству, которая при томъ будетъ способствовать и сосредоточенію ихъ духа въ самомъ себѣ, препятствуя ему развлекаться предметами видимаго міра. Послѣ этого лама встаетъ и, произнося тѣрни, повязываетъ глаза каждому, принимающему абишйкъ, особою повязкою, дѣлаемою изъ шелковой матеріи (флеръ) краснаго цвѣта. Ламы между тѣмъ начинаютъ чтеніе молитвъ, въ которыхъ призывается божество, долженствующее низойти на всѣхъ этихъ людей и освятить ихъ. Всѣ эти молитвы испещрены произнесеніемъ тарнистическихъ словъ, послѣднія же изъ этихъ тѣрни имѣютъ силу очистить тѣло, языкъ и мысль принимающихъ абишйкъ. Ихъ произносятъ только одинъ лама, дающій посвященіе и произноситъ надъ каждымъ посвящаемымъ отдѣльно, вливая ему при этомъ въ ротъ три

чайныхъ лошечки аршана, смѣшаннаго съ камфорой. Окончивъ эту раздачу, лама повелѣваетъ имъ быть убѣжденными, что они очистились отъ грѣховъ и представить себѣ, что тѣло ихъ сдѣлалось прозрачно и чисто какъ хрусталь. За сими читается молитва къ буддамъ, въ которой посвящаемымъ испрашиваются духовныя силы, чтобы положить въ своей душѣ начало возрожденію святыхъ мыслей. Какъ видимый знакъ этого возрожденія лама знаменуетъ крестообразно грудь каждаго посвящаемаго очиромъ; а чтобы не дать злымъ духамъ похитить у нихъ спасительные ростки добродѣтели, даетъ еще каждому посвящаемому сакѹсунъ (предохранительный талисманъ), являющійся въ видѣ одѣваемой на лѣвую руку повязки изъ шелковыхъ ниток (цзангя), въ три пяди длиною. Этимъ обыкновенно и оканчивается обрядъ посвященія въ первый день. Я уже говорилъ выше, что число посвящаемыхъ обыкновенно бываетъ отъ 200 до 300 человекъ, такая масса народа значительно затягиваетъ обрядъ: не рѣдко одна раздача аршана занимаетъ времени часа полтора, или два, тоже самое время проходитъ при наложеніи на грудь очира и при повязкѣ сакѹсуна. Оканчивая обрядъ на первый день, лама завѣщаетъ каждому изъ принимающихъ таинство слѣдить въ ту ночь за своими сновидѣніями, такъ какъ послѣднія служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ того, насколько святость абишика проникла въ душу принимающаго его. Съ этою цѣлью онъ раздаетъ каждому изъ посвящаемыхъ по два стебелька травы — гупа и приказываетъ на ночь положить одинъ изъ этихъ стебельковъ подъ голову, а другой подъ ноги. Лучшими сновидѣніями почитается: пить вино, ѣсть сырое мясо, видѣть бурхановъ, сидѣть среди собранія духовенства, всходить на высокую гору; худые признаки выражаются въ сновидѣніяхъ: ѣздить на верблюдѣ, быть въ грязи, видѣть черный цвѣтъ, быть одѣтымъ въ тяжелое платье и проч.

На другой день, изъяснивъ сновидѣнія видѣвшимъ ихъ, лама продолжаетъ обрядъ опять таки удостовѣреніемъ посредствомъ гаданія дѣйствительно ли всѣ изъ принимающихъ абишикъ очистились и готовы къ принятію посвященія. Теперь онъ садится

токъ. Вслѣдъ за новымъ произнесеніемъ тарни каждый долженъ подходить къ ламѣ, передать ему свое зерно и, получивъ отъ него это зерно обратно, утвердить его между двумя безымянными пальцами, а потомъ бросить его на мандаля. Имя того бурхана, на котораго упадетъ зерно, дается посвящаемому. Послѣ этого, при чтеніи особыхъ молитвъ, посвящаемымъ даются священные одежды: банцзаль, додъ-йкъ и чжодбонъ; но, за недостаткомъ костюмовъ, надѣваютъ ихъ обыкновенно не всѣ: лама, давъ ихъ пяти или шести человѣкамъ, остальнымъ предоставляетъ вообразить, что они также одѣлись въ эти костюмы. Обрядъ послѣ сего оканчивается чтеніемъ йбрѣля посвященнымъ.

Всѣ вышеуказанныя молебствія монголъ совершаетъ собственно ради спасенія лично своихъ души и тѣла; но, какъ я сказалъ уже выше, каждый хозяинъ, и особливо богатый, считаетъ необходимымъ для себя по крайней мѣрѣ разъ въ годъ освятить весь свой скотъ и все свое имущество. Молебствіе, совершаемое по этому случаю, носитъ названіе «сацүли», т. е. «кропленіе». Совершается оно по большей части въ лѣтнее время, когда уже скотъ совершенно оправится послѣ зимней голодовки и монгольскія хозяйки успѣютъ понакопить порядочное количество всякаго рода молочныхъ продуктовъ для угощенія духовенства. Особенно избранными днями для совершенія «сацүли» считаются 2-е и 16-е числа мѣсяца; хотя можно совершать его и во всѣ другіе дни. Пригласивъ изъ монастыря ламъ, монголъ, ко времени прихода ихъ, на дому у себя дѣлаетъ слѣдующія приготовленія. Въ чистое ведро наливаетъ онъ молоко отъ коровы, отелившейся въ первый разъ; богатые скотомъ стараются при этомъ непременно приготовить молоко именно отъ бѣлой коровы, потому что такая жертва считается пріятнѣе богамъ. На отдѣльныхъ тарелочкахъ (табакъ) и въ отдѣльныхъ чашкахъ раскладываютъ и разливаютъ масло, таракъ, айракъ, ўрумэ, изюмъ, леденцовый сахаръ, жужубы, кедровые орѣхи и другіе плоды, приобретаемые покупкою отъ китайцевъ. Съ ранняго утра къ юртѣ сгоняется весь скотъ домовладѣльца, всѣ одѣваются въ лучшіе костюмы,—

дары. (ᠳᠠᠷᠢ ᠶᠢᠨ ᠪᠣᠳᠳᠠᠮᠤ ᠴᠡᠳᠢᠷᠦᠭᠦ ᠲᠠᠨᠲᠦᠷᠦ ᠠᠨᠤ ᠶᠢᠨ ᠤᠯᠤᠰᠤ ᠶᠢᠨ ᠤᠯᠤᠰᠤ).

«Приносимъ каждое буддамъ четырехъ тэнтръ.

«Приносимъ каждое Махагаль, Эрликъ-хану, Ухйнъ тэнгрі, Басманъ тэнгрі и проч.

«Приносимъ каждое всѣмъ тэнгріямъ-хранителямъ, вводящимъ въ жизнь, въ главѣ которыхъ тэнгріи, появившіеся совместно (съ каждымъ изъ насъ).

«Приносимъ каждое девяти тэнгріямъ, тэнгріямъ жизни и тэнгріямъ имущества.

«Приносимъ каждое всѣмъ тэнгріямъ, во главѣ которыхъ тэнгріи мужчинъ и тэнгріи женщинъ.

«Приносимъ каждое двѣнадцати могущественнымъ матерямъ, во главѣ которыхъ пять долговѣчныхъ Ухйнъ тэнгрі.

«Приносимъ каждое тремъ тысячамъ покровителей (различныхъ) мѣстъ, и во главѣ ихъ генію покровителю, обитающему въ этой мѣстности.

«Приносимъ каждое всѣмъ, которые угнетены здѣсь разнаго рода препонами и долгами.

При каждомъ этомъ стихѣ первенствующій лама по три раза приподнимаетъ буйпуръ (кадильницу) съ благовонными куреніями. По окончаніи приношенія каждаго, встаетъ съ своего мѣста хозяинъ дома вмѣстѣ съ какимъ либо изъ старшихъ своихъ родственниковъ: они берутъ въ руки упомянутое ведро съ молокомъ, превращенное теперь въ Чойгъинъ усъ и подносятъ къ первен-

менно какъ—приносить каждое; точно также слова «тулэксэнь утагъинъ» что значить собственно «горящій, или чадѣющій дымъ» они рекомендовали мнѣ понимать какъ «благовонное куреніе». Въ доказательство справедливости своихъ словъ они ссылались мнѣ на тибетскій текстъ молитвы этого хурала. Однако несомнѣнно, что этотъ послѣдній текстъ составляетъ уже ламскій переводъ съ древняго монгольскаго текста, и слѣдовательно будетъ правильнѣе переводить такъ:

«Очищаемъ горящимъ дымомъ, жертвенною вещью.

«Очищаемъ всѣхъ ламъ, начиная съ ламы Вачиръ—дары.

Все это служеніе несомнѣнно шаманскаго происхожденія и кажется только натяжки ламъ придали ему теперь буддійскій характеръ. Очищать чрезъ огонь также върваніе шаманистовъ.

ствующему въ хуралѣ, а послѣдній омокается въ него кропило и девять разъ кропитъ вверхъ. Ламы между тѣмъ поютъ.

«Приносимъ жертву благодѣтельнымъ, основнымъ ламамъ, во главѣ которыхъ Вачіръ Даръ.

(Нижеслѣдующимъ кропятъ по три раза).

«Приносимъ жертву сонму идамъ бурхановъ четырехъ тантръ

«Приносимъ жертву всѣмъ геніямъ хранителямъ священнаго ученія, во главѣ которыхъ Махагала.

«Приносимъ жертву тэнгріямъ, родившимся совместно (съ нами).

«Приносимъ жертву тэнгріямъ, дающимъ жизнь.

«Приносимъ жертву сюльдѣ тэнгріямъ.

«Приносимъ жертву тэнгріямъ возраста (ᠲᠠᠩᠭᠢᠷᠢᠮᠤ ᠠᠷᠤᠭᠤᠰᠤ).

«Приносимъ жертву тэнгріямъ жизни (ᠲᠠᠩᠭᠢᠷᠢᠮᠤ ᠵᠢᠰᠢᠨ).

«Приносимъ жертву тэнгріямъ имущества.

«Приносимъ жертву тэнгріямъ мужчинъ.

«Приносимъ жертву тэнгріямъ женщинъ.

«Приносимъ жертву пяти долговѣчнымъ Ухінъ тэнгрі.

«Приносимъ жертву двѣнадцати могущественнымъ матерямъ.

«Приносимъ жертву тремъ тысячамъ покровителей различныхъ мѣстностей.

«Приносимъ жертву генію покровителю, обитающему въ здѣшней мѣстности.

Вкусивъ этой чрезвычайной жертвы кропленія, соизвольте преподать всѣ высочайшія сидди всѣмъ: и учителямъ, и ученикамъ, и милостынедателямъ:

держите стражу трижды въ день,

имѣйте надзоръ трижды въ ночь,

при отправленіи изъ дому — провожайте,

при возвращеніи назадъ — встрѣчайте,

содѣйствуйте къ совершенію вѣка долгаго, безболѣзненнаго,

къ исполненію всякаго желанія,

исполните до совершенства домъ имуществомъ,

устройте и увеличьте тишину и довольство,

умирите причины разлуки, болѣзнь, демоновъ (ᠠᠨᠠᠭᠤ), преповы, ссоры и распри.

разширьте, какъ полную луну, причины согласія, вѣкъ, добродѣтели, счастье, могущество и дружество,

преподайте богатства трехъ царствъ,

уничтожьте враговъ и препятствія, возстающихъ и на учителей, и на учениковъ, и на милостынедателей!

Чтобы ни дѣлали они и дома и внѣ онаго, соблюдайте, сохраните, умирите.

Соблаговодите совершиться въ этомъ мѣстѣ вѣръ, спасенію и счастью десяти странъ, благому развитію имущества и скота.

За симъ всѣ вы, призванные въ это мѣсто жертвоприношеній и кропленія тэнгрин, порадовавшись и удовлетворивъ свое желаніе, возвращайтесь каждый въ свое мѣсто; по въ потребное время соизвольте быть нашею вѣрою, защитою и силою.

Да водворится по всюду счастье и святость силою исполненныхъ величія геніевъ хранителей священнаго ученія, пяти тэнгриевъ, появляющихся совмѣстно (съ нами) и генія хранителя этой мѣстности!»

По окончаніи этихъ чтеній всѣ выходятъ изъ юрты; первенствующій въ хуралѣ обходитъ собранные табуны и скотъ домохозяина и окропляетъ ихъ равно какъ и все прочее его имущество.

Доселѣ мы излагали только тѣ хуралы, которые совершаетъ монголъ при обычномъ теченіи своей жизни, проходящей безъ всякихъ тревоженій и заботъ; но вѣдь въ жизни встрѣчаются и несчастія, которыя въ свою очередь побуждаютъ монголовъ обращаться къ буддѣ и къ посредникамъ его между престолюдиами — ламамъ. Главнѣйшее и болѣе часто встрѣчающееся бѣдствіе это — болѣзнь. Должно однако замѣтить, что не при всякой, даже тяжелой болѣзни монголъ непременно зоветъ ламу совершать молебеніе: это бываетъ только въ тѣхъ случаяхъ, если болѣзнь затягивается, если она не поддается медицинскимъ средствамъ, если она нѣсколько разъ повторяется и проч. Въ первой главѣ сочиненія, носящаго у ламъ названіе «Мянлайнь тайльбури»

и составленнаго якобы Далай ламою Габанъ-Лубсанъ-чжамцѣ (?) подробно перечисляются все случаи болѣзней, когда нужно призывать ламу для совершенія молебствій; тамъ-же между прочимъ разсказывается, что въ одно время бодисатва Чжанбаралъ, хубилганъ Нидубѣръ узэкчія (-Аръявалокитешвара), явился къ буддѣ Шигэмунію и спросилъ его, что должно дѣлать больному человѣку въ извѣстныхъ случаяхъ болѣзни и будда прямо рекомендовалъ ему, отправлять гурюмы (т. е. молебствія). Основываясь на этомъ завѣщаніи будды, ламы и назначаютъ теперь хуралы при одрѣ больныхъ. Хуралы эти весьма разнообразны и число ихъ очень велико: ламы говорятъ обыкновенно, что подобно тому, какъ велико число болѣзней и какъ велико количество приписываемыхъ противъ нихъ медицинскихъ средствъ, такъ же точно велико и разнообразно и число могущихъ быть отслуженными для вспомоществованія больному молебствій. Вотъ почему родственники больного, получивъ отъ ламы-медика (амчи) совѣтъ отслужить молебенъ, отправляются не прямо къ ламамъ, а напередъ идутъ къ цзурухайчи. Послѣдній спрашиваетъ о возрастѣ больного, разузнаетъ годъ, мѣсяцъ и день его рожденія и, соображая эти показанія съ наставленіями, изложенными въ 5-ой главѣ сочиненія, извѣстнаго подъ заглавіемъ Чжун-ба-ринчинъ-гун-дү и составленнаго хутүхтою Чжонъ-нокъ-шакъ-жа-дарба, хубилганомъ Маньяжүшри, указываетъ, какое именно молебствіе должно быть совершено надъ болящимъ. Иногда, оставляя въ сторонѣ возрастъ больного и время его рожденія, цзурухайчи опредѣляетъ гурюмъ (молебствіе) по дню, въ который больной слегъ въ постель; такого рода опредѣленіе совершается по 23-ей главѣ Вайдүрья-карпо.

Въ случаяхъ особенно тяжелой болѣзни къ гурюму, совершаемому надъ больнымъ, присоединяется еще обрядъ «дзюйкъ гаргахү». Постановленія о совершеніи этого обряда излагаются въ 3-ей главѣ вышеуказаннаго сочиненія Чжун-ба-ринчинъ-гун-дү и чрезвычайно разнообразны въ деталяхъ, хотя сущность ихъ одна и таже, это — замѣнить больного другою какою либо личностью и выкупъ его души у владыки смерти. Отсюда при каждомъ об-

рядѣ «дзюликъ гаргаху» является необходимымъ другой человекъ, который долженъ принять на себя, или на котораго должно перенести всѣ грѣхи и болѣзни страждущаго. Само собою разумеется, что найти такого человека, особливо для обыкновенныхъ смертныхъ, довольно трудно; поэтому то, какъ и при хуралѣ чжилинѣ оролгонѣ, или мэнгэйнѣ цзасалѣ, — дзюликъ въ данномъ случаѣ дѣлается обыкновенно изъ муки, въ формѣ человека различной величины (отъ одной пяди до трехъ четвертей аршина); его кладутъ передъ больнымъ, переносить на него всѣ болѣзни страждущаго и затѣмъ эту куклу или выбрасываютъ въ степь, или спускаютъ внизъ по теченію рѣки, или наконецъ сжигаютъ. Съ богатыми и владѣтельными князьями и тайчжіями ламы, конечно уже въ видахъ чисто корыстныхъ, поступаютъ менѣе церемонно и почти всегда приказываютъ имъ выставить какъ дзюлика кого либо изъ живыхъ своихъ данниковъ. При совершеніи обряда, на этого живаго дзюлика переносятся всѣ княжескія бѣдствія, а по окончаніи обряда его выгоняютъ изъ того хошүна, въ которомъ живетъ князь и опредѣляютъ въ число шабнѣровъ того хутухты, изъ монастыря котораго были приглашены ламы для совершенія обряда. Шабнѣры, образовавшіеся у хутухты такимъ образомъ, носятъ названіе «дзюликъ гаргахсанъ улүсь», или еще чаще въ послѣднее время называютъ ихъ «бариданай улүсь», т. е. народъ взятки, что чрезвычайно мѣтко характеризуетъ появленіе этихъ личностей въ числѣ данниковъ хутухты. Въ числѣ шабнѣровъ ургинскаго хутухты до нынѣ существуетъ еще три отѣка, или рода, называемыхъ «гайда гаргахсанъ улүсь»: два изъ нихъ въ количествѣ 150 семей, кочуетъ по берегамъ р. Ирѣ, а одинъ, въ 50 семей, живетъ у истоковъ Онѣна. О перечисленіи ихъ изъ хошүннаго въ шабнѣское вѣдомство существуетъ такой разказъ: въ одно время Ундүръ гэгэнъ (первый монгольскій хубилганъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты) заболѣлъ: онъ не могъ принимать пищи и уже готовился къ смерти; врачи отказались лечить его обыкновенными средствами и полагали единственную надежду на «выкупъ», т. е. на замѣну личности Ундүръ гэгэна другими людьми. Тогда со всѣхъ хошүновъ

Тушѣгу хановскаго аймака было собрано не менѣ какъ по десяти семей съ каждаго хошѹна и, согласно правиламъ о дзюлкѣ, этимъ людямъ приказано было одѣться въ одежды Ундѹръ гэгэна, надѣ всѣми ими совершили гүрюмъ, а за тѣмъ выгнали ихъ въ лѣсистыя и болотистыя мѣстности съ тѣмъ, чтобы они никогда уже не показывались въ кочевьяхъ Ундѹръ-гэгэна. Постановленіе это строго соблюдалось при Ундѹръ гэгэнѣ и только со времени втораго хутухтѣ эти изгнанники получили право входить въ Ургу, а до того времени, избравъ своимъ мѣстопребываніемъ берега Ирѣ и Онѣна, они занимались охотою и звѣроловствомъ. При Ундѹръ гэгэнѣ «гайда гаргахсанъ» были избавлены отъ всякихъ податей; но со времени 3-го хутухтѣ (1758—1773 г.) они начали представлять гэгэну по десяти кабановъ съ каждаго отѣка, которыхъ хутухтѹ обыкновенно тотчасъ же отсылаетъ въ подарокъ китайскому боѣдо-хану: Вообще дань съ этихъ шабинѣровъ и до сего времени считается неблаговиднымъ расходовать на пищу и необходимости хутухтѣ: ее употребляютъ на содержаніе шабинѣровъ, заключенныхъ въ темницахъ, на подарки китайскимъ властямъ, или же сбываютъ продажею на сторону.

Если больной приближается къ смерти, то присутствіе въ его домѣ и при одрѣ его ламы, по обычаямъ монголовъ, уже безусловно необходимо для того, чтобы напутствовать душу умирающаго полезными совѣтами относительно загробной жизни. Обычай этотъ такъ распространенъ въ Монголіи, что, кажется, здѣсь не бываетъ ни одного человѣка, умирающаго безъ ламы, и ни одинъ лама, будучи приглашенъ къ одру умирающаго, не имѣетъ права отказаться отъ исполненія этого приглашенія, такъ какъ избавить душу отъ злыхъ перерожденій и направить ее въ блаженныя нивы Сукавади составляетъ его священный долгъ. Въ 12-ой главѣ сочиненія «Пэцѣ», составленнаго Чжонханъ гэгэномъ, ламамъ предписывается въ этихъ случаяхъ читать умирающему такъ называемую Цзүрдайинъ судүрѣ, написанную, по преданію, Падмѣ-Самбавѣю. Большинство ламъ знаетъ это сочиненіе наизусть и читаетъ его умирающему на монгольскомъ

языкъ; оно заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о томъ, что именно должна встрѣтить и испытать душа по разлученіи съ тѣломъ. Въ виду интереса самаго вопроса, я остановлюсь на описаніи этого предсмертнаго обряда возможно подробнѣе, тѣмъ болѣе, что мнѣ самому приходилось нѣсколько разъ присутствовать въ юртахъ умирающихъ и слушать эту «пзүрдайнь судүрь».

Лама, призванный къ умирающему, вошедши въ юрту, ни съ кѣмъ не выдается, но прямо проходитъ къ больному, садится у его изголовья, нѣкоторое время смотритъ на него, пока больной не освоится съ его видомъ, затѣмъ онъ кладетъ на грудь больного свой гусунъ-тукъ, послѣ чего большой обыкновенно уже сознастъ безнадежность своего положенія. Тогда лама начинаетъ къ нему приблизительно такую рѣчь: «слушай благородное чадо!» Теперь приходитъ къ тебѣ смертный часъ; положи же въ своей душѣ начало желанію сдѣлаться буддою ради блага всѣхъ одушевленныхъ существъ; въ особенности же если ты пожелаешь даже умереть за благо одушевленныхъ существъ, то добродѣтель твоя возрастетъ безъ числа, какъ сказалъ то учитель нашъ Турбѣль-угэй. Когда духъ твой разстанется съ этимъ браннымъ тѣломъ, онъ ясно сознаетъ тѣ три основныхъ зла, на которыхъ зиждутся всѣ наши пороки; предъ нимъ предстанутъ всѣ его грѣховныя дѣянія, всѣ тѣ грѣхи, которые служатъ преполою къ возвышенію его въ будущемъ. Въ ужасѣ ты вскрикнешь и въ это мгновеніе покажется тебѣ въ небѣ послѣдовательно, одинъ за другимъ необычайный и лучезарный свѣтъ пяти буддъ. Не страшись и не пугайся этого свѣта, но молись предъ нимъ. Среди этого свѣта будетъ находиться бурханъ Бирүзана, блистающій и имѣющій синеватый цвѣтъ. Но одновременно съ этимъ покажется тебѣ и другой, не издающій лучей, бѣловатый свѣтъ тэн-гріевъ. У тебя явится чувство неудовольствія къ свѣту Бирүзаны и напротивъ съ радостью будешь ты смотрѣть на свѣтъ тэн-гріевъ. Однако знай, что этотъ послѣдній свѣтъ есть свѣтъ невѣжества; онъ то именно и есть пренона, заграждающая путь къ спасенію, а потому не стремись къ нему страстно. Если въ душѣ твоей явится желаніе соединиться съ этимъ свѣтомъ, ни-

когда не разставаться съ нимъ, то пресѣки это желаніе, иначе ты возродишься въ царствѣ тѣнгріевъ и понесешь всѣ тѣ мученія, которыя они испытываютъ. При этомъ лама подробно разказываетъ умирающему, какія именно страданія претерпѣваютъ тѣнгрійи и наконецъ совѣтуетъ ему, отвратившись вовсе отъ свѣта тѣнгріевъ, молиться свѣту Бирұзаны и сказать такой йорбль: Бирұзана, обладающій лучезарно-синеватымъ свѣтомъ духовной премудрости! Когда буду я возрождаться въ орчиланѣ, соизволь возвысить меня, соизволь спасти меня изъ утесовъ промежуточнаго періода (*ᠤᠨᠢᠯᠠᠭᠤᠨ ᠤᠨᠢᠯᠠᠭᠤᠨ ᠤᠨᠢᠯᠠᠭᠤᠨ*)!

Послѣ сего весь этотъ свѣтъ скроется въ сердцѣ Бирұзаны и самъ онъ исчезнетъ, какъ радуга, въ обителяхъ Аганішты. За тѣмъ съ правой стороны отъ того мѣста, гдѣ показывался свѣтъ Бирұзаны, появится другой, величественный и лучезарный, бѣлый свѣтъ бурхана Акшобі'я, а на ряду съ нимъ придетъ другой, адскій свѣтъ, опять таки не издающій лучей и имѣющій цвѣтъ дыма. Снова явится у тебя непріязненное чувство къ свѣту Акшобі'я и почувствуешь ты влеченіе къ этому второму, адскому свѣту. Но этотъ послѣдній свѣтъ является по силѣ гнѣва, онъ заграждаетъ путь спасенія и ты не долженъ стремиться къ нему, иначе возродишься въ аду и будешь испытывать мученія адскихъ существъ. Слѣдуетъ выясненіе адскихъ мученій, послѣ котораго лама совѣтуетъ умирающему во все отвратиться отъ адскаго свѣта и въ молитвѣ къ Акшобіи сказать такой йорбль: «Акшобіи, обладающій бѣлымъ свѣтомъ премудрости, ясной какъ зеркало, когда буду я возрождаться въ орчиланѣ, соизволь возвысить... и проч.» Вслѣдъ за произнесеніемъ этого йорбля свѣтъ Акшобіи долженъ будетъ также скрыться. На смѣну его, съ лѣвой стороны отъ того мѣста, гдѣ показывался свѣтъ Бирұзаны, покажется еще новый, лучезарно-желтый цвѣтъ бурхана Ратна-самбавы, а на ряду съ нимъ появится голубоватый, человѣческій свѣтъ. Отвратившись отъ желтаго свѣта Ратна-самбавы, ты почувствуешь влеченіе къ голубоватому, человѣческому свѣту. Но знай, что этотъ свѣтъ является по силѣ гордости и заграждаетъ путь спасенія, а потому не стремись къ

нему; иначе ты возродишься между людьми и будешь испытывать ихъ страданія. Перечисливъ умирающему страданія людей, начиная съ момента ихъ рожденія, лама совѣтуетъ ему отвратиться отъ этого голубоватаго цвѣта и сказать Ратна самбавѣ такой йорбълъ: «Ратна-самбавъ, обладающій яснымъ, желтымъ цвѣтомъ непоколебимой премудрости, когда я буду возрождаться... и т. д. Послѣ этого съ правой стороны отъ того мѣста, гдѣ показывался свѣтъ Акшобіа, появится нестерпимо блестящій, красный свѣтъ бурхана Амитабѣ, а на ряду съ нимъ желтый цвѣтъ биритовъ. Этотъ цвѣтъ является по силѣ сладострастія, онъ заграждаетъ собою путь спасенія, и стремленіе къ нему влечетъ за собою возрожденіе въ царствѣ биритовъ, а потому лама совѣтуетъ умирающему отвратиться отъ него и сказать йорбълъ Амитабѣ: «Амитабъ, обладающій яснымъ, краснымъ свѣтомъ премудрости, вѣдающей все до мельчайшихъ подробностей, когда я буду возрождаться... и т. д. Наконецъ по правую сторону отъ этого послѣдняго свѣта появится лучезарный зеленый свѣтъ бурхана Амогасидди, а вслѣдъ за нимъ красноватый свѣтъ асуріевъ. Подобно тому какъ это будетъ и при появленіи всѣхъ предыдущихъ свѣтовъ, духъ умершаго долженъ будетъ почувствовать непріятное чувство къ свѣту бурхана и напротивъ ощутить тяготѣніе къ свѣту асуріевъ. «Но, говоритъ лама, умирающему, этотъ свѣтъ асуріевъ является по силѣ зависти, онъ заграждаетъ собою путь спасенія и ты не долженъ стремиться къ нему, въ противномъ случаѣ ты возродишься въ странѣ удручаемыхъ битвами асуріевъ. Молись тогда свѣту Амогасидди и скажи такой йорбълъ: «Амогасидди, обладающій зеленоватымъ свѣтомъ премудрости, когда буду я возрождаться въ орчиланѣ, соизволь возвысить меня, соизволь спасти меня изъ утесовъ промежуточнаго періода!

Слушай дальше, благородное чадо! Когда минуютъ всѣ эти видѣнія въ отдѣльности, то вслѣдъ за симъ они явятся всѣ вмѣстѣ, расположившись въ такомъ порядкѣ: въ срединѣ будетъ синеватый свѣтъ бурхана Бирүзаны, на восточной сторонѣ — бѣлый свѣтъ Акшобі'я, на южной — желтый свѣтъ Ратна-сам-

бавы, на западной — красный свѣтъ Амитабы и на сѣверной — зеленый свѣтъ бурхана Амогасидди. Вокругъ ихъ расположатся лучезарные свѣта Хормусты — повелителя тѣнгриевъ, Бимчи-дари, — повелителя асүриевъ, Шигэмүни — повелителя чело-вѣковъ, многосильнаго льва — повелителя животныхъ, Кэ-бирма, — повелителя биритовъ и Эрликъ-хана — повелителя ада. Вмеѣстѣ со всѣми этими свѣтами появятся не издающіе лучей: бѣлый свѣтъ тѣнгриевъ, красный свѣтъ асүриевъ, синій свѣтъ людей, зеленый цвѣтъ животныхъ, дымчатый свѣтъ ада и жел-тый свѣтъ биритовъ¹⁾. Ты почувствуешь тяготѣніе къ этимъ шести цвѣтамъ; но не стремись къ нимъ, такъ какъ эти цвѣта являются по силѣ пристрастія къ предметамъ міра матеріаль-наго и если ты въ самомъ дѣлѣ допустишь развиваться въ своемъ духѣ любви къ нимъ, то возродишься въ одной изъ странъ ма-теріальнаго міра; напротивъ, ты долженъ молиться свѣту бурха-новъ и сказать такой йорбль: «представшіе предо мною будды пяти родовъ и всѣ прочіе владыки, обладающіе пятью сортами премудрости, когда буду возрождаться я въ орчиланѣ, вознесите меня и спасите отъ утесовъ промежуточнаго періода!» Когда ты произнесешь такой йорбль, каждый свѣтъ скроется въ сердцѣ своего бурхана и сами они исчезнутъ подобно радугѣ, а ты исполнишься святости.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ разказываетъ умирающему о предстоя-щихъ явленіяхъ другихъ буддъ и совѣтуетъ ему предъ всѣми ими произносить тотъ же йорбль.

Но можетъ быть, говорить онъ далѣе, ты, увлекшись однимъ, какимъ либо грѣховнымъ свѣтомъ, забудешь сдѣлать йорбль, тогда полное полученіе святости для тебя будетъ уже невоз-можно. Въ такомъ случаѣ ты все таки помни мои наставленія и

1) Ламы, изучающіе цанитъ, разказывали мнѣ, что по ихъ ученію, свѣтъ различныхъ царствъ одушевленныхъ существъ отличается отъ этого, а именно: по цаниту, свѣтъ людей и безплотныхъ тѣнгриевъ не синій, а жел-тый; свѣтъ тѣнгриевъ облеченныхъ въ формы — бѣлый; свѣтъ животныхъ — дымчатый; свѣтъ биритовъ походить на свѣтъ воды, а свѣтъ адскихъ су-ществъ — на горящую головню.

примѣчай тѣ видѣнія, которыя покажутся тебѣ послѣ явленія свѣта бурхановъ. Если покажется тебѣ озеро, на которомъ будутъ плавать гусаки и гусыни, то это—признакъ того, что ты возродишься на улѣмчѣй бэѣтѣ тибѣ (островѣ, обитаемомъ великанами); если покажется тебѣ какой нибудь прекрасный городъ, то это—признакъ, что ты возродишься въ цамбутѣбѣ (островѣ, населенномъ людьми); если покажется тебѣ озеро съ людьми, лошадьми и другими домашними животными, то это—признакъ, что возродишься ты на ухѣрѣ эдлэхчѣй тибѣ (островѣ, привольномъ для рогатаго скота); если покажется тебѣ озеро съ коровами, или покрытое фруктовыми деревьями, то это—признакъ, что ты возродишься на магѣ дагѣту тибѣ (на островѣ, гдѣ слышится зловѣщій голосъ); если покажется тебѣ дворецъ, украшенный различными драгоценностями, то это—признакъ, что ты возродишься у тэнгриевъ, если покажутся тебѣ пещеры, скалы, рвы и пр., это—признакъ, что ты возродишься въ среди животныхъ; если покажется тебѣ короткая головня, это—признакъ, что ты возродишься у биритовъ; если послышатся тебѣ насмѣшки, или покажется мрачный домъ, красный домъ, пустынная степь, или черная тернистая дорога, это признакъ того, что ты возродишься въ аду. Теперь ты знаешь всѣ эти примѣты и если уже не приобрѣтешь святости, то старайся пробудить въ себѣ стремленіе къ возрожденію въ царствѣ человѣковъ, такъ какъ всѣ остальные перерожденія влекутъ за собою неисчислимыя страданія.

Таковы наставленія, даваемые ламою, умирающему монголу; помимо того лама читаетъ еще надъ нимъ тибетскіе нѣмы, называемые Майдарійнѣ дамчжѣй, Минтингѣйнѣ токтѣль, и Гундалэгѣйнѣ заракъ. Содержаніе этихъ трехъ нѣмовъ составляютъ цѣликомъ покаянныя молитвы, устрающія спокойствіе духа, а въ Майдарійнѣ дамчжѣй помимо того приводится еще разказъ о торжественной клятвѣ Майдари не допускать души одушевленныхъ существъ до ниспаденія въ три злополучныя перерожденія.

Когда монголъ умираетъ, всѣ окружавшіе его одръ, уходятъ изъ юрты, такъ что въ ней не остается никого за исключеніемъ покойника. Немедленно же одинъ изъ родственниковъ

покойника отправляется въ монастырь къ цзурухайчи и сообщаетъ ему о смерти больнаго, прося опредѣлить, кто именно можетъ приготовить покойника къ погребенію, какіе хуралы должно служить надъ нимъ, въ какой день можно хоронить его, въ какой часъ и въ какую сторону должно его вынести и наконецъ какимъ образомъ должно быть совершенно его погребеніе.

Правильное рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ составляетъ для монголовъ предметъ первой важности. Прежде всего, по повѣрью ихъ, никто не можетъ безъ вреда для себя и для будущности покойника прикоснуться къ нему, а тѣмъ болѣе ухаживать за нимъ и убирать его; для этого нуженъ человѣкъ въ известномъ отношеніи соотвѣтствующій по годамъ своего рожденія покойнику и только онъ вполнѣ безопасно можетъ приближаться къ трупъ. Цзурухайчи разрѣшаетъ этотъ вопросъ о лицѣ, имѣющемъ убирать покойника, равно какъ и всѣ прочіе вопросы, относящіеся до погребенія, на основаніи показанія различныхъ астрологическихъ сочиненій и между прочимъ по 29-й главѣ Вайдурья карпо. Въ сочиненіяхъ этихъ относительно лица, которое должно убирать покойника, предписывается, чтобы покойниковъ, принадлежащихъ по рожденію къ годамъ барса, зайца и дракона, убирали люди, принадлежащіе по рожденію къ году змѣи, при чемъ сообщается, что если покойника будетъ убирать человѣкъ, принадлежащій къ году коровы, то впослѣдствіи въ этомъ домѣ непремѣнно умретъ еще человѣкъ. Покойниковъ, родившихся въ годы: лошади, змѣи и овцы, должны убирать принадлежащіе по рожденію къ году дракона; а если будутъ убирать принадлежащіе къ годамъ мыши и свиньи, то послѣ въ этомъ домѣ умретъ человѣкъ. Покойниковъ, родившихся въ годы: обезьяны, курицы и собаки, должны убирать принадлежащіе по рожденію къ году овцы; въ противномъ случаѣ въ домѣ умретъ два, или три человѣка. Наконецъ покойниковъ, принадлежащихъ по рожденію къ годамъ мыши, свиньи и коровы, должны убирать родившіеся въ годъ собаки; въ противномъ случаѣ въ домѣ умретъ одинъ, или два человѣка. Согласно этихъ указаній, монголы и приглашаетъ подходящаго человѣка ухаживать за своимъ по-

койникомъ. Лицо это носить у монголовъ названіе «буянчй», что значить собственно—«человѣка, дѣлающаго добродѣтельное дѣло», и называется онъ такъ, безсомнѣнія, потому, что исполняетъ свои обязанности безъ всякой награды. Призванный буянчй, по обычаю, омываетъ тѣло покойника, обвертываетъ его дабю, кладетъ на правый бокъ, подкладываетъ правую руку покойника подъ правую его щеку и безымяннымъ пальцемъ затыкаетъ правую ноздрю, выпрямляетъ правую ногу, а лѣвую сгибаетъ въ колѣнѣ, лѣвую руку напротивъ вытягиваетъ по возможности больше и кладетъ ее на тазъ покойника. Поза эта одинаково сохраняется для всѣхъ тѣхъ труповъ, которые не подвергаются балзамированію и не хоронятся въ сядячемъ положеніи. Монголы особенно дорожатъ этой позой, такъ какъ, по свидѣтельству нѣмцовъ, въ этой позѣ скончался Шигэмуніи; называется она на языкѣ монголовъ «арсалангынъ хѣбталъга», т. е. лежаніе (на подобіе) льва, или, если можно такъ выразиться,—полежка льва. Таковы обычные уходы буянчй за покойникомъ; но помимо сего при смерти покойника не рѣдко обнаруживаются еще худыя примѣты, для подавленія которыхъ буянчй приглашаетъ уже ламу какъ совѣтника и наставника въ своемъ дѣлѣ. Чаще всего случается, что покойникъ умираетъ съ открытымъ ртомъ, что почитается дурнымъ признакомъ для живущихъ; для подавленія могущихъ произойти по этой примѣтѣ несчастій, необходимо во 1-хъ, нарисовать на бумажкѣ фигуры перекрещенныхъ очіровъ, и заклеить ею ротъ покойника; а во 2-хъ, при похоронахъ вмѣстѣ съ трупомъ покойника нужно вынести изъ юрты изображенія девяти человѣческихъ головъ, фигуры которыхъ готовятся изъ тѣста; если не сдѣлать этого, то въ теченіе года непременно случится несчастье. Если покойникъ умереть съ открытыми глазами, то это опять худой признакъ, ибо покойникъ предполагается смотрящимъ на своихъ живыхъ. Въ этомъ случаѣ глаза его зашиваются нитками и прикрываютъ черной шелковой матеріей. Вообще монголы крайне боятся примѣтъ отъ покойника и потому передъ смертью поворачиваютъ умирающаго ничкомъ; смерть въ такой позѣ почитается самою счастливою для остающихся.

Но при этомъ бываютъ случаи, что покойникъ судорожно сжимаетъ руки и умираетъ съ жестомъ, какъ бы манящимъ кого либо; это самый худой признакъ, такъ какъ онъ свидѣтельствуеъ о томъ, что покойникъ зоветъ за собою живыхъ. При такой примѣтѣ грудь покойника придавливаютъ желѣзнымъ концемъ плуга. Всѣ эти исправленія худыхъ примѣтъ производитъ также буянчи и только по окончаніи всѣхъ его уходовъ надъ покойникомъ можно совершать чтеніе вѣмовъ. Последнее исполняется ламами въ большинствѣ случаевъ не въ той юртѣ, гдѣ находится покойникъ, а въ сосѣдней съ нею и не прерывается ни днемъ, ни ночью; по этому то ламы, призванные къ совершенію погребальныхъ обрядовъ, всегда почти раздѣляются на очереди. Чтеній надъ покойникомъ, по свидѣтельству ламъ, безчисленное множество; но мнѣ, сколько разъ ни приходилось видѣть похороны, всегда я находилъ, что ламы читали только йорбѣ, извѣстный подъ именемъ «улицэй дабхуръ», да «найманъ-гэгэнъ»; и два раза я встрѣчалъ еще чтеніе сочиненія «Соносогътъ йахэдѣ тонилгахчи нэрэтү йэхэ хулгэнъ судуръ». Помимо этихъ, читающихъ ламъ, при похоронахъ являются какъ необходимость еще два ламы, которые отправляютъ хуралъ по книгѣ «Сърдэбѣ чакчжай» вгнѣ юрты и время отъ времени обходятъ юрту покойника съ кадильницей (ᠴᠠᠳᠢᠯᠢ); назначеніе совершаемыхъ ими чтеній и обрядовъ—отгонять злыхъ духовъ какъ отъ трупа, такъ и отъ живущихъ въ хотонѣ его родственниковъ. Такія чтенія совершаются обыкновенно вплоть до самаго выноса покойника изъ дома и его погребенія, что бываетъ весьма различно по времени: у бѣдныхъ покойниковъ хоронятъ, по большей части, на другой же день по смерти, а болѣе состоятельные держатъ у себя трупы своихъ родныхъ дня три, четыре и даже до шести. Вообще на указаніе дня, въ который должно хоронить покойника, ламы не претендуютъ, но непремѣнно уже подъ ихъ руководствомъ опредѣляется, въ которомъ часу должно выносить умершаго изъ дома, въ какую сторону нести его и какимъ образомъ похоронять. По точнымъ указаніямъ астрологическихъ сочиненій предписывается:

покойника, умершаго въ часъ барса, выносить изъ дому въ часъ обезьяны;

покойника, умершаго въ часъ зайца, выносить изъ дому въ часъ курицы;

покойника, умершаго въ часъ дракона, выносить изъ дому въ часъ собаки;

покойника, умершаго въ часъ змѣи, выносить изъ дому въ часъ свиньи;

покойника, умершаго въ часъ лошади, выносить изъ дому въ часъ мыши;

покойника, умершаго въ часъ овцы, выносить изъ дому въ часъ коровы;

покойника, умершаго въ часъ обезьяны, выносить изъ дому въ часъ барса;

покойника, умершаго въ часъ курицы, выносить изъ дому въ часъ зайца;

покойника, умершаго въ часъ собаки, выносить изъ дому въ часъ дракона;

покойника, умершаго въ часъ свиньи, выносить изъ дому въ часъ змѣи;

покойника, умершаго въ часъ мыши, выносить изъ дому въ часъ лошади;

покойника, умершаго въ часъ коровы, выносить изъ дому въ часъ овцы.

Что касается способовъ погребенія покойниковъ, то вообще трупы умершихъ, по буддизму, предписывается предавать существующимъ въ мірѣ стихіямъ: землѣ, водѣ, огню, воздуху и дереву. Разказываютъ, что такое предписаніе всегда и самымъ строгимъ образомъ соблюдалось въ старину и что трупы умершихъ, которые нужно было предавать землѣ, закапывали въ землю; долженствовавшіе къ погребенію въ водѣ бросали прямо въ рѣку; предназначавшіеся для преданія огню,—сжигали; для погребенія въ воздухѣ обыкновенно устраивали родъ качелей и трупъ покойника, завязавъ предварительно въ мѣшокъ, привѣшивали къ перекладинѣ, или матицѣ качелей; наконецъ при нуж-

дѣ предать тѣло покойника стихіи дерева, трупы полагали въ дуплахъ деревьевъ, иногда приготовляемыхъ природою, а иногда нарочно устраиваемыхъ для этой цѣли рукою человѣка.—Все это формальнымъ образомъ соблюдается и доселѣ; поэтому въ ламскихъ, астрологическихъ книгахъ относительно стороны, въ которую должно выносить покойника изъ дому, въ которую должно положить его головою на самомъ мѣстѣ погребенія, наконецъ для опредѣленія того какимъ образомъ должно быть совершено погребеніе, существуютъ особыя указанія. Вотъ эти главнѣйшія постановленія.

Для покойниковъ, принадлежащихъ по рожденію къ годамъ барса и зайца, самымъ счастливымъ погребеніемъ какъ для нихъ самихъ, такъ и для оставшихся живыми ихъ родственниковъ, можетъ быть то, когда ихъ возможно вынести изъ дому и положить головою въ восточную сторону; среднее—если можно вынести ихъ на сѣверъ и худое, совершенно несчастное погребеніе, если придется выносить ихъ на западъ. Если, по обстоятельствамъ, покойника придется выносить на западъ, то смерть не сомнѣнно не прекратится въ его домѣ; а если придется вынести его въ одно изъ четырехъ междустраній (сѣверо-востокъ юго-западъ и пр.), то въ домѣ, хотя и не будетъ смертнаго случая, однако непремѣнно совершится какое нибудь несчастіе. За симъ въ какомъ бы году ни умеръ человѣкъ, принадлежащій по рожденію къ годамъ барса или зайца,—самое счастливое, если можно похоронить его въ воду, среднее—если положить въ дерево и худшее—если предать огню. Наконецъ если похоронить такого покойника въ землю, или бросить въ воздухъ, то въ домѣ его непремѣнно случится еще смерть, ибо, по точному выраженію астрологическихъ сочиненій, такимъ погребеніемъ «не будутъ закрыты уста смерти».

Для покойниковъ, принадлежащихъ по рожденію къ годамъ лошади и змѣи, самое лучшее погребеніе—на южную сторону; среднее—на востокъ; худшее—если придется выносить ихъ изъ юрты и полагать головою въ сторону одного изъ междустраній. Хоронить такихъ покойниковъ на западъ и на сѣверъ безусловно

воспрещается. За симъ въ какомъ бы году ни умеръ человѣкъ, родившійся въ годъ лошади, или змѣи, самое лучшее — если возможно положить его въ дерево, среднее — если предать огню и худшее — если закопать въ землю; наконецъ если бросить его въ воду, то послѣдствіемъ сего явится смерть девяти человѣкъ изъ его однохотонцевъ.

Для покойниковъ, принадлежащихъ по рожденію къ годамъ обезьяны и курицы, лучшее погребеніе — на западную сторону; среднее — на одно изъ четырехъ междустраній; худшее — на сѣверъ; выносить изъ дому и полагать такихъ покойниковъ головою на востокъ и на югъ — воспрещается. Относительно способа погребенія рекомендуется какъ самое лучше закапывать трупъ въ землю, среднее — полагать его въ воздухъ и худшее — бросать въ воду. Предать такого покойника дереву и огню считается невозможнымъ.

Для покойниковъ, принадлежащихъ по рожденію къ годамъ свиньи и мыши, самое лучшее погребеніе на сѣверную сторону; среднее — на западъ; худшее — на сторону одного изъ четырехъ междустраній. За симъ въ какомъ бы году ни умеръ человѣкъ, родившійся въ годъ свиньи, или мыши, самое лучшее — если положить трупъ его въ воздушномъ пространствѣ, среднее — если бросить его въ воду и худшее — если положить въ дерево. Предавать останки такого покойника огню воспрещается.

Наконецъ для покойниковъ, принадлежащихъ по рожденію къ годамъ коровы, овцы, собаки и дракона лучшее погребеніе — въ сторону одного изъ четырехъ междустраній; среднее — на югъ и худшее — на сѣверъ. За симъ въ какомъ бы году ни умеръ такой человѣкъ лучшее погребеніе для него это — предать его тѣло огню, среднее — закопать въ землю и худшее — положить въ воздухъ; полагать въ дерево или бросать въ воду такихъ покойниковъ безусловно воспрещается.

Спросятъ, къ чему такая масса указаній и отчего, если уже вѣрить всякаго рода несчастіямъ, не хоронить покойника всегда въ самую счастливую сторону? Но дѣло въ томъ, что въ соображенія относительно выноса и погребенія мертвеца входятъ не

одни эти правила, а еще множество и другихъ обстоятельствъ. Когда зимою 1877 г. я проживалъ въ кочевьяхъ Чахаровъ, то у моего квартиро-хозяина дабѣнъ-цзалаа умеръ племянникъ одиннадцати лѣтъ. Родился онъ въ 1866 году, именовавшемся годомъ мужчины, огня и барса, а умеръ по утру въ часъ зайца. По правиламъ, выносить его изъ дому слѣдовало въ часъ курицы и лучшее погребеніе для него, какъ рожденнаго въ годъ барса, было бы на востокъ. Но часъ курицы, соотвѣтствующій нашимъ 6-му и 7-му часамъ вечера, приключился такой, въ который свѣтила несчастная звѣзда покойника—Венера, имѣвшая свое движеніе на западъ. Если бы поэтому, вынесши покойника изъ юрты, нести его на востокъ, то покойнику пришлось бы двигаться на встрѣчу его несчастной звѣздѣ. Ламы должны были указать такимъ образомъ среднее направленіе на сѣверъ. Что касается способа погребенія покойника, то самымъ лучшимъ было бросить его тѣло въ воду, а среднимъ положить его въ дерево; но мы видѣли, что въ годъ рожденія этого мальчика входила стихія огня, которая совершенно противна стихіямъ воды и дерева; на этомъ то основаніи для бѣдняги можно было выбрать только худшее погребеніе, т. е. предать его тѣло огню, — и его дѣйствительно сожгли.

Соблюдая формальную сторону въ погребеніи — преданія своихъ покойниковъ стихіямъ, современные монголы однако очень упростили теперь погребальные обряды. Прежде всего, на примѣръ, огню они предають очень не многихъ, а трупы бѣдняковъ положительно никогда не сжигаютъ. Могила роютъ только тогда, когда нужно предать тѣло умершаго землѣ; но эти могилы, за недостаткомъ потребныхъ орудій, обыкновенно выкапываются очень не глубоко: лишь бы можно было помѣстить трупъ и покрыть его сверху землянымъ слоемъ. Во всѣхъ остальныхъ способахъ погребенія они просто выносятъ покойниковъ въ степь и кладутъ на открытомъ пространствѣ; при этомъ на мѣстѣ погребенія тѣхъ, которыхъ нужно хоронить въ водѣ, они въ изобиліи льютъ воду, такъ что трупъ кладется въ грязь; долженствующихъ быть преданными дереву кладутъ так-

же на степи, только положивъ предварительно на доску; наконецъ тѣхъ, которыхъ назначено погребать въ воздухѣ, просто выносятся и кладутъ въ степи. По четыремъ сторонамъ могилы, или трупа покойника, ламы вбиваютъ четыре кола, аршина въ $1\frac{1}{2}$ вышиною и къ нимъ прикрѣпляютъ четыре веревки изъ конскаго волоса; къ послѣднимъ привязываются разноцвѣтные дарцѣки съ начертанными на нихъ мѣни. Иногда на этихъ дарцѣкахъ помимо мѣни изображаются рисунки бурхановъ, субургановъ, или цвѣтка пѣдмы, но мѣни пишутся уже непременно. Въ Халхѣ принято въ обычай дѣлать дарцѣки изъ матерій пяти цвѣтовъ, безъ различія надъ какой бы могилой эти дарцѣки ни вѣшались; но въ южной Монголіи дарцѣки строго различаются: дарцѣки краснаго и желтаго цвѣтовъ здѣсь ставятся только надъ трупами ламъ, а простолюдинамъ усвояются исключительно бѣлые дарцѣки; тотъ же обычай соблюдается и въ Чжунгаріи у калмыковъ, или ѳагатовъ. Болѣе состоятельные монголы, помимо такой незагнѣнной ограды могилъ, врываютъ въ головахъ покойника столбъ и на вершинѣ его прикрѣпляютъ хурда, устраиваемое въ родѣ вѣтряной мельницы, крылья которой ворочаютъ небольшой, наполненный рукописными мѣни барабанчикъ. Не рѣдко внутренность такого столба выдалбливается и въ выдѣланную такимъ образомъ впадину ламы помѣщаютъ рисованное изображеніе какого нибудь бурхана. Всѣ эти святыни охраняютъ трупъ впрочемъ не долго и, обыкновенно, лишь только разойдутся погребавшіе, какъ къ трупу собирается масса собакъ, такъ что черезъ какихъ нибудь два, три часа отъ него не всегда остаются цѣлыми даже и бѣлыя кости.

Погребеніе князей и богатыхъ монголовъ совершается конечно такимъ же образомъ, т. е. читаются тѣже пѣмы и совершаются тѣ-же хуралы, только обрядовая сторона отличается въ нихъ большою роскошью. Къ погребенію князей собирается, напримѣръ, по 300 и по 500 ламъ, цѣлые дни воздухъ оглашается ихъ молитвенными чтеніями и звуками музыкальных орудій. При самомъ погребеніи, тѣла князей не оставляютъ на открытой степи, но непременно строятъ особаго рода пирамидки,

называемыя бунханъ. Это четырехугольныя зданьяца, устраиваемыя изъ сырцеваго кирпича въ величину не больше квадратной сажени. Въ средину такого бунхана и полагають трупъ. По большей части тѣла князей хоронятся въ сидячемъ положеніи, причемъ руки и ноги ихъ складываются въ молитвенную позу. Проѣзжая по кочевьямъ хэрүлэнскаго бэйсэ, я осматривалъ бунханъ года за три передъ тѣмъ похороненнаго князя. Трупъ былъ кругомъ окутанъ шелковыми матеріями и дабдоу, исписанными тарнистическими изрѣченіями и представлялъ изъ себя какъ бы одинъ большой узелъ, положенный на подставку изъ семи полныхъ цибиковъ кирпичнаго чая. По разказамъ ламъ, тѣло почившаго князя слѣдовало предать стихіи дерева и они, очевидно, ухитрились изобразить дерево этими цибиками чая. Но еще чаще тѣла князей предаются сожженію, каковой обрядъ уже описанъ нами выше. Тѣхъ князей, которые умирають гдѣ-либо на чужой сторонѣ, помимо впрочемъ Тибета и У-тай-шан'и, монголы всегда перевозятъ для погребенія въ свой кошүнъ. Съ такимъ печальнымъ поѣздомъ я повстрѣчался только однажды на берегахъ Чернаго Иртыша. Перевозимы были останки умершаго торгоутскаго князя, скончавшагося въ Пекинѣ. Трупъ былъ положенъ въ обыкновенный, китайскій гробъ, который былъ установленъ на двухъ-колесной китайской телѣгѣ и, по обычаю китайцевъ, на верху гроба помѣщалась клѣтка съ пѣтухомъ. Покойника сопровождали отрядъ солдатъ и два ламы. Послѣдніе ѣхали съ покойникомъ изъ самаго Пекина. По дорогѣ хураловъ они ни какихъ не служили, но, при своемъ выѣздѣ изъ Пекина, получили отъ Чжанчжэ хутухты цѣлую пачку билетовъ, имѣвшихъ продолговатую форму и походившихъ на китайскія визитныя карточки. На этихъ билетахъ были начертаны разнаго рода тибетскія, тарнистическія выраженія. При каждой переправѣ черезъ рѣку и при каждомъ перевалѣ черезъ гору, ламы обязаны были сожигать по одному билету, — этимъ обрядомъ якобы давалось знать мѣстному духу, что покойникъ имѣетъ право на безпрепятственный пропускъ. По прибытіи останковъ въ родное кочевье князя, надъ ними предполагалось совершить весь тотъ обрядъ похо-

ронъ, который ламы исполнили бы, если бы этотъ князь умеръ дома.

Покончивъ погребальные обряды надъ трупомъ монгола, ламы всегда возвращаются въ его юрту и отправляютъ здѣсь еще одинъ, очистительный хуралъ, цѣль котораго охранить оставшихся живыхъ отъ несчастій, могущихъ быть навѣянными духомъ покойника. Молитва, читаемая при этомъ обрядѣ, исполняется въ присутствіи всѣхъ однохотонцевъ почившаго. Вотъ ея содержаніе:

«Поклоняюсь Маньчжүшри! Несчастія, ниспосылаемыя свыше отъ владыкъ семи гаракъовъ, отъ 27 звѣздъ и отъ тэнгриевъ; несчастія, наводимыя снизу владыками различныхъ мѣстностей и урочищъ, во главѣ которыхъ Тэс-ханъ; восемьдесятъ тысячъ препятствій (~~Ажолос~~); триста шестьдесятъ демоновъ; четыреста четыре болѣзни и несчастія, наводимыя адъями, альбины и читкүрами; всѣ эти несчастія вообще да отрѣшатся отъ обитателей этого дома!

Ты, преданный владыкѣ смерти — Эрлѣку, не отнимай отъ насъ добродѣтель и счастье; но соблаговоли пожаловать ихъ намъ!

Самъ ты уходи туда, вдалѣ!

Не уноси добродѣтель и счастье твоихъ родителей! (всѣ присутствующіе возглашаютъ при этомъ: «хурай! хурай!»)

Не уноси добродѣтель и счастье твоихъ старшихъ и младшихъ братьевъ (всѣ: «хурай! хурай!»).

Не вырывай изъ нашихъ рукъ, но дай намъ добродѣтель и счастье «Падъ», охраняющее отъ Эрлѣка, альбиновъ и прочихъ! (всѣ: хурай! хурай!).

Если же не дашь ты счастье и святость по звуку страшныхъ тѣрни «Падъ», то да разлетится твоя голова на сто частей силою заступничества трехъ драгоценностей!

Сверхъ того:

добродѣтель и счастье низшихъ тэнгриевъ (всѣ: «хурай! хурай!»)¹⁾.

1) Значеніе этого восклицанія не разъяснено съ точностью; но кажется оно составляетъ повелительную форму отъ глагола хураху—собираться.

добродѣтель и счастье низшихъ хановъ драконовъ (всѣ: «хурай! хурай!»).

добродѣтель и счастье Бисманъ-тэнгри и ракшасовъ (всѣ: «хурай! хурай!»).

Вкратцѣ сказать: да повстрѣчаютъ насъ всякіе случаи все-совершеннаго довольства всѣхъ одушевленныхъ существъ трехъ міровъ! (всѣ: «хурай! хурай!»).

Да упрочится въ нашей средѣ счастье и святость! (всѣ: «хурай! хурай! хурай!»).

Эта очистительная и охранительная отъ покойника молитва читается непременно послѣ всякаго погребенія; но мы говорили уже, что бываютъ случаи, когда покойникъ умираетъ съ явными, несчастными признаками для живущихъ. Въ этомъ случаѣ считается весьма важнымъ опредѣлить кому именно грозитъ это несчастье, чтобы во время принять противъ него должныя мѣры. Въ ламскихъ астрологическихъ книгахъ по этому поводу сообщаются свѣдѣнія довольно положительные, а именно:

Если умереть человѣкъ, принадлежащій по рожденію къ годамъ мыши и коровы, то будетъ худо принадлежащимъ по рожденію къ годамъ лошади и зайца и особенное несчастье принадлежащимъ къ году курицы.

Если умереть человѣкъ, принадлежащій по рожденію къ годамъ барса и зайца, то будетъ худо принадлежащимъ по рожденію къ годамъ змѣи и лошади и особенное несчастье принадлежащимъ къ году свиньи.

Если умереть человѣкъ, принадлежащій по рожденію къ годамъ дракона и змѣи, то будетъ худо принадлежащимъ по рожденію къ годамъ овцы и свиньи и особенное несчастье принадлежащимъ къ году коровы.

Если умереть человѣкъ, принадлежащій по рожденію къ годамъ лошади и овцы, то будетъ худо принадлежащимъ по рожденію къ годамъ мыши и курицы и особенное несчастье принадлежащимъ къ году зайца.

Если умереть человѣкъ, принадлежащій по рожденію къ годамъ обезьяны и курицы, то будетъ худо принадлежащимъ по

рожденію къ годамъ барса и свиньи и особенное несчастье принадлежитъ къ году змѣи.

Если умретъ человѣкъ, принадлежащій по рожденію къ году собаки и свиньи, то будетъ худо принадлежащимъ по рожденію къ годамъ дракона и коровы и особенное несчастье принадлежитъ къ году овцы.

Для отвращенія несчастій отъ живыхъ людей, которымъ угрожаетъ опасность со стороны покойника вслѣдствіе соотвѣтствія года ихъ рожденія съ годомъ рожденія покойника, совершается еще особый обрядъ обыкновенно на второй, или на третій день послѣ похоронъ. Къ совершенію этого хурала ламы готовятъ изъ муки двѣ фигурки, изображающія человѣка и одну изъ нихъ окрашиваютъ въ бѣлый цвѣтъ, а другую въ черный. За сѣмъ разстилаютъ посреди юрты двѣ овчины, также одну бѣлую, а другую черную и на бѣлую овчину кладутъ бѣлаго человѣка, а на черную чернаго, присоединяя къ этимъ фигуркамъ еще, по цвѣту, семь бѣлыхъ и семь черныхъ камешковъ. Самый хуралъ состоитъ въ чтеніи молитвы, извѣстной подъ именемъ «тачіл'унъ харигулга» и оканчивающейся произнесеніемъ чжирүкхэн'у тәрни семи бурхановъ; при произнесеніи каждой тәрни ударяютъ бѣлыми камешками въ бѣлаго человѣка, а черными — въ чернаго и за сѣмъ все это выбрасываютъ въ степь. Возвратившись изъ степи въ юрту, снова дѣлаютъ трехсторонній балінъ, какъ умилостивительную жертву докшита́мъ и готовятъ лампаду и блюдо съ какими либо хлѣбными зернами. Въ краткой молитвѣ «Лүдъ», читаемой при этомъ, испрашивается покровительство докшитовъ человѣку, имѣвшему несчастье соотвѣтствовать покойнику по годамъ своего рожденія; и за сѣмъ произносятся три йөрбля, выражающихъ благожеланія этому человѣку. При произнесеніи каждого изъ этихъ йөрблей несчастливца осыпаютъ помянутыми хлѣбными зернами. Этимъ обрядъ и оканчивается.

Защитивъ силою своихъ молитвъ и заклинаній живыхъ людей отъ вліяній на ихъ жизнь покойника, ламы продолжаютъ исполненіе своихъ обязанностей въ отношеніи къ этому послед-

нему. Эти обязанности состоятъ теперь въ совершеніи «тулэши», или поминокъ, которыя у князей и у богатыхъ монголовъ продолжаются непрерывно въ теченіе 49 сутокъ, а у бѣдныхъ ограничиваются хураломъ, отправляемымъ въ одинъ день. По большей части для сего избирается или третій, или седьмой день по смерти человѣка. Основаній, по которымъ совершаются поминки въ третій день, мнѣ не пришлось узнать; что же касается до седьмаго дня, то обычай отправлять въ это время хураль, основывается на изложенномъ Цзонхавдою въ сочиненіи «Боді мурунъ цзаргъ» мнѣніи, будто бы душа умершаго на седьмой день получаетъ возрожденіе въ Цзагүрату. Различіе поминокъ, совершаемыхъ у бѣдныхъ и богатыхъ впрочемъ только количественное, по содержанію же хураль этотъ одинъ и тотъ же. Онъ состоитъ изъ чтенія тибетскаго нѣма «Додъ-янгъ»; къ этому, по правилу, завѣщанному далай ламою Габанъ-лубсанъ-чжамцо, присоединяется еще чтеніе Манлайнъ чога. Хураль этотъ не можетъ быть совершенъ менѣе какъ четырьмя ламами и доставляетъ монастырямъ очень большой доходъ. По правиламъ, прендаваемымъ ламами монголамъ, на поминъ души покойника въ пользу монастыря должна идти десятая часть всего имуществва покойника; но обыкновенно берется и еще больше. Слѣдуетъ однако замѣтить, что ревнующіе о счастіи въ загробной жизни монголы никогда не жалуются на тягость для себя этихъ поборовъ и охотно выдаютъ ламамъ все, что надлежитъ имъ получить не только по обычаю, но и сверхъ онаго.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ЛИЧНЫХЪ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ИМЕНЪ.

Сокращения: будд=буддйскій; дух=духовный; кят=китайскій; мие=миланскій; почт=почтовый; свящ=священный; см=смотри; тиб=тибетскій; т. ч.=тоже что.

А.

Абида или Амитаба (бурханъ) 312, 323, 324, 376, 421, 422, 423, 424, 459, 460.

*Аганшита (небесная область) 458.

Акшобья или Акшоби (бурханъ) 323, 324, 458, 459.

Алашаньскій хутухта 268.

Амдо (область) 407.

Амитаба см. Абида.

Аминъ эцэнь (бурханъ) 330.

Амогасидан (бурханъ) 283, 323, 324, 459, 460.

Амурсана (чжунгарскій князь) 234.

Амуръ баяхуланту (монастырь) 10.

Ананда (ученикъ Будды) 84, 158.

Анинскій дацанъ (Бурятскій) 18.

Ариябало (бурханъ) 48, тоже что

Ариявалокитешвара 376, 454.

Арюнъ идэнь ханъ 64.

Аюши (бурханъ) 70, 100, 255, 257, 264, 284, 289, 378, 422, 436, 438, 444.

Аюнская гора 83.

Б.

Бада хучиту (бурханъ) 423.

Баданъ хлама (бурханъ) 283.

Банцза ракша (бурханъ) 422.

Баньчэнь богдо 162, 249, 306.

Барунъ хуръ (монастырь) 7, 8, 9, 33, 37, 113, 276, 288, 302, 391, 411.

Басудари 373.

Бякпэ (см. Эгэчи - ду) 307.

Бимчжидари (повелитель асуровъ) 460.

Бирузана (т. ч. Вайрочана) 283, 289, 323, 324, 457, 458, 459.

Бисманъ тэнгри (т. ч. Намсараи) 282, 307, 451, 472.

Боро цэчжинъ сунэ 258.

Брайбунъ (монастырь въ Тибетъ) 71.

Бромъ бакши (буддйскій первоучитель) 69.

Будала (гора въ Тибетъ) 407.

Бурханъ - бакши (т. ч. Шигэмун) 56, 57, 136, 147, 285, 331.

Бураты 288, 300, 322, 393.

В.

Варапаша (т. ч. Бенаресъ) 60, 61, 280.

Варутапи (Махарачжа) 28, 428.

Васильевъ (Профессоръ) 238, 239.

Вачжра (см. Вачиръ и Очиръ).

Вачжра дара (см. Вачиръ дара) 154.

Вачиръ - дара (лама) 333, 450, 452.

Вачжра панъ (см. Очиръ - вани) 254, 279, 406.

Вайрочана (см. Бирузана).
Вайсали (городъ въ Индіи) 60.
Вайсравани (Махарачжа) 28, 428.
Вирупакши (Махарачжа) 28, 428.

Г.

Габавъ лубсанъ чжамцо 454, 474.
Галданъ хитъ (монастырь) 105.
Галданъ ширѣту 264, 265.
Ганагамуні (будда) 309.
Ганланъ (часть Урги) 250.
Гаргасунди (будда) 309.
Гариди тэнгри 428.
Гарчжалъ (браминъ) 93.
Гобинъ нованъ хутухту 268, 270, 286.
Гонбо или Гомбо (т. ч. Махагала) 282, 326, 400.
Гонбо - гуру (т. ч. Цаганъ Махагала) 18, 282, 324, 400.
Гумбумъ (монастырь) 204.
Гусиноозерскій дацанъ (Бурятскій) 18, 300.
Гуйсцэ (бурханъ) 427.
Гэгэнъ илагухсанъ ханъ 277.
Гэгэнэй бутэмынъ сумэ 2, 9.
Георги (путешественникъ) 162.

Д.

Дабанъ цзаланъ (чахарскій офицеръ) 187, 469.
Дава - даръ 74.
Дакба - дорджи 320.
Далай ванъ (халхаскій князь) 20, 21.
Далай гунъ (халхаскій князь) 161.
Далай лама 83, 102, 162, 249, 454.
Дамба - догаръ 285.
Дамба дорджи (монастырь) 10.
Дамъ - динъ (т. ч. Ханикирва) 282.
Данаръ (калмыцкая княгиня) 420.
Даръ - эхэ (бурханъ) 48, 56, 68, 103, 236, 237, 255.
Дацанъ хубилганъ (урганскій) 250.
Даши 93.
Далнчинъ хитъ 9.
Джа - батуръ цзасакъ (халхаскій) 20, 21.
Дзунъ модо (почтовая станція) 7.

Дова - цзанбо - ханъ 324.
Долонъ нуръ (городъ) 7, 12, 263, 300.
Дондукъ-даши (калмыцкій ханъ) 420.
Донкоръ маньчжурши хутухту 10, 188, 234, 248.
Донкоръ-маньчжуршинъ сумэ 10.
Дорботы или Дурбэты, 24, 108, 235.
Дрити - раштра (махарачжа) 28, 314, 428.
Дунду ламанъ сумэ 288.
Дун - ли ножъ 267.
Дунрубъ рилчинъ 196.
Дурбульчинъ (крѣпость въ Чжунгаріи) 114.
Дурихту (гора въ Тибетѣ) 105.
Дурма мунрумъ (лама) 425.
Дурплъ - сангдай - чжамцо 413.
Дэлэжъ дорджи (халхаскій амбанъ) 263.

З.

Загаръ - самбара (бурханъ) 372.
Замьянъ (калмыцкій нойонъ) 420.
Зая пандита хутухту 7, 8, 102.

И.

Ибэнъ (рѣка) 10.
Идаръ (рѣка) 20.
Илагухсанъ хутухту 7.
Индія, 50, 58, 105.
Индра - варна 278.
Иро (рѣка) 455.
Иртынъ (рѣка) 470.
Итэгэлъ угэй идэгэнъ углигэту (ханъ) 279.
Ишгэ - дава 69.

К.

Калганъ (городъ) 187, 263.
Канси (императоръ) 11, 12, 162.
Кашилъ (будда) 309.
Китай 3, 5.
Кобдо (городъ) 7, 13, 282, 385.

Куку норъ 407.
Куша (городъ въ Индіи) 60.
Кэбирма (повелитель биритовъ) 460.
Кэнгэргэ дүту (буада) 69.
Кэрулэнъ или Хэрулэнъ (рѣка) 7, 33.

Л.

Лабранъ (монастырь) 202.
Лама - чэтбо 45, 91.
Ломби (садъ, въ которомъ родился Шигэмуніи), 64, 64, 283.
Лубсанъ галсанъ (лама) 165.
Лубсанъ чойдубъ 321, 322.
Луинъ ханъ (т. ч. Лүсунъ ханъ) 423.
Лэкчжэма 93.

М.

Магада (область въ Индіи) 60.
Мамо 331.
Манла (бурханъ) 70, 71, 93, 288, 321, 425.
Маньчжунри (бурханъ) 45, 48, 83, 198, 303, 315, 320, 407, 413, 421, 423, 454, 471.
Махагала (бурханъ) 51, 70, 282, 307, 325, 326, 372, 374, 421 — 424, 451, 452.
Махадэва 335, 428.
Махамая (мать Шигэмуніи) 64, 283, 285, 289.
Маха - самани - ханъ 437.
Майлари (бурханъ) 33, 48, 63, 108, 314, 384 — 392, 422, 461.
Миларайба (т. ч. Мила лочжава) 268, 321.
Молонъ - тойнъ (см. Мутгальвани).
Монголія 5, 12, 20, 33, 34, 37, 50, 72, 73, 90, 107, 113, 120, 155, 204, 234, 238, 285, 393, 404, 411, 416, 444, 469.
Мутгальвани (т. ч. Мутгальяна) 72, 102, 115.
Мэргэнъ ванъ (халх. князь) 169.
Мэргэнъ даянчи (лама) 307.
Мэхэшвара 373.

Н.

Наванъ-гунга - лодонъ - саянчи, дамба - чжанцанъ 321.

Наганъчжуна (или Наганъцзуна буддйскій въроучитель) 69, 158.
Накбо (ханъ) 425.
Наминдара (монастырь) 158.
Намсарай (бурханъ) 91, 282, 325, 400, 422, 423, 424.
Нанти (повелитель драконовъ) 373, 379, 400.
Нанти - кирти тэнгри 428.
Наравьджана (рѣка) 60, 66.
Нартанъ (монастырь) 195.
Нару-баньчэпъ хутухту 235, 236, 238.
Нидубэръ үпэзкчи (бурханъ) 171, 421, 422, 424, 454.
Нима - даръ 71.
Ногонъ - дара - эхэ 68, 236, 237.
Нома (лѣсъ въ Индіи) 60.
Номынъ ханъ (бурханъ) 424.
Норчинъ 93.
Нбэту (дүрбэтъ) 236.
Ноянъ норчжи 234.
Нья-бо-гунга-балъ (тибет. лама) 234.

О.

О - ванъ (халх. князь) 250.
Оки - саба (бурханъ) 423.
Олоты (поколѣніе народа) 24, 469.
Овонъ (рѣка) 455.
Оромбо гэгэнъ (т. ч. Ромба хутухту) 3, 4, 7, 250, 256, 257, 258.
Оромбо гэгэнэй хитъ 3, 165, 288.
Оточи бурханъ (т. ч. Манла) 282.
Охиянъ тэнгри (т. ч. Ухиянъ тэнгри) 93, 421, 422, 424, 451.
Очиръ - вани (т. ч. Вачжра вани) 94, 303, 400, 407, 421, 423.
Ойраты 407.

П.

Падма (царь драконовъ) 428.
Падма - самбава (буддйскій въроучитель) 50, 106, 162, 456.
Пакба лама 321.
Пекинъ (столица Китая) 11, 20, 135, 262 — 268, 270, 407, 470.

Р.

Ратна - самбава (бурханъ) 323, 324, 458, 459.

Раху тэнгри 428.
 Раю хутухта 270.
 Риндамба (тибет. лама) 197.
 Роба-гарби (или Роба-гарба, царь)
 60, 280.
 Рэбунъ-гэчи-линъ (монастырь) 9.

С.

Саиръ усу (почтовая станція) 7.
 Самантабадра (бурханъ) 319.
 Сангинъ-далай (озеро) 407.
 Санди 372.
 Сайнъ ноянь 20, 234.
 Сайнъ цагийнъ номъ (бурханъ) 423.
 Сидда (бурханъ) 421, 423.
 Сронцанъ-ганбо-ханъ 69, 437.
 Суддадани (отецъ Шигэмуня) 61.
 Сукавади (санскр. *sukhavatī*, тиб.
 སུ་ཁ་པ་དཱི་ божественная область
 Амитабы) 17, 106, 376, 391.
 Сумади-кирти-шири-гэгэнъ 303.
 Сумэру (монгч. гора) 96, 279, 313,
 373, 374, 379, 404, 408.
 Сэльби (или Сэльба рѣка) 10, 20.
 Сэнгэ-ринцинъ (халх. князь) 265.
 Сэнгэй-донъ-чжанъ 400.
 Сэндама 400.
 Сэцэнъ-ханъ (халхаскій) 263, 271,
 306.
 Сюльдэ тэнгри 281, 335, 452.

Т.

Тахильту (почтов. станція) 7.
 Тайранъ 331.
 Тибетъ 20, 26, 38, 50, 71, 73, 105,
 161, 200, 274, 300, 321, 470.
 Токтохо-туру (халх. князь) 306.
 Тола (рѣка) 20.
 Тугэмэлъ амурчигулухчи сүмэ 13.
 Тулта (городъ въ Чжунгаріи) 248.
 Турбэлъ угэй (вѣроучитель) 457.
 Тушита (небесная область) 63, 285,
 289, 313.
 Тушъту ханъ 12, 320, 411, 419, 456.
 Тэкши буянту (рѣка) 20, 21.
 Тэсъ-ханъ (назв. тэнгри) 433, 471.

У.

Убананти (повелитель драконовъ) 373,
 408.
 Убса норъ (озеро) 24, 108.
 Угэй нор'скій монастырь (т. ч. Оромбо
 гэгэнэй хитъ) 6.
 Угэй нуръ (озеро) 3.
 Удияна, (или Уржанъ) 278.
 Удрайна 280.
 Уланъ-бахча (урочище) 9, 204
 Уланъ дэба (переваль) 238.
 Уланъ комъ (равнина) 235.
 Уланъ шубу (почт. станція) 7.
 Улэсутай городъ, 6, 7, 21, 236, 291.
 Ундуръ гэгэнъ 150, 151, 455, 456.
 Урга (городъ-монастырь въ Халхѣ) 6,
 7, 9, 10, 18, 20, 21, 26, 107,
 135, 154, 167, 193, 200, 204,
 263, 275, 276, 288, 302, 329,
 371, 385, 389, 405.
 Уржанъ 106.
 Усирту (бурханъ) 422.
 Усниха-бицзэя (бурханъ) 421, 422.
 Успенскій В. М. п. д. русскаго кон-
 суля 20.
 У-гай-шанъ (горы) 83, 274, 300, 407,
 470.
 Ухинъ тэнгри (т. ч. Охинъ-тэнгри)
 282, 307, 329, 335, 373, 452.

Х.

Ханъ-кирва (т. ч. Хал-гирва) 282,
 308, 329, 421, 423, 424.
 Ханъ раба (т. ч. Ханъ-кирва).
 Халха (=стѣн. Монголія) 1, 2, 5, 7,
 8, 10, 12, 19, 24, 43, 107, 110,
 120, 150, 167, 169, 233, 238,
 302, 320, 321, 469.
 Ханбо-гэгэнъ или Ханбо-лама 20, 21,
 Хангай (горы) 22.
 Ханъ-ула (гора) 10
 Хара хадаинъ сүмэ 8.
 Хэрүлэнъ см. Кэрүлэнъ.
 Хла-бэйсэ (халх. князь) 33.
 Хлама (бурханъ) 18, 283, 390, 400.
 Хласса 45, 83, 300.
 Хоншимъ бодисатва, 303, 376, 407.

Хормуста тэнгри 37, 64, 66, 67, 77,
93, 279, 284, 339, 428, 460.
Хуань-ди (кит. императоръ) 155, 263.
Хуань-сы (монастырь въ Пекинѣ) 264.
Хуань-хоу (кит. императрица) 266.
Хубилай-сэцэнъ-ханъ 321.

И.

Цаганъ гэгэнъ 248.
Цаганъ-дара-эхэ (бурханъ) 68, 236,
237, 238.
Цаганъ-даличи лама 169, 392.
Цаганъ-лүсунъ-ханъ тэвгри 404.
Цаганъ-махагала 282, 307.
Цаганъ тологой (урочище) 187.
Цаганъ ўлаинъ-сүмэ 204, 282, 390.
Цаганъ шубукту (горы) 238.
Цаганъ шүхүртэй (бурханъ) 282.
Цаганъ-збүгэнъ (божество) 83, 84, 401.
Цанба (т. ч. Эсруа) 282.
Цанджипинъ ханъ 278.
Цзабханъ (рѣка) 7, 237.
Цзамбо или Цзамбу (рѣка) 38, 86.
Цзасакту ханъ 24.
Цзонхава (буддйскій реформаторъ)
50, 69, 102, 105, 110, 158, 195, 237,
289, 303, 341, 343, 371, 384, 474.
Цзунъ хуръ (т. ч. Шат-дубъ-чойнкоръ
линъ) 9.
Цугэльский дацанъ (бурятскій) 18.
Цэбэкъ (т. ч. Аюши бурханъ) 422.
Цянь-лунъ (кит. императоръ) 11, 234,
266.

Ч.

Чагда 280.
Чжамбала (тэнгри) 379.
Чжамбаралъ (бодисатва) 454.
Чжамсаранъ (т. ч. Эгэчи-ду, — до-
шить) 18, 282, 325 служоніе ему
329—337, 401, 402, 403.
Чжамцанъ лама 195.
Чжанцзя или Чжанчжа хутухту 264,
267, 306, 470.
Чжат-дамба (бурханъ) 422.
Чжигмэтъ (монг. князь) 263.
Чжидоръ ханбо 42.
Чжикчжитъ (т. ч. Ямандага) 18, 282.

Чжиргаланту (рѣка) 21.
Чжиса (аймакъ въ Ургъ) 406.
Чжоннокъ-шакча-дамба 454.
Чжонханъ гэгэнъ 456.
Чжү-адина (тиб. вѣроисповѣдникъ)
38, 50, 102, 105.
Чжунгарія 24, 114, 235, 469.
Чжунгары 234.
Чжунъ-чженъ даянь 267.
Чжэбцзунъ-дамба-хутухту 2, 4, 7, 8,
9, 10, 20, 50, 84, 102, 150, 155,
165, 167, 173, 179, 182, 234,
238, 249, 250, 262, 263, 265,
266, 321, 346, 455.
Чингистъ-ханъ 437.
Чинъ-тологой (почтов. станція) 7.
Чинъ сүдзукту лама 234, 235.
Чойнадонъ (тиб. лама) 26, 27, 165.
Чойчжилъ (т. ч. Эрликъ-ханъ) 18,
52, 282, 399, 402, 403.
Чулумъ-баньчжуръ (лама) 235.
Чүсринъ-донъ-чжанъ 400.
Чэнъ-ба 266.

Ш.

Шакъя (родъ Шигэмуні) 128, 279.
Шамбалайнъ оронъ 37, 407.
Шанъ-си (кит. провинція) 83.
Шара сүмэ (монастырь въ Долонъ
нуръ) 11, 12, 13, 193.
Шара сүмэ (монастырь въ Кобдо)
282, 385.
Шариутра (ученикъ будды) 72.
Шат-дубъ-чойнкоръ-линъ (монастырь)
9.
Шачжини бадарагулукчи сүмэ 10.
Ши (чугучакскій амбанъ) 114.
Шигэмуні (или Сакъямуні) 37, 45,
46, 48, 49, 50, 54, 55, 58, его
изображеніе 63—68, 69, 70, 93,
102, 105, 128, 141, 171, 256,
277, 283, 288, 309, 339, 373,
406, 454, 463.
Шончжитала 278, 280.
Шраваста (городъ въ Индіи) 60,
277, 286.
Шубукту (почт. станція) 7.
Шучжадала (см. Шончжитала).

Щ.

Щетининъ (русскій генералъ) 114.

Э.

Эгэтуевскій дацанъ (бурятскій) 18.

Эгэчи-ду (т. ч. Чжамсаранъ) 282.

Энэтэкъ (Индія) 277.

Эрдэни-цзу (монастырь) 2, 7, 8, 18, 20, 33, 37, 107, 160, 182, 193, 276, 288, 302, 320, 385, 389, 393.

Эрмекъ-ханъ (владыка ада) 52, 73, 281, 282, 307, 376, 451, 460, 471.

Эруавчинъ-ган-данъ шат-дубъ-линъ 9.

Эсруа-тэнгри 37, 38, 67, 93, 218, 279, 282, 307, 379, 428.

Эсрунъ укгухчи 278.

Ю.

Юмъ (бурханъ) 421, 422.

Юнъ-чжэнь (кит. императоръ) 11.

Я.

Ямпадага (бурханъ) 51, 70, 282, 308, 329, 336, 372, 394, 396, 421, 444.

Янчжана 69.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ПРЕДМЕТНЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Абишикъ (посвященіе) 444—448.

Агару (дерево) 157.

Агой шитугэнъ (молитва) 134.

Ада (демонъ) 453, 471.

Адистъ (или Адистидъ,—благословеніе) 192, 238, 413.

Алоги (жертва), 91, 328.

Алтанъ гэрэлъ (молитва) 414, 415.

Алтанъ малахай (цанитская шапка) 198.

Алтанъ сацули (золотое кропленіе, т. ч. аршанъ) 396.

Алтанъ цэцэкъ ургуху (обрядъ) 448.

Альбины (многоч. существа) 330, 331, 335, 383, 471.

Амугуланту бурханай шүтэнъ (родъ кумировъ) 47, 50, 55, 57.

Амугуланъ (привѣтствіе) 260.

Амулеты (см. Бу).

Амурлингуй бурханъ (родъ кумировъ) 46, 50, 51, 62, 109, 325.

Аратъ 138.

Аригуланъ сацухуйнъ усу (жертва) 91.

Арсалангичинъ хэбтэлгэ 463.

Арсаланту тэбцэнъ (львиный престолъ) 42, 43, 44, 254.

Арсаланъ тэригуту (молитва) 134.

Арулъ (сушеный творогъ) 409.

Арханъ (или Архатъ,—святой) 139, 140, 146, 281.

Архи (водка) 179, 409.

Арца (можжевеликъ) 30, 116.

Аршанъ (см. рашіянъ) 131, 252, 261, 325, 327, 338, 340, 396, 408, 431, 445, 447.

Асаръ (палатка) 406, 408.

Асүрин или Асүры (многоч. существа) 72, 77, 375, 380, 459, 460.

Ацзаръ (маска пама) 397, 398, 399, 400, 401, 402.

Ачжикъ (надсмотрщикъ) 409.

Ачживай моринъ (многоч. лошади) 106.

Ачилаху балинъ (жертва) 284.

Аюши (молитва) 134.
 Аяга (чашка) 123, 144, 153, 185, 355.
 Аймакъ (административная единица) 12, 456.
 Аймакъ (монастырская община) 10, 18, 130, 193, 281, 283, 303, 406.
 Айракъ (переваренное квашеное молоко) 419, 449.

Б.

Баданъ (храмовый украшеніе) 37, 100, 107, 386, 389, 445.
 Бадма (цвѣтокъ см. Падма).
 Бадма (гаракъ) 417.
 Бадма-рага (драгоценный камень) 335.
 Бадра, или Бадиръ аяга (священ. чашка) 47, 67, 94, 126.
 Бадымъ (жертва) 90, 327.
 Бакии (учитель) 137.
 Балингийнъ хуралъ 289, 291.
 Балинъ (т. ч. Дурма, — жертвоприношеніе) 22, 159, 253, 284, 285, 322, 325 — 329, 332, 337, 380, 382, 396, 397, 406, 408, 450, 473.
 Бал-ба 87.
 Банримъ 59.
 Банца-ракша (молитва) 414, 415.
 Банца-ракшайнъ бу (талисманъ) 425.
 Банцаль (одежда) 129, 150, 324, 449.
 Баньди (низшая степ. духовенства) 112, 115, 116, 120, 121, 124, 125, 129, 135, 136, 142, 146, 150, 161, 170, 174, 180, 183, 188, 300, 342, 370, 383, 414, 426.
 Баричанай улусъ 455.
 Барсовыя шкуры 252, 338, 393.
 Бату орошилъ (молитва) 254, 272.
 Бацагыинъ санваръ 341.
 Бацакъ (т. ч. мацакъ) 276, 283.
 Бацаръ - бадарана (молитва), 134, 414, 415.
 Бацаръ махагала (молитва) 414.
 Байшинъ (каменное жилое зданіе) 8, 12, 13, 21.

Бидаръ-гарбо (см. Вайдурья - карпо).
 Бикшу (буддійскій монахъ) 40, 41, 346.
 Биликту (должность) 164.
 Биликъ - барамитъ (молитва) 134, 414, 415, 432.
 Биринъ-ченбо (молитва) 415.
 Биритъ (мнѣч. существо) 55, 76, 136, 170, 376, 459, 460, 461.
 Бирузана (хуралъ) 134.
 Бислыкъ (сыръ) 409.
 Бицзя (молитва) 415.
 Бишкурчи 160, 182.
 Бишкуръ (музык. инструментъ) 30, 105, 252, 258, 268, 302, 388, 389, 390, 396.
 Богдоханъ 10, 13, 113, 167, 248, 262, 456.
 Богдойнъ замъ (т. ч. Богдойнъ халга) 27, 30, 254.
 Боди мурунъ цзэргэ 38, 474.
 Бодисадуинъ санваръ 197, 348.
 Бодисатва 68, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 110, 310, 312, 315, 318, 372, 373, 428.
 Боггомъ-шак-ча (молитва) 415.
 Брай 59.
 Бу (талисманъ) 2, 24.
 Бугу (маска цамы) 400.
 Букъ (домовой) 384.
 Бумба (священ. сосудъ) 23, 59, 86, 98, 99, 257, 325, 339, 340, 396, 398, 401, 407, 445.
 Бумба нигуху цзанъ уйлз (сочиненіе) 91.
 Бумдэнъ 59.
 Бунханъ (усыпальница) 470.
 Бурханы (изображенія божествъ) 16, 17, 28, 29, 33, 37, 39, 43; ихъ описаніе 44—86; 90, 91, 99, 109, 116, 117, 131, 170, 178, 191, 238, 253, 265, 273, 274, 300, 339, 406, 426, 436, 469.
 Буръ (музык. инструментъ) 106, 160, 161, 191, 388, 389, 390.
 Буръчи, 160, 182, 390.
 Буръинъ шата 30, 302, 346.
 Буянчи 463, 464.
 Буйби (жертва) 90, 327.

Буйпуръ (кадильница) 116, 191, 387, 390, 451, 464.
Бэчи (созвѣздіе) 371, 429.

В.

Ванданъ (родъ хадэка) 100.
Вачжра (см. Вачиръ)
Вачиръ (т. ч. Очиръ) 41, 47, 98, 103, 150, 154, 171, 199, 214, 237, 271, 272, 278, 320, 325, 407.
Вачирунъ бэв (свойство будды) 294.
Вачиръ ицагурунъ цзабсаръ (сочиненіе) 55, 57.
Вайдурья-нарпо 413, 434, 454, 458.
Винаинъ аймакъ саба 194, 195, 197, 199; тоже что
Виная (отдѣленіе Ганьчжура) 142, 384.
Высокій путь 30, 31, 254.

Г.

Габала (священ. сосудъ) 52, 98, 99, 171, 325, 327, 397, 399, 400, 401, 402.
Габчжу (ученая степень) 198, 201.
Гэгъ-и (хуралъ) 287.
Галабъ (періодъ мірозданія) 85, 316, 318.
Галандага (мнѣч. птица) 106.
Галбаварасъ (мнѣч. дерево) 106, 379.
Галцзанъ (молитва) 415.
Гандари (мнѣч. существа) 314.
Ганлинчи 160.
Ганлинъ (музык. инструментъ) 106, 388, 389, 396, 400.
Ганчжиръ 37, 38, 238.
Ганъ-Шикъ 347.
Ганьди (бѣло) 346.
Ганьди (жертва) 91, 328.
Ганьчжуръ 102, 193, 288, 411.
Ганьчжуринъ хуралъ 284.
Гаракъ (священ. поясъ) 344.
Гаракъ (счисленіе дней) 416, 419, 428, 471.
Гарида или Гаруда (мнѣч. птица) 39, 63, 377.
Гарунъ абулга (глава сочиненія) 325.

Гацзарыйнъ эцзэнъ 109, 326, 407, 429.
Га-чжама (сочиненіе) 425.
Гайда гаргахсанъ улусъ 455, 456.
Гинъ (названіе кулила) 415, 416.
Голъ сумъ (главный храмъ въ монастырѣ) 18, 30, 31, 390, 392, 393.
Гундэлэгийнъ заракъ (сочиненіе) 461.
Гунцзэкъ (постная пища) 443.
Гурбанъ учирту (молитва) 134.
Гурбанъ эрдэнинъ улцзэйтү шулукъ 408.
Гурюмъ (молебствіе) 272, 433, 454.
Гусунъ-тукъ (принадлежность гэлунъ) 153, 457.
Гуша (травы) 92, 447.
Гэбкүй или Гэбгуй (благочинный) 44, 115, 116, 130, 132, 134, 157, 169, 173, 180, 181, 182, 185, 188, 192, 204, 236, 270, 300, 303, 338, 405.
Гэбши (ученая степень) 196, 197.
Гэбчжу 59.
Гэгэнъ (титулъ хубилгановъ) 3, 30, 37, 42, 248.
Гэгэнъу цзюмъ (жертва) 91.
Гэгэру (камень) 23.
Гэкъ (должность) 159, 169, 182, 187, 191, 276, 300.
Гэлунъ (духов. степень) 69, 95, 115, 116, 120, 123, 125, 127, 128, 136, 138, 141—149, 150, 154, 156, 169, 170, 174, 180, 183, 190, 197, 238, 262, 270, 273, 275, 285, 290, 342, 348, 361, 370, 413, 445.
Гэртэнъ-бэрътахильбэлэтхэху Йосонъ (сочиненіе) 45.
Гэраль (сіяніе у бурхана) 63, 67.
Гэхамъ (жертва) 93.
Гэцүль (духов. степень) 114, 115, 124, 135—141, 142, 146, 149, 150, 170, 174, 180, 183, 190, 197, 259, 270, 285, 338, 342, 348, 370, 383, 414.

Д.

Да-лама (должность) 167.
Дабу (холстъ) 411, 463, 470.

Дабчжа (портикъ храма) 202.
 Давачинъ (монастырь въ Тибетѣ) 196.
 Дагини или Дакини (женское божество) 55, 57, 337, 372.
 Даланъ халису (самшитъ) 33.
 Далимбу (навка) 411.
 Дамару (музык. инструментъ) 41, 103, 257, 321, 445.
 Данаръ (женск. имя) 420.
 Данракъ дурма (жертва) 283.
 Данычжуръ 102.
 Давъшикъ 254, 259, 272.
 Дара эхэ (молитва) 134, 282.
 Дарга (старшина въ хотонѣ) 409.
 Дарга лама (т. ч. Дэмчи-лама) 405.
 Дарцокъ 25, 282, 406, 469.
 Дарчжинъ 323.
 Даши (родъ хадака) 101.
 Даши-дакчжаты (или раши-дакчжаты) 86.
 Даяни (созерцатель) 2, 202—228, 392.
 Даянъ (см. Діана).
 Два (кулилъ) 414, 416.
 Двица (т. ч. тибѣ) 313.
 Джама (поваръ) 159, 204, 338, 381, 382, 383, 402.
 Джинджуки 160.
 Джабья (т. ч. Куцэ) 339, 340, 445.
 Дзолникъ 430, 431, 455.
 Дзолникъ гаргахсанъ улусъ 455.
 Дзолникъ гаргаху (обрядъ) 430, 454, 455.
 Динва (коврикъ) 345, 347.
 Диншэ (см. Дэвшикъ).
 Ди-чабъ (жертва, — тиб. ཇི་ཇམ་) 91.
 Ди-гукъ 400.
 Діана (созерцаніе) 66, 67, 69, 203—228, 287, 375.
 Добочэ (молитва) 415.
 Дод-икъ 323, 395, 398, 449.
 Дод-янга 474.
 До-домба (молитва) 415.
 Докуръ 104, 389.
 Докцунъ — ритогъ лама чотба (молитва) 415.
 Докшидыинъ сумэ 18.

Докшитъ (отдѣлъ геніевъ-хранителей) 17, 85, 98, 307, 321, 380—383, 392—403, 450, 473; ихъ изображенія: 46, 50, 52, 53, 54, 55, 57, 62, 109.
 Докшитъ (ское служеніе) 98, 108, 380 (описание его), 320—338.
 Дологанъ культи (молитва) 134.
 Долонтъ цугуцэ (жертва) 89—93, 97, 99.
 Долонтъ эрдэни (жертва) 87—89, 99, 373, 386, 387, 389.
 Домбо (кувшинъ) 132, 192.
 Домбуръ (родъ гитары) 398.
 Дониръ (должность) 166, 169.
 До-рамба (ученая степень) 202.
 Дорчжи (= дорчжэ, названіе гарака) 417.
 Дорчжи (имя) 417, 418.
 Дорчжи-намчжикъ-чу (молитва) 415.
 Дорчжи-ри-рабъ 415.
 Дуганъ, (или духанъ, буддійскій храмъ) 21, 107, 302, 304, 308.
 Дуганчи (должность) 161, 204.
 Дук-бой (жертва) 91, 327.
 Дук-чжуба (балинъ) 382.
 Дуллуй (жезлъ) 94, 95.
 Дульба (т. ч. Виная, отдѣлъ Гань-чжура) 100, 338, 342, 346.
 Дунъ (или Дунъ-буръ, т. ч. Дунъ гаръ, — раковина) 86, 94, 105, 252, 268, 300, 388, 398.
 Дунчи (или Лабайчи) 160.
 Дурбай (жертва) 93.
 Дурма (= дорма, т. ч. балинъ) 322, 431.
 Дурма эргуху (молитва) 134.
 Дуударма (музык. инструментъ) 105, 160, 389.
 Дуудармачи 160.
 Дуйцэанъ (или Дуйчинъ) 284, 412.
 Дуйчингинъ санваръ 441.
 Дэбэлъ (халатъ) 150.
 Дэбуръ (крыша въ юртѣ) 206.
 Дэгэду амугуланту бурханай-шутэнъ 46, 47, 48, 55, 397.
 Дэгэду амугуланъ санваръ (сочиненіе) 55.

Дэгдү моринъ эрдэни (жертва, — тиб. ξ) 89.

Дэдъ ширѣту лама (т. ч. Лацабъ) 156.
Дамьба 104.

Дэлэхэйнъ эцээнъ 391.

Дэмчи лама 169, 182, 282.

Дэншикъ (или Диншэ) 104, 257, 388, 398.

Дэпъ лу (фонарь) 101, 445.

Ж.

Желтая ограда 271.

Желтая телѣга 267, 271.

Желтыя носилки 271.

Желтыя поводья 271.

Желтый поясъ на юртъ 271.

З.

Замбагай 448.

Зангвиъ (эскадронный командиръ) 252.

Зангя 261, 447.

Занчи (мантія) 154, 198.

Занъ-эрдэни (жертва) 88.

Зая-бакши 205.

Зая-лама 130.

Зула (см. Цзула).

Зул-занъ (т. ч. Оркимчи) 344.

Зун-ду (молитва) 414, 415.

Зун'у тахьял (т. ч. Яра) 285.

И.

Ибэлъ 435, 437.

Идамъ бурханы (отдѣлъ бурхановъ) 51, 307, 315, 329, 372, 452.

Илакадаль 349.

Илагуксану чимэкъ (см. чжалцанъ).

Ильдучи (меченосцы, т. ч. сэлъмэчи — сотоварищи Чжамсарана) 330, 331, 335, 336, 337, 401.

Илэрхэй аймакъ саба (часть Гань-чжура) 100, 194, 197, 199.

Иранга (одежда) 343, 365.

Иругэлъ (т. ч. Йороль) 282.

Итэгэлъ (молитва) 26, 311.

К.

Калымъ (= суй) 176.

Камъ (кулилъ) 415, 416.

Канцелярія монастыря 172.

Канъ (лежанка) 237, 260.

Карша-дэбэлъ (т. ч. намчжаръ) 344.

Качинъ ханъ (см. Хашинъ ханъ).

Конъ (кулилъ) 414, 416.

Круговращеніе Майдари (религіозная церемонія, 282, 393; описаніе ея 384—392).

Кулилъ 414, 428.

Кумбанди (монч. существа) 317.

Курма (верхняя одежда) 153, 257.

Куцэ (т. ч. дзабья) 339.

Кэнгэргэ (или Хэнгэргэ) 103, 191, 252, 268, 300, 388.

Кэнгэргэчи 160.

Кэнъ (кулилъ) 414, 416.

Кацэ (шаминскій бубень) 162.

Л.

Лабари (балдахинъ) 99, 445.

Лабай (раковина) 93, 302.

Лабринъ (или Лабранъ, — дворецъ хутухты) 37, 268.

Лагой (духов. одежда) 144, 344.

Лама-бурхану цзалбариль (молитва) 282.

Ламайнъ тахиль (названіе хурала) 134, 282, 338.

Лакримъ (сочиненіе) 341.

Лавгаръ-шэк-ба (молитва) 414.

Ланъ — (единица вѣса) 5, 12, 190.

Лацабъ (т. ч. Лобунъ, — должность) 156, 169, 181, 276, 322.

Ли (кулилъ) 414, 416.

Линка (хуралъ) 134, 381, 382, 402.

Линхоа (цвѣтокъ, т. ч. Падма) 55.

Лити (жертва) 93.

Ли-фанъ-юанъ 263, 266.

Лійчжи (гаражъ) 417.

Лотусъ (цвѣтокъ) 75.

Лу- (драконъ) 41, 317, 372, 377, 380, 383, 407.

Лу-ширѣ 41.

Лудъ (молитва) 473.

Лукдоръ-накбо (молитва) 415.
 Лунъ-данъ (молитва) 415.
 Лунъ-ро (молитва) 415.
 Лунъ-банъ-гонъ (молитва) 415.
 Лунъ- (абишикъ) 112, 141.
 Лусунъ тагалали хангахчи (молитва), 408.
 Лусунъ - ханъ - тэнгри (цари драконовъ) 403, 428, 472 (ихъ перечисленіе) 403, 428.
 Лусунъ санъ (молитва) 411.
 Львиный престолъ (см. арсаланту тэбцэнъ) 42, 46.

М.

Магу дагугу тибъ 461.
 Мад-икъ 324, 395.
 Макталъ (отдѣлъ рапсаловъ) 282, 307, 313, 329, 436.
 Малахай (шапка) 150.
 Мангусъ (существо) 82, 279.
 Мандалъ (свящ. блюдо) 21, 67, 96, 97, 99, 171, 254, 256, 339, 390, 397, 445, 446.
 Мандалъ ургуху (обрядъ) 134.
 Мани (молитва) 26, 37, 38, 154, 443.
 Манинъ хуралъ 284, 285.
 Манинъ хурдэ 25, 26, 72, 469.
 Манлаинъ сумэ (храмъ лекарей) 18.
 Манлаинъ тайльбури (сочиненіе) 453.
 Манлаинъ хото (булл. изображеніе) 70.
 Манлаинъ чога 474.
 Манхи (маска цамы) 400.
 Маница (угощеніе духовенства чаемъ) 159, 188, 341.
 Мармэ (жертва) 91.
 Маска (при цамъ 𑖦) 393.
 Матаръ (мионич. животное) 104, 400.
 Махагала (молитва) 134.
 Махаранца (или Махарачжа, тэнгри хранители) 35, 67, 71, 162, 279, 314, 377.
 Мацакъ (см. Бацакъ, — постъ) 175, 179, 205, 412, 441.
 Мачжа чэнбо (молитва) 415.
 Машида хайралахчи (сочиненіе) 143.
 Майдаринъ дамчжай (сочиненіе) 461.

Микчжинъ (молитва) 26, 134, 282, 301, 303, 347, 443.
 Милягудинъ хуринъ 419.
 Минганъ тахиль (хуралъ) 288.
 Минтингынгъ токтоль — 461.
 Модонай тэмзсунъ (жертва) 93.
 Модонъ чимэкъ 408.
 Моринъ эрлэни 89, 253.
 Мунъ-кири (созвѣздіе) 429.
 Мусарага (камень) 23.
 Мэдэчи 161.
 Мэдохъ (цвѣтокъ, — тиб. མེ་དོག) 90.
 Мэ-донъ (т. ч. толи) 93.
 Мэнгэ 412.
 Мэнгэинъ голъ (молитва) 427.
 Мэнгэинъ цзасалъ (обрядъ) 412, 455; его оисаніе 426—431.

Н.

Нада (фигура огненного языка) 326.
 Нама-сангяди (молитва) 414.
 Намка-ниабо (молитва) 415.
 Намсарай (молитва) 134.
 Намчжаръ (духов. одежда) 144, 345, 346.
 Нарма (звѣзда) 420.
 Насуну тарни (молитва) 282.
 Найманъ гэгэнъ (молитва) 414, 415, 427, 432, 433, 464.
 Найманъ гэшигугу санваръ 442, 445.
 Найманъ тахиль (восемь жертвъ) ихъ описаніе 86 — 87; 97, 99, 386.
 Найманъ хэгэсугу хурдэ (восьмирадіусный кругъ) 26, 38, 87, 88.
 Нга-рамба (ученая степень) 202.
 Нигурунъ сэригуцэлгэ (жертва) 90.
 Нигуца хурангуй (молитва) 134, 288, 289.
 Ниданы 77.
 Нирба (должность) 165, 169, 181, 182, 187, 204, 205, 206, 406.
 Нирвана 217, 228, 283, 293, 303, 316, 324.
 Нисванисъ (влеченіе къ матеріальному) 319, 324, 392.

Номту дэбэаль 51, 123, 125, 126,
141, 200, 352, 355.
Номту дэбискэръ (коврикъ) 123, 125,
127, 141, 345.
Номту хормохчи (одежда) 343.
Номунъ лама 161, 199.
Номунъ хубасу (т. ч. номту дэбэаль)
256.
Номунъ хурдэ (т. ч. найманъ-хэгэ-
суту-хурдэ) 395.
Номъ (свящ. книга) 16, 130, 135,
155, 177, 238, 301, 384, 415,
436, 464, 469.
Номъ сахихчи, или Номъ тэтхухчи
(т. ч. докшянь) 307.
Носилки (чжу-цза) 265.
Ночжинъ 70.
Ньябди (жертва) 328.

О.

Обо или Обовъ 403, 404, 405, 406,
409, 410, 411.
Обоной тахилга 403.
Обоной чойнкоръ 406.
Обосунъ (жертва) 93.
Оботай (шапка) 152.
Окружать сумэ (обрядъ) 299.
Октаргой гацзарунъ найманъ гэгэнь
(молитва) 408.
Октаргойнь цэрухэнь (молитва) 432.
Олбокъ (подушка) 40, 41, 43, 207,
238, 256, 262.
Орго (юрта важнаго лица) 168, 257.
Оркимчи (одежда) 47, 185, 257,
304, 344, 367, 398.
Орогой (шаманская шапка) 162.
Оронго (звѣрь) 23.
Орчилянъ (мѣръ матеріальный) 69,
117, 136, 202, 210.
Отокъ (родъ) 167, 455.
Оточи-бурхану цзанъ уйлэ (хуралъ)
283.
Очиръ (см. Вачиръ) 41, 267, 399,
400, 402, 424, 445, 447, 463.
Очиръ (женское имя) 418.
Очиръ забилятъ (поза для сидѣнія)
47.
Очиръ-хошунъ (молитва) 414.

П.

Падма (цѣтокъ) 46, 47, 48, 64, 71,
86, 215, 216, 255, 278, 280, 294,
329, 335.
Парамита (т. ч. Барамитъ) 318, 376.
Парчинъ 195.
Подстилка (т. ч. номту дэбискэръ)
353, 357.
Почжуть 398.
Праджня парамита (сочиненіе) 77.
Промежуточный періодъ (см. цагу-
рату).
Прагискабудда 316, 372, 374.
Нурбу 399, 402.
Пэцэ (сочиненіе) 456.

Р.

Рабчжамба (ученая степень) 201.
Ракта (жертва) 337.
Ракшасъ (мненч. существо) 330, 331,
335, 472.
Расалъ (гимнъ) 307, 308, 310, 313,
387.
Рашиянъ (т. ч. расална, — аршанъ) 97,
153, 256, 314, 332.
Рашиянъ-номъ (сочиненіе) 202.
Ринчинъ (гарактъ) 417.
Ринчинъ-дукданъ 86.
Рити хубилганъ (магическія силы)
319.
Рити хубилганъ'а (мѣсяцъ; 1-й мѣ-
сяцъ года) 111.
Рити хубилгану макталъ (сочиненіе)
282.
Руководитель лама 124.
Рэмэ-шуй-ба (молитва) 414.

С.

Сакусунъ (отдѣлъ геніевъ) 17, 281,
283, 372, 374, 437, 450.
Сакусунъ (талисманъ) 447.
Самади (созерцаніе) 209, 210, 211,
212, 214, 216, 218, 220, 221,
222, 225, 226, 227, 228, перечи-
сленіе ихъ 229—233, 312, 319.
Самбай (хадактъ) 101.

Саягачжи (мужское имя) 419.
 Сангасакъ 161.
 Сангыннъ идз (курение) 116, 415.
 Сандуй-бурханъ 151.
 Сан-пу (монастырь въ Тибетѣ) 196.
 Сансара (міръ матеріальный) 72, 77,
 209, 217, 318, 374.
 Сансарыннъ хурдз (рисунокъ) 71—
 83.
 Сансарыннъ энзэнъ (покровитель
 сансары) 281.
 Санъ (казначейство) 9, 167, 172, 180,
 182, 183, 187, 189, 282, 284, 288.
 Санъ (богослужение) 281.
 Санъ-бумба (сосудъ) 23.
 Санъ-даръ (жертва) 91.
 Санчжи (гаражъ) 417, 418, 419.
 Санчжи (муж. имя, т. ч. Сангачжи)
 419.
 Саранъ хухугэну намтаръ (сочине-
 ніе) 268.
 Сацули (молебствие) 449.
 Сай-нинобо (молитва) 414, 432.
 Сайнъ оюту 134.
 Сайнъ лбудалунъ иргэлунъ хаганъ
 (молитва) 134.
 Сидда или Сиддиду (молитва) 414,
 415, 432.
 Сидди 254, 314, 337, 373, 452.
 Синъ-бу (уголовная палата) 270.
 Солонго (радуга у бурхановъ) 63, 67.
 Сономъ (хадакъ) 100.
 Соносогатъ йэхэдэ тонилгахчи (со-
 чинение) 464.
 Сопоохой тахиль (хуралъ) 282.
 Сонъ (кумалъ) 415, 416.
 Соръ (богослужение) 134, 289.
 Соръ (жертва) 159, 289, 380, 382,
 393, 396, 397, 402.
 Сочжинъ или Сочжонъ (хуралъ) 141,
 341, 370.
 Сойбунъ (прислужникъ) 71, 168, 253.
 Субурганъ 58, 59, 66, 95, 108, 217,
 274, 275, 283, 368.
 Суаурунъ аймакъ саба (часть Ганьч-
 жура) 194, 195, 197, 199.
 Сумбунъ (собрание сочинений) 42,
 134, 306, 310, 325.
 Сумунъ (эскадронъ) 15, 17, 112,

115, 252, 403.
 Сумунъ (стрѣла) 448.
 Сумэ (монастырь и храмъ) 1, 2, 8,
 25, 27, 38, 108, 136, 156, 281,
 290, 299, 304, 371, 380, 396,
 399, 401, 402.
 Сумэ эргиху (обрядъ) 299.
 Сумэръ ула (имя горы) 28.
 Сури 109.
 Сутра (т. ч. Судуръ, родъ сочинений)
 84, 151.
 Супзунку (паломникъ) 175, 199.
 Сэлымэчи (т. ч. илдуучи) 401.
 Сэнтэй 59.
 Сэрлэбэ чакчжай (сочинение) 464.
 Сэрня (жертва) 86.
 Сэтэрлэху (обрядъ) 420.

Т.

Табакъ (блюдо) 449.
 Табикъ усу (жертва) 91, 373.
 Табунъ пругэлъ (молитва) 134.
 Табунъ хусэнь (жертва, т. ч. табунъ
 чихула хусэхуй) 117, 373, 387,
 389, 436.
 Таму (аль) 73, 75.
 Тангой (одежда) 343.
 Тантра (родъ сочинений) 254, 451.
 Таракъ (жертва, — кислое молоко) 93,
 449.
 Тарви (магическія изрѣченія) 85,
 103, 154, 171, 328, 336, 340, 382,
 392, 407, 415, 416, 424, 427, 446,
 448.
 Тарвинъ санваръ (посвящение) 197,
 348.
 Тарвинъ улдусунъ (часть Ганьчжура)
 100, 333.
 Тахилунъ эгулэнъ (жертвоприноше-
 ніе) 391.
 Тахилиннъ модо (жертвенные столбы)
 25, 27, 254, 299.
 Тахилиннъ ширъ (жертвенный столъ)
 6, 8, 86, 92, 93, 94, 97, 99, 107,
 289, 371, 380, 387, 389, 391,
 406, 445.
 Тахиль (жертва) 283.
 Тахильчи (должность) 159, 204.

Тачіалунъ харигулга (молитва) 473.
 Тайчжи (князь) 17, 250, 455.
 Тибъ (т. ч. Двица) 375, 404, 408.
 Тиртика (еретики) 286, 390.
 Титимъ (т. ч. Чжодбонъ) 324.
 Тб (шарикъ въ четкахъ) 154.
 Тб (пядь) 40, 354.
 Толи (зеркало) 73, 93, 94, 97, 99, 339, 407, 436.
 Торчокъ (шапочка) 129.
 Торчжикъ 323.
 То-той олобокъ 40.
 Тойнь (духовное лицо) 118, 124, 128, 137, 142, 143, 147, 149.
 Тойнь (типографщикъ) 165.
 Тукъ-кэбъ 59.
 Тукъ-тунъ 59.
 Тулэши (поминки) 474.
 Тунчжиръ 310.
 Тусалакчи (должность) 409.
 Тушилгэ (спинка у сѣдалища) 41, 44, 256.
 Тушимэль-эрдэни (жертва) 88.
 Туй ургуху (хуралъ) 338, 339, 445.
 Туй-шонъ 339.
 Тэбчилъ 348.
 Тэгудъ цокту хану айлатху (сочиненіе) 134.
 Тэмуръ хошунъ (молитва) 414.
 Тэнгри (духи) 72, 77, 119, 125, 136, 151, 171, 251, 258, 281, 285, 313, 316, 337, 372, 375, 377, 380, 381, 383, 452, 459, 460, 461, 471.
 Тэнсэлъ угэй ундусунъ (отдѣлъ чжуд'а) 308.

У.

Убадани (посвящающій гэлунъ и гэлунъ руководитель) 143, 144, 146.
 Убасанца (женщина монахиня) 139.
 Убаши (1-я степень посвященія) 112, 116, 117, 118, 119, 120, 130, 139, 194, 252.
 Улцэй буянту хумунъ 436.
 Улцэй дабхуръ (молитва) 414, 432, 433, 464.
 Улцэй утасу (жертва) 87, 199.

Улцэй хутукъ (молитва) 391, 408.
 Улцэйту найманъ тэмдэкъ 86 387, 389.
 Улцэйту найманъ эдъ 93, 373.
 Ульмайнъ сэригүцэлгэ (жертва) 90, 373.
 Улэкдэлъ 349.
 Улэмчи бэйтү тибъ 461.
 Умцзатъ (см. үнзатъ).
 Ундусунъ (т. ч. чжудъ) 194, 308.
 Ундусунъ лама 112, 341.
 Унзатъ (уставщикъ) 158, 169, 180, 181, 182, 187, 192, 204, 276, 290, 301, 303, 308, 372, 379.
 Унурту усу (жертва) 91, 373.
 Ургумалъ цзалаху (молитва) 134.
 Урумэ (сливки) 409, 449.
 Уснирь (волосы) 47, 54, 55, 56, 397.
 Усниха-бицзэя (молитва) 414, 415.
 Усуну шухуръ (вѣнчикъ) 127.
 Усунъ-балинь (т. ч. усунъ-дурма, хуралъ) 170, 415.
 Утбала (цѣвтокъ) 57, 75.
 Утугэнь эхэ (шаманское названіе земли) 85.
 Ухіялунъ табакъ 339.
 Ухіяль (т. ч. туй ургуху, — хуралъ) 134, 252, 282, 338, 391, 407, 408.
 Ухүхсэнъ амидуинъ прүгэлъ (молитва) 134.
 Ухэръ-буръ (музыкал. инструментъ) 106, 302, 388, 389.
 Ухэръ буръчи 160, 388.
 Ухэръ эдлэхчи тибъ 467.
 Уйлэинъ ундусунъ (отдѣлъ чжуд'а) 308.

Х.

Хабуръ 327.
 Хадакъ (платокъ) 24, 100, 107, 131, 132, 157, 257, 261, 264, 339, 382, 399, 407, 408, 431, 436, 445.
 Халга нэгэху (хуралъ) 287.
 Халганай асаръ (часовня надъ воротами) 27.
 Халгачи 168.
 Халхабчи 327.
 Хаванинъ халга (рѣзные двери) 35.

Ханбо-лама (т. ч. хамбо-лама, — настоятель монастыря) 132, 154, 155, 167, 169, 173, 181, 186, 256, 259, 262, 303, 387.
 Ханбо-номунг-ханъ (Ургинскій хан-бо) 155.
 Хапгаль (докшитское служеніе) 282, 283, 284, 287, 288.
 Харанга (музык. инструментъ) 104, 161, 302, 389.
 Харангачи 160.
 Харангу (отдѣлъ раисаловъ) 307.
 Харахчинъ усунъ ногой (годъ) 431.
 Харсиль (жестъ) 94.
 Хатупъ эрдэни (жертва) 88.
 Хашинъ ханъ (т. ч. Качинъ ханъ) 398, 399, 402.
 Хибъ-торго (жертва) 94.
 Хилинтэнъ (т. ч. докшитъ) 307.
 Хитъ (монастырь) 1, 2, 8, 204.
 Хлэбунъ дуйцапъ 288, 291, 412.
 Хлантабъ (сочиненіе) 163, 413.
 Хла-рамба (ученая степень) 202.
 Хласское цзу 202.
 Хлассанинъ мунхэ цэунинъ оронъ (сочиненіе) 45.
 Хомъ (сѣдло верблюда) 109.
 Хонгорцакъ усунъ 323.
 Хонхо (колокольчикъ) 41, 103, 171, 257, 272, 324, 325, 380, 388, 398, 445.
 Хорло (т. ч. Хурдэ) 87.
 Хормохчи (одежда) 126, 353.
 Хото-мандалъ (рисунокъ) 70, 71, 445, 448.
 Хотонъ (стойбище) 131, 169, 450, 464.
 Хохимай (маски пама) 396, 397, 401.
 Хошигунъ (созвѣздіе) 429.
 Хошунъ (княжество) 8, 11, 12, 14, 24, 115, 177, 191, 251, 252, 268, 306, 407, 455.
 Хранители св. ученія (см. сакъусунъ).
 Хуанди (кит. императоръ) 155, 263.
 Хубилганъ (перерожденіе) 3, 4, 10, 68, 122, 124, 146, 233—234; перечисленіе ихъ 239—248; описаніе ихъ жизни 248—275, 389, 444.

Хубо (оторочка чжаблана) 41.
 Хубцасунъ (одежда) 394, 395.
 Хуваракъ (духовное лицо) 84, 113, 119, 123, 127, 137, 142, 147, 149, 152, 157, 174, 180, 184, 190, 191, 200, 255, 273, 300, 305, 311, 335, 348, 357, 361, 407, 408, 442.
 Хуль (мѣра) 138.
 Хуралунъ хэсулгэ 196.
 Хуралъ (богослуженіе), 2, 8, 11, 15, 17, 25, 30, 96, 103, 115, 116, 132, 133, 135, 136, 141, 156, 158, 160, 173, 175, 177, 180, 184, 188, 190, 200, 205, 275; описаніе ихъ 275—474.
 Хурдэ (или манинъ хурдэ) 26, 27, 35, 67, 87, 175, 217, 382, 469.
 Хурдэ-эрдэни 87.
 Хурукъ (рисунокъ кумира) 44, 68, 70, 85.
 Хурулынъ сумэ 107.
 Хуръ (или хурънь) 1, 2, 8, 15, 109, 110, 115, 135, 177.
 Хусхо (подводы хубилгановъ) 253.
 Хусэлуиъ тэнгри (отдѣлъ тэнгриевъ) 111.
 Хутухту (иначе — хутухта) 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 28, 37, 42, 43, 68, 124, 155, 168, 179, 239, 248, 311, 389, 455.
 Хухэ модонъ мэчинъ (годъ) 431.
 Хухэтъ аршалаху (обрядъ) 412.
 Хучжи (курительныя свѣчи) 61, 89, 91, 92, 93, 116, 132, 159, 192, 252, 257, 373, 381, 382, 387, 396, 406, 445, 448.
 Хучжинэй онгоцо 93.
 Хэнгэргэ, (т. ч. кэнгэргэ) 371, 389, 396.
 Хя (княжескіе тѣлохранители) 252.
 Хя-лама 168, 253.

Ц.

Цабари (иначе цабри, чаври, чаврунъ) 152, 304.
 Цабрачи 160, 182.
 Цаганъ-балинъ (молитва) 134, 282.
 Цаганъ линхоа (сочиненіе) 317.

- Цаганъ сара 276, 281, 290, 380, 412.
 Цаганъ-хичжи (жертва) 94.
 Цаганъ шухуртэй (молитва) 134, 282, 408.
 Цаганъ эбугэну судуръ 84.
 Цагахчинъ тэмүръ тулай (годъ) 431.
 Цагунъ хурдэ (сочиненіе) 54, 57.
 Цаинъ тахиль (молитва) 134.
 Цамца (рубашка) 150.
 Цамъ (хуралъ) 282, 384, 390, описаніе его 392—403.
 Цанпидынъ сумэ 18.
 Цанитскіе аймаки ламъ 193, 197, 204.
 Цанитъ (ученіе) 18, 193, 202, 304, 308, 390.
 Цансумъ (молитва) 134.
 Цанъ (музык. инструментъ) 104, 252, 268, 388, 389, 396, 398.
 Цанчи 160.
 Царанъ 104.
 Цатхамалъ (литой бурханъ) 44.
 Цзабсаръ тэнгри (созвѣздіе) 429.
 Цзагурату (промежуточный періодъ между смертію и возрожденіемъ) 458, 459, 460, 461, 474.
 Цзакатъ-бадаръ (жертва) 357.
 Цзалбариль (отдѣлъ рапсаловъ) 307, 313, 347.
 Цзамбутибъ 285, 313, 376, 461.
 Цзамбутибынъ шадсай (балинъ) 326.
 Цзангинъ (командиръ) 409.
 Цзангя (см. зангя).
 Цзанчи (т. ч. занчи) 300, 304.
 Цзасакъ (правитель) 113, 115, 263, 268.
 Цзасакъ-лама (должность) 166.
 Цзахирахчи 161.
 Цзу (изображеніе Шигэунія) 45.
 Цзула (лампаса) 91, 132, 373, 433.
 Цзулаинъ хуралъ 289, 291, 371, 412.
 Цзурачи 164.
 Цзурданъ судуръ (сочиненіе) 456.
 Цзурукъ (т. ч. хурукъ, — изображеніе будды) 341.
 Цзурхайнъ сумэ (храмъ астрологовъ) 19.
 Цзурхайчи (астрологи) 21, 22, 108, 138, 163, 172, 252, 269, 272, 405, 410, 412, 413, 414, 420, 425, 426, 433, 434, 454, 458.
 Цзэдъ (жертва духовенству пищенъ) 188.
 Цзэнъ (кудиль) 415, 416.
 Цинъ (единица вѣса) 284.
 Цокту - цзанданъ (молебствіе) 134, 141, 310.
 Цокту ямандагаинъ эгүсхэлъ (сочиненіе) 38.
 Цокчинъ (соборный храмъ) 18, 300, 303, 305, 371.
 Цомба 97.
 Порчи 116, 130, 131, 136, 154, 155, 156, 166, 169, 173, 181, 182, 186, 187, 190, 204, 236, 252, 254, 256, 259, 262.
 Цэбакъ (молитва) 415.
 Цэальнинъ (музык. инструментъ) 104, 388, 389, 398.
 Цэальничи 160.
 Цэригунъ поянъ эрдэни (жертва) 89.
 Цэцэкъ (жертва) 90, 373.
 Цэчибчи (или Цэгэчибчи, т. ч. Иранга) 343, 353, 365.
- Ч.**
- Чаврунъ (т. ч. Цабари) 41, 152.
 Ча-дудба (молитва) 414.
 Чакраварти-ханъ 87, 88, 278, 398.
 Чавдала (каста) 428.
 Четки (см. эрихэ).
 Чжабданъ (ламское сѣдалище) 41, 107, 200, 254, 304, 445.
 Чжалцанъ 37, 38, 86, 100, 386, 387, 400, 445.
 Чжанакъ гакдунъ (молитва) 427.
 Чжат-дамба (молитва) 414.
 Чжилинъ оролгонъ (обрядъ) 412, 429, его описаніе 432—433; 455.
 Чжирукхэну тарни 198, 326, 473.
 Чжиса (малое служеніе) 276, 289, 305, 308.
 Чжокто (или Чжукто) 28, 157, 188, 191.

Чжотбонъ 323, 449.
 Чжудъ (часть Ганьчжура) 100, 194, 197, 308.
 Чжудынъ сумъ (храмъ тарнистическаго ученія) 18, 308.
 Чжунба-ринчинъ гун-ду (сочиненіе) 454.
 Чигулгану дарга (сеймовой старшина) 113, 167.
 Чидакчи эркэту (молитва) 134.
 Чима-пурма (украшеніе) 101, 388.
 Чимэкъ (храмовыя украшенія) 389.
 Чипдамани 64, 87, 326, 379, 387, 396, 401.
 Читкуръ (чертъ) 471.
 Чихула хэрэглэхчи (сочиненіе) 317.
 Чод-онъ (жертва, тиб. རྩོམ་པོ་ལྷ་) 91.
 Чойгынъ усу 413, 427, 432, 450, 451.
 Чойнокоръ дуйцзанъ 284, 288, 412.
 Чойнокоръ чжисумъ 59.
 Чойчжины (геніи хранители) 51, 70, 321, 327.
 Чойчжинъ-лама 161, 162.

III.

Шабда (музыка) 328.
 Шабинары (давиники хутухты) 4, 5, 6, 8, 155, 167, 179, 204, 239, 249, 455, 456.
 Шабинскій ямунъ (управленіе) 167.
 Шабронъ 249.
 Шаб-сэль (или жаб-сэль, тибетскій རྩོམ་པོ་ལྷ་) 90.

Шал-сэль (жертва) 90.

Шал-цай (или жал-сай тиб. རྩོམ་པོ་ལྷ་) 91.

Шама 400.

Шамтабъ (т. ч. шантабъ) 343.

Шанакъ 394, 395, 402.

Шанамъ малахай (шапка) 151.

Шантабъ (т. ч. шамтабъ) 123, 125, 126, 144, 365.

Шанцза 347.

Шанцзотба 166, 236.

Шара-цай (денежная единица) 179.
 Шарахчинъ-шорой-гахай (годъ) 431.
 Шариль 275.
 Шасэръ (шапка) 152, 390.
 Шатакъ марчжи (балинь) 327, 338.
 Шахматы 259.
 Шачжинъ бадорангуй (сочиненіе) 134.
 Шимвусъ (злой духъ) 42, 209, 312, 318, 330, 331, 335, 381, 392.
 Ширьту-лама 156, 169, 173, 181, 182, 186, 236, 254, 256, 303, 387.
 Шравакъ 312, 316, 372, 374.
 Шутэнъ (кумиръ) 44, 45, 48, 60.
 Шутэнэй орго 107.
 Шукуръ или шукуръ 86, 101, 253, 265, 386, 387, 388, 389.

Э.

Эмчи (лекаръ) 162, 164, 165, 454.
 Эмчинъ сумъ 19.
 Эрдэни (женск. кия) 418.
 Эрхэ (четки) 154, 178, 198, 207, 263, 304, 395.
 Эрляки 376, 430.
 Эрликъ-ханъ (молитва) 134.
 Эцэну скюлдэ 61.

Ю.

Юмъ (отдѣлъ Ганьчжура) 28, 102.
 Юмъ (молитва) 415.
 Юнъ-гаръ (жертва) 94.

Я.

Ябудал'унъ ундусунъ (отдѣлъ Чжуд'я) 308.
 Якпашъ (многоч. существо) 317, 330, 332, 335.
 Ямандаганъ тахиль (хураль) 134, 284.
 Ямунъ (присутственное мѣсто) 15.
 Яра (или ярнай хураль) 285, 286.
 Яргачи (сотоварищи Чжамсарана) 330.

Й.

Йоганнъ ундусунъ (отдѣлъ Чжуд'а)
307.
Йогацари 331, 333, 337, 383.
Йороль (т. ч. иругэль, — отдѣлъ рап-

саловъ) 307, 309, 313, 315, 347
381, 408, 436, 460, 473.
Йэхэ пэули, 92.
Йэхэ харигулга (хуралъ) 282.
Йэхэ хуэлгэнъ (высшій отдѣлъ свящ.
ученія) 112.

Предисловіе	VII—XVI

I. Общія замѣчанія о буддійскихъ монастыряхъ Монголіи.

Общія наименованія монастырей и значеніе этихъ наименованій. — Раздѣленіе монастырей по происхожденію. — Монастыри гэгэновскіе или хутухтинскіе. — Шабпалары и получаемые отъ этихъ монастырей доходы. — Монастыри императорскіе и средства ихъ существованія. — Монастыри хошунные. — Монастыри сумунные. — Монастыри частныхъ лицъ. — Храмовой составъ монастырей. — Правила относительно устройства монастырей. — Каноническія постановленія буддизма и религіозные обряды, относящіеся до построекъ монастырей.	1— 24

II. Монголо-буддійскія кумиры и ихъ принадлежности.

Внѣшній видъ буддійскихъ монастырей и внутреннее расположеніе ихъ зданій. — Архитектура буддійскихъ храмовъ. — Постановленія буддійской каноники относительно наружнаго и внутренняго устройства храмовъ. — Внутренность буддійскихъ храмовъ. — Различіе ламскихъ сѣдалищъ и постановленія объ ихъ устройствѣ. — Львиный престолъ и его значеніе. — Завѣщаніе будды о бурханахъ или кумирахъ. — Раздѣленіе бурхановъ: а) амугуланту бурханы; б) докшиты. — Постановленія относительно изображенія божествъ. — Субурганы. — Эдзэн'у сюльдэ. — Рисунки бурхановъ. — Бурханъ-бакшинъ арбанъ хояръ цзохогъ. — Другіе сложные рисунки бурхановъ. — Хото мандагъ. —	

Рисунки религіозно-правовеннаго содержанія: Сансаринъ хурдэ. — Рисунки У-тай-шан'я и Классы. — Рисунокъ Цаганъ-эбугэн'а. — Жертвенный столъ и его принадлежности: а) Найманъ тахиль; б) Долонъ эрдэнэ; в) Долонъ цугуцэ; д) Улцэйтү найманъ эдэ; е) Табунъ хусэлъ; ф) Бадиръ аяга; г) Харсинъ или дулдуи; б) Толи; и) Рашианъ; j) Габала; к) Лабарп. — Украшенія въ буддійскихъ храмахъ. — Номы или священныя книги. — Музыкальные инструменты. — Особенности построения ургинскихъ храмовъ. — Кочевые монастыри и ихъ передвиженія. 24—116

III. Духовенство.

Завѣщанія будды о принятіи духовнаго званія и обѣтовъ. — Постановленія китайскаго правительства о принятіи духовнаго званія монголами. — Отбываніе ламами повинностей. — Выключеніе ламъ въ монастырскіе списки. — Повощеніе въ убаши. — Посвященіе въ баньди. — Жизнь баньди въ домѣ родителей и поступленіе въ монастырь. — Обыденная жизнь послушника. — Его обученіе. — Курсы ученія монгольскихъ ламъ. — Посвященіе въ гэнцули. — Обязанности гэнцуля. — Посвященіе въ гэлуну. — Обыкновенная одежда ламъ. — Ламскія шапки. — Монастырская іерархія. — Постановленія о замѣщеніи монастырскихъ должностей. — День монастырскаго ламы. — Обрядъ «усунъ-баинь». — Односторонность мнѣній, выражаемыхъ въ европейской литературѣ по вопросу о ламахъ. — Постановленія о дѣлѣхъ доходовъ въ монастыряхъ хутухтинскихъ и хошунныхъ. — Управление монастыремъ. — Правила монастырской жизни въ Монголіи. — Лишеніе духовнаго званія и добровольное снятіе обѣтовъ. — Цангитъ и цангитовіе ламы. — Даянчи или созерцатели. — Постѣженіе ламъ-даянчи. — Правила созерцаній, различныя формы самады и перечисленіе самады 110—233

IV. Хубилганы.

Происхожденіе хубилгановъ и постоянное возростаніе числа ихъ въ Монголіи. — Перечень монгольскихъ хубилгановъ. — Различіе хубилгановъ по титуламъ. — Замѣтки о рожденіи хубилгановъ. — Избраніе хубилгановъ. — Переѣзды ихъ въ монастырь и обряды совершаемые при этомъ случаѣ. — Дѣтство и отрочество хубилгановъ. — Этикетъ при свиданіи

ніяхъ съ хубилганами. — Поѣздки хубилгановъ въ Пе- кинъ. — Жизнь хубилгановъ. — Ихъ болѣзнь, смерть и погребеніе	233—275

V. Богослуженія или хуралы.

Различіе хураловъ. — Годовое распредѣленіе великихъ хура- ловъ и ихъ дѣйствительное отправленіе. — Участие въ ху- ралахъ простолюдиновъ. — Поклоненія монголовъ и обрядъ «Сумэ эргиху». — Ламскія постановленія о служеніи хура- ловъ. — Призываніе въ хуралу. — Богослужебный кругъ. — Молитвенники буддистовъ и ихъ раздѣленіе. — Составъ великихъ и малыхъ хураловъ. — Рапсалы. — Служеніе «докшигъ». — Введеніе этого служенія въ Халхъ. — Внѣшнія особенности докшитскаго хурала. — Одежды ламъ. — Жер- твоприношенія или балгны. — Докшитское служеніе въ честь Чжакоарана. — Хураль «Туй ургуху». — Сочиненъ и его служеніе. — Номту дэбаль. — Пратикокша сутра у монголовъ. — Цауланъ хураль. — Хуралы Цаганъ сара: Линка, Соръ. — Церемонія круговращенія Майдары. — Цамъ. — Обо и его чествованія. — Ходъ съ Ганьжуромъ. — Богослуженія, совершаемыя по просьбѣ частныхъ лицъ. — Обряды при рожденіи ребенка и постановленія о нихъ. — Обряды «мэнтэйнь цзасаль» и «чжилінь оролгонъ». — Свадебные обряды. — Обрядъ поста. — Абишники. — Сацули, или освященіе стадъ. — Обрядъ «дзодилъ гаргаху». — Обряды при смерти. — Посмертные обряды. — Погребеніе монголовъ и относящіеся до сего постановленія. — Обряды по совершеніи погребенія и поминки по покойникѣ.	275—474
Алфавитный указатель собственныхъ и географическихъ именъ	475—480
Алфавитный указатель предметныхъ именъ	480—492

ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОК.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
4	5	милитвенный	молитвенный
7	16	Долонъ нура	Долонъ нура
11	13	храмы	храмы:
12	14	саймака	аймака
38	30	Будды	будды
46	2	ной	ней
58	22	обыкновенно	обыкновенно
69	6	изображеніе	изображенія
91	7	Ди габъ	Ди чабъ
91	26	Агамъ	Аргамъ
138	22	друхъ	двухъ
141	26	འཇིགས་པོ་	འཇིགས་པོ་
157	23	чжукбо	чжукдо и др.
193	38	མཆོད་ཅིན་	མཆོད་ཅིན་
194	1	ཅིན་	ཅིན་
271	17	уговарить	угговорить
191	4	большой	большей
308	5	རྩ་མཐུན་	རྩ་མཐུན་
309	5	попаламъ	пополамъ
397	38	онъ	внѣ
419	38	цзууухайчи	цзурухайчи
419	16	བྱ་ཅི	བྱ་ཅི
445	26	цабья	дабья

